

НАРОДЫ ЮЖНОГО УРАЛА НА СТРАЖЕ РОДИНЫ

- 200-летию
Отечественной войны 1812 г.
- 400-летию
победы Народного ополчения
К. Минина и Д. Пожарского
- 1150-летию
Российской государственности

Министерство образования Оренбургской области
Научно-исследовательский институт истории и этнографии Южного Урала
Оренбургского государственного университета
Ассамблея народов Оренбургской области

Народы Южного Урала на страже Родины

Материалы Всероссийской научно-практической конференции,
посвященной 200-летию Отечественной войны 1812 г.,
400-летию победы Народного ополчения К. Минина и Д. Пожарского,
1150-летию Российской государственности

г. Оренбург
Издательский центр ОГАУ
2012

ББК 63.3(2) (2 Р36)
УДК 947 (470.551.57)
Н 30

В. П. Ковалевский

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Под общей редакцией
Амелина В.В. – доктора исторических наук, профессора

Ответственный редактор
Моргунов К.А. – кандидат исторических наук

Н 30 **Народы Южного Урала на страже Родины:** материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 200-летию Отечественной войны 1812 г., 400-летию победы Народного ополчения К. Минина и Д. Пожарского, 1150-летию Российской государственности / под общ. ред. В.В. Амелина. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2012. – 428 с.

ISBN 978-5-88838-762-7

В сборнике объединены материалы Всероссийской научно-практической конференции «Народы Южного Урала на страже Родины», которая состоялась в г. Оренбурге 11 мая 2012 г. и была посвящена 200-летию Отечественной войны 1812 г., 400-летию победы Народного ополчения К. Минина и Д. Пожарского, 1150-летию Российской государственности. В представленных материалах рассматривается участие народов Оренбургского края в Отечественной войне 1812 г., судьбы военнопленных, патриотическая работа религиозных организаций в период войн, анализируется вклад народов Южного Урала в победу над фашизмом, характеризуется состояние межнациональных отношений на Южном Урале в военное время, обсуждаются способы формирования патриотических ценностей в молодежной среде, нравственности, культуры межэтнического диалога.

Книга адресована широкому кругу читателей, ученых и специалистов, интересующихся историей и этнополитическими процессами в Южно-Уральском регионе.

ББК 63.3(2) (2 Р36)
УДК 947 (470.551.57)

ISBN 978-5-88838-762-7

© Издательский центр ОГАУ, 2012

Уважаемые участники конференции!

Текущий год не случайно был объявлен указом Президента Российской Федерации Годом российской истории. В 2012-м мы отмечаем целый ряд памятных дат, имеющих ключевое значение для становления и развития нашей страны: 1150 лет образования самого государства, 400 лет его восстановления после тяжелых испытаний Смутного времени, безвластия и иностранной интервенции, 200 лет победы в Отечественной войне 1812 г. Только что мы отпраздновали очередную годовщину Победы в Великой Отечественной войне, которая снова отвела нашу страну от края бездны и полного уничтожения.

Сейчас в России проживают представители более 160 этнических общностей, свыше 50 религий и конфессий, которые существенно отличаются друг от друга по языку, мировоззрению, культуре, обычаям и традициям. Казалось бы, у нас гораздо больше причин быть порознь, чем вместе, распадаться под действием неотступных внешних врагов и внутренних противоречий. Но то общее, что держит нас, объединяет, превращает в единую гражданскую нацию, – это славное историческое прошлое, совместные ратные подвиги и созидательный труд в мирное время, любовь к Отечеству как общему дому и готовность его защищать. И в этом плане народы Южного Урала всегда были примером такого единения. На протяжении долгого времени Оренбургский край являлся и снова стал пограничным форпостом, оберегающим южные рубежи государства. Но как бы далеко от него ни шли боевые действия с врагом, оренбуржцы всегда поднимались на защиту нашей общей Родины. Сформированные на территории Оренбургского края казачьи, башкирские и регулярные соединения принимали участие почти во всех крупных войнах России конца XVIII–XX веков: русско-шведской войне 1788–1790 гг., Отечественной войне 1812 г. и Заграничном походе 1813–1814 гг., русско-турецких войнах 1806–1812 гг., 1828–1829 гг., Крымской войне 1853–1856 гг., походах в Среднюю Азию, русско-турецкой войне 1877–1878 гг., русско-китайской войне 1900–1901 гг., русско-японской войне 1904–1905 гг. В Первую мировую войну за 1914–1917 гг. Оренбургская губерния мобилизовала 162 тыс. нижних чинов и офицеров, а во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. область выставила на фронт более 411 тыс. человек, из которых погибли или пропали без вести свыше 185 тыс. оренбуржцев. Кроме того, наш край традиционно был важным промышленным арсеналом, житницей фронта, местом эвакуации

беженцев и лечения раненых, формирования и обучения резервов. В годы Великой Отечественной войны он принял 240 тыс. беженцев, более 90 эвакуированных предприятий, наладил выпуск вооружений, техники и обмундирования, сдал государству 240 млн руб. в Фонд обороны от населения, 124 млн пудов зерна, свыше 6,2 млн пудов мяса, направил в районы, освобожденные от фашистской оккупации, около 120 тыс. голов скота для восстановления сельского хозяйства. На территории области были сформированы 15 дивизий, 4 авиационных полка, прошли начальную военную подготовку 118 тыс. призывников, подготовлены 20 тыс. офицеров, 80 госпиталей вернули в строй около 200 тыс. раненых и больных. В этих военных испытаниях, как в любой экстремальной ситуации, на грани жизни и смерти, проявлялись все самые лучшие человеческие качества: стойкость, мужество, бескорыстие, взаимовыручка, самопожертвование. Поэтому в поисках моральной опоры, стержня, ценностных ориентиров для воспитания подрастающего поколения мы неизбежно обращаемся к военному прошлому за лучшими образцами героизма и беззаветного служения людям. И хотя истории войн посвящены тысячи страниц научной, мемуарной, популярной литературы, многие вопросы участия в них народов Южного Урала до сих пор остаются недостаточно изученными. К тому же, в последние годы на Западе и даже в некоторых республиках бывшего Советского Союза, наиболее пострадавшего от нацистов, наблюдаются попытки пересмотра итогов Второй мировой войны, сознательной фальсификации истории, героизации фашизма, карателей СС, предателей и коллаборационистов, которые поддерживаются негласно, а порой открыто и беззастенчиво даже на государственном уровне. И мы снова вынуждены отстаивать, защищать нашу Победу и светлую память воинов, погибших во имя спасения всего человечества от фашистской чумы.

Все дальше уходя в прошлое, события военного времени постепенно утрачивают личную связь с каждой семьей, с каждым человеком. Протянуть эту линию между поколениями и призвана наша сегодняшняя конференция, потому что родную землю наследуют только достойные своих предков, ответственные, способные ее обустроить и защитить. Остальные ею пользуются, но не владеют.

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

Уважаемые участники конференции! В этом году не только по указу Президента России, но и по велению своей души, долгу памяти мы отмечаем 200-летие победы в Отечественной войне 1812 г. Размах и трагедия Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., ее жертв и разрушений, величие подвига народа заслоняют от нас эти события далекого прошлого. А ведь между этими двумя войнами было очень много общего.

Нашему государству противостояла большая часть Европы: Франция, Германия, Австрия, Швейцария, Италия, Испания, Польша, крупнейшая и прежде непобедимая армия мира в 610 тыс. человек. После тяжелых поражений и отступления в глубь страны мы выбросили врага со своей территории и принесли освобождение поработенным народам Европы, установив новые границы и систему международных отношений. Высокой ценой была оплачена эта победа. Русская армия потеряла 210 тыс. человек убитыми. Были полностью разорены 7 и частично 4 губернии Украины, Белоруссии, Прибалтики и Центральной России. Общие экономические потери страны составили около 1 млрд руб., или 10 годовых бюджетов Российской империи.

Историки единодушно признают, что победа стала возможной только благодаря небывалому патриотическому подъему всех слоев общества, единению всех национальностей, жертвенности, которые придали войне подлинно народный, отечественный характер. И самые отдаленные уголки огромного Российского государства не остались в стороне от общей беды.

Из Оренбургского края ушло на войну около 40 тыс. рекрутов и казаков разных национальностей. В Отечественной войне 1812 г. принимали участие сформированные на его территории 3 пехотных полка, 1 драгунский, 5 полков оренбургских и 5 уральских казаков, 19 башкирских, 2 тептярских и 2 мишарских полка. В Заграничный поход русской армии 1813–1814 гг. из Оренбургской губернии отправились 2 полка оренбургских казаков, 5 полков уральских казаков, 15 башкирских, 2 тептярских и 1 калмыцкий полк.

Металлургические заводы края отлили за период войны 120 артиллерийских орудий, произвели большое количество ядер, бомб, гранат, освоили выпуск картечи. Перерабатывающая промышленность поставила в армию 60 тыс. аршинов сукна, значительное количество одежды, обуви, продовольствия. Из Оренбургской губернии в действующую армию было отправлено 40 тыс. лошадей. На ее территории содержались более 1400 французских военнопленных.

История настойчиво повторяет урок: наша сила в единстве, благодаря которому мы можем противостоять любым вызовам и угрозам.

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

*Ю.П. Злобин,
г. Оренбург*

ОРЕНБУРГСКИЕ ПОЛКИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 ГОДА

Участие в Отечественной войне 1812 г. регулярных и иррегулярных воинских частей, сформированных на территории Оренбургской губернии, привлекло внимание исследователей в начале XX века [1]. С этого времени в историко-краеведческой литературе появилось довольно большое количество публикаций, посвященных этой теме. По мере ее освоения выяснялось и определялось количество оренбургских полков, участвовавших в боевых действиях с «Великой армией» Наполеона, их численность, характер использования на театре военных действий, отмечались мужество и героизм оренбуржцев-участников войны [2].

Поскольку иррегулярных конных полков местные власти направили в действующую армию значительно больше, чем регулярных, основное внимание исследователей было уделено как раз им [3]. В меньшей степени обращались историки и краеведы к вопросу об участии в войне пехотных и кавалерийских частей регулярной армии, сформированных в Оренбуржье на основе рекрутской повинности [4]. В настоящее время благодаря публикациям уфимского исследователя Р.Н. Рахимова положено начало еще одному важному исследовательскому сюжету – полной истории оренбургских полков, отличившихся в свое время в сражениях с наполеоновской армией [5].

Базой формирования регулярных полков Оренбургской инспекции, являвшейся подобием современного военного округа, стали полевые батальоны, размещенные на Оренбургской и Сибирской пограничных линиях. До своей штатной численности эти полки доводились путем рекрутских наборов податного населения: государственных крестьян разных национальностей, «детей пахотных солдат, в Оренбургской губернии поселенных ...». Офицерский состав комплектовался из местных дворян, служивших в этих батальонах, гвардейских офицеров, высланных из столицы за разные проступки, дворян-иностранцев на русской службе [6]. Первой такой воинской частью стал Оренбургский драгунский полк, сформированный в Оренбурге в 1785 г. героем русско-турецкой войны 1768–1774 гг. генерал-майором Н.С. Шемякиным из Оренбургского и Черноярского полевых батальонов

в составе 10 эскадронов. Он был распределен поэскадронно на пограничной линии от Оренбурга до Троицкой крепости. В 1805–1806 гг. из этого полка, перемещенного в г. Старошешминск Казанской губернии, выделили 6,5 эскадрона на формирование Лифляндского, Нежинского и Ямбургского драгунских полков. Взамен были образованы новые эскадроны и присоединен к полку 5-й эскадрон Сибирского драгунского полка [7].

Вступив на престол, Павел I в 1796 г. разделил территорию империи в военно-административном отношении на 12 инспекций, в числе которых была и Оренбургская инспекция. По его указу от 29 ноября 1796 г. в этой инспекции из шести оренбургских линейных батальонов были сформированы три мушкетерских полка: Бутырский, Рыльский и Уфимский, а из двух сибирских полевых линейных батальонов еще один мушкетерский полк в Екатеринбурге, получивший наименование по месту расквартирования [8]. Каждый полк состоял из двух батальонов, в батальоне было пять мушкетерских рот и одна гренадерская рота. В мае 1798 г. император прибыл в Казань, где провел смотр регулярным воинским частям Оренбургской инспекции и учения с боевой стрельбой [9]. В 1811 г. мушкетерские полки российской армии были переименованы в пехотные и сосредоточены у западной границы империи. Каждый пехотный полк состоял из 3 батальонов: 1-й и 3-й – действующие, а 2-й – запасной, учебный. Батальон делился на четыре роты (одна гренадерская и три стрелковые). В составе батальона было 20 офицеров, 40 унтер-офицеров и 660 рядовых. Таким образом, штатная численность полка насчитывала 1440 человек. Вооружение оставалось прежним: у солдат и унтер-офицеров гладкоствольные кремневые ружья с трехгранным штыком и тесак, у офицеров – шпаги. Драгунский полк состоял из пяти эскадронов, один из которых был запасным. В каждом эскадроне было 8 офицеров, 13 унтер-офицеров и 148 рядовых. В итоге, в драгунском полку насчитывалось по штату 845 человек. Вооружение драгун состояло из сабель (палашей), ружей со штыком и пары пистолетов, у офицеров ружья отсутствовали [10]. К началу войны 1812 г. все пять регулярных полков, сформированных в Оренбургской инспекции, были в составе 1-й Западной армии военного министра М.Б. Барклая де Толли. Екатеринбургский и Рыльский полки находились в 23-й дивизии в районе Динабурга, а Бутырский и Уфимский полки – в 24-й дивизии в районе Бобруйска. Обе дивизии входили в 6-й пехотный корпус генерала от инфантерии Д.С. Дохтурова. Оренбургский драгунский полк был в составе 3-го кавалерийского корпуса, расквартированного в Белостокской области [11]. Боевой опыт имел лишь Бутырский полк. В 1799 г. он участвовал в знаменитом Итальянском походе А.В. Суворова и отличился в сражении при Требии, завершившемся разгромом французской армии генерала Макдональда. В битве с Наполеоном под Аустерлицем в 1805 г., проигран-

ной русско-австрийской армией, полк попал в окружение и понес тяжелые потери: из 1709 человек выбыло из строя 1600. Прорвавшиеся из окружения и попавшие в плен офицеры и солдаты сумели спасти полковое и все ротные знамена [12]. После доукомплектования Бутырский полк воевал в Молдавии против турецкой армии, а затем был переведен на западную границу империи.

Первым из полков регулярной армии, сформированных в Оренбургской военной инспекции, в боевое соприкосновение с французами вступил Оренбургский драгунский полк, находившейся в арьергарде отступавшей 1-й Западной армии. Вместе с Иркутским и Сибирским драгунскими полками он входил в бригаду генерал-майора А. А. Скалона в 3-м кавалерийском корпусе генерал-майора П. П. Палена. Командовал полком генерал-майор С. В. Дятков. Запасной эскадрон полка входил в состав 2-го резервного корпуса генерал-лейтенанта Ф. Ф. Эртеля в городе Мозыре. С первых дней войны 3-й корпус отступал от Лиды, находясь в полуокружении кавалерийских корпусов маршала И. Мюрата и генерала Э. Нансути. Отражая непрерывные атаки французов с флангов и тыла, 3-й корпус отходил к Дрисскому укрепленному лагерю. В арьергардном бою у местечка Михалишки, нанеся неприятелю чувствительные потери, драгуны вышли из окружения и соединились с основными силами 1-й Западной армии. И. Мюрат, по достоинству оценив мужество солдат и офицеров корпуса П. П. Палена, признал, что «даже в отступлении преследуемые нами русские постоянно атаковали нас с отвагой львов». При движении к Смоленску бригада А. А. Скалона сдержала натиск восьми дивизий И. Мюрата и Э. Нансути, за что М. Б. Барклай-де-Толли трижды отметил бригаду своей личной благодарностью [13].

Во время Смоленского сражения 4–6 августа 1812 г. наиболее кровопролитные бои проходили у Молоховских ворот городской крепости. Позиции русской армии здесь защищал Иркутский драгунский полк во главе с командиром бригады А. А. Скалоном, а Сибирский и Оренбургский полки совместно с казаками прикрывали их фланги. Кровопролитное сражение у Молоховских ворот лишило французов возможности прорваться к Днепровскому мосту и отрезать войска, оборонявшие Смоленск, от главных сил русской армии. В этом бою генерал А. А. Скалон погиб. По личному приказу Наполеона 8 августа он был захоронен у подножия Королевского бастиона Смоленской крепости «с отданием всех почестей, приличествующих его воинскому подвигу, с ружейными и артиллерийскими залпами». Отдавая дань мужеству А. А. Скалона, французский император сам присутствовал при его погребении [14].

После гибели А. А. Скалона во главе бригады встал генерал-майор Ц. А. Крейц. Он же командовал отрядом, который прикрывал отход 2-го пе-

хотного корпуса генерала К. Ф. Баггоута к Вязьме. Атакованный неприятельской кавалерией и стрелками, отряд оборонялся спешенными драгунами и огнем двух конных орудий. Атаман М. И. Платов, командовавший арьергардом, приказал отряду «держаться до ночи в своей позиции». Драгуны выполнили приказ. После десятичасового непрерывного боя отряд Ц. А. Крейца, отбиваясь от наседавших со всех сторон французов, двинулся к Вязьме и, пройдя горевший Смоленск, присоединился к армии.

На Бородинском поле Оренбургский драгунский полк сражался на левом фланге и в центре русской позиции. Через три часа после начала Бородинской битвы, когда французы захватили Семеновские флеши, русская кавалерия выбила противника с занятых позиций. Генерал-майор Ф. К. Корф в рапорте командующему 1-й армией сообщал: «Во время сражения сего августа 26 числа 2-й и 3-й Кавалерийские корпуса, под командой моей находящиеся, были расположены за 4-м и 6-м корпусами, когда же около полудня неприятель обратил все свои силы на левый фланг нашей армии, ... отрядил я Сумской и Мариупольский гусарские, Курляндский и Оренбургский драгунский полки, под командою г.-м. Дорохова для подкрепления левого крыла... Немедля ударил он поспешно с Оренбургским драгунским полком в середину, а с Мариупольским гусарским и Курляндским драгунским во фланг неприятельской кавалерии, которая быстротой сей атаки была опрокинута и прогнана до самых их батарей» [15]. После успешной контратаки Оренбургский полк был выведен за центр русской позиции.

В 4 часа дня французы в очередной раз захватили Курганную батарею, оборонявшуюся частями 7-го корпуса Н. Н. Раевского и 6-го корпуса Д. С. Дохтурова. Кавалерийские корпуса противника устремились в образовавшуюся брешь. Генерал М. Б. Барклай-де-Толли лично повел в контратаку полки 2-го и 3-го кавалерийских корпусов. В донесении М. И. Кутузову он писал: «В сию затруднительную минуту прибыли на рысях два гвардейских кирасирских полка, я указал им на неприятеля, и они с редкой неустрашимостью устремились в атаку! Полки Сумской, Мариупольский ... гусарские, Сибирский, Иркутский и Оренбургский драгунские последовали за ними» [16]. Противник не выдержал удара русской кавалерии, которая оказалась наиболее маневренной. С огромными потерями французы отступили. Успех русских кавалеристов положил конец активным действиям неприятеля. Сражение стало постепенно затихать.

На завершающем этапе войны Оренбургский драгунский полк участвовал в преследовании отступавшей армии Наполеона. После выхода к западной границе России он был переформирован в уланский полк 17 декабря 1812 г. с сохранением прежнего наименования. В этом новом качестве он принял участие в заграничном походе русской армии в составе Польской армии генерала Л. Л. Беннигсена [17].

Первым из пехотных полков Оренбургской инспекции боевое крещение принял Екатеринбургский полк. С началом нападения французских войск на Россию полк отходил через Вильно, Дриссу, Полоцк к Смоленску и 13 июля 1812 года занял позиции у местечка Островно в районе Витебска, где и принял свой первый бой. В этом бою был убит прапорщик Пишецкий, ранены майоры Издемиров, Трегубов, капитаны Корсаков и Малахов, подпоручики Гарбуз-Барзиловский, Грибов, Загарянский-Киссель [18].

Бутырский, Рыльский и Уфимский полки встретились с неприятелем в Смоленском сражении 5–6 августа 1812 года. Они в составе 6-го корпуса генерала Д. С. Дохтурова двое суток защищали Краснинское предместье, Королевский бастион и Молоховские ворота Смоленской крепости [19]. Полки 6-го корпуса постоянно переходили в контратаки, не позволили противнику ворваться в город, а затем обеспечили безопасный отход основных сил армии к Вязьме. Генерал М. Б. Барклай-де-Толли в донесении Александру I сообщал: «Храбрые наши войска не токмо везде его опрокидывали, но даже прогнали на такое расстояние, что на ночь могли мы расставлять передовые посты наши впереди города» [20]. Екатеринбургский полк в обороне Смоленска не участвовал и находился в резерве. 7 августа 1812 г., занимая позицию у деревни Валутина Гора в 7 км восточнее Смоленска, полк прикрывал артиллерийскую батарею и понес тяжелые потери [21].

В начале Бородинской битвы 26 августа 1812 г. полки 6-го корпуса находились во второй оборонительной линии. В 10 часов утра, когда французы захватили Курганную батарею в центре русской позиции, начальник штаба 1-й армии А. П. Ермолов и начальник артиллерии армии А. И. Кутайсов повели в контратаку батальоны Уфимского пехотного полка. Позднее А. П. Ермолов вспоминал: «Гибельна была потеря времени, и я приказал из ближайшего VI-го корпуса Уфимского пехотного полка 3-му батальону майора Демидова идти за мною развернутым фронтом, думая остановить отступающих ... Несмотря на крутизну восхода, приказал я егерским полкам и 3-му батальону Уфимского полка атаковать штыками, любимым оружием русского солдата. Бой яростный и ужасный не продолжался более получаса: сопротивление встречено отчаянное, возвышение отнято, орудия возвращены ... Урон со стороны нашей весьма велик и далеко несоразмерный численности атаковавших батальонов» [22]. В плен был взят французский бригадный генерал Бонами. А. И. Кутайсов погиб в бою, А. П. Ермолов был ранен. На защиту укрепления встали полки 24-й пехотной дивизии П. Г. Лихачева, которые 5 часов отбивали атаки противника. Судя по рапорту и «Запискам...» Ермолова, защитники Курганной высоты несли большие потери от огня французских батарей и испытывали недостаток в артиллерийских зарядах. Построенное там укрепление было

слабым, из-за его тесноты основная часть пехотного прикрытия находилась снаружи, где она непрерывно выводилась из строя неприятельской картечью [23].

Защищая Курганную батарею, Уфимский полк, имевший в начале войны 1210 военнослужащих, потерял убитыми, ранеными и пропавшими без вести 588 человек, или 48,6% от своей довоенной численности [24]. У Курганной батареи отличился и Бутырский полк, которым командовал И. И. Каменщиков. В представлении к его награждению отмечалось: «Майор Каменщиков, находясь при полку во время сражения и командуя оным, с особым усердием и деятельностью исполнял деланные ему поручения и при отходе пробился на штыках сквозь неприятельскую кавалерию, несмотря на сабельную рану в левое плечо, хорошими распоряжениями устраивал воинских чинов полка и поощрял оных к храбрости и неустрашимости, за что удостоивается к награждению орденом св. Владимира с бантом». За это сражение Бутырскому полку были пожалованы серебряные Георгиевские трубы [25]. В 100-летнюю годовщину Бородинской битвы 26 августа 1912 г. 66-ой пехотный Бутырский полк стал именоваться полком своего «вечного шефа» – генерала Д. С. Дохтурова.

Екатеринбургский пехотный полк 26 августа 1812 г. к 14 часам занял позиции позади и левее Курганной батареи, где отбивал атаки французов и вновь понес тяжелые потери. Полк был отведен за Горецкий курган. В этот день он потерял убитыми двоих унтер-офицеров, 54 солдата; пропали без вести 241 рядовой. Среди офицеров были убиты поручик Ефимович, прапорщик Тишецкий, ранены майор Шильников, поручики Баркалов, Андреев, Бабинцев, Саврасов, подпоручик Филлипов, прапорщик Дегно [26].

За мужество и героизм, проявленные при защите Курганной батареи, были удостоены высоких наград многие офицеры и солдаты полков Оренбургской инспекции. В их числе были шеф Уфимского пехотного полка генерал-майор И. Д. Цибульский, удостоенный ордена св. Владимира 3-го класса, шеф Бутырского пехотного полка полковник П. В. Денисьев, награжденный орденом св. Анны 2-го класса с алмазами. В представлении на награждение И. Д. Цибульского, например, отмечалось: «Много способствовал к отражению неприятеля с полком своим, когда он тремя колоннами штурмовал нашу батарею в центре, где и получил рану картечью в руку». Офицеры Уфимского полка майор Гладышев, штабс-капитаны Аничков, Малеев, поручик Иванов «при отражении неприятеля, штурмовавшего нашу батарею, отличили себя примерно и, прогоняя с оной неприятеля, подавали бодрственность своим подчиненным». Они были награждены орденами св. Владимира 4-го класса и св. Анны 3-го класса [27]. К солдатам ордена Знаку отличия Военного ордена (Георгиевскому кресту) были представлены и рядовые этого полка Павел Жуков, Яков Иванов, Ислам Бакиров,

Тимирзан Султанов, Арслан Ахметов, Корней Шкурлатен, Салават Нуриев, Данила Хавтурин. В рапорте командующего 1-й армией о них сообщалось следующее: «Сии воины были отменной храбрости преисполнены. Во все время сражения находились впереди, ободряли своих товарищей, когда же неприятель пошел на редут, то, несмотря на сильный картечный огонь, оные воины первыми в штыки устремились, многие из них ранены были, но побоище до самой ночи не оставили. Барклай де Толли» [28].

В Екатеринбургском полку были награждены золотыми шпагами с надписью «За храбрость» штабс-капитаны Бабинцев, два брата Зайдель, Протеинский, подпоручик Филипов; удостоены ордена св. Владимира 2-го класса майоры Шильников и Слепцов; произведены в следующий чин поручик Бабинцев, подпоручики Гарбуз-Барзиловский и Грибов. Особо были отмечены нижние чины этого полка. Все они получили в виде вознаграждения по пять рублей, 75 солдат были награждены Георгиевскими крестами, а портупей-прапорщики Греков, Дранищников и Янчуров были произведены в чин прапорщика. Исключительную награду получил фельдфебель Коровин. Он сразу был произведен в подпоручики [29].

С рассветом 27 августа 1812 г. все перечисленные полки начали отступление на Можайск, а затем на Москву и, пройдя старую столицу России, расположились у села Тарутино, где были доукомплектованы рекрутами и ратниками ополчения.

10–11 октября 1812 г. они совершили переход в 50 верст от Тарутино к Малоярославцу. Но в ожесточенном сражении с французами за этот город 12 октября 1812 г. полки участия не принимали, поскольку находились в резерве, обеспечивая фланги русской армии от обхода противником. Ночью, когда французы напали на русские позиции, генерал П. М. Капцевич организовал контрудар силами Московского, Уфимского и батальона Полоцкого полка, обратив французов в бегство. В ночном бою под Малоярославцем Уфимский полк потерял убитыми прапорщика Кинишемцева и 24 рядовых [30].

В октябре–декабре 1812 г. регулярные полки, сформированные в Оренбургской военной инспекции, преследовали отступавшую «Великую армию» Наполеона. 23 октября 1812 г. Екатеринбургский полк у Вязьмы выбил французов из села Ржавец, а затем участвовал в освобождении города, за что командир полка майор В. И. Богданович получил орден св. Анны 2-го класса. Майор Слепцов из этого полка был назначен комендантом Вязьмы, а 1-й батальон был оставлен в городе в качестве гарнизона. Оставшийся 3-й батальон прошел с боями до Вильно, где после понесенных потерь выбыл из состава Действующей армии и встал на переформирование [31]. В сражении за Вязьму также отличился Бутырский полк. В середине декабря 1812 г. значительно поредевшие оренбургские пехотные полки численностью в батальон вышли к государственной границе России.

Накануне вторжения армии Наполеона у западной границы России были сосредоточены также семь оренбургских полков легкой иррегулярной кавалерии. В рядах Дунайской армии, которой командовал адмирал П. В. Чичагов, были 1-й и 2-й Оренбургские казачьи полки полковника В. А. Углецкого и князя Уракова, 3-й и 4-й Уральские казачьи полки подполковника Б. М. Михайлова и войскового старшины П. М. Назарова [32]. 2-й Башкирский казачий полк под командованием майора И. Курбатова был в 3-й Западной армии генерала А. И. Тормасова. 1-й Башкирский конный полк майора М. М. Лачина числился в Летучем казачьем корпусе М. И. Платова в 1-й Западной армии генерала М. Б. Баркляя-де-Толли. В этой же армии, расквартированной в Литве, находился 1-й Тептярский казачий полк майора Н. А. Тимирова. Он был в авангарде 3-го пехотного корпуса генерала Н. А. Тучкова, которым командовал генерал-майор князь И. Л. Шаховской. Полк занимал линию пограничных кордонов вдоль правого берега Немана от местечка Олиты до селения Шилентяны [33]. Все перечисленные полки были пятисотенного состава. Вооружение казаков состояло из сабли, пики, карабина и пары пистолетов. Офицеры и урядники были вооружены саблями и двумя пистолетами каждый [34].

Характер использования иррегулярных полков легкой кавалерии на театре военных действий был несколько иным, чем регулярных полков. В период отступления русской армии в июне–августе 1812 г. они прикрывали отход ее главных сил, ведя изнурительные и практически непрерывные арьергардные бои. Казаки 1-го Тептярского полка 13 июня 1812 г. первыми обнаружили переправу армии Наполеона через Неман и вступили в перестрелки и стычки с вторгнувшимся неприятелем. 16 июня с 6 часов утра до 9 часов вечера этот полк, прикрывая отход арьергарда князя И. Л. Шаховского, участвовал в перестрелке с 7-м и 8-м гусарскими полками, следовавшими во главе французского авангарда. В этих стычках полк майора Н. А. Тимирова потерял одного казака убитым и двух казаков ранеными. 17 июня Тептярский полк в составе арьергарда 3-го пехотного корпуса под начальством И. Л. Шаховского сдерживал наступление неприятеля на местечко Довигоны. 18 июня, отступая от местечка Немечин, полк в составе бригады генерал-адъютанта графа В. В. Орлова-Денисова отразил несколько сильных неприятельских атак. 21 июня полк Н. А. Тимирова, продолжая отступать с бригадой В. В. Орлова-Денисова от города Свенцяны до деревни Деионы, прикрывал отход войск 1-й Западной армии и был в двухчасовой перестрелке с французами. 23 июня 1-й Тептярский полк в составе арьергарда генерал-майора барона Ф. К. Корфа прикрывал главную колонну 1-й Западной армии и выдержал нападение превосходящей по численности неприятельской кавалерии, поддержанной значительным числом пехоты и артиллерией. Это сражение продолжалось более трех часов [35].

6 июля 1812 г. 1-й Тептярский полк поступил в отряд полковника Н.В. Вуича, располагавшийся в Полоцке. По состоянию на 7 июля он имел в своих рядах одного штаб-офицера, трех обер-офицеров, пять старшин, 248 казаков. 9 июля, выполняя предписание М.Б. Барклая де Толли, полк присоединился к главным силам 1-й Западной армии. 12 июля полк Н.А. Тимирова в составе отдельного отряда полковника Я.А. Потемкина имел стычку с баварской кавалерийской бригадой генерал-майора М. Прейзинга на пути между местечком Бешенковичами и Витебском. 22 июля 1-й Тептярский полк, поступивший в авангард Смоленского observationalного корпуса генерал-майора Е.И. Оленина, вел перестрелку с французским кавалерийским отрядом у деревни Сырокоренье, в ходе которой четыре француза были убиты и один взят в плен. 23 июля полк по приказу М.Б. Барклая-де-Толли был переведен на дорогу из Поречья в Духовщину, где поступил в отряд генерал-майора И.К. Краснова, прикрывавшего следовавшие по этой дороге обозы 1-й Западной армии. 12 августа 1-й Тептярский полк присоединился к арьергарду 1-й армии генерала М.И. Платова. 20 августа у Гжатска полк Н.А. Тимирова, находясь в отряде подполковника М.Г. Власова, участвовал в отражении атак неприятельской кавалерии, пытавшейся обходом с правого фланга отрезать арьергард соединенных 1-й и 2-й Западных армий от главных сил [36]. Накануне Бородинского сражения 1-й Тептярский полк был передан во 2-ю армию и откомандирован П.И. Багратионом на границу Калужской губернии для прикрытия левого фланга русской армии.

1-й Башкирский полк впервые принял участие в боевых действиях в составе Летучего корпуса М.И. Платова боях под Гродно, Мир, Романово, прикрывая отход 2-й армии. В бою под Гродно 15 июня 1812 г. отличились казаки полка Узбек Акмурзин, Буранбай Чувашбаев, хорунжий Гильман Худайбердин, есаул Ихсан Абубакиров. Особенно примечательным было кавалерийское сражение у деревни Мир. Утром 27 июня 1812 г. передовой отряд казаков был атакован польскими уланами, которые выбили его из деревни и начали преследовать. М.И. Платов заманил противника в ловушку у деревни Симаково, окружил его и атаковал. Попытка генерала Турно помочь польским уланам была неудачной, его бригада была опрокинута, началось ее преследование. На следующий день казаки М.И. Платова атаковали польскую кавалерию численностью в 7 полков, в шестичасовом бою разбили улан и обратили их в бегство. 2 июля у местечка Романово произошел успешный бой корпуса М.И. Платова с кавалерией М.В. Латур-Мобура, в котором участвовал 1-й Башкирский полк. Поставленная задача задержать противника на один день была выполнена [37].

27 июля в бою у деревни Молево Болото между казаками М.И. Платова и французской кавалерийской дивизией О.Ф. Себастиани приняли уча-

стие две сотни башкир под командой поручика Жилина, адъютанта М.И. Платова. Башкиры успешно атаковали французских конных егерей из 7-й бригады М. Дезира. В наградном документе на Жилина сказано: «Командуя 200 отборных башкирцев, которых прежде того приводил в порядок и исправление лошаадьми по худобе оных, первый по приказанию генерала Платова вел с неприятелем перестрелку, а когда к неприятельскому корпусу сближались, то он вместе с другими казачьими полками сделал на оный сильный удар и, поступая с отличною храбростию, поощрял башкирцев к поражению, где и получил в правую ногу пулею тяжелую рану». Жилин был награжден орденом св. Владимира 4-го класса. В этом сражении отличились зауряд-есаулы Муслим Сиксимбаев и Ихсан Абубакиров, получившие чин есаула, зауряд-сотник Иждавлет Мисареев, зауряд-хорунжие Мурат Куруртинов (Хурурдинов), Яруш Азаматов, Ян Мурдашкалдеев, которые «действовали с отличной храбростию и поражали онаго, прогнали до самого подкрепления, подавая тем пример башкирцам», за что были удостоены следующего чина. В дальнейшем 1-й Башкирский полк использовался в самых разных назначениях: нес дозорную службу в арьергарде русской армии, составлял конвой генерала Роберта Вильсона, английского представителя при Александре I, прибывшего к армии 14 августа 1812 г. и т.п [38].

2-й Башкирский казачий полк, находившийся в составе 3-й армии А.П. Тормасова, 16 июля 1812 г. участвовал в сражении под Кобрином (восточнее Брест-Литовска), в ходе которого русскими войсками было уничтожено 2 тыс. человек, взято в плен 2382 солдата, 76 офицеров и два генерала войск противника. В «Журнале авангарда 3-й Западной армии в 1812 г.» отмечено, что «составлен был авангард под начальством генерала гр. Ламберга из полков: казачьих – Барабанщикова, Чикелева, Власова, калмыцких 1-го и 2-го и башкирского 2-го, расположенных на кордоне от с. Орховки до Радзивилева». Все они имели задачу «действовать во фланг и тыл неприятельский». 2-й Башкирский полк в конце сентября насчитывал 408 человек: 9 офицеров и 399 нижних чинов. В составе отрядов генерала Е.И. Чаплица, а затем генерала М.Л. Булатова он имел задачей «разъездами наблюдать по дороге, ведущей к реке Зна, к деревне Отель Протовка, где оный Башкирский полк будет содержать свои аванпосты». С 18 октября 1812 г. 2-й полк числился в составе корпуса генерал-лейтенанта П.К. Эссена и был послан вместе с полками «... Уральским 4-м и Калмыцким для наблюдений неприятеля». В тяжелом бою с пехотой и кавалерией противника под Мстибовом 25 октября полк потерял убитыми и ранеными 29 человек. Затем 2-й Башкирский полк участвовал в боях под Слонимом, Волковском, а в декабре 1812 г., находясь в корпусе генерала П.К. Эссена, преследовал отступавшие австро-саксонские войска до самой границы [39].

После Бородинской битвы в сентябре-октябре 1812 г. оренбургские полки легкой кавалерии активно использовались в «малой войне» в тылу и на коммуникациях противника. Они занимались уничтожением неприятельских фуражиров, отдельных воинских команд, перехватывали обозы с продовольствием, оружием и боеприпасами. 1-й Башкирский полк в составе казачьего отряда полковника П. Е. Ефремова действовал на Серпуховской дороге. В приказе главнокомандующего по армиям от 20 сентября 1812 г. ему была вынесена благодарность: «Войска Донского г. полковник Ефремов, быв отряжен от армии на Серпуховскую дорогу с полками Донским Андриянова 2-го, Симферопольским конно-татарским и с 1-м Башкирским, 14-го числа сентября при селении Вышневском, встретив неприятеля, нанес ему сильное поражение, при коем взято в плен 500 человек. Такой подвиг полковника Ефремова и бывших под командою его чинов, доказывающий рвение их к службе государя императора, не премину я довести до высочайшего сведения, изъявляя сим мою признательность г. полковнику Ефремову. Князь Г [оленищев]—Кутузов» [40]. В отряде П. Е. Ефремова 1-й Башкирский полк находился недолго. Отряд перешел на Коломенскую дорогу, а башкирские конники остались на Серпуховской дороге. Вскоре туда прибыл армейский партизанский отряд полковника Н. Д. Кудашева и башкиры перешли в подчинение к нему. 28 сентября Н. Д. Кудашев сообщил дежурному генералу штаба главнокомандующего П. П. Коновницину, что 1-й Башкирский полк «расставляем будет большими пикетами; вместе с сим отправил я урядника с 25-ю казаками башкирскими в с. Высокое, сам же с полками Харитонов и Жирова, следуя к Подольску и окрестностям, оставлять буду сзади себя извещательные посты» [41]. В октябре-ноябре 1812 г. 1-й Башкирский полк преследовал отступавшего противника. Он участвовал в сражениях при Красном (3–6 ноября) и на реке Березине (14–17 ноября) [42].

В начале сентября 1-й Тевтярский полк, расположившись у города Юхнова, высылал разъезды по Гжатской и Мосальской дорогам. Казаки захватили в плен 12 человек. 9 сентября майор Н. А. Тимиров рапортовал из Юхнова начальнику Калужского ополчения генерал-лейтенанту В. Ф. Шепелеву, что его полком убито 87 и взято в плен 98 неприятельских солдат. С 11 по 22 сентября 1-й Тевтярский полк состоял в партизанском отряде подполковника Д. В. Давыдова и действовал против неприятеля в окрестностях Вязьмы и на Новой Смоленской дороге, между городами Гжатском и Доргобужем. 13 сентября казаки из полка Н. А. Тимирова взяли в плен 12 и уничтожили 100 французских солдат. 18 сентября 1-й Тевтярский полк выступил в бой с французским отрядом, уничтожив 100 и взяв в плен 125 человек. В качестве трофея казакам досталась фура с артиллерийскими снарядами [43].

23 сентября Д. В. Давыдов получил предписание М. И. Кутузова направить 1-й Тевтярский полк к городу Рославлю. В пути следования казаки обнаружили отряд мародеров, в ходе боя уничтожили 60 неприятельских солдат, а 44 взяли в плен. 24–25 сентября в районе деревень Забежное и Устиново полк истребил более 70 неприятельских мародеров. 26–27 сентября у села Костыри казаки напали на заставу, состоявшую из 20 пехотинцев и 50 кавалеристов 1-го польского конно-егерского полка. Из них уничтожено на месте 21 человек и шесть поляков взято в плен. В этой стычке были ранены два казака. 28 сентября полк прибыл в Рославль, и ему было приказано взять под охрану находившийся в городе казенный склад с солью [44].

15–16 октября 1-й Тевтярский полк совместно с 5-м полком Калужского ополчения атаковал на дороге, ведущей из Рославля в Смоленск, неприятельский отряд численностью в 1200 человек пехоты и кавалерии. Противник был разбит и спешно отступил до местечка Хмары. В ходе боя было уничтожено 70 и взято в плен 95 человек. За отличие в этом бою генерал-лейтенант В. Ф. Шепелев представил майора Н. А. Тимирова к награждению орденом св. Владимира 4-го класса с бантом, прапорщика Манасыпова – к ордену св. Анны 3-й класса, а зауряд-хорунжего Абрагимова к производству в чин хорунжего. 4 ноября полк совместно с частями Калужского ополчения занял город Мстиславль, а 12 ноября прибыл в Могилев. В конце ноября 1-й Тевтярский полк вместе с частями Калужского ополчения выступил из Могилева на запад и в конце декабря вошел в состав корпуса генерала М. А. Милорадовича [45].

С сентября 1812 г. в боевые действия включились подтянутые к театру войны с юга казачьи полки Дунайской армии. 19 июля 1812 г. 3-й и 4-й Уральские полки в составе 3-го корпуса генерал-лейтенанта А. Л. Воинова выступили в поход из Молдавии на Вольню, куда прибыли в начале сентября. Они вели многочисленные бои и стычки с австрийскими и саксонскими войсками из состава французской армии, действуя в авангарде пехотных корпусов и отдельных отрядов 3-й Западной армии. Задачи, которые ставились этим полкам, были самые разнообразные: от разведки противника до ведения затяжных боев с ним. С 6 по 15 ноября 3-й Уральский казачий полк участвовал в сражении на реке Березине, завершившемся окончательным разгромом «Великой армии» Наполеона. Затем 16 ноября он включен в состав летучего отряда генерал-майора С. Н. Ланского, которому было предписано обогнать неприятеля, отступавшего от Березины, и уничтожить мосты на его пути. 28 ноября и 2 декабря 1812 г. этот полк освободил от французов города Вильно и Ковно. После выхода к государственной границе России он вошел в авангард Главной русской армии, которым командовал генерал-адъютант барон Ф. Ф. Винцингероде. 4-й Уральский казачий полк, находившийся в отряде полковника князя Р. И. Багратиона, 8 октября

1812 г. вышел с боями на западную границу страны несколько южнее. Полк держал цепь постов вдоль правого берега реки Западный Буг от местечка Дрогичина до города Бреста-Литовского, наблюдая за движением неприятеля. В октябре-ноябре 1812 г. этот полк в составе Отдельного корпуса генерал-лейтенанта барона Ф. В. Остен-Сакена участвовал в боях против австро-саксонских войск на территории Западной Белоруссии и Литвы, завершившихся изгнанием неприятеля за пределы России [46].

1-й и 2-й Оренбургские казачьи полки в составе армии адмирала П. В. Чичагова так же перешли на Волынь и были в боях с французами: при занятии городов Любомля, Берестья и Борисова, в бою у деревни Стаховой, в сражении на реке Березине в ноябре 1812 года. После этого они были отправлены к побережью Черного моря и больше не принимали участия в боевых действиях. Эти полки держали пограничные кордоны по Черноморскому побережью от крепости Аккерман до устья Дуная и далее вверх по этой реке до устья реки Прут [47].

С началом войны оренбургский военный губернатор князь С. Г. Волконский приступил к формированию новых полков иррегулярной кавалерии. 25 июля он разослал специальное предписание войсковым атаманам и начальникам казачьих кантонов, в котором обязал встать «всех верноподданных сынов России на защиту отечества <...> содействовать единодушно всеми силами противу врага России...» [48]. Войсковой атаман оренбургских казаков полковник В. А. Углицкий со своей стороны подал в Военное министерство представление о «командировании в армию из Оренбургского войска и из башкирского и мешерякского народов от 10-ти до 30-ти полков». Это представление 8 августа 1812 г. было утверждено императором Александром I. Формирование новых полков было поручено В. А. Углицкому под общим руководством С. Г. Волконского. Штат сформированных 18 башкирских и двух мешерякских (мишарских) полков был следующим: командир полка из армейских офицеров, полковой старшина из башкир или мешеряков, пять есаулов, пять сотников, пять хорунжих, квартирмейстер, 10 пятидесятников и 500 рядовых, мулла, один-два писаря [49]. Нехватка огнестрельного оружия в губернии привела к тому, что вооружение национальных казачьих частей выглядело колоритно и экзотически. На вооружении казаков-башкир, например, находились ружья, пистолеты, пики (или копья), сабли, луки и колчаны со стрелами. Но ружье и пистолет были у них редкостью. Луки длиной в 1,5 метра, стрелы с железными наконечниками изготавливались самими башкирами. В то время как пистолет у кавалериста был в бою практически одноразовым оружием, поражая противника на максимальной дистанции в 30 метров, лучник мог прицельно выпустить до 10 и более стрел в минуту. Башкиры мастерски стреляли на большое расстояние в цель. На дистанции 100 метров лук по

точности боя не уступал ружью, а полная дальноточность хороших луков достигала 200 метров [50].

Кроме того, Уральское казачье войско выставило в Действующую армию 5-й и 6-й пятисотенные полки полковника В. И. Буренина и подполковника Е. А. Бородина, а Оренбургское войско подготовило в сентябре 1812 г. к походу на запад страны тысячный Атаманский полк под руководством войскового атамана В. А. Углицкого и 3-й пятисотенный полк майора Я. Г. Белякова [51].

Первыми из сформированных полков двинулись в поход через Нижний Новгород 3-й, 4-й и 5-й Башкирские казачьи полки пятисотенного состава, составившие отдельную бригаду. Они были включены в октябре 1812 г. в 1-й Отдельный корпус генерал-лейтенанта графа П. Х. Витгенштейна и приняли участие в преследовании отступавшего противника. 5-й Башкирский полк капитана И. Г. Тихановского действовал в авангарде войск 1-го корпуса при их продвижении к реке Березине. 4-й Башкирский полк подполковника П. Г. Тихановского обеспечивал сообщение этого корпуса с отрядом генерала Е. И. Чаплица из 3-й Западной армии. 3-й Башкирский полк капитана Д. Исаева в составе отряда князя П. М. Волконского прикрывал города Торопец и Белый от отступавшего из Смоленска неприятеля. Затем 4 и 5-й полки 14–16 ноября 1812 г. приняли участие в сражении на Березине. После боев на Березине эти полки конвоировали 12 тыс. пленных в Витебск. 3-й Башкирский полк был также командирован в Витебск с целью обеспечения порядка в этом городе, ставшем местом сосредоточения большого числа военнопленных [52].

Остальные 19 полков, сформированных в Оренбургской губернии, принять участия в войне 1812 г. не успели. Они были включены в состав Резервной армии и выполняли разные задачи, связанные с охраной общественного порядка в Санкт-Петербурге, Москве, в разоренных неприятелем западных губерниях. Боевая деятельность многих из них развернулась во время заграничного похода русской армии в 1813–1814 гг. [53].

После завершения Отечественной войны 1812 г. и заграничного похода иррегулярные казачьи полки вернулись на родину в 1815–1820 гг., их личный состав был распущен по домам. Судьба регулярных полков, сформированных в Оренбургской военной инспекции, сложилась неодинаково. Оренбургский драгунский полк, став уланским, участвовал в подавлении восстания в Польше и Литве в 1830–1831 гг. В 1851 г. полк был расформирован, его дивизионы пополнили Белгородский уланский и Украинский гусарский полки. Уфимский полк после участия в русско-турецкой войне 1828–1829 гг. так же был расформирован и в 1833 г. вошел в состав Бутырского полка как 3-й батальон. В этом же году был расформирован и Рыльский полк, батальоны которого влились в Черниговский

пехотный полк. Бутырский полк участвовал в русско-турецкой войне 1828–1829 гг. и Крымской войне 1853–1856 гг. Полк был награжден двумя Георгиевскими знаменами за сражение при Краоне в 1814 году и оборону Севастополя в 1854–1855 гг. Екатеринбургский полк был удостоен Георгиевского знамени за оборону Севастополя в Крымской войне. Таким образом, из пяти регулярных полков Оренбургской инспекции к началу 1-ой мировой войны в рядах российской армии остались 66-й Бутырский и 37-й Екатеринбургский пехотные полки [56].

Примечания

1. Лобов Н.Г. Краткая историческая записка об участии оренбургских казаков в Отечественной войне 1812–1814 гг. с Наполеоном. Оренбург, 1912; Юдин М.Л. Оренбуржцы в войнах 1812–1814 годов. Ташкент, 1912.
2. Матвиевский П.Е. Оренбургский край в Отечественной войне 1812 г.: исторические очерки // Ученые записки Оренбургского педагогического института. Вып. 17. Оренбург, 1962; Усманов А.Н. Башкирский народ в Отечественной войне 1812 года. Уфа, 1964; Асфандияров А.З. Участие башкир в войнах и походах России в период кантонного управления (1798–1865 гг.) // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, 1971; Асфандияров А.З. Когда французов побеждали... // Башкиры и Оренбуржье: история и современность (к 150-летию Караван-Сарая). Уфа. – Оренбург, 1996.
3. Мамонов В.Ф., Форстман Г.В. Гроза двенадцатого года: Казаки Урала в Отечественной войне 1812 г. Челябинск, 1991; Чулошников А. П. К вопросу об участии 1-го Башкирского полка и 1-го Тептярского полков в Бородинском сражении // Башкиры и Оренбуржье: история и современность (к 150-летию Караван-Сарая). Уфа-Оренбург, 1996; Его же. Башкиры и казаки Урала в «Польской армии» (август-сентябрь 1813 г.) // Археография Южного Урала: материалы второй межрегиональной научно-практической конференции 3 декабря 2002 г. Уфа, 2002; Его же: Башкиры в наполеоновской Европе // Русский сборник: исследования по истории России. Т. 4. М., 2007; Бессонов В.А., Попов А.И. Действия казачьих отрядов Быхалова и Тимирова в 1812 г. // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: материалы XI Всероссийской научной конференции (Бородино, 8–10 сентября 2003). Можайск, 2004; Асфандияров А.З. Участие башкир и мишарей в войне и походах России // Кантонное управление в Башкирии (1798–1865 гг.). Уфа: Китап, 2005; Кузнецов В.А. Участие башкир и мешеряков в войнах с наполеоновской Францией // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «История». 2008. №15; Он же. Иррегулярные войска Оренбургского края. Самара-Челябинск, 2008; Рахимов Р.Н. История тептярских конных полков. 1790–1845. Уфа, 2008 и др.
4. Матвиевский П.Е. Оренбургский край в Отечественной войне 1812 года: исторические очерки // Ученые записки Оренбургского педагогического института. Вып. 17. Оренбург, 1962; Рахимов Р.Н. Доблестные сыны Урала в Отечественной войне 1812 г. // Военно-исторический журнал. 2002. №9; он же. История Уфимского

пехотного полка. 1796–1833. Уфа: Информреклама, 2004; он же. 1-й Башкирский полк в Отечественной войне 1812 г. // Бородино и наполеоновские войны: Битвы. Поля сражений: материалы II международной научной конференции (Бородино, 3–5 сентября 2007 г.) / сост. А.В. Горбунов. Можайск: Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник, 2008.

5. Рахимов Р.Н. История Уфимского пехотного полка. 1796–1833. Уфа: Информреклама, 2004; он же. История тептярских конных полков. 1790–1845. Уфа, 2008.
6. Рахимов Р.Н. История Уфимского пехотного полка. С. 13–14.
7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (ПСЗ – I). Т. XXII. №268; Т. XVIII. №21882; Т. XXIV. №18299; Т. XXIX. №22245; СПб., 1830.
8. ПСЗ – I. Т. XXIV. №17587. СПб., 1830.
9. Рахимов Р.Н. История Уфимского пехотного полка. С. 21–29.
10. Безотосный В. М., Васильев А. А. и др. Русская армия. 1812–1814. М., 2000. С. 9; Подмазо А.А. Российская армия в июне 1812 года // Родина. 2002. №8. С. 60.
11. Габаев Г.С. Роспись русским полкам 1812 года: справочник. Киев, 1912. С. 19–20, 23.
12. Михайловский-Данилевский А.И. Описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805 году. СПб., 1844. С. 26; Андоленко С. Бутырское знамя в Брюсселе // Военная быль. 1973. №121. С. 18–20.
13. Отечественная война 1812 года: материалы Военно-ученого архива. Т. XVI. СПб., 1911. С. 41, 52–53.
14. Бородино, 1812 / Б.С. Абаляхин, Л.П. Богданов и др. М.: Мысль, 1987. С. 68.
15. Отечественная война 1812 года: материалы Военно-ученого архива. СПб., 1911. Т. XVIII. С. 37–38.
16. Бородино. Документы, письма, воспоминания. М., 1962. С. 84.
17. Габаев Г.С. Указ. соч. С. 275.
18. Маринов В.И. Краткая история (1796–1907) 37-го пехотного Екатеринбургского Его Императорского Высочества великого князя Алексея Александровича полка. Лодзь, 1907. С. 11–12.
19. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 29. Оп. 153. Св. 10. Д. 5. Л. 196–197, 199об.
20. РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 3502. Л. 137–138об.
21. Маринов В.И. Указ. соч. С. 13–14.
22. Ермолов А.П. Записки А.П. Ермолова. 1798–1826. М., 1991. С. 191–192.
23. Отечественная война 1812 года: материалы Военно-ученого архива. Т. XVIII. С. 98–100; Ермолов А.П. Указ. соч. С. 193.
24. Рахимов Р.Н. История Уфимского пехотного полка. С. 46, 62–63.
25. РГВИА. Ф. 2680. Оп. 1. Д. 3. Л. 13–14.
26. РГВИА. Ф. 2158. Оп. 1 Д. 11. Л. 2–8; Маринов В.И. Указ. соч. С. 16–17.
27. Бородино. Документы, письма, воспоминания. М., 1962. С. 269–281.
28. Рахимов Р.Н. Указ. соч. С. 62–63.
29. Маринов В.И. Указ. соч. С. 18–19.

30. Рахимов Р.Н. Указ. соч. С. 69–70.
31. Маринов В.И. Указ. соч. С. 20–21.
32. Казачьи войска (хроники гвардейских казачьих частей) / под ред. В.К. Шенка; сост. В.Х. Казин. По 1 апреля 1912 года: справочная книжка Императорской Главной Квартиры. СПб., 1912. С. 222–224.
33. Подмазо А.А. Шефы и командиры регулярных полков русской армии (1796–1815). М., 1997. С. 51; Отечественная война 1812 г. Материалы Военно-ученого архива. Т. II. СПб., 1901. С. 45; Т. XIII. СПб., 1910. С. 89; Кузнецов В.А. Участие башкир и мещеряков в войнах с наполеоновской Францией // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «История». 2008. №15. С. 30.
34. Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения Российских войск. Ч. 18. СПб., 1901. С. 19–20.
35. Отечественная война 1812 г.: материалы Военно-ученого архива. Т. X. СПб., 1908. С. 152; Т. XIII. СПб., 1910. С. 173; Т. XIV. СПб., 1910. С. 62, 63; Поликарпов Н.П. Боевой календарь-ежедневник Отечественной войны 1812 г. М., 1913. С. 57, 62–64, 69–70, 78–79, 82–83.
36. Отечественная война 1812 г.: материалы Военно-ученого архива. Т. XIV. СПб., 1910. С. 200, 202, 212–213; Т. XV. СПб., 1911. С. 3; Т. XVII. СПб., 1911. С. 41, 52; Поликарпов Н.П. Указ. соч. С. 134, 141–144, 173, 216.
37. Рахимов Р.Н. 1-й Башкирский полк в Отечественной войне 1812 года. С. 285–286; Кузнецов В.А. Участие башкир и мещеряков в войнах с наполеоновской Францией // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «История». 2008. №15. С. 30.
38. Рахимов Р.Н. 1-й Башкирский полк в Отечественной войне 1812 года. С. 287–288; Кузнецов В.А. Участие башкир и мещеряков в войнах с наполеоновской Францией. С. 30.
39. Кузнецов В.А. Участие башкир и мещеряков в войнах с наполеоновской Францией. С. 31–32.
40. Отечественная война 1812 г.: материалы Военно-ученого архива. Т. XVIII. СПб., 1911. С. 94–95.
41. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1409. Оп. 1. Д. 710. Ч. 1. Л. 29–30.
42. Рахимов Р.Н. 1-й Башкирский полк в Отечественной войне 1812 года. С. 289.
43. Журнал военных действий с 1-го сентября по 31 декабря 1812 г. // Толь Е.Н. Генерал-квартирмейстер Карл Федорович Толь в Отечественную войну. СПб., 1912. С. 45, 71; Бессонов В.А., Попов А.И. Действия казачьих отрядов Быхалова и Тимирова в 1812 г. С. 26–34.
44. М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV. Ч. 2. М., 1955. С. 73; Бессонов В.А. Попов А.И. Действия казачьих отрядов Быхалова и Тимирова в 1812 г. С. 35–54.
45. РГВИА. Ф. 846. Д. 3509. Л. 93–94; Материалы Военно-ученого архива. Т. XIX. СПб., 1912. С. 25; Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года: сборник документов / под ред. Л.Г. Бескровного. М., 1962. С. 161–162.
46. РГВИА. Ф. 395. Оп. 1/130. Св. 28. Д. 28. Ч. 2. Л. 636–640; Отечественная война 1812 года: материалы Военно-ученого архива. Т. IV. СПб., 1903. С. 155; Т. XVII.

СПб., 1911. С. 196–197, 200–205, 217–219, 226–229, 232–235, 245–247, 251–254, 322–324.

47. Казачьи войска (хроники гвардейских казачьих частей). С. 261.

48. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. 8. Оренбург, 1909. С. 173.

49. Кузнецов В.А. Участие башкир и мещеряков в войнах с наполеоновской Францией. С. 32–34.

50. Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения Российских войск. Ч. 18. СПб., 1901. С. 19–20; Репин Д.В. Легкая кавалерия в 1812 году. СПб., 2001. С. 30–33.

51. Казачьи войска (хроники гвардейских казачьих частей). С. 227, 261.

52. РГВИА. Ф. 395. Оп. 124/321. Д. 122. Л. 4об, 8, 12об; Ф. 846, Оп. 16. Д. 3511. Л. 5–6; Д. 3488. Л. 302–303; Отечественная война 1812 года: материалы Военно-ученого архива. Т. XVII. СПб., 1911. С. 311; Т. XVIII. СПб., 1911. С. 16, 98; Т. XIX, СПб., 1911. С. 59; Кузнецов В.А. Участие башкир и мещеряков в войнах с наполеоновской Францией. С. 32–33.

53. Рахимов Р.Н. Башкиры и казаки Урала в «Польской армии» (август-сентябрь 1813 г.) // Археография Южного Урала: материалы второй межрегион. науч.-практ. конф. (Уфа, 3 декабря 2002 г.). Уфа, 2002. С. 174–175; Кузнецов В.А. Участие башкир и мещеряков в войнах с наполеоновской Францией. С. 34–37.

54. Шенк В.К. Гренадерские и пехотные полки. Изд. 2-е: справочная книжка Императорской Главной Квартиры. СПб., 1909. С. 79, 108, 148; Габаев Г.С. Указ. соч. С. 161–162, 170, 203–204, 218, 275.

*Р.Н. Рахимов,
г. Уфа*

ВООРУЖЕНИЕ И ХАРАКТЕР ПРИМЕНЕНИЯ БАШКИРСКОЙ КОННИЦЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 ГОДА

В Отечественной войне 1812 г. и Заграничном походе 1813–1814 гг. приняли участие 20 башкирских пятисотенных полков, сформированных в крае в 1811–1812 гг. Еще тысяча башкир, совместно с оренбургскими казаками, сопровождала подаренных башкирами и мишарями правительству 4139 лошадей. В 1811–1814 гг. башкирский полк насчитывал 500 рядовых, или, по терминологии того времени, «башкирцев», 10 пятидесятников («урядников»), пять хорунжих, пять сотников, пять есаулов (обер-офицеры), командира полка и его помощника – старшину (штаб-офицеры). Из нестроевых чинов в полку были – писарь, квартирмейстер и полковой мулла. Итого – 530 человек. Все эти чины были из башкир. Большинство башкир обер- и штаб-офицеров были зауряд-чинами, т.е. их чины не были уравнены с «Табелью о рангах» и считались таковыми только во время

службы. Небольшая часть башкир – командиры полков и их помощники – имели действительные армейские чины: прапорщика, поручика. В процессе боевых действий некоторые башкиры, проявляя героизм и отвагу, были награждены орденами, что в то время сразу давало первый офицерский чин и право на дворянство, иные за отличия получали действительный офицерский чин в качестве награды. Возглавлял полк командующий – офицер российской армии, его сопровождал в качестве писаря унтер-офицер или рядовой из его части (в основном это гарнизонные батальоны, расположенные на Оренбургской пограничной линии) и один-два денщика. В случае назначения нового командующего полком прежний офицер оставался при нем в качестве прикомандированного.

Полковая организация приближала русскую иррегулярную конницу к, если так можно выразиться, «европейским стандартам» войны, позволяла оптимально использовать национальные и казачьи части, одинаковые штаты позволяли штабным офицерам оперативно решать вопросы боевого планирования, снабжения и передвижения войск. Попав в армию, башкирские полки вместе с казачьими входили в казачий корпус М.И. Платова, с казачьими, гусарскими и драгунскими полками – в отдельные отряды, возглавляемые русскими офицерами и генералами, вместе с ополчением – в корпус П.А. Толстого, с резервными войсками – в Польскую армию Л.Л. Беннигсена.

Поскольку полки были конными, никаких повозок в них не полагалось, воины имели лошадь строевую и под вьюком (с имуществом). Вьючная лошадь в случае гибели строевой служила ей временной заменой. Соотношение строевых и вьючных лошадей в 1–6-м башкирских полках по штату было одинаковым, а всего – 1060, в полках 7–20-м – 780, поскольку здесь вьючных лошадей полагалось 250, т.е. одна на двоих. Сокращение штатного количества лошадей, вероятно, было сделано для быстроты комплектования полков и скорейшей отправки их к армии. Кроме лошадей по штату, чиновники и рядовые башкиры могли на свое усмотрение иметь дополнительных лошадей, но кормить их они должны были за свой счет, поскольку фуражные деньги выделялись исключительно на штатных. Как правило, большинство чиновников имело личную вьючную лошадь, а командир полка и его помощник по 2–3 строевые. Фуражное довольствие определялось еще павловскими нормами, утвержденными 19 сентября 1797 г. Согласно им, при нахождении иррегулярного войска в походе «от домов своих далее ста верст, то лошади удовольствуются сухим фуражом только зимнее время по климатам, фураж отпускается в натуре единственно на строевых лошадей, а на вьючных платятся деньги по тем ценам, по каким сено и овес заготавливаются, летнее же время они находятся на подножном корме» [1]. В 1812 г. в Оренбурге из Провиантского департамента

на провиант и фураж выдавалась сумма в 5 тыс. руб. на каждый башкирский полк [2]. У башкир издавна существовал культ коня. Перед походом лошадям откармливали, надевали украшенную металлическими бляхами сбрую, расчесывали гриву. Если в Европе по моде того времени лошадям подстригали гриву и хвосты, то башкиры этого не делали. Для походов использовали лошадей (кобыл) и меринов (кастрированных жеребцов). Как и все кочевники, башкиры лошадей не подковывали, поэтому кузнечное дело у них не получило широкого развития. На боевых лошадях башкиры обязательно использовали стремяна – металлические или деревянные. Вместо шпор башкиры, как и все степные народы, употребляли плетку. Седла имели высокую переднюю луку, которую башкиры использовали при атаке противника, имевшего защитный доспех (панцирь, кольчугу), как упор для копья, направленного вперед. Она же служила для крепления аркана. Зачастую передняя лука имела резное навершие в виде утиной, змеиной или медвежьей головки. Командир отличался богато украшенными серебром конской сбруей и седлом, а также значком на наконечнике копья в виде небольшого флажка-флюгера. В отношении седел и сбруи сохранились воспоминания попавшего в плен гусарского офицера, вестфальца Э. Рюппеля: «Офицеры носили красные шапки, темно-синие меховые кафтаны, перевязь сабли и уздечка у них были украшены серебром, сбруя у них на манер казачьей. Еще я должен заметить, что во всех казачьих, калмыцких и башкирских частях знаком высокого ранга является седло, искусно украшенное слоновой костью, перламутром, серебром или золотом» [3].

Вооружение и снаряжение башкирами приобреталось за собственный счет и состояло в основном из лука со стрелами и копья, некоторые башкиры имели сабли. В основе комплекса вооружения у башкир лежал мощный боевой многослойный лук (адрина), который хранился в кожаном налучнике (саадак). Башкирский лук отличался от северно-русского и сибирского большей изогнутостью и меньшей длиной. Боевой лук отличался от охотничьего (йа), простого, изготовленного из вяза или березы. В целом все башкирские луки, как боевые, так и охотничьи, были небольшого размера, боевой не более 1 м, а охотничий – 1,5 м. Боевые стрелы (ук) имели железные наконечники разных форм (удлиненную четырехгранную, плоскую лавровидную, в том числе были наконечники, предназначенные для пробивания кольчуги) и незначительное оперение. Длина стрел была примерно 1,2 м, они хранились в колчанах (ук хадак) по 16–25 штук острием вниз. Колчаны изготавливались из дерева, кожи, бересты. Составной лук изготавливался из нескольких пород древесины: лиственницы и березы, склеенных особым клеем и обернутых берестой или сухожилиями. Места изгиба усиливались роговыми пластинами. Известны и полностью роговые луки. Тетива (кереш) боевого лука была из сухожилий или из шелка. Изготовление лука

и стрел было достаточно длительной и сложной работой, поэтому после боя воины старались собрать свои стрелы. Случай с башкирской стрелой, попавшей в нос французскому полковнику в бою под Тильзитом, и башкиром, желавшим ее получить, описанный Д. В. Давыдовым, стал хрестоматийным [4].

Интересно, что французы и немцы, хорошо знакомые с Великими географическими открытиями XVIII в. и описаниями конфликтов европейцев с аборигенами, упорно считали, что башкирские стрелы отравлены. Например, английский представитель при российской армии Р. Вильсон, рассказывая о французе, взятом в плен в 1807 г., сообщает, что «офицер, раненый в бедро стрелою, вынул ее, но был всерьез встревожен ложным представлением о стрелах, якобы отравленных» [5]. В. Гете, которому башкиры в 1814 г. подарили лук и стрелы, долгие годы хранил это оружие, иногда стреляя ради развлечения в саду, но также считал, что стрелы могли быть отравлены [6].

Стрельба из лука осуществлялась как с места, так и в движении. Если в европейских средневековых армиях она традиционно осуществлялась исключительно прямо, по ходу движения, то башкиры равно хорошо вели обстрел противника как прямо по ходу движения, так и по монгольскому обычаю, перпендикулярно движению, развернувшись в седле. Убойная сила стрелы в последнем случае уменьшалась, но она компенсировалась мощностью лука и большим количеством стрел, которые мог выпустить всадник. Для скорострельности стрелявший вынимал из колчана и держал наготове несколько стрел в левой руке вместе с луком, а несколько – во рту.

Искусство стрельбы из лука башкир наблюдал во время русско-шведской войны 1788–1790 гг. русский офицер А. Н. Оленин. В ходе переговоров, во время заключения Верельского мира со Швецией в 1790 г. шведский король Густав III пожелал познакомиться с башкирами, и Оленин представил ему своего подчиненного, Акчур-Пая, которого называл «башкирским начальником». Нам представляется, что это возможно – Кучербай Аксулпанов. Вот как описана его джигитовка: «Сей смелый всадник <...> перекинул стремяна через седло коня своего, чтобы сделать их довольно короткими, дабы можно было стоять прямо на ногах, на скаку, во всю конскую прыть, не садясь на седло. После сего первого приема [он] положил на землю старую шапку и пустил лошадь шагом до некоторого расстояния. Приехав на место, ему нужное, он вдруг поворачивает своего коня и бросив поводья на его шею, проскакивает во весь дух мимо шапки, на несколько десятков сажен. Тут поворачивается назад на своем седле, все скакав во весь дух, он простреливает шапку насквозь <...> Проскакивая опять подле шапки и возвращаясь к тому месту, откуда пустился скакать, он повторил тот же прием, и обе стрелы составили над шапкой род литеры X. После сего

действия и опять на всем скаку, [он] бросил вверх яйцо и разбил его при падении, пустив в него стрелу, быструю как молния. Наконец, он вынул из своего тула старую стрелу и бросил ее на землю, потом, подняв ее рукою не слезая с лошади и все скакавши во всю прыть, он бросил ее вверх и на лету расколол, подобно яйцу, пустивши в него новую, свежую стрелу» [7]. В первой половине XIX в. стрельба из лука – по-прежнему любимое занятие башкир. Французский офицер Комб: башкиры «были вооружены луками и стрелами, свист которых был для нас нов, и ранили несколько из наших стрелков. Шея лошади капитана Депену, из моего полка, была пронзена под гривой одной из этих стрел, имевших, приблизительно, четыре фута в длину» [8]. Уже цитированный выше Рюппель: «Вооружены они были казачьими пиками, большими кожаными колчанами с луком и стрелами, также маленькой саблей» [9]. Житель Лейпцига о башкирах, которыми запугали местных жителей французы (1813 г.): «Если не считать лука и стрел, смотреть, собственно говоря, было не на что» [10].

Кроме лука и стрел, в вооружение башкирского воина входило древковое оружие – копье произвольной длины, с железным наконечником, иногда украшенное пучком конских волос, и менее распространенным был кистень в виде железной булавы (иногда капового нароста), прикрепленной на цепи к концу длинного древка. Некоторые копыя имели крюк для скливания противника с седла. Судя по рисункам современников, отдельные башкиры имели трофейные китайские бамбуковые пики, доставшиеся их предкам еще в XVIII в. от калмыков.

Часть башкир имела в качестве холодного оружия сабли. Клинки украшались серебряной насечкой с растительным орнаментом либо сурами из Корана. На эфес закреплялся кожаный ремешок с кисточкой – темляк, одевавшийся во время боя на кисть руки. С 1805 г. башкирским, мишарским и тептярским чиновникам, не имевшим действительных офицерских чинов, разрешалось на сабле носить серебряный темляк как отличительный элемент [11]. В ходе наполеоновских войн многие башкиры обзавелись этим видом оружия. Судя по сохранившимся рисункам, у башкир были сабли персидские (восточные), русские легкокавалерийские образца 1798 г., русские гусарские конца XVIII в., немецкие, французские легкокавалерийские. Ни на одном рисунке у башкир не видно палашей, которые были тяжелы по весу и не приспособлены для нанесения рубяще-режущих ударов. Конный воин имел плетенную из сыромятной кожи плетку. Искусство плетения передавалось по наследству, мастера отличались своим конкретным рисунком. Замени у башкир шпор нагайкой заметил все тот же наблюдательный Рюппель: «Они носили сапоги без шпор, а вместо них использовали нагайку» [12].

Незначительное число воинов имело огнестрельное оружие – турки (фитильные, в XVIII в. кремневые ружья на сошках). Ружье предполагало

наличие шомпола, пороховницы из рога (ку-тукса), кожаных мешочков для пуль (ядра халгыз) и для пыжей (улься), костяную или металлическую мерку для пороха (джау), пулелейку, запас свинца и пороха. Стрельба из турок в бою была явлением редким, исключительным. Для этого было необходимо иметь достаточное количество пороха, чтобы научиться метко стрелять, но в первую очередь необходимо было приучить лошадь не бояться звука выстрела, на что тоже был нужен порох.

Массовое отсутствие огнестрельного оружия связано с последствиями известного указа от 11 февраля 1736 г., по которому башкирам было запрещено иметь кузни, огнестрельное оружие. Его появление связано с башкирским восстанием. Запрет сохранялся вплоть до введения кантонной системы в 1798 г. Однако стоит отметить, что в некоторых случаях правительство закрывало глаза на существовавший запрет. Так, во время направления башкир в Польский поход 1771–1773 гг. небольшая часть башкир прибыла с огнестрельным оружием, и это не стало поводом для выяснения, откуда оно. Хотя после введения кантонной системы башкирам разрешалось иметь огнестрельное оружие, однако на протяжении нескольких поколений был утрачен навык обращения с ним, и наоборот, искусство стрельбы из лука, как мы видели выше, достигло своего совершенства. В ходе боевых действий 1812–1814 гг. башкиры вновь обратились к огнестрельному оружию, заимствуя его в качестве трофея. Башкиры хорошо владели карабинами, но наиболее популярными у них, как и у казаков, были кавалерийские пистолеты.

Защитное вооружение составляли шишаки, шлемы, проволочные кольчуги (тимир кульмяк), металлические панцири, наручи, кожаные доспехи.

Боевое и защитное вооружение определяло тактику ведения боя. Она заключалась в окружении врага и интенсивном обстреле его стрелами, затем, если противник отступал, то он преследовался. В этом случае использовались копья и сабли. Основа боя – нападение на фланг или в тыл противника, его окружение. Сам бой имел характер скоротечных столкновений. Башкиры были знакомы со всеми приемами ведения войны в степи – разведка, сторожевое охранение, заманивание противника в подготовленную засаду, атаки в конном строю, бой батыров перед сражением, охват, фланговые удары, скрытное захождение в тыл, преследование. Они использовали уклонение от более сильного противника в виде распыления и сбора в условленном месте, тактику «выжженной земли», уничтожая систему коммуникаций и снабжения противника. Все свои военные навыки башкиры успешно применяли и в ходе наполеоновских войн. Контакты с донскими казаками привели к знакомству башкир с тактикой атаки лавой, т.е. рассыпному строю с изменяющейся конфигурацией, стремящейся к охвату противника. Из-за разной длины пик встречные атаки сомкнутым строем башкиры не использовали, предпочитая рассыпной строй и бой на дистан-

ции. Индивидуальный бой с применением сабель также не имел широкой практики, навыками его могли владеть воины, имевшие профессиональную подготовку. Однако таковая подготовка у башкир в это время отсутствовала, да и количество холодного оружия было незначительным, чтобы использовать его в качестве учебного.

Необходимо иметь в виду, что в то время вся кавалерия, как русская, так и французская, делилась на тяжелую и легкую. Первую составляли у французов кирасиры, карабинеры, конные гренадеры, драгуны, у русских – кирасиры и драгуны. Тяжелая кавалерия была посажена на крупных лошадях, вооружена палашами и карабинами, действовала в сомкнутом строю, всадники шли в атаку колено к колену, она должна была наносить решающий удар. Остановить разогнавшуюся массу всадников в латах и стальных касках с тяжелыми палашами в вытянутой руке было практически невозможно. Драгуны могли воевать как в конном, так и в пешем строю, для чего имели ружье со штыком. Легкую кавалерию составляли конные егеря, уланы, гусары, у французов еще и шеволежеры. Она была вооружена саблями, пиками, карабинами и пистолетами, использовалась в атаках как сомкнутым, так и рассыпным строем, несла дозорную службу, участвовала в разведке, конвоях, рейдах, партизанских действиях, шла в авангарде армии. Отличительной чертой российской армии было наличие иррегулярной конницы – казачьей и национальной, которую составляли казаки, башкиры, калмыки, крымские татары, мишари. Иррегулярная конница дополняла русскую легкую кавалерию, которой было мало, и, как правило, участвовала в боевых действиях совместно с ней. Приведем несколько примеров использования башкирами различных приемов ведения боевых действий.

Тактика окружения противника его обстрела и преследования. В 1812 г. под Миром польские уланы, попав в засаду, сделанную казаками М.И. Платова, подверглись атаке «башкиров, калмыков, которые обычно двигались галопом, проскальзывая от оврага к оврагу, чтобы стрелять с более близкого расстояния. <...> В мгновение ока равнина у Симаково была затоплена легкими войсками. Толпы башкиров, калмыков и казаков обошли кругом эти неподвижные эскадроны, отрезая им обход и связывая их узлом» [13]. Марбо так описывает атаки башкир под Лейпцигом в 1813 г.: «Они устремились на наших солдат бесчисленными толпами, однако везде были встречены ружейным огнем. Эти потери вовсе не усмирили их пыл. Казалось, они еще больше возбудились. Двигаясь без всякого порядка, используя любые переправы, они непрерывно гарцевали вокруг нас, были похожи на осиный рой, отовсюду ускользали, и нам становилось очень трудно их догонять» [14].

Башкиры, понимая несоразмерность своего вооружения с противником, стремились не вступать в прямой контакт с французской кавалерией, поскольку, по свидетельству Марбо, «когда нашим кавалеристам это удава-

лось, они безжалостно и во множестве убивали башкиров, ведь наши пики и сабли имели громадное преимущество над их стрелами» [15]. Джантюря рассказывая, как на полусотню башкир напали 20 французских кирасиров (он называет их «те, что носят стальные доски на груди»), сообщает ужасающий результат этого боя – французам осталось 12 человек, потеряв 8, они убили 25, а 25 оставшихся в живых раненых башкир взяли в плен. Джантюря объясняет, как он смог убить в бою одного из кирасиров: «Мы вскочили на коней, пики приперли к седлам и с гиком бросились на злодеев. Лошадь подо мной была бойкая, я навывлет проколол одного» [16]. В мемуарах Марбо описано весьма оригинальное, если так можно выразиться, действие командования под Лейпцигом, которое посылало практически невооруженных башкир в лобовые атаки французской кавалерии, чтобы с их помощью нарушить боевые порядки противника, подкреплялись эти атаки гусарами, «чтобы использовать беспорядок, который могли создать башкиры». Как правило, командование старалось беречь любую конницу – регулярную, казачью или национальную, но, как видно из этого примера, ценность регулярной кавалерии для начальников была выше, нежели национальной конницы.

Кстати, Марбо не только наблюдал атаки башкир и описал стрельбу из луков, но пытался проанализировать свой опыт. Так, он считал, что «башкиры, не умеющие подчиняться никаким командам, не знали, как строиться в ряды», из-за чего делал вывод, что «башкирские всадники не могли стрелять горизонтально, не убивая и не ранив своих же товарищей, скакавших перед ними». Далее он описывает саму стрельбу: «Башкиры пускали свои стрелы по дуге в воздух, и стрелы при этом описывали большую или меньшую кривую, в зависимости от того, насколько удаленным от себя лучники считали врага. Однако такой способ пускать стрелы во время боя не позволяет точно прицелиться, поэтому 9/10 стрел падают впустую, а то небольшое количество, какое достигает противника, при подъеме уже теряет почти всю силу, что сообщает стреле тетива лука. Поэтому, когда стрела попадает в цель, она имеет лишь силу собственного веса, а он совсем не велик, из-за этого стрелы обычно наносили только очень легкие ранения» [17]. В данном случае французский офицер считал, что у башкир тактика влияла на способ применения оружия, когда на самом деле, наоборот, характер вооружения диктовал тактические приемы. Способ стрельбы был вполне продуманным, поскольку в бою невозможно убить всех противников, главная задача – вывести их из строя, нанеся ранения, – стрельбой из лука выполнялась вполне. Это и видно в описании: поскольку «некоторое количество стрел, выпускаемых в воздух, все же наносило кое-какие тяжелые ранения. Так, один из самых смелых моих унтер-офицеров по фамилии Меслен был пронзен стрелой насквозь. Стрела вошла в грудь и вышла из

спины! Бесстрашный Меслен схватил эту стрелу двумя руками, сломал ее и сам вырвал оба обломка стрелы из своего тела. Однако это не могло его спасти: он скончался через несколько мгновений» [18]. Здесь стоит заметить, что сам Марбо был тоже ранен башкирской стрелой в ногу.

Прием заманивания противника ложным отступлением в засаду. Его башкиры использовали в бою под Тильзитом в 1807 г.: «Несколько охотников, владея ружьем, завели с неприятелем перестрелку, выманивали его, дали к деревне Колм, и разохотили французские эскадроны к преследованию новых невиданных ими людей. Одна башкирская команда стояла за возвышением, за которым трудно ее было видеть, другая подпустил неприятеля в довольное расстояние пустила в кавалерию несколько сот стрел, скрытая же команда сделала потом быстрый поворот на право и ударила дротиками во фланг неприятелю, который не мог устоять, будучи изумлен и замешан новостью оружия, с которым против него действовали. Башкирцы гнали кавалерию до самой пехоты, принудив их сильным огнем оставить конницу которой они не давали пощады» [19].

Башкиры активно использовались командованием при блокаде крепостей в качестве подвижных отрядов, нарушавших коммуникационную линию наблюдательных пикетов. Так, во время блокады Глогау в 1813 г. французский гарнизон отказался от содержания по ночам караулов по р. Одере, поскольку они сильно страдали «от набегов мешеряков и башкир под покровом темноты», лишь на рассвете посты занимались французскими пикетами [20]. Такие же успешные ночные атаки на французские посты, даже в пешем строю, совершали башкиры 15-й Башкирского полка во время блокады Гамбурга [21]. В 1813 г. в Голландии башкиры 1-го полка в ночной атаке штурмом взяли Тергейд. Бенкендорф, командовавший отрядом, сообщает, что к нему подошел «князь Гагарин <...> с Башкирским полком, эскадроном гусар и двумя орудиями. Не раздумывая над тем, что враг по числу намного превосходит его, ночью князь предпринял атаку, закончившуюся полным успехом: Тергейд был отнят, захвачено 200 пленных, а остальные были обязаны своим спасением лишь покрову ночи и труднопроходимой местности» [22].

Башкирская конница постоянно использовалась командованием в 1812 г. в арьергарде. Здесь башкиры несли сторожевую службу, находились в пикетах, участвовали в перестрелках, атаках авангарда противника. Французский офицер Комб, сообщая о событиях 5 и 6 сентября 1812 г., упоминает, что «русская армия прикрывала свое отступление цепью стрелков, составленной из казаков, калмыков и башкир» [23]. В 1812 г. в бою у д. Молево Болото башкиры 1-го полка сначала вели успешную перестрелку, а затем атаковали французских гусар [24]. Точно так же башкиры в 1813–1814 гг. несли службу в авангарде наступающих армий союзников в Германии и во Франции.

Использовалась башкирская конница и против неприятельской пехоты. Согласно тактике того времени, если пехота вовремя успевала заметить кавалерию, то она перестраивалась в каре, представлявшее собой прямоугольник, внутри которого находились офицеры, музыканты и знаменосец. Выставив перед собой ружья со штыками, каре одновременно вело стрельбу. Прорвать пехотное каре кавалерии было не под силу даже кирасирам. Но если пехота этого делать не успевала, то она подвергала себя смертельной опасности. В 1813 г. противник, находясь в заблокированном Данциге, попытался сделать вылазку за продовольствием. 23 января у с. Brentaу колонна французов была окружена донскими казаками и башкирами 1-го полка. Итог – колонна уничтожена полностью, убито 600, взято в плен 200 французов. 21 ноября 1813 г. около 100 человек французской пехоты, сбив пикеты казаков, заняли д. Гринбург. Казаки их контратаковали, им в подкрепление был дан поручик Елизаветградского гусарского полка Шияновский с 10 гусарами и 10 башкирами. Атака завершилась тем, что французы бежали к д. Вилсдорф, потеряв несколько человек убитыми и пленными [25].

Приведенные выше примеры, которых на самом деле больше, ярко показывают, что в ходе наполеоновских войн башкирская конница продемонстрировала свои лучшие качества, а ее военное искусство непрерывно развивалось и обогащалось. Она равным образом хорошо противостояла как легкой кавалерии противника, так и пехоте, была незаменима в арьергарде, авангарде, партизанской войне. В отличие от регулярной армии башкиры вели активные боевые действия даже ночью. Уже в 1813 г. башкирская конница могла совместно действовать не только с казаками, но и с частями регулярной кавалерии, гусарами, уланами, что предполагало знание ее офицерами кавалерийских уставов, команд, понимание тактического замысла командования. Все это показывает возросшее мастерство и опыт командиров-башкир. В ходе войны они учились у казаков, у офицеров регулярной армии, наконец, у своего противника.

Примечания

1. Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 16. Оп. 227. Д. 2898. Л. 54 об.
2. РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2982. Л. 144.
3. Rüppel E. Kriegsgefangen im Herzen Russland. Berlin, 1912. S. 138–139.
4. Давыдов Д. В. Тильзит в 1807 году // Сочинения в трех томах. СПб., 1893. Т. 1. С. 294–296.
5. Цит. по: «Любезные вы мои...». Уфа, 1992. С. 228/перевод А. З. Асфандиярова.
6. Эккерман И. П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни. М., 1986. С. 490.
7. Оленин А. Н. Археологические труды. СПб., 1882. Т. II. С. 81–83, 85.
8. Французы в России, 1812 г. По воспоминаниям современников-иностранцев. М., 1912. Ч. I. С. 144.

9. Rüppel E. Ibid. S. 138–139.
10. Hussell. Die ersten russen in Leipzig // Kampf um freiheit. Dokumente zur zeit der nationalen erhebung. 1789–1815. – Berlin, 1954. – S. 325.
11. ЦИА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 167. Л. 31.
12. Rüppel E. Ibid. S. 139.
13. Турно К. Воспоминания польского офицера // Воин. 2002. №10. С. 47.
14. Марбо М. Мемуары генерала барона де Марбо: пер. с франц. М., 2005. С. 661.
15. Там же. С. 661.
16. Зефилов В. Рассказ башкирца Джантюри // Башкирия в русской литературе. Уфа, 1989. Т. 1. С. 410.
17. Марбо М. Указ. соч. С. 674.
18. Там же. С. 674.
19. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 68. Д. 83. С. 83–84.
20. Военский К. А. Костромское ополчение в 1812 году. СПб., 1909. С. 18.
21. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3418. Л. 13.
22. Бенкендорф А. Х. Записки. 1812 год. Отечественная война. 1813 год. Освобождение Нидерландов. М., 2001. С. 231.
23. Французы в России... С. 144.
24. РГВИА. Ф. 29. Оп. 1/153. Св. 5. Д. 8. Л. 137 об.
25. РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208Г. Св. 7. Д. 30. Ч. 6. Л. 63.

*С. В. Джунджузов,
г. Оренбург*

СТАВРОПОЛЬСКИЙ ТЫСЯЧНЫЙ КАЛМЫЦКИЙ ПОЛК: ПОРЯДОК ФОРМИРОВАНИЯ И ПРОХОЖДЕНИЯ СЛУЖБЫ

Кардинальные изменения в организации и условиях отправления ставропольскими калмыками военной и пограничной службы произошли вследствие принятия 2 ноября 1803 г. Положения об устройстве Ставропольского калмыцкого войска. С этого времени из служилых калмыков формировался тысячный Ставропольский калмыцкий полк. Его штатное расписание было заимствовано у Оренбургского казачьего войска. Даже в официальных документах ставропольских калмыков все чаще стали именовать казаками.

Ежегодно на охрану Оренбургской линии полк выставлял половину своего состава. Определение очередности наряда вменялось в обязанность войсковому атаману и Войсковой канцелярии. Каждый калмыцкий казак должен был отправлять службу лично, без каких-либо замен. Улучшилось материальное довольствие призывников. Если прежде за все время следования до назначенных постов им выдавалось по 1 рублю, да еще и при условии, чтобы от Ставрополя они находились на расстоянии не менее 500

верст, то теперь им начинали выплату жалования сразу после прохождения первых ста верст пути. Причем содержание и жалование должны были выдаваться в размерах, установленных для других иррегулярных полков [1].

Таблица 1 – Штат 1803 г. Ставропольскому калмыцкому полку

Звание	Число людей	Годовое жалование	
		одному	всем
полковников	1		200
есаулов	10	100	1000
сотников	10	80	800
хорунжих	10	60	600
квартирмейстеров	1		80
писарей	2	18	36
урядников	40	20	800
рядовых	1000	12	1200
всего	1074		15616

Источник: ГАОО. Ф. 6. Оп. 11. Д. 323. Л. 126.

Положением не предусматривались возрастные ограничения для выхода служивых калмыков в отставку. На отставку могли рассчитывать только «дряхлые» старики, неизлечимо больные и увечные. Нежелание правительства определять предельный возраст для военнообязанных объяснялось освобождением войсковых калмыков от всех повинностей, кроме обязанности быть готовыми к государственной службе и, что особо подчеркивалось, постоев. Постановления об отставке нижних чинов выносились совместно атаманом и Войсковой канцелярией. Согласований в высших эшелонах власти требовали отставки офицеров. Составленное атаманом и Войсковой канцелярией представление через инспектора войск Оренбургской инспекции передавалось на усмотрение Императора [2]. В соответствии с пунктом 9 Положения 1803 г. сложилась следующая практика. Офицеры и заурядчиновники могли ходатайствовать об отставке только в случае болезни. Их прошения поступали в Войсковую канцелярию, где в Общем присутствии лекарем производилось освидетельствование состояния здоровья. В случае положительного решения представление об увольнении направлялось вышестоящему начальству в Оренбург. Решение об увольнении урядников и рядовых находилось в компетенции войскового атамана. С этой целью он через каждые два года вместе с одним из канцелярских советников совершал инспекторские поездки по войску. Служилые калмыки, внесенные в списки кандидатов на отставку, направлялись в Ставрополь для медицинского освидетельствования. Во время тех же объездов атаманом составлялись списки войсковых малолетков, пригодных к поступлению в полк [3].

Наряду с поступлением и отставкой регламентировался и порядок прохождения службы старшим и младшим командным составом – прописывались правила назначения на вакантные должности и основания для присвоения чинов и званий. Производство в действительные офицерские чины допускалось только для тех войсковых старшин, которые проявляли отличия на военной службе. Представление о каждом из них через инспектора войск поступало на усмотрение императора. Назначения на вакантные должности войсковых и ротных старшин в званиях зауряд утверждались Военной коллегией по удостоверению войскового атамана и Войсковой канцелярии через инспектора войск. Зауряд-офицером в Русской армии XIX – начала XX вв. называли военнотружущего, занимавшего офицерскую должность, но не имевшего офицерского чина. В военное время, когда Ставропольский калмыцкий полк был задействован в боевых действиях за пределами России, представления к производству в очередные чины и звания должны были исходить от походного атамана или полковника к генералу, командующему армией или корпусом. Производство в нижние войсковые чины находилось в компетенции войскового атамана.

Положение 1803 г. упорядочивало и одновременно стимулировало стремление войсковых старшин к продвижению по службе. Не допускалось производство в следующий чин сверх комплекта, установленного штатным расписанием. Однако при выдвижении претендента на освободившуюся вакансию учитываться должны были не только родовитость, но и способность к несению службы, усердие, а в военное время – храбрость и отвага, проявленные в столкновениях с неприятелем [4].

Наряду со штатным расписанием калмыки-казачки Ставропольского полка получали форменное вооружение и обмундирование. Комплект оружия калмыцкого воина включал карабин, пару пистолетов, саблю и пикку. Мундир состоял из синих шаровар и кафтана с красным воротником и выпушкой, красной шапки с черным околышем, черного кушака. Под конское седло поверх потника подстился синий чепрак с красной оторочкой. Обмундирование офицера отличалось наличием серебряного казачьего прибора [5].

Введение форменного обмундирования казачьего образца требовало значительных денежных затрат. Чтобы хоть как-то смягчить связанные с его покупкой неизбежные материальные затруднения, в статью 9-ю Положения было включено следующее пояснение: «К построению сих мундиров нижних чинов не принуждать, а делать их тогда, когда придет в ветхость нынешнее их одеяние». Однако это незначительное послабление не снимало остроты проблемы. Служилые калмыки оказались не в состоянии за счет собственных средств покрыть расходы, связанные с приобретением обмундирования установленного образца. В итоге Войсковой канцелярии пришлось впервые прибегнуть к обложению денежным сбором

всего населения, вне зависимости от принадлежности к полковой службе [6]. В 1804 г. на снаряжение приписанных к Ставропольскому полку 1042 казаков-калмыков войсковым обывателям пришлось раскошелиться на 22123 рубля [7].

Контракт на изготовление оружия с тульскими оружейниками Гнидиными и Вешниковыми был заключен командированными в Тулу полковым есаулом Яковом Чандукатаевым и сотником Барышевским. В рапорте правления Тульского оружейного завода в Государственную военную коллегию от 17 февраля 1805 г. сообщалось, что упомянутые оружейники подряжались «сделать из собственных своих материалов для Ставропольского калмыцкого полка ружей на вид гусарских карабинов с крючками железными, шомполами, трещетками, пыжевниками, и погоны с кольцами 634, да старых карабинов переделать против новых 108, пистолет на вид гусарских с приборниками 542 пары, офицерских пистолетов в ореховых ложах с железным прибором и деревянными шомполами 31 пару, пистолетных шомполов железных 500, отверток 1 042, фурм для литья пуль 10-ть, дротиков казацких 500, казацких сабель 517, гусарских крючков 190, да переправить заново старых сабель 85» [8].

Боевое оснащение Ставропольского калмыцкого полка завершилось в 1806 г. К этому времени Россия находилась в состоянии войны сразу с тремя государствами: Османской империей, Персией и наполеоновской Францией. Армия остро нуждалась в подкреплении. 9 ноября 1806 г. на имя оренбургского военного губернатора князя Г. С. Волконского Александром I был отправлен рескрипт, содержащий требование о немедленном снаряжении к походу оренбургских казаков и ставропольских калмыков.

Участвуя в кампаниях 1806–1807 гг., в Отечественной войне 1812 г. и в Заграничном походе, Ставропольский полк снискал множество хвалебных откликов от войскового командования разного уровня. По подсчетам тольяттинских краеведов, всего за кампанию 1812–1814 гг. калмыки получили 477 наград [9]. Отличавшиеся в схватках с неприятелем офицеры повышались в чинах и представлялись к награждению орденами Св. Анны и Св. Владимира разных степеней, а рядовые калмыки-казаки – «знаками отличия военного ордена». Отдавая должное ратным подвигам ставропольских калмыков, Г. Н. Прозрителев указывал: «В течение всего похода, включая и взятие Парижа, Ставропольский полк, как и другие калмыцкие полки, принимал самое деятельное участие во всех передовых выступлениях и в целом ряде серьезных сражений с удивительной стойкостью и мужеством, имея при этом, даже и по тому времени, самое примитивное оружие и вступая в бой с первоклассными войсками того времени, руководимыми великим завоевателем» [10]. К сожалению, очень часто, увлекшись описанием сражений и блистательных побед, исследователи забывают о людях, ценой

жизней которых они обеспечивались. Невосполнимые демографические потери, понесенные СКВ в войнах с Наполеоном, сопоставимы разве что с пугачевским лихолетьем. По сведениям Г. И. Беликова, основывающегося, в свою очередь, на указаниях рапорта генерал-майора Денисова 7-го от 21 июля 1814 г. на имя генерал-лейтенанта Орурка, за три года войны Ставропольский полк потерял 134 человека. Г. Н. Прозрителев число потерь ставропольских калмыцких казаков доводит до 210 человек [11]. Демографические потери включают в себя не только убитых и умерших участников войны, но и детей, не родившихся за все то время, когда служилые калмыки были оторваны от родных очагов. В итоге, мужское население войска с 1803 по 1815 гг. сократилось с 2648 до 1984 человек, или на 25%.

После возвращения из Заграничного похода ставропольские калмыки к участию в войнах России с внешним врагом больше не привлекались. Они продолжали нести пограничную службу на форпостах Оренбургской линии и периодически направлялись в соседние уезды для содействия полиции в поддержании порядка и поимки преступников.

Ко времени расформирования войска заметно снизилось качество военной подготовки служилых калмыков. На командные должности назначались войсковые чиновники, не имевшие военного опыта. Согласно списку, представленному командующему Оренбургским корпусом военному губернатору В. А. Перовскому 3 июля 1835 г., из 32 командных должностей только три были заняты лицами, имевшими офицерские звания. Остальные вакансии занимали зауряд-чиновники [12]. В 20 – 30-е годы XIX в. непомерно возросли тяготы и расходы, связанные с несением казачьей службы. Укомплектованность личного состава Ставропольского тысячного полка в 1835 г. составила менее чем три четверти от предусмотренного штатным расписанием. При этом некомплект офицеров составил 9,3, урядников – 7,5, рядовых – 35,3% (табл. 2).

Служилые калмыки стали чаще командироваться на пограничную службу. К охране границ была также приравнена шестимесячная служба, заключающаяся в несении караула при канцелярии и присмотре за конным заводом. Для обеспечения исполнения нарядов военное начальство вынуждено было искать способы к удержанию на службе даже тех пожилых калмыков, основания к отставкам которых, в силу старости и болезней, не оставляли сомнений. Предписанием инспектора войск Оренбургской инспекции оренбургского военного губернатора графа Сухтелена от 13 декабря 1832 г. часть из представленных к отставке калмыков-казаков была удержана на службе с приказанием «при неспособности их к фронтной, употребить на домашнюю службу, по мере их фактических способностей». С того времени стало нормой привлекать не освобожденных от службы престарелых калмыков к присмотру за больными в войсковом госпитале. Их также обязали давать вспомоществование деньгами и ло-

шадьми калмыкам, командиремым на службу. Вскоре это правило без всякого начальственного предписания распространили и на отставных калмыков [13].

Неукомплектованность Калмыцкого полка казаками призывного возраста вынуждала командование Оренбургского корпуса ограничиваться призывом на летнюю службу трех сотен ставропольских калмыков. Войсковая канцелярия наблюдала за тем, чтобы в командировку направлялись исключительно очередные и годные к охране границ служилые калмыки, с исправным оружием и лошадьми. Дата выезда из Ставрополя определялась требованием прибытия к месту назначения «непрерывно» 15 мая, чтобы уже на следующий день они могли приступить к исполнению служебных обязанностей. Сопровождавший команду офицер обязался на заставах и в местах ночлега брать квитанции. Собираемые бумаги свидетельствовали о благополучном продвижении воинского контингента и служили гарантией от злоупотреблений. В инструкции особо подчеркивалось: «без денег и за деньги ни у кого насильно не брать и никому никаких обид» не делать. Одна часть расписок сдавалась кордонному начальнику по месту прохождения службы, вторая – в Ставропольскую войсковую канцелярию после возвращения [14].

Таблица 2 – Ведомость от 26 мая 1835 г. о составе Ставропольского калмыцкого полка

Звания	По штату	Имеется	Налицо	Некомплект
штаб-офицеров	1	–	–	1
обер-офицеров	6	3	3	3
урядников	40	37	29	3
рядовых	1000	747	543	253
Всего	1047	787	575	260

Источник: ГАОО. Ф. 6. Оп. 5. Д. 10601/14. Л. 87.

В Ставропольском войске сложился своеобразный, в определенной степени даже ритуальный порядок снаряжения очередников на службу. Наряд первоначально производился в Войсковой канцелярии по перечневому ротному списку казаков, числившихся в полку. Затем полковым командиром составлялся штатный список командиремых, который опять представлялся в Войсковую канцелярию. Рассмотрев список, члены канцелярии в полном составе отправлялись к месту сбора, где в непосредственном общении выясняли, не имеет ли кто из командиремых претензии на наряд. Если жалобы о нарушении очередности или какие-то иные, в основном, семейные причины признавались уважительными, то со стороны канцелярии вносились необходимые перемены [15]. В 1835 г. состоявший при оренбургском военном губернаторе для особых поручений полковник Н. А. Мансуров

произвел осмотр Ставропольского полка. В рапорте по военной части он был вынужден указать на ряд существенных упущений и недостатков.

Во-первых, серьезные нарекания вызвали отдельные предметы экипировки служилых калмыков и выставленные ими лошади: «Амуниция дурно пригнана, шинелей недостает... Пики не у всех форменные. В некоторых ротах, особенно в Преображенской, узды, пахва [16] и паперсти [17] не форменные и никуда не годные. Люди сидят на лошадях смело и крепко, но по большей части лошади дурны, малорослы и не сбережены для службы, а употребляются на все работы».

Во-вторых, продемонстрированные перед Мансуровым полковые учебные маневры свидетельствовали о плохой военной подготовке как рядовых калмыков, так и их командиров. «По фрунтовой части офицеры и нижние чины имеют весьма малое понятие. Строй их в одну линию. Не знают расчета для поворотов. Атаки не быстры. И, наконец, иные не только стрелять, но и прикладываться (*к стрелковому оружию* – С.Д.) толком не умеют» [18].

Истоки обнаруженных недостатков Мансуров усматривал в непрофессионализме командовавшего полком зауряд-сотника Талхаева и ограниченности предоставленных ему полномочий. Вся полнота власти, в том числе и в области военного управления, осуществляемая на коллегиальных началах, была сосредоточена в Войсковой канцелярии. Придавая своим решениям форму предписаний, члены канцелярии слагали с себя всякую ответственность, перекладывая их исполнение на командира полка. Но в силу отсутствия авторитета и необходимых полномочий зауряд-сотник Талхаев, при всем своем усердии, не мог справляться с поручениями канцелярии. По наблюдениям инспектирующего полковника, командира полка не слушались, не уважали и даже безнаказанно оскорбляли.

Меры, предложенные Н. А. Мансуровым к исправлению ситуации, сводились, прежде всего, к повышению статуса полкового командира. Он должен был обладать правом представления рядовых калмыков к производству в урядники, ходатайства перед Войсковой канцелярией о повышении в звании зауряд-офицеров и назначении их на должности ротных командиров. К его полномочиям также могли быть отнесены наблюдение за исправностью лошадей и амуниции и проведение учебных занятий по совершенствованию владения оружием рядовым и командным составом.

Для повышения боевой подготовки Ставропольского полка полковник Мансуров предлагал ежегодно формировать из находящихся в Оренбурге на линейной службе калмыков учебную команду, направляя в нее по четыре урядника и по четыре рядовых от каждой роты. Предполагалось, что после возвращения домой полученными на службе знаниями они поделятся с однополчанами. Кроме того, в середине сентября для производства поротных смотров и военных учений полк должен был созываться на недельные или двухнедельные сборы [19].

Однако рекомендации полковника Мансурова так и остались благими пожеланиями. В течение последующего года ситуация даже ухудшилась. На заступившего в 1836 г. на должность атамана Ставропольского войска полковника Золотарева служилые калмыки произвели удручающее впечатление: «Люди обмундированы по новому образцу. Но поступившие вновь на службу из отставных и малолетков форменной одежды не имеют. Нижние чины одеваются небрежно. Оружие у многих неисправно. Подсумки и панталеры дурно пригнаны и дурно содержаны. Пики имеют не форменные. У киверов опушка частью вытерта или облезлая и не единообразная. Седельный прибор, узды, пахвы и паперсти разнокалиберны – у некоторых с медным прибором, а у других без него. Шинели в сравнении с мундирами очень изношены от небрежной ими носки вне службы... Как г.г. чиновники, так и нижние чины все вообще кавалерийских правил в оборотах и никакого учения не знают. Лошади у многих к употреблению во фронт при осмотре не способные» [20]. В 1837 г. Золоторев добился командирования в 1-й казачий оренбургский полк хорунжего Церенжалова и зауряд-есаула Цоринова. У оренбургских казаков они должны были перенять опыт и ознакомиться с порядком прохождения службы [21].

Отмеченные в рапортах Мансурова и Золотарева факты существенных недостатков по части военно-материальной и боевой подготовки калмыков Ставропольского войска были в разной мере свойственны всем военнно-национальным формированиям Оренбургского корпуса. Поэтому политику царского правительства, направленную на постепенное сокращение ино-родческих войск и использование их на военной службе в качестве отдельных формирований, следует признать вполне целесообразной и оправданной. В разное время на протяжении XIX в. в Оренбургском крае на положение гражданских обывателей были переведены служилые татары, башкиры, тептяри и мишари. Ставропольским калмыкам была уготована иная судьба. Они влились в состав ОКВ и продолжали на общих основаниях с оренбуржцами призываться на военную и пограничную службу.

Примечания

1. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). 1830. Т. XXII. С. 973.
2. ПСЗРИ. Т. XXII. С. 975.
3. ГАОО. Ф. 6. Оп. 11. Д. 323. Л. 40.
4. ПСЗРИ. Т. XXII. С. 974–975.
5. Там же. С. 975.
6. Статья 4 Положения 1803 г. предусматривала право Канцелярии «участвовать в постройке мундиров, обуви и прочего, созывая к сему обывателей, предлагая им нужду и отдавая на их волю выбрать из себя людей для произведения покупки или постройки, и определить нужную для сего складку или займообразную сумму». Там же. С. 973.

7. ГАОО. Ф. 6. Оп. 11. Д. 323. Л. 41.
8. Цит. по: Беликов Т.И. Калмыки в борьбе за независимость нашей Родины (XVIII – начало XIX вв.). С. 118–119.
9. Как ставропольчане коней в реке Сене купали // Тольятти-Вечерок. 2009. №20. 25 мая
10. Прозрителев Г.Н. Военное прошлое наших калмыков 1812–1912. С. 114.
11. Г.И. Беликов считает, что Прозрителев в число погибших зачислил больных и откомандированных. См.: Беликов Т.И. Калмыки в борьбе за независимость нашей Родины (XVIII – начало XIX вв.). С. 151.
12. ГАОО. Ф. 6. Оп. 5. Д. 10601/14. Л. 61–65об.
13. Там же. Оп. 11. Д. 323. Л. 40–41.
14. ГАОО. Ф. 6. Оп. 11. Д. 154. Л. 64–64об.
15. ГАОО. Ф. 6. Оп. 11. Д. 323. Л. 40.
16. Пахва – подхвостник, ремень с очком от седла, в него продевается хвост лошади, чтобы при спуске под гору седло не съезжало коню на шею.
17. Паперсть (паперс) – конский нагрудник, передняя подпруга, при крутых подъемах пристегнутая на грудь лошади.
18. ГАОО. Ф. 6. Оп. 5. Д. 10601/14. Л. 59.
19. ГАОО. Ф. 6. Оп. 11. Д. 323. Л. 15–16.
20. Там же. Д. 501. Л. 169.
21. Там же. Д. 564. Л. 23.

*В.А. Кузнецов,
г. Челябинск*

УЧАСТИЕ ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 ГОДА

В этом году страна отмечает одно из величайших событий в политической и военной истории России – 200-летие Отечественной войны 1812 г. Свой вклад в победу над французской армией внесли и народы обширного в то историческое время Оренбургского края. Интерес к героическим событиям войны вызван в первую очередь ее значимостью: война затрагивала жизненные интересы всех сословий России, в ней решалась не только судьба нашей страны, но и будущее устройство европейских государств. И спустя два века, историки и писатели, обращаясь к эпохе войны 1812 г., обнаруживают все новые пласты неисследованного материала, позволяющие им создавать научные труды и художественные произведения.

Надвигалась гроза 1812 г. Россия начала готовиться к ней заранее. В это время наша армия ощущала недостаток в кавалерии, а для подготовки кавалериста из рекрута требовалось немало времени. Без достаточного количества этого мобильного рода войск армия выглядела бы слабой. Поэтому

правительством было принято решение о более широком привлечении к непосредственным боевым действиям конных полков иррегулярных войск. Особенно значительную роль сыграли в ходе войны казачьи формирования, насчитывавшие более 50 полков. Часть из этого количества полков поставили Донское, Оренбургское и Уральское казачьи войска. Иррегулярная конница выполняла важнейшие задачи: активно действовала в ходе контрнаступления, уничтожала опорные пункты противника, несла разведывательную службу, осуществляла рейды по его тылам.

Народы нашего края активно участвовали в войне с Францией и ее союзниками в составе как регулярных, так и иррегулярных частей, сформированных на территории Оренбургской губернии. В составе действующей армии во время войны находились: Екатеринбургский и Рыльский пехотные полки 23-й пехотной дивизии, Оренбургский драгунский полк, Уфимский пехотный полк, 1, 2, 3, 4 и 5-й полки Уральского казачьего войска, 1, 2, 3-й и Атаманский полки Оренбургского казачьего войска, 20 башкирских полков, 1-й и 2-й мещеряцкие (мишарские) полки, 1-й и 2-й тептярские полки, Ставропольский калмыцкий полк.

Из перечисленных частей с самого первого дня войны участие в боях с французами принял личный состав Оренбургского драгунского, Уфимского, Екатеринбургского и Рыльского пехотных полков, в которых могли служить рекруты, призванные в крае, и иррегулярных (1 и 2-го Башкирского, 1-го Тептярского, Ставропольского калмыцкого) полков. Эти иррегулярные части были сформированы и отправлены на театр будущих военных действий еще в 1811 г. 1-й Башкирский полк сформировали из башкир 9-го кантона, 2-й полк – в 7 и 12-м кантонах. К началу войны 1-й полк (командир – майор Нарвского драгунского полка М. М. Лачин) входил в состав корпуса М. И. Платова 1-й Западной армии и 2-й полк (командир – майор Курбатов) входил в состав 3-й Обсервационной армии. С началом военных действий Оренбургский драгунский полк 3-й кавалерийской дивизии вошел в арьергард 1-й Западной армии, участвовал в Смоленском сражении и при Валутиной горе. В дальнейшем участвовал в Бородинском сражении при Колоцком монастыре и при Шевардине, затем в районе Курганной батареи (батареи В. Ф. Раевского). Во время заграничного похода преобразованный в уланский полк находился среди частей, осаждавших Гамбург. В 1912 г. на крепостной стене в Смоленске установлена мемориальная доска в честь участия полка в защите Смоленска.

Рыльский и Екатеринбургский пехотные полки в составе своей дивизии и корпуса сражались при Островно, Смоленске, Валутиной горе, в Бородинской битве. После Бородино участвовали в боях при Тарутине, Малоярославце, Вязьме и Красном. Екатеринбургский полк при Бородине потерял 52 человека убитыми, 162 ранеными, 241 пропавшими без вести.

В заграничном походе полк сражался при Кацбахе и Лейпциге и дошел до Парижа. На Бородинском поле в 1912 г. установлен памятник полкам 1-й бригады 23-й пехотной дивизии (Екатеринбургскому и Рыльскому). С 1812 г. Уфимский пехотный полк входил в состав 24-й пехотной дивизии. Он сражался при Смоленске. При Бородине потерял 218 нижних чинов убитыми, 173 ранеными и 197 пропавшими без вести; 2-я гренадерская рота погибла почти полностью. Особенно отличился в бою в районе Курганной высоты 3-й батальон полка, который возглавил начальник штаба 1-й армии генерал А. П. Ермолов при отбитии у французов батареи Раевского. Затем уфимцы участвовали в боях при Тарутине и Малоярославце. Полк участвовал в блокаде Кюстрина, во взятии Дюссельдорфа и Бремена, в боях при Краоне и Лаоне и закончил войну под Парижем. С началом войны 1-й Башкирский полк в составе корпуса М. И. Платова прикрывал отход от границы 2-й Западной армии и воевал при Гродно, Мире, Романове, Инькове, Молево Болото и др. Во время Бородинского сражения 1-й полк участвовал в знаменитом кавалерийском рейде войск Ф. П. Уварова и М. И. Платова в тыл французов. В сентябре–октябре 1812 г. под Москвой башкиры действовали в районе Рязанской и Серпуховской дорог в составе армейского отряда полковника И. Е. Ефремова, затем в отряде полковника князя Н. Д. Кудашева. Полк вел разведку французских войск и имел задачу не допустить их соприкосновения с основными силами русской армии. С января 1813 г. полк участвовал в блокаде крепости Данциг. Так, 28 января М. И. Кутузов в письме Е. И. Кутузовой сообщал о действиях башкир 1-го полка при осаде крепости: «Данциг блокирован. Сегодня получен рапорт, что выходила вылазка человека в тысячу, но вся истреблена казаками и башкирами...»

2-й Башкирский полк майора Курбатова в составе Обсервационной армии генерала А. П. Тормасова 16 июля 1812 г. сражался под г. Кобрином (восточнее Брест-Литовска). За храбрость и отвагу часть воинов-башкир была награждена орденами и медалями. В сентябре–октябре полк воевал при Орли, Свислоче, Мстибове. Затем – в боях под Слонимом, Волковыском, а в декабре 1812 г., находясь в корпусе генерала Эссена, преследовал отступавшие австро-саксонские войска. Свой заграничный поход полк начал в составе корпуса генерала Д. М. Волконского и 27 января 1813 г. вступил в Варшаву. В конце мая полк в отряде генерала гр. Палена, входившего в корпус генерала Остен-Сакена, воевал на подступах к Бреславлю.

Первыми из казачьих полков края приняли участие в Отечественной войне 1812 г. 1-й, 2-й Оренбургские, 1, 2, 3 и 4-й Уральские казачьи полки, находившиеся с 1807 г. в составе Дунайской армии и участвовавшие в русско-турецкой войне. История появления этих полков в армии следующая. Они были отправлены на войну с французами в январе 1807 г. и в июне вошли в казачий отряд М. И. Платова, действовавший против правого кры-

ла французских войск. 27 июня в Тильзите был заключен мир с Францией, и оренбургские казачьи полки вместе с донскими казаками Платова были направлены в Дунайскую армию, в составе которой они участвовали в боях против Турции.

Уже в конце июня 1812 г. Дунайская (Молдавская) армия получила приказ совершить марш на Волынь и соединиться с Обсервационной армией. Вместе с армией совершили этот поход оренбургские и уральские казачьи полки. В начале сентября Дунайская армия подошла к г. Луцку. Командующим объединенной армией (3-й Западной) был назначен адмирал П. В. Чичагов. В середине сентября войска Чичагова выдвинулись из Луцка для действия против саксонских и австрийских войск и 29 сентября вошли в Брест, тем самым блокировали эти войска и лишили их возможности оказать помощь отступающим французам. Другая часть войск 3-й армии непосредственно перекрывала пути отступления наполеоновской армии. В этих боях участвовали оренбургские и уральские казаки. Например, 1-й Оренбургский полк 17–18 сентября участвовал в бою с австрийцами и саксонцами при взятии местечка Любомль, затем в захвате Бреста; 10–12 ноября – во взятии г. Борисова и в упорном бою у д. Стаховой; 22–23 ноября при Молодечно. На этом участие казаков 1 и 2-го оренбургских полков в Отечественной войне 1812 г. закончилось, и они были снова отправлены на границу с Турцией для пограничной службы. Уральские казачьи полки в январе 1813 г. в составе корпуса генерала кн. Г. С. Волконского вели боевые действия в герцогстве Варшавском, а 3-й Уральский полк воевал в Пруссии.

Другие казачьи, башкирские, мещеряцкие полки были сформированы после начала войны. В конце июля 1812 г. во всех станицах Оренбургского и Уральского войска, а также в башкирских и мещеряцких кантонах был объявлен Высочайший манифест от 6 июля о нашествии на Россию неприятеля и о «приглашении всех верноподданных на защиту Отечества...» По решению правительства, в августе 1812 г. в крае началось формирование новых полков, в том числе трех оренбургских (3, 4 и 5-го) и 5-го Уральского полка (из казаков Илецкой и Сакмарской станиц). Затем на основе 4 и 5-го оренбургских полков был сформирован Оренбургский Атаманский казачий полк. Эти полки в октябре выступили на место сбора в Нижний Новгород.

Атаманский полк 29 ноября в Н.-Новгороде получил приказ следовать в С.-Петербург. Затем Атаманский полк 8 марта 1813 г. выступил в поход через Кенигсберг до крепости Данциг, где был включен в состав блокадного корпуса. В активной блокаде Данцига участвовали еще 2-й Тептярский и семь башкирских полков (1-й Башкирский был отправлен в конце января 1813 г. на другой театр военных действий до прибытия для осады других семи башкирских полков). При осаде Данцига в документах часто упоми-

наются действия казаков Атаманского полка, и за участие в боях некоторые чины полка были награждены. Так, «за подвиги в сражениях 17 и 21 августа 1813 г. Войсковому атаману полковнику Углецкому пожалован орден св. Анны 2 класса; атаману Челябинской станицы прапорщику Семену Киржацкому, хорунжему Тихону Приданникову (станция Уйская) – ордена св. Анны 3 класса. Нижние чины полка награждены 14 знаками отличия Военного ордена. Атаманский полк после взятия Данцига некоторое время оставался в крепости, затем был отправлен на родину и прибыл в губернию в декабре 1814 г.

3-й Оренбургский казачий полк майора Я. Белякова, расположенный близ Н.-Новгорода, 3 декабря был причислен к ополчению III округа генерала П. А. Толстого (в состав которого входили ополчения Нижегородской, Казанской, Симбирской, Пензенской, Вятской и Костромской губерний) и получил приказ гр. Толстого 1 января 1813 г. выступить к австрийской границе в составе Нижегородского ополчения. В дальнейшем части III округа были назначены в состав сформированной Польской армии генерала Л. Л. Беннигсена. В конце августа Польская армия перешла реку Одер у Бреславля и во второй половине сентября прибыла к Кульму, где соединилась с Главной армией. Некоторые части ополчения приняли участие в знаменитой Кульмской битве. В конце сентября Польская армия двинулась на Дрезден, а затем к Лейпцигу, куда ее части прибыли вечером 5 октября, то есть на второй день сражения с Наполеоном всех трех союзных армий – Северной, Силезской и Главной. Войска Польской армии 6 октября участвовали в общей битве союзных войск с французами и 7 октября в штурме Лейпцига и взятии его. Уже 9 октября армия Беннигсена выступила из окрестностей Лейпцига для преследования французов, отступавших в направлении Эрфурта, а 3-й Оренбургский полк был передан в состав отряда Платова. С донскими казаками 3-й полк участвовал в сражениях: 10 октября – при занятии г. Веймара, 18 и 19 октября – при взятии г. Ганау и 21 октября оренбургские казаки дошли до Франкфурта-на-Майне.

В середине декабря 1813 г. основные силы армии стали переправляться через Рейн. 3-й полк был передан в это время в казачий отряд генерала кн. Щербатова, состоявший из 3-го Оренбургского, 1-го Тептярского, 4-го Уральского и Донского казачьих полков. В составе этого отряда 3-й полк участвовал в сражениях с французами: 17 января 1814 г. при местечке Ланьи, у г. Бриенна и 20 января – при г. Ла-Ротьер. Затем отряд кн. Щербатова был передан для партизанских действий в тылу противника в отряд генерала А. Н. Сеславина. В феврале полк активно действовал между Орлеаном и Парижем. 9 марта группа Сеславина прикрывала левый фланг армии во время сражения при Арси, а 11 марта отряд был направлен на Фершампенуаз, где 13 марта принял участие в боях. 17 марта отряд сра-

жался под Парижем на левом фланге армии. Во всех боевых делах отряда Сеславина участвовали 3-й Оренбургский, 4-й Уральский казачьи и 1-й Тептярский полки из нашего края. После окончания боевых действий 3-й полк был расположен на границе герцогства Варшавского от г. Гродно до Брест-Литовска и нес кордонную службу.

Что касается других башкирских полков, история их участия в защите Отечества была следующей. 8 августа император утвердил решение военного ведомства о привлечении полков башкир и мещеряков на войну. Каждый кантон, в зависимости от людских ресурсов, снарядил от одного до трех полков.

Первыми были сформированы и направлены к месту сбора в Н.-Новгород 3, 4 и 5-й Башкирские полки, которые прибыли туда в первой половине сентября 1812 г. Далее их направили в район Витебска на усиление 1-го Отдельного пехотного корпуса генерала П. Х. Витгенштейна и уже 14–16 ноября башкиры 4 и 5-го полков приняли участие в боях при Березине. С 17 по 20-е октября прибыли к Н.-Новгороду 6-й Башкирский и 1-й Мещеряцкий, в ноябре с 7 по 20-й Башкирские, 2-й Мещеряцкий и 2-й Тептярский полк. О действиях мещеряков 1-го полка сведений мало, он был направлен в Москву и нес там гарнизонную службу с ноября 1812 по 1814 г. Остальные 15 башкирских полков (с 6 по 20-й) поступили под начало командующего III округом ополчения. Команда 6-го полка была направлена в Новгородскую губернию для подавления волнения крестьян помещика Яковлева, которые не хотели отправляться на работу в Уральские заводы. Полк был оставлен в крестьянских селениях «до наказания виновных». Таким образом, 6-й полк в войне не участвовал, а исполнял внутреннюю полицейскую службу. Согласно ведомости о состоянии войск III округа ополчения на январь 1813 г., к нему были приписаны: 5-й Уральский и 3-й Оренбургский казачьи полки, 2-й Мещеряцкий и с 8-го по 20-й Башкирские полки. Всего в них было 27 штаб-офицеров, 231 обер-офицер, 182 урядника, 7024 рядовых. С середины декабря 1812 по 1 января 1813 г. поэтелонно ополчение III округа выступило в поход на места дислокации в Вольнской губернии. В походе 2-й Мещеряцкий, 18 и 19-й Башкирские полки были приписаны к Рязанскому ополчению; 8, 16, 17-й Башкирские полки – к Костромскому; 5-й Уральский, 3-й Оренбургский, 12 и 13-й Башкирские полки – к Нижегородскому ополчению; 9, 11, 20-й полки – к Пензенскому, а с Симбирским ополчением следовали 14 и 15-й полки.

Что касается дальнейшего участия в боевых действиях 1-го Башкирского полка, то в марте 1813 г. он был переброшен от Данцига в другой корпус, и затем полк принимал участие в сражениях под Берлином и Дрезденом, при Ютербоке, Виттенберге, Десау, в знаменитом сражении под Лейпцигом, под Лаоном и Парижем. 2-й Башкирский полк в это

время был в Силезской армии в составе иррегулярной кавалерии генерала А. А. Карпова. Он также участвовал в сражении под Лейпцигом. В июле-августе 1813 г. на территории герцогства Варшавского была сформирована новая армия под командованием генерала от кавалерии Л. Л. Беннигсена, получившая по месту своего формирования название Польской. В состав ее вошли: части резервной армии Лобанова-Ростовского и полки III-го Нижегородского округа ополчения (без семи башкирских полков, которые еще ранее с Вольни были отправлены к Данцигу, где участвовали в ее осаде до ее капитуляции в декабре 1813 г.). Из нашего региона в составе Польской армии находились: полк оренбургских и два полка уральских казаков, 2-й Мещеряцкий и 8 башкирских полков. Основной их задачей было боевое охранение армии. Иррегулярные полки края привлекались в это время и к другим боевым делам. 30 августа 1813 г. Польская армия перешла в наступление. Костромское ополчение под командованием генерала И. К. Розена вместе с башкирскими и 2-м Мещеряцким полками направлены для блокады крепости Глогау. К блокаде крепости 1 сентября было привлечено и Пензенское ополчение вместе с 8, 12 и 16-м Башкирскими полками. А командующему корпусом (ополчением III округа) гр. Толстому было предписано следовать в Богемию. В состав авангарда корпуса были включены 3-й Оренбургский, 4 и 5-й Уральские казачьи полки, 9, 11, 14 и 15-й Башкирские полки. Войскам авангарда пришлось участвовать в боевых столкновениях с отступающими частями французов.

Из журнала военных действий Польской армии мы узнаем, что часть ополчения III округа с 25 сентября по 30 октября принимала участие в военных действиях под Дрезденом. При этом в начале октября 1813 г. участвовали в осаде Дрездена 2, 13 и 15-й Башкирские, 4 и 5-й Уральские казачьи полки. Так, 15-й полк с 1 октября, находясь в отряде генерала А. М. Булатова, весь месяц провел в стычках с французами. В сражении под Лейпцигом 4–7 октября участвовали 1, 4, 5, 9 и 14-й Башкирские полки. После разгрома французов под Лейпцигом подошли к Дрездену и приняли участие в его осаде еще 1, 4, 5 и 14-й полки. 31 октября после упорных боев гарнизон Дрездена сдался союзным войскам. В числе отличившихся полков в этих боях были упомянуты башкиры из 4 и 14-го полков. Таким образом, иррегулярная кавалерия Польской армии, в составе которой находились 2-й Мещеряцкий, 8 башкирских, 2 уральских и 3-й Оренбургский полки, в период с августа по конец октября 1813 г. активно участвовали в боях.

После Лейпцигской битвы и взятия Дрездена основные силы армии Беннигсена преследовали отступающих французов. Иррегулярные полки в это время в основном использовались для осады городов, в которых французы оставляли небольшие гарнизоны с задачей продержаться до возвращения основных сил Наполеона. Например, ополченческий корпус

гр. Толстого со 2 января 1814 г. участвовал в осаде крупного очага сопротивления французов г. Магдебурга. Упорные бои продолжались несколько недель, в них ополченцы понесли большие потери. Только 18 мая город был взят русскими войсками. Другие башкирские полки в составе Костромского и Пензенского отрядов участвовали в осаде крепости Глогау, которая капитулировала лишь 29 марта 1814 г. Некоторые полки, как, например, 18-й Башкирский, фактически в боевых действиях не участвовали, но, тем не менее, выполняли важные задачи – находились в конвое командующего армией кн. Лобанова-Ростовского, сопровождали в действующую армию транспорты с продовольствием. В боевых действиях на подступах к Парижу в составе армии участвовали 1, 2, 5, 8, 9, 12, 13, 14, 15, 19-й Башкирские полки и 2-й Мещеряцкий. Вместе с регулярными частями вступили в Париж 2, 12, 13 и 15-й Башкирские полки. Вскоре по окончании военных действий башкиры и мещеряки были отправлены на родину, где они, кроме охраны пограничной линии, принимали участие в степных походах и посылались на службу в другие регионы России.

Особую воинскую славу тептярям – сословию, которое жило только в Оренбургском крае, – составило активное участие их двух полков в Отечественной войне 1812 г. Перед ее началом 1-й Тептярский полк был в составе 3-го пехотного корпуса 1-й Западной армии и накануне вторжения французов нес кордонную службу на правом берегу р. Неман, а 2-й полк в это время еще находился на пограничной службе в крае. В первый день войны 1-й полк вступил в бой с передовыми частями неприятеля во время его переправы через Неман. 16 июня особенно сильные бои проходили у г. Вильно, которые продолжались с перерывами с 8 часов утра до 9 часов вечера. Полк, находясь в составе арьергардного отряда кн. И. Л. Шаховского, прикрывал отход армии и отражал атаки французов. В этот день отряд сжег мост, запасные магазины и арсенал в Вильно, удерживая мост при местечке Веерке до 6 часов вечера, тем самым давая возможность оторваться главным силам армии от наступавшего противника. В этом бою полк потерял убитым одного и ранеными двух человек. В конце августа – начале сентября 1812 г. 1-й полк находился в составе Калужского ополчения и действовал в Юхновском уезде Калужской губернии. Затем 120 тептярей с 12 сентября вошли в партизанский отряд Дениса Давыдова, который не раз упоминал о мужественных действиях воинов-тептярей. Давыдов доносил М. И. Кутузову о боевых делах полка: «18 числа (сентября) посланный мной в партию майор Тимиров с вверенным ему 1-м Тептярским полком атаковал неприятеля, взял 125 человек в плен и одну фуру с артиллерийскими снарядами». Об этом событии была сделана запись в Журнале Военных действий, который Кутузов представил императору. Пребывание тептярей в отряде Д. Давыдова было недолгим и закончилось уже 22 сентября,

так как весь личный состав полка командующим Калужским ополчением был направлен к Рославлю, и затем на защиту подступов к Брянску, где ежедневно вступал в бои с неприятелем. Заслуги тептярей были по достоинству оценены воинскими начальниками. В бою при взятии Рославля воины полка уничтожили 70 и взяли в плен 90 солдат противника. Генерал Шепелев ходатайствовал о награждении майора Темирова за умелое управление полком орденом св. Владимира 4 ст. с бантом. За храбрость, проявленную в боях, представили к наградам прапорщика Манасыпова и заурядхорунжего Ибрагимова. 1-й полк преследовал отступающих французов до западной границы России. 2-й Тептярский полк выступил из Оренбургского края 8 сентября 1812 г. в Н.-Новгород, куда прибыл 18 октября. Затем с весны 1813 г. участвовал в осаде Данцига.

1-й Тептярский полк после Лейпцигского сражения участвовал в преследовании отступающего противника, находясь в составе отряда генерала Щербатова, затем в отряде генерала А. Н. Сеславина. 17 марта полк принимал участие в сражении под Парижем при Арси-Сюр-Об, а затем в сражении при Фершампенуазе и закончил свои боевые действия штурмом г. Мелена. После окончания войны оба полка тептярей продолжали участвовать в охране Оренбургской пограничной линии, сопровождали купеческие караваны, вместе с оренбургскими и уральскими казаками принимали участие в степных походах.

Активное участие народов Южно-Уральского региона в защите Отечества является одной из замечательных страниц истории. Полки, сформированные в крае, прошли славный боевой путь, обогатили военные традиции своих народов и внесли существенный вклад в военную историю России.

Литература

1. Асфандияров А.З. Участие башкир в войнах и походах России в период кантонного управления (1798–1865 гг.) // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, 1971.
2. Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 года. М., 1962.
3. Давыдов Д.В. Дневник партизанских действий 1812 года. М., 1941; Давыдов Д.В. Военные записки. М., 1982.
4. Коленкур А. Поход Наполеона в Россию. М., 1943.
5. Кузнецов В.А. Военно-патриотическое воспитание оренбургского казачества. Челябинск, 2004.
6. Кузнецов В.А. Иррегулярные войска Оренбургского края. Самара–Челябинск, 2008.
7. Кутузов М.И. Письма, записки. М., 1989.
8. Лобов Н.Г. Краткая историческая записка об участии оренбургских казаков в Отечественной войне 1812–1814 гг. с Наполеоном. Оренбург, 1912.
9. Маринов. Краткая история (1796–1907) 37 пехотного Екатеринбургского полка. Лодзь, 1907.

10. Матвиевский П.Е. Оренбургский край в Отечественной войне 1812 г. Оренбург, 1962.

11. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. 1 – 12. Оренбург, 1903 – 1915.

12. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года: сб. док. М., 1962.

13. Отечественная война 1812 года: материалы ВУА. Т. 9, 15, 17. 21. СПб., 1908 – 1912.

14. Подмазо А. Российская армия в июне 1812 г. // Родина. 2002. №8.

15. Рахимов Р.Н. История тептярских конных полков. Уфа, 2008.

16. Соколов Д. Башкирское войско в походе русских против Наполеона. Из мемуаров французского генерала Марбо // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. 3. Оренбург, 1897.

17. Тарле Е.В. Бородино. М., 1962.

18. Усманов А.Н. Башкирский народ в Отечественной войне 1812 года. Уфа, 1964.

19. Юдин М.Л. Оренбуржцы в войнах 1812 – 1814 годов. Ташкент, 1912.

20. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3424, ЛЛ. 3 – 6, 16, 17; Д. 3449, ЛЛ. 12 – 19, 24; Д. 3465, ЛЛ. 318 – 340; Д. 3511, Л. 5 – 6; Д. 3488, ЛЛ. 302 – 303; Д. 3401, Л. 15, 22; Д. 3418, ЛЛ. 1 – 6об; Д. 3416, ЛЛ. 6 – 23; Д. 3465, Ч. 12, Л. 307; Д. 16853, Л. 2об.-3; ЦГИА РБ, Ф. 2, Оп. 1, Д. 410, ЛЛ. 11 – 15об., 18; Д. 4022, ЛЛ. 7, 9; Д. 14633, ЛЛ. 4об.-5; Д. 2075, ЛЛ. 20 – 29; Д. 3724, ЛЛ. 22, 30 – 32, 36, 45, 63 – 67, 94 – 95; Д. 3828, ЛЛ. 9, 13, 17; Д. 3829, Л. 40; Д. 4020, Л. 3; Д. 4019, Л. 3; Д. 4021, ЛЛ. 33 – 56, 74 – 77, 91 – 102; Д. 4022, ЛЛ. 3, 10 – 13, 20 – 28; Д. 4023, ЛЛ. 90 – 94; Д. 5124, ЛЛ. 2, 22, 47.

*Н.Ф. Бугай,
г. Москва*

ПОЛЬСКАЯ ОБЩНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (на примере Оренбургской области)[1]

В жизни польского народа, и особенно российских поляков, немало трагических и печальных страниц. За многовековую историю полякам неоднократно пришлось испытать потерю государственности. Однако самая страшная трагедия разыгралась в конце 30-х годов XX в., когда в результате заключенного между Германией и Советским Союзом пакта «Молотов – Риббентроп» поляки окончательно утратили суверенитет. Надо полагать, что причина «боязни Сталина» явилась основой и для появления самого пакта «Молотов – Риббентроп», решившего судьбу Польши в целом. Согласно пакту Польша как государство должна была исчезнуть с карты Европы, польскому народу было уготовано раствориться в пределах двух империй.

Оставшись без родины, без родной земли, поляки были обречены на вымирание, поставлены перед дилеммой: или погибнуть, или продолжать

бороться всеми силами за свою свободу. О столь трагической судьбе поляков предвоенных и военных лет в последнее время в средствах массовой информации Оренбургской области сообщалось многое и неоднократно. Однако вызывает интерес судьба поляков, имевших отношение к Оренбургской области, ставших жертвами политических репрессий. Дело в том, что над темой продолжительное время довлела табу. Мало что известно о трагедиях конкретных лиц из поляков.

Обращение к Оренбургской (Чкаловской) области не случайное. Именно в этом регионе страны (Южный Урал) сосредоточивалась первоначально значительная часть поляков. О них ценнейшие материалы опубликованы Оренбургским областным культурно-просветительским центром «Чэrvонэ Маки» в книге «Дорога на Восток» (Оренбург – Москва, 2006). Значительная часть из этих документов была выявлена в делах Фонда эвакуированных поляков за 1940-е годы председателем правления центра Вандой Селивановской.

История появления поляков в Оренбургской области, как и в ряде других областей России, связана со многими событиями и в первую очередь с мятежами поляков, в результате которых они оказались сосланными в Оренбургскую губернию (Чкаловскую) область. По окончании срока ссылки поляки связывали свою судьбу с этим краем России [2].

Одним словом, история отношений поляков с другими этническими общностями, проживавшими в Оренбургской губернии, Чкаловской (Оренбургской) области отличается колоритом и богатым событийным рядом.

Благодаря полякам еще в Оренбургской губернии была налажена информационная деятельность. Польское сообщество посредством выпускаемых газетных изданий всегда информировалось о жизни не только своего края, но и Польши, России, Советского Союза. В числе таких газет были «Оренбургский листок», «Оренбургская жизнь», «Оренбургское слово» и другие издания. Несомненно и то, что поляки составляли элиту оренбургского сообщества, его интеллигентный слой. Они были и участниками Октябрьской революции 1917 г., и Гражданской войны, и строителями социалистического государства (С.С. Пестковский, Ф.Э. Дзержинский и многие др.), оставаясь высококультурными и образованными людьми. В областном архиве сохранились документы, касающиеся тех поляков, которые были арестованы или по другим причинам прибыли в Оренбургскую область в 1930-е годы. Многие уголовные дела поляков, хранящиеся в областном архиве, возвращают нас к событиям начала того времени и касаются они многих принудительно переселенных поляков.

Значительная часть сведений о поляках, конечно, сохранилась в архиве Федеральной службы безопасности по Оренбургской области. Эти материалы также относятся к началу 1930-х годов, когда репрессивные действия в отношении поляков проводились в плановом порядке.

После подавления басмаческого движения в Средней Азии 11-я кавалерийская дивизия была расквартирована в одном из сел под Оренбургом. По области в это время прокатилась новая волна репрессий, и затронула она в большей мере поляков. 9 января 1931 г. в Оренбурге были арестованы несколько человек, исповедовавших католическую веру. В их числе были белорусы, украинцы, эстонцы. Однако большинство из них составляли поляки. И на сей раз обвинение, предъявленное им, носило стандартный характер – антисоветская контрреволюционная пропаганда.

Арестованные рассматривались как контрреволюционная группировка. В обвинительном заключении по поводу ареста группы поляков указывалось: «В особый отдел ОГПУ 11-й Кавалерийской дивизии стали поступать сведения о том, что при польской общине г. Оренбурга вокруг Костельского совета из числа наиболее реакционно настроенных к советской власти поляков, уфимским ксендзом Йодакасом сколочена тесно спаянная группа лиц, до фанатизма верующих католиков. Они под предлогом легальной религиозной деятельности систематически проводят контрреволюционную работу среди польского населения г. Оренбург.

Созданная группа лиц польского актива постепенно переходила от проводимой работы систематической антисоветской агитации к более реальным формам контрреволюционной деятельности, оформившиеся в польскую группировку, в последствие назвали себя как «Польское аристократическое общество».

По данным ОГПУ 11-й кавалерийской дивизии, работа группировки началась еще в 1918–1919 гг. Благодаря ее активной деятельности было отправлено в Польшу несколько человек – представителей польской молодежи для службы в Польской армии. До 1927 г. глубоко законспирированная контрреволюционная польская группировка проводила свою работу как среди актива верующих поляков, так и вообще польского населения г. Оренбурга.

Члены указанной группировки ставили целью своей сплочение всех поляков г. Оренбурга и подготовку на случай войны СССР с Польшей, «разлагательскую работу в тылу в пользу Польши». В последующем количество поляков в Оренбургской области пополнялось за счет депортированных граждан польской национальности с территории Западной Белоруссии и Западной Украины. На Южный Урал было переселено 2797 польских граждан, из них в Чкаловскую область – 625 человек, в Челябинскую область – 1653 человека.

Новый приток поляков в Оренбургскую область как раз и приходился на 1939 г., канун Великой Отечественной войны. Это было связано с размещением семей беженцев с территории бывшей Польши. Расселение поляков-беженцев в количественном отношении выглядело следующим образом: в Соль-Илецком районе – 830 чел., в Бузулукском – 529, в Акбулакском – 483 чел., в Сорочинском – 477 чел., в Оренбургском районе – 433 человека.

Освобождение Западной Украины и Западной Белоруссии (1939 г.) как полякам, так и русским, и украинцам, и белорусам мало что принесло наряду со страданиями. С установлением советской власти, введением новых порядков начались в отношении многих граждан обычные репрессии, что в определенной мере можно объяснить необходимостью обеспечения сталинских строек социализма дешевой рабочей силой. Рабочих рук в тот период было немало.

Конечно, первыми жертвами стали те, кто не хотел примириться с тогда мало кому известной колхозно-совхозной системой сельскохозяйственного уклада жизни, а также с массовыми поборами крестьян. Жертвами стали те, кто был недоволен командной системой управления экономикой, а также «успехами» социалистической действительности.

По сути дела поляки, как и другие этнические общности, стали жертвами репрессий на территории собственного государства. Репрессии подверглись поляки не только вновь присоединенных территорий, но и те поляки, кто волею судьбы оказались в России ранее, как отмечалось, кто был пленен еще в период первой Мировой войны, а также те, кто перешел границу в поисках лучшей доли. На периферии России, как, например, в Оренбургской области, почти всех их постигла печальная участь.

Первые группы беженцев-поляков накануне войны и из захваченных германской армией территорий в сентябре 1939 г. оказались на территории Белоруссии, Украины, а также некоторых западных областей России. Архивные документы свидетельствуют о том, что поляков эвакуировали десятками эшелонов, вывозили на территорию центральных областей России. Видимо, Правительство СССР полагало, что в военных действиях наступит вскоре перелом и можно будет поправить положение.

Однако фашисты стремительно наступали. Людей-беженцев, включая и поляков, приходилось эвакуировать повторно, на Южный Урал и далее, в Казахстан. Прибывавших поляков по возможности обустроивали, однако дыхание войны чувствовалось повсюду. Не хватало продовольствия, одежды. Это в полной мере испытывали и поляки, попавшие в Оренбургскую (Чкаловскую) область. Практически все голодали. Те, кому удалось устроиться на работу в городах, мало-мальски были защищены хлебными карточками. В селе же обстановка была иной, продукты подчистую отправлялись на фронт. Страдали и местные жители.

Несмотря на неслыханные трудности, инакомыслие не позволялось. За настроением прибывающих поляков устанавливался строгий надзор. Любое неосторожное слово могло стоить и без того усеченной свободы.

Благодаря кропотливой работе исследователям удалось выявить имена более одной тысячи поляков, с большой точностью установить районы их расселения, где они проживали и трудились. В фондах сохранились списки польских граждан, в частности, о 64 человеках, проживавших в Янаульском

районе соседней с Оренбургской областью Башкирской АССР. В списке указаны конкретно и населенные пункты: Зайцево, Никольск, Янаул, Пробуждение, Черчул, Ново-Троицк, Петровка, Рабак, Шудимари, Одличач, Истяковский сельский совет и др.

Среди изученных 70 дел, содержащих 500–700 заявлений в каждом, упоминаются названия многих республик, областей Союза ССР, где также проживали поляки. В Казахстане поляки проживали в Актюбинской, Кызыл-Ордынской областях (пос. Кандагач, разъезд Джаксымаи и др.). В условиях военного положения были предприняты беспрецедентные меры по амнистии польского населения в Советском Союзе. 12 августа 1941 г. появляется Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии польских граждан». Им предусматривалось освобождение из мест лишения свободы поляков, совершивших незначительные преступления. В отношении лиц, совершивших одно «контрреволюционное преступление», названный акт амнистии не распространялся. По документам, хранящимся в Управлении НКВД по Оренбургской области, удалось установить, что в отношении некоторых поляков этот акт действительно не был применен.

Основой для массового освобождения поляков послужила телеграмма из Москвы за подписью заместителя наркома внутренних дел СССР А. Кобулова. Руководству УНКВД по Оренбургской области предписывалось в течение 24 часов представить сведения о поляках – осужденных, а также о подследственных. «Телеграфируйте в течение 24 часов, – читаем в телеграмме, – поименный список содержащихся в тюрьмах, лагерях и колониях на территории республики, края и области, как осужденных, так и подследственных польских граждан...» В связи с этим в книге приведен список поляков (по данным на начало декабря 1941 г.), которым было отказано в освобождении по амнистии согласно санкциям 2-го Управления НКВД СССР [3].

Определенный интерес вызывают также документы, свидетельствующие о немедленном освобождении польских граждан из мест отбывания «наказания». Они освобождались, как правило, распоряжением Тюремного управления НКВД СССР [4].

Вероятно, что УНКВД по Оренбургской области не уяснило до конца задачу, которая ставилась перед ним центром, так как в телеграмме, направленной из Оренбурга 7 января 1942 г., читаем: «В связи с разъяснением 1-го Спецотдела НКВД СССР в дополнение к нашей записке от 5 января 1942 г. сообщаем о 41 польском гражданине, содержащихся в тюрьмах УНКВД Оренбургской области». К середине 1943 г. в области проживало 5999 поляков. Наибольшее количество в Бузулукском районе – 529 человек. Наряду с этим в г. Чкалове оставались на проживание 53 поляка, в Гавриловском районе – 44, в Сорочинском – 43, остальные – дисперсно в других районах.

Поляки активно участвовали в общественной жизни области. В рядах коммунистов состояли 124 поляка [5]. В сложной обстановке проходил процесс адаптации поляков в местный социум. «Они прожили трудную жизнь, деля с русским и голод, и холод, и редкие радости. Поэтому российская земля стала их второй родиной. Они только мечтали иногда посетить Польшу, но жить – в России», – отмечала ветеран труда г. Бузулука Эмилия Маевская [6].

Знакомству с поляками на Оренбургской земле содействует и сложившаяся за эти годы историография проблемы, внимание к которой не прерывается [7]. По воспоминаниям местных старожилов, весной и летом 1943 г. во многих районах Оренбургской области от странной болезни, схожей с ангиной, умерло множество людей. При проверке оказалось, что изголодавшиеся граждане по весне стали употреблять в пищу перезимовавшие колосья пшеницы, собранные на поле. В результате употребления их в пищу у людей поражалась гортань, легкие. Люди умирали. Во многих селах клубы и школы, другие мало-мальски приспособленные помещения были в срочном порядке превращены в больницы.

Конечно, некоторое время спустя принимались экстренные меры по улучшению ситуации в области и особенно в снабжении питанием поляков, в связи с этим учреждались различные комиссии. Первое заседание Комиссии содействия польским гражданам при уполномоченном Наркомторга СССР по Чкаловской области состоялось 21 июля 1943 года. На заседании были рассмотрены вопросы: о выборах председателя комиссии, о дежурстве членов комиссии и об установлении дней заседания комиссии. Председателем комиссии был избран польский гражданин Жидик. В тот же день польским гражданам, в том числе С. Ф. Вайцлик, Е. Ягодинский, Х. Бляшко и другим, были выделены благотворительные товары [8]. В списке значатся 34 человека.

Хотя и с большим запозданием, но 1 июля 1943 г. в Оренбурге создается база Уполномоченного министерства торговли СССР по снабжению эвакуированных поляков. Для централизованного распределения помощи все наличие благотворительных товаров и другое имущество, принадлежавшее бывшему польскому посольству, передавалось в ведение базы. Для оказания материальной помощи нуждающимся полякам избирались на местах из числа членов эвакуированных поляков уполномоченные, так называемые Комитеты содействия (комсоды).

3 августа 1943 г. состоялось уже третье заседание комиссии, решением которого были удовлетворены просьбы 59 граждан-поляков.

На заседании комиссии, проходившем 8 декабря 1943 г. (Протокол №47), были разрешены не только индивидуальные, но и коллективные заявки. Рассматривалась информация уполномоченных по Бугурусланскому, Павловскому, Андреевскому районам, по лесосухоучастку Актюбкомбината НКВД СССР, станции Колтубанка, Домбаршахтеров. Всего 234 заявителя [9].

Принимались конкретные меры и на местах. Так, 1 июля 1944 г. органами власти для голодающих поляков в Оренбурге была открыта раздаточная кухня с пропускной способностью 150–200 человек. С 10 июля 1944 была организована столовая в г. Кызыл-Орда с пропускной способностью 250–300 человек. В этом же году для поддержки голодающих поляков, в Оренбурге и Кызыл-Орде были засеяны по одному гектару проса и овощей. Однако от засухи все посеы погибли, что и без того усугубило тяжелое положение польского населения в регионе. В 1945 г. из-за излишествующих дождей в Оренбурге погиб полностью гектар земли, засеянный просом.

Советские и военные органы власти проявляли определенную жесткость в организации жизни польского сообщества. Использовались и меры репрессивного воздействия, применялись различные формы «наказания». Любое несогласие с органами власти, с действиями партии могло служить причиной потери свободы. Польские граждане были заняты частично в государственных органах власти и институтах гражданского общества, в сфере экономики (промышленность, сельское хозяйство).

Конечно, неподдельный интерес вызывают выявленные сведения по отдельным предприятиям экономического сектора, например, о поляках, занятых на Умновском спиртовом заводе (пос. Красногвардеец Бузулукского района Чкаловской области), о поляках, работавших на предприятиях, в аграрной сфере в Акбулакском районе области (1943 г.), о поляках, проживавших в с. Брацлавское Адамовского района Чкаловской области.

Май 1945 г. принес победу народам над фашизмом. По данным Н.Ю. Дьяконова, в Оренбургской области были расселены на начало 1944 г. – 24 723 поляка, в начале 1945 г. их насчитывалось 21 080 чел., в 1946 г. – 13 993 человека. Уменьшение численности поляков было связано с реализацией Советско-Польского соглашения от 6 июля 1945 г. [10].

Поляки засобирались домой, в Польшу. Однако не всем удавалось возвратиться к себе на историческую родину. В числе их оказались очень многие из польских граждан. Наряду с Оренбургской областью граждане польской национальности находились в других районах Советского Союза.

Хотя война уже давно закончилась, но репрессии по отношению к гражданам различных национальностей продолжались. Да и Сталин был еще жив. В лагерях томились десятки тысяч заключенных граждан. Светлый миг освобождения был еще далек. В архивах Оренбургской области содержатся также интересные сведения о поляках, занятых в военном деле. Известно, что большинство граждан польской национальности после принятия законодательного акта об амнистии польских граждан, движимых патриотическими чувствами, устремлялись в Бузулук и Тоцк Чкаловской области, где формировались польские воинские соединения. Но не каждому из них было суждено добраться до этих мест. Тяжелая доля досталась и семьям военнослужащих поляков. В действующей армии были установлены определенные льготы. Однако они не доходили до членов семей военнослужащих.

По имеющимся документам в областном Оренбургском архиве, значатся в списках проживавших поляков 4418 человек. И сообщалось также, что уже в январе 1946 г. были готовы к реэвакуации в Польшу 13 поляков. Велась подготовка к отправке остальных 4287 граждан польской национальности [11]. На июль 1946 г. из Чкаловской области были отправлены 4250 поляков, в числе их 12 200 детей [12]. В книге «Дорога на Восток...» публикуются многие выявленные списки молодых польских людей, проживавших в районах области. Они были заняты в сфере искусства, школьного образования, а также списки непосредственно школьной молодежи, например, представлен список учащихся поляков, обучавшихся в школе №17 г. Чкалова (сведения на 30 января 1946 г.), в школах городов Сорочинска, Новотроицка Чкаловской области. Имеются сведения и о той категории польских граждан, кто отбывал наказание за уголовные преступления, совершенные в 1942–1943 гг., в тюрьме Соль-Илецка. В этот период многие дети поляков переживали невероятные трудности. В первую очередь не хватало питания, а родители были не в состоянии самостоятельно решать эту проблему. Школьникам приходилось разделять свою судьбу с судьбой родителей. Но и в сложных условиях дети тянулись к знаниям.

Несмотря на то, что продолжалась ожесточенная борьба с фашизмом вопрос об организации обучения детей не обходили стороной. В местах компактного проживания поляков организовывались школы.

Общее представление о расселении граждан польской национальности в 1944–1946 годах отражено в табл. 1.

Таблица 1 – Контингент бывших польских граждан, проживавших в областях РСФСР и Казахской ССР, в том числе главы семей, дети и др.

Наименование областей	На январь 1944 г.	На январь 1945 г.	На январь 1946 г.
Чкаловская обл.(Оренбургская)	8200	7800	5114
Куйбышевская обл. (Самарская)	3500	2800	2524
Актюбинская обл. (Казахская ССР)	7168	3800	2260
Кзыл-Ординская обл. (Казахская ССР)	1680	2560	1576
Ульяновская обл.	3000	2200	1400
Гурьевская обл.	1000	1420	742
Западно-Казахстанская обл. (Казахская ССР)	175	500	316
Итого:	24 723	21 080	13 932

Источник: ГАОО. Ф. 47. См. также: Ишбулатов Ф.А. По следам репрессированных поляков // Адам Мицкевич. «Поиски живой истины»: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 200-летию со дня рождения великого польского поэта (апрель 1998 г.). Оренбург, 1998 С. 90–97.

Таким образом, можно сделать вывод о жестких формах и методах работы государственных органов власти с представителями разных этнических общностей в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. В этом водовороте событий оказалось немало и совершенно безвинных граждан, которые в стремлении выжить в сложных экстремальных военных условиях даже за продажу махорки на рынке или вокзале жестоко наказывались органами власти, зачастую выносились и ложные обвинения.

Однозначно, Оренбургу и области в жизни поляков, проживавших в Советском Союзе, так и российских поляков, принадлежит особая роль. Оренбургская область явилась как бы зеркалом, в котором находило отражение положение «наказанных» этнических меньшинств по разным обоснованным (уголовные преступления) и необоснованным причинам. Во всех этих акциях трудности выпадали в основном на долю польского населения, как и представителей других этнических меньшинств, подпадавших под действие репрессивных мер.

Примечания

1. Материал частично собран бывшим и.о. начальника отдела прокуратуры Оренбургской обл., юристом 1 класса Ф. А. Ишбулатовым, обработан и дополнен Н. Ф. Бугаев.

2. По данным переписи 1897 г., более 1200 поляков были заняты в губернии, обладая высоким уровнем грамотности, достигшим в целом к концу XIX века более 63%. В 1916 г. в губернии уже проживали 5 514 поляков (4,1%). Фактически поляки никогда не прерывали связей с Оренбургской землей, они испытывали только определенную амплитуду, ограничивавшуюся то расширением, то сужением этих отношений

3. Список 633 поляков, освобожденных по амнистии, подготовленный УНКВД по Оренбургской области от 11 дек 1941 г., см. в книге «Дорога на Восток».

4. Трудности, лишения сказывались на здоровье поляков, что сокращало продолжительность их жизни. В архивных документах сохранился список умерших поляков за полтора г. в Оренбургской обл., а именно: о 18 гражданах польской национальности, 37 детях поляков (см.: Дорога на Восток...).

5. Хвостова Г.И. Поляки в Оренбуржье: обзор документов // Оренбуржье и Польша: проблемы истории и культуры. Оренбург, 1996. С 68–69.

6. Цитир. по: Селивановская В. Я. Жизнь поляков в 30–40-е годы (по личным воспоминаниям) // Оренбуржье и Польша: проблемы истории и культуры. Оренбург, 1996. С. 89.

7. Зобов Ю.С. Оренбургская политическая ссылка. Оренбург – Челябинск, 1993; Усенко П. Г. Неизвестный автограф польского революционера З. Сераковского // Советские архивы. 1980. №2; Большаков Л. Дело Мигурских: Повесть в документах // М.: Прометей, 1977; Нечуговская Л. Р. Поляки в Оренбуржье // Южный Урал: историко-культурные проблемы: сборн. научн. трудов. Оренбург, 1995;

Ананьев В.И. Поляки интернационалисты в Оренбуржье // Блокнот агитатора, 1973, №3; Федорова А. В. Место эвакуации – Чкалов // Оренбург в годы Великой Отечественной войны. Оренбург, 1995 и др.

8. См. ГАОО. Ф. 1129. Оп. 1. Д. 11.

9. Там же.

10. Дьяконов Н. Ю. Поляки в Чкаловской области (1939–1946 гг.) // Оренбуржье и Польша: проблемы истории и культуры. Оренбург, 1996. С. 62.

11. Госархив Оренбургской области. Ф. 1014. Оп. 3. Д. 175. Л. 15, 35, 116.

12. Там же. Л. 253.

СЕКЦИЯ 1

УЧАСТИЕ НАРОДОВ ЮЖНОГО УРАЛА В ВОЙНАХ XVIII – НАЧАЛА XX ВЕКОВ

*Д. Н. Денисов,
г. Оренбург*

М. М. БЕКЧУРИН (1820–1903) – ВОЕННЫЙ ПЕРЕВОДЧИК И ИССЛЕДОВАТЕЛЬ СРЕДНЕЙ АЗИИ

В силу особого геополитического положения Оренбургского края на границе с огромным Среднеазиатским регионом, сложного этноконфессионального состава населения к управлению им с самого начала освоения привлекались национальные кадры, хорошо знающие восточные языки, менталитет, обычаи и традиции. Одним из таких людей был замечательный педагог, филолог, востоковед Мир-Салих Мир-Салимович Бекчурин.

Он родился в 1820 г. в семье обер-офицера из касимовских татар. В 1830–1838 гг. воспитывался в Оренбургском Неплюевском военном училище. По его окончании назначен в ноябре 1838 г. канцеляристом Оренбургской пограничной комиссии. Однако высококлассных специалистов со знанием восточных языков остро не хватало не только в органах государственного управления и суда, но и в учебных заведениях для подготовки новых кадров. Поэтому в апреле 1841 г. М. М. Бекчурин был командирован в альма-матер для преподавания арабского и персидского языков в Азиатском отделении на время отсутствия учителя. И значительная часть его последующей карьеры была связана с педагогической работой в крупнейших учебных заведениях Оренбургской губернии. В 1841–1844 гг. он служил учителем восточных языков в Оренбургском Неплюевском военном училище, в 1844–1867 гг. – в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе, в 1860–1869 гг. – в школе для «киргизских» (казахских) детей при Оренбургской пограничной комиссии, в 1867–1870 гг. – в 4-м Военном училище, в 1867–1878 гг. – в Оренбургской военной гимназии. Его воспитанниками в этих учебных заведениях были выдающийся казахский педагог, организатор народного образования, писатель и фольклорист Ибрай Алтынсарин (1841–1899), башкирский просветитель и поэт Мухаммедсалим Уметбаев (1841–1907), фольклорист, этнограф и лингвист

Абубакир Диваев (1855–1933), генерал-лейтенант Хаджихафиз Ижбулатов (1851–1921), земский деятель, депутат 1-й и 2-й Государственных Дум Шахайдар Сыртланов (1846–?) и многие другие. В ноябре 1868 г. М. М. Бекчурин со всей семьей был утвержден в потомственном дворянстве за получение очередного ордена. В октябре 1878 г. за отличие он был произведен в гражданский чин действительного статского советника, соответствующий военному званию генерал-майора [1].

М. М. Бекчурин был не только практическим работником просвещения, но и при отсутствии специальной литературы разработал одно из первых учебных пособий по восточным языкам. В 1859 г. он издал «Начальное руководство к изучению арабского, персидского и татарского языков, с кратким объяснением существующих в Оренбургском крае наречий башкир и киргизов и с приложением к нему русско-персидско-татарских слов, разговоров и прописей» [2]. 10 лет спустя, в 1869 г. вышло 2-е, дополненное издание его учебника – «Начальное руководство к изучению арабского, персидского и татарского языков с наречиями бухарцев, башкир, киргизов и жителей Туркестана и с русско-персидско-татарскими словами, расположенными по предметам, разговорами и прописями» [3]. В этих пособиях М. М. Бекчурин впервые дал систематизированные сведения по лексике, фонетике и грамматике татарского, башкирского, казахского, узбекского языков в сопоставлении и сравнительном анализе, разработал их тематические словари, привел примеры фольклора и книжной письменности, что способствовало становлению литературных тюркских языков.

Он вообще старался использовать в процессе обучения популярные образцы устного народного творчества, собирал и обрабатывал сказки и поэтические произведения. Так, в 1861 г. М. М. Бекчурин опубликовал в «Ученых записках Казанского университета» на башкирском языке сказку «Три брата» [4], в 1870 г. отредактировал сборник из 200 башкирских и татарских песен И. П. Покровского в переводе Батыршина [5], а в 1875 г. башкирская сказка «О смелом падишахе» из его учебника была переиздана в «Турецкой хрестоматии» И. Н. Березина [6].

Переводчики становятся особенно востребованными во время войны. Поэтому с началом русских походов в Среднюю Азию М. М. Бекчурин, как знаток восточных языков, был командирован в действующую армию, в Туркестан, где находился с 10 августа по 30 октября 1865 г. и с 11 июля по 30 ноября 1866 г. Вопреки утверждению «Татарской энциклопедии» [7], он не принимал участия в походах 1871–1873 гг.

Во время войны с Кокандским ханством и Бухарским эмиратом, в 1865–1866 гг. М. М. Бекчурин состоял переводчиком при командующем войсками Оренбургского военного округа Н. А. Крыжановском, вел дипломатические переговоры со среднеазиатскими властями, находился при

осаде и штурме бухарских крепостей Ура-тюбе и Джизак, исполнял поручения под неприятельскими выстрелами, в ходе разведки из Ходжента обнаружил в предгорьях Тянь-Шаня, в одном из ущелий пороховые заводы и склады противника, уничтоженные российской армией в сентябре 1866 г. В 1867–1868 гг. он сопровождал в качестве главного переводчика депутацию жителей Туркестанской области к императорскому двору, а в 1881 г. – казахов Тургайской и Уральской областей для поздравления по случаю восшествия на престол Александра III [8].

Свои наблюдения, впечатления от поездок по Средней Азии пытливым исследователем изложил в целом ряде очерков и научных статей. С началом работы Оренбургского отдела Императорского Русского Географического Общества 14 января 1868 г. М. М. Бекчурин был избран одним из первых его действительных членов. В 1868 г. он представил Отделу образцы нефти и нефтесодержащей породы из открытого им годом раньше месторождения, находившегося в казахской степи, в 70 верстах к востоку от Калмыковской крепости. В 1869 г. на общем собрании выступил с неопубликованным докладом «О состоянии нашей среднеазиатской торговли», в котором проанализировал причины низких цен на российские товары в регионе, связывая с их внешнеполитической нестабильностью и борьбой за власть внутри Бухарского эмирата [9]. В 1872 г. издал в «Записках Оренбургского отдела Русского Географического Общества» статью «Наши завоевания 1866 г. в Средней Азии», где сделал подробное топографическое, историческое и статистическое описание городов за Сыр-Дарьей, присоединенных к России [10]. В 1875 г. там же вышла его записка о значении и выгодах строительства железной дороги в Среднюю Азию через территорию Оренбургского края [11], которое было реализовано только спустя 25 лет.

Результаты своих исследований М. М. Бекчурин обобщил в сборнике историко-этнографических и публицистических статей «Туркестанская область», вышедшем в 1872 г [12]. В небольшой по объему книге он дал исчерпывающую характеристику природно-географических условий, общественных отношений, хозяйства, быта, культуры Среднеазиатского региона. Ученый критиковал восточный деспотизм, национальную самоизоляцию, религиозный фанатизм, схоластические методы преподавания в мусульманской школе. Он выступал за просвещение на основе светских дисциплин, внедрение научных достижений в промышленность и сельское хозяйство, расширение экономических и культурных связей региона за счет стимулирования торговли, хлопководства, строительства железных дорог. Один из экземпляров своей книги в 1876 г. автор подарил Л. Н. Толстому во время посещения Оренбурга великим русским писателем.

В 1869–1880 гг. М. М. Бекчурин работал переводчиком восточных языков при канцелярии оренбургского генерал-губернатора [13],

в 1879–1880 гг. – сверхштатным чиновником по особым поручениям при нем же, после чего вышел в отставку с назначением пенсии [14]. На этом большинство авторов биографических статей ставят точку [15]. Но и после выхода в отставку Мир-Салих Мир-Салимович продолжал заниматься разносторонней общественной деятельностью.

Он состоял членом-учредителем Общества попечения о раненых и больных воинах, действительным членом Общества вспомоществования бедным г. Оренбурга, Оренбургского губернского статистического комитета. В 1881–1884 гг. М. М. Бекчурин избирался членом Оренбургской дворянской опеки, в 1884–1885, 1891–1893 гг. – торговым депутатом г. Оренбурга [16], в 1887–1893 гг. – гласным Оренбургской городской думы [17] и членом ее комиссии по организации первой городской библиотеки, в которой планировалось открыть татарское отделение. В 1888–1900 гг. он служил одним из директоров Оренбургского губернского тюремного комитета [18].

Кроме того, М. М. Бекчурин был попечителем 1-й соборной мечети г. Оренбурга и, благодаря старым связям в среде чиновничества, представлял ее интересы в государственных органах [19]. В 1885 г. он даже рассматривался российскими властями в качестве одного из двух основных кандидатов на пост главы мусульман – муфтия Оренбургского магометанского духовного собрания. Но этому воспрепятствовали его прогрессивные взгляды, тесные контакты с передовыми мусульманскими деятелями Казани и солидный возраст. Поэтому предпочтение было отдано его более консервативному конкуренту [20]. Скончался М. М. Бекчурин 7 марта 1903 г.

За 62 года службы он ни дня не был в отпусках, а за свои труды награжден орденами св. Владимира 3-й степени (1873 г.) и 4-й степени с мечами (1867 г.), св. Анны 2-й степени с императорской короной (1869 г.), св. Станислава 1-й (1900 г.), 2-й с императорской короной (1866 г.) и 3-й (1864 г.) степеней, знаком Красного Креста (1879 г.), бронзовой медалью на Владимирской ленте в память Крымской войны 1853–1856 гг. (1856 г.), бриллиантовым перстнем с вензелем императора Александра III (1881 г.).

Сыновья М. М. Бекчурина также верой и правдой служили Отечеству на военных и гражданских должностях. 13 ноября 1847 г. он женился на дочери коллежского секретаря Биби-Гарифе Мухаммедшафиговне Ахмеровой. От этого брака родились 4 сына и 4 дочери: Мир-Юсуф (10.09.1848–?), Мир-Абубекр (09.04.1850–?), Мир-Махмуд (20.08.1851–?), Зулехха (07.06.1853–?), Хадича (28.09.1855–?), Фатима (08.08.1857–?), Мир-Якуб (09.10.1863–1911) и Зухра (02.04.1867–?).

Старший сын Мир-Юсуф Мир-Салимович Бекчурин после окончания Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса служил в Туркестане, участвовал в Бухарском походе 1866 г., Хивинском походе 1873 г.,

Кокандском походе 1875 г., отличился в многочисленных сражениях: при отражении нападения бухарцев на русский лагерь под Катты-Курганом, в бою на Зирабулакских высотах, при двух занятиях Самарканда (1866 г.), при разбитии неприятельского скопища в 3500 человек на Аму-Дарье, рекогносцировке под сильным огнем, артиллерийском бое и переправе через Шейх-арык, взятии крепости Хазар-Аспа, столицы ханства – города Хивы, во время экспедиции против туркмен (1873 г.), в бою у кишлака Абльк с 5000 кокандцев, при штурме крепости Махрам, в сражении у Яны-Кургана с 5-тысячным отрядом противника (1875 г.) и многих других. После окончания военных действий в 1875–1876 гг. он был начальником Чуйского участка Туркестанского военного округа, в 1876–1878 гг. – начальником Маргеланского уезда Ферганской области, в 1880 г. зачислен в запас, а в 1890 г. уволен в отставку с чином подполковника. Но по возвращении из Средней Азии Мир-Юсуф Бекчурин вновь поступил на службу в родной Оренбургской губернии, где занимал должность исправника в 4 из 5 уездов: Троицком (1891–1894 гг.), Орском (1894–1902 гг.), Челябинском (1902–1904 гг.) и Оренбургском (1904–1907 гг.). Продолжая научные традиции отца, состоял действительным членом Оренбургской ученой архивной комиссии. В 1907 г. окончательно вышел в отставку по болезни. Был награжден орденами св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом (1874 г.), св. Анны 2-й степени с мечами (1876 г.) и 3-й степени с мечами и бантом (1868 г.), св. Станислава 2-й степени с императорской короной и мечами (1874 г.) и 3-й степени с мечами и бантом (1869 г.), серебряной медалью «За Хивинский поход» на Георгиевско-Владимирской ленте, светло-бронзовой медалью «За покорение ханства Кокандского» на Георгиевско-Владимирской ленте, серебряной медалью в память императора Александра III (1896 г.) [21].

Еще об одном сыне Мир-Салиха Мир-Салимовича Бекчурина, Мир-Махмуде известно только то, что он служил в Оренбурге прапорщиком, субалтерн-офицером в 3-м стрелковом батальоне [22].

Наконец, младший сын Мир-Якуб с 1881 г. поступил в Оренбургское казачье войско. В 1888–1890, 1895–1898 гг. служил во 2-м Оренбургском казачьем полку, в 1890 г. был направлен в 3-й Верхнеудинский полк Забайкальского казачьего войска. Принимал участие в Русско-китайской войне 1900–1901 гг. За отличие в делах против китайцев 11 июля 1901 г. награжден орденом св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» [23]. В 1901 г. вернулся в Оренбургское казачье войско, с 1902 г. служил в 6-м казачьем полку, а затем в отдельном Оренбургском казачьем дивизионе. Умер в 1911 г. в звании есаула [24].

Пример Мир-Салиха Мир-Салимовича Бекчурина и его сыновей показывает, что в многонациональной Российской империи и особенно на

Южном Урале, несмотря на существовавшие сословные и иные ограничения, талантливые, инициативные представители различных народов своим трудом, гражданскими и военными заслугами могли добиться самых высоких должностей, титулов и наград, успешно сочетая государственную службу с педагогической, научной и общественной деятельностью.

Примечания

1. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 134. Оп. 1. Д. 56. Л. 89–93 об.
2. Бекчурин М.-С. Начальное руководство к изучению арабского, персидского и татарского языков, с кратким объяснением существующих в Оренбургском крае наречий башкир и киргизов и с приложением к нему русско-персидско-татарских слов, разговоров и прописей. Казань: Университетская типография, 1859. 128 с.
3. Бекчурин М.-С. Начальное руководство к изучению арабского, персидского и татарского языков с наречиями бухарцев, башкир, киргизов и жителей Туркестана и с русско-персидско-татарскими словами, расположенными по предметам, разговорами и прописями. 2-е изд., доп. Казань: Университетская типография, 1869. 159 с.
4. Ученые записки Императорского Казанского университета. 1861. Кн. 3.
5. Сборник башкирских и татарских песен / Представлен в Отдел И.П. Покровским; пер. сул. Батыршина; перевод рассмотрел и исправил Н.М. Бекчурин // Записки Оренбургского отдела Императорского Русского Географического общества. Вып. 1. Казань: Университетская типография, 1870. С. 151–229.
6. Березин И.Н. Турецкая хрестоматия. Т. 1. Казань: Университетская типография, 1875. 375 с.
7. Миннегулов Х.Ю. Бекчурин Мирсалих Мирсалимович // Татарская энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М.Х. Хасанов; ответ. ред. Г.С. Сабирзянов. Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2002. Т. 1: А–В. С. 339.
8. ГАОО. Ф. 134. Оп. 1. Д. 56. Л. 89–93 об.
9. Записки Оренбургского отдела Императорского Русского Географического общества. Вып. 1. Казань: Университетская типография, 1870. С. 52, 61, 77–79, 89.
10. Бекчурин М.-С. Наши завоевания 1866 г. в Средней Азии // Записки Оренбургского отдела Императорского Русского Географического общества. Вып. 2. Казань: Университетская типография, 1872. С. 201–238.
11. Записка статского советника Бекчурина [о значении железной дороги для развития края] // Записки Оренбургского отдела Императорского Русского Географического общества. Вып. 3. Оренбург: Типография И.И. Евфимовского-Мировицкого, 1875. С. 139–146.
12. Бекчурин М.-С. Туркестанская область: заметки статского советника ... Казань: Университетская типография, 1872. 70 с.
13. ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 14186.
14. ГАОО. Ф. 134. Оп. 1. Д. 56. Л. 89–93 об.

15. Миннегулов Х. Ю. Бекчурин Мирсалих Мирсалимович // Татарская энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М. Х. Хасанов; ответ. ред. Г. С. Сабирзянов. Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2002. Т. 1: А–В. С. 339; Шакуров Р. З. Биксурин Мирсалих Мирсалимович // Башкирская энциклопедия: в 7 т. / гл. ред. М. А. Ильгамов. Т. 1: А–Б. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2005. С. 470 и др.

16. ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 17. Л. 543–544; Д. 35. Л. 45–47.

17. Оренбургский листок. 1887. 3 мая. №19; 10 мая. №20; 17 мая. №21; 1892. 1 марта. №10.

18. ГАОО. Ф. 134. Оп. 1. Д. 56. Л. 80, 89–93 об., 128–129; Оренбургская газета. 1900. 18 апреля. № 906.

19. ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4146. Л. 441–442.

20. Азаматов Д. Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII–XIX вв. Уфа: Гилем, 1999. С. 65.

21. ГАОО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 215. Л. 33–35.

22. Справочная книжка Оренбургской губернии на 1870 г. Оренбург: Издание Оренбургского губ. стат. комитета, 1870. С. 80

23. Оренбургская газета. 1901. 20 июля. №1257.

24. Ганин А. В., Семенов В. Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска. 1891–1945: биографический справочник. М.: Русский путь; Библиотека-фонд «Русское Зарубежье», 2007. С. 113.

*Ю. М. Абселямов,
г. Уфа*

ВОЕННО-СТАТИСТИЧЕСКИЕ ОПИСАНИЯ ОФИЦЕРОВ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Географические особенности территорий всегда были одним из факторов, влияющих на ход военных действий, поэтому всегда привлекали внимание военных учреждений. Значение географического фактора в ходе войны еще более возросло в новое время. В эту эпоху практически во всех европейских странах создавались многотысячные регулярные армии, соответственно менялись стратегия и тактика ведения военных действий. Военные действия характеризовались динамичным развитием, быстрым передвижением войск, ведением боевых действий на пересеченной местности и т. д. На достижение успеха влияло также создание и привлечение новых видов вооружений. Таким образом, условия ведения войн в новое время изменились, возросшие масштабы войн потребовали от государства широкого использования экономических возможностей страны, привлечения и напряжения всех ресурсов (природных, людских и иных) для достижения успеха в войне. Все это требовало знания потенциальных ресурсов

прежде всего своей страны и возможностей иностранных государств, необходимо было заранее планировать ход будущей войны, учитывая все факторы, влияющие на ее ход. В соответствии с этими требованиями появилась и постепенно развивалась служба Генерального штаба.

Зарождение службы Генерального штаба хронологически относится к XVII в. и связано с учреждением в армиях наиболее крупных западноевропейских государств должностей генерал-квартирмейстеров и созданием генерал-квартирмейстерских частей. Первое время в обязанности генерал-квартирмейстеров входило изучение местности, организация расположения и передвижения войск, подготовка карт, руководство строительством укреплений. Впоследствии они дополнились такими обязанностями, как руководство разведкой, строительством мостов, ведением записей о походах и т. д. В Российской армии должность генерал-квартирмейстера впервые была введена Петром I в 1701 г. с назначением на нее князя Шаховского. В дальнейшем, с развитием органов управления армией, в России при генерал-квартирмейстере была создана квартирмейстерская часть (1711 г.), послужившая базой для создания в 1763 г. Генштаба. Основным занятием офицеров Генерального штаба в мирное время являлось составление карт и производство топографических съемок отдельных губерний и провинций. Одновременно со съемками составлялись подробные военно-топографические описания, главным образом, приграничных территорий. При Павле I Генеральный штаб был упразднен, а вместо него была создана Свита Его Императорского Величества по квартирмейстерской части, которой были приданы те же функции, что и Генштабу. Примерно в это же время было создано Депо карт, превратившееся в 1812 г. в Военно-топографическое Депо. Оно занималось составлением и изданием карт для русской армии и разработкой описаний к ним. Однако, несмотря на наличие этих учреждений, всех сведений, необходимых для военного ведомства, было недостаточно. Существующие материалы не могли удовлетворить всех запросов военного ведомства. Это особенно заметно сказалось в ходе войны с Наполеоном, когда поражения в 1805–1807 гг. частично были связаны с отсутствием военно-географических сведений. В связи с этим Генеральный штаб приступил к сбору данных военно-статистического характера при помощи своих офицеров, поскольку ни одно государственное учреждение не могло представить военному ведомству всех необходимых данных. Эти сведения необходимы были уже не только различным управлениям военного министерства, но и офицерам службы Генерального штаба в войсках при передислокации и размещении войск в новых районах или в ходе тактических учений и маневров, которые в этот период входят в жизнь регулярных войск.

Опыт военных действий, приобретенный в ходе наполеоновских войн, развитие военной мысли повлияли и на дальнейшую реорганизацию служб

бы Генерального штаба. В 1827 г. Свита Его Императорского Величества была переименована в Генеральный штаб. Дальнейшая реорганизация службы Генерального штаба произошла в 1832 г., когда Генеральный штаб вошел в состав Военного министерства в качестве отдельного департамента. В целом организационное развитие Генерального штаба на протяжении XVIII и первой половины XIX века характеризуется «переходом от общего, обширного круга действий к более организованному и специальному, от неопределенности состава, устройства, обязанностей и действий к большей определенности, от несовершенства к большему совершенству, от состояния временного и непрочного к более постоянному и прочному, и наконец, в особенности от раздробления к сосредоточению и централизации» [1]. К началу организованных и систематических работ по сбору военно-статистических данных, к которым Генеральный штаб непосредственно приступил в 1836 г., был уже накоплен достаточный опыт по их сбору в локальных масштабах [2]. Например, в 1808 и 1818 гг. были созданы описания, в которых главное внимание уделялось описанию дорог, рельефа и характера местности, по которой они проходили. Позже, в 1817–1823 гг., по инициативе Главного штаба Его императорского величества, которое ведало в то время всем военным управлением России, была предпринята попытка создания более обстоятельных военно-топографических описаний через квартирмейстерскую службу российской армии. Так, в 1823 г. исполняющий должность начальника Главного штаба генерал-адъютант барон Дибич обратился к директору Военно-ученого комитета генерал-майору Гогелю с предписанием о составлении программы «в виде таблицы» для «географико-статистического описания Российских иррегулярных войск». Эти описания должны были содержать сведения о том, «сколько в каждом из сословий находится на службе чинов и людей и сколько может поставлено быть на службу людей в экстренные случаи». Через полтора месяца такая программа, подготовленная Военно-ученым комитетом, была разослана командирам отдельных корпусов: генералам от инфантерии Эссену, Капцевичу и Ермолову. В сопроводительных письмах предписывалось собрать по присланной программе все требуемые сведения и препроводить их в Главный штаб. Сбор сведений и оформление таблиц завершились через четыре года, к 1827 г. В результате в Главный штаб поступили сведения об Уральском, Оренбургском, Сибирском, Черноморском и о казачьих войсках, расположенных в Кавказской и Астраханской губерниях [3]. Помимо численности иррегулярных войск, немалое внимание в ходе сбора статистических данных было уделено сведениям относительно хозяйственной жизни иррегулярных войск: о количестве земли и скота, о «заводах» и мельницах, промыслах и т. д. Хотя такие описания охватывали далеко не все регионы России, тем не менее опыт проведения работ по сбору статистических дан-

ных постепенно накапливался как в центральных, так и местных учреждениях военного ведомства. С начала 1830-х гг. потребность в систематических описаниях, в том числе хозяйственно-статистических, еще более возросла. Дело в том, что при проведении тактических учений основная работа при их организации ложилась на войсковых офицеров Генерального штаба, и они, естественно, не могли обойтись при этом без военно-географических и хозяйственно-статистических данных. Поскольку систематизированных данных не было даже в распоряжении Департамента Генерального штаба, то офицеры были вынуждены сами собирать все необходимые сведения на местах у «местного гражданского начальства» и довольствоваться тем, что было. Так, например, в 1832 г. генерал-адъютант А. И. Нейгард, занимавший должность генерал-квартирмейстера, в докладной записке «О занятиях корпусных обер-квартирмейстеров» на имя военного министра графа Чернышева предлагал поручить корпусным обер-квартирмейстерам в ходе 1833 г. составить «описание в военном отношении определенной части края, занимаемого корпусом», которое содержало бы «все предметы важные в военном отношении», а именно: топографическое описание, военно-статистическое описание, включающее сведения «о нравах, обычаях и промышленности жителей; о произведениях земли... словом, о всем необходимом для обмундирования, вооружения и продовольствия войск» [4]. В ходе составления этих военных записок практически все обер-квартирмейстеры указали на чрезвычайную неудовлетворительность статистических, топографических сведений, которые были им представлены местным гражданским начальством, что «немало препятствовало успешному ходу занятий» [5].

В начале 1834 г. А. И. Нейгардта на должности генерал-квартирмейстера сменил Ф. Ф. Шуберт. Он подробно рассмотрел все поступившие записки и рапорты и пришел к выводу, что в войсках «при размещении армий и корпусов встречается крайняя необходимость иметь подробные, краткие сведения об удобствах и свойствах мест, предназначенных для квартирного расположения войск в пределах Российской империи», которыми, как оказалось, Департамент Генерального штаба не располагал [6]. Поэтому было решено создать военно-статистические обозрения, которые бы охватили все губернии и области России и содержали бы самые необходимые сведения, с тем, чтобы их можно было размножить «для высылки в войска для употребления». С этой целью Ф. Ф. Шуберт поручил офицерам первого отделения Департамента Генштаба во главе с капитаном А. А. Скалоном «в виде опыта» составить военное обозрение Виленской губернии, которое позже было названо «Сведения об удобствах квартирного размещения всех родов войск в пределах Российской империи и квартирные карты областей и воеводств». В декабре 1836 г., после того как работа была завершена, Ф. Ф. Шуберт направил докладную записку на имя военного министра графа Чернышева,

приложив подготовленное военное обозрение по Виленской губернии [7]. Оно было представлено Николаю I, который одобрил «сей полезный труд» и дал указание продолжить работы по составлению военных обозрений по всем губерниям и областям Российской империи. В последовавшем приказе военного министра графа Чернышева было указано также, чтобы Департамент Генерального штаба по мере издания рассылал по одному экземпляру военных обозрений в дивизионные и корпусные штабы, а также гражданским губернаторам, обязав их провести тщательную проверку сведений в описаниях и доставлять через каждые три года в Генеральный штаб дополненные и исправленные сведения с учетом «погрешностей и недостатков в описаниях вкравшихся или перемен после издания последовавших» [8]. Таким образом, работы по составлению описаний должны были быть закончены к 1843 г., а затем через каждые три года обновляться и переиздаваться.

Работы по созданию первой серии описаний территории всей страны были закончены в 1843/44 гг. Статистические работы по созданию данной серии описаний опирались на образец-описание по Виленской губернии. Программой сбора статистических сведений явилось оглавление описания по Виленской губернии. Оно включало следующие вопросы:

1. Краткое военно-статистическое обозрение Виленской губернии. Границы разделения с таблицей вместимости войск. Пространство и число жителей со статистической таблицей. Воды. Главные возвышенности. Хлебопашество. Луга и леса. Сельскохозяйственные сообщения с таблицей расстояний. О лагерных местах. О провиантском довольствии войск. О комиссариатском довольствии войск и госпиталях. О караулах и постах. О постоянных гарнизонах и военных учреждениях.

2. Алфавитный список мест, удобных для размещения пехотных, кавалерийских и артиллерийских штабов, ротных и эскадронных дворов.

3. Квартирная карта Виленской губернии с показанием мест, которые удобны для помещения штабных и ротных и эскадронных дворов.

Как видно, программа относительно проста, описывает прежде всего территорию, население и сельское хозяйство с точки зрения удобства размещения войск в пределах территории данной губернии.

Сочинения первого выпуска издавались литографическим способом исключительно для служебного пользования. Всего было издано 69 брошюр (по каждой губернии) объемом около 40 страниц каждая.

«Сведения об удобствах квартирного размещения...» по Оренбургской губернии были отпечатаны в 1841 г. и содержали основные сведения по численности и хозяйственной деятельности населения. Общая численность населения составляла на тот период 1 807 294 души об. пола (857 948 душ м.п., 949346 душ ж. п.), площадь губернии равнялась 282 551 кв. версте [9]. Далее в обобщенном виде приведены сведения о посевах, урожайности,

скотоводстве, промыслах, мануфактурной промышленности. Более подробно рассматриваются численность и расположение Оренбургского казачьего войска, в т. ч. Башкирского войска.

Несмотря на очевидную ограниченность сведений по отдельным губерниям, несомненным достоинством изданий 1-го выпуска является содержательная унификация и территориальная систематичность. Накопленный практический опыт сбора данных, подготовки текстов и их издание явились безусловно необходимым условием появления более основательных описаний.

На основе первой серии в 1842 г. начала издаваться вторая серия обозрений и уже к 1845 г. была завершена. Практически не отличаясь от первой серии ни по структуре, ни по объему, она содержала более обновленные статистические сведения.

Работы по созданию третьей серии статистических описаний начались с создания детально разработанной «Программы для военно-статистических обозрений губерний и областей Российской империи» [10].

Она содержала два самостоятельных раздела. Первый – общие статистические сведения, и второй – сведения чисто военного характера. Общестатистическая часть программы состояла из следующих пяти разделов:

1. Сведения общие, где рассматриваются географическое положение губернии, «...выраженное математически и политически», а также значение губернии для военного ведомства.

2. Местность и ее особенности: рельеф, гидрография, дорожная сеть; естественные произведения и климат.

3. Жители, сословный состав, динамика, размещение. В программе этому разделу придается особое значение: «Эта статья имеет существенную важность как в военное время, так и в мирное. При этом она менее других разработана и требует местного наблюдения, а потому и должна обратить на себя полное, основанное на истории внимание офицеров, производящих рекогносцировку».

4. Промышленность. В этом разделе должны были освещаться все роды деятельности местного населения: сельское хозяйство, промышленность, торговля, ремесло и местные промыслы.

5. Последний раздел освещал состояние образования населения данной губернии.

По сравнению с программой первых двух серий описаний, где был очевиден военно-топографический уклон, программа третьей серии описаний требует более обобщающего географического представления о губернии. Несмотря на преобладание военно-статистического уклона при изложении общестатистических вопросов, заметно особое внимание составителей программы к описанию хозяйства и стремление уловить связь между природными условиями и хозяйственной деятельностью местного населения.

Эта программа была опубликована в 1847 г., однако работы по сбору сведений начались, судя по всему, раньше. Работы этой серии официально продолжались 12 лет, но фактически были прекращены в 1853 г. из-за начавшейся Крымской войны. Всего было издано типографическим путем в виде отдельных монографий 67 «Военно-статистических обозрений». Эта серия, как и первые две, была закрытой и предназначалась исключительно для нужд военного ведомства.

Военно-статистическое обозрение, посвященное Оренбургской губернии, было издано в 1848 г. и входило во 2-ю часть 14-го тома [11].

Авторы в предисловии указали, что «из всех частей, составляющих обширную Российскую империю, Оренбургский край заслуживает наибольшего внимания» [12]. В содержательном плане «Военно-статистическое обозрение...» значительно богаче предыдущего издания. Несмотря на активное введение в научный оборот опубликованных сведений из данного издания, надо признать, что комплексное изучение третьей серии обозрений еще ждет своего исследователя.

Для четвертой серии описаний была составлена особая программа под руководством генерал-майора Н. С. Голицына. Программа состояла из двух отделов: общестатистического и военно-статистического. По каждому отделу в 1858 г. были изданы программы статистического описания губерний и областей [13].

Кратко остановимся на программе по общестатистическому описанию губерний и областей. Она состоит из предисловия и восьми разделов. В предисловии требовалось дать анализ всем источникам статистических сведений о губернии и указать, что легло в основу описания, а также изложить порядок работы. Здесь же впервые в программе военного ведомства требовалось обратить особое внимание на историю возникновения и формирования губернии или области.

Раздел 1-й требовал дать географическое и топографическое описание губернии, указать географическое положение, границы, физические свойства поверхности: геологическое строение, гидрографию, пути сообщения, климат и т. д.

Раздел 2-й необходимо было начать с исторических сведений о заселении края, затем определить этнический и сословный состав и динамику движения населения.

3-й раздел посвящался рассмотрению сельского хозяйства. Прежде всего необходимо было дать общий обзор всего сельского хозяйства губернии по отраслям, а затем по владениям: сельское хозяйство помещиков, помещичьих крестьян, государственных, удельных и иных сословий и свободных людей. В этом же разделе очень подробно должна была рассматриваться вся промышленность, где следовало отметить ее особенности, число

фабрик и заводов, количество работающих, плату, стоимость основного оборудования, расходы на производство, доходы и т. д. Кроме этого, необходимо было отдельно описать состояние мануфактурной промышленности и провести сравнительный анализ нескольких заведений одной отрасли.

Подробное исследование торговли и других отраслей труда также должно было содержаться в этом разделе.

Раздел 4. Религиозное образование. Описание церквей и монастырей, гражданских учебных заведений и исторические сведения о них, о местной образованности и т.д.

Раздел 5. Внутренний и внешний быт местного населения. Этот раздел являлся, по сути дела, продолжением и дополнением второго раздела о народонаселении.

Сведения об образовании губернии, ее составе и административном делении, описание учреждений и управлений, санитарных заведений и т.д. требовалось дать в разделе 6. В разделе 7 должны были содержаться сведения о количестве всех населенных пунктов поуездно, на единицу площади и по количеству населения. Расположение городков и местечек, история их формирования и подробное описание также должны были привлечь внимание составителей. В последнем разделе составитель должен был дать краткий обзор изложенного и сделать выводы.

Даже такое краткое изложение программы статистического обследования показывает отличие программы четвертой серии от всех предыдущих прежде всего своей подробностью. По мысли составителя, такая подробность была необходима, чтобы составители не могли обойти тот или иной предмет при составлении описания, в какой бы губернии или области они ни находились. Автор в связи с этим поясняет, что частные программы, составляемые самими офицерами, должны включать местные особенности и отражать те сведения, которые в наибольшей степени отражают специфику и характерные черты данной губернии [14]. Этим самым программа как бы вынуждает творчески подходить к составлению описаний, учитывая историю, положение губернии в составе целой страны. «Методические» рекомендации, указания источников, требование критической оценки статистических сведений, продуманная детализация вопросов свидетельствуют о научном подходе к созданию данной программы, что выгодно отличает ее от предшествующих.

Работы по созданию четвертой серии описаний были начаты в 1857 г. широким фронтом сразу в 41 губернии и двух областях. В связи с широким размахом работ в том же 1857 г. при Генеральном штабе создается специальный военно-статистический отдел, возглавить который поручили профессору Академии Генерального штаба генерал-майору Н. С. Голицыну, автору программы 4-й серии статистических описаний.

Однако не во всех губерниях составление описаний шло успешно. Причин медленного составления описаний было достаточно много, и они требуют особого рассмотрения. Отметим только то, что объем статистических работ, запланированный программой Н.С. Голицына в условиях нарождающейся государственной службы статистики, был практически невыполним. Если еще учесть наличные кадры офицеров Генерального штаба, которые могли принять участие в сборе статистических сведений, то станет ясно, что собрать статистические сведения и опубликовать описания по всем губерниям было невозможно. С 1857 по 1864 гг. были закончены описания по 25 из 76 губерний и областей страны (к этому времени их стало 79). Издание описаний по материалам, собранным в этих губерниях, было закончено в 1868 г. Всего за 11 лет работы было издано 26 томов в 36 книгах под названием «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба»; каждая книга содержит в среднем вместе с приложениями 30 печатных листов, а весь выпуск приблизительно 1200 печатных листов. Материалы по Оренбургской губернии опубликованы не были, видимо, этому помешал процесс разделения губернии на две: Оренбургскую и Уфимскую, который завершился в 1865 г.

Сбор военно-географических сведений для военных обозрений продолжался и в дальнейшем. Конечным итогом всего труда явилось однотомное сочинение, вышедшее в 1871 г. под редакцией генерал-майора Обручева, где и были использованы материалы как офицеров-обследователей, так и позднейшие, собранные в военных округах и авторами сборника [15].

Таким образом, всего в 1830–1860-е гг. офицерами Генерального штаба было проведено четыре серии работ по сбору военно-статистических данных и опубликованы под такими названиями: первая серия – «Сведения об удобствах квартирного размещения всех родов войск в пределах Российской империи и квартирные карты областей и воеводств» (1836–1843). Вторая серия стала продолжением первой и явилась ее вторым изданием. Третья серия – «Военно-статистические обозрения Российской империи» (1845–1857). Четвертая – «Материалы для географии и статистики России» (1857–1868). Генеральный штаб под влиянием различных причин вначале вынужден был создать элементарные и систематизированные военно-географические описания всей страны. В дальнейшем в связи с развитием военного искусства, географической мысли, а также приобретением опыта заметно улучшилось качество работ по созданию описаний. Если первая и вторая серии описаний, судя по программам, не так богаты, то третья и особенно четвертая серия описаний являются единственными в своем роде и фундаментальными источниками статистических сведений середины XIX века.

Примечания

1. Голицын Н.С. Очерк истории Генерального Штаба в западной Европе и России. Ч. 1. СПб., 1851. С. 264.
2. Андреев Н.В. Географические труды офицеров генерального штаба (1836–1868 гг.) и их значение для развития географии в России: дис. ... канд. географических наук. М., 1963.
3. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 17181. Материалы по хозяйственной статистике по Отдельным казачьим корпусам.
4. Там же. Ф. 38. Оп. 5. Д. 133. Л. 1–9 об.
5. Там же. Л. 48 об., 59 об.
6. Там же.
7. Там же. Ф. 1. Оп. 1. Том 4. Д. 10496. Л. 1.
8. Там же. Л. 1–4.
9. Там же. Ф. 414. Оп. 1. Д. 102. Сведения об удобствах квартирного размещения всех родов войск в Оренбургской губернии. СПб., 1841. Л. 2.
10. Программа для военно-статистических обозрений губерний областей Российской империи. СПб., 1847.
11. Военно-статистические обозрение Российской империи. Издаваемое по Высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального штаба. Том 14. Часть 2. Оренбургская губерния. СПб.: В типографии Департамента Генерального штаба, 1848. [По рекогносцировкам и материалам, собираемым на местах, составляли под руководством полковника Бларамберга Генерального штаба штабс-капитан Герн и поручик Васильев]; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18899 (рукописный экземпляр со следами редактирования; Там же. Д. 18900 (типографский экземпляр).
12. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18900. Л. III.
13. Примерная подробная программа Статистических описаний и Военных обозрений губерний и областей Российской империи. Составлена Генерального штаба Генерал-майором князем Голицыным 6-м. СПб.: В типографии Департамента Генерального штаба, 1858; Программа Военных обозрений губерний и областей Российской империи. СПб.: В типографии Департамента Генерального штаба, 1858.
14. Примерная подробная программа... С. 5.
15. Сборник военной статистики за 1868 г. Вып. IV. России. СПб., 1871.

*А. Н. Поляков,
г. Оренбург*

ОБ ИТОГАХ СПОРА ПО ВАРЯЖКОМУ ВОПРОСУ

Юбилей русской государственности (1150 лет), который решено отмечать в этом году, отсылает нас к событию, породившему непримиримый и нескончаемый спор между двумя направлениями в русской историографии. Событие это – так называемое «призвание варягов», которое датируется летописцем 862-м годом. Направления, о которых идет речь, –

норманизм и антинорманизм. Спор, начинавшийся как полемика между М.В. Ломоносовым и Г.Ф. Миллером по случаю чтения последним диссертации в Петербургской Академии наук, со временем превратился в настоящую войну на ниве исторической науки. Положение осложняется тем, что это не только и не столько научный спор, сколько идеологический и политический, и при этом сильно эмоционально окрашенный. В таких условиях ожидать объективности и академичности от противоборствующих сторон не приходится. И все же рамки исторической науки придавали дискуссии внешне вполне благопристойный вид и заставляли исследователей искать новые источники и факты для доказательства своей правоты, что, несомненно, способствовало поиску истины. Однако изначальная предвзятость авторов не давала возможности правильно оценить и понять добытые знания. Через 250 лет после начала дискуссии представителями обоих направлений были подведены итоги. Со стороны антинорманистов это сделал В.В. Фомин, а со стороны норманистов – Л.С. Клейн.

Вячеслав Васильевич Фомин – доктор наук, профессор, ученик известного советского историка А.Г. Кузьмина. Долго и плодотворно занимается варяжским вопросом. Написал на эту тему докторскую диссертацию, несколько монографий и учебников. В 2005 г. выпустил книгу под названием «Варяги и варяжская Русь. К итогам дискуссии по варяжскому вопросу». Здесь он подробно (на 487 страницах) рассмотрел такие вопросы, как зарождение норманнской теории в западноевропейской историографии, дискуссия между М.В. Ломоносовым и Г.Ф. Миллером, сущность норманнской и антинорманнской теорий, варяги и норманны на Руси и другие. Рассмотрел основные аргументы сторон.

Лев Самуилович Клейн – крупный археолог и теоретик науки, один из основателей Европейского университета в Санкт-Петербурге. Также доктор наук и профессор. Автор многих научных монографий и учебников по археологии, филологии и антропологии. В 2009 г. опубликовал книгу под названием «Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон». Книга в основной своей части была написана еще в 1960 году. Автор считал возможным издать ее практически без изменений. В некоторых случаях им были добавлены пояснения, а в конце основной части – послесловие, написанное в 2008 году. Кроме того, к основной части присоединены самые разнообразные материалы, так или иначе касающиеся варяжского вопроса (воспоминания участников славяно-варяжского семинара, биографии Г.Ф. Миллера и Г.С. Лебедева и т.п.). Есть в книге и ответ на монографию В.В. Фомина.

Итог дискуссии каждый из авторов увидел в победе того направления, которое он отстаивает. «...Современные норманисты, – пишет В.В. Фомин, – не зная предшествующей историографии, в том числе норманистской, ни-

чего нового в современную науку не привнесли, т.к. их аргументы находятся на уровне XVIII – начала XIX века» [1]. «Антинорманизм как научная концепция давно мертв», – утверждает со своей стороны Л.С. Клейн [2]. Итог оказался промежуточный. Дискуссия продолжается. Однако нельзя сказать, что мы стоим у разбитого корыта, т.е. на том же уровне решения проблемы, с которого начинали первые историки-рационалисты. К настоящему времени историческая наука выявила ряд фактов, очень важных, которые признают и норманисты, и антинорманисты. Это создает задел, который позволяет решать стоящие задачи на новом уровне.

Во-первых, уже давно всем понятно, что государство не создается по желанию великих правителей или героев. Для этого необходимы условия – экономические и политические. И если их нет, то ни завоевание, ни призвание не может привести к возникновению на той или иной территории государства или некоего его подобия (речь не идет о ситуации, когда та или иная территория входит в состав уже существующего государства). Это означает, что независимо от того, как будет решен варяжский вопрос, создание государства у восточных славян к тому времени назрело и было насущной потребностью. Славяне Русской равнины были достаточно развиты, чтобы иметь у себя политическую систему, существенно отличающуюся от первобытной. Кто бы ни создавал древнерусское государство – норманны или сами славяне, – это никак и ничем не может ущемить самолюбие или достоинство русского народа. Не может оно говорить и о способности (или неспособности) русского народа к собственному политическому творчеству. История нашего народа настолько значительна, что сомневаться в этом могут только откровенные недруги России.

Во-вторых, стало ясно, что основной источник – сообщение «Повести временных лет» о призвании варягов – носит характер книжной легенды. Текст летописи отражает общую традицию для христианских хронистов того времени, возможно, восходящую к библейской. Подобная легенда – о приглашении саксов бриттами – была записана, например, Видукиндо Корвейским [3] (X век) и Бэдой Достопочтенным (VIII век) [4]. Иначе говоря, перед нами не подлинное свидетельство современников, а попытка осознания проблемы «откуда есть пошла Русская земля» со стороны автора начала XII века – через 200 лет с лишним после описываемых событий. И содержится в легенде не подлинный факт призвания, а мнение русского летописца о том, как и почему Русь назвалась Русью. Насколько это мнение соответствует реальности – это вопрос другой. Многое из того, о чем рассказывает летописец, на самом деле не происходило никогда. Важнейшие даты русской истории, в том числе и та, которая является точкой отсчета данного юбилея (862 г.), и время похода Олега на Киев (882 г.) представляются собой чистую условность и не имеют ничего общего с тем, когда все

это на самом деле происходило. Известно, что поход русов на Царьград, который автор «Повести временных лет» связывает с киевскими князьями Аскольдом и Диром, якобы боярами Рюрика, произошел 18 июня 860 года, за два года до легендарного призвания варягов. Этот факт ставит под сомнение обе даты сразу – и 862 год, и 882. Рассказ о походе Олега на Киев противоречив. Летописец утверждает, что Олег взял по пути Смоленск и Любеч и посадил там своих мужей. Однако в то время этих городов не существовало. По данным летописи, Олег шел на Киев с большим войском – «поимь воя многи» [5]. Но придя к горам Киевским, почему-то стал прятать его в ладьях и притворяться купцом. Если это разноплеменное войско было действительно велико, почему Олег не взял Киев открыто – осадой или приступом, как он якобы сделал с Любечем и Смоленском? Скорее всего, поход Олега был разбойничьим набегом небольшого отряда, состоявшего из представителей словен, кривичей, русов, мери и т.п. Но никак не предприятием государственного масштаба. В этом случае желание притвориться купцами понятно. Маловероятна и родственная связь киевского князя Игоря и Рюрика. Автор «Повести временных лет» утверждает, что Игорь был сыном Рюрика. Под 879 годом летописец пишет, что ко времени смерти этого легендарного князя Игорь был еще ребенком. Поэтому власть перешла к Олегу. В новгородской первой летописи Игорь уже зрелый муж. Именно он вместе с Олегом, который здесь называется его воеводой, захватил Киев и убил киевских князей Аскольда и Дира [6]. Источники XI века ничего об этом не говорят и о Рюрике вообще не упоминают, называя Игоря Старым, т.е. первым. Имя Рюрик стало на Руси популярным только в XII веке. Первый реальный князь, носивший это имя, – сын Ростислава Владимировича, правнук Ярослава Мудрого, князь Перемышльский. В 1084 г. он участвовал в изгнании Ярополка Изяславича из Владимира-Волынского, а в 1092 году умер. В самом раннем источнике – договоре Игоря с греками 944 года – упоминаются племянники князя Игоря – Акун и Игорь [7]. Значит, у Игоря была сестра или сестры (в древнерусском языке нетии (племянники) – сестричи), о которых летописец ничего не пишет.

В-третьих, археологические и антропологические исследования выявили тесные и прочные связи Новгородской Руси с балтийскими славянами. Об этом свидетельствуют керамика южнобалтийского типа, характер металлических, деревянных и костяных изделий, особенности домостроительства, конструкция музыкальных инструментов. Берестяные грамоты, в которых отражается разговорный язык новгородцев XI–XV веков, указывают на близость древненовгородского диалекта (по ряду признаков в фонетике, морфологии, синтаксису, лексике) к западнославянскому, в основном севернолехитскому. Антропологи (Н.Н. Гончарова, Т.И. Алексеева) выявили генетические связи новгородских словен с балтийскими славяна-

ми. Переселенцы, согласно антропологическим данным, представляли собой разноплеменную массу, в состав которой входили славянские и ославяненные народы Южной Балтики (говорившие на славянском языке, но сохранявшие самобытность в религии, погребальных обрядах, именослове).

В-четвертых, скандинавские саги не знают никого из русских князей до Владимира Святославича (более раннее пребывание скандинавов известно только в Ладого). Как заметил еще в XIX веке С.А. Геденон, ни в одной из них не сказано, чтобы Владимир состоял в родстве с норманнскими конунгами и нигде ни слова не говорится о единоплеменности шведов варяжской руси. Более того, русские князья представляются не иначе как чужими, неизвестными скандинавам [8]. В разное время на Руси, согласно королевским сагам, оказываются четыре норвежских (и только норвежских) конунга: Олав Трюгвасон (конунг в 995–1000 гг.), Олав Харальдссон (1014–1028 гг.), Магнус Олавссон (1036–1047 гг.) и Харальд Сигурдарсон (1046–1066 гг.) [9]. В подавляющем большинстве случаев саги кратко отмечают, что один из персонажей отправился на Русь (в Гарды, Гардарики) и там служил конунгу. В характеристике «русских» героев отсутствуют подробные генеалогические сведения, определяющие принадлежность к какому-либо роду [11]. Рамки пребывания варягов-норманнов на Руси ограничивает тот факт, что саги после Владимира называют лишь Ярослава Мудрого (ум. 1054) и не знают никого из его преемников.

Немаловажно и отсутствие некоторых фактов. В древнерусском языческом пантеоне нет богов скандинавского происхождения. Нет ни одного случая фонетических, морфологических или синтаксических изменений в древнерусском языке, которые могли бы произойти под влиянием скандинавских языков, и даже в лексике, наиболее динамичной области языка, взаимообмен был крайне скудным, а, по мнению В.В. Фомина и других антинорманистов, он и вовсе отсутствовал [12]. Давно стало достоянием науки и заключение М.В. Ломоносова, что «имени русь в Скандинавии и на северных берегах Варяжского моря нигде не слышано» [13].

Все остальное остается в области гипотез: происхождение названия «Русь», происхождение русов, интерпретация сообщений «Бертинских annalov» о послых кагана росов, Константина Багрянородного о днепровских порогах, некоторых восточных авторов о походах русов на славян и их образе жизни, происхождение имен первых русских князей, место расположения Русского каганата и т.д. Например, существуют, по меньшей мере, семь основных гипотез происхождения названия «Русь». Первая – «скандинавская» – связывает его с различными скандинавскими корнями через финское Ruotsi. Так финны называют шведов. Этой версии придерживаются в основном сторонники норманнской теории. Вторая, «южнорусская» или «среднеднепровская», была распространена среди советских историков

(М. Н. Тихомиров, Б. А. Рыбаков, В. В. Мавродин, П. П. Толочко и др.). Она предполагает тождественность названия «русь» и гидронима Рось. Третья, «исконно славянская», предлагается польским языковедом С. Роспондом. Он называет две возможные исходные основы: 1) общ.-слав. *rud-/ rus – «русый» и 2) общ.-слав. *ru-/ ru- – «плыть, течь» (русск. русло). Четвертая, «готская» (А. А. Куник, А. С. Будилович), возводит происхождение названия «русь» к готскому *hroPs – «слава». Пятая, «прибалтийско-славянская» (наиболее основательно изложена С. А. Геденовым), связывает «русь» с хоронимами и этнонимами с общим первым слогом ru (Rutheni, Rugi, Ruzzi, Russi). Шестая, «кельтская», опирается на кельтский субстратный этноним Rut(h)tni (А. Г. Кузьмин). И седьмая, «индоарийская», предложена О. Н. Трубочевым. Он полагает, что слово «русь» – отражение региональной традиции названия Северного Причерноморья «Белой, Светлой стороной», от местного бессуфиксного варианта др.-инд. ruksa [14]. Русские названия днепровских порогов выводятся из скандинавских, иранских, тюркских и других языков. Что касается Русского каганата, по мнению О. Прицака, он располагался в междуречье Волги, Трубежа и Которосли. Д. А. Мачинский, А. Н. Кирпичников и К. Цукерман считают, что он находился в Волго-Ильменском бассейне, и его столицей была Ладога. Б. А. Рыбаков, Х. Ловмяньский и П. П. Толочко относят каганат русов к среднему Поднепровью и считают его непосредственным предшественником Киевской Руси [15]. Е. С. Галкина помещает Русский каганат в верховьях Донца, Оскола и на среднем и верхнем Дону, связывая его с салто-маяцкой археологической культурой [16]. В. В. Седов создателями Русского каганата считает носителей вольтинцевской культуры. По его мнению, располагался он между Днестром и Доном [17]. Такая же разногласия прослеживается и по другим спорным вопросам.

По данным археологических источников, для Руси X–XI веков, и то, главным образом в отношении новгородского севера, характерны так называемые «вещи-гибриды», которые могут рассматриваться как результат взаимодействия скандинавской и славянской традиций. Гибридными являются погребения в районе Гнездова и Верхней Волги. Как показали раскопки, многие захоронения здесь совершены «по смешенному обряду со сложным инвентарем», в котором археологи видят различные этнические черты [18]. И. В. Дубов отмечает, что погребальный ритуал становится стандартным к середине X столетия [19]. В Тимерева, по его словам, процент комплексов со скандинавскими вещами во второй половине X века резко падает. В Киеве и Чернигове, согласно Г. С. Лебедеву, в курганах IX–X веков складывается сложная иерархия погребений (монументальные курганы, срубные гробницы, захоронения воинов с конем и оружием), но в них нет никаких специфически скандинавских черт [21]. По сло-

вам В. В. Седова, материалы Шестовицкого могильника под Черниговом содержат некоторое количество вещей скандинавского происхождения, что он рассматривает как свидетельство сложного этнического состава Черниговской общины. Однако большинство захоронений здесь чисто славянские. В XII веке «скандинавский след» практически уже нигде не прослеживается [20].

Все вышеперечисленные факты заставляют трактовать спорные вопросы определенным образом. Если учитывать легендарный характер летописного рассказа о призвании Рюрика и такую же легендарную связь его с русской княжеской династией, совсем не факт, что русы были варягами. Судя по данным летописца, в то время, когда они оказались по неизвестным причинам на просторах восточно-европейской равнины (VIII–IX вв.) и составили три группировки, они были славянами. Факт этот был известен автору «Повести временных лет». Поэтому он и написал: «словеньский языкъ и роуский: одно есть...» [19]. А в рассказе о призвании четко отделил русов от других варягов — норманнов: «...сице бо ся звахуть и варязи суть яко се друзии зываются Свое друзии же Оурмане Аньглыне друзии Гъте тако и си реша Русь» [20]. О принадлежности русов к славянам свидетельствует и политическая терминология, которую они, как создатели государства, принесли с собой. Вся она, без исключения, славянская: князь, вече, дружина, тысяцкий, посадник, сотский, десятский. Считается, что слово «князь» германского происхождения. Но даже если это так, предполагаемое заимствование произошло еще во времена славянского единства, поскольку слово это общеславянское. Ко времени проникновения русов в Восточную Европу об этом вряд ли кто помнил. Если предположить, что русы восприняли местную терминологию, возникает сомнение в их решающей роли в создании государства. Вполне вероятно, что по своему происхождению они представляли собой ослабленные племена южной Прибалтики. Допустимо предполагать, что ильменские словене, которые сами вышли оттуда, имели тесные связи с русами еще на исторической родине и сохранили ее на новом месте. Норманны появляются на Руси в качестве наемников при князе Владимире, что прямо указывает русская летопись и подтверждают скандинавские саги. Известные по археологическим раскопкам следы скандинавов на Руси, главным образом на севере, отражают совсем другой процесс, не связанный с проблемой образования государства у восточных славян или связанный косвенно. Наиболее вероятно, это вызвано установлением и развитием торговых связей со скандинавским миром, а с конца X столетия и в первой половине XI века военной помощью некоторым русским князьям. Иначе говоря, эти данные, как и сведения легенды о призвании варягов, отражают формирование одной из предпосылок возникновения Руси, а не процесс ее создания.

Становление цивилизации, а следовательно, и государства у восточных славян приходится в основном на X столетие. К этому времени относится появление первых русских городов, письменности, монументального зодчества, производства предметов роскоши и других признаков цивилизованного образа жизни. На рубеже IX–X веков городские признаки приобретает Киев и почти одновременно с ним Ладога. Здесь впервые на Руси распространяется дворово-уличная застройка, характерная для древнерусских городов, появляются деревянные мостовые и водоотводные системы. К середине X века городом становится Новгород, а в конце столетия – Полоцк и Чернигов. Серединой X века датируются первые находки инструментов для письма на бересте (писала). Этому времени принадлежит и первая надпись, сделанная на древнерусском языке кириллицей (горухща). Самое раннее монументальное сооружение в Русской земле было построено только в конце X века. Это Десятинная церковь. Большинство находок инструментов и приспособлений ювелиров так же не древнее X столетия. Красноречивы и материалы кладов из монет, женских украшений, слитков серебра и золота. Наиболее древние из них относятся к рубежу IX–X веков. Однако основная масса кладов приходится на вторую половину X–сер. XIII вв. [21].

Таким образом, многие вопросы, связанные с проблемой образования древнерусского государства, пока еще не нашли своего окончательного решения. Так называемый варяжский вопрос, итог которому пытались подвести обе противоборствующие стороны, вопреки ожиданиям не снизил накал страстей. Однако современное состояние проблемы, если ее оценивать объективно, настолько, насколько это возможно, позволяет предполагать, что государство, которое мы привыкли называть «Киевской Русью», возникло как результат взаимодействия между различными восточнославянскими племенными объединениями, при активном участии русов, которых мы можем считать пришлым славянским народом (вероятно, с южного побережья Балтийского моря). Роль и участие скандинавов в этом процессе, если вообще допускать такую возможность, скорее всего, было незначительным. Они играли роль торговых партнеров, наемников и внешних противников, но никак не создателей государства. Становление древнерусского государства растянулось как минимум на столетие. Связь этого процесса с легендарным призванием варягов-руси является опосредованной.

Примечания

1. Фомин В.В. Варяги и варяжская Русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005. С. 178.
2. Клейн Л.С. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб., 2009. С. 200.
3. ПСРЛ. М., 1997. Т. 1. Стб.22.
4. ПСРЛ. М., 2000. Т. 3. С. 107.

5. ПСРЛ. Т. 1. Стб.46.
6. Фомин В.В. Варяги и варяжская Русь. С. 376–377.
7. Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999. С. 494.
8. Там же. С. 486.
9. Фомин В.В. Варяги и варяжская Русь. С. 392.
10. Там же. С. 100.
11. Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991. Комментар. к гл.9. С. 297–305.
12. Толочко П.П. Древнерусская народность. СПб., 2005. С. 83.
13. Галкина Е.С. Тайны Русского каганата. М., 2002. С. 138, 139, 190, 232.
14. Седов В. В. У истоков восточнославянской государственности. М., 1999. С. 56.
15. Дубов И.В. Славяне, финно-угры и скандинавы на верхней Волге// И.В. Дубов Залесский край. Эпоха раннего средневековья: избранные труды. СПб.: Изд-во «Эго», 1999. С. 347.
16. Там же. С. 49.
17. Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985. С. 232.
18. Там же. С. 220.
19. ПСРЛ. Т. 1. Стб.28.
20. Там же. Стб.19.
21. Поляков А.Н. Киевская Русь как цивилизация. Оренбург, 2010. С. 71–77.

*М.И. Роднов,
г. Уфа*

ПОДВОРНАЯ КАРТОЧКА КАК ИСТОЧНИК ПО ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

При изучении военной истории России практически совершенно неиспользуемым источником являются материалы сельскохозяйственных переписей, в большом количестве проводившихся как в дореволюционный период (земские и государственные), так и в годы советской власти. В лучшем случае упоминаются итоговые показатели переписей 1916 и 1917 гг., в которых есть данные о числе мобилизованных по уездам и губерниям. Например, по сведениям сельскохозяйственной переписи 1917 г., из Уфимской губернии было призвано в армию 323,2 тыс. чел., или 45% мужского (взрослого) населения [1]. Но интересные материалы содержатся не только в итоговых публикациях. Сама подворная карточка, составлявшаяся на каждую семью (домохозяйство) и со слов самого же крестьянина, содержит сведения о нахождении членов семьи на военной службе.

Еще продолжались военные действия на окраинах страны, а летом 1920 г. была проведена всероссийская сельскохозяйственная перепись с целью определения состояния сельского хозяйства в победившей советской

державе. В уфимском архиве сохранились подворные карточки этого обследования. Рассмотрим Бирский уезд Уфимской губернии. В Касевской волости, что в Прикамье, лежит деревня Кадреково (марийцы, православные, в 1920 г. – 38 дворов и 192 чел., русские – три семьи, 13 чел.) [2]. При сплошном просмотре подворных карточек мною выбраны мужчины, у которых стоит отметка о нахождении в армии. В таблице 1 показаны результаты.

Таблица 1 – Количество мобилизованного населения в деревне Кадреково в 1920 г.

Возраст (лет)	Всего мужчин	В том числе в армии
20	1	1
21	2	2
22	4	3
23	2	2
25	2	1
26	2	2
27	1	1
29	1	нет
30	3	2
32	3	3
33	5	3
34 и старше	33	6
Итого	59	26

Первая мобилизация прошла летом 1914 г., когда первые кадрековские мужики ушли еще на мировую войну, более молодых призывали в красные и «белые» армии вплоть до 1920 г. Обратим внимание на то, что в возрасте до 33 лет практически все крестьяне ушли на фронт. Деревенскую молодежь к лету 1920 г. «подмели подчистую». В карточках (это делалось не везде) по дер. Кадреково у всех стоят записи – сколько лет мужчина находится на службе. И у всех в возрасте до 33 лет включительно указано: 1 год, 2 года или 1,5 года, есть 8 месяцев. То есть молодых крестьян мобилизовали уже в годы Гражданской войны.

Лишь в самой старшей возрастной группе есть свидетельства призыва на «ампириалистическую»: 7 лет в плену (житель 45 лет), 5 лет в плену (34 г.), 4 года в плену (36 лет), а также 2 года в армии (36 лет), 1 год (34 г.), 5 месяцев (35 лет). За исключением военнопленных (и в глухой деревне знали про это), все участники Первой мировой уже вернулись домой и, как следует из таблицы 1, их почти не мобилизовывали ни красные, ни белые.

Изучение отдельных подворных карточек позволяет увидеть воздействие войны на жизнь крестьянского семейного хозяйства. Иногда домохозяйном (главой дома) переписчики записывали женщину, у которой муж был в армии. Война привела к мощной феминизации сельской жизни. Часто под ружье забирали всех годных к службе мужиков. Так, 15-летний Антон Иванович Иванов возглавлял семейство, где еще была одна сестра (19 лет). Трое старших братьев подростка находились в армии: 36-летний уже четыре года числился в плену, 33-летний служил один год, а 22-летний – два года. У 61-летнего марийца Ивана Николаевича Николаева все три сына в 1920 г. оказались на военной службе. Причем двоих старших призвали совсем недавно, в карточке у них даже стоит отметка, что они отрываются от земледелия «частью» / частично. Старший, 35 лет, служил всего пять месяцев, средний (30 лет) – восемь месяцев. Зато младшенький (21 год) уже целый год «тянул лямку». Возможно, старших сыновей, скорее всего, бывших фронтовиков Первой мировой, призвали в какие-нибудь милиционные части. А центром Касевской волости было лежавшее на берегу Камы большое старинное село Николо-Березовка. За годы Гражданской войны здесь не раз менялась власть, и крови было пролито много. Хотя состав населения этого крупного торгового селения существенно изменился (зажиточные слои ушли с белыми, были уничтожены и т. д.), Николо-Березовка оставалась административным центром всей округи с населением 1159 чел., преимущественно русские [3]. В таблице 2 показан уровень мобилизации в Николо-Березовке на лето 1920 г.

В крупном селе, административной «столице» округи, ситуация иная. В младших возрастах нет такого поголовного «бритья» в армию, вообще в Николо-Березовке максимальный срок пребывания в вооруженных силах – три года (один даже 20-летний). Среди четырех призванных 19-летних трое надели форму совсем недавно – за три и два месяца до проведения переписи. Любопытно, но и среди самой старшей возрастной группы есть служившие по два месяца (38-летний житель) и три месяца (34 года), и лишь один 35-летний сельчанин был в армии уже три года.

Крупный населенный пункт, торгово-административный центр уфимского Прикамья, где находилось много всевозможных учреждений, контор, заведений, предприятий, открывал широкие возможности для... уклонения от призыва в армию. Среди мужского населения Николо-Березовки летом 1920 г. числились служащие, телеграфисты, лесники, приказчики, заведующие, агенты, фельдшеры, мельники, инструкторы, портные, учителя, бухгалтеры, счетоводы, разные ремесленники. В крупном селении всегда было где устроиться. Например, все трое сыновей 64-летнего Федора Тимофеевича Хохрякова служили приемщиками ссыпного пункта (35, 27 и 24 лет). Иван Семенович Хохряков (29 лет) был инструктором какого-то «райк[ома?]», а его 26-летний брат тоже подвизался в приемщиках ссыпного пункта.

Таблица 2 – Количество мобилизованного населения в Николо-Березовке в 1920 г.

Возраст (лет)	Всего мужчин	В том числе в армии
18	8	нет
19	5	4
20	6	4
21	4	2
22	5	2
23	4	2
24	5	4
25	3	нет
26	2	нет
27	3	1
28	5	2
29	5	нет
30	13	1
31	2	нет
32	5	нет
33	8	нет
34	155	3
Итого	238	25

Отдельные карточки наводят на «нехорошие» мысли о злоупотреблениях. Так, 32-летний Иван Иванович Костылев служил комиссаром «райпр[одкома?]». И там же пристроился его 22-летний брат (делопроизводитель), а 11-летний младший братишка служил рассыльным. Как и в деревне Кадреково, карточки переписи 1920 г. по Николо-Березовке показывают резкую феминизацию общества: бабы-домохозяйка, одинокие женщины.

Таким образом, привлечение подворных карточек переписей, проводившихся во время различных войн, позволяет получить разнообразную информацию. Новизна источника не допускает, однако, каких-либо категоричных выводов, хотя данные таблиц позволяют предположить, что в Гражданскую на всех фронтах воевала преимущественно молодежь, а не опытные фронтовики Первой мировой. Необходимо при использовании данного источника делать поправку на ушедших с белыми (иногда отмечались в карточках), погибших и исключенных из списков мужского населения, кроме того, летом 1920 г. уже началась демобилизация, и, видимо, часть крестьян этих двух селений, у которых нет отметок о пребывании в армии, совсем недавно сняла шинель.

Примечания

1. Рахимов Р.Н. История Башкортостана во второй половине XIX – начале XX века. Т.1. Уфа, 2006. С. 153.

2. Центральный исторический архив Республики Башкортостан (ЦИА РБ). Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 811 (далее все данные по дер. Кадреково из этого источника).

3. Там же. Д. 812 (далее все данные по Николо-Березовке из этого источника).

*Т.Э. Лактюнкина,
г. Оренбург*

РОЛЬ ПАТРИОТОВ РОССИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 г.

Событиям 1812 года принадлежит особое место в нашей истории. Не раз поднимался русский народ на защиту своей земли от захватчиков. Но никогда прежде угрозы порабощения не порождали такого сплочения сил, такого духовного пробуждения нации, как это произошло в дни нашествия Наполеона. Войне 1812 года посвящено множество мемуарной и художественной литературы, очерков, писем, записок очевидцев событий тех лет. Из этих писем мы узнаем, что и женщины всех сословий не могли оставаться равнодушными к боевым событиям 1812 г. и делили все тяготы войны наравне с мужчинами. У каждой войны, которую вела Россия в своей истории, есть неразрывный с ней женский образ. У Великой Отечественной – партизанка Зоя Космодемьянская, у Первой мировой – командир батальона смерти Мария Бочкарева, у русско-японской – солдат Харитина Короткевич. Женское лицо Отечественной войны 1812 г. – кавалерист-девица Надежда Дурова, чья удивительная судьба еще при ее жизни стала легендой.

Осенью 1806 г. накануне войны России с Наполеоном в городе Гродно завербовался рядовым дворянский сын Александр Соколов. Потом он служил в Мариупольском и Литовском уланских полках, отличался в сражениях, был произведен в офицеры. Казалось бы, нет ничего особенного в этой обычной военной карьере. Но перед подвигом улана Соколова, а затем Александрова склоняли головы прославленные герои Отечественной войны 1812 г. во главе с фельдмаршалом Михаилом Кутузовым. Ведь под именем Александра Соколова, а позже Александрова в русской армии сражалась долго никем не опознанная Надежда Андреевна Дурова.

«Стянув стан свой черным шелковым кушаком и надев высокую шапку с пунцовым верхом, с четверть часа я рассматривала преобразившийся вид свой; остриженные волосы дали мне совсем другую физиономию; я была уверена, что никому и в голову не придет подозревать пол мой», – так описывала свое превращение в мужчину сама русская амазонка [1].

Уединяясь в суровом походном быту, на привалах, Дурова кипела необыкновенной энергией в сражениях – она ходила вместе с товарищами в тяжелейшие атаки на французов. Командир выговаривал ей даже, что она ходит в бой со всеми эскадронами полка поочередно, а не только со своим, как полагается. Журили ее и за то, что она, рискуя жизнью, стремится спасти «встречного и поперечного», выводит раненых из боя. За подлинный подвиг, за спасение от гибели русского офицера (женщина с пикой в руке бросилась на нескольких французский кавалеристов) ей был дан самый почетный воинский орден – Георгиевский крест, врученный лично императором Александром I.

Днем и ночью, в любую погоду в седле, бесконечные стычки с неприятелем, ночевки на земле, заплесневевшие сухари и питье из лужи, невозможно обогреться или сменить мокрый мундир... Обо всем этом Дурова говорит в своих походных дневниках. Никто не слышал от нее никаких жалоб, даже тогда, когда она была сильно контужена ядром в ногу и оставалась в строю. Впоследствии поэты воспели кавалерист-девицу в стихах, называя ее именем римской богини войны Беллоны.

Хребту коня свой стан вверяя,
Свой пол меж ратников скрывая,
Ты держишь с ними трудный путь.
Кишит отвагой девы грудь...
И на коне наездник новый,
В руке сжав сабли рукоять,
Беллоны вид приняв суровый,
Летит на вражескую рать...

Так описывал патриотизм Дуровой А. Глебов в стихотворении «Девушка-воин». Получив боевое крещение в 1807 г. в сражении при Гутштадте, где она спасла раненого товарища, Надежда Андреевна участвовала в Отечественной войне 1812 г., в боях под Смоленском, в Бородинском сражении и в других. Немногим легче ей было и в ординарцах у Милорадовича и Коновницына, а потом у Кутузова (после Бородинской битвы). При штабе Кутузова она служила как «Александров», хотя тайна ее была уже раскрыта. В 1816 г., дослужившись до чина штабс-ротмистра (что в современной армии соответствует званию майора), первая русская женщина-офицер, георгиевский кавалер Надежда Андреевна Дурова вышла в отставку. «Какие причины заставили молодую девушку, хорошей дворянской фамилии, оставить отеческий дом, отречься от своего пола, принять на себя труды и обязанности, которые пугают и мужчин, и явиться на поле сражения?» – вопрошал в те годы А. С. Пушкин в статье о Дуровой и так и не находил ответа на свои вопросы [2].

Великий Пушкин восхищался не только ее военными подвигами, но и даром писателя. Она была очень наблюдательной, хорошо владела пером. Записки Дуровой – это еще и точка зрения рядового участника событий, для которого война состоит не столько из генеральных сражений и смотров, сколько из ежедневной тяжелой работы и трудностей быта. Причем не чужд ей и более широкий, общий взгляд на положение дел (например, ее рассуждения о судьбе Наполеона). Дурова, по словам Белинского, была «дивный феномен нравственного мира».

Для женщин единственной формой участия в войне (за редким исключением), единственной оставленной им сферой общественной жизни была благотворительность.

Патриотическое настроение, охватившее русское общество в период Отечественной войны 1812 года, способствовало появлению в России первого женского общественного движения – «Женского Патриотического Общества» – в начале ноября 1812 года. К этому времени французская армия подвергла разорению огромные территории Российской империи, через которые она прошла. За плечами русского народа были падение Смоленска, пребывание Наполеона в Москве и пожар Москвы, исход вражеских полков из столицы, Бородино и сражение под Малоярославцем. Русская армия начала с боями гнать неприятеля из пределов страны. Исход войны был предрешен. Пришла пора залечивать раны. Война была кровопролитной и жестокой. По свидетельству генерала Марбо, французские конные егеря, идя в бой на русских кавалергардов, кричали: «Заставим поплакать Санкт-петербургских дам!» [3]. Санкт-петербургские дамы, «поплакав», начали действовать.

Существует несколько версий обстоятельств возникновения Женского Патриотического Общества. По одной, официальной версии, общество возникло «по благотворной мысли» императрицы Елизаветы Алексеевны. Согласно другой, инициатива его создания принадлежала двенадцати представительницам высшего света Петербурга. Вот их имена:

княгиня Варвара Алексеевна Репнина
графиня Мария Васильевна Кочубей
Екатерина Алексеевна Уварова
княгиня Софья Григорьевна Волконская
Аделаида Петровна Васильчикова
Елизавета Марковна Оленина
графиня Мария Артемьевна Воронцова
Софья Петровна Свечина
графиня Мария Дмитриевна Нессельроде
графиня Анна Ивановна Орлова
Екатерина Владимировна Новосильцева
Екатерина Ивановна Бахерахть [4].

Идея была одобрена императрицей и получила ее покровительство. Также существует предположение, что создать общество предложил участвовавший в составлении его проекта, ставший впоследствии секретарем организации один из просвещеннейших людей своего времени А.И. Тургенев.

15 ноября проект общества был представлен императору Александру I и получил его одобрение. В этот же день в журнале «Сын Отечества» было опубликовано «Приглашение» о вступлении в члены общества, в котором были разъяснены его цели:

«Никогда любовь к Отечеству не ознаменовалась между нами столь блистательными подвигами, столь трогательными чертами, как ныне. Сему священному чувству свойственно умножаться среди народных бедствий, посреди больших опасностей и больших надежд. Любовь к Отечеству рождает Героев, стремящихся с неусыпным рвением на защиту престола и алтарей. Но желание быть полезным обществу не заключается в одном мужеском поле. Руководствуясь сими чувствами, С.Петербургские дамы положили учредить ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО... И так ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКИХ ДАМ будет иметь единственной целью призрение всех от войны, страждущих семейств, по мере возможности и общего содействия» [6]. Как видим, целью Общества была благотворительная и просветительская деятельность:

- раздача разоренным от войны денежных пособий на первые необходимые потребности;
 - помещение бедных, слабых и увечных в казенные и частные больницы;
 - ходатайство о помещении детей бедных родителей на казенное содержание или для обучения ремеслам;
 - предоставление помещения тем из бедных, кто своими трудами не могли обеспечить себе пропитания;
 - предоставление разоренным ремесленникам средств к возобновлению работ;
 - забота о сиротах, оставшихся после убитых, раненых и разоренных родителей. С самого начала деятельности общества в списке его основательниц имя Елизаветы Марковны Олениной, жены президента Академии художеств и директора Публичной библиотеки А. Н. Оленина. Впоследствии в члены общества вступили ее мать Агофоклея Александровна Полторацкая и сестра Агофоклея Марковна Сухарева. Следовательно, почти вся женская половина семьи Олениных имела отношение к деятельности общества, принимала в ней активное участие. Да, это те самые Оленины, пушкинские.
- Среди первых членов общества были супруга московского генерал-губернатора кнг. Татьяна Васильевна Голицына, супруга обер-камергера

Мария Алексеевна Нарышкина, жена будущего декабриста кнг. Екатерина Ивановна Трубецкая, ее мать Александра Григорьевна Лаваль и сестра Софья Ивановна Борх, мать декабристов Екатерина Федоровна Муравьева, жена поэта Дарья Алексеевна Державина, дочь А.В. Суворова гр. Наталья Александровна Зубова, Прасковья Михайловна Толстая, дочь фельдмаршала М.И. Кутузова-Смоленского, племянница кн. Г.А. Потемкина-Таврического кнг. Варвара Васильевна Голицына, кнг. Зинаида Александровна Волконская – «царица муз и красоты» (А.С. Пушкин), превратившая проводы М.Н. Волконской в сибирскую ссылку в политическую демонстрацию.

Каждая из дам-членов общества принимала на себя попечение об определенной части города, что позволяло более полно вникать в проблемы нуждающихся. В первые три года помощь получили около 1200 бедных семейств, пострадавших от войны 1812 года. В дальнейшем общество оказывало помощь более широкому кругу нуждающихся: сиротам, престарелым, увечным, вдовам.

Первым учреждением, основанным в 1813 г. в пустующих помещениях Смольного монастыря, стало Училище женских сирот 1812 г., куда были приняты 50 детей штаб- и обер-офицеров. Благодаря усилиям общества Училище женских сирот 1812 года со временем переименовано в Императорский Патриотический институт, позднее переданный в ведение Комитета о раненых.

Призрение детей-сирот положило начало основанию школ, известных под названием частных школ Патриотического общества: Выборгская, 1-я Васильевская, Петербургская, Литейная, 2-я Адмиралтейская, 3-я Адмиралтейская, 4-я Адмиралтейская.

Основатели общества стремились придать ему всероссийский характер, направив в единое русло благотворительности в рамках одной организации деятельность женщин в различных городах. Свидетельством того, что призыв петербургских дам был услышан, являются публикации на страницах газет длинных списков жертвователей и жертвовательниц «на алтарь Отечества». Так, в разделе «Известия внутренние» газеты «Северная Почта или Новая Санкт-петербургская Газета» печатались материалы из редакционной почты, где в сообщении из Новочеркасска отмечалось: «Жители нашего края не перестают усердствовать к пользе Отечества: недавно еще представили они в добровольном приношении армии 2000 голов рогатого скота. Таковым усердием отличаются и многие женщины из числа тех, кои мужья находятся в армии. Они весьма охотно жертвуют своим имуществом, говоря: «Теперь такое время, чтоб не щадить своего имущества: оно обратится на спасение Отечества, мужей наших и нас самих». В этой же газете за 14 декабря 1812 г. сообщалось о существовании в Риге с самого начала войны благотворительных обществ, активное участие в которых принимали дамы. Патриотические

женские общества, организованные в Пензе и городах Пензенской губернии, способствовали организации помощи беженцам. Их члены собирали для беженцев предметы домашнего обихода, съестные припасы, дрова, свечи, одежду [7]. В отчетах о деятельности Патриотического общества в Санкт-Петербурге есть сведения о средствах, поступивших в кассу общества из самых отдаленных губерний России – из Ярославля, Перми, Житомира, Воронежа, Саратова, Астрахани, Томска, из Колывановоскресенских заводов, Тверской, Киевской, Полтавской и других губерний [8].

Отчеты общества характеризуют и значимость работы петербургских дам: более 5 тысяч семейств получили «денежные вспоможения для направления расстроенного их состояния», еще большее число тех, «кому общество обязано своим заступлением, ходатайством, пристроением к месту, доставлением честных способов пропитания и, наконец, советом и утешением оказало пособие, то какое количество несчастий загладило оно своей благодетельной рукой».

Общество и после окончания войны не прекратило своей работы – оно нашло новое поле приложения сил в организации дома Трудолюбия и частных школ.

Начиная от императрицы Елизаветы Алексеевны, жены Александра I великие княжны и их фрейлины принимали активное участие в войне 1812 года. В начале войны Екатерина Павловна, сестра императора, жена тверского генерал-губернатора Георга Ольденбургского, горячо поддерживала мысль о созыве народного ополчения. На собственные средства из своих удельных крестьян сформировала Егерский отдельный стрелковый батальон численностью 1156 человек, участвовавший почти во всех сражениях Отечественной войны, затем в заграничных походах, где отличился в боях под Пирной и Кульмом 16, 17 и 18 августа 1813 года. В 1813–1815 гг. она сопровождала императора Александра I в походах и не оставалась без влияния на ход совещаний во время Венского конгресса.

Великая княжна Мария Павловна в 1813 г., во время военных действий в Европе, заложила свои драгоценности, чтобы на полученные средства устроить госпиталь для русских солдат. Со свойственной ей энергией великая княжна соединила благородные стремления отдельных граждан и создала женское благотворительное общество.

Дамы, приближенные к императорскому двору, тоже не оставались в стороне от военных событий. Интересны письма, дошедшие до наших дней, характеризующие общественное настроение, оставленные нам фрейлиной императрицы Марии Федоровны Волковой Марией Аполлоновной, которая отличалась наблюдательностью и ненавистью к французам, а также Ланской Верой Федоровной, дочерью князя Ивана Ивановича Одоевского. Они вели между собой патриотическую переписку...

30 сентября

«Мы готовим корпию и повязки для раненых; их множество в губерниях Рязанской и Владимирской и даже здесь, в близких городах. Губернатор посылает наши запасы в места, где в них нуждаются...»

22 октября

«О! Как дорога и священна родная земля! Как глубока и сильна наша привязанность к ней! Как может человек за горсть золота продать благосостояние отечества, могилы предков, кровь братьев, словом, все то, что так дорого каждому существу, одаренному душой и разумом» [9].

Эти письма были в руках графа Л. Н. Толстого и послужили материалом для изучения людей 1812 года способствовали созданию ярких образов его произведений.

За несколько лет до событий Отечественной войны 1812 г., во время русско-шведской войны 1808–1809 годов, первая сестра милосердия графиня М. М. Тучкова стала единственной женщиной, принявшей участие в Ледяном походе через Ботнический залив.

Жена генерала Александра Алексеевича Тучкова, она не раз сопровождала мужа в его военных походах, глубоко понимала силу патриотизма русского солдата. Маргарита Михайловна Тучкова, игуменья Мария. Она не была святой, не совершала чудес..., но на самом деле ею была – точно так же, как и тысячи других женщин, которые потеряли близких и остались верными их памяти до конца. Она, как и эти женщины, лишь несла свой крест – как умела, – и, наверное, до своего смертного часа не знала сомнений в избранном пути – как и ее муж в свой смертный час у Семеновских флешей, 26 августа 1812 года. Именно ей, которая считала своим гражданским долгом сохранение памяти о погибших, первой начавшей работу по увековечению подвига героев Бородина, мы обязаны тем, что есть ныне Бородинское поле и Спасо-Бородинский монастырь, построенный на ее деньги в память о муже и всех убиенных здесь.

Женщины всех сословий вносили посильный вклад в дело победы над наполеоновскими захватчиками. Глубокая любовь к родине проявилась и в среде крестьянского населения. В пострадавших от нашествия губерниях женщины и дети помогали своим мужьям, отцам, уходили в партизаны. Как ни бесправны, как ни угнетены были женщины-крестьянки в тяжких условиях эпохи господства крепостного права, но из их среды вышло немало самых активных борцов против ненавистного врага. К сожалению, если о подвигах партизан-офицеров сохранились записки и дневники, написанные ими самими или лицами, боровшимися с ними бок о бок против врага, то никто из людей того времени ничего не писал о подвигах партизан крестьян и крестьянок.

Из отдельных рассказов сложился образ героини Отечественной войны 1812 г. Василисы Кожинной из Сычевского уезда Смоленской губернии,

которая после гибели мужа возглавила отряд из женщин и подростков. Обладая большим природным умом, Василиса отлично командовала отрядом. Засады на дорогах и в населенных пунктах и внезапные ночные нападения всегда обеспечивали победу героическому женскому отряду. Даже враги отлично знали и надолго запомнили легендарные подвиги Василисы Кожиной. В изданном во Франции сочинении «История XIX века», под редакцией французских профессоров Лависса и Ромбо, во втором томе напечатано: «Уже недалек был момент, когда перевес сил, вначале целиком бывший на стороне Наполеона, должен был склониться на сторону русских. К действиям регулярных армий присоединялись действия партизанских вождей: Фишера, Славина, Давыдова, крестьянки Василисы... Партизаны и крестьяне задерживали курьеров, тревожили обозы, убивали оставших и мародеров» [9].

За свои подвиги Василиса Кожина получила серебряную медаль «В память Отечественной войны» и пять рублей. В 1813 г. художник Александр Смирнов написал ее портрет.

Великий Гете как-то высказал очень правильную мысль: «Женщины творят историю, хотя история запоминает лишь имена мужчин». А ведь верно: мы хорошо знаем полководцев 1812 года, имеем их галерею в Зимнем дворце, а как же женщины? Женщины – героини 1812 года не только за свой патриотизм и благотворительную деятельность, но уже и потому, что они родили, выходили и воспитали десятки тысяч героев-мужчин Отечественной войны 1812 года. Как они умели это сделать...: ведь очень важна была их любовь, терпение, жертвенность ради детей, мужа, семьи, Отечества.

Примечания

1. Дурова Н. А. Записки кавалерист-девицы. М.: Сов. Россия, 1962. С. 239.
2. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. В 10 т. Т. 7. Л.: Художественная литература, 1978. С. 271.
3. Жукова Ю. Первая женская организация России (Женское Патриотическое общество в Петербурге 1812–1826 гг.) // Все люди сестры. Бюллетень/ ПЦГИ. СПб., 1996. №5. С. 38–56.
4. Фадеев А.В. Отечественная война 1812 г. и русское общество //История СССР. 1962. №6.
5. Патриотическое общество // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907.
6. Энциклопедия благотворительности (электр.) СПб.: Фонд имени Д.С. Лихачева.
7. Жукова Ю. Первая женская организация России (Женское Патриотическое общество в Петербурге 1812–1826 гг.) // Все люди сестры. Бюллетень/ ПЦГИ. СПб., 1996. №5. С. 38–56.

8. Из писем М. А. Волковой В. Н. Ланской, 1812–1818 гг. //Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2007. [Т. XV].

9. Лавис Э., Ромбо А.-Н. История XIX века. Т. II / под ред. Е. В. Тарле. М., 1938. [Электронная библиотека Руниверс].

*Е.Н. Новокрещенова,
г. Оренбург*

РОЛЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Незадолго до начала Первой мировой войны с 1 по 11 июля 1914 г. в Петербурге проходил первый Всероссийский съезд военного и морского духовенства с участием 49 священников. Обсуждение вопросов внутриполитического положения империи и международной политики представителями религиозного культа проходило в атмосфере приближающейся войны и во многом определило готовность к ней русских военных пастырей. Осуждая насилие и кровопролитие, православие не признавало захватнических войн с целью обогащения и грабежа. Вместе с тем совершенно по-иному оно относилось к защите Отечества. Согласно православной доктрине, спасение родной земли от неприятеля – это святое дело, поэтому долг каждого православного прихожанина отдать все во имя защиты и спасения Родины. Неудивительно, что в православной церкви с давних времен сложился культ почитания воинов, на героических примерах которых она воспитывала подрастающее поколение.

Подчеркивая важную роль православия в жизни армии и флота, С. Н. Булгаков отмечал: «Русское воинство держалось двумя силами: железной дисциплиной, без которой не может существовать ни одна армия, да верой. Верой, которая давала ему возможность воевать не за страх, а за совесть. Содержание солдатской веры известно в трех словах: за Веру, Царя и Отечество. Но все эти три символа нераздельно были для него связаны: вера Православная, Царь Православный, Отечество тоже Православное» [1]. С момента объявления о начале военных действий 21 августа 1914 г. Святейший Синод на срочном заседании издал определение N 6502, согласно которому 42 тыс. православных приходов и 50 тыс. церковных амвонов были призваны на поддержку армии.

Одновременно начало действовать мобилизационное расписание Синода 1910 г., которое предусматривало укомплектование новых полков епархиальным духовенством. Святейший Синод призвал монастыри, православную паству к пожертвованиям на врачевание раненых и больных

воинов и на оказание помощи солдатским семьям. Для этой же цели во всех церквях был установлен кружечный сбор за каждым богослужением. Монастырям, общинам и всем духовным учреждениям было предложено отвести и подготовить под лазареты для раненых все свободные помещения, так же как и те, которые можно приспособить для этой цели.

Все обитатели призывались к подготовке способных и благонадежных сиделок для ухода за ранеными воинами в лазаретах и госпиталях. Особое внимание уделялось семьям мобилизованных граждан. Для создания на местах организованной благотворительной помощи таким семьям Святейший Синод поручил епархиальным преосвященным немедленно образовать во всех приходах особые попечительские советы из мирных прихожан с непременным участием в их деятельности духовенства и церковных старост [2].

Немалую роль Православная церковь сыграла в укреплении тыла и организации снабжения армии, причем взяв на себя широкие социальные обязательства. Сразу после начала войны были отслужены молебны о победе, в церквях стали собирать деньги на военные нужды, а свободные церковные помещения Синод распорядился передать в ведение военного ведомства [3]. При церквях и монастырях создавались специальные кружки для сбора пожертвований для раненых, больных и семей военных. Нельзя не сказать, что для широких слоев война была в первую очередь бедствием, и здесь роль православной церкви заключалась в том, чтобы помочь пережить его и справиться с испытанием.

Оренбургская епархия практически с первых дней войны организовала работу по оказанию посильной и повсеместной помощи органам местного управления, фронту, раненым, семьям тех, кто с оружием в руках встал на защиту Отечества. Распоряжением Его Преосвященства 2 августа 1914 года по случаю мобилизации военных сил России для войны с Германией и Австро-Венгрией был учрежден Оренбургский Епархиальный комитет по оказанию помощи семьям воинов, призванных на службу, и Красному Кресту. Согласно данному распоряжению, в состав комитета первоначально вошли четыре протоиерея и два священника, под председательством ректора Духовной семинарии. Позднее состав комитета постепенно «увеличивался и пополнялся нужными и полезными для дела лицами», и в марте 1915 г. общее количество его членов составило более 15 человек.

Деятельность комитета характеризуется оказанием помощи армии, солдатским семьям, оставшимся без «кормильцев», а также открытием и содержанием лазаретов на территории Оренбургской губернии. Кроме того, представители Епархиального комитета направили адресные обращения Общепархиальному Съезду духовенства, корпорациям духовно-учебных заведений, Духовной Консистерии, Комитету епархиального свечного завода, всем мужским и женским монастырям епархии с просьбой – «прийти на

помощь доброму делу своими пожертвованиями и трудами». Материальная поддержка православных организаций губернии выразилась ежемесячными отчислениями 1–2% всех церковных денежных поступлений «в пользу Общества Красного Креста... и семейств призванных на военные действия запасных и ратников ополчения». Правление Оренбургской духовной семинарии постановило уступить Епархиальному Комитету верхний этаж Образцовой школы в целях организации лазарета, первоначально на 20 кроватей.

Кроме этого, для улучшения материального положения семей призванных на военную службу практически в каждом приходе были учреждены Приходские Попечительные Советы. Помимо материальной и денежной поддержки, они оказывали большую помощь в уборке и засеивании полей. Благодаря их старанию осиротевшие семьи практически не знали нужды. По инициативе приходских попечительских советов впервые в России стали организовываться ясли для малолетних детей.

Что касается монастырей и прихожан Оренбургской епархии, то их помощь, как правило, заключалась в организации лазаретов для больных и раненых воинов, денежных пожертвований и сбора вещей, необходимых для армии. В начальный период войны деятельность духовенства была наиболее эффективной. Это связано с высокой степенью религиозности солдатских масс. Воздействие на религиозное чувство воинов стало основным фактором поддержания их морального духа на уровне, позволяющем формировать волю к победе, стойкость, дисциплинированность, вдохновляло их на самоотверженные поступки.

Православие становилось средством для преодоления внутреннего напряжения, а отсюда возрастала роль православных священников. С первых дней мобилизации они приступили к исполнению обязанностей. Так, перед отправкой на фронт они служили в полках напутственные молебны. Для людей, которые отправлялись жертвовать собою, это было важным ритуалом, укрепляющим боевой дух и дисциплину. Весьма торжественным было принятие воинской присяги, нарушение которой считалось смертным грехом не только перед народом, но и перед Богом, поскольку воины давали клятву перед раскрытым Евангелием. Дав обет служения Родине, воины непроизвольно становились и защитниками веры. Поэтому всегда после присяги церковь совершала молебен о новых воинах, вступивших в ряды русской армии.

Особо важными для укрепления боевого духа были богослужения непосредственно перед началом сражения. Сохранились воспоминания капитана А. А. Успенского, командира роты в 106 Уфимском полку, о том, как 4 августа 1914 г. перед боем под Шталлупененом о. Василий Ниженский напутствовал солдат: «Спешно, спешно прикладывались к святыням (свя-

той крест и Библия – К.П.) православные воины, и каждого он окропил святой водой, напутствуя ободряющими словами. Ушедшие же вперед цепи он издала осенил святым Крестом» [4]. А.А. Успенский также свидетельствовал: «Вообще, после всего перенесенного нами на войне, где каждому из нас смерть много раз заглядывала в очи, явился необыкновенный религиозный подъем! Многие офицеры, до войны совершенно не верующие, или индифферентно относившиеся к религии, стали теперь верующими» [5].

На полях сражений основной задачей священнослужителей можно назвать воодушевление личного состава, причем для ее выполнения многие были вынуждены находиться на передовой, рискуя жизнью, но продолжая исполнять долг и тем самым влияя на исход столкновений. Небезынтересно в этом отношении письмо полкового священника, протоиерея А. Х-ва, опубликованное на страницах «Оренбургских епархиальных ведомостей» в 1915 году: «Я назначен в 92 Печорский полк на лето... Штаб полка помещался в усадьбе «пана»-поляка. Хозяин бежал вглубь Австрии. Я прибыл в полк под отдаленные перекаты орудийной пальбы. Жутко было сначала слушать этот гул, непрерывные торопливые удары большого молота по железным листам, треск разрывов... По прибытии я тотчас же стал поправлять религиозные недочеты. Три дня вечерами служил для освободившихся батальонов полка молебны, после которых принимал солдат ко кресту. Ясно было заметно серьезное глубоко религиозное настроение воинов и их командиров. Усердно они молились, с сосредоточенностью, благоговейно прикладывались ко св. кресту, некоторые особо просили благословения... 20 мая пришла очередь и нам отражать врага. В 6 ч. утра против нашей роты появилась цепь неприятеля. Затыкал пулемет, захлопали ружья и от цепи ничего не осталось: кто полег, кто скрылся назад в свой окоп... Так прошло первое сражение, в котором я принимал участие: я ушел на перевязочный пункт и помогал врачам. Тяжело раненых, опасных не было. Легко раненых и с серьезными ранами было до 30 человек. Убито в нашем полку человек 7–8. Хотя много писали о спокойствии и терпеливости наших раненых, но не выдавши их на перевязочном пункте нельзя и представить их мужества и покорности своей судьбе. Ни стоны, ни вздохи! Настроение серьезно деловое, и признаков огорчения или малодушного уныния нет. Так надо для родины, так велит присяга – и все!» [6].

Во время боя место священника определялось на перевязочном пункте, но священник обязывался также быть в готовности в любую минуту принять непосредственное участие, где оно потребуется в условиях военного времени. Кроме того, каждый священник должен был в совершенстве овладеть искусством перевязывания раненых. Важной деятельностью военных священников было погребение погибших и умерших воинов. После смерти раненого или больного пастырь немедленно извещал его родных открытым

письмом о дне и причине смерти, его последних минутах, о напутствии его святыми тайнами, его предсмертной воле, если она известна священнику – вообще обо всем, что может утешить близких умершего и облегчить их скорбь. Священник сообщал о месте погребения и о том, что на могильном кресте сделана соответствующая надпись. Попечение о содержании в подобающем порядке военного кладбища также было для пастыря священным долгом.

По штату в каждом полку находилось по одному православному священнику и церковнику, которые были обязаны проводить богослужения, исповедовать и причащать раненых. Также священники были при штабах корпусов, армий и фронтов. Своя церковь (имени праведного Николая (Кочанова) в годы Первой мировой имела и при штабе Верховного главнокомандующего [7].

На середину 1915 г. численность священнослужителей в войсках доходила до 1800 [8]. На конец войны в составе ведомства протопресвитера армии и флота состояло до 700 священнослужителей постоянного состава и около 3000 священников, привлеченных из епархий. В деятельности православной церкви в это время определяется четыре направления – военно-патриотическое, воспитательно-просветительское, направленное прежде всего на разъяснение сути происходящей войны, миссионерское и милосердно-благотворительное. Четкое взаимодействие приходского и военного духовенства сплачивало и укрепляло российское общество, поскольку тыл и фронт взаимодействовали в рамках решения общих проблем военного периода. В 1914–1916 гг. институт военного духовенства достиг высшей точки своего развития. Во главе его стал протопресвитер военного и морского духовенства. Эту должность занимали выдающиеся церковные деятели: Желобовский, Аквилон, Шавельский. Значительно повысился образовательный уровень и престиж военного духовенства. Полковой храм окончательно стал главным духовным центром полка – хранителем памяти и воинской славы – здесь находились полковые знамена и военные реликвии, имена погибших однополчан были нанесены на памятные доски в храме, началось устройство полковых усыпальниц.

Таким образом, во время Первой мировой войны духовенство империи прошло «боевую проверку» в своем новом качестве воспитательной структуры и, как церковная организация, показало свои возможности в решении вопросов, связанных не только сугубо с вооруженными силами, но также и проблем общественной дипломатии в оказании помощи военнопленным, во взаимоотношениях с населением оккупированных территорий и других проблем подобного рода.

Всего за годы Первой мировой войны, согласно записке протопресвитера Г. Шавельского в адрес народного комиссариата военных дел от 29 ян-

варя 1918 г., 40 священников было убито или умерло от ран, более 200 получили раны и контузии, свыше 100 находились в плену [9]. Более того, 14 православных священнослужителей получили в награду орден Св. Георгия 4-й ст., 227 – золотой наперсный крест на георгиевской ленте, 85 – орден Св. Владимира 3-й ст. с мечами, 203 – Св. Владимира 4-й ст., 304 – орден Св. Анны 2-й ст., 239 – Св. Анны 3-й степени [10].

События 1917 г. положили начало ликвидации института военного духовенства. Созданный как часть общей структуры государственного управления, он был разрушен вместе с государством под ударами двух революций. В феврале 1917 г. революционные настроения захватили армию и подорвали боевой дух солдатского и части офицерского корпуса. Резко участились случаи массового дезертирства, отказов от повиновения командирам. Священники и штатные проповедники, которых катастрофически не хватало, уже не могли справиться с революционным настроением солдатских масс. Протоиерей Кучинский в письме к главному священнику армий Северного фронта о. Иоанну Покровскому от 16 марта 1917 г. рассказывает: «У нас все благополучно, если что портит, то вмешательство совета рабочих с своею разнузданностью, но и с этим вопросом как-то уладили. 14-го был у нас епископ Андрей и с необычного (смешного) амвона речь держал к войску, стоя на верху кареты автомобиля. Конечно, говорить 20 тысячам собранного войска в рядах стоящего, это значит по-напрасну терять время. Ведь все равно из солдат никто ничего из такой речи не вынесет, кроме обрывков отдельных слов. Его пока слушали, но скоро уже и слушать не будут» [11].

Протопресвитер Г. И. Шавельский в своем докладе на Поместном Соборе Русской церкви 17 августа 1917 г. так оценил изменение обстановки в армии: «Что же за причина столь огромной перемены, происшедшей в душе нашей армии? Причина одна: ее охватил животный страх. Нашим доверчивым и уставшим воинам посулили царство Божие на земле: всю землю и волю; и в это же время освободили от долга: от обязанностей и возмездия за трусость, измену и всякие другие нарушения высокого воинского долга. Нашим воинам пообещали рай на земле, и под влиянием этой проповеди людьми овладел животный страх за свою драгоценную жизнь. Не может быть доблести, мужества, храбрости в сердцах людей, которые ищут одних земных благ, дрожат за свою жизнь, ибо боятся вместе с ней потерять все...» [12].

Окончательно институт военного духовенства был расформирован Декретом советской власти от 16 января 1918 г., отделившим армию от церкви. Была разрушена структура, формировавшаяся на протяжении более 100 лет. Сотни священнослужителей оказались освобожденными от исполнения своих непосредственных обязанностей. Вопрос о судьбе военного духовенства был рассмотрен на созванном внеочередном Поместном Соборе. Члены Собора обратились к Председателю с заявлением, где констатировали:

«Декретом от 13.01. с.г. за №39 все военное духовенство упразднено и все военные священники остались без своих мест. Этим же декретом постановлено отобрать и все капиталы, принадлежавшие ведомству Протопресвитера военного и морского духовенства, вследствие чего военное духовенство лишено возможности получить какое-либо пособие в период острой нужды. В виду столь безвыходного положения военных пастырей, в большей части перенесших всю тяжесть войны и все унижения и оскорбления в период распада русской армии, мы, нижеподписавшиеся, почтительно просим Священный Собор предложить Св.Синоду и Высшему Церковному Совету неукоснительно принять меры к устройству и возможному обеспечению военного духовенства, а также других лиц, лишившихся своих мест и не имеющих вместе со своими семьями насущного куса хлеба» [13].

Это последний официальный документ, относящийся к истории института военного духовенства. В условиях революционного безвременья ни государство, ни сама церковь не могли уже исполнить предписания Собора. В результате гражданской войны многие военные пастыри оказались в белых армиях, кто исполняя свою духовную службу, а кто и в качестве «воина». В последние годы в нашей стране разрабатываются новые принципы взаимоотношения государства и религиозных организаций, упрочается роль и место религии в социально-политической и духовно-нравственной жизни общества. В выработке новых духовных начал государственности значительную роль может сыграть православная церковь. Одним из важных вопросов современной жизни является возможность взаимодействия церкви и армии, разработка соответствующих законодательных основ. Успех этого процесса во многом зависит от объема существующих исторических знаний, от того, насколько полно и объективно будет учтен опыт прошлого. Это делает особенно актуальным изучение существовавшей более 200 лет особой – военной – структуры в системе религиозного ведомства, накопившей богатейший опыт нравственно-патриотического воспитания и духовно-просветительной деятельности среди военнослужащих.

Примечания

1. Булгаков С. Н. Свет невечерний. М., 1995. С. 178.
2. Козин А. А. Религиозно-нравственные основы воинского служения православных христиан России во второй половине 19-го конце – 20-го столетия. М., 1997. С. 72.
3. Суглобов Г. А. Союз креста и меча. М., 1969. С. 34.
4. Вестник военного и морского духовенства. 1915. №2. С. 34.
5. Там же.
6. Оренбургские епархиальные ведомости. 1915. С. 23.
7. Митрополит Евлогин (Георгиевский). Путь моей жизни: воспоминания. М., 1994. С. 241.

8. В ставке Верховного Главнокомандующего // Вестник военного и морского духовенства. 1915. №11–12. С. 347.

9. Чимаров С. Ю. Русская православная церковь и вооруженные силы России в 1800–1917 гг. СПб., 1999. С. 174.

10. Там же. С. 169.

11. Вестник военного и морского духовенства. 1915. №1. С. 32.

12. Платонов Н. Ф. Церковь и империалистическая война // Религия и церковь в истории России. М., 1975. С. 233.

13. Горожанина М. Ю. Деятельность Православной церкви в годы Первой мировой войны // Доклады академии военных наук. Военная история. Саратов: Б/и, 2006. С. 263.

*Л. Ф. Тагирова,
г. Уфа*

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ ПОПЕЧИТЕЛЕЙ БАШКИРО-МЕЩЕРЯКСКОГО ВОЙСКА

В 1798 г. на территории Южного Урала была введена кантонная система управления. Было сформировано пять оренбургских, два кантона уральских казаков, один кантон ставропольских калмыков, одиннадцать (с 1803 г. двенадцать) башкирских и пять мещерякских кантонов

Во главе образованных административных единиц были поставлены кантонные начальники. Башкирские и мещерякские кантоны подразделялись на юрты, во главе которых стояли юртовые старшины. На перечисленные административные должности у башкир и мещеряков выбирались представители, выбираемые из национальных кадров.

До 1830-х гг. управляющие кантоном подчинялись непосредственно оренбургскому военному губернатору, и общий контроль за деятельностью национальных чиновников был невысок. Данное обстоятельство приводило к частым злоупотреблениям чиновничества на местах. В 1834 г. было образовано Башкиро-мещерякское войско, введена должность Командующего войском и канцелярии. С 1837 г. все дела, касающиеся населения кантонов, решались через Командующего, с последующим утверждением генерал-губернатора. Уголовно-следственные дела населения изымались из гражданского судопроизводства и передавались на рассмотрение военного суда. В 1835 г. появились попечители кантонов, выбираемые из русских армейских штаб-офицеров, и стряпчие, выбираемые из гражданских чиновников. Созданные промежуточные звенья в системе управления войском установили более действенный контроль за башкирским и мещерякским населением.

При каждом попечителе вместо канцелярии были письмоводитель и переводчик [1]. В обязанности попечителей входило: 1) наблюдение за

выполнением предписаний губернаторских властей; 2) контроль за несением службы населением кантонов; 3) проведение медицинского осмотра при нарядах лиц, числящихся отставными или неспособными к службе, а также медицинское освидетельствование «малолетков»; 4) присутствие при выборе кантонных начальников и юртовых старшин; 5) контроль за несением повинностей; 6) наблюдение за «земледельческими занятиями» башкир; 7) проведение следственных и судебных дел по маловажным преступлениям и кражам в пределах вверенных им попечительств (с 1841 г. не превышающим 15 руб. сер [2]., с 1854 г. – 30 руб. сер [3].).

Изначально в 1835 г. было создано пять попечительств Башкиро-мещерякского войска: в седьмом башкирском, втором, третьем и пятом мещерякских кантонах попечителем был назначен полковник Н. П. Черкесов; в шестом и девятом башкирских – подполковник (с 1838 г. – полковник) К. К. Бабст, во втором, третьем, четвертом загорном, четвертом западном, пятом башкирском и первом мещерякском – подполковник Ф. К. Амбургер; первом, восьмом, десятом башкирских и четвертом мещерякском кантоне – майор А. М. Максютков, в одиннадцатом и двенадцатом башкирских кантонах – штабс-капитан И. Т. Кондратович.

Из-за огромных территорий попечительств, трудности их управления и контроля к 1838 г. количество попечительств увеличилось – их стало шесть. В первом, втором, третьем башкирских кантонах попечителем был назначен майор А. Ф. Добрынин (1838–1840-е гг.); в четвертом загорном, четвертом западном, пятом башкирском и первом мещерякском – подполковник Ф. Л. Лисовский (1838–1841 гг.); шестом и девятом башкирских кантонах – полковник К. К. Бабст (1835–1839 гг.); седьмом башкирском, втором, третьем и пятом мещерякских – капитан С. Ф. Хоменко (1837–1842 гг.); восьмом, десятом башкирских и в четвертом мещерякском кантонах – майор князь А. М. Максютков (1835–1840-е гг.); в одиннадцатом и двенадцатом башкирских кантонах – штабс-капитан И. Т. Кондратович (1835–1840 гг.).

При анализе формулярных списков 1830-х гг. стало известно, что средний возраст вступления в должность попечителя составлял 44,5 лет [4], от 36 (Кондратович, Хоменко) до 60 лет (Добрынин). Преобладающее число попечителей исповедовало православную веру. Кроме того, был один лютеранин (Бабст) и мусульманин (Максютков). В основном, попечители происходили из дворянских семей различных губерний Российского государства (Смоленской, Черниговской губерний и пр.). Кроме этого, были случаи «солдатского» (Добрынин) и купеческого (Бабст «из иностранных купцов») происхождения.

Как видно из списка попечителей 1830-х гг., их офицерские чины были достаточно высокими (от майора до полковника). Все они отличались тем, что имели начальное (видимо, домашнее) образование. Умели читать и пи-

сать на русском языке. Кроме того, майор князь Максюттов владел «тюрки», полковник Бабст знал немецкий, французский и английский языки. В формулярном списке Кондратовича значилось знание арифметики, физики и географии. Можно сказать, что для своего времени попечители были достаточно образованными офицерами Российской армии.

Четверть из всех попечителей изучаемого периода не создали свою семью. У них не было ни жен, ни детей. Вся их жизнь проходила в военных походах и постоянных переездах на очередное место дислокации. Остальные же, в подавляющем большинстве, выбирали себе в спутницы жизни дочерей военных. Так, например, подполковник Ф.Л. Лисовский был женат на дочери обер-офицера Анне Дмитриевой [5], майор А.М. Максюттов на дочери разжалованного сотника и бывшего управляющего двенадцатым башкирским кантоном Шагингарея Нагайбакова [6]. У половины попечителей не имелось никакой личной собственности. В формулярных списках не отмечается даже владение домом. Остальные 50% не отличались владением большими капиталами и числом недвижимой собственности. Например, штабс-капитан И.Т. Кондратович владел совместно с братьями двумя деревянными домами и 45 дес. земли и леса в Слободско-Украинской губернии [7], майор А.Ф. Добрынин имел в собственности пять душ крестьян [8]. В 1840 г. от болезни в г. Мензелинске умирает И.Т. Кондратович. По этому случаю была проведена перепись имущества в квартире попечителя. Из его личных вещей был описан довольно скудный гардероб, в основном состоящий из предметов военной формы, одежды, салфеток, а также, видимо, приобретенных для служебных нужд – тарантаса и телеги. Кроме этого, в пересчете денежных сумм, отмечено, что Кондратович не получил треть содержания за январь, и ему оставались должными полковник Середа (3 000 руб. асс.) и купец Кирилов (20 руб.). Любопытными в описи имущества попечителя явились четыре книги «Описание Отечественной войны» и «Библиотека для чтения», состоящая из двенадцати книг за 1837–1838 гг. [9].

Из всех попечителей Башкиро-мещерякского войска 1830-х гг. XIX в. подполковник Ф.Л. Лисовский и полковник К.К. Бабст были участниками войны 1812 г. Полковник Кондратий Кондратьевич Бабст (1790 г. рождения) начал свою службу в третьем отделении канцелярии министра финансов, откуда позже был переведен губернским секретарем. 5 октября 1812 г. он, по собственному желанию, был определен юнкером в Гродненский губернский полк. Участвовал в сражении под г. Полоцком (6, 7, 8 октября 1812 г.), за что был награжден орденом Святого Георгия, а также в генеральных сражениях при Чашниках, г. Борисове, Вилейке (за что получил чин корнета). Участвовал при занятии г. Вильны, Тильзита, Лабиау (получил «Высочайшее благоволение»), Кенигсберга, Люнебурга (за истребление корпуса генерала Морана произведен в поручики), Лейпциге, Боуцене, Дрездене, Борне («за все свои дела награжден орденом Святой Анны 4-й степени»), Бриенн-ле-

Шато (за отличие в котором награжден орденом Святого Владимира 4-й степени с бантом), при взятии г. Ножан, Бар-сюр-обе (награжден вторым орденом Святого Владимира 4-й степени с бантом), в сражениях при городах Труа, Арси и Париже (произведен в штабс-ротмистры 18 мая 1814 г.). За участие в войне получил медали в память 1812 г. и «За взятие Парижа» 1814 г.

После войны Кондратий Кондратьевич Бабст был переведен в конно-Егерский полк, где получил звание капитана (8 ноября 1817 г.). В феврале 1818 г. получил чин майора с переводом в Рижский драгунский полк, в 1820 г. – в Казанский драгунский полк (за отличие по службе подполковник 23 августа 1826 г.). В 1833 г. был переведен в Отдельный Оренбургский корпус, где с 1835 г. занимал должность попечителя башкирских кантонов. В 1838 г. получил чин полковника.

Подполковник Ф.Л. Лисовский, кавалер орденов Святой Анны, Святого Георгия 4-го класса, имеющий знак отличия беспорочной службы за XXV лет и серебряную медаль в память 1812 г. и «за взятие Парижа», участвовал при Бородинском сражении, майор А.Ф. Добрынин в 1813 и 1814 гг. был в походах в герцогстве Варшавском.

Таким образом, попечители кантонов Башкиро-мещерякского войска были верными офицерами Российского государства, служившими на благо Родины не один десяток лет, отличившимися во внешних походах и боях государства, пройдя путь от рядовых солдат до высших чинов армии, благодаря старательности в военной службе. В основном они не обладали большими (и даже средними) материальными благами, получали домашнее образование, многие не создали семью. После долгих лет службы офицеры по назначению (переводу) прикомандировывались к Отдельному Оренбургскому корпусу, откуда их и назначали на должность попечителя башкирских и мещерякских кантонов. Эта должность сопровождалась постоянными переездами по обширным территориям, контролем большого по численности населения, национального чиновничества и их канцелярий, выполнением судебных функций и т. д. Можно предположить, что свои функции попечители выполняли на высоком уровне и в соответствии с инструкциями.

Примечания

1. РГВИА. Ф. 405. Оп. 6. Д. 5874. Л. 60 об.
2. Там же. Д. 9049. Л. 279.
3. Там же. Д. 12941. Л. 8.
4. ЦИА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 14613.
5. Там же. Л. 13.
6. Там же. Л. 27.
7. ЦИА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 14613. Л. 29.
8. ЦИА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 5690. Л. 31 об.
9. ЦИА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 4698. Л. 1–27.

СУДЬБЫ ВОЕННОПЛЕННЫХ ДВУХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ВОЙН В ОРЕНБУРЖЬЕ

Военные действия двух Отечественных войн (1812 г. и 1941–1945 гг.) не затронули территорию Оренбуржья, но оно являлось местом ссылки для военнопленных по причине большой удаленности от линии фронта.

На карте Оренбургского края, когда в него входили современные Уфимская (до 1865 г.) и Челябинская области (до 1918 г.), появились села Кваркено, Андрианополь, Берлин, Бриенн, Лейпциг, Париж, Редутово, Тарутино, Фер-Шампенуаз, поселки Бородиновск, Кассель, Кацбах, Сухтеленский, Кульм, Нови, Требия, Бреда, Остроленка и др. Историк из г. Челябинска В. С. Кобзов считает, что «эти населенные пункты до 1843 г. имели номера [1]», «но в 1843 г. генерал-губернатор В. А. Обручев предписал давать им названия в память военных побед оренбургских казаков» в 1812 г. [2]. Обратимся к труду П. Е. Матвиевского «Оренбургский край в Отечественной войне 1812 г.» за дополнением, которое проливает свет на исчезновение отдельных наименований на карте губернии во второй половине XIX в.: «... в 1853 г. правитель края В. А. Перовский просил правительство присвоить этим новым станицам русские наименования, т. к. для оренбургских казаков иноземные названия станиц не имеют в себе ничего, кроме чуждого им звука, потому и уродуют они их в произношении самым страшным образом». Помимо этого, добавлял он, «изображение их на карте дает русскому поселению в Азии ложный вид западно-европейских колоний» [3].

Не только одна топонимика побуждает думать о прошлом, но и уникальные находки. В 2006 г. в станице Новоорской в руки Александра Русова, краеведа, директора Новоорского детского центра и хранителя районного краеведческого музея, попал французский бердан 1812 г. [4]. Его обнаружили в одном из бревен старого деревянного здания военкомата. На металлическом стволе истлевшего ружья сохранилась первоначальная маркировка фирмы-изготовителя и год выпуска. А. Русов предположил, что бердан привез в качестве боевого трофея один из казаков станицы Новоорской, и в лихие революционные годы тот пролежал в этом тайнике до пожара в 2006 г.

Итак, Оренбургская губерния была местом ссылки военнопленных Отечественной войны 1812 г. Среди них были французы и немцы. Правительство Александра I издало циркуляр Министерства внутренних дел от 4 июля 1813 г., по которому военнопленным разрешалось переходить в русское подданство и быть гражданами России. Закономерно встает вопрос – как же сложилась их жизнь? В этом и заключена цель данной статьи.

Давайте сначала обратимся к воспоминаниям Карла Закса [5] и с ним совершившим мини-поход в Россию по следам 1812 г. Он родился 8 мая 1785 г. в немецком городе Карлсруе недалеко от лесного массива Шварцвальда в семье советника курфюрста Великого герцогства Баден, принимал участие в походе Наполеона против России в 1812 г., а с 1813 г. участвовал в освободительной войне против того же Наполеона, умер в 1834 г. в чине майора. Мемуары были закончены 1 марта 1816 г. в городке Раштадт, расположенном недалеко от границы с Францией. Праправнучка К. Закса Ирмгард Дильманн (урожденная Хольцманн из Эслингена на р. Некар) передала этот исторический документ на хранение в Вюртембергский краевой музей и дала разрешение на печать мемуаров прапрадеда. В предисловии Михаэль Заунер (1987) дает характеристику политической обстановке в 1806 году, когда кончилась третья военная коалиция Рейнского союза и у Наполеона возникла навязчивая идея о создании третьей Германии после самостоятельной Пруссии и Австрии. Вот тогда к этому союзу присоединилось Великое герцогство Баден. В 1806–1807 гг. герцогство участвовало в завоевательных походах против Пруссии, в 1808 г. – Испании, в 1809 г. – Австрии, а в 1812 г. против России. На французский манер объявили всеобщую обязательную воинскую повинность, по которой поставили под ружье 7166 солдат герцогства Баден весной 1812 г. и отправили в поход. Когда бесславная идея Наполеона провалилась, от баденского корпуса 30 декабря 1812 г. осталось 155 человек.

Сам Карл Закс в составе батальона легкой пехоты выступил 4 февраля 1812 г. из Фрайбурга в арьергарде «Великой армии». Начало похода юного офицера напоминало увеселительную прогулку по родным и знакомым, проживавшим в соседних германских государствах: приемы, балы, любовные похождения, интрижки и море вина. Затем началась «русская Польша», Украина, и вот Россия с крупным городом Смоленском. К. Закс и его товарищи увидели подлинное лицо войны. Прошло несколько дней после двухдневной упорной обороны города 4(16) и 5(17) августа, в которой неприятель потерял убитыми и ранеными не менее 20 тыс. человек [6], но никто не убрал павших лошадей, разбитые повозки, трупы погибших. Ночевки проходили в полуразрушенных домах горожан, где вповалку лежали в неестественных позах убитые. Живые люди дышали воздухом, пропитанным невыносимым запахом разлагающихся трупов. 17(29) августа прошло знаменитое Бородинское сражение, за ним последовало 33 дня пребывания Наполеона в разрушенной и опустевшей, но не сдавшейся Москве. Наконец, началось отступление, когда пробил час уничтожения и изгнания врага.

Из Москвы вышло 100000 человек, 600 орудий, 2500 обозов со снарядами и амуницией. Офицеры и солдаты тащили на себе награбленные меха, одежду, золото, серебро, драгоценности, предметы роскоши москвичей,

по дороге присоединялись раненые, размещенные по деревьям, не ведая, что вскоре они погибнут от холода и внезапных налетов казаков [7]. В ту осень раньше обычного пришла зима. Под Вязьмой резко изменилась погода, начались морозы до –8, пошел снег, замела поземка. С этой поры для «Великой армии» отступление превратилось в ад, его кульминацией стала переправа через р. Березину. Здесь из 40 тыс. солдат было потеряно 29 тыс. убитыми и пленными, армия лишилась артиллерии и обозов, сам Наполеон бежал с 9 тыс. [8]. «Пленных столько доставляют ко мне казаки, – доносил 20 октября атаман Платов, – что принужденным нахожусь отдавать их по селениям обывателям, для препровождения их» [9]. В Вильно 10 декабря 1812 г. М. И. Кутузов подвел итог и заявил, что «война закончилась за полным истреблением неприятеля» [11].

Сколько же было военнопленных в России? Этой проблемы касались и изучали многие исследователи Отечественной войны 1812 г.: П. Е. Матвиевский, Д. П. Бутурлин, Э. Лависс, А. Рамбо, Е. В. Тарле, М. Кукиел, Б. Ц. Урланис, В. Г. Сироткин, М. Любавин, В. А. Бессонов, К. Серебринский, С. Н. Хомченко и многие другие [12]. По сводкам, в России находилось от 100 до 200 тыс. человек в 42 губерниях [14]. Первых пленнх отправляли в Киевскую, Черниговскую, Смоленскую, Тверскую губернии, со второй половины июля – во внутренние губернии по их назначениям. В основе дальнейших действий лежало циркулярное предписание от 29 августа 1812 г., которое базировалось на положениях, разработанных и изложенных в 1806–1807 гг. Для жительства назначались Астраханская, Пермская, Оренбургская, Саратовская и Вятская губернии [15]. Предписание определяло денежное содержание военнопленных, от 5 коп. в день рядовым, нестроевым, унтер-офицерам и генералам до 3 руб. В течение 1812 г. из центра было отправлено губернаторам 10 циркулярных предписаний. С 1813 г. решение всех вопросов о военнопленных перешло к гражданским властям. Главная ответственность за проживание и содержание пленнх возлагалась на губернатора. Пользуясь данными В. А. Бессонова о численности военнопленных, находившихся по 15 февраля 1813 г. в 44 регионах России, можно утверждать, что первое место занимала Саратовская губерния (примерно 3700 чел.), второе – Минская, третье – Витебская, четвертое – Виленская, пятое – Киевская, шестое – Вятская и седьмое – Оренбургская губерния (примерно 1580 чел.). По смертности военнопленных лидировала Смоленская губерния (примерно 7700 чел.) [16].

«Великая армия» была многонациональной. Б. Ц. Урланис приводит данные по ее численности и национальному составу [17]: французы (300 тыс. чел.), немцы (136 тыс. чел.), поляки и литовцы (90 тыс. чел.), австрийцы (40 тыс. чел.), итальянцы и иллирийцы (32 тыс. чел.), швейцарцы (9 тыс. чел.), испанцы и португальцы (5 тыс. чел.), что в итоге дает 612 тыс. чел.

Взятые вместе немцы и австрийцы составляли две трети от численности французов. В состав объединенной немецкой армии, которая насчитывала 120 тыс. чел., входили солдаты немецких государств: пруссаки, баварцы, юртембергцы, баденцы, саксонцы и вестфальцы.

Оренбургский край лежал на окраине России и правительством использовался для ссылки преступников и неугодных лиц с момента его основания, с 1743 г. Край более чем подходил для содержания в плену солдат наполеоновской армии. П. Л. Юдин, первым поднявший тему военнопленных Отечественной войны в газете «Оренбургские губернские ведомости» (1892) и в журнале «Русский архив» (1896), писал, что «в исходе 1812 г. главные города внутри России переполнились пленниками, ...дабы не обременять население и прекратить им пути к бегству», поэтому их приходилось отправлять на окраины: в Казань, Самару, Саратов, Уфу и Оренбург». «В сей последней было сослано их так много, особенно из простых солдат, что перечислить всех не представляется возможным» [18]. К 100-летию юбилею начала Отечественной войны вышла его статья «Французы-казаки» в трудах Оренбургской Ученой Архивной Комиссии в 1913 г. (ОУАК) [19].

П. Л. Юдин в статье (1896 г.) приводит показания штаб-аптекаря Гио, штаб-лекарей Спонвиля и Мерсье и фамилии офицеров – хирургов де-Клер и Ла-Пьер, Тарассо, Люссо, Саворнье. Шесть человек бежали из госпиталя Белостока 22 августа 1812 г., но были пойманы и предназначались к отправке «за крепким караулом в Оренбург», но пленные в Оренбург не явились, их начали переводить из одного города в другой. Габриэля Гио отправили в Смоленск, затем в Вильно и Белосток, где он работал помощником аптекаря. Штаб-лекаря Жана Христофора Сельвестра Спонвиля отправили в феврале 1813 г. также в Белосток, затем в Супрасльский монастырь как врача, где находился госпиталь его соотечественников. Лекарь З. Мерсье также попал в Белосток.

Содержательная и объемная статья С. Н. Хомченко, появившаяся в наши дни, дает представление об этапировании военнопленных из центра к местам прохождения плена. Оренбургский губернатор князь Г. С. Волконский в сентябре 1812 г. получил уведомления о выходе из Владимира четырех и из Симбирска двух партий. Перевалочным пунктом служил г. Бузулук. Другой путь шел из Казани в Бугульминский уезд Оренбургской губернии. Военнопленных, понесших большие потери в пути, разместили в деревне Погромная и в крепости Пречистенская. Во время этапов солдаты Наполеона теряли товарищей по оружию из-за простудных заболеваний и истощения, от голода, когда вместо хлеба люди грызли древесину, от холода из-за отсутствия теплой одежды, поскольку в плен сдались в летней форме, от побоев, самодурства и варварства конвоиров, отсутствия элементарной санитарии и медицинской помощи. Пленные даже становились ис-

точником болезней для местных жителей. Единственный врач Пятницкий не мог исправить ситуацию в лучшую сторону, но он для будущих врачей оставил подробное описание болезни и ее протекание у пленных.

Они продолжали поступать в губернию и в 1813 г.: из Вологодской губернии и Казани направлялись в Бугульму, Мензелинск, из Костромы в Бирск, другие шли через Оренбург в Ишим Тобольской губернии, из Москвы ссылали в Уфу, из Вятки переводили в Оренбург, пока по манифесту от 14 декабря 1814 г. не возвратили на родину. Жизнь в плену всегда зависела от хозяина, в доме которого поселили пленника. Нижних чинов и рядовых размещали по крестьянским избам, которые в холодное время отапливались «по-черному», офицерский состав – по домам горожан и более ухоженным крестьянским жилищам. С.Н. Хомченко открыл пять мемуаристов, описавших пребывание в Оренбургской губернии: вестфалец Симон-Эдуард Рюппель, ганноверец Кристоф Циммерманн, французы Пьер Ноказ и Онорэ де Белэ, голландец К. Вагевир. От скуки и безделья пленным спасало распределение обязанностей по жилищу, если совместно проживало несколько человек, и овладение ремесленными профессиями: изготовление соломенных шляпок, цветных кубиков для игры в кости, плетение колец из конского волоса. В Бирске один француз открыл даже кабачок под названием «Парижское кафе», которое пользовалось популярностью у пленных и местных жителей. Некоторые дворянские семьи получили «дармовых» гувернеров для обучения детей французскому языку. В 1814 г. 19 марта Александр I въехал в Париж, 14 апреля 1814 г. появилось воззвание к французскому народу, которое разослали в России по тем губерниям, где находились пленные французы, которые на основании манифеста 14-го декабря были освобождены. Большинство из них возвращалось на родину через Ригу и Гавр на французских судах. Оренбургскую губернию первыми покинули немцы, «101 военнослужащий Рейнского союза». Этот факт объясняется тем, что в начале 1813 г. был создан Русско-прусский легион для борьбы с Наполеоном, и немцы стали союзниками России.

Согласно циркуляру Министерства внутренних дел от 4 июля 1813 г. любому французскому военнопленному разрешалось принять русское подданство, для этого надо было дать письменную присягу «на временное или вечное подданство России» и жить «вольным человеком». Пленные сами избирали род занятий, сословие, им гарантировалась свобода выбора вероисповедания. Мастерские освобождались на 10 лет от всех податей, но вводились ограничения по географии расселения. Им запрещалось проживать в двух столицах, в Польше, Прибалтике, Финляндии, Бессарабии, Белостоке и Тернополе, хотя в 1836 г. в Москве осело более 2,5 тыс. бывших солдат и офицеров из армии Наполеона. Всего к середине 1814 г. русское подданство приняло примерно 60 тыс. пленных [22]. В своей статье П.Л. Юдин

первым привел фамилии пленных, принявших русское подданство и выбравших местом жительства Оренбургскую губернию. В наше время этой проблеме уделяют внимание С.Н. Хомченко и К. Серебретинский. В губернии появились французы-крестьяне, -казаки и -дворяне. В Бугульминском уезде от Филиппа Юнкера пошла фамилия Юнкеров, дети отца-француза Ларжинц изменили фамилию и стали именоваться «Жильцовы», от Петра Батца произошли Бацитовы, фамилия Вилира Сонины сохранилась потомками из-за сходства с русской фамилией. Французы Жак Жандр и Ауц (Илья Кондратьевич) записались в казаки станицы Кизильской Верхнеуральского уезда, семья Ауц вскоре переехала в казачий поселок Арсинский (Арси-Сюр). В 1896 г., сообщил П.Л. Юдин, в Оренбургском казачьем войске насчитывалось 48 потомков французских военнопленных, среди них были дети Антония Берга, Шарль-Жозефа Бушена, Жак-Пьера Бинелона, Антона Виклера и Эдуарда Ланглуа. С.Н. Хомченко приводит фамилии лекаря Жилия, Вослера и дворянина Дезире Дандевиль (Дезире д'Андевиль) из Казанской губернии, переехавших в Оренбург в 1829 г.

Военнопленный офицер Дезире д'Андевиль принял русское подданство, был приписан к Оренбургскому казачьему войску, жил в Оренбурге и преподавал французский язык в Неплюевском кадетском корпусе, женился, в 1826 г. родился сын Виктор. Виктор (5 октября 1826, Оренбург – 8 октября 1907, Санкт-Петербург) получил образование в Неплюевском кадетском корпусе, 14 февраля 1844 г. выпущен хорунжим в конную артиллерию Оренбургского казачьего войска, прошел славный путь до звания генерала от инфантерии, командовал бригадой в Уральском казачьем войске, участвовал в Туркестанских походах, Венгерской кампании 1849 г., в Русско-турецкой войне. Награжден многими орденами России. В.Д. Дандевиль умер в С.-Петербурге, похоронен на Смоленском православном кладбище. В 1864–1880 годы В.Д. Дандевиль поместил ряд статей по различным отраслям военного дела [24].

Образ литературного героя В.Д. Дандевиль представлен на страницах романа Н. Анова «Ак-Мечеть» [26]. Творческое воображение писателя привело капитана Дандевиль и казака Степана Лянгулова в приемную военного генерал-губернатора В.А. Перовского, участника Отечественной войны 1812 г. Вот отрывок из романа: «В кабинете губернатора находились три человека: сам губернатор, капитан Дандевиль и казак Степан Лянгулов. Возле губернатора стоял в непринужденной позе капитан Дандевиль – офицер для особых поручений. Безукоризненно сшитый мундир отлично сидел на молодом капитане. Дандевиль был невысок ростом, строен, красив, имел правильные, приятные черты лица. В живых карих глазах его светился лукавый ум человека, уверенного в себе... Бородатый казак с малиновыми лампасами стоял навтыжку перед корпусным командиром». Далее сле-

дует разговор и выясняется, что отца казака звали Иван, самому Степану исполнилось 38 лет, братьев и сестер нет, его отец был пленным французом. «Капитан быстро заговорил по-французски: ... Лянгулов – это, несомненно, искаженное Лянглуа. В станицах Париж, Бордо, Фершампенуаз, Марсель живут почти исключительно потомки пленных французом. Жан Лянглуа и Иван Лянгулов – это одно и то же лицо. А этот казак – родной сын Жана Лянглуа и казачки Федосьи Пониткиной. Короче говоря, кузен парижского аббата!» [27].

Известный в Оренбурге основатель и владелец пивоваренного завода Антон Клюмп был сыном вестфальца Теодора (Федора) Клюмпа. Теодор родился в 1789 г. на р. Рейн в Фишеленском приходе между Крефельдом и Кельном; католик, из потомственных ткачей шелковых материй; военнопленный 1812 г.; отбывал плен на Волге в немецких колониях под Саратовом; принял русское подданство; женился на колонистке. Федор Яковлевич завел ткацкую мастерскую для выпуска ткани «сарпинка», дал сыну образование дистиллятора по очистке хлебного кваса. На старости лет перевезен с женой в Оренбург, где умер, имел двух сыновей помимо Антона и семь дочерей, которые оставили после себя более 40 человек потомков. Сестры Елизавета и Минна пережили брата [28]. В качестве дополнения приведем несколько цифр для справки по Саратовской губернии на 17 февраля 1813 г., когда в губернию «поступило 4648 пленных и из этого числа на жительство осталось 3730 человек [29]. По 7-й ревизии (1815 г.) в поволжских колониях числилось 156 колонистов из военнопленных [30].

Медиатр Восточного Бонапартистского Комитета, этнопсихолог, бывший руководитель Полевой лаборатории по изучению религиозной и магической мифологии (Самара) Кирилл Серебретинский проследил судьбу потомков оренбургских «французом» [31]. Он сам потомок польских комбатантов Великой армии и сотрудник журнала «Вокруг света» (на 2006 г.). К. Серебретинский установил, что внук французского офицера Михаил Викторович Дандевиль служил в Петербурге в лейб-драгунском Курляндском полку и составил историю полка. Исследователь пошел дальше и обнаружил, что в станице Кизильской жил в родовом имении казак-помещик Яков Иванович Жандр, что все потомки Д. д'Андевиля собрались в Москве, наша современница Зоя Васильевна Ауц, родом из бывшего рудута Остроленка, поселилась в Долгопрудном (апрель 2006) [26].

Александр Карлович фон Фок, губернский обер-форштмейстер, участник сражений с Наполеоном, вывез из Вятки пленного офицера Жана де Макке в имение, в деревню Брашево Уфимского уезда Оренбургской губернии, и определил гувернером к сыновьям. В 1820-х г. Иван Иванович Макке, русский подданный, переехал в Самару и открыл пансион для девиц. Его сын Александр Иванович де Макке стал городничим г. Троицка

в 1850-х, внук, надворный советник Борис Александрович де Макке, вернулся к деду в Самару, их потомки сегодня живут в Уфе и Смоленске [27]. К. Серебретинский мечтает издать книгу о судьбе военнопленных на Южном Урале, проследить жизненные пути и создать ассоциацию потомков Великой Армии.

Теперь перейдем к судьбам военнопленных Великой Отечественной войны. Активное изучение истории военного плена Второй мировой войны приходится на начало 90-х годов, когда были рассекречены в архивах документы 1941–1956 гг. и исследователи получили к ним доступ. В центральных журналах появились статьи В. П. Галицкого, В. Б. Конасова, М. Е. Ерина, Н. В. Барановой, В. П. Мотревича, Н. В. Суржиковой, А. С. Смыкалина [28] о численности немецких военнопленных в СССР, в частности на Урале, их составе и быте, условиях содержания и об использовании на работах, о социальных и психологических проблемах. В 2005 г. был завершен капитальный труд ученых Волгоградского университета о военнопленных Сталинграда, который вышел в пяти томах под редакцией М. М. Загоруйко [29]. На региональном уровне этой темой занимались А. В. Федорова [30], Е. К. Рожкова, автор диссертации «Иностранцы военнопленные и интернированные на Южном Урале в 1943–1950 гг.» [31], и др. В Оренбургской области (тогда Чкаловской) размещалось около 10 тыс. чел. военнопленных. При сравнении положения военнопленных 1812 и 1945 гг., т.е. за прошедшие 133 года, вскрываются похожие картины и существенные различия. Они явственно видны при сравнении. Начальный этап сбора и транспортировки военнопленных в первичные лагеря; долгое отсутствие пищи (3–4 дня); длинные дневные переходы; мародерство конвоиров; ночевки, где попало, и даже под открытым небом; совместное продвижение молодых и старых бойцов; больных, раненых и здоровых; повышенное число смертей из-за отсутствия медицинской помощи; огромный психологический стресс дают право сделать вывод, что именно самый первоначальный этап являлся самым тяжелым и смертельным. Его преодолевали физически сильные и крепкие мужчины молодого и не выше среднего возраста. В глубинные области страны пленных Великой Отечественной в отличие от 1812 г. перевозили по железным дорогам, часто этот срок растягивался до трех и более месяцев, питание было малокалорийным, но регулярным, медицинская помощь оставалась малоэффективной до прибытия в пункт назначения. Далее наблюдалось медицинское освидетельствование и комплектация рабочих групп по здоровью, назначение на разные степени физических работ, улучшение санитарного содержания, трехразовый, но низкокалорийный, скудный и однообразный рацион питания.

Проследить судьбы отдельных военнопленных после возвращения в Германию позволяют воспоминания г-на Карла Брандштеттера, единственного из бывших оренбургских пленных. Его взяли в плен 9 мая 1945 г. на

чешской земле в возрасте 16 лет [32]. Он провел в плену 4 года, но за этот срок не был свидетелем перехода в советское гражданство. Переход в российское подданство имел место только в 1812 г. Карл вернулся домой 14 апреля 1949 г. и интересовался судьбами товарищей-баварцев, поскольку сам был родом из Баварии. В полночь 12 апреля 1949 г. прибыл в родной город Нойэттинг в объятия отца и матери, братьев и сестер. У автора мемуаров началась нормальная жизнь. В 2007 г. после выхода воспоминаний из печати они разошлись по читателям Баварии, прозвучали в авторском чтении по местному радио, нашли живой отклик в прессе и у оставшихся товарищей по плену, прошли встречи со школьниками, и те писали сочинения на военную тему [33].

Роль наставника и старшего товарища в Свердловском лагере для него играл «добрый мельник» Герман Вайхс, который отбыл из плена на католическое рождество 1948 г., затем работал мельником в Грабинге (Бавария), дожил до 79 лет и умер в 1988 г. Близкого товарища Альберта Фюртнера перевели в лагерь №7369/1 в Чкалов раньше К. Брандштеттера. Альберт разбирался в живописи, умел готовить грунтовку под картины и научил Карла из твердой бумаги изготавливать красивые трафареты для росписи стен и украшения потолка. В неурожайный 1946 год пленным, чтобы они могли заработать лишний кусок хлеба, разрешили подрабатывать после лагерной работы у жителей города: починить забор, покрыть крышу. Карл, Альберт и товарищ постарше белили потолки и стены. Карл отвечал за подготовку трафаретов для рисования бордюра на стенах. Это был веночек из синих цветов, краска готовилась из хозяйственной синьки, к тому же, синий цвет был символом надежды на возвращение домой. Возвратившись домой из плена, Альберт работал на заводе Гендорф, в 2007 г. ему исполнилось 82 года, он жил в Бургкирхене, как и Карл. Послевоенная жизнь бригадира подразделения «Драмтеатр» Филиппа Редера после возвращения в 1948 г. на родину сложилась удачно: жил в Ландау на реке Изар, вначале торговал металлоломом в Штраубинге, затем стал продавцом автомобилей «Мерседес». Через 35 лет Карл и Филипп встретились вновь, последний жаловался на плохое здоровье и через пару лет умер. В Чкалове Карл встретил Герхарда Аппельта, он был моложе на один год, попал в плен в 15 лет. Оба паренька подружились, и Карл в 1994 г. езжал к нему в Ольденбург.

Карл встретил в Чкалове и подружился на всю жизнь с Францем Гельмендингером из местечка Альцгерна под Нойэттингом. В стройбригаде «Драмтеатр» Франц работал плотником и опалубщиком, прибыл в 1947 г. в Чкалов из бугурусланского лагеря. Вот что пишет Карл про друга: «Франц был исключительно надежным товарищем, с которым я мог обсуждать все свои заботы и проблемы. Мы помогали друг другу, как могли. Я не припомню такого честного и прямолинейного человека по плену, как Франц.

Для нас плен кончился в один и тот же день, и мы вместе поехали домой. Он дал слово, что в случае счастливого возвращения пешком пойдет домой от Мюльдорфа через Альтэттинг. Когда вспоминаю об этом, меня и сегодня грызет совесть, что я его в полночь, в 30 км от дома, оставил одного на проселочной дороге, и он, действительно, пешком пошел домой. Во всяком случае, он сам хотел этого и сдержал слово. Позже он был свидетелем на моей свадьбе, и нашу дружбу, начавшуюся еще в России, мы пронесли до его смерти, которая наступила 28 декабря 1987 г.» [34]. Другой товарищ Шорш Г. из Гамерау под Баден Райхенхалле после плена жил и работал у подножия Альп, в Траунштейнере, в приюте альпинистов.

Однако в мемуарах описаны не только дружественные отношения, но и превышение власти немецких начальников и бригадиров по отношению к своим же товарищам по плену. Бывшие подчиненные сводили с ними счеты за нанесенные побои и обиды в лагерях, когда весной 1949 г. разъезжались по родной земле, разделенной на четыре оккупационных зоны: советскую, английскую, французскую и американскую.

После плена и медицинской комиссии Карла отправили в санаторий в Альпы на месяц для поправки здоровья, директор завода в Гендорфе взял его на работу химиком-лаборантом и дал возможность получить профессиональное образование, после он стал работать в должности инженера по производству полихлорвинила, доработал до пенсии. От завода получил участок земли в г. Бургкирхен под строительство жилого двухэтажного дома и ведение небольшого сада-огорода. Дом и сад размещены продуманно и рационально, нет заброшенных и необработанных садовых мест, поскольку земля в Германии очень дорогая. Семья построила дом на собственные доходы и на кредиты, данные на 30 лет, они были выплачены государству в 1997 г. Теперь это частная собственность Брандштеттеров. В 1950 г. Карл познакомился с красивой девушкой Марией, в 1952 г. они поженились и вырастили пятерых детей, каждому дали высшее образование. Старший сын Карл получил ученую степень по специальности «политические науки», умер в 1999 г. от злокачественной опухоли. Три дочери живут отдельно от родителей в разных городах. Сын Герхард расположился на жительство в соседнем городке Нойэттинг и часто с семьей посещает престарелых родителей. Чета Брандштеттеров отличается гостеприимством и дружелюбием, ведет активный образ жизни и борется с болезнями, этими неизбежными спутниками старости, супруги встретили ее с оптимизмом, как должное явление.

Таким образом, рассмотрев проблему о судьбах военнопленных двух Отечественных войн 1812 и 1941–1945 гг., можно сделать вывод, что Россия и СССР вышли победителями, принесли освобождение народам Западной Европы от порабощения их Наполеоном и Гитлером, лояльно от-

носились к военнопленным, но не могли избежать многочисленных потерь на первом этапе пленения. Русский народ и впоследствии народ СССР мужественно боролись с захватчиками, но сочувственно относились к пленным, поскольку они также переживали потери и гибель родных и близких как на полях битвы, так и явления плена. Россия – великая держава, она борется за мир и за мирное добрососедство, за благополучие всех народов, проживающих в ней, но помнит о своем доблестном прошлом и отдает прошлому почести и славу.

Примечания

1. Герои рождают героев. Восемьсот двенадцатый ближе, чем нам кажется [Беседа с В. С. Кобзовым]. [Интернет-ресурсы: <http://gero.ru/news/6079/>].
2. Петрищева Ирина. Где найти Париж в России? Интернет-ресурсы
3. П. Е. Матвиевский. Очерки истории Оренбургского края XVIII–XIX веков. Оренбург, 2005. С. 228.
4. Оренбуржье. 2006. 15 ноября. С. 12.
5. Sachs, Carl. Erinnerungs-Blatter eines badischen Soldaten an den Russischen Feldzug von 1812 bis 1813. Paris, 1821. Переиздано с предисловием Михаэля Заунера в 1987. Ulm. 1987. Seite VII. Перевод О. Я. Бахарева.
6. Жилин П. А. Отечественная война 1812 года. М., 1988. С. 123.
7. Retwisch Theodor. Bilder aus dem Feldzug 1812. Mit Mann und Ross und Wagen hat sie der Herr geschlagen. LeipzigTurm-Verlag, Seite 181. Ohne Jahr Перевод О. Я. Бахарева.
8. Бескровный Л. Г. Русское военное искусство XIX в. М., 1974. С. 123.
9. Жилин П. А. Указ. соч. С. 299.
10. Там же С. 322.
11. П. Е. Матвиевский. Оренбуржье в Отечественной войне 1812 г. Оренбург, 1962; Бутурлин Д. П. История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 г. СПб.; Лависс Э, Рамбо А. История XIX в. М., 1937. Т. 2; Тарле Е. В. Наполеон. М., 1959; Кукиел М. Война 1812 г. Краков, 1937. Т. II; Урланис Б. Ц. История военных потерь. СПб., 1994; Сироткин В. Г. Наполеон в России. М., 2000; Любавин М. Пленные 12-го г. // Нева. 1987. №9; Бессонов В. А. Численность военнопленных 1812 г. в России // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: материалы X Всероссийской научной конференции. М., 2002; К. Серебретинский. Осколки Великой Армии // Вокруг света. 2006. №7; С. Н. Хомченко. Военнопленные армии Наполеона в Оренбургской губернии // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: материалы XV Междунар. науч. конф. Можайск, 2009. С. 360–386. [Интернет-ресурсы].
12. Бессонов В. А. Численность военнопленных 1812 г. в России // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: материалы X Всероссийской научной конференции. М., 2002. [Интернет-ресурсы].
13. Бессонов В. А. Нормативные документы, определявшие содержание военнопленных в Российской империи в 1812 г. [Интернет-ресурсы].

14. Бессонов В. А. Численность военнопленных 1812 г. в России. Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: материалы X Всероссийской научной конференции. М., 2002. [Интернет-ресурсы].

15. Урланис Б. Ц. История военных потерь. СПб., 1994. С. 83, 89.

16. Юдин П. Л. Ссылные 1812 г. в Оренбургском крае. К истории Отечественной войны // Русский архив. 1896. Кн. 3. С. 5–33. [Интернет-ресурсы].

17. Юдин П. Л. Французы-казаки // Труды / Оренб. Учен. Арх. Комис. Оренбург, 1913. Вып. XXIV. С. 58.

18. Военнопленные до 1917 г. «В» Генеалогический словарь. С. 2. <http://forum.vgd.ru/132/8623/>.

19. Дандевиль Виктор Дезидерьевич. [Википедия. Интернет-ресурсы].

20. Анов Николай. Ак-Мечеть. Оренбург, 1958.

21. Там же. С. 30–31.

22. Бахарева О. Я. Семья немецкого колониста и оренбургского пивовара Антона Клюмпа // Семья как субъект формирования национально-культурных традиций. Оренбург, 2008. С. 91–92.

23. Бессонов В. А., Тотфалушин В. П. Военнопленные Великой Армии в Саратовской губернии. С. 5. [Интернет-ресурсы].

24. Военнопленные до 1917 г. «В» Генеалогический словарь. С. 3. <http://forum.vgd.ru/132/8623/>

25. Шмулевич А. Император Наполеон возвращается. От ролевой игры до реальной политики. [Интернет-ресурсы. <http://www.apn.ru/publications/article21250.htm>].

26. Интернет-ресурсы.severr: Последний пленный из армии Наполеона. <http://severr.livejournal.com/111318.html>

27. Там же.

28. Галицкий В. П. Вражеские военнопленные в СССР // Военно-исторический журнал. 1990. №9; он же. Проблема военнопленных и отношение к ней Советского государства // Советское государство и право. 1990. №4; Конасов В. Б. К вопросу о численности немецких военнопленных в СССР // Вопросы истории. 1994. №11; Ерин М. Е., Баранова Н. В. Немцы в советском плену (По архивным материалам Ярославской области) // Отечественная история. 1995. №6; Мотревич В. П. Военнопленные немецкие генералы на Урале // Архивы Урала. Екатеринбург, 1996. № 2; Суржикова Н. В. Из истории лагеря №476 для военнопленных Второй мировой войны // Первые уральские военно-исторические чтения: материалы региональной научной конференции. Екатеринбург, 1996; Смыкалин А. С. Иностранцы военнопленные на территории Урала в 1942–1956 гг.) // Рос. ист. журн. Балашов (Саратов. обл.), 2001. №1

29. Военнопленные в Сталинграде. 1943–1954: документы и материалы: Т. 2 // Военнопленные в СССР. 1939–1956 г.: документы и материалы / под ред. М. М. Загорюлько. Волгоград, 2003; Творчество немецких военнопленных о Сталинграде и о себе. 1946–1949: документы и материалы. Серия: Военнопленные в СССР. 1939–1956 г.: Документы и материалы / под ред. М. М. Загорюлько. Волгоград, 2006.

30. Федорова А. В. Иностранцы на Южном Урале в годы Второй мировой войны и отношение к ним местного населения // История Оренбургского края: события, судьбы, реальность: сб. науч. тр. Оренбург, 1994.

31. Рожкова Е. К. Иностранцы военнопленные и интернированные на Южном Урале в 1943–1950 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2002.

32. Брандштеттер Карл. От Инна до Урала. Военнопленный в 16 лет / перевод с немецкого О. Я. Бахарева. Оренбург, 2009.

33. Подробнее: Бахарева О. Я. «Мы жили с надеждой на возвращение домой» // СССР во Второй мировой войне: третьи Всерос. истор.-краевед. чтения памяти проф. П. Е. Матвиевского, 26–27 марта 2010. Оренбург, 2010. С. 25–30.

34. Брандштеттер Карл. Указ. соч. С. 57–58.

*М. В. Лутцев,
г. Оренбург*

ЧЕГО НЕ УЧЕЛ НАПОЛЕОН?

Приближающаяся юбилейная дата окончания Отечественной войны 1812 г. заставляет исследователей вновь вспомнить это событие, казалось бы, давно ушедшее в историю. 200 лет для истории срок немалый, и многое из произошедшего тогда вроде бы давно должно быть покрыто «пылью веков». Однако таково уж свойство истории, что, с одной стороны, она учит тому, что ничему не учит, но сурово спрашивает за ошибки, а с другой – ей свойственно повторяться. Любое значительное историческое событие (а Отечественная война 1812 г. относится именно к таким) обязательно должно чему-либо учить.

История знает немало примеров, когда сильные государственные образования, с развитыми социальными отношениями и культурой, просуществовавшие некоторое время, становились военной добычей какого-либо великого завоевателя и исчезали с политической карты мира. На этом фоне Россия каждый раз предстает в виде какого-то непонятого исключения. Начиная с XIII и вплоть до XX века Россия по меньшей мере раз в столетие подвергалась военной агрессии, нередко приобретающей форму опустошительного нашествия и довольно часто одновременно с нескольких сторон: в XIII в. – Батый; в XIV в. – Мамай; в XV в. – Ахмат; в XVI – Девлет-Гирей и С. Баторий, в начале XVII в. («Смутное время») – польско-шведская интервенция. Да и с XVIII века, когда Россия наконец-то усилилась настолько, что ей уже не грозила потеря независимости, эти нашествия не прекратились: в начале XVIII в. – Карл XII, в начале XIX в. (Отечественная война 1812 г.) – Наполеон; в середине XIX в. (Крымская война) – объединенная англо-франко-сардинско-турецкая коалиция; наконец в XX в. – Вильгельм II, коалиция 14 держав, и наконец, Гитлер. Помимо этих крупных, был

еще ряд менее масштабных, но тоже длительных и кровопролитных войн. В. О. Ключевский сообщает, что в период своего формирования за 234 года (с 1228 по 1462 гг.) Россия вынесла 160 внешних войн [1]. И. А. Ильин, основываясь на подсчетах российских историков, сообщает, что «Россия провела две трети своей жизни» [2]. Н. О. Лосский, ссылаясь опять же на И. А. Ильина, приводит следующую хронологию событий: в период 800–1237 гг. военное нападение на Русь происходило каждые четыре года, в 1240–1462 гг. было 200 нашествий; с 1368 по 1893 г. было 329 лет войны, значит, два года войны и один год мира [3]. Советские историки подсчитали, что в XVI в. Россия проводит в войнах 43 г., в XVII в. – 48 лет, в XVIII в. – 56 лет [4]. Всего же с 1236 по 1989 гг. Россия провела в войнах 463 года [5].

Данный факт доказывает, что состояние войны для России периода становления и укрепления государства было естественным. Да и в XIX–XX вв. России пришлось провести в войнах значительное время. В целом для России война всегда была обыденной реальностью, жестокой и вынужденной необходимостью, а мир – скорее исключением из правил. Постоянная угроза извне являлась одним из важнейших аспектов, обусловивших важность именно военного фактора в социальной эволюции российского общества. Нельзя не согласиться с мнением советского публициста Ф. Ф. Нестерова, выразившегося по данному поводу следующим образом: «...Россия в течение всей своей многовековой истории жила в режиме сверхвысокого давления извне...» [6]. И в самом деле, удивительным является то обстоятельство, что ведя на протяжении столетий тяжелые войны со своими опасными соседями, Россия не только не исчезла с географической карты, но и постоянно усиливалась и расширяла свои границы. И многие выдающиеся для своего времени полководцы свое главное поражение, нередко ставившее крест на их карьере, терпели именно в России.

Могло ли оказаться случайностью, что сильнейшие на тот момент армии, несмотря на первоначальные успехи, не смогли одолеть противника, располагавшего в начале кампании меньшими силами, чем те, которыми эти полководцы располагали? Вряд ли. И Отечественная война 1812 года, которую вел русский народ и другие народы России против наполеоновского нашествия, со всей наглядностью показала, что Россия – не искусственное объединение отдельных земель и народов, связанных военно-бюрократической связкой, а единое органическое целое, и того, кто рассчитывает на легкую победу, ждет горький урок. Когда ставится вопрос о самом существовании нации и государства, о жизни или смерти народа, государство, «...возникшее на этой земле, чтобы отбиться от наседавших врагов, должно было властно требовать от своего народа столько богатств, труда и жизни, сколько это нужно было для победы, а последний, коль скоро хотел отстоять свою политическую независимость, должен был отдавать все это, не считая» [7].

Война 1812 года была закономерным явлением, обусловленным самим развитием европейской политики начала XIX века. Французская революция, потрясая сами основы европейского феодализма и выдержавшая военно-политическую интервенцию практически всей феодальной Европы, закончилась приходом к власти императора Наполеона – уникального человека, обладавшего огромным военно-политическим талантом и еще большими амбициями, перешедшими в манию величия. Гегель назвал его «абсолютным духом на коне», а историк И. Тэн – «гением на службе эгоизма».

Появление Наполеона на политической арене Франции – явление столь же закономерное. Еще в конце XVIII в. Екатерина II много шумела о необходимости борьбы с французской революцией, поднимала на борьбу с ней всю феодальную Европу, но сама не дала на нее ни копейки из русской казны, не послала воевать ни одного солдата, что подтверждает ее политическую дальновидность. Она царствовала на русском престоле долгие 34 года, и ей не откажешь в политическом чутье и проницательности. Задолго до появления Наполеона она предвидела появление диктатора – нового Кромвеля, способного обуздать вакханалию революции, а затем и похоронить ее останки. Она писала, что Франции «нужен человек, выходящий из обыкновенных смертных, ловкий, храбрый, стоящий не только выше современников, но может быть и выше самого века». Уже перед смертью она не раз восклицала: «Ну где же Цезарь? Когда явится? Чего же он медлит?»

Новый «Цезарь» явился в царствование ее сына Павла I. Павел, несмотря на крайне критическое отношение к политике своей матери, тоже показал себя достаточно прозорливым политиком. В годы его царствования Россия напрямую воевала со ставшей уже наполеоновской Францией. Причем воевала весьма успешно, о чем свидетельствуют победы Суворова в Италии и Швейцарии и Ушакова в Средиземноморье. Однако под конец своего царствования Павел пришел к парадоксальному, но дальновидному выводу: России с Францией следует не воевать, а сотрудничать на почве общих интересов и противостояния с общими врагами (особенно с Англией). На столе Павла, среди его бумаг, был найден черновик его планов о строительстве франко-русского альянса: «...склонить Бонапарта к принятию им королевского титула, даже с престолонаследием в его семействе. Такое решение с его стороны я почитаю единственным средством ... изменить революционные начала, вооружившие против Франции всю Европу». Из этого черновика ясно, что Павел разгадал тайные на тот период намерения тогда еще первого консула гражданина Бонапарта. Он даже предложил Наполеону союз, закрепленный договоренностью о совместном походе в Индию. И переворот 1801 г., произошедший с активным участием английской агентуры, и устранение Павла во многом было следствием этого внешнеполитического поворота. В момент прихода к власти в России ново-

го императора Александра во Франции уже сформировался возглавляемый авторитарным вождем меритократический режим, опирающийся на отлично обученную, полностью и укомплектованную, и обладающую большим боевым опытом лучшую в Европе армию, безгранично верившую в гений своего полководца. Французская армия к этому времени стала сильнейшей в Европе. В течение 20 лет она вела непрерывные войны со всей феодальной Европой, и в этих войнах она отстояла завоевания своей революции. Но по ходу, особенно в эпоху директории, цели армии изменились, изменилась и сама армия. Из революционной и добровольческой она стала завоевательной и профессиональной. Идеи «свободы, равенства, братства» стали лишь ширмой для вмешательства в дела других стран, вплоть до их прямого завоевания. Чем не современные США?

Александр, воспитанный в духе французского Просвещения, в беседах в ближнем кругу своих друзей «Негласного комитета», называл Наполеона тираном, а созданный и управляемый им режим к 1812 году представлял непосредственную угрозу и лично ему, и России в целом. К этому времени именно Россия стала если не единственным, то одним из главных препятствий на пути Наполеона к мировому или хотя бы европейскому господству. Вторжение же Наполеона в Россию в 1812 г. поставило под вопрос существование самой России как государства.

Война 1812 г. – не единственное русско-французское военное столкновение конца XVIII – начала XIX века. О победоносной военной кампании 1799 г. в Италии и Швейцарии мы уже говорили. В войне 1805 г. Франция, за счет победы Наполеона над русско-австрийской армией при Аустерлице, берет реванш. В войне 1807 г. Франция побеждает при Фридрихсберге и вроде бы развивает свой успех, однако результаты победы в этой кампании были весьма скромными, пожалуй, даже чисто символическими. Гегемоном Европы Франция стала, но Россия при этом не понесла ни политических, ни тем более территориальных потерь. Заключенный в 1807 г. Тильзитский мир был лишь перемирием, обе страны готовились к новой большой войне, которая неизбежно должна была произойти ранее или позднее. Момент истины наступил именно к 1812 году.

На момент начала войны Наполеон считал Россию главным препятствием к мировому господству. Возможно, это было преувеличением, ведь не была сломлена главная соперница Франции в Европе – Англия, продолжалась герилья в Испании, наконец, вне войны оказывались крупнейшие державы Азии (Китай) и североамериканские штаты. Не было спокойно и в самой Франции: диктатура Наполеона вызывала недовольство не только у его политических противников: от роялистов до якобинцев, но и у значительной части простого народа. Империя не вылезала из бесконечных войн. Они обескровили Францию, а амбиции Наполеона требовали ново-

го «налога кровью», новых жертв. Угасала торговля, нищали провинции, в них полыхали крестьянские восстания, подобные вандейским, рос национальный сепаратизм (Корсика, Бретань, Гасконь). Крепостного права во Франции (в отличие от России) не было уже несколько столетий, но трудящиеся Франции были закабалены введением заверяемых в полиции рабочих книжек, без которых рабочий не мог устроиться на работу. Наконец росло недовольство и в армии, уставшей от бесконечных войн. Погасить или хотя бы сгладить недовольство Наполеон (как и любой завоеватель) рассчитывал, дав недовольным богатую добычу. Россия, с ее огромными ресурсами, подходила для этого как нельзя лучше.

Именно поэтому к войне с Россией Наполеон готовился особенно тщательно во всех отношениях: и политическом, и экономическом, и военном. Для этой войны он мобилизовал ресурсы не только Франции, но и всей покоренной Европы. Армия, которую он привел в Россию, была даже не французской, а «общевропейской», в которой кроме французов было множество солдат из покоренных Наполеоном европейских стран: итальянцев, испанцев, ганноверцев, вестфальцев, поляков, хорватов и прочих. Наивно думать о том, что вся эта масса вооруженных людей шла в поход на Россию под угрозой насилия. Стереотип восприятия России как дикой варварской страны, представляющей угрозу для культурной и цивилизованной Европы, к этому времени стойко сидел в сознании европейцев уже несколько столетий. Да и наполеоновская пропаганда, прежде чем вести это многоязычное воинство на Россию, изрядно поработала над «промывкой» их мозгов, представив этот поход как вынужденную меру для защиты «цивилизованной» Европы от «варварской» России. Так что в этот поход многие «общевропейцы» шли не подневольно, а достаточно осознанно, а некоторые даже с желанием. Невольно вспоминается пушкинское «Не вся ль Европа здесь была?». Эдакое НАТО начала XIX века.

Наполеон рассчитывал (и небезосновательно) также на внутренние слабости и противоречия внутри самой России. Для него не были секретом и напряженные отношения царя с дворянством, и помещиков со своими крепостными, знал он и о симпатиях к Франции и лично к нему самому среди некоторых представителей русской политической элиты. Он всерьез полагал, что внешнее вторжение усилит эти противоречия настолько, что Россия рухнет как карточный домик, а царь, под давлением недовольного поражением дворянства, подпишет мир на любых условиях. И действительно, наполеоновское вторжение породило в умах некоторых представителей низших сословий иллюзию о том, что Наполеон несет им свободу от крепостной зависимости. В тех губерниях, где проходила «великая армия» вспыхивали волнения: крестьяне отказывались идти на военную службу, изгоняли помещиков, грабили их усадьбы. В одном из смоленских уездов

крестьяне объявили себя французскими гражданами, а одна староверческая секта (по сведениям графа Ростопчина), пообещав свободу, якобы дарованную Наполеоном, сумела привлечь в свои ряды около полутора тысяч крепостных. Дошло до того, что старообрядцы провозгласили Наполеона «истинным царем», а Александра – «антихристом» и при вступлении Наполеона в Москву устроили ему торжественную встречу. И все же, при вторжении в Россию Наполеон просчитался, не учтя очень многих факторов, которые в ходе войны сыграли против него.

Один из них – это тот, что феодальная Россия могла противопоставить «Великой армии» Наполеона свою достаточно сильную, хорошо обученную и вооруженную армию, которая уступала армии агрессора только количественно, но не качественно. Наполеоновская армия, комплектовавшаяся по принципу всеобщей воинской повинности, к тому же включившая в свои ряды вооруженные формирования большинства подчиненных Наполеону стран, действительно была значительно больше русской. Русская же армия, созданная по принципу рекрутской повинности, практически не имела обученного кадрового резерва, но те офицеры и солдаты, которые в армии уже служили, по своим боевым качествам не только не уступали, но нередко и превосходили агрессоров. Воевала Россия по времени не меньше Франции, боевой опыт у армии был огромен. Хорошо подготовленным было офицерский корпус, в котором было немало офицеров, не говоря уж о генералах, начавших службу еще при Екатерине, под руководством Потемкина и Суворова: Кутузов, Багратион, Барклай-де-Толли, Раевский, Милорадович и другие. Наконец, отличным был и рядовой солдат. За 25 лет службы рекрут из крестьянина превращался в подготовленного профессионала, хорошо знакомого с военным делом.

Изучая эволюцию строительства российской армии, С. Л. Франк писал: «Никакая самая суровая дисциплина не смогла бы создать армию и заставить ее сражаться, если бы солдаты не были бы спаяны внутренним чувством солидарности, не сознавали интуитивно себя членами единой нации» [8]. А специфика исторического развития российского государства и армии состоит в том, что основной временной период российской истории приходится на доиндустриальную эпоху. В отличие от стран Запада, где со времен позднего средневековья господствовал индивидуализм (как в гражданской жизни, так и в военной службе), в России общественное всегда превалировало над личным, индивидуальным. Возможно, для экономического развития страны это и было тормозом (сковывало предпринимательскую инициативу), но для армии, постоянно ведущей войны, это было суровой необходимостью.

Корпоративность русского, в основном крестьянского общества была мерой вынужденной, ибо невозможно было в одиночку освоить суровые,

малопригодные для нормального существования гигантские российские пространства и, в случае необходимости, отстоять завоеванное от посягательств внешних врагов. Русский человек всегда ощущал себя не столько самостоятельным свободным индивидом, сколько частью общего целого (сельской общины, а впоследствии и рабочего коллектива), причем последнее было на порядок выше первого.

Законы социального микрокосма действовали и в макрокосме (армии): коллектив всегда был практической школой общегосударственного патриотизма, в котором идея службы в армии всегда занимала одно из первых мест. Солдат в армии – прежде всего член большого коллектива, интересы которого, безусловно, важнее своих собственных. Мощное духовное воздействие коллектива на личность, усиленное влиянием идеологических органов государства (православной церкви до Октябрьской революции), позволяло формировать армию из людей, готовых всегда жить и воевать по суворовскому правилу: «Сам погибай, а товарища выручай», идти на самые опасные задания и, если нужно, на верную смерть. Так, в сражении под Красным, дивизия генерала Неверовского потеряла 5/6 личного состава, и таких примеров было немало. Это обстоятельство по выражению Ф. Энгельса (заметим, отъявленного русофоба), как раз и порождало «величайшую силу русской армии» [9]. И эта армия была сильна не только своей обученностью, спаянностью и боевым духом, но и хорошо вооружена. В начале XIX в. российский феодализм еще себя не исчерпал, имел резервы совершенствования, поэтому об отставании армии феодальной России от армии буржуазной Франции в военно-техническом оснащении можно говорить лишь условно. За годы правления Екатерины, Павла и Александра Россия создала достаточное количество современных предприятий (в Туле, на Урале, под Петербургом), которые были в состоянии обеспечить свою армию достаточным количеством современного на тот период вооружения, боеприпасов и другого военного имущества. Разумеется, не следует забывать о таких ставших уже серьезными проблемах русской армии, как казнокрадство и мздоимство, но в тот период они еще не приобрели такого катастрофического размаха, как в годы Крымской войны, и на боеспособности армии отражались незначительно.

Ошибся Наполеон и в отношении Русской православной церкви, имевшей на население России огромное влияние. Никакого уважения к духовной стороне противоборствующего с ним противника наполеоновская армия разумеется не испытывала. Во Франции в годы революции развернулось такое антирелигиозное, богоборческое движение, которое нанесло по религии смертельный удар. Наряду с разгромом церкви как института удар был нанесен и по морально-этической стороне христианской религии, которая худо-бедно, но сдерживала самые негативные и низменные челове-

ские страсти. Как тут не вспомнить Достоевского, с его «Если бога нет, то все дозволено». Во французской армии было немало атеистов, которые видели в религии врага, с которым следует воевать насмерть, в том числе и на чужой территории. Поэтому они не понимали, почему, например, в глубоко верующей католической стране Испании герильясы смело шли на врага под руководством сельских священников, ведших их в бой с крестом в руках. Да и те солдаты и офицеры наполеоновской армии (и не только французы), которые формально оставались «добрыми католиками», относились к русскому православию как к варварской, неполноценной религии (сказывался старый европейский стереотип, не изжитый, впрочем, и сегодня). Как следствие – осквернение монастырей и храмов, разграбление ценной для верующих не только в материальном, но и в духовном отношении церковной утвари, массовое насилие над священнослужителями. Что же касается самого Наполеона, то он, к этому времени возмнивший себя равным Богу, не только не препятствовал этому, но и поощрял. Разумеется, все это не могло не сказаться на отношении к «великой армии» русского населения, в большинстве своем глубоко религиозного на всех уровнях.

Довольно быстро, по мере жесткого подавления крестьянских выступлений наполеоновскими карательными отрядами, рассеялись иллюзии и на освобождение крестьян от крепостной зависимости. Тем более, что при нападении на Россию Наполеон объявил ее территорию неприятельской, со всеми вытекающими последствиями. Оторванность Наполеоновской армии от метрополии, растянутость коммуникаций, привели к тому, что источники снабжения оказались неспособными снабжать армию необходимым. Наполеону пришлось прибегнуть к реквизициям, иными словами, «цивилизованные» европейцы сразу начали грабить «варварское» население. Ответом стало то, что крестьяне сами начали уничтожать продовольствие, сено, фураж, а когда французы попытались воспрепятствовать этому «бесполезному» занятию, в ход пошли вилы и топоры.

Внешнее вторжение заставило все социальные слои русского общества хотя бы на время забыть о внутренних противоречиях и совместно выступить против агрессии. И русская элита, и русское крестьянство, составлявшее большинство населения, хотя и по разным, порой несовместимым причинам, но все с ожесточенной решимостью поднялись на борьбу с ним.

Отечественная война 1812 года показала высокой моральный дух народа и армии в борьбе с агрессором, проявлявшийся в стойкости и мужестве русских воинов (от солдата до генерала), полководческом таланте предстателей высшего военного руководства России, массовом партизанском движении, и наконец, в небывалом ранее объединении народа и власти в борьбе с врагом. В спасении своей страны в той или иной степени всегда принимал участие весь (или все) народ (народы) России, независимо от

национальной, конфессиональной или социально-классовой принадлежности. Подтверждением тому служат генералы-аристократы Отечественной войны 1812 г. Барклай, Багратион, Кульнев, Милорадович, Раевский и другие, которые шли в бой и на смерть во главе своих солдат, пользуясь их безграничным доверием. Да и император, авторитет которого перед войной был изрядно подорван, показал себя с лучшей стороны, готовый сражаться вместе со своим народом до полного освобождения страны от агрессора. Именно в Отечественных войнах России особенно явственно проявлялось единство народа России и его правящей элиты, отсутствовавшие в дни мира. И история подтвердила правильность этого решения. Так и только так было возможно отстоять само право России на существование.

Отечественная война 1812 г. завершилась тем, что Россия, несмотря на огромные жертвы и лишения, одержала победу над более сильным противником. Результатом этих побед были осознание народом собственной важности, резкий всплеск национального сознания и самосознания, подъем культуры, а также резкий рост силы и влияния России в мире в Европе (и страх перед ней).

Впрочем, с сожалением приходится констатировать, что была у этой Отечественной войны и оборотная сторона. В результате военной победы в стране произошла консервация социального и политического строя и усиление деспотизма правящей власти. Наличие у власти уверенности в собственной непогрешимости и правильности принятия решений приводило к появлению у нее иллюзий абсолютного могущества и отсутствие необходимости делать что-либо для страны и народа, развиваться по прогрессивному пути. Как следствие – сначала застой, затем отставание России от развитых стран и, в конечном счете – политическое и военное поражение Российской империи в Крымской войне.

Закономерностью является то, что при военном столкновении двух разных военно-политических систем победу одерживает та, что является более прогрессивной. Однако в любой закономерности есть исключения. И то, что крепостническая Россия победила вроде бы более развитую буржуазную Францию – еще одно подтверждение уникальности и парадоксальности России и ее истории.

Примечания

1. Ключевский В. О. Соч. Т. II М.: Политиздат, 1957. С. 47.
2. Ильин И. А. О путях России // Русская идея. В кругу писателей и мыслителей русского зарубежья. В 2 т. М.: Искусство, 1994. Т. II С. 131.
3. Лосский Н. О. Характер русского народа. // Н. О. Лосский. Условия абсолютного добра. (Основы этики). М., 1991. С. 277.
4. История СССР / под ред. С. В. Бахрушина, Б. Д. Грекова, В. Н. Лебедева. М., 1939. С. 766.

5. Барышева А. Д., Стрельцова Н. К., Титова Е. Ю. Политология. М.: Аллель 2000. 2006. С. 11.
6. Нестеров Ф. Ф. Связь времен. Опыт исторической публицистики. М., 1984. С. 11.
7. Нестеров Ф. Ф. Указ. соч. М., 1984. С. 11.
8. Франк С. Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. С. 132.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 403–404.

*А. Н. Потапова,
г. Оренбург*

РЕДУТЫ, КРЕПОСТИ, СТАНИЦЫ...

(из истории основания сел Верхнеозерное и Гирьял)

История основания сел Верхнеозерное и Гирьял, расположенных на территории современного Беляевского района Оренбургской области, обращает нас к тем далеким временам, когда на месте современных домов и улиц над ковыльными просторами шумели сухие степные ветры. К началу 50-х гг. XVIII в. на Южном Урале в основном было завершено строительство Оренбургской оборонительной линии, которая представляла собой цепь укрепленных пунктов, построенных по Яику, Сакмару, Самаре и других реках в целях защиты Оренбургского края от набегов кочевников. Оренбургская пограничная линия начиналась с устья Яика, шла по правому берегу до Верхнеяицкой крепости (в настоящее время г. Верхнеуральск), далее поворачивала на восток к реке Тобол, где примыкала к Сибирской линии укрепления и включала шесть оборонительных линий: Самарскую, Сакмарскую, Нижне- и Верхнеяицкую, Исетскую и Уйско-Тобольскую. На линиях строились крепости, между ними располагались промежуточные укрепления – редуты – прямоугольные сооружения, охваченные земляным валом, от 50 до 200 шагов в поперечине, с двумя-четырьмя пушками.

Одной из самых протяженных оказалась Верхнеяицкая линия, длина которой составила 560 верст от Оренбурга вверх по Яику до Верхнеяицкой крепости. В нее вошли 11 крепостей, 3 форпоста, 13 редутов, разделенных на две дистанции: Красногорскую и Орскую. Крепость Верхнеозерная и Гирьяльский редут относились к Красногорской дистанции.

Крепость Озерная [1] появилась по указанию императрицы Анны Иоанновны, в период создания Оренбургской укрепленной линии и стала одним из первых казачьих поселений в крае. Строительство линии осуществлялось Оренбургской экспедицией. При И. К. Кирилове, ее первом руководителе, заложили более 20 укреплений – крепостей, форпостов,

редутов, составивших основу пограничной линии, главным узловым пунктом которой стала крепость Оренбург (современный город Орск). Первые подробные сведения о причинах и обстоятельствах возникновения крепости находим у П. И. Рычкова: «Озерная крепость, которая звание свое имеет от многих вокруг ее лежащих озер, назначена еще в 1736 году при статском советнике Кирилове, и несколько охотников из яицких казаков тут поселено» [2]. «Озерная» относится к группе топонимов с русскими основами, указывающими на топографические особенности местности. В краеведческой литературе отмечается, что крепость заложили советник И. К. Кириллов, премьер-майор Останков. По другой версии, основателем села стал сакмарский казак Иван Маслов, который летом 1736 г. обратился к И. К. Кирилову с просьбой разрешить ему поселиться и жить в новом городке, который будет строиться по оренбургской дороге на реке Яик. 4 июля 1736 г. датирован указ канцелярии Оренбургской экспедиции, разрешавший просителю Маслову жить в городке, который назначен будет при Яике-реке в урочище Озер, от Сакмарска в 130, а от Оренбурга (имеется в виду Оренбург на месте Орска) в 110 верстах. Маслову разрешалось искать охотников на поселение из казаков, татар, чувашей, калмыков «и иных иноверцев» [3].

В «Топографии Оренбургской губернии» П. И. Рычков, характеризуя Озерную, отмечал, что «укрепление ее вокруг из всех имеющихся по Яику крепостей, исключая только Оренбург и Орскую крепость, есть лучшее и регулярное, рвом и валом, а в некоторых местах палисад». Озерная, имевшая частично земляную ограду, была одной из лучших линейных крепостей.

На возвышенных местах по всей пограничной линии располагались на определенном расстоянии друг от друга наблюдательные пункты: пикеты, форпосты, маяки, служившие для обеспечения связи и для наблюдения за левым берегом Урала. В непосредственной близости от Озерной на горе Маячной располагалась наблюдательная вышка, с которой открывался многоверстовой обзор реки Урал и прилегающих земель, что позволяло казачьему посту производить круглосуточный дозор. Дежурившие казаки в случае тревоги подавали сигнал: столб пламени замечали с соседнего маяка, охрана которого таким же образом передавала весть дальше. Так тревожная новость быстро достигала крепости.

«Гарнизон Озерной состоял из одной роты драгун и половины роты солдат, жалованных казаков и татар пятьдесят человек. К службе привлекали и башкир, проживавших в полуверсте от крепости в деревне на 12 дворов Канчурино» [4]. Внутренние топонимы сохранили историческую память о том, кем были и откуда пришли первые поселенцы. Одна из улиц, расположенная с южной стороны крепости, стала называться «Алексеевская», что свидетельствует о привлечении алексеевских казаков. По результатам

переписи, проведенной в мае 1740 г., все население крепости составляло 270 человек, атаманом являлся Иван Маслов.

Летом 1742 г. И. И. Неплюев от крепости Бердской (Оренбургской) до Орской на расстоянии 265 верст наметил места для основания редутов, которые располагались между основанными ранее крепостями, и среди них – Гирьяльский [5]. 13 июля 1742 г. И. И. Неплюев заложил военное укрепление у подошвы горы Гирьял, подле озера Ерика. С вершины горного перевала открывалась величественная панорама необозримых полей, что было удобно и необходимо для пограничной службы. Со стороны гор и речки, притока Яика, укрепления отсутствовали, обрывистый берег и горы служили хорошей защитой. Редут представлял собой крепость, обнесенную высоким земляным валом, которую опоясывал глубокий ров до 10 метров шириной (до наших дней сохранилось несколько сотен метров небольших зигзагообразных земляных насыпей в конце восточной окраины села) [6].

Топонимия населенных пунктов отражает этноисторические процессы. Наименование села тюркского происхождения. До сих пор его татары называют «Айгыр-яли» (искаженное, общеупотребительное «Айгыржал») – «Грива жеребца». Волнистые вершины красивых сизо-голубых окрестных гор напоминают развивающуюся на ветру гриву коня. Позже русское население постепенно трансформировало «Айгыр-яли» в «Гирьял». В то же время, как отмечает С. М. Стрельников, топоним существовал и раньше, он упоминается в одном персидском сочинении XIV в. в связи с описанием похода Тамерлана в 1391 г. как название переправы через реку Яик [7]. Примечательно, что название возникшего позже соседнего села – Алабайтал – одно из типично «конеvodческих», в переводе с татарского – «пегаля кобылица».

Первыми жителями, обосновавшимися в Озерной и Гирьяле, стали в основном казаки. На Оренбургскую линию переселяли уфимских, самарских, исетских и отчасти яицких казаков. В связи с острой нехваткой людей для обороны границы в состав войска включали малороссийских казаков и даже местных беглых крестьян. По Высочайшему указу императрицы Елизаветы Петровны от 27 июля 1744 г. всех пришельцев, поселившихся в крепостях Оренбургской губернии, зачисляли в Оренбургское казачье войско. В 1755 г. казаки Оренбургского войска разделялись на три разряда: жалованные, получавшие казенное жалованье и полностью содержавшиеся за счет казны; маложалованные, получавшие жалованье только на всю «воинскую справу», пахотные и сенокосные земли, и безжалованные, получавшие лишь пашенные, сенокосные и пастбищные угодья. Размер жалованья колебался от 3 до 100 рублей в год, в зависимости от чина и места службы. Положение маложалованных и безжалованных казаков, из которых состояли гарнизоны многих прилинейных крепостей, форпостов, редутов, было осо-

бенно тяжелым. В крепостях и форпостах Оренбургского ведомства, расположенных по рекам Самара и Яик, предписывалось содержать 800 казаков [8].

Главной повинностью для казаков являлась сторожевая, наблюдательная и разведывательная служба. Помимо этого, в их обязанности вменялась подводная повинность. И. С. Хохлов в работе «География Оренбургской губернии» отмечал, что казаки, жившие по крепостям, назывались крепостными и управлялись комендантами крепостей, а те, которые жили в городах и слободах, имели выборное начало и управлялись старшинами и атаманами. Каждый казак, достигший 18 лет, обязывался поступать на военную службу и отбывать ее до 38 лет. При этом все служащие разделялись на три разряда: приговорительный (с 18 до 21 года), строевой (с 21 до 34 лет), запасной (с 34 до 38 лет). По достижении 38 лет казак зачислялся в войсковое ополчение, состоявшее из всех лиц войскового сословия, способных носить оружие [9].

Благосостояние казаков зависело не только от размеров правительственного жалования, но и от создания своего устойчивого хозяйства. Казакам, получавшим жалованье, также позволялось заниматься ремеслами и торговлей, но не в ущерб службе. Впрочем, для особо сметливых и удачливых казаков-мастеровых и казаков-торговцев допускались определенные льготы, а именно – возможность при подходе очереди отправляться в наряд нанимать вместо себя других казаков («наемка», как ее называли яицкие казаки). Хозяйство казаков было разносторонним. Они пользовались землей, сельскохозяйственными угодьями, имели право на охоту, на пользование озерами, богатыми рыбой, право вести промыслы ценнейших пород рыбы в Яике. Верхнеозерное славилось кожевенниками. Среди топонимов сохранилось название озера Кожевенное, так как здесь мастера вымачивали кожу. Знатными мастерами были шорники, валяльщики, кузнецы.

Верхнеозерное и Гирьял стали свидетелями многих исторических событий. Одно из ярчайших – восстание под руководством Е. И. Пугачева. В 1773 г. крепость Верхнеозерная, представлявшая собой серьезное фортификационное сооружение, стала на несколько дней центром событий крестьянской войны, здесь располагался военный центр Озерной дистанции.

Узнав о движении Пугачева, комендант Верхнеозерной крепости бригадир А. Корф стал стягивать военные силы из других укреплений дистанции. Казаки и «прочая иррегулярная команда» разбили лагерь под крепостью. Табынский казак Тимофей Красильников, побывавший в повстанческом лагере под Оренбургом, в ночь на 8 октября привез указ Пугачева: «...Сей мой имянный указ Озерной крепости атаману Ивану Васильевичу Немерову и всем прочим старшинам и всякаго звания люди, имянное мое повеление. Как деды и отцы ваши служили предкам моим, так и вы послу-

жите мне, великому государю, верно и неизменно до капли своей крови. Когда исполните мое имянное повеление, и за то будите жалованы крестом и бороною, рекою и землею, травами и морями, и денежным жалованьем и хлебным провиантом, свинцом и порохом и вечною вольностью. И повеление мое исполните, со усердием ко мне приезжайте, то совершенно меня за оное приобрести можете к себе монаршескую милость. А ежели вы моему указу противитьца будите, то вскорости возчувствовати на себя праведный мой гнев. Власти всевышняго создателя нашего и гнева моего избегнуть не можете, никто тебя от сильных нашей руки защитити не может. Великий государь Петр Третий Всероссийский» [10].

Однако волнения казаков и их попытка присоединиться к восстанию были пресечены солдатами. В течение октября и начала ноября в Верхнеозерную прибыли военные отряды из Сибири. Один из прибывших офицеров, поручик А. Поспелов, оставил ценные записи о штурме повстанцами Верхнеозерной крепости. 8 ноября, после неоднократных приказов Рейнсдорпа и даже угрозы ответственности перед Государственной военной коллегией, бригадир Корф выступил к Оренбургу. Комендантом Верхнеозерной стал полковник Отто Демарин, переведенный из Ильинской крепости. В середине ноября 1773 г. Пугачев направил отряды атамана А. Т. Соколова-Хлопуши, состоявшие из 400 заводских крестьян, и яицкого казака А. Бородина-Шару, возглавлявшего 400 казаков, вверх по Уралу в крепости Верхнеозерную и Ильинскую, чтобы получить военные припасы и провиант. 22 ноября отряд Хлопуши занял Ильинскую, а на рассвете 23 ноября подступил под Верхнеозерную крепость.

Гарнизон Верхнеозерной, по свидетельству А. Поспелова, в этот период представлял серьезную боевую силу: «регулярных», то есть солдат (в том числе и поляков, участвовавших в движении конфедератов в 1771–1772 гг.), он насчитывал 369 человек, «нерегулярных» 332 человека (казаков – 73, ставропольских калмыков – 170, башкир – 53 и мещеряков – 14 и др.). Крепость имела 16 пушек разного калибра, в том числе две пушки без лафетов, поставленные «на обруб». В состав гарнизона входили две роты из Сибири, из Звериноголовского батальона [11].

Сводные отряды Хлопуши и Бородина атаковали 23 ноября крепость, но ее гарнизон под руководством полковника О. Х. Демарина отбил штурм. Узнав о неудаче, из-под Оренбурга на помощь Хлопуше вышел сам Пугачев. Он со своими отрядами двигался вдоль Яика. Гирьяльский редут оказался в руках повстанцев. 25 ноября 1773 г. пугачевцы захватили здесь 593 исетских казака, отпущенных из Оренбурга домой «за худобою лошадей». Трех казачьих атаманов – Севастьянова, Дьякова и Черкашенинова – за отказ присоединиться к восставшим казнили. Остальные казаки вошли в состав повстанческих войск и впоследствии участвовали в штурме Верхнеозерной крепости [12].

Объединенные силы пугачевского войска 26 ноября вновь осадили Верхнеозерную и предприняли неоднократные попытки взять ее штурмом, но защищавшие ее солдаты и казаки не сдались. Узнав о том, что Ильинская крепость занята отрядом, прибывшим из Сибири, Пугачев двинулся туда, а затем вернулся в Бердскую слободу. С уходом повстанческих сил осаду Верхнеозерной крепости продолжали башкиры и ногайцы. Чтобы отомстить ногайцам за участие в осаде и штурме крепости, Демарин зимой совершил набег на Кундуrowsкую слободу. В ходе карательной операции слободу разорили, многих ногайцев убили. В Сакмаре утонуло много женщин и детей, попытавшихся перебраться через незамерзшую из-за сильного течения реку.

События 1773–1775 гг. нарушили ход жизни на Оренбургской линии: многие крепости и редуты были разорены повстанцами, большой урон в живой силе понесли казачьи войска. Этим не могли воспользоваться кочевавшие в степи киргиз-кайсаки (казахи). Важными последствиями участия казахов в крестьянской войне Пугачева стало усиление феодальной раздробленности, распад вассальных отношений в Младшем и Среднем жузах, разрыв союза аристократии и родовых старшин в 80-х г. XVIII в. и кризис ханской власти в конце 70–90-х г. XVIII в. Весной 1783 г. начались набеги казахов. Отряд во главе со старшинами Ташбулатом и Ербулатом напали на Гирьяльский редут, взял в плен солдат и угнал скот. Складывающаяся ситуация требовала от властей принятия мер, направленных на усиление охраны границы. Летом 1783 г. на линию дополнительно командировались казаки (на Озерную – нагайбаки).

Одним из последствий подавления пугачевского восстания стало переселение крестьян из плотно заселенных территорий на свободные земли побережья Урала в крепости и укрепления. В 1799 г. каргалинские татары подали прошение о переселении в редут Гирьяльский из-за «недостатка земли», и 17 мая 1801 г. из Каргалы переселись 166 семей. Военный губернатор Н. Н. Бахметьев приказал переименовать Гирьяльский редут в станицу. Поселившимся казакам-станичникам дали «вольную» на три года для обзаведения хозяйством. Станичниками стали казаки Мордяшов, Ямкин, Куприянов, Симонов, Лосев, Кузнецов. В 1816 г. в Гирьяле проживало 15 казачьих семей: 24 мужчины и 23 женщины [13].

Оренбургский губернатор П. К. Эссен ордером от 31 марта 1819 г. предписал Войсковой канцелярии перевести ясачных и служилых татар из деревень Усакальской, Новогумеровой в связи с причислением в 1818 г. к Оренбургскому казачьему войску в Гирьяльскую и Никольскую станицы. Однако упорное сопротивление жителей деревни Новогумеровой (аресту за неподчинение прямому приказу вышестоящих военных властей подверглись пять основных зачинщиков во главе с муллою А. Абдулкаримовым)

привело к тому, что им разрешили поселиться в урочище Алабайтал между Верхнеозерной крепостью и Гирьяльским редутом [14]. В Гирьял и Алабайтал были переведены нагайбаки – крещеные татары, вскоре вновь перешедшие в ислам [15].

Крепость Верхнеозерная в 1804 г. пережила большой пожар, который уничтожил 47 дворов. В 1826 г. здесь поселили 40 отставных солдат с семьями, с причислением к казачеству. Саму крепость упразднили 8 мая 1837 г., как потерявшую свое военное значение. Солдат гарнизонного 4-го линейного батальона перевели в казачье сословие.

Особое внимание в станицах уделялось образованию и просвещению. В основном обучение было религиозное. В Гирьяле находилась одна из старейших школ Оренбургской губернии, которая была основана в 1743 г. В 2-классной приходской школе учились сыновья казаков, располагалась она на месте современного медпункта. Рядом стояло здание, где казаки собирались на свои сходки. Село делилось на два микрорайона, в каждом была мечеть, а при ней действовало медресе, где обучали только мальчиков; девочек учила у себя дома абыстай. В обучении большое внимание уделялось гуманитарным наукам. Мрдгаллям Махмудов, видный татарский ученый-педагог, в своих путевых заметках по обследованию школ в казачьих поселениях в качестве положительного примера приводит новометодную школу в селе Айгирьял Оренбургской губернии (Гирьял) [16]. В станице Верхнеозерной начальную школу для обучения грамоте «казачьих малолетков» открыли 19 октября 1842 г. Ланкастерская школа (обучение осуществлялось по методу англичанина Ланкастера, в группах по 10 человек более способные обучали остальных) появилась 1 ноября 1843 г. в Гирьяле. В 1848 г. учитель ланкастерской школы получал 28 руб. 58 коп. в год (для сравнения священник получал 72 руб., дьякон – 54 руб.).

Вознесенскую церковь в Верхнеозерной возвели на пожертвования купцов в 1867 г. в центральной части станицы, на площади. В южной стороне села добывали глину для изготовления кирпичей, для их крепости в раствор добавляли яйца и потом обжигали в печах. В 1870 г. в Гирьяле построили деревянную Никольскую церковь, священником стал служить Владимир Панин, а его помощником – Иван Боголюбов. В храм съезжались православные из соседних сел: Алабайтал, Верхнеозерное, Желтое и др.

По данным 1889 г., в станицу Гирьяльскую входили поселки Верхнеозерное, Алабайтал, Новочеркасск и Красногор, а также хутора Елшанка, Новоалександровка. В станице к 1890 г. в 288 дворах проживали 1825 жителей, среди них семьи казаков Налетовых, Вишневских, Алексеевых, Хопрениновых, Кузьминых [17]. В станице располагались общественный магазин, церковь, мечеть, три школы, три лавки, базар. Активно занимались торговлей супруги Ивановы – Константин и Прасковья, державшие торго-

вую лавку. За товарами они ездили в Нижний Новгород, привозили продукты, меха, обувь. Во дворе их дома располагались большие каменные склады. Станичное правление возглавлял атаман Круторожин, строгий и справедливый, любивший во всем порядок. По его инициативе и проекту построили школу, как типовую, с двухсторонним освещением. Озеленение станицы и охрана зеленых насаждений – также заслуга атамана Круторожина.

Образовавшиеся в ходе строительства Оренбургской укрепленной линии крепость Верхнеозерная и редут Гирьяльский предназначались для охраны границы от кочевого мира. Но в связи с тем, что пограничная линия в первой половине XIX в. утратила свою роль, крепости, форпосты и редуты упразднились. Верхнеозерная и Гирьял выросли в крупные станицы, в которых сформировался многонациональный состав населения. На смену XIX веку пришел век XX. Революция 1917 г. для станиц Гирьяльской и Верхнеозерной открыла новую, не менее насыщенную событиями, страницу истории. И сегодня в этих населенных пунктах бережно сохраняют и продолжают традиции мирного добрососедства, заложенные предками.

Примечания

1. В 1754 г. ниже Оренбурга построили другую Озерную крепость, первую стали называть Верхней Озерной, а вторую – Нижней Озерной, современное село Нижнеозерное Илекского района.
2. Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии // Оренбургские степи в трудах П. И. Рычкова, Э. А. Эверсманна, С. С. Неуструева. М.: Госиздат геогр. лит., 1949. С. 159.
3. К 75-летию района (строки истории) // Вестник труда (Беляевка). 2001. 21 ноября.
4. Рычков П. И. Указ. соч. С. 159.
5. Стариков Ф. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с прил. статьи о домашнем быте Оренбургских казаков, с рис. знамен и карты. Оренбург: Тип. К. Бреслина, 1891. С. 56–58.
6. Попов С. А. От Оренбурга до Орска // Под знаменами Пугачева. Челябинск: Юж. урал. кн. изд-во, 1973. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kazachiy-krug.ru/stati/est-takoe-mnenie/pod-znamenami-pugacheva> (дата обращения: 12.04.2012); Елешева Ж. К 75-летию района (строки истории) // Вестник труда (Беляевка). 2001. 31 мая.
7. Стрельников С. М. Географические названия Оренбургской области. Кувандык: Изд-во С. М. Стрельникова, 2002. С. 35–36.
8. Футорянский Л. И. Оренбургские казаки на защите Отечества. [Электронный ресурс]. URL: http://ataman-ovko.ru/structure_ovko/dep_ovko/first_department/ (дата обращения: 20.03.2012)
9. Хохлов И. С. География Оренбургской губернии. Описание Оренбургской губернии в физическом, этнографическом и административном отношениях. Оренбург: Тип. Оренбургской духовной консистории, 1896. С. 53–56.
10. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 6. Д. 415.

Л. 23–23 об. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kazachiy-krug.ru/stati/est-takoe-mnenie/pod-znamenami-pugacheva> (дата обращения: 12.04.2012)

11. Серета Н. А. Пугачевский бунт по запискам современника и очевидца. В справочной книжке Оренбургской губернии на 1870 г. Оренбург: Изд. Оренбургского губернского статистического комитета, отдел IV, стр. 79–120. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kazachiy-krug.ru/stati/est-takoe-mnenie/pod-znamenami-pugacheva> (дата обращения: 12.04.2012)

12. Попов С. А. Указ. соч.

13. От редутов до мирных полей: к 250-летию села // Вестник труда (Беляевка). 1991. 14 декабря; Елешева Ж. К 75-летию района (строки истории) // Вестник труда (Беляевка). 2001. 31 мая.

14. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО) Ф. 6. Оп. 3. Д. 3539. Лл. 187–187 об., 401–401 об., 405, 426–426 об.; Хусаинова Р. Как родилась «Пестрая кобылица» // Вестник труда (Беляевка). 1998. 16 декабря.

15. Садыкова З. Р. Говоры оренбургских татар. Казань, 1985. С. 10; Исхаков Д. М. Татарская нация: история и современное развитие. [Электронный ресурс]. URL: <http://kitap.net.ru/isxakov> (дата обращения: 23.03.2012).

16. Тузбеков А. И. Роль новометодных религиозных учебных заведений (мдресе) в образовательной системе Оренбуржья (конца XIX — начала XX вв.). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.idmedina.ru/books/materials> (дата обращения: 20.10.2011).

17. От редутов до мирных полей: к 250-летию села // Вестник труда (Беляевка). 1991. 14 декабря.

*Р. С. Сулейманов,
г. Уфа*

БАШКИРСКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 ГОДА

По своему происхождению и возникновению эпические исторические песни башкир можно подразделить на две большие группы: песни о борьбе против колонизации края; песни о защите Российского государства.

Среди песен о борьбе против колонизаторов и о национально-освободительном движении ярко выделяется образ Салавата Юлаева. О нем сложено самое большое количество песен и наигрышей. Это объясняется тем, что Салават Юлаев был одним из крупных вождей и видным военачальником в период Крестьянской войны 1773–1775 гг. Кроме того, он отличался богатырской силой, ясным умом, а также талантом сэсэн, музыканта-импровизатора и певца.

Со времени присоединения Башкирии к России (середина XVI в.) башкирские конники несли сторожевую службу, охраняя юго-восточные рубежи

Российского государства от набегов. Они вписали немало славных страниц в военную историю России. В начале XVII в., во время польско-шведской интервенции, башкирская конница сражалась в ополчении Минина и Пожарского, участвовала в освобождении Москвы, принимала участие в азовских походах Петра I, в Северной войне со Швецией, в Семилетней войне с Пруссией. Вместе с русскими сражались башкиры во время Отечественной войны 1812 года. Башкирские конные полки принимали участие в войне с Турцией 1828–1829 гг., в Крымской войне 1853–1856 гг. в обороне Севастополя, в русско-японской войне 1904–1905 гг., в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

Все эти дальние и длительные военные походы отражены в башкирских народных песнях под общим названием «Песни о службе в армии». «В песнях данного цикла освещены основные моменты военной службы: уход в армию (рекрутские песни), линейная служба, походная жизнь, война, смерть, победа, возвращение на родину (солдатские песни). Примечательно и то, что у каждой песни, связанной со службой в армии, имеется своя конкретная жизненная основа. Так, например, песня «Уил» была сложена при исполнении так называемой линейной службы по охране восточных границ России и Уильской крепости. В войне 1812 г. многие башкирские полки под командованием Кутузова сражались с врагами под Данцигом, Лейпцигом, Веймаром и Парижем. В этот период возникли песни: «Вторая армейская», «Французская песня», «Эскадрон», «Ерен кашка», «Кутузов», «Любизар», «Баик», «Ахмет Баик» и др. В песне «Вторая армейская» устами старого и мудрого воина-патриота выражены напутствие и боевой наказ отцов своим сыновьям, отправляющимся на фронт, благословение их на победу над иноземными захватчиками. В песне «Эскадрон» поется:

На войну иду кровавую –
За царя, за царство русское,
За родных и за приятелей,
За тебя и за любовь твою!

Исторические короткие песни «Баик», «Любизар», «Кутузов» связаны с событиями Отечественной войны 1812 года. Напев песни «Кутузов» близок к солдатским походным песням-маршам [1]. Ладовую основу его составляет сочетание трех видов пентатонных образований, а в тесном расположении – мажорный гексахорд. Песня состоит из двух частей: запева и припева. О происхождении короткой песни «Любизар» имеется любопытная информация. В одном из тяжелых боев с наполеоновской армией башкирские войска отличились особой храбростью и отвагой. М. И. Кутузов заметил это и, подъехав к ним, отблагодарил их крылатыми словами: «Башкирцы мои, любезные – молодцы!» Похвальные слова вели-

кого полководца легли в основу припева песни: «Любезники, любизар молодец, молодец!» С той поры песня «Любизар» бытует и пользуется большой популярностью среди народа. Структура поэтического текста и напева песни близка к эпическому жанру кубаира: шестистрочная строфа с семисловым размером исполняется с мелодией, состоящей из двух предложений. Первое предложение звучит в высоком регистре, второе – в низком. Ладовая основа напева – мажорная пентатоника. Примечательно, что напев песни «Любизар» имеет сходство с эпическим наигрышем «Заятуляк».

Эпическая историческая песня «Баик» также посвящена событиям Отечественной войны 1812 года. По мнению фольклористов, она была сложена Баик-сэзном в качестве гимна (кубаира) в честь победителей над наполеоновской армией. Песня исполняется в четком ритме. Ее семисловый размер стиха близок к жанру кубаира. Обилие широких интервалов и скачков в напеве и эмоциональные рефрены на высоких нотах.

Примечание

1. Песня «Кутузов» опубликована в сб. «Музыкальная культура автономных республик РСФСР». – М.: Музгиз, 1957. С. 65; Фоменков М. П. «Башкирская народная песня». Уфа, 1976. С. 42–43.

*О. Н. Сгибнева,
г. Оренбург*

«С ЖЕЛАНИЕМ СЛУЖИТЬ НА ПОЛЬЗУ ОТЕЧЕСТВА» (к 200-летию Отечественной войны 1812 года)

Царский манифест, призывавший русский народ на Отечественную войну с наполеоновской Францией, был сочувственно встречен во всех слоях российского общества, в том числе и среди казаков. В монографии историка П. Е. Матвиевского «Оренбургский край в Отечественной войне 1812 года» отмечено, что в июле 1812 г. после призыва оренбургского военного губернатора Григория Волконского «быть готовыми на отражение и поражение врага» в казачьих станицах наблюдалось тревожное оживление. Казаки, старые и молодые, проверяли амуницию, готовили коней. Станичные и кантонные начальники доносили начальству о числе годных на защиту Отечества. В станицах оживленно толковали о внутренних и международных политических делах, о сборе лошадей, о заготовках продовольствия и фуража; неумолимо готовились в далекий поход [1].

Из «Записок полковника Авдеева по истории Оренбургского казачьего войска», сохранившихся в фонде Оренбургской ученой архивной комиссии, узнаем, что в 1812 г. из войска под начальством войскового атамана пол-

ковника Василия Углицкого было сформировано два полка: атаманский тысячный под командованием майора Авдеева (1100 рядовых казаков 74 офицера) и пятисотенный под командованием майора Ивана Белякова (в 500 казаков и 38 офицеров). Атаманский полк был направлен в армию князя Витгенштейна, а полк майора И. Белякова – в армию Кутузова. Полки присоединились к действующим войскам против французов в начале 1813 г., и из них атаманский полк состоял в составе войск, назначенных для осады крепости Данциг, во время которой офицеры «получили несколько наград чинами и орденами». Рядовым казакам вручили 14 знаков отличия военного ордена. После сдачи Данцига, в 1814 г., атаманский полк возвратился на родину, а полк майора Белякова находился в главной армии, участвовал в генеральном сражении под Лейпцигом, в блокаде крепости Глогау, в сражениях под Веймарном, во взятии Парижа [2]. В этой войне казаки потеряли половину своего состава. В 1812 г. на усиление действующей армии из Оренбургского края было выкомандировано 24 казачьих полка, а именно: один Уральский, два Оренбургских, 18 башкирских, два мещеряцких, один тептярский. (Напомним, что Указом от 5 марта 1802 г. центр Оренбургской губернии был перенесен в город Уфу, где оставался до 1865 года. Административная и военная власть в губернии была сосредоточена в руках оренбургского военного губернатора, местопребыванием которого всегда был Оренбург.)

Согласно Высочайшим рескриптам дворянству Оренбургской, Казанской и Пермской губерний предстояло «совокупным подвигом» обмундировать и оснастить 2-й пехотный Костромской полк. Представители дворянства явились в назначенное место для совещаний в первый раз через 17 дней после получения рескриптов и сделали единовременный взнос 50 тыс. рублей, «изъявляя готовность доставить еще столько денег, сколько нужно будет». В рапорте гражданский губернатор М. Наврозов от 23 августа 1812 г. сообщал Г. Волконскому: «Я приказал собрать сведения о находящихся в губернии здешних недорослях, смоленских шляхтичах и татарских мурзах, кои пользуясь всеми дарованными дворянству правами, преимуществами и свободой не посвящают себя службе государственной и большей частью пребывают в тунеядстве» [3]. Подобных «тунеядцев», которых полагал губернатор весьма нужным и полезным обратить на военную службу, насчитывалось свыше 400 человек.

Городские общества Оренбургской губернии по решению правительства должны были снабдить лошадьми и упряжью обоз того же Костромского пехотного полка, обмундирование которого возложено было на дворян. Для этой цели уфимские мещане и купцы жертвовали деньгами 1375 руб., оренбургские и бузулукские – 1875 руб., верхнеуральские – 164 руб. Оренбургский гражданский губернатор «на добровольные пожертвования разных лиц губернии» в размере 2000 руб. (сверх дворянских

«приношений») приобрел для ратников Костромского полка в серебряной ризе образ Святого Николая Чудотворца, серебряный крест, Евангелие и серебряный сосуд.

На укомплектование полка были также вызваны отставные штаб-и обер-офицеры, способные продолжать службу. Указом от 17 декабря 1812 г. чиновникам гражданского ведомства разрешалось «являться для определения в полки с аттестатами о их добропорядочной службе». Так, изъявили готовность служить отечеству: коллежский регистратор канцелярии губернатора Яшин, коллежские регистраторы оренбургской уголовной палаты Арзамасцев, Фанградский, Суханов. Желание гражданских чиновников переходить в военную службу было настолько огромно, что уголовная и казенная палаты, «во избежание неминуемого недостатка в канцелярских чиновниках, встречали затруднение в увольнении их из своих ведомств» [4].

Оренбургский муфтий Гусейнов призвал магометан губернии к добровольным пожертвованиям и сам внес 500 руб. «на пользу отечества». Магометане, следуя его примеру, собрали 5052 руб. 91 коп. Оренбургский купец 3 гильдии Федор Тугаев пожертвовал 325 руб., серебряный шарф и темляк за 50 руб. В архивных документах отмечен поступок Мурзы Утяшева, который явился на службу со всем своим родом 21 человек. В армейские полки вступило 17 человек, в числе которых татарский князь Юсней Кудашев, направивший на службу четырех сыновей. В начале 1813 г. гражданский губернатор М. Наврозов закупил на отпущенные ему из казны 200 тыс. руб. для резервной армии 1000 лошадей и отправил их в город Брест-Литовский, а также собранных вместо необходимых 372 рекрутов 132 кирасирских, 216 драгунских, 1776 уланских – всего 2124 лошади, кроме купленных [5].

Во время Отечественной войны рекрутским наборам придавали решающее значение в формировании вооруженных сил. Для их качественного проведения принимались скорые и деятельные меры: в ближайших пунктах размещались рекрутские присутствия, было обращено особое внимание на приведение в исправность путей сообщения для беспрепятственного прохода рекрутских партий, команд, «чтобы и во время весенней распутицы не могло произойти в следовании людей, транспорта и ремонтов артиллерийских и кавалерийских ни малейшей остановки». В архивных документах сохранилось прошение жительницы города Бузулука, вдовы, титулярной советницы Анисьи Кадомцевой, составленное на имя оренбургского военного губернатора Григория Волконского. Она пишет: «В сентябре 1811 г. Его Императорское Величество Всемилоштивейший государь на просьбу Его сиятельства генерала от инфантерии графа Ланжерона, Высочайше указать соизволил производить мне в пансион все то жалование, какое по-

лучали трое сыновей моих, служившие в 29 егерском полку – двое капитанами, а третий прапорщиком, пожертвовавшие жизнью в сражениях с неприятелем — о происхождении коего военный министр Барклай де Толли сделал надлежащее предписание государственной военной коллегии, но от оной я никакого ответа по сие время где получать пенсию не имею...» [6]. Губернатор в апреле 1812 г. обратился в оренбургскую казенную палату за разъяснением данной ситуации. Оттуда вскоре был получен ответ, что вдове Кадомцевой назначено денежное жалование в 770 рублей, которое она должна получать через Бузулукское уездное казначейство. В губернском центре края Уфе 21 января 1813 г. состоялось всенародное торжество в связи с получением здесь манифеста от 25 декабря 1812 г., возвестившего России полную победу в Отечественной войне. В церквах прошли торжественные литургии с «совершением благодарственного молебствия». Майор Жмаков пожелал ознаменовать этот день добрым делом и отпустил 13 своих крестьян. В его небольшом имении было всего 38 крепостных душ. Давая волю крестьянам, майор публично обязался платить за них подати до новой ревизии (т.е. до 1815 г.). Кроме того, «на вспоможение бедным» он внес 300 руб. и обещал не брать никаких доходов в течение одного года с остальных крестьян. В 1814 г. по инициативе горожан в Уфе была учреждена комиссия для сбора добровольных пожертвований «в помощь бедным и потерпевшим разорение в Отечественную войну». Так, жители Оренбурга внесли 7240 руб., Оренбургского уезда – 534 руб., дворянством Оренбургской губернии – 1000 руб., купцами и мещанами Уфы – 565 руб., городов Оренбурга и Бузулука – 1875 руб. Из далеко не полного списка видно, что беднейшие сословия не отставали от общего дела: служащие и отставные солдаты также вносили свои средства. В одном из документов того периода читаем: «Всеобщее напряжение и воспламенение умов во время Отечественной войны часто давали людям повод искать и видеть небесные явления, называть их знамениями и находить в них пророчество участи бедствующего Отечества. В Уфе коллежский регистратор Ширяев с шестью товарищами видели 31 января 1814 г. в 8 часу вечера на небе звезду необыкновенной величины, а над ней корону с крестом, потом показался с левой стороны явления сего нагнувшийся человек, поддерживающий корону» [7].

Правительством в мае 1910 г. была учреждена межведомственная комиссия для обсуждения вопросов, связанных с предстоящим празднованием 100-летнего юбилея Отечественной войны. На первом заседании было принято решение собрать сведения о существующих потомках участников войны для оказания им возможной помощи («некоторых милостей»). Принимать и рассматривать ходатайства и прошения «о даровании монаршей милости» было возложено на канцелярию Его Императорского Величества. В честь празднования 100-летия Отечественной войны над-

лежало признавать происхождение от предков (отца, деда, прадеда – по мужской и женской линиям), особенно отличившихся и известных своим участием в войне 1812 г., то есть того именно года, когда война велась в пределах России за освобождение Отечества. Участие в наполеоновских войнах до и после 1812 г., происходивших вне пределов России, основанием к оказанию монаршей милости не являлось. Срок подачи прошений заканчивался в августе 1912 года.

Через губернаторов и губернских предводителей дворянства стали поступать ходатайства от лиц, считавших себя потомками участников Отечественной войны, которые передавались в управление генерального штаба. Уже к маю 1912 г. таких обращений было зарегистрировано 20 000. На этом основании были сделаны выводы, что удовлетворить все просьбы «в виду полной необоснованности большинства из них и отсутствия документальных данных, доказывающих что просители действительно являются потомками героев Отечественной войны» будет невозможно. Тогда же выяснилось, что юбилей ознаменуется повсеместным празднеством, учреждением юбилейной медали и «некоторыми милостями для ближайших потомков наиболее отличившихся героев войны». В фонде Оренбургского губернского правления сохранился «Список потомков лиц, участвовавших в Отечественной войне 1812 г.», датированный 17 декабря 1910 года. В нем значатся 30 фамилий с указанием их имущественного и семейного положения и «вида милости». Например, Никита Попов, 35 лет, внук участника Отечественной войны Михаила Попова, проживал с женой, сыном и дочерью в Оренбургском уезде. Имел дом, двух лошадей и одну корову. Получал жалование 250 рублей в год. Единственный в списке – отставной унтер-офицер Тимофей Галицков, житель Верхнеуральского уезда, 74 лет, внук ветерана Отечественной войны Родиона Башинева, состоял под покровительством Александровского комитета раненых в городе Санкт-Петербурге. Он получал пенсию 60 рублей в год. Управляющий делами комитета в письме военному губернатору Волконскому сообщил, что просьба об увеличении пенсии из инвалидного капитала (казенной пенсии) Галицкову будет рассмотрена в комитете особо.

Отечественная война 1812 г. – величайшее событие в русской истории. В ее ходе ярко проявились героизм, мужество и патриотизм всех слоев общества. Однако война нанесла существенный ущерб экономике России, который оценивался в 1 млрд. рублей. В ходе военных действий погибло около 300 тыс. человек. Многие западные районы были разорены. Все это оказало огромное влияние на дальнейшее внутреннее развитие России.

Примечания

1. Матвиевский П.Е. Оренбургский край в Отечественной войне 1812 года. Оренбург, 1962. С. 135
2. Государственный архив Оренбургской области. Ф. 96. Оп. 1. Д. 133. Л. 118 об. – 119 об.
3. Ф. 6. Оп. 3. Д. 3666.
4. Ф. 6. Оп. 3. Д. 3652.
5. Ф. 6. Оп. 3. Д. 3872.
6. Ф. 11. Оп. 2. Д. 3053.
7. Ф. 11. Оп. 1. Д. 10177.

*Т.И. Тугай,
г. Оренбург*

ВОЕННАЯ ТЕМАТИКА В ТРУДАХ ЧЛЕНОВ ОРЕНБУРГСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОМИССИИ

Напомним, что Оренбургская ученая архивная комиссия (ОУАК) была создана в 1887 г. с целью сохранения богатейшего архива упраздненного в 1881 г. генерал-губернаторства. Большую историческую ценность представлял в нем казачий отдел. Здесь хранились сведения о поземельных и торговых правах казаков, указания о первоначальном образовании Оренбургского и Уральского казачьих войск, о столкновениях казаков с переселенцами в период колонизации. Не менее важными оказались статистические отчеты войсковых атаманов, эпизоды из прилинейной жизни казаков, «в связи с набегами и барантой киргиз», дела командировки казачьих отрядов в степь. Полными глубокого интереса были письма пленных казаков из Хивы и Бухары, рисовавших их безотрадное положение в этих ханствах и само состояние ханств. «Одним словом, с какой бы стороны мы не рассматривали этот отдел, он может служить богатым материалом для всякого любознательного человека, в особенности же, разумеется, для казаков» [1]. – Так оценивал значение казачьего отдела архива член Комиссии Н.Г. Иванов.

Вполне объяснимо поэтому, что военная тематика в трудах ОУАК займет ведущее место и будет в той или иной степени связана с историей оренбургского казачества, его участием во внешнеполитических предприятиях генерал-губернаторства. К истории казачества подтолкнуло обратиться его представителей и изменение прежнего статуса Оренбургского казачьего войска, происшедшее в связи с утратой пограничного положения края. Найти исторические корни, свидетельства своего славного прошлого побуждало образованных казаков (офицеров) ходатайствовать о прие-

ме их в ОУАК. Среди действительных членов Архивной комиссии были войсковой старшина Н.К. Бухарин (1887), подьесаул С.Н. Севастьянов (1889), атаман Ф.М. Стариков (1889), хорунжий П.Л. Юдин (1889), есаулы: М.Л. Юдин (1895), В.П. Водопьянов (1896) и Ф.Н. Михайлов (1897), сотники: А.И. Мякутин (1901) и П.А. Бухарин (1913). В 1913 г. в действительные члены Комиссии был принят А.И. Дутов, который в то время командовал 5-й сотней 1-го Оренбургского казачьего полка.

Из старинного казачьего рода, ведущего свое начало от самарских казаков, происходил отставной генерал-майор Оренбургского казачьего войска И.В. Чернов – автор знаменитых «Записок», являющихся и сегодня ценным источником в изучении деятельности начальников и губернаторов Оренбургского края [2].

Необходимо охарактеризовать непосредственного организатора и первого попечителя Архивной комиссии. Им был оренбургский губернатор и наказной атаман Оренбургского казачьего войска Николай Алексеевич Маслаковец (1884–1891). Приняв близко к сердцу судьбу архива генерал-губернаторства, он откликнулся на предложение Императорского Археологического института учредить в Оренбурге архивную комиссию. При ее организации Н.А. Маслаковец обратился к городским думах с предложением внести свой вклад в создание предполагаемого учреждения, указав на историческую ценность Оренбургского архива. В течение нескольких лет ее заседания проходили на его квартире.

Как и многие его коллеги по ОУАК, он с большим увлечением занимался с содержанием архивных документов. Но над историей ОКВ Н.А. Маслаковец начал работать задолго до своего губернаторства в Оренбурге – с 1861 г. [3]. Его фонд в Отделе рукописей РНБ в Санкт-Петербурге (№1055) хранит богатое научное наследие. Архивные документы свидетельствуют об изучении им Донского, Уральского и Оренбургского казачьих войск. В 1873 г. Маслаковец составил «Краткий исторический очерк постепенного образования Оренбургского казачьего войска и развитие форм военного и гражданского устройства». К обобщающим трудам он приступил в начале 1900-х гг., находясь на службе в Генеральном штабе. Так, например, в 1902 г. им был представлен военному министру А.Н. Куропаткину доклад о разработке принципов исторических исследований о казачьих войсках в России [4]. О кропотливой подготовительной работе военного чиновника свидетельствуют три клеенчатые тетради, склеенные между собой, общим объемом в 291 лист. В них содержатся историко-библиографические справки по истории возникновения и развития казачьих войск в России [5].

Правой рукой Маслаковца в Оренбурге был Никандр Константинович Бухарин – войсковой старшина, архивариус Войскового хозяйственного

правления ОКВ. По поручению своего начальника он делал копии документов Войскового архива с 1744 г., составлял их описания («предисловия»). 23 апреля 1887 г. он уже представил ему «Материалы и заметки к истории Оренбургского казачьего войска» [6].

Но свои задачи Н. К. Бухарин видел гораздо шире изучения истории казачества. Им первым был поднят вопрос о соотношении краеведческих исследований с географическими (региональными) границами края. На одном из заседаний ОУАК в 1889 г. он прочитал «записку», в которой предлагал расширить деятельности комиссии: «...Политически и исторически этот край жил долго одною жизнью, поэтому за какую бы мы отрасль не принялись, мы не можем наше исследование ограничить известным, нам желаемым районом, а должны осмотреть и все соседственные, соприкасающиеся районы. Только в этой взаимной общности заключается цельность картины, цельность искомого предмета, цельность изыскания» [7].

Другим организатором работы ОУАК, уже в период ее подъема, стал Павел Петрович Бирк – начальник штаба Оренбургского казачьего войска. Вступил он в состав ее действительных членов в 1888 г. – через год после учреждения. Именно он приложил немало стараний для приобретения специального здания для ОУАК и организации музея [8].

Михаил Львович Юдин, которому незаслуженно мало уделено внимания в работах оренбургских историков, за исключением публикации С. В. Богданова о его участии в открытии Филипповских курганов [9], являлся одним из самых даровитых представителей казачьей интеллигенции. Он изучал историю военно-политических отношений с бывшими среднеазиатскими ханствами и составлял по поручению ОУАК библиографию Оренбургского края. Его статьи в «Трудах» ОУАК, губернских газетах и центральных исторических журналах «Русский архив», «Исторический вестник» свидетельствуют о пристальном внимании автора к военной истории Средней Азии [10]. Так, статья «Кто взял Хиву?», опубликованная в «Русском Архиве» в 1896 г. (кн. I), представляет собой полноценное исследование, при подготовке которого автор изучил 26 публикаций.

Обширная переписка казачьего офицера с редактором «Исторического вестника» С. Н. Шубинским была обнаружена автором в Отделе рукописей РНБ. Так, в 1907 г. Михаил Львович сообщал ему об окончании своей работы «Граф В. А. Перовский и взятие Ак-Мечети, как начало завоевания Кокандского ханства»: «Работа довольно обширная, снабжена картами и планами, иллюстрирована портретами и многими рисунками, современными походу и взятыми из альбома, принадлежавшего самому Перовскому» [11]. Эту работу он спешил опубликовать к 50-летию со дня смерти гр. Перовского. К 1912 г., находясь по делам службы в Ташкенте уже в чине полковника, он подготовил книгу «Оренбуржцы в войнах

1812–1814 гг.», которую посвятил «родным станичникам». Книга была напечатана в типографии штаба Туркестанского военного округа. Сегодня она хранится в РГБ.

Ведущий историк оренбургского казачества С. Н. Севастьянов одно из своих исследований посвятил «событиям в Оренбургском крае, подготовившим экспедицию в Хиву в 1839–1840 гг.» [12] – о подготовке и организации известного похода Перовского.

Важно отметить, что даже в период Первой мировой войны, находясь вдали от Оренбурга – на Юго-Западном фронте – казачьи офицеры продолжали поддерживать связь с ОУАК. В ее фонде в ГАОО сохранились письма из действующей армии С. Ф. Ташкина, П. А. Бухарина с Галицинского фронта (от 9 дек. 1915 г.) [13]. Бухарин, например, сообщал, что ему «почастливилось» найти фотографию 1884 г., изображающую съезд монархов в Скерневице (имеется в виду свидание импер. Александра III, Франца-Иосифа и Фридриха Вильгельма), давший, как он иронично замечает, «гарантию европейского мира». Фотография была послана им в 1916 г. в Оренбург – в музей Комиссии [14]. В другом письме – правителю дел А. П. Гра (от 23 марта 1917 г.), отправленном в то время, когда 15-й Оренбургский казачий полк, в котором служил Бухарин, стоял в г. Черновцы (Галиция), он помещает галицийские частушки. Из них, по мнению автора письма, видно, «как начинали проявляться в народе враждебные к нам чувства» [15]. Далее Бухарин высказывает свои предположения по поводу происхождения названия Буковина, обнаруживая в нем славянские корни. Примечательна приписка Бухарина P.S.: «Прошу срочно сообщить, за какой срок я задолжал уплату членских взносов».

Если говорить в целом о месте военной тематики в исследованиях членов ОУАК, то очевидна ее «азиатская» направленность, обусловленная военно-политической историей Оренбургского края. Из 130 просмотренных нами сообщений и исследований, опубликованных в «Трудах» ОУАК с конца 90-х гг. XIX в. по 1917 г., вопросам истории Казахстана, Башкортостана и взаимоотношений с Азией было посвящено 17, т.е. 22%. Среди них работы В. П. Водопьянова, А. И. Добромыслова, А. В. Васильева, Л. А. Словохотова, С. Н. Севастьянова и И. С. Шукшинцева, А. В. Попова, Н. Г. Иванова, Н. Г. Петухова, А. И. Мякутина, П. Л. и М. Л. Юдиных, Д. Н. Соколова, А. В. Игнатовича и П. П. Ходырева [16]. Большинство из них носили, в основном, источниковедческий характер. Некоторые представляли собой реферативные работы, как, например, сообщение А. Попова, составленное по «Описанию Хивинского ханства...» В. В. Григорьева [17].

Характерно также, что помимо военных и дипломатических вопросов оренбургские исследователи невольно уделяли большое внимание хо-

зяйству, быту и культуре народов «Юго-восточной Степи». Вклад ОУАК в развитие востоковедения был оценен Непременным секретарем РАН С. Ф. Ольденбургом, а также председателем Московского Археологического Общества граф. П. С. Уваровой [18].

Примечания

1. Иванов Н.Г. О задачах деятельности и общественном значении Ученых Архивных Комиссий вообще и Оренбургской Архивной Комиссии в частности // Тр. ОУАК. 1897. Вып. II. С. 37–65.
2. Записки генерал-майора И.В. Чернова // Труды ОУАК. Оренбург, 1907. Вып. XVIII.
3. ОР РНБ. Ф. 1055. Маслаковец Н.А. №98, 99, 100.
4. Там же. №4. Л.1–44.
5. Там же. №2.
6. Труды ОУАК. Оренбург, 1914. Вып. XXX. – С. 35.
7. Труды ОУАК. Оренбург, 1914. Вып. XXX. – С. 35.
8. См.: Шукшинцев И. С. Бирк Павел Петрович (1836–1900). Некролог // Тр. ОУАК. 1900. Вып. VI. С. 1–4.
9. Богданов С. В. Судьба археологических открытий есаула Юдина // Казачество России (XX в.): Российская научно-практическая конференция. Оренбург, 2001.
10. Юдин М. Л. Положение торговли со Средне-Азиатскими ханствами до занятия Туркестанского края // Тр. ОУАК. 1900. Вып. IX. С. 1–50; он же: Начало сношений с туркменским народом (Материалы для истории присоединения Закаспийской области) // Тр. ОУАК. 1913. Вып. XIX. С. 85–141; карт. Начало покорения Туркестана // Южный край, 1903, №7,8; он же: Из рассказов о М. Д. Скобелеве // Русский архив. 1896. Кн. I; он же: Кто взял Хиву? // Русский архив. 1896. Кн. I (1). С.97–99.
11. ОР РНБ. Ф. 874. Шубинский С. Н. Оп.1. №111. Л. 229–233.
12. См.: Тр. ОУАК. Вып. XVI. С. 95–148
13. ГАОО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 95. Л. 58; Д. 94. Л. 28.
14. Труды ОУАК. Вып. XXXV. С. 237.
15. ГАОО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 95. Л. 110–111.
16. Тр. Оренбургской Учен. Арх. Комис.: Вып. III. 1897. С. 1–23; Вып IX. 1900. С. 24–50, 51–63; Вып. XIV. 1905. С. 200–211. Вып. XV. 1905. 156 с.; Вып. XVI. 1906. С. 95–148; Вып. XIX. 1908. С. 85–101, 117–157, 194–198; Вып. XXIII. 1911. С. 17–28, 29–36; Вып. XXV. 1913. С. 1–280; Вып. XXVIII. С. 85–141. Вып. XXX. 1914. С. 108–118, 119–126; Вып. XXXV. 1917. С. 186–203.
17. Григорьев В. Описание Хивинского ханства и дороги туда из Сарайчиковской крепости. Сообщение А. Попова // Тр. Оренбургской Учен. Арх. Комис. 1908. Вып. XIX. С. 183–193.
18. ГАОО. Ф.96. Оп.1. Д.95. Л.29; Д. 86. Л. 31–31об.

А.Е. Исковский,
г. Кашира, Московская область

ОРЕНБУРГСКИЕ КАЗАКИ НА СТРАЖЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ РУБЕЖЕЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

1894 год принес долгожданную весть оренбургским казакам. Весть о новой, но далекой земле для пашни и дома, земле Уссурийского края.

На Дальнем Востоке строилась Сибирская железная дорога, казакам предложили ее охрану, а земельные наделы для хозяйства обещали от казны, бесплатно. В июне 1894 г. Государственный Совет принял решение переселить на Дальний Восток казаков Донского и Оренбургского казачьих войск для охраны восточной границы Российского государства. С 1891 г. были начаты работы по строительству участков железной дороги с противоположных сторон, с Владивостока и Челябинска, навстречу друг другу. На работах по прокладке дороги использовались ссыльнокаторжные, ссыльнопереселенцы, арестанты. Принципом строительства стало решение Комитета Сибирской дороги: «...это великое народное дело, ...осуществлено русскими людьми и из русских материалов».

Инициатором переселения казаков стал Войсковой наказной атаман Приамурских казачьих войск, Приамурский генерал-губернатор в 1893–1898 гг., генерал-лейтенант Сергей Михайлович Духовской. Он исходатайствовал высочайшее повеление усилить Приамурское войско переселенцами из Забайкальского, Донского, Оренбургского, Кубанского, Терского и Уральского казачьих войск. Для привлечения казаков на Дальний Восток атаман С. М. Духовской распорядился передать в пользование Амурскому 5785 тыс. десятин и 9142 тыс. десятин земли Уссурийскому казачьим войскам. Земли «отвода Духовского» стали местом появления новых поселений. Комитет Сибирской железной дороги выделил казакам 86 ыс. руб. на переселение. Одной казачьей семье в 1895 г. «причиталось» 1119 руб., включая ссуду в 600 руб., в действительности на семью оренбургского казака потребовалось 1383 рубля.

Казакам-переселенцам были определены льготы ввиду важного их значения в деле колонизации Уссурийского края [1]:

- переселенцы избавляются от воинской повинности на 5 лет, считая с 1-го января следующего за прибытием года;
- от земских повинностей на 3 года;
- получают по прибытии во Владивосток беспроцентную ссуду в размере 600 руб. на каждую семью, но сроком не более как на 33 года, со включением сюда стоимости земледельческих орудий и предметов, необходимых на первое обзаведение, выдаваемых по мере возможности в том же

Владивостоке заведующим переселением крестьян в Южно-Уссурийский край. Из этих же 600 рублей выдается на семью безвозвратная ссуда в размере 50 рублей на приобретение лошади, так что собственно ссуда на 33-летний срок определяется в 550 рублей;

На каждую душу мужского пола наряжается в наделе по 30 десятин земли.

Переселения оренбургских казаков в течение трех лет были событием для Оренбургского казачьего войска, названным в местной печати как «выдающееся». Первая партия казаков отправлялась в Уссурийский край торжественно, последующие семейства более скромно. Если первая партия казаков уезжала с напутствием атамана как «первопроходцы», то следующие за ними казаки уезжали в «край уже более-менее известный». Казаки-переселенцы всех трех партий переселялись на средства «казны», т.е. за государственный счет, на местах поселения условия были иными. Первые казаки-переселенцы устраивали хозяйство на «пустом месте», самостоятельно расчищая землю от деревьев, строили дома, совмещая казачью службу с решением своих практических нужд. С учетом этих особенностей нужно рассматривать переселения 1895–97 гг. по отдельности, за каждый год.

Всего было три «волны» переселения казаков Оренбургского казачьего войска: в 1895, 1896., 1897 гг. Ежегодно выезжало на постоянное поселение 50 семейств, т.е. за три года 150 семейств (1247 человек) разных станиц 1-го и 2-го отделов Оренбургского казачьего войска. Нужно отметить, в июле 1894 г. два прошения казаков Кардаиловской и Ключевской станиц Оренбургского казачьего войска о переселении их «на казенный счет» в Приамурский край были отклонены, поскольку средства, выделенные на переезд в 1895 г., закончились. В 1895 г. в Уссурийский край «ушла» первая партия оренбургских казаков-переселенцев, 50 семейств из станиц Татищевской, Нижнеозерной, Кардаиловской, Павловской, Донецкой и Разсыпной. Первая партия казаков отправилась из Оренбурга во вторник 28 февраля 1895 г. особым воинским поездом до Одессы, а затем морем, на пароходе «Москва» до Владивостока. Отъезду предшествовали торжественные проводы с молебном, происходившие 26 февраля в Оренбургской станице (Форштадт) на площади перед Георгиевской войсковой церковью. Проводить казаков-переселенцев прибыли преосвященный Макарий и наказной атаман генерал-майор В. И. Ершов. Во время молебна преосвященный Макарий ободрял казаков перед «дальней дорогой и неизвестностью» и напутствовал иконой св. великомученика Георгия. Затем состоялся парад. Атаман В. И. Ершов принял парад, пожелал казакам доброго пути и назначил станичным атаманом урядника М. Моршинского из Переволоцкого поселка Донецкой станицы. Казаку Петру Киселеву из Чесноковского поселка Нижнеозерной станицы атаман Ершов вернул звание урядника. Наказной

атаман В. И. Ершов обратился к переселенцам с речью, он говорил о переселении, о льготах на устройство хозяйства и о главной задаче – охране участка Великой Сибирской железной дороги. «Вам на первых порах придется много трудиться, – говорил атаман Ершов, – и от вас не скрывали этих трудностей, вы о них слышали и читали... Не прельщайтесь же ссудой... она может помочь вам только при труде». Не удержался наказной атаман и от совета обзавестись по приезду во Владивосток строевыми лошадьми, напомнив, что «казак без коня не казак [2]». «В пути вам все будет ново, все будет вас интересовать, вы увидите моря, океаны, новых людей, животных, растения... по прибытии же во Владивосток вас встретит будущий ваш наказной атаман ... Оправдайте же наши надежды и ожидания нового войскового вашего начальства! – продолжал атаман Ершов. – ...Верьте, что наше «Ура!», которое вы тогда выкрикнете, так же откликнется и здесь!»

После торжественного обеда переселенцам переданы подарки, книги, серебряное блюдо с надписью «Оренбургская станица Оренбургского казачьего Войска, настоящим хлебом-солью, с братской любовью и заветом также верой и правдой служить на Дальнем Востоке, напутствует Оренбургскую станицу Уссурийского казачьего Войска», в середине блюда имела другая надпись: «Где бы не жить – одному Царю служить. 28 февраля 1895 года». Икона св. великомученика Георгия, серебряное блюдо и «насека» были помещены в дорожный футляр, ключ от которого держал при себе атаман М. Моршинский [3]. Казаки-переселенцы обещали построить на новом месте церковь во имя св. Георгия Победоносца.

Поезд с казаками-переселенцами две недели пути сопровождал есаул Чистовский с врачом, фельдшером и инструктором. 15 марта 1895 г. переселенцы прибыли в Одессу. На пароход «Москва» оренбургские казаки погрузились 16 марта 1895 г. совместно с донскими казаками. Оренбургских переселенцев на пароходе «Москва» было: взрослых от 10 лет – 230, малолетних до 10 лет – 118, всего 348 человек; груз – 2056 пудов; в Одессе больными оставлены: взрослых два и малолетних три человека. Пароход «Москва» прибыл во Владивосток 29 апреля, плавание длилось 45 дней. Во время плавания от болезней умерло детей оренбургских казаков: от кори – 14; дифтерита – 1; от других болезней – 15. Всего умерло (донских и оренбургских) 69 детей и 1 взрослый, родилось 4. Во Владивосток прибыло: донских казаков 370 и оренбургских 318, всего 688. В общем, смертность детей в возрасте до 10 лет во время плавания выразилась 30,80%. Во Владивостоке переселенцев приветствовал атаман П. Ф. Унтербергер. После нахождения в карантине были выбраны «ходоки», т.е. доверенные люди, для выбора мест поселения. 35 семей 19 мая 1895 г. отправились из Владивостока на поселение в поселок Барановский Полтавской станицы. Прочие ходоки, осмотрев лишь только поселки вдоль железнодоро-

рожной линии от Лутковской до Имана, возвратились во Владивосток без результатов. По настоянию войскового начальства, они вторично отправились на жительство в следующем порядке: 26 мая, 15 оренбургских семей – на левый берег р. Бикина, поселок назван «Оренбургским». В газете «Приамурские ведомости» [4] так отмечено это событие: «Всего из Владивостока отправлено было для водворения на местах: 172 донских и 50 оренбургских, итого 222. Оренбургские переселенцы разместились порядливо и спокойно, с готовностью трудом устроить свое новое хозяйство и дружно принялись за работу... Переселенцам же, поселившимся на новых местах, пришлось вначале располагаться в палатках и шалашах и затем уже приступить к устройству зимних помещений, в большинстве мазанок. Нашедшие на месте готовый лес построили себе дома... лошадей и скот заводили постепенно... К началу 1896 г. в новых поселках числилось семей:... Оренбургском 22 двора оренбургских казаков». В 1896 г. в поселке Оренбургском выстроена церковь во имя св. Георгия Победоносца, об этом сообщено в Оренбург [5]. Казаки «устроились более или менее удовлетворительно и в среде их нет ни одного бездомного, поведение же, вообще, весьма хорошее» [6]. В 1896 г., 9 апреля, в церкви Оренбургского юнкерского училища состоялся молебен казаков-переселенцев в Уссурийский край второй партии, на котором присутствовали наказной атаман Ершов, начальник штаба генерал Бирк. Переселялись казаки на прежних условиях из наиболее малоземельных станиц Гирьяльской, Воздвиженской, Пречистенской, всего 50 семейств, 431 человек. По окончании молебствия все перешли в манеж юнкерского училища. Взрослым переселенцам от наказного атамана было выдано по чарке водке и всем по пирогу, от атамана 1-го отдела всем по красному яйцу, детям по пакету лакомств, портреты Императора, экземпляры Нового Завета. Временным наказным станичным атаманом был избран урядник Воздвиженской станицы Ночевой. 10 апреля 1896 г. казаки поездом отправились в Одессу, атаман Ершов на вокзал не прибыл. Из Одессы казаки 1 мая на пароходе «Владимир» отправились во Владивосток, куда прибыли 16 июня. Через месяц переселенцы выступили в избранные места: 17 семей в поселке Константиновский, 23 семьи в пос. огуславский, 9 семей в поселке Оренбургский, 1 семья в ст. Полтавской.

«О состоянии хозяйства у казаков, переселившихся в 1896 г. из Оренбургского войска, подробных сведений от войскового начальства не имеется, но есть данные, свидетельствующие, что хозяйство их находится в удовлетворительном состоянии. Оренбуржцы по составу были столь же хороши, как и в первой партии, дружны между собой, спокойны, трудолюбивы» [7].

Третья партия казаков-переселенцев в Уссурийский край отправилась из Оренбурга 11 апреля 1897 г., с прежними льготами. В этой партии было

по-прежнему 50 семей, 330 взрослых, детей до 10 лет 139, всего 469 человек. Проводы были торжественные, как и прежде [8]. 9 апреля 1897 г. в церкви юнкерского училища был отслужен казакам молебен. Казаки для переселения избраны из станиц Орской, Ильинской, Гирьяльской, Каменноозерной, Пречистенской и Павловской. Причина переселения – крайнее малоземелье, казаки недополучили от 15 до 59% до полного надела земли. Из Одессы казаки отплыли на пароходе «Воронеж» 8-го мая и прибыли во Владивосток 19 июня, в пути болезней не было. По прибытии казаки выслали ходоков, и 28 июня началось поселение в Оренбургский поселок 17 семей, в поселок Графский 2, в поселок Константиновский 8; 12 июля – в поселок Барановский 3 семьи, Александро-Никольский 10, Графский 6, вновь образованный близ ст. Круто-Бережной 4 семьи.

Всего в 1895, 1896, 1897 гг. переселено в пределы Приамурского военного округа казаков:

Казацье войско	Семей	Муж. и женск. пола
Донское	317	2669
Оренбургское	150	1247
Забайкальское	61	491
Всего	528	4407

На переселение казаков в течение 3-х лет израсходовано 429 351 руб. 32 коп.

По прибытии во Владивосток казаки приписаны в Уссурийское казачье войско. Не менее интересными представляются письма казаков в Оренбург с описанием быта и условий службы. Урядник М. Моршинский сообщил следующее [9]: «Я не могу считать себя недолжным уведомить вас о нашем пребывании в новом и таком отдаленном краю в новом и совсем незнакомом войске, в котором мы до настоящего времени не привыкли... Часть наших, т.е. 15 семей, поселились на р.Бикин, а остальные в поселке Барановском. Они выгадали лучше, чем мы. Хотя у них пахотной земли почти что нет, но зато заработок очень даже хорош. Если бы на их место попали более порядочные люди, то направились бы очень хорошо, но они едва ли, потому что работать не хотят, а пользуются лишь теми деньгами, которые сами валяются, но и те частенько меняют на спиртные напитки... Мы тем неудачно поселились, что от железной дороги далеко – негде копейки взять... Однако питаем надежду на железную дорогу, которая пойдет через Манчжурию. Вот тогда и оживем – станция от нас будет в 6 верстах. В виду этого я поступил опять на службу Его Императорского Величества, в жандармы... Служу я на железной дороге, но канители очень много, потому что рабочих

масса и все более каторжники, да ссыльные. Несмотря на строгий караул, они часто убегают, бродят по лесу и хищничают. Того и гляди, срежут из-за куста, когда пойдешь по району. 7-го сентября у меня в районе нанялись двое рубить дрова и стали строить себе балаган, а бродяга из кустов, саженьях в 30, одним выстрелом из берданки повалил обоих, одного наповал, а другого чуть живого повезли в больницу, сам же скрылся. Мне пришлось это дело расследовать, но виновный не был обнаружен... 22 августа в мое дежурство станционный сторож заметил бродягу и стал кричать. Я выбежал и с помощью рабочих поймал его. Он был вооружен револьвером, но выстрелить ему не удалось, что быстро схватили его за руки. Бродяга этот оказался бежавшим из Хабаровской тюрьмы каторжником. Даже из рабочих и жителей редко встретишь здесь не ссыльного, а все больше окончившие курс каторги. Еще много здесь бродяг китайцев, которых называют хунгузами. Их тоже ловят. Из солдат сформирована особая охотничья команда, которая занимается преимущественно ловлей хунгузов. В июле месяце сего года команда эта розыскала шайку хунгузов в 300 человек... У нас убили двоих и нескольких ранили, а их побили много, да человек 20 поймали и вручили китайскому генералу Джа-Омянь, который по своему закону троих предводителей шайки казнил, не переходя русской границы, как бы оплачивая за кровь, а остальных казнил за рекой Уссури. Головы казненных китайцы вешали на колья, чтобы другие видели... Теперь расскажу про свою биографию. Мне как на родине не везло, так и тут не повезло. Живя на родине употреблял все свои силы на украшение хозяйства, но засухи, суслик и кобылка не давали дивидендов на пропитание. Хотя я и был принят обществом в котором прослужил около 10 лет на общественной службе, однако состояние свое не улучшилось. Это и нудило меня удалиться куда бы то ни было. Вот и здесь не повезло. По приходе во Владивосток некоторые остались на должностях и теперь у них по тысяче и более в банке, а мне нельзя было: был привязан службой, атаманством. Так ли, сяк ли, а провозжался целый год без жалования. Свои деньги и ссуду убил в постройку и скот, и теперь без гроша в кармане. Думаю служить пока смогу. Жалованья хотя и мало противу других (25 руб.), а кормиться можно, при том дают еще 20 руб. квартирных, пока не устроили казенных квартир для нас. Но открою вам: скучились об своей родине до невозможности!» В другом письме [10] от 16 июня 1895 г. М. Моршинский сообщил: «Станицу образовать не возбранялось, но по малолюдству будет трудно содержать, почему начальство не посоветовало, а в поселке атаман служит без жалования. Станичный атаман получает 300 рублей, писарь 60 рублей, но в правлении находится редко, не каждый день.. Ученые люди очень дороги, а также и рабочие. Из наших остались во Владивостоке урядник Григорьев переписчиком, 30 рублей в месяц на первый раз, а потом 50 рублей. Иванов – почтальоном 20 рублей на первый раз. Нянька 10 рублей

месяц. Недомашнему человеку очень хорошо». О дороговизне и службе пишет бывший ротный Белебеевского батальона А.Н. Исаков [11], переселившийся в 1896 г.: «... пятый батальон будет квартировать на Русском острове, по распределению туда попала и моя рота. Я тут как-то сразу опустился: и так то скверно на душе от произведенного дурного впечатления самим Владивостоком, а тут в будущем жизнь на каком-то необитаемом острове, где будут стоять только 4 роты и больше ничего... Жизнь во Владивостоке дорога, а особенно квартиры... Сообщение Русского острова с городом производится на пароходике два раза в день, утром в 9 ч. и вечером в 4 ч.; кроме того ходит наш 6-ти весельный катер в 12 ч. Жизнь на острове скучная, но к скуке еще прибавляется страх, 13 ноября в 50 шагах от моей квартиры был убит в собственной квартире двумя денщиками ротный командир, пришедший вместе со мною из Уфы. Убийц судили полевым судом и приготовили к смертной казни через повешение... На Русском острове строится церковь и к Пасхе будет окончена. Я назначен ктитором. Служится отлично». В 1896 году в июле генерал Н.Гродеков [12] посетил поселок Оренбургский (15 семей) и сообщил, что переселенцы жалоб не имеют, живут в домах, начинают строить церковь, и поручик Цервицкий (оренбуржец) организовал хор певчих. Особо отмечены промыслы, казаки начали строить лодки не только себе, но и на заказ. В письме Фомы Секретева [13] описаны трудности пути на пароходе и приведены слова местного начальства: «Затем отправили нас в казармы для выдачи оружия и снаряжения. Только ждем боевых коней, да и в путь-дорогу, в Манджурию... Хоть и не охота, да делать нечего! Не даром выдали денежки. Да и полковник сказал нам «попили, погуляли, казаченьки, пора и за дело приниматься!... надо дорогу караулить, воров и разбойников, что пошаливают, приниматься пугать...» В станице Гродековой, в настоящее время поселок Пограничный, поселились казаки станицы Буранной Оренбургской губернии, в том числе семья Понявкиных [14]. Глава семьи, Иван Семенович Понявкин, и его сын, казак Петр Иванович Понявкин, приехали с семьями. Позже П.И. Понявкин окончил артиллерийское училище в Хабаровске и в звании офицера участвовал в 1-й мировой войне. В 1917 г. П. Понявкин встал на сторону Белой гвардии, воевал в войске атамана Калмыкова. За заслуги и верность Отечеству в 1918–19 гг. П. Понявкин был избран председателем Войскового круга Уссурийского казачьего войска и губернским секретарем, имел чин войскового старшины. Когда в Приморье установилась советская власть, он остался в станице, с семьей. В 1927 г. в Приморье началось «расказачивание», П. Понявкина выслали в Амурскую область на прииск Гальчима. В 1937 г. Петра Понявкина арестовали, по приговору «тройки» он был расстрелян в Благовещенске.

Проживая по соседству, казаки роднились между собой. Так, забайкальские казаки Плотниковы, проживавшие в поселке Барановском, по-

роднились с прибывшими казаками-оренбуржцами Золотухиными. В настоящее время в п. Барановском-Оренбургском живет Петр Павлович Плотников [15] (его мать оренбурженка Евгения Золотухина), состоит в казаках своего поселка. Казаки Плотниковы и Золотухины принимали участие в 1-й мировой войне и Великой Отечественной войне 1941–45 гг.

Переселение казаков в Уссурийский край происходило по государственной программе и за счет государства. Результаты переселения признаны Комитетом Сибирской дороги удовлетворительными. Из числа прибывших оренбургских казаков возвратившихся обратно в Оренбургскую губернию не было из-за отсутствия средств. Оренбургское казачье начальство выполнило предписание Государственного Совета и направило за три года 150 казачьих семей в Уссурийский край. Переселенцам-казакам условия службы и проживания на Дальнем Востоке были разъяснены, но все же представлялись довольно расплывчато. Немногие понимали разницу казачьей службы в Оренбургской губернии и в Уссурийском крае, поскольку грамотных среди переселенцев было не более 40%. Казакам важнее были практические последствия переселения – денежная ссуда, земельный надел, возможность продвижения по службе. С «родины», т.е. с места жительства, выезжали малоземельные казаки, либо те, кто по каким-либо причинам не смогли устроить свое хозяйство, не получили должности, имели недоимки или штрафы. Иначе, уезжали именно те, кто не смог достигнуть определенного уровня жизни и в надежде на улучшение своего положения перешли в Уссурийский край, оставив родственников и распродав имущество. Некоторая часть казаков-переселенцев не поселилась на пограничных землях, избрав гражданскую или жандармскую службу во Владивостоке или на железнодорожных станциях. Тем не менее, в общей своей массе казаки достойно служили, охраняли границы и Сибирскую железную дорогу на Дальнем Востоке.

Примечания

1. Оренбургский листок. 1895. №9. 10.
2. Оренбургский листок. 1895. №9. 10.
3. Оренбургский листок. 1895. №10, 15, 34.
4. Приказы по Оренбургскому Казачьему Войску, 1896 г., 5 апреля, приказ №151.
5. Приамурские Ведомости. 1897. №200. С. 9–20.
6. Приамурские Ведомости. 1897. №200, С. 9–20.
7. Оренбургский листок. 1897. №16.
8. Оренбургский листок. 1895. №39.; 1896. №2.; 1897. №10, 12.; 1900. №3.
9. Приведены фрагменты из письма от 5 декабря 1896 г. из Хабаровска, опубликовано: Оренбургский листок. 1897. №10.; Оренбургские Губернские Ведомости. 1897. №47.
10. Оренбургский листок. 1896. №2.
11. Оренбургский листок. 1897. №12.

12. Николай Иванович Гродёков (1843–1913) – в 1896 г. командующий войсками Приамурского военного округа

13. Оренбургский листок. 1900. №3. Бомбардир, курьер оренбургского окружного суда; выехал в Уссурийский край в 1897 г.

14. Автор состоит в переписке с В.Понявкиным (Хабаровск), потомком казака П.Понявкина, имеются документы (фото, метрики).

15. Сведения о Плотниковых получены от их потомка С. Плотникова (С.Петербург), с которым автор состоит в переписке, имеются документы (метрики, фото), подтверждающие приведенные сведения.

*Ф.М. Надршин,
г. Оренбург*

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ СЛУЖЕНИЕ РОССИИ (на примере башкирского народа)

Каждый народ в своем историческом развитии имеет переломные и решающие этапы. В истории башкирского народа одним из таких этапов явилось присоединение Башкирии к Русскому государству [1]. Событие, происшедшее в 1554–1557 гг., следует рассматривать также в плане роста и укрепления централизованного многонационального государства. Его характер в определенной мере продолжает оставаться дискуссионным, но все же большинство исследователей считало и считает, что имело место добровольное вхождение, а не завоевание.

Присоединение отдельных народов, в том числе народов Поволжья и башкир, к России усилило ее и облегчило борьбу с внешними врагами. Башкирское подданство давало русскому правительству возможность организовать оборону восточных границ при помощи башкир. Этим самым последние выполняли важную государственную задачу. По требованию русского правительства башкиры несли военную службу, участвовали во всех походах и войнах, которые вело Русское государство. Правительство умело использовало в своих целях присущие башкирскому народу воинские способности. Шежере (генеалогические записи родов и племен) свидетельствуют, что башкиры с первых же лет своего подданства начали участвовать в походах и войнах, которые велись Русским государством. В Ливонской войне в составе русских войск были народы Среднего Поволжья. Здесь были и башкиры, о чем упоминается в шежере. В те же годы велась война с Крымом, в которой также отмечается участие башкир. В шежере указано, что царь «Иван Васильевич призвал на помощь башкир», и они «Азау (Азов) воевали» [2]. Башкирия играла важную роль и во внешнеполитических отношениях России с ближайшими восточными соседями. В составе первого посольства России к казакам были и башкиры.

Когда нависла над страной опасность, русский народ объединил народы России для решительной борьбы с врагом. Так было в начале XVII столетия, когда в трудные дни польско-шведской интервенции нужно было отстаивать независимость Русского государства, – вместе с русскими людьми боролись и башкирские конники. Башкиры входили в состав войск нижегородского воеводы Андрея Семеновича Алябьева, который в начале декабря 1608 г. нанес поражение отряду тушинцев, засевшему в селе Ворсме [3]. Известно также, что башкирская конница участвовала в знаменитом ополчении Минина и Пожарского в момент освобождения Москвы от польских панов. В грамоте уфимскому воеводе Федору Андреевичу Алябьеву от царя Алексея Михайловича говорится: «...башкиры при прежних государях и при отце нашем, блаженнее памяти, при великом государе царе и великом князе Михаиле Федоровиче всея Россия и против поляков, а в Московское разорение были под Москвою и после – до Московского разорения были в нашей службе под Новым Городом на Бронницах с боярином с князем Дмитрием Тимофеевичем Трубецким, а после того были они на нашей службе в полку у боярина князя Дмитрия Михайловича Пожарского» [4]. В разрядных книгах 1629 г. о наборе башкирских отрядов говорилось: «Бывает им служба, как посылают всех низовых городов служилых людей в большую повальную службу, а с тех башкирцов емлют в тое пору на службу с 3-х дворов по человеку». Башкирские конные отряды деятельное участие принимали в шведском и азовском походах. Так, во время Северной войны со всех четырех дорог был собран, снаряжен и отправлен тысячный отряд башкир. Ученый и государственный деятель И. К. Кирилов, внимательно изучавший историю башкир, в том числе и историю их военной службы, в 1734 г. писал, что они «всегда верно служили и не только против шведов и поляков, но и против турков и крымцев».

Боевые качества башкирских конников – смелость, находчивость, выносливость и бесстрашие – вырабатывались в войнах против иноземных захватчиков и в борьбе с царизмом, в периоды народных восстаний против самодержавия. «Башкирская конница, – пишет Н. Ф. Демидова, – представляла собой довольно значительную военную силу, когда использовалась в сочетании с регулярными войсками и особенно когда действовала в привычных условиях – в лесах, степях и горах, где, по свидетельству современников, она была почти неуловима». Боевые качества башкирской конницы высоко оценивались русским правительством. В середине XVIII в. военная служба башкир приобрела более широкий характер. В 1754 г. с башкир был снят ясак и заменен покупкой соли, которую они раньше брали бесплатно из Илецкого соленого источника. Правительствующий Сенат в указе от 16 марта 1754 г. определил, что башкиры «без платежа ясака единственно служивыми будут так, как и казаки». С тех пор башкиры перешли на по-

луказачье положение; они шли на пограничную службу не только в летнее время, но наряжались и зимою для охраны Сибирской пограничной линии. Кроме того, башкиры в более широких масштабах привлекались к участию в дальних походах. Например, так случилось во время Семилетней войны 1756–1763 гг.

Готовясь к войне, правительство решило наряжать башкир и мишарей, живущих в Башкирии, в более значительных размерах, чем во время прежних походов. 11 апреля 1756 г. последовал указ сената Военной коллегии о посылке из Оренбургской губернии 2000 вооруженных двуконных башкир и татар на Украину, откуда они в составе русских войск отправились в действующую армию. Кроме того, в том же 1756 г. 1 сентября Правительствующий Сенат приказал, «выбрав лутчих и доброконных ... 500 человек башкирцов и 500 же человек мещеряков, ныне вывести как наискорее в Лифляндию». Эти отряды формировались весьма срочно, через 24 часа они должны были быть готовыми в поход. Наряженные башкиры и мишари предназначались для участия в войне с Пруссией, и они сражались с неприятелем под начальством знаменитого полководца П. А. Румянцева и будущего гениального русского полководца – подполковника А. В. Суворова. «Башкирские конники, – писал Д. Мануильский, – вместе с русскими казаками и другими вступили в 1760 году в Берлин, но ни русские, ни башкиры не кричали на всех перекрестках о том, что они били хваленное прусское воинство Фридриха II, которому немецкое бюргерство облыжно наклеивало ярлык «Великого» [5]. В 1790 г. вместе с мишарями и оренбургскими казаками более 2000 башкир были командированы в Прибалтику, где в составе четырех пятисотенных полков воевали в финляндской армии под командованием М. И. Кутузова.

Военная служба башкир была чрезвычайно выгодной для царского правительства. При формировании башкирских полков оно не несло никаких расходов, так как они вооружались и экипировались за свой счет. К тому же башкиры и мишари, так же как казаки, очень быстро могли выставлять свои конные полки и отряды, способные по первому требованию военного ведомства форсированным маршем отправиться в поход. Поэтому правительство решило превратить эти народы в военное сословие, вследствие чего в конце XVIII в. военная служба башкир приобрела всеобщий характер. Это выразилось в том, что 10 апреля 1798 г. правительство издало указ о введении кантонной системы управления, превратившей башкир и мишарей в военное сословие. В указе говорилось: «Сделать точное исчисление башкирцев, способных нести военную службу», «считая по летам от 20 до 50 лет», разделив их по кантонам. Все административные лица кантонов и юртов (команд) становились военными. Из башкир было сформировано иррегулярное войско, разделенное первоначально на 11 кантонов, затем на 12,

а впоследствии на 28. Кантонная система управления в Башкирии вводилась с целью укрепления юго-восточных границ России и умирения башкирского края. Общеизвестно, что башкирские восстания XVII–XVIII вв. представляли собой крупное социально-политическое явление, феномен в истории народов Евразии того периода. Наиболее крупнейшие из них происходили в 1662–64, 1681–84, 1704–11, 1735–40, 1755–56 годы. Причинами восстаний являлись нарушение царским правительством условий присоединения Башкирии к Русскому государству, захват башкирских земель, рост налогов и повинностей, произвол царских чиновников и ущемление местного самоуправления башкир, а также попытки насильственной христианизации. Царизм усматривал в этих восстаниях величайшую угрозу своему существованию и подавлял их с неимоверной жестокостью.

На башкирское войско была возложена ответственная задача: вместе с оренбургскими и уральскими казаками охранять восточные границы Русского государства. Пограничная линия, «имеющая протяжение свое от реки Тобола вниз по течению реки Урала до Каспийского моря», разделенная на пять дистанций, охранялась иррегулярными войсками. 1-я дистанция включала «все крепости и редуты от Усть-Уйской крепости до города Верхнеуральска, присоединяя к сей же дистанции Звериноголовскую крепость и Алабужский редут до реки Тобол; 2-я протянулась от Верхнеуральска до Орской крепости; 3-я – от Орской крепости до Оренбурга; 4-я – от г. Оренбурга до г. Уральска и 5-я – от Уральска до Гурьева городка». Башкирские казаки несли линейную (кордонную) службу на всех перечисленных дистанциях, кроме последней.

Башкирские казаки, вместе с оренбургскими и уральскими составляющие иррегулярное войско обширного Оренбургского края, приносили большую пользу государству. Они за свой счет охраняли юго-восточные рубежи страны. Если для этой цели на огромном расстоянии – от Тобола до Гурьева городка – пришлось бы использовать регулярные войска, то потребовалось дополнительно набирать много рекрутов и потратить большие средства. Наряженные на линейную службу снабжались «оружием, одеждою, лошаадьми и съестными припасами от всего общества». Каждый воин должен был иметь две лошади (строевую и вьючную). Башкирские казаки должны были быть вооружены «исправными копьями, саблями, ружьями и сайдаками (луками) со стрелами». Все это справлялось за свой счет.

Военно-казацкая служба башкир не ограничилась охраной восточных границ Русского государства. Как и прежде, в нужный момент они привлекались для участия в военных действиях. Создание башкирских полков, предназначенных для дальних походов, получило массовый характер особенно с того момента, когда Россия начала борьбу с наполеоновской Францией. Уже в декабре 1805 г. против Наполеона двинулись из

Оренбургского края 14 пятисотенных башкирских конноказацких полков, одна тысяча оренбургских и челябинских казаков и 600 калмыков. Осенью 1806 г. было сформировано еще три башкирских полка, которые были направлены в Пруссию и по прибытии туда в мае 1807 г. влились в армию генерала Беннигсена. Башкирские полки и калмыки после Фриландского сражения прикрывали отход русских войск к р. Неман и в начале июня 1807 г. вели бои в районе Тильзита с кавалерией французского маршала Мюрата. Есть указание, что «в 1806–1807 годах во время войны с Францией было сформировано 20 пятисотенных башкирских полков» [6]. Но многие из них по случаю заключения Тильзитского мира с Францией не успели принять участие в военных действиях. Несмотря на примитивность их вооружения, башкирские конники сражались самоотверженно.

Выдающимся событием в истории дореволюционной военной службы башкирского народа явилось его массовое и героическое участие в Отечественной войне 1812 г. С того момента, как Башкирия стала составной частью русского многонационального государства, башкирские конники участвовали во многих войнах и походах. Но в памяти башкирского народа наиболее глубокий след оставил 1812 год. Когда началось нашествие наполеоновской армии на Россию, писал участник войны, поэт-патриот Сергей Глинка, «башкирцы оренбургские сами собою вызывались и спрашивали у правительства: не нужны ли их полки?» Конечно же, полки нужны были, особенно кавалерийские. На Отечественную войну Башкирия выставила все свое взрослое мужское население, способное сесть на боевого коня и взять в руки оружие, мобилизовала ресурсы по оказанию помощи фронту. Башкирским народом было проявлено высокое понимание своего патриотического долга перед Родиной. Для борьбы с агрессивной наполеоновской Францией было сформировано 28 башкирских конно-казацких полков. Следует отметить, что в период Отечественной войны 1812 г. помимо полков, отправленных в действующую армию, 12 тыс. башкирских конников несли линейную службу на восточных границах. Они формировались и содержались за счет башкирского и мишарского населения. Кроме формирования кавалерийских полков, башкирский народ сделал важный вклад в оказание помощи фронту. Особенно ценным было пожертвование башкирами лошадей, в которых очень нуждалась действующая армия.

Оренбургский военный губернатор Волконский в донесении Александру I писал, что башкиры и мишари, будучи «движимы усердием по примеру предков своих ко благу государственному... единственно через добровольные согласия и подписки с нарочными ко мне присланными, предъявили готовность представить безденежно из конских косяков свыше 3600 лошадей для полков уланских и полевой артиллерии». Однако пожертвования башкир и мишарей продолжались; вскоре число пожертвованных лошадей состави-

ло 4139. Для сопровождения этих лошадей была составлена команда из 1092 башкирских конников, для которых было наряжено 1470 строевых и 147 вьючных лошадей. Лошади были поставлены в Вильно и Бобруйск, где они использовались для укомплектования артиллерии и «в подвижных парках». Часть лошадей получило население Белоруссии, пострадавшее от нашествия Наполеона. Высокий патриотический подъем, охвативший народные массы Башкирии, нашел яркое отражение также в сборе денежных средств на нужды фронта. Уже на 15 августа 1812 г. в пользу армии в Башкирии было собрано 500 тыс. рублей [7]. С первых дней до конца Отечественной войны и в заграничных походах 1813–1814 гг. башкирские конники находились на полях сражений. На первом этапе войны в рядах русской армии действовали два башкирских полка и один тебтярский конно-казачий полк. Вместе с русскими войсками они испытали все трудности, связанные с вынужденным отступлением в глубь страны; они были в составе тех частей и соединений, которые вели аррьергардные бои. В составе войск казачьего корпуса Платова принимали участие в знаменитом Бородинском сражении. Когда Москва временно оказалась в руках чужеземных оккупантов, вокруг нее развернулась партизанская война. Башкиры – жители Южного Урала, опытные и выносливые кавалеристы, привыкшие ездить не только по степи, но и по горам и по лесам, причем при любой погоде, оказались весьма подходящей силой для пополнения партизанских отрядов, действовавших на пути к Москве. Бесстрашными и находчивыми партизанами проявляли себя конники Башкирии в отрядах прославленных героев Отечественной войны Дениса Давыдова, Сиславина, Ефремова, Кудашева и др.

7 октября 1812 г. Наполеон покинул Москву. Отступая из Москвы, он оставил там маршала Мортье, поручив ему взорвать Кремль и другие важные сооружения. Выполняя приказ Наполеона, Мортье взорвал дворцы, уцелевшие от пожара, арсенал и др. Французы были намерены взорвать Кремль. Но в Москву ворвались русские казаки, крестьяне-партизаны, башкирские конники первого полка, входившие в состав отряда князя Кудашева, и успели помешать произвести взрыв и этим спасли ряд ценных памятников Кремля. Освобождение Москвы оставило глубокий след в памяти башкирского народа. Легенды, предания и народные песни, сохранившиеся до наших дней, рассказывают об активном участии башкир в изгнании Наполеона из Москвы.

Башкирские конники участвовали в заграничных походах 1813–1814 гг. Особенно памятным было героическое участие 1, 4, 5, 9 и 14-го башкирских полков в знаменитом Лейпцигском сражении 4–7 октября 1823 г. Это сражение получило название «битвы народов». В нем участвовало с обеих сторон около 500 тыс. человек. Лейпцигская битва закончилась поражением наполеоновской армии. В победе над неприятелем решающая роль

принадлежала доблестным русским войскам. Имена башкирских полков, участвовавших в сражении и проявивших героизм, были занесены в число особо отличившихся частей русской армии. Об этом свидетельствуют мемориальные надписи, до сих пор сохранившиеся в Лейпцигской церкви-музее. В составе русской армии башкирские конники дошли до столицы наполеоновской Франции. 18 (30) марта 1814 г. вместе с русскими войсками 2, 12, 13, 14 и 15-й башкирские полки вступили в Париж. Современники дали весьма высокую оценку боевым способностям башкирских воинов. А французы панически боялись необычного их вида. Башкирские конники были вооружены не только ружьями, пиками или копьями, саблями, но также луками и стрелами. За искусное владение луком и стрелами французы прозвали их «северными амурами».

После Отечественной войны 1812 г. башкирские конники также широко привлекались к участию в войнах России и посылались в западные губернии для охраны государственных рубежей; в то же время башкиры продолжали нести линейную службу на восточной границе. Во время войны России с Турцией в 1828–1829 гг. башкирские части пополняли русскую армию. Два башкирских и два оренбургских казачьих полка наполовину состоявшие из башкир, участвовали в охране границ и коммуникаций, а также в боях. Кроме того, во время этой войны потребовались верблюды для перехода через Балканские горы, и башкиры представили в распоряжение русского командования более 100 верблюдов. Башкирские воины участвовали в Крымской войне 1853–1856 годов. Было сформировано и отправлено в действующую армию четыре конно-казачьих полка. Оборона Севастополя выдвинула и из среды башкирских воинов немало отважных героев.

История башкирской конницы неразрывно связана с историей героического военного прошлого русского народа. Джигиты Башкирии, участвуя в крупнейших походах и сражениях под водительством Дмитрия Пожарского, Петра Великого, фельдмаршала Румянцева, гениальных полководцев Суворова и Кутузова, сохраняя свои национальные черты и особенности, прошли долголетнюю школу, учились бить сильнейших врагов России, обогащали военный опыт и приумножали свои боевые традиции. Постоянная военная служба башкирских конников в рядах русской армии укрепляла боевую дружбу народов. Русский солдат в лице башкирского конника всегда видел верного и боевого товарища.

Созданное в связи с введением кантонной системы управления башкиро-мещерякское иррегулярное войско было упразднено на основании Закона от 2 июля 1865 г. «О передаче управления башкирами из военного в гражданское ведомство». Башкиры были переведены из служилого в податное сословие, их натуральные повинности были заменены денежными. Следует отметить, что отмена кантонной системы управле-

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЕСТВА В ГОДЫ НЭПА

ния явилась составной частью Крестьянской реформы 1861 года. В дальнейшем башкиры по-прежнему активно привлекались к несению военной службы. В частности, много башкир принимало участие в русско-японской и Первой мировой войнах. Башкирские части сыграли огромную роль в обороне Петрограда от белогвардейцев, проявили себя с наилучшей стороны в боях с белополяками. Первым Героем Советского Союза из башкир стал Гафиатулла Шагимарданович Арсланов, получивший это высокое звание в 1940 г. за мужество и героизм, проявленные в боях советско-финской войны. В начальный период Великой Отечественной войны он обучал курсантов Чкаловского танкового училища, располагавшегося в стенах здания сегодняшнего экономического факультета Оренбургского государственного аграрного университета. Офицер-танкист с боевым опытом настойчиво писал рапорты на имя вышестоящего командования об отправке его на фронт. В качестве командира танкового батальона он принимал участие в Сталинградской битве, затем освобождал Родину от фашистских оккупантов. Жизнь славного сына башкирского народа, отважного советского воина, заместителя командира танковой дивизии подполковника Г. Ш. Арсланова оборвалась 5 января 1945 г. у стен Будапешта. На полях сражений неуязвимой славой покрыла себя 112-я башкирская кавалерийская дивизия. В послевоенный период и в наши дни башкиры честно и добросовестно выполняли и выполняют свой воинский долг в составе Советской (Российской) армии.

Вот уже более 450 лет судьба башкирского народа связана с великим русским народом и Российским государством. История взаимоотношений двух народов на протяжении веков изобиловала различными событиями и не всегда была безоблачной. Однако военная служба башкир Российскому государству, героические подвиги сынов башкирского народа являются наиболее яркой страницей в его истории, заслуживают признания и уважения.

Примечания

1. Усманов А. Н. Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1982. С. 4.
2. История государства и права Башкортостана (в нормативных актах, документах и документах официального делопроизводства). Ч. I. Уфа, 1996. С. 16.
3. Соколов Д. Н. Опыт разбора одной башкирской летописи. Труды Оренбургской ученой архивной комиссии, 1898. Вып. IV. С. 142.
4. Труды Научного общества по изучению быта, истории и культуры башкир при Наркомпросе БАССР. Стерлитамак, 1922. Вып. 2. С. 22.
5. Мануильский Д. Народ-герой, народ-воин. Москва, 1944. С. 5.
6. Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 2. Уфа, 1959. С. 64–65.
7. Бабкин В. Н. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. М., 1962. С. 108.

Специфику южноуральского региона и социальной структуры в годы нэпа определял значительный удельный вес казачества. Традиционные подходы казаков к ведению своего хозяйства в этот период испытывали все проблемы экономического, социального и политического развития, что и крестьянство в целом.

Начало реализации новой экономической политики на землях бывшего Оренбургского казачьего войска в силу объективных и субъективных причин, по существу, пришлось на 1923 г., что можно отнести ко всему сельскому хозяйству. Резко сократилась численность казачьего населения. По отношению к довоенному уровню оно составляло 23,4% [1]. Особенно тяжелыми были потери в трудоспособном мужском населении. Эти изменения сказались на общем уровне сельскохозяйственного производства, когда резко снизилась урожайность, сократились посевные площади. Восстановление казачьих хозяйств, которые в годы Гражданской войны и голода пришли в упадок, шло гораздо медленнее крестьянских. Даже к концу нэпа удельный вес бедняцких казачьих дворов Оренбургской губернии был на 2,5–3% выше среднегубернских показателей.

Кроме объективных причин кризиса, неизбежно были задействованы и субъективные факторы, заметно усугублявшие ситуацию. Отдельные документы и материалы со всей очевидностью свидетельствуют о том, что голод на территории бывшего Оренбургского казачьего войска напрямую был инспирирован большевиками за участие казаков в Гражданской войне на стороне белых. Отчеты станичных исполкомов были полны просьб о немедленной помощи умирающим, но они оставались без ответа.

Голод 1921–1922 гг. одновременно явился мощным стимулом, способствовавшим пересмотру отношения казачества к ведению своего хозяйства. В немалой степени одной из причин экономического кризиса была экстенсивность казачьего землепользования, его неразвитость и отсталость. Возможность избежать новых неурожаев и их губительных последствий заключалась только в повышении товарной отдачи, а не в регулярной помощи со стороны государства.

Возрастало понимание необходимости перемен в ведении хозяйства, усиливался процесс вовлечения в рыночные структуры. Казаки начинали убеждаться в том, что необходим переход от экстенсивного способа ведения хозяйства к интенсивному, что нет смысла стремиться к увеличению посевной

площади без качественного улучшения земель. В условиях нэпа это стремление казачества ограничивалось экономической политикой советских органов. Власти оказывали помощь бедняцким хозяйствам, пытаясь таким образом снять с себя ответственность за постоянное финансирование убыточных дворов. Наряду с этим они ограничивали экономические возможности зажиточных слоев, чем сдерживали развитие ими же поощряемых товарно-денежных отношений и становление рыночных принципов ведения хозяйства.

Непоследовательная и довольно жесткая политика налогообложения, которая привела к сокращению посева у товарных групп, а также первые опыты создания коллективных хозяйств тормозили развитие рыночных отношений в станицах. Это объяснялось рядом причин. Уравнивание казаков в налоговом отношении со всем остальным населением повысило себестоимость сельхозпродукции казачьего двора. К тому же и раньше они не были в известной степени «домовитыми» хозяевами, поскольку военная служба постоянно отвлекала их от своего хозяйства [2].

Меры, направленные на возрождение экономики, были настороженно встречены в казачьей среде. Несмотря на то, что реформы объективно отвечали потребностям общественного развития, они были спущены сверху и в народном сознании понимались как выгодные в первую очередь властям. Несмотря на имевшиеся сдвиги в овладении новыми приемами обработки земли, в казачьих местностях по-прежнему преобладала экстенсивная форма производства, господствовала залежная система землепользования, что при сократившихся посевах на одно хозяйство значительно снижало доходность казачьего двора. В годы нэпа произошел процесс разложения старой казачьей общины, разрушения сложившихся внутриобщинных отношений. Под натиском рынка была ликвидирована формально соблюдаемая внутри казачьей общины уравниловка, что привело к ее дальнейшей социальной дифференциации. Наряду с процессами, тормозившими прогрессивное развитие экономики, стала разрушаться присущая общинному ведению хозяйства взаимопомощь, передача из поколения в поколение хозяйственного опыта и бытовых традиций. Процесс разрушения общины принял необратимый характер, и одним из показателей этого было изменение общинной психологии в казачьей среде – за изменением статуса и переменами в структуре ведения хозяйства произошло изменение образа мышления, возникли новые жизненные ориентиры [3].

Главнейшим недостатком общинной формы землепользования казачества являлось дальнееземелье, вызванное большими размерами наделов и компактностью поселений. Около 61% сельскохозяйственных объединений казачьего района имели земельные наделы на расстоянии свыше пяти верст от хозяйственного центра [4]. Огромные площади земли не использовались.

Дальнееземелье было серьезным препятствием для развития сельского хозяйства, являлось причиной большого количества залежных и бросовых земель, которые при другой системе землепользования могли быть вовлечены в производство и значительно увеличить валовую и товарную продукцию [5]. В большинстве случаев от этого страдали крупные казачьи поселки. В свою очередь множественность земельных полос не позволяла применять улучшенные приемы ведения хозяйства, вызывала огромные потери времени при переезде, увеличивала издержки производства, что повышало себестоимость продукции и снижало рентабельность хозяйства.

Следовательно, одной из главных задач землеустройства в казачьем районе являлась ликвидация дальнееземелья. Однако советская власть стимулировала разукрупнение поселений, заботясь в первую очередь о повышении отдачи с десятины пашни. Повсеместно появлялись выселки, куда переселялись казаки, разрывая нажитые поколениями общинные, соседские и родственные связи. Только по Челябинскому округу в 1925 г. образовалось 20 выселков с 9740 дес. земли [6]. Создавался специальный колонизационный фонд для образования новых поселков. В Челябинской губернии, например, Троицкому району предписывалось выделить 28000 дес. земли для образования 25 поселков, Магнитной станице – 89000 дес. для размещения на них 100 поселков [7].

Одним из заключительных ударов по общине стало распределение запасных войсковых земель среди приезжающих с западных и центральных районов страны переселенцев. Главной целью этого мероприятия было стремление земельных органов ввести в оборот заброшенные и пустующие земли в многоземельных лесостепных и степных районах, наиболее сильно пострадавших от голода и лишившихся многих тысяч земледельцев. Материалы местной комиссии по подготовке Пленума ЦК ВКП(б) 1925 г. свидетельствовали, что в условиях многоземельной Оренбургской губернии вопрос о наделении землей иногородних был решен уже в первые годы нэпа. В землепользовании уравнивались иногородние, проживающие на казачьих землях [8].

В связи с этим наблюдался процесс дальнейшего разбавления казачьего населения жителями крестьянских местностей. Например, в Орском уезде плотность казачьего населения в 1925 г. составляла 7,5 человека на 1 кв. км, а до революции – 11 человек [9]. В связи с начавшейся коллективизацией переселенческая программа не была реализована полностью и выполнена примерно на 25%.

Эти изменения в области земельных отношений усиливали противоречие между казачеством и крестьянством. Так, казаки понимали новые условия хозяйствования как игнорирование их экономических интересов. Крестьяне в свою очередь заявляли о своем неравноправном положении, считая, что казачество по-прежнему находится в привилегированных условиях.

Среди общего числа дел по земельным спорам, рассмотренных Оренбургской губернской комиссией за 1923–1925 гг., споры между крестьянским и казачьим населением составляли 34%, в волостных земельных комиссиях заявления доходили до 40% [10]. Противоречия возникали исключительно по инициативе крестьянского населения, которое стремилось закрепить за собой земли казачьих поселков. Казачество старалось открыто не выступать.

Ранее перечисленные изменения в агрокультуре казаков носили, безусловно, объективный характер, но больше принимали характер тенденции, чем массового вовлечения в новые для них формы ведения хозяйства. По казачьим районам бывшего Оренбургского казачьего войска в большей степени происходило «обеднячивание дворов», чем их «осереднячивание». По Оренбургской губернии в 1924 г. число хозяйств с посевом до трех дес. составляло 74%, а безлошадные или имевшие одну лошадь на хозяйство – 70,1% [11].

Местные советские органы управления видели причину увеличения маломощных, в основе своей потребляющих хозяйств в общине, сковывавшей предпринимательскую активность. Но сознательной борьбы с общиной они не проводили, поскольку отдельные стороны общинного ведения хозяйства их устраивали: взаимовыручка при сборе налога, общественные запашки. Можно заключить, что снижение материального благополучия казаков в период новой экономической политики принимало устойчивую тенденцию. В апреле 1925 г. Пленум ЦК РКП(б) принял резолюцию «О работе среди казачества». Постановление являлось широкой программой деятельности партийных организаций по подъему экономики казачьих хозяйств вплоть до проведения сплошной коллективизации сельского хозяйства. Пленум подчеркнул недопустимость игнорирования особенностей казачьего быта и существовавших традиций. Главной задачей этого периода становился поиск оптимального подхода к трудовому казачеству с целью его привлечения в советское строительство [12]. Считалось, что подход к казакам не должен отличаться от общей сельскохозяйственной политики. В постановлении 4-й Троицкой партийной конференции, проходившей в ноябре 1925 г., подчеркивалась необходимость учета исторически сложившейся культуры земледелия, обращалось внимание на культурный подъем казачества, на развитие кооперативного движения. Особенно отмечалась необходимость развития местных традиций и вовлечения казачества в советы. По решению Оренбургского губернского исполнительного комитета была создана специальная комиссия для изучения положения оренбургских казаков.

Однако основы общинного быта к тому времени были уже основательно подорваны. Разрешение употребления в прессе слов «казак» и «станица», что, видимо, должно было смягчить недоверие к советской власти, не нашло серьезной поддержки в войсковой среде. В то же время с их стороны

наблюдалось желание обособиться в отдельные территории, создать свое правление, отдельные военные казачьи части. Среди казачества, и в первую очередь зажиточных слоев, зародилась надежда на возврат «былых» привилегий и предоставление автономии.

Подобное положение, безусловно, не могло носить длительного характера, и бесплодность ожидания автономии заставила казачество ограничить ее до привилегии в разрешении надеть форменную фуражку, лампасы, восстановить терминологию «казак», «станица», «сотня». В свою очередь непоследовательная политика правительства, проводимая в казачьем вопросе, так же как и изменение общинной психологии, не могли не отразиться на дальнейшем экономическом развитии казачьих районов Южного Урала и их социальной дифференциации.

Новым явлением сельскохозяйственного производства стало широкое развитие подсобных промыслов, ранее обеспечивающих только внутренние потребности казаков. Среди основных можно выделить такие, как пуховязальный, мукомольный, крупяной, маслостойный, веревочный, кожаный, овчинный, портняжный, сапожный, валяльный, бондарный. По Оренбургскому уезду промыслами занимались 39% всех казачьих хозяйств и 30% крестьянских. Причем 32% казаков занимались пуховязальным делом, а из крестьянских лишь 17,4%. По Орскому уезду казаки, занимавшиеся промыслом, составляли 70%, из них пуховязальным – 60%, крестьяне – соответственно 30,4 и 8,0% [13].

Показателем рыночной ориентации казачьих хозяйств стало развитие в середине 20-х гг. садоводства, бахчеводства и огородничества. Причем не только для удовлетворения личных потребностей, но и с целью производства товарной продукции. Все это как нельзя лучше свидетельствовало о переменах в сознании и деятельности казаков-земледельцев, поиске новых путей увеличения доходности, разрушении общинной скованности и проявлении самостоятельности, овладении новыми приемами ведения сельского хозяйства.

Особенность общинного мышления, наряду с экономической дифференциацией казачества, определяла его политическое расслоение. После существенного ограничения самоуправления низовым звеном местной власти становятся сельсоветы. Новые органы, как и прежние, являлись выборными, но теперь право избирать и быть избранным распространялось на все трудовое население, включая бывших иногородних и женщин. Деятельность советов регламентировалась уже не войсковыми указами, а всеобъемлющими постановлениями советских органов, следивших за тем, чтобы не допустить укрепления казачества как потенциальной оппозиции. В информационном докладе Оренбургского уездного комитета за 1922 г. политическое состояние округа определялось как неблагонадеж-

ное. При этом одной из главных причин называлось влияние казачества. Действительно, у большинства казаков проводимая советской властью политика вызывала недоверие и разочарование.

Документы тех лет констатируют постоянное недовольство в казацкой среде, которое проявлялось и в открытых выступлениях, и в критике существующей власти. Оно имело под собой вполне объяснимые основания, потому что беспомощность и непоследовательность советских органов подпитывала эти настроения. Среди значительной части местных работников и даже отдельных организаций еще не был изжит взгляд на казачество как на контрреволюционную массу, без учета экономической и политической дифференциации. Местные органы управления на протяжении всего восстановительного периода продолжали видеть в нем силу, враждебную советской власти, и поэтому принимали ряд мер для того, чтобы экономический потенциал казацкой семьи восстанавливался медленнее крестьянской. Игнорировалось наличие бытовых, экономических и политических особенностей казаков.

Вместе с тем у казацкого хозяйства были довольно значительные возможности развития. Заметные изменения экономической жизни произошли под влиянием рыночных отношений. Однако построение нового общества не ограничивается только изменениями в экономической сфере – необходимо изменить общественное сознание, воспитать работника нового типа, соответствующего новым экономическим условиям.

Примечания

1. ОГАЧО. Ф. 380. Оп. 1. Д. 33. Л. 32.
2. Каминский Ф. А. Оренбургское казачество в первые годы Советской власти (1921–1926). Магнитогорск: Магнит. гос. музык. пед. ин-т им. М. И. Глинки, 1996. 102 с.
3. Каминский Ф. А. Разложение казацкой сельской общины на Южном Урале в условиях НЭПа // Наука-ВУЗ-Школа: тезисы докладов 31-й научной конференции. Магнитогорск: Магнит. гос. музык. пед. ин-т им. М. И. Глинки, 1993. С. 97.
4. ЦДНПО. Ф. 4, Оп. 1. Д. 193. Л. 24.
5. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 30. Д. 151. Л. 26.
6. ОГАЧО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 224. Л. 111.
7. Там же. Ф. 423. Оп. 1. Д. 68. Л. 69.
8. Футорянский, Л. И. Казачество России в огне гражданской войны (1918–1920 гг.). Оренбург: ГОУ ОГУ, 2003. 424.
9. ЦДНПО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1048. Л. 37.
10. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 18. Л. 91.; Кернацковский В. Д. Деятельность государственных и партийных организаций Оренбуржья по подготовке и проведению сплошной коллективизации сельского хозяйства в казацких районах. 1925–1930 // Труды Московского государственного историко-архивного института / под ред. А. В. Чернова. Т. 20. М.: Моск. гос. историко-архив. институт, 1965. С. 32.

11. Статистический сборник по Оренбургской губернии. 1923 г. / Оренбургское губернское статистическое бюро. Оренбург, 1923. С. 66.; Статистический сборник по Оренбургской губернии за 1924 г. / Оренбургское губернское статистическое бюро. Оренбург, 1925. С. 4.

12. Футорянский Л. И., Лабузов В. А. Из истории Оренбургского края в период восстановления (1921–1927 гг.). Оренбург: КЦ «RISO», 1998. 67 с.

13. ЦДНПО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 193. Л. 28.

*И. Ю. Филимонова,
г. Оренбург*

ИСТОРИКО-ЭТНОГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КАЗАКОВ ОРЕНБУРГСКОГО РЕГИОНА

На страже территории Оренбургской губернии стояли два казацких войска: Яицкое (Уральское) и Оренбургское.

Оренбургское казацкое войско было создано, в отличие от Яицкого, правительством искусственно и в более позднее время – в 1755 г. [1]. Военная служба казаков обходилась казне значительно дешевле, чем содержание регулярной армии. Начало Оренбургскому казацкому войску положили самарские и уфимские казаки [2].

Яицкое возникло в XVI в. из состава беглых людей. В 1586 г. несколько сот казаков пришли на р. Яик. Здесь против р. Илек они построили город (Илецкий городок).

Городок нанесли на карту Русского государства конца XVI в. – на «Большой Чертеж». Сама карта не сохранилась, но в описании ее («Книга Большому Чертежу») говорится: «...пала в Яик, с левые стороны Яика, Илез река ...А на усть тое реки остров Кош-Яик. А промеж тем протоком и реки Яик, на острову Казачий городок».

Число казаков быстро росло за счет новых беглых крестьян и казаков. С 1591 г. их стали называть яицкими казаками. В начале XVII в. они обосновались на месте современного Уральска. Возникшее здесь новое поселение стали именовать Яицким казацким городком, который вскоре стал центром казацкого войска.

Однако, по некоторым данным, первые казаки появились на Яике еще в X–XI вв., т. е. за 300 лет до нашествия Тамерлана: «... первых яицких казаков на Яик-реку приход и население было в самые те времена, когда Тамерлан разные области разорял» [3]. Существуют разные версии происхождения и этногенеза казачества. Есть точка зрения, согласно которой они ведут свое начало от русов – потомков скандинавов, продвинувшихся далеко на юг России. Поселения русов, славян и угров входили в состав Белой

Орды – части Золотой Орды. Предки современных казаков несли службу хану. О русах упоминает в своих заметках еще Г. Рубрук (1252 г.), который описывает их как разбойников. П. И. Рычков также пишет, что казаки нападали на персидские торговые суда.

П. И. Рычков, используя самые разнообразные источники, описывает историю яицких казаков [4], которую потом взял за основу А. С. Пушкин в известном произведении [5].

Сами казаки всегда считали себя отдельным народом и не признавали себя беглыми крестьянами. Бывших беглых часто легко было определить по говорящим фамилиям – Саратовцевы, Астраханкины, Самарцевы, Рязанцевы, Тамбовцевы и т.д. [6]. В любом случае казаки – это уникальная этнокультурная группа. Большинство источников указывают на их конгломеративное происхождение. В качестве основы признаются донские казаки, расселившиеся на больших территориях и давшие начало культуре разных групп казачества, в том числе и яицкого. По другой версии, яицкое казачество получило свое начало от волжских казаков [2, 7]. С 1740 г. земли яицких казаков находились в составе Оренбургской губернии, а в 1868 г. они стали европейской частью новоучрежденной Уральской области. В 1908 г. к Яицкому войску были присоединены илецкие казаки.

Для казаков было характерно равенство прав; атаманы и старшины избирались народом; проводились круги или совещания, где каждый имел свободный голос и где общественные дела решались большинством голосов; не принималось никаких письменных постановлений; черты управления в основном пришли с Дона. Кроме того, использовались и местные законы, относящиеся к рыболовству, главному источнику их богатства, и к праву принимать на службу требуемое число казаков [5].

Этнографы отмечают синтез в яицкой казачьей этнокультурной системе элементов северорусских и южнорусских черт. Например, типичными для севера войсковой территории жилищами являются деревянные дома с двухскатными, реже четырехскатными крышами, напоминающие северорусские жилища. Зажиточные казачьи постройки имеют подклеть, подобно северорусским. Яицкие казаки, проживавшие в южных районах, строили жилища из самана с плоскими, обмазанными глиной крышами, которые были распространены на юге России [8].

П. С. Паллас писал, что яицкие казаки добронравный и чистоту наблюдавший народ, велик и силен ростом, да и среди женщин немного находится малорослых, с малых лет привыкают ко всяким трудным упражнениям и, употребляя огнестрельное оружие и копье, искусно стреляют из луков [9]. И. Г. Георги, наблюдая жизнь яицких казаков, заметил, что казаки здоровые, бодрые, сильные люди, решительны, смелы и необузданны.

Для казаков характерен особый жизненный уклад: своеобразие быта (военизированный быт), общинный характер казачьего самоуправления, наличие в каждой станице станичного сбора, станичного правления и атамана. Сразу после рождения казака сажали на коня и проводили по кругу во дворе. С семи лет казак обязан присутствовать на круге, но до совершеннолетия он не имел право голоса. Символом полноты прав казака была шашка, которая вручалась казаку стариками в 17 лет (за особые заслуги – раньше). Серьги у мужчин означали его роль и место в роду. Единственный сын у матери носил серьгу в левом ухе. Последний в роду, где нет кроме него наследников по мужской линии, – серьгу в правом ухе. Две серьги – единственный ребенок у родителей. Командир при равнении налево и направо видел, кого следует беречь в бою [10].

Когда в мирное время умирал последний казак в роду, его шашку ломали и клали с ним в гроб (обычно шашки казаки передавали от дедов и отцов сыновьям и внукам). В мирное время за гробом умершего казака до самого кладбища вели коня – его боевого друга.

Яицкие казаки – старoverы. Они ревностно относились к сохранению заведенных порядков как на службе в войске, так и в соблюдении обрядово-культурных традиций, а также в быту. Все попытки нововведения патриарха Никона окончились безрезультатно.

Во время никоновских реформ Яицкое войско имело полную автономию, было сильно удалено от Москвы, вследствие чего сохранило веру и обряды неизменными, такими, как они были во время появлений предков на берегу Яика.

П. С. Паллас – ученый и путешественник, посетивший Яик в 1769 г., заметил, что в церковь «казаки ходят редко, потому что они старообрядцы, по большей части молятся дома» [9].

Изолированное от бурных церковных перемен войско считало за грех отступление от унаследованной веры и обрядов. Большинство бунтов и мятежей (XVIII–XIX вв.) были в большинстве своем связаны с посягательствами правительства на духовную жизнь яицких казаков.

Как и все старoverы, казаки боялись составления каких-либо реестров, личных документов, требований ношения униформы. Одним из примеров может служить так называемый «Кочкин пир» (волнения, связанные с введением формы для войска в 1803 г.). Оренбургским генерал-губернатором Г. С. Волконским, получившим известие о том, что казаки отказываются одевать одежду с «антихристовыми знаками», был выслан батальон под командованием Г. Кочкина. Последовало жестокое наказание: казаков пороли на снегу за городом. Они сбрасывали с себя одежду и голые валились на мерзлую землю: «Хоть умереть на груди родной земли в своем человечьем обличьи!»

Старания правительства ввести новые обряды в порядок богослужения в яицких церквях казаки восприняли как покушение на их «казачью вольность», что вызвало среди них отказы от выполнения служебных обязанностей по выполнению «государевой» службы.

Живя на окраине, почти совершенно независимо от центральной власти, уральцы не оставались безучастными в политической жизни.

После завершения Крестьянской войны (1773–1775 гг.) Яицкое войско было официально переименовано в Уральское казачье войско. В отличие от других казачьих войск, в Уральском не был выделен войсковой запас (т.е. запасной земельный фонд), а войсковой капитал был общим без выделения станичных капиталов. Уральское казачье войско имело удлинённый срок службы (с 19 лет до 41 г.). Участвовало почти во всех войнах, которые вела Россия.

Весь быт казаков сопровождался песнями, особенности казачьего пения не находят сходства в пении ни у одного народа, и до сих пор не установлено истоков его происхождения. Ни в одном казачьем войске России не наблюдалось такого резкого отличия от русской разговорной речи, как в территориальном диалекте уральских казаков. Это объясняется полинациональным составом и уникальностью быта казаков на Урале. Диалект уральских казаков отличает от русского литературного произношения: яканье («бязжит»), ыканье («бурычка»), цоканье, свойственное главным образом женщинам («цяво»), форма глаголов мужского рода единственного числа прошедшего времени («выезжаил», «собираил») [11].

Большинство казаков проживали и проживают сейчас в сельской местности. Уральские казаки, пожалуй, в наибольшей степени из всех казачьих войск вплоть до начала XX века сохраняли традиции, «старинные» порядки и быт. Основными занятиями уральских казаков были земледелие (огородничество, бахчеводство), рыболовство, добыча соли, охота [3, 12, 13]. Казачью общину называли «полувоенной-полурывачьей». Это связано с тем, что уральцам принадлежало исключительное право ловли рыбы на Урале и Узелях, а также в Каспийском море близ устья Урала. П. С. Паллас писал: «Казакам ничто так не нужно, как самая река, с рыбными ловлями, которой они и владеют совершенно». Казаки поставили выше города Уральска специальное заграждение – «учуг» – для того, чтобы красная рыба, идущая с низовья реки, не проходила дальше [14]. Община уральских казаков в соответствии с детально разработанными правилами регулировала доступ к природным ресурсам и различные сельскохозяйственные операции. Сенокос, например, начинался во всем войске одновременно [15]. Особенно тщательно регулировался рыбный промысел. Община регулировала не только пользование землей, сенокосные угодья, но и даже сбор ягод [16].

Земледельческие станицы располагались в северных частях края. Население южной половины казачьей земли занималось, главным образом,

рыболовством, коневодством и скотоводством. На каждое хозяйство перед революцией 1917 г. в среднем приходилось: лошадей или верблюдов – 6, крупного рогатого скота – 7, мелкого – 22.

Воинская повинность, отмечал Семенов-Тянь-Шанский, один из главных факторов, тормозящих «культурное развитие казачьего населения» [16].

Отношения казаков Уральского войска с казахским населением складывались противоречиво. С одной стороны, между этими группами существовали интенсивные торгово-обменные контакты. Вплоть до начала XX в. существовал институт куначества: дружеские, близкие, взаимовыгодные отношения между двумя – казацкой и казахской – семьями. Уральские казаки оказывали большое влияние на хозяйство и быт казахов, заимствуя в свою очередь ряд хозяйственных навыков у казахского населения. С другой стороны, нередкими были конфликты из-за земельных угодий, захват казаками казахских пастбищ, лошадей. Казахи отвечали на это периодическими восстаниями, нападениями на казацкие поселения.

Специфика этнокультурного облика уральского казачества определяется, по мнению этнографов, участием в его формировании соседних кочевых этносов и его этнической неоднородностью. Некоторые исследователи полагают, что в антропологическом типе уральских казаков заметны как русские, так и тюркские черты, являющиеся следствием смешанных браков на раннем этапе формирования уральской казачьей общины [16, 17, 18]. Преобладание северорусских и среднерусских элементов заметно в женской одежде (сарафан и рубаха). К числу тюркских форм относят халат в качестве верхней мужской одежды, мужские шапки в «тюркском стиле» и др. Заимствования обнаруживаются в пище и говоре казаков (отмечается не только наличие тюркоязычных слов, но и владение казахским языком) [17, 18]: «с малых лет большинство казаков...говорят свободно по киргизски и даже употребляют его в обиходной речи» [19].

Служба уральских и оренбургских казаков богата боевыми событиями.

Начиная с 1740 г. они несли тяжелую службу, имея постоянные столкновения с соседними азиатскими степняками и участвуя в подавлении частных волнений мешеряков, тептярей, бобылей, башкир и калмыков. В 1748 г. часть казачьего войска с генерал-майором А. И. Тевкелевым участвовала в экспедиции, командированной в глубь степей для приведения киргиз-кайсаков в подданство России. В 1755 г. большая часть оренбургских казаков действовала при усмирении вспыхнувшего мятежа башкир. В 1761 и 1763 гг. казаки командированы были в степь против мятежных киргиз, где почти ежедневно имели с ними стычки. В 1771 г. они преследовали по степи волжских калмыков, бежавших из Приволжского края в пределы Китайской империи. В 1773 и 1774 гг. сильно пострадали оренбургские казаки, оставшиеся верными правительству, во время Пугачевского

бунта. В 1790 г. оренбургские казаки участвовали в Шведской войне. В 1807 г. казаки участвовали в войне с французами, в 1809 г. – в войне с турками. В 1812–1814 гг. казаки участвовали в Отечественной войне с французами. В 1820–1873 гг. оренбургские казаки участвовали в походах в Бухару и киргизские степи на северо-восточном берегу Каспийского моря. В 1829 г. они участвовали в боях с турками. В 1830 г. казаки участвовали в польской кампании; в 1849–1850 гг. – в походах венгерской кампании. В 1839–1840 гг. Оренбургское войско участвовало в экспедиции Перовского в Хиву. В 1853 г. они участвовали при осаде и взятии крепости Ак-Мечеть. С 1864 г. казаки участвовали в различных делах с кочевниками в степных местностях и Бухарских пределах. В 1875 г. казаки участвовали в Кокандском походе и отличились при взятии Андижана.

Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. казачьи полки отличились под Карсом. В 1885 г. казаки участвовали в сражении с афганцами на Кушке. В 1904–1905 гг. казачьи полки участвовали в войне с Японией. В Первой мировой войне участвовало свыше 27000 человек из Оренбургского войска [19].

После Гражданской войны казачество упразднено и подвергается гонениям.

Возрождение Оренбургского казачьего войска состоялось в 1990 г., когда в войсковой столице прошел первый круг потомков оренбургских казаков.

Примечания

1. Энциклопедический словарь. Т. 26. Репринтное воспроизведение издания Ф. А. Брокгауз – И. А. Ефрон. 1890 г. Ярославль: Изд. центр «Терра», 1991. 181–962 с.
2. Пистоленко В. Из прошлого Оренбургского края. Чкалов: Издательство «Чкаловская комунна», 1939. 152 с.
3. Аникин С. Рыцари речного войска. [Сайт Уральского казачества]. Режим доступа: <http://ural-cossacks.chat.ru/page7.htm>.
4. Рычков П. И. История Оренбургская (1730–1750). Оренбург, 1896.
5. Пушкин А. С. История Пугачевского бунта // Полное собрание сочинений А. С. Пушкина. Проза. Т. II. Петроград. Издание Акционерного Общества Издательского Дела «Копейка», 1914. С. 313–369
6. Уральские казаки. [Материал из Википедии – свободной энциклопедии]. Режим доступа: <http://traditio.ru/wiki>
7. Мы – оренбуржцы: историко-этнографические очерки / под общ. ред. В. В. Амелина. Оренбург: ОАО «ИПК «Южный Урал», 2007. 288 с.
8. Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, забав, вероисповеданий. СПб., 1799.
9. Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. I. СПб., Вторым тиснением СПб Императорской академии наук, 1809.- 657 с.

10. Казачьи символы и знаки. Режим доступа: <http://kazak-mo.ru/istoriya/istoriya-kazachestva.html>.

11. Уральское казачество. – Режим доступа: <http://www.rustrana.ru>.

12. Этнокультурная мозаика Оренбуржья (научные статьи, очерки, статистика) / под ред. В. В. Амелина. Издание второе, дополненное. – Оренбург: Печатный Дом «ДИМУР», 2003. 228 с.

13. Александренков Э. Г., Заседателева Л. Б., Зверева Ю. И. и др. Этнология М.: Наука, 1994. 383 с.

14. По родному краю (Краеведческие очерки) / ред. И. М. Старостенко, А. Я. Борисов, Чкалов: Чкаловское книжное издательство, 1954. 123 с.

15. Железнов И. И. Уральцы. Очерки быта уральских казаков. Т. 1–3. И. И. Железнов. СПб., 1888.

16. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга / под ред. В. П. Семенова-Тян-Шанского и под общ. руководством П. П. Семенова-Тян-Шанского и В. И. Ламанского. Т. 18. Киргизский край. Санкт-Петербург: Издание А. Ф. Девриена, 1903. С. 177, С. 186

17. История казачества Азиатской России. Т. 1. Екатеринбург, 1995.

18. Фролова А. В. Уральское казачество: краткий историко-этнографический очерк // Этнографическое обозрение. 1995. №5. С. 39–47

19. Оренбургское казачье войско. Режим доступа: <http://kazak-mo.ru/istoriya/istoriya-kazachestva.html>

*В. П. Овсейко,
г. Оренбург*

ОПЫТ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ И ПАТРИОТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРЕНБУРГСКОЙ ЕПАРХИИ В ВОЙНАХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Сегодня невозможно представить себе российскую историю и действительность вне деятельности Русской православной церкви, которая оказала значительное влияние на становление национальной государственности и национальной культуры России. Церковь всегда разделяла с народом удачи и беды, победы и поражения. В такие годы благотворительное и патриотическое служение становилось одними из важнейших направлений в деятельности священнослужителей.

Во второй половине XIX – начале XX вв. Русская православная церковь оказывала посильную помощь в русско-турецкой, русско-японской, Первой мировой войнах, некоторых походах и многочисленных сборах на нужды модернизации армии.

Следует также сказать, что не все военные походы правительства поддерживал народ. Как правило, война не пользуется популярностью у народа,

за исключением войн освободительных. Русско-турецкая война еще до ее начала обрела в глазах простых граждан ореол «освободительной» [1]. В защиту славян горой вставала тогда вся Россия. Чего нельзя сказать о войнах начала XX в.: русско-японская и Первая мировая войны были захватническими с обеих сторон [2]. Таким образом, если на первом этапе было некое желание защитить родину, то в дальнейшем эволюция взглядов развивалась до прямого отрицания целесообразности самого вступления в войну. В такое время церкви приходилось использовать в проповедях все доступные средства пропаганды. В частности, в годы Первой мировой войны особая роль отводилась беседам священников с прихожанами. Огромное внимание епархиальные преосвященные обращали на то, как заповеди Божии реализуются в повседневной жизни прихожан. Так, в отчете священника Гавриила Троицкого указывается, что за период с сентября 1915 г. по апрель 1916 г. было проведено 43 чтения, которые посетило 6 172 человека. Слушателям было предложено 160 тем, из которых 70 – богословского и церковно-исторического характера, 8 – по русской истории, 42 – о войне, 9 – по вопросам борьбы с алкоголизмом и 31 – на бытовые темы [3]. Много внимания православная церковь уделяла и разъяснительной работе среди населения. Была активизирована бурная издательская деятельность церкви. На фронт сотнями отправлялись Евангелие и молитвословы, ими были заполнены лазареты и госпитали [4].

Как бы тяжело ни было православным христианам в годы военного лихолетья, они посылно откликались на призывы своих пастырей. Так, в 1877–1878 гг. было собрано на нужды армии 5 133,41 руб [5]. Часть из этих средств были отосланы: Сербскому митрополиту Михаилу – 1200 руб.; обществу попечения о раненых и больных воинах – 1000 руб.; Славянскому благотворительному комитету – 1100 руб.; в пользу черногорцев, через названный комитет – 1000 руб.; выдано в пособие русским добровольцам в Сербии – 669 руб.; на пересылку по почте денег и тюков с медикаментами – 14,1 руб. [6].

Откликнулись прихожане на просьбу нуждающимся и в годы русско-японской войны. Оренбургская духовная консистория передала в пользу армии 6408,78 руб [7]. Также были материальные пожертвования: рубахи, шаровары, фуражки, куртки, чулки, валенки, шарфы, башлыки, пояса, полотенца, одеяла, подушки, простыни, наволочки, скатерти, платки, холст, табак, сухари, сахар, хлеб, сало, мыло, спички и др. Всего на сумму 8526,67 руб. (с января 1904 по февраль 1905 гг.) [8].

Такая же ситуация существовала в период Первой мировой войны. Например, только за май – август 1915 г. на нужды армии было отправлено 22263,94 руб. [9]. Кроме этого за апрель – июнь того же г. в армию было выслано: рубашек – 345 шт., кальсон – 348 шт., кисетов – 174 шт.,

чулок – 19 пар, платков – 14 шт., полотенец – 49 шт., ниток – 30 мотков, холста – 566 аршин, сала – 15 пудов, сухарей – 911 пудов, варежек – 65 пар, чаю – 692 фунта, сапог – 10 пар, бязи – 500 аршин, табаку – 2 пуда, сахару – 2 пуда, пшеницы – 108 пудов. Всего на сумму – 5113,23 руб. [10].

Фактов материальной поддержки церкви действующей армии намного больше, чем может отразиться в рамках данной статьи. Однако указанные цифры говорят о сопереживании тыла, о готовности пожертвовать немногим, что было у простого народа. Конечно, как уже отмечалось выше, пыл патриотизма остывал как в русско-японскую, так и в Первую мировую войны. В частности, из газеты «Оренбургские епархиальные ведомости» к марту 1916 г. пропадают сводные таблицы о пожертвованиях в пользу армии.

Тем не менее, это была не единственная сфера помощи армии. В начале любых из перечисленных войн давались особые распоряжения от Святейшего Синода монастырям, общинам и всем духовным учреждениям «приготовить все свободные помещения под госпитали для раненых и больных воинов, подготовиться к содействию в работе этих госпиталей, подготовить способных для ухода за больными лиц для работы во вновь открываемых госпиталях» [11]. Так, в 1904–1905 гг. в лазаретах епархии были размещены на полном содержании 198 раненых воинов, а 119 детей офицеров, погибших в войну с Японией, рассредоточили в монастырских приютах [12]. Епархиальное духовенство активно сотрудничало с комитетом Красного креста.

Во время войн по всей России создавались благотворительные общества и братства, которые поддерживались местными епархиальными властями. Так, в период Первой мировой войны для оказания помощи семьям погибших учителей церковно-приходских школ в столице было учреждено Всероссийское Филаретовское общество народного образования, под патронажем императрицы Александры Федоровны, для выдачи пособий и беспроцентных ссуд семьям пострадавших. В соответствии с письмом обер-прокурора Синода на имя Преосвященного Мефодия, епископа Оренбургского и Тургайского от 29 ноября 1914 г. за №12250 «О выдаче пособий и беспроцентных ссуд семьям погибших на войне учителей училищ всех ведомств», Филаретовское общество оказывало помощь семьям учителей и законоучителей церковно-приходских школ, погибших или умерших от ран, ставших инвалидами [13]. Осуществляло оно свои функции и на территории Оренбургской епархии.

Во всех войнах вставала проблема с беженцами. Особенно остро вопрос встал в годы Первой мировой войны. Летом 1915 г. в Оренбургской епархии беженцев-мирян разместили в двух монастырских домах и в четырех зданиях церковных школ города Оренбурга. При двух монастырях (Илецком женском и Месяриковском мужском) открылись приюты для беженцев [14]. Когда количество беженцев достигло немислимых масштабов,

для них в доме Оренбургского Иоасафовского сестричного братства стали готовить особые обеды и развозить их по городу. В бараках для беженцев послушницы ежедневно раздавали до 40 ведер молока [15]. Специально для беженцев открыли новую походную церковь.

Церковь поддерживала русское войско не только в тылу, но и на передовой. Полковые священники пользовались большим авторитетом и уважением. Именно на их плечи возлагалось нелегкое бремя заботы о раненых, утешение страждущих, нередко личным примером они поднимали солдат в атаку. Именно священники совершали и самую горестную обязанность – отпевали и хоронили погибших.

Узнав о начале Первой мировой войны, огромное количество священников заявило о своем желании отправиться в действующую армию. Всего же в армию и флот войсковыми священниками в 1914–1917 гг. были зачислены свыше 5 тысяч человек, тогда как накануне войны их число составляло не более 700 [16]. Наряду с простыми священнослужителями на фронт добровольцами отправлялись и представители высшего епархиального начальства. Многие воспитанники духовно-учебных заведений записались добровольцами на фронт или поступили в военно-учебные заведения. В ходе войны более 100 священников были награждены наперсными крестами на георгиевской ленте, а 14 – офицерским орденом Святого Георгия Победоносца четвертой степени. Также в эту войну попало в плен около 100 священников, более 30 священников было убито, свыше 400 ранено и контужено [17].

Помимо вышеназванного, свою лепту в оснащение боеспособности армии внесла местная церковь в ходе сборов пожертвований на нужды морского и воздушного флотов. В свое время успешные действия российской армии на Балканах в 1877–1878 гг. привели к внешнеполитическим осложнениям в отношениях России и Англии до такой степени, что не исключалось начало военных действий британского военно-морского флота против российских судов [18]. Поскольку казна России была истощена, было решено привлечь необходимые средства для строительства новых кораблей за счет пожертвований населения империи. Сбор производили различные благотворительные организации, также в этом мероприятии приняла участие Русская православная церковь. Так, за май – июнь 1878 г. было собрано 2038,53 руб. [19]. Вообще же по России к 20 сентября 1878 г. удалось собрать более 3 млн руб. Уже через 10 месяцев закупили 10 пароходо-крейсеров [20]. Сначала они были введены в состав Черноморского военно-морского флота и обеспечили успешную перевозку российских войск из Турции, а затем они выполняли торговые и транспортные функции.

Ситуация повторяется в 1904 г., когда общество узнало о постигшем флот несчастье под Порт-Артуром. Со всех концов империи начали стекаться пожертвования на его восстановление. Особый комитет по уси-

лению военного флота на добровольные пожертвования к 1910 г. собрал свыше 17 млн 100 тыс. руб., на которые было построено 19 крейсеров и 4 подводные лодки [21]. В 1910 г. Великий князь Александр предложил проект о создании Военного воздушного флота России, который был одобрен общественностью и подписан Николаем II. К тому моменту на счетах Особого комитета было около 900 тыс. руб., но и этой суммы было недостаточно для обучения за границей авиаторов и авиамехаников [22]. Уже 8 апреля 1910 г. Святейший Синод рассмотрел обращение Великого князя Александра Михайловича по вопросу поддержки дальнейшего сбора средств на создание Воздушного флота России и получил благословение. В церквях и соборах Оренбургской епархии были произведены кружечный и тарелочный сборы, собрано – 1253,40 руб. [23].

Таким образом, в годы войн Русская православная церковь осталась верной своей традиции и внесла существенную лепту в победу. Невзирая на сложные условия, священнослужители с честью выполнили свой долг как в тылу, так и на фронте. Церковь в кратчайшие сроки отвечала на призывы императора, синода и правительства о помощи раненым, членам семей воинов, отправившихся на войну.

Деятельности православной церкви были присущи: широкая пропагандистская кампания, четкое взаимодействие приходского и военного духовенства, общая жизнь тыла и фронта, высокая патриотическая активность в среде православного клира. Также в этой деятельности выделяется четыре направления: военно-патриотическое, воспитательно-просветительское, миссионерское, милосердно-благотворительное. С особыми формами служения: забота о раненых и больных воинах, выражавшаяся в сборе пожертвований и организации госпиталей и лазаретов, а также помощь семьям лиц, призванных на войну, выражавшаяся, прежде всего, в материальной и духовной поддержке, в организации приютов для детей, помощь беженцам и забота о военнопленных, участие в войнах военного духовенства, а также характерные и в мирное время для церкви – проповеди, молебны и пр.

Все это свидетельствует о плодотворной работе православной церкви в условиях военного времени.

Примечания

1. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. /под ред. И.И. Ростунова. М.: Воениздат, 1977. С. 59.
2. Шишов А. В. Россия и Япония. История военных конфликтов. М.: Вече, 2001. С. 47–48; Горожанина М. Ю. Деятельность православной церкви в годы Первой мировой войны // Доклады Академии военных наук. 2006. №5 (23). С. 259.
3. Оренбургские епархиальные ведомости. 1916. №45/46. С. 473.
4. Нечаев М. Г. Патриотическая и благотворительная деятельность Русской православной церкви в годы Первой мировой войны на Урале // Урал в прошлом

и настоящем: материалы научной конференции. Часть 1. Екатеринбург: ИИА УрО РАН; УрГИ, 1998. С. 302.

5. Оренбургские епархиальные ведомости. 1878. №11. С. 354.
 6. ГАОО. Ф. 173. Оп. 2 Д. 3623. Л. 24–27.
 7. Оренбургские епархиальные ведомости. 1905. №2. С. 134.
 8. Оренбургские епархиальные ведомости. 1905. №5. С. 283.
 9. Оренбургские епархиальные ведомости. 1915. №39/40. С. 499–500.
 10. Оренбургские епархиальные ведомости. 1915. №41/42. С. 533.
 11. Церковные Ведомости. 1904. №3. С. 124–125; ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 6474.
- Л. 5.
12. Оренбургские епархиальные ведомости. 1905. №7. С. 311–312..
 13. ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 6479. Л. 2–4.
 14. Оренбургские епархиальные ведомости. 1916. №7/8. С. 163.
 15. Оренбургские епархиальные ведомости. 1916. №7/8. С. 165.
 16. Церковные Ведомости. 1914. №38. С. 145.
 17. Щеглов Г. Э. Деятельность православной церкви в Первую мировую войну // Ступени. 2005. №1. С. 23.
 18. Дукельский В. Добровольный Народный Флот // Московский журнал. 2006. №8. С. 41.
 19. ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 110/1. Л. 36.
 20. Дукельский В. Добровольный Народный Флот // Московский журнал. 2006. №8. С. 42.
 21. Грибанов С. В. Пилоты Его Величества. М.: Центрполиграф, 2007. С. 27–28.
 22. Соловьев А. Воздушному флоту России – 100 лет // Родная газета. 2010. №3(276). С. 16–17.
 23. ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 9785. Л. 9–10.

*Е. В. Максименко,
г. Оренбург*

К ВОПРОСУ ОБ ОТМЕНЕ КАРТОЧНОЙ СИСТЕМЫ В ЧКАЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ И ПЕРЕХОДЕ К СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛЕ

22 июня 1941 г. началась Великая Отечественная война. Из-за тяжелых материальных потерь резко ухудшилось экономическое положение в стране. Поэтому вновь, как и во время Первой мировой и Гражданской войны, было введено нормированное снабжение городского населения продуктами и товарами первой необходимости.

Постановлением СНК СССР от 18 июля 1941 г. о введении карточной системы снабжения населения в Москве и Ленинграде, а также в их пригородах и отдельных городах Московской и Ленинградской областей было положено начало оформления системы нормированного распределения продуктов

для гражданского населения СССР. Переход к карточной системе снабжения населения был осуществлен в основном с июля по октябрь 1941 г. [1]. Так, в Чкаловской области уже с октября 1941 г. были установлены нормы продажи по карточкам хлеба, а с 1 ноября – мяса, рыбы, крупы и жиров [2].

Карточная система вводилась строго регламентированной и централизованной. В ее основу были положены принципы максимально экономного использования продовольственных ресурсов и строгий учет их расходования. Нормы снабжения зависели от характера выполняемой работы, возраста и др. Все городское население страны подразделялось по нормам снабжения на четыре группы: 1) рабочие и приравненные к ним лица (ИТР промышленных предприятий, работники связи и транспорта, науки, искусства, медицины, доноры, учителя); 2) служащие и приравненные к ним; 3) иждивенцы и приравненные к ним; 4) дети до 12 лет. В зависимости от группы устанавливались разные нормы получения продуктов питания по карточкам: для гражданского населения они колебались от 400 до 800 г хлеба в день, от 400 до 2200 г мяса в месяц, от 200 до 600 г жиров, от 200 до 500 г сахара [3].

Карточная система распределения способствовала созданию дорогостоящей структуры учреждений, которые занимались изготовлением, транспортировкой, хранением, выдачей продовольственных карточек, талонов и стандартных справок, а также контролем над обеспечением карточного снабжения. Карточки населению выдавались уполномоченными по месту работы, в уличных комитетах или домоуправлениях. Для проверки учета, хранения и выдачи карточек, а также проверки населения, которое было поставлено на карточное обеспечение, создавались областные, городские, районные контрольно-учетные бюро (КУБ) в соответствии с приказом Наркомторга СССР от 20 июля 1942 г. Аппарат карточных и контрольно-учетных бюро насчитывал 26 тыс. чел.

В Чкаловской области на основании решения облсовета от 1 сентября 1942 г. были организованы областное КУБ со штатом 6 человек, городское бюро в г. Чкалов со штатом 10 человек и 3 районных бюро соответственно райсоветам со штатом 21 человек в каждом и в городе Орске городское бюро со штатом 19 человек. С 15 октября было создано городское контрольно-учетное бюро в городе Медногорске, в ноябре – в Бузулуке, Бугуруслане, Абдулино и Соль-Илецке [4].

Постепенно вводилось нормированное снабжение и непродовольственными товарами. С 1 января 1942 г. была начата продажа по карточкам тканей, обуви, одежды, головных уборов, белья, трикотажа, чулок-носок, мыла, некоторых предметов хозяйственного обихода и других изделий. Карточки на промышленные товары выдавались на основании общей стандартной справки, печатавшейся вместе с продовольственными карточками.

Постановлением СНК СССР от 18 октября 1942 г. «О порядке снабжения продовольственными и промышленными товарами рабочих промышленных предприятий» вводился льготный порядок снабжения рабочих, выполнявших и перевыполнявших нормы выработки. Им предоставлялась возможность в первую очередь покупать по карточкам промышленные и некоторые продовольственные товары [5]. Дополнительно с весны 1942 г. сверх установленных норм отпускались картофель, овощи, другие продукты, а также дополнительное горячее питание из ресурсов подсобных хозяйств для рабочих, выполнявших и перевыполнявших нормы выработки в важнейших отраслях индустрии, строительства и транспорта. Дополнительные виды продовольственного снабжения являлись не только целью поощрения и стимуляции производительности труда, но и являлись обеспечением поддержки лиц, которые по разным причинам нуждались в усиленном питании.

Уже через два с половиной года после окончания Великой Отечественной войны, в декабре 1947 г., в СССР была осуществлена денежная реформа, отменены карточки на продовольственные и промышленные товары, введены единые сниженные государственные розничные цены на товары массового потребления. В Чкаловской области отмена карточной системы и переход к свободной торговле произошел в после выхода постановления Совета Министров СССР, Центрального Комитета ВКП(б) от 14 декабря 1947 [6]. В результате данного постановления партийные активы г. Чкалова, Орска, Медногорска, Бузулука начали организованный переход от распределения товаров к развернутой советской торговле по новым государственным ценам. К моменту отмены карточной системы и переходу к развернутой торговле Чкаловской области открыто – 3215 магазинов, ларьков, палаток, а также 429 – столовых, чайных, буфетов. Из них 1805 магазинов, палаток и 88 столовых, чайных было открыто потребительскими кооперациями [7]. В г. Чкалове в период подготовки к свободной торговле было открыто 27 новых магазинов, всего стало 277 магазинов, из них хлебных и продовольственных – 238. В целях обеспечения кадрами дополнительно открывающиеся торговые сети в области, в соответствии с приказом Министерства торгового Союза ССР, проводится переподготовка работников торговли и общественного питания в количестве 207 человек, которые должны удовлетворить потребность новых торговых точек. В соответствии с расширением торговой сети и предприятий общественного питания местными органами организуется обучение и подбор кадров работников торговли – 103 человека, общественного питания – 104 человека. Потребительской кооперацией переподготавливаются 60 продавцов хлебных магазинов и 119 работников готовы для розничной торговли [8]. В период подготовки к торговле без карточек торговая сеть г. Медногорска должна увеличиться на три хлебных магазина. Обучение проводится методом практической тренировки, непосредственно в магазинах и столовых [9].

Большинство открывающихся новых торговых помещений было принято торговыми организациями в разрушенном виде (без дверей, окон, стены требовали новой штукатурки и т.д.). Для ремонта данных помещений требовалось большое количество стройматериалов. Так, в г. Чкалове для ремонта торговой сети горисполкомами из местных ресурсов было выдано лесоматериалов 350 кубических метров, а также краски, гвоздей и других необходимых материалов [10]. В период подготовки к началу торговли без карточек торговые сети в городах Чкаловской области были недостаточно подготовлены. Во многих магазинах не решен вопрос с ремонтом из-за недостатка стройматериалов, практически во всех торговых точках отсутствовали объявления о времени работы, также не были подготовлены обслуживающий персонал, торговый инвентарь и спецодежда, не хватало автомашин и повозок для того, чтобы доставлять товары в магазины.

В ограниченном количестве были подготовлены продовольственные ресурсы для свободной торговли. Например, в г. Орске хлебокомбинат для торгов и ОРС-ов на 13 декабря имел однодневный запас топлива (12 т) и двухдневный запас муки (87 т).

16 декабря 1947 г. в ряде городов Чкаловской области были открыты все магазины, в которых товар отпускался уже свободно. В открывшихся магазинах висели списки, в которых указывались цены на товары и количество товара, отпускаемое в одни руки [11]. В связи с отменой карточной системы на продовольственные и промышленные товары в магазины городов Чкаловской области усилился приток покупателей из близлежащих населенных пунктов (в радиусе 60 км от города). Иногда за продуктами, в основном за хлебом, приезжали целыми семьями по 4–5 человек и по нескольку раз становились в очередь в разных магазинах.

В первые дни свободной торговли повышенный спрос с образованием очередей имел место по крупно-макаронным, сахаро-кондитерским изделиям и растительному маслу. Также повышенным спросом пользовались дешевые хлопчатобумажные ткани, галоши, валенки, хозяйственное и туалетное мыло, спички. Однако, начиная уже с 1 января 1948 г., повышенный спрос оставался только по крупно-макаронным изделиям, остальные товары продаются нормально, без очередей.

Для ликвидации очередей в магазинах после отмены карточной системы в городах Чкаловской области было увеличено и улучшено разнообразие продуктов и промышленных товаров, был увеличен лимит торговых организаций по крупе, сахару, кондитерским изделиям и другим товарам.

Таким образом, переход к свободной торговле и отмене карточной системы в Чкаловской области имел ряд затруднений и недочетов, но в целом, после отмены карточной системы в Чкаловской области улучшилось обеспечение жителей продовольственными и промышленными товарами.

Примечания

1. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 2. М., 1957. С. 705–707.
2. Любимов А. В. Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. М., 1968. С. 47.
3. Хисамутдинова Р. Р. Советский Союз накануне и в период Великой Отечественной войны. Оренбург, 2009. С. 250.
4. Мельникова Ю. В. Жизнеобеспечение городского населения Южного Урала в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): автореф. дис.... кан. ист. наук: 07.00.02. Оренбург, 2007. С. 18–19.
5. Сборник важнейших приказов и инструкций по вопросам карточной системы и нормированного снабжения. Л., 1945. С. 64–97.
6. ЦДННОО. Ф. 371. Оп. 12. Д. 913. Л. 71.
7. ЦДННОО. Ф. 371. Оп. 12. Д. 913. Л. 72.
8. ЦДННОО. Ф. 371. Оп. 11. Д. 923. Л. 4
9. ЦДННОО. Ф. 371. Оп. 11. Д. 923. Л. 14
10. ЦДННОО. Ф. 371. Оп. 12. Д. 923. Л. 1.
11. ЦДННОО. Ф. 371. Оп. 12. Д. 923. Л. 15.

*Н. В. Кончева,
г. Оренбург*

ДОКУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ П. И. РЫЧКОВА В ОРЕНБУРГСКОМ КРАЕ

Известный ученый XVIII в., географ, экономист, историк, первый член-корреспондент Петербургской академии наук Петр Иванович Рычков, хотя и не был уроженцем земли оренбургской (он родился в г. Вологде 1 (12) октября 1712 г.), но почти всю свою жизнь и творческую деятельность связывал с Оренбургским краем. В 1734 г. обер-секретарь Правительствующего Сената И. К. Кирилов пригласил П. И. Рычкова в качестве бухгалтера в организованную им «Известную» (Оренбургскую) экспедицию, целью которой было – построить на Яике город (Оренбург), заложить крепости и, тем самым, создать укрепленную военно-пограничную линию. И. К. Кирилов по достоинству оценил способности молодого Рычкова и, кроме бухгалтерии, поручил ему ведение практически всех дел канцелярии.

Уже в январе 1740 г. Указом Императрицы Анны Иоанновны П. И. Рычков назначается секретарем комиссии: «...обретавшегося при Оренбургской комиссии бухгалтера Петра Рычкова, когда он доброго состояния и радитель-

но службу свою оправляет, по достоинству нашему произвести в секретари» [1]. В журнале протоколов заседания Оренбургской комиссии за 1743 г. имеется запись о получении Указа Сената «...о пожаловании ассессором секретаря Петра Рычкова» [2]. Чин коллежского ассессора согласно «Табелю о рангах» соответствовал чину майора и давал право на дворянское звание.

При И. И. Неплюеве, который в 1742 г. возглавил Оренбургскую комиссию и основал г. Оренбург на его нынешнем месте, П. И. Рычков продолжал играть заметную роль в делах канцелярии, организуя подготовку и оформление делопроизводственных материалов. Он составлял протоколы, «покорнейшие доношения», его подпись на многих составленных документах внутреннего значения [3].

Среди документов архивного фонда Оренбургской губернской канцелярии – ведомость на получение жалования за 1745 г. «...как тайному советнику кавалеру Оренбургской губернии губернатору Неплюеву так и прочим здесь при нем находящимся разных чинов служителям...» [4]. В списке значится ассессор П. И. Рычков. В 1751 г. Петр Иванович Рычков вместе с губернатором И. И. Неплюевым предприняли поездку в г. Санкт-Петербург для представления проекта «о распространении коммерции в дальнейшие азиатские степи». Пребывание в столице прошло для П. И. Рычкова с пользой, его мысли о коммерции получили одобрение. И в служебных делах эта поездка принесла большой успех. И. И. Неплюев ходатайствовал о представлении его к чину коллежского советника, соответствующего чину полковника по военной линии, о чем П. И. Рычков в своем «покорнейшем доношении» губернатору с благодарностью сообщает: «Какая по милостивому Вашего Превосходительства представлению Высочайшая Ея Императорского Величества милость со мною воспоследовала — пожалование меня из ассессоров прямо в коллежские советники с таким повелением, чтоб мне у дел быть в Оренбургской губернии, где я прежде с самого начала той экспедиции у всех тамошних дел при прежних командирах и при Вашем Превосходительстве находился» [5]. В июле 1751 г. Петру Ивановичу, как было уже сказано ранее, позволили вернуться в Оренбург. В Указе Императрицы Елизаветы Петровны из государственной коллегии иностранных дел бригадиру А. И. Тевкелеву говорится, что «оному здесь в Санкт-Петербурге, более быть нужды не состоит, а есть в нем потребность по нынешним обстоятельствам в Оренбурге. И чтоб оного советника ... отправить в Оренбург по прежнему к делам немедленно» [6]. В следующем 1752 г. коллегия иностранных дел Указом от 28 апреля рекомендует И. И. Неплюеву отправить П. И. Рычкова в Хиву и Бухару «для увещевания степных грабителей»: «К чему способнейшим другим признан находящийся в Оренбургской канцелярии коллежский советник Петр Рычков, который с начала той Оренбургской экспедиции у тамошних дел обретається» [7].

Но как далее узнаем из Указа от 27 мая 1752 г., вскоре это решение было отменено, так как «оной советник Рычков по бытности его сначала в той губернии состояние всех происходимых дел и обстоятельств сведущ, и ... в той губернии при губернаторе товарищем один состоит», то отъезд его невозможен, поскольку в случае болезни губернатора «или какой оказии, от такого его советника Рычкова отлучения и в делах произойти может остановка и упущение» [8]. В 1759 г. в связи с ухудшением здоровья и дел «домашней экономии» П. И. Рычков был вынужден просить длительный отпуск. Получив в марте 1760 г. увольнение от службы, он уехал с семьей в с. Спасское, располагавшееся в Уфимской провинции, недалеко от Бугульминской слободы – предшественницы г. Бугульмы (ныне территория Республики Татарстан). Землей на обустройство имения он был «пожалован в вечное пользование» в 1744 г. Подтверждение этому находим в деле «Об ищущих свободы крестьянах помещика Рычкова» за 1820–1823 гг. архивного фонда Канцелярии Оренбургского генерал-губернатора: «...мая 19 дня 1744 г. ассессор Рычков просил в Оренбургской губернской канцелярии об отводе ему в вечное пользование из порожних земель по рекам Кинели и Кинельчику или на новоучреждаемой от Оренбурга Московской дороге по реке Земе...» [9]. О собственности помещика Рычкова речь идет в «Деле о строительстве новых церквей в Оренбургской губернии» за 1748–1753 гг. архивного фонда Оренбургского духовного правления: «В вотчине господина коллежского советника Рычкова в селе Спасское в приходе церкви Преображения Господне крепостных его Рычкова крестьянских дворов – тридцать шесть, в деревне Верхосулье – сорок три двора» [10].

После 11-летнего перерыва П. И. Рычков вновь вернулся на службу в качестве главного правителя Оренбургских соляных дел: «Для первого, яко само нужнейшего установления в сию должность, представляется ныне тамошние места доподлинно знающий и само способнейший к тому статский советник Рычков...» [11]. В деле о доставке соли в населенные пункты губернии, датированном 1775 г., имеется переписка главы правления Оренбургских соляных дел П. И. Рычкова с оренбургским губернатором И. А. Рейнсдорпом, содержащая рапорты, «покорнейшие доношения» управляющего прииском о трудностях добычи и доставки соли в связи с бунтом под предводительством Емельяна Пугачева, о состоянии казны и т.д. [12]. В июле 1774 г., в разгар Крестьянской войны, Императрица Екатерина II «поручила начальство» над Оренбургской, Казанской и Нижегородской губерниями генерал-аншефу графу П. И. Панину, которому для наведения порядка над землями, охваченными народным волнением, необходимо было ознакомиться с состоянием дел в губернии и особенностями многонационального населения. Человеком, рекомендованным П. И. Панину для этой цели, являлся П. И. Рычков. В архивном фонде Оренбургской губернской

канцелярии среди прочих документов хранится Указ Правительствующего Сената от 15 декабря 1775 г. о «...новоучреждаемой в здешней губернской канцелярии о всех иновещеских и пограничных делах экспедиции, в которой «...статскому советнику Рычкову Всемилоостивейше велено остаться» [13]. В фондах архива хранятся документы, касающиеся потомков Петра Ивановича Рычкова. В 1751 г. он обращается в «покорнейшем доношении» к оренбургскому губернатору И. И. Неплюеву с просьбой о переводе его старшего сына Андрея на службу при губернской канцелярии. В скором времени просьба П. И. Рычкова удовлетворяется [14].

Другой сын Петра Ивановича – Василий Рычков в чине коллежского ассессора служил прокурором в Саратове и Уфе, а в 1804 г., как свидетельствует его «Формулярный список о службе» был предводителем дворянства Бугульминского и Белебеевского уездов Оренбургской губернии [15]. В прошении к руководителю гражданской частью канцелярии оренбургского военного губернатора от 21 августа 1839 г. имеется обращение «дочери известного полезною здесь службою и первым топографическим описанием Оренбургской губернии, статского советника Петра Рычкова, Анны» с просьбой «...об исходатайствовании ей пенсии или единовременного пособия» [16].

Петр Иванович Рычков совмещал государственную службу в губернской канцелярии с творческой работой. Наблюдения и изыскания легли в основу научных трудов, тематика которых очень разнообразна: история Оренбургского края, положение иновещесцев, добыча полезных ископаемых, земледелие. В статье «О способах к умножению земледелия в Оренбургской губернии», копия которой хранится в фондах областного архива, он считает, что удел крестьянина – земледелие, в исключительных случаях (при недостатке земли) – промыслы [17].

Прислана эта копия вместе с Указом из Правительствующего Сената от 12 октября 1767 г. оренбургскому губернатору А. А. Путятину: «...из поданного в Сенат от статского советника Рычкова сочинения о размножении хлебопашества в Оренбурге и о прочем, выискав принадлежащее до крестьянской экономии, отослать к губернатору на рассмотрение и обращение в пользу, что из того найдется возможным к произведению в действо» [18]. В 50-е гг. XVIII в. П. И. Рычков создал свое главное произведение – «Топографию Оренбургскую, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и императорской Академии наук корреспондентом Петром Рычковым». Сочинение возникло как сопроводительный текст к «Ландкартам или чертежам географическим» Оренбургской губернии, выполненными геодезистом прапорщиком Иваном Красильниковым [19]. В объяснительном тексте, содержащем шесть глав, дается обстоятельное описание губернии. Здесь использован весь историко-географический материал, который П. И. Рычков собрал, си-

стематически изучая Оренбургский край в течение долгих лет: строительство г. Оренбурга, образование губернии, характеристика сопредельных с Оренбургской губернией земель и среднеазиатских государств, административное деление губернии, население, описание природы, внутренняя и внешняя торговля, промыслы.

«Топография Оренбургская» была впервые опубликована в 1762 г. в журнале «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие» – уникальный документ, хранящийся в библиотечном фонде архива.

Не менее ценна книга «История Оренбургская», которая содержит богатейший материал об освоении Южноуральского региона – деятельности Оренбургской экспедиции и ее главных начальников, основании г. Оренбурга, пограничной линии, установлении торговых и дипломатических отношений со странами Востока.

Научная деятельность Петра Ивановича Рычкова получила высокую оценку как современников, так и потомков. Выполняя служебные обязанности и государственные задачи, которые ставил перед собой как ученый, П.И. Рычков всей своей жизнью в Оренбургском крае подтвердил слова своего жизненного девиза: «Век жить, век учиться и трудиться».

Примечания

1. ГБУ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7. Л. 7об.
2. ГБУ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 15. Л. 52об.
3. ГБУ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 19.
4. ГБУ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 7. Л. 92.
5. ГБУ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 26. Л. 69–70.
6. Там же Л. 74.
7. ГБУ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 27. Л. 65 об.
8. Там же Л. 100, 100 об.
9. ГБУ ГАОО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 7368. Л. 36 об.
10. ГБУ ГАОО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 1403. Л. 7.
11. ГБУ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 104. Л. 84.
12. ГБУ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 149;.
13. ГБУ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 154. Л. 7.
14. ГБУ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 26. Л. 73–74.
15. ГБУ ГАОО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1000. Л. 18, 18 об.
16. ГБУ ГАОО. Ф. 6. Оп. 5. Д. 11577.
17. ГБУ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 82. Л. 228–232.
18. Там же Л. 224.
19. ГБУ ГАОО. Ф.Р. 3013. Оп. 1. Д. 25. Л. 217, 218.

Л.С. Панина,
Оренбург

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ОТРАЖЕНИЯ НАРОДНОГО ВЗГЛЯДА НА ВОЙНУ 1812 ГОДА В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

Народ выражает себя всего полнее и вернее в языке своем. Народ и язык, один без другого, представлен быть не может... Народ действует, его деятельностью управляет ум; ум и деятельность народа отражаются в языке.

И.И. Срезневский

Каждый период в жизни народа вносил в язык свой дух, свои особенности. Исторические события, высказывания исторических личностей, документы, важные для народа, просто слова народа об исторических событиях, – вот источники, порождающие новые слова, выражения, которые можно назвать историческими.

Время Войны 1812 года – это было время, когда активно в обиход входили старые русские слова и выражения, которые как бы помогая укрепить связь настоящего с прошлым великого русского народа, закреплялись в языке. Это такие слова, как *богатырь, бой, штык, мундир*; устойчивые словосочетания: *Недаром помнит вся Россия, поле боя, русские штыки, забить заряд, Не Москва ль за нами? рукопашный бой, народная война* и др.

Ученые-лингвисты не раз отмечали, что во многом язык обязан произведениям художественной литературы, посвященным конкретным событиям в жизни народа. Не исключением стало поэтическое творчество известного русского поэта Михаила Юрьевича Лермонтова, который внес большой вклад в формирование родного русского языка.

Одновременно можно отметить, что «...поэт, писатель выбирает характерные черты и представляет их в таких дозах и таких сочетаниях, которые дают возможность придать литературному произведению видимость реальности...» [1].

Известный литературный критик В.Г. Белинский отмечал: «Лермонтов – поэт совсем другой эпохи и его поэзия – совсем новое звено в цепи исторического развития нашего общества. Поэтический язык его стихотворений лишен внешних украшений, лексически и синтаксически богат, эмоционально насыщен» [2].

А известный лингвист В.В. Виноградов, оценивая творчество М.Ю. Лермонтова в целом, и в частности язык стихотворения «Бородино», отмечал,

что «...язык стихотворения поражает своей художественной правдой и простотой. В стихотворении отсутствуют декоративные штампы романтического стиля» [3]. Все это говорит о народных взглядах и оценке конкретного исторического события, а именно фрагмент Великой Отечественной войны 1812 года.

Известно, что историческое событие Бородинское сражение было дано русской армией под командованием Михаила Илларионовича Кутузова армии Наполеона 26 августа 1812 г. под селом Бородино, в 110 километрах от Москвы, оставило заметный след в языке, а именно: в словах, во фразеологии, паремиологии, песнях, частушках. И это, конечно, не случайно: именно эти уровни языка подвергаются наибольшим преобразованиям во время изменения эпохи и общества.

По некоторым данным историков, русские войска насчитывали около 120 тыс. человек. Но их атаковали 135 французов. Только с наступлением темноты 26 августа 1812 г. сражение затихло. Известно, что обе стороны понесли огромные потери. Непосредственно после боя французы были еще сильны, но М.И. Кутузов уже был уверен в скорой гибели неприятеля, окруженного стихией разгоравшейся поистине *народной войны*. Чтобы сохранить русскую армию и усилить ее для дальнейших действий, великий полководец принимает смелое, но непопулярное стратегическое решение: оставить Москву. Естественно, неожиданно воспринимает простой народ непростое решение Кутузова.

Говоря о конкретном историческом событии, которое изображено почти с документальной точностью, М.Ю. Лермонтов словами простого народа проводит идею, имевшую «злободневное звучание»: он противопоставляет *богатырей духа, героев* недавнего прошлого, дремлющему в бездействии поколению своих современников. Это ли не народное мнение? Нам известно, что эта же народная мысль звучала с новой силой в его стихотворении «Дума».

Народная оценка конкретного исторического события всецело, по нашему мнению, прослеживается в самом сюжете известного стихотворения «Бородино», его структуре.

Сюжет довольно прост. События разворачиваются следующим образом. Ветеран бородинского боя рассказывает своему молодому товарищу о самом памятном сражении. Убеждает нас в подлинной народности оценки этих событий тот факт, что, стремясь подчеркнуть самостоятельность героя-рассказчика, М.Ю. Лермонтов использует тип незатейливого повествования. Обращает на себя внимание тот факт, что в монологе самого рассказчика с помощью характерных приемов разговорной речи простых людей, а именно просторечия, прослеживается привычная для него манера вести разговор, и раскрывается его взгляд на исторические события. В данном случае – это народное сознание. Ведь герой – рассказчик – представитель простого на-

рода. Хотя герой стихотворения мастером художественного слова индивидуализирован, но все-таки воин является образцом обобщенного народного характера. Как показывают наши наблюдения, просторечные элементы русского языка подчеркивают народный характер главного героя стихотворения. Известно, что просторечия – это разновидность общенародного языка, для которой характерна аномативность, то есть отсутствие в речи норм литературного языка, что типично для речи малообразованного носителя языка. Примерами просторечных элементов русского языка в стихотворении можно считать такие, как: *заутра (вместо утром), пала (вместо упала), басурманы, ребята, скажи-ка, нынешнее, тут-как-тут, безделка (вместо безделье)*, а также включенное в общий иронический контекст слово *мусью*, которое представляет собой измененное обращение на французском языке. Заслуживает внимание и то, что, по мнению В.Г. Белинского, «... в каждом слове вы слышите солдата, язык которого, не переставая быть грубо простодушным, в то же время благороден, силен и полон поэзии» [4].

Не выделяя грубо, а, придавая рассказу простого русского солдата яркий колорит народно-эпического повествования, знаток простой русской речи М.Ю. Лермонтов в первой строфе своего стихотворения использует простонародное обращение *дядя*. Это в очередной раз подчеркивает типичное для простого человека из народа использование разговорных элементов русского языка.

Народный взгляд, народная оценка конкретных событий автором стихотворения передается и употреблением в речи солдата русских поговорок, фразеологических единиц оборотов, т.е. семантически несвободных сочетаний слов, которые воспроизводятся в речи как нечто единое с точки зрения смыслового содержания и лексико-грамматического состава. Известно, что паремиологические и сверхсловные словосочетания представляют собой лаконичные и в то же время глубоко содержательные толкования тех или иных явлений действительности при всей их видимой простоте являются весьма яркими образованиями. Эти языковые миниатюры, которые в образной, отточенной форме сообщения о фактах живой действительности, знакомят нас с историко-культурными событиями русского народа. Все фразеологические обороты в этом тексте фольклорного происхождения, носящие также просторечный или разговорный характер. Это такие устойчивые словосочетания, как: *сыра земля, слуга царю, отец солдатам, рожден был хватом, Земля тряслась, сверкнув очами, клятва верности, ломить стеною Господня воля, постоять своей головой* и другие.

Герой-рассказчик хочет вызвать у слушателя определенную оценку, хочет показать всю грандиозность того, чему был свидетелем и в чем сам участвовал. Всю значимость и величие подвига народного подчеркивается тем, что в его речи появляются слова высокого стиля: *сеча, булат, племя,*

герои, разгуляться, осветить, ликовать, богатыри и другие. Богатырями поэт называет, и это, по нашему мнению, очень важно для М.Ю. Лермонтова в этом стихотворении, не физически сильных, могучих людей: а это *богатыри духа, нравственно сильные, стойкие герои своего народа*.

Желая добиться наибольшей экспрессивной выразительности, рассказчик-воин прибегает к элементам книжной речи, что также роднит произведение с народным языком. Это можно проиллюстрировать следующими примерами: *на поле грозной сечи ночная пала тень; молвил он, сверкнув очами; сражен булатом, он спит в земле сырой; умремте ж под Москвой; И клятву верности сдержали; И залпы тысячу орудий слились в протяжный вой* и т.п.

Той же цели, по нашему мнению, служит и особое поэтическое ударение в некоторых словах в стихотворном тексте. Это также передает народный характер отношения героя к событиям, изображенным неповторимым мастером художественного слова. Сравним: знамена (вместо знамёна), не отдали (вместо не отдали).

В смысле особой экспрессивной выразительности наибольший интерес представляют X–XII строфы стихотворения. Эта динамическая часть повествования автора рассказа о сражении насыщена в основном глаголами движения, имеющими яркую эмоционально-экспрессивную окраску. Не случайны в тексте словосочетания с глаголами. Такие словосочетания, как: *носились* (знамена), (огонь) *блестел*, *звучал* (булат), (картечь) *визжала*, *изведал* (враг), (мы) *отступали*, (речи) *слышны*, *ликовал* (француз), (штык) *точил*, (небо) *засветилось*, (все) *зашевелилось* и многие другие дают оценку картины сражения.

Разговорный, просторечный характер речи рассказчика в оценке событий, отраженных в тексте стихотворения, придает употребление им в третьей строфе глагола *изорвать* вместо нормированного варианта его *разорвать*. Разговорный оттенок несет приставка (*изо*).

Как показали наши наблюдения, употребление глаголов с разговорными приставками (*при*), (*вз*) – подчеркивает *неполноту действия*, отражаемую этими глаголами. А эмоциональное состояние солдата – рассказчика характеризуется как *настороженное*, рисуется как *готовность к встрече неприятеля*. Герой встревожен, он чутко воспринимает состояние природы и атмосферу готовности к бою. Сравним: *прилег, вздремнуть, я у лафета...* Эстетическое воздействие стихотворения усиливается за счет использования изобразительно-выразительных средств языка для создания образности, яркости народной оценки событий войны 1812 года. Заслуживает внимания такой прием как поэтическое сравнение. Известно, что сравнение достигается путем сопоставления описываемых предметов, характеров, событий, картин с образами, которые в большинстве случаев хорошо знакомы читателю. В результате такого сопоставления в известных Лермонтовских

строках стихотворения «Бородино» изображаемое как бы «конкретизируется, становится более очевидным и выразительным». В анализируемом нами поэтическом тексте сравнение *земля тряслась, как наши груди* дает представление о сражении как о действии, в котором принимает участие сама природа, в котором *залпы тысячи орудий слились в протяжный вой*, т.е. крик, стон, все, что свойственно и живым существам. Этим самым мастер художественного слова подчеркивает, что человек вполне автономная часть мироздания, он часть природы, но в то же время отличный от нее.

Заслуживает внимание мастерство поэта в использовании в качестве поэтического сравнения омонимичных слов. Сравним употребление глагола *пожалуй* в пятой строфе: *Что тут хитрить, пожалуй к бою с употреблением его в следующих выражениях: пожалуй к столу, к ответу, пожалуй в гости*.

Это выражение, имеющее разговорный характер, соотносится, по нашему замечанию, со значением глагола *угощу* в этой же строфе. Как щедро угощают друга, пришедшего в гости, таким щедрым угощением будет и встреча друга – француза. Заметим, переносное употребление глагола в тексте стихотворения усиливает образность восприятия народной оценки исторических событий. Развернутое метафорическое сравнение *Сверкнул за строем строй* усиливает эмоциональное восприятие быстроты действия русских солдат.

Народность речи в оценке событий Великой Отечественной войны 1812 г. в стихотворении М.Ю. Лермонтова «Бородино», как нам кажется, создается также за счет употребления языковых средств, используемых в конце восьмой строфы: *Тогда считать мы стали раны, Товарищей считать*. Обращает на себя внимание тот факт, что поэт дважды использует невыразительный в эмоциональном плане нейтральный глагол *считать*. Обращение именно к этому невыразительному глаголу, думается, продиктовано душевным состоянием героя – рассказчика и убеждает нас в том, что этот «негромкий» глагол в поэтическом тексте как нельзя ярче служит выражением скорби, трагичности, сдержанности героя, характеризуя его мужество, силу духа, беззаветную преданность своей Родине, ее свободе, свободе своего характера. Это характерно только для состояния души русского солдата.

Оценка исторических событий народом в поэтическом тексте стихотворения «Бородино» проходит через отражение глубокой любви русского солдата к своему отечеству. В этом плане интересен текст в интонационном плане. В рамках одного текста с максимальной шириной воссоздается богатство интонационных конструкций с их паузами, повторами, риторическими вопросами и восклицаниями. Как отмечается в Кратком словаре литературоведческих терминов, риторический вопрос как один из стилистических приемов, *состоящий в высказывании утверждения в вопросительной форме*, характерен для текстов фольклорных произведений. Примерами могут служить чисто народные выражения: *Что значит русский бой, удалый!* ри-

СЕКЦИЯ 2

НАРОДЫ ЮЖНОГО УРАЛА В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

А.В. Федорова,
г. Оренбург

ПРОТИВОЭПИДЕМИЧЕСКАЯ ЗАЩИТА НАСЕЛЕНИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

С началом Великой Отечественной войны санитарно-эпидемическая обстановка в стране значительно осложнилась [1]. Война повлекла за собой серьезное понижение жизненного уровня советского народа. В тыловые районы страны были эвакуированы большие массы населения из зоны военных действий, что привело к переуплотненности многих населенных пунктов и интенсивному передвижению людских контингентов по путям сообщения. Все это отрицательно сказывалось на санитарно-гигиеническом состоянии населения, способствовало возникновению и распространению различных инфекционных болезней как среди гражданского населения, так и среди личного состава войск. Возникла острая необходимость создать надежную систему противоэпидемической защиты войск и гражданского населения, чтобы предотвратить развитие эпидемий на фронте и в тылу. О первостепенной важности поставленной задачи свидетельствуют следующие факты. ГКО дважды (2 февраля и 3 марта 1942 г.) рассматривал данный вопрос и принял постановления о мероприятиях по предупреждению эпидемических заболеваний в стране и Красной Армии. В постановлении ГКО от 2 февраля 1942 г. «О мероприятиях по предупреждению эпидемических заболеваний в стране и Красной Армии» предусматривались меры, главным образом, «по противоэпидемической защите гражданского населения, выполнение которых возлагалось не только на трудящихся, но и на исполкомы местных Советов депутатов трудящихся, на наркоматы путей сообщения, морского и речного флотов, а также на Наркомместпром». Для повышения авторитета и оперативности руководства противоэпидемическими мероприятиями на местах постановление признало необходимым создание «чрезвычайных полномочных противоэпидемических комиссий». В состав этих комиссий включались: председатель исполкома местного Совета (председатель комиссии) и председатель партийного органа, а так-

торическое восклицание, *Ребята, не Москва ль за нами* - риторический вопрос. А выражение: «*Что ж мы? На зимние квартиры?*» – является стилистическим приемом эллипсисом. Эллипсис – это синтаксическое средство выразительности, заключающееся в пропуске одного из главных членов предложения или даже обоих. При этом оставшиеся члены предложения получают более сильное акцентное выделение, а вся интонация фразы становится более выразительной и энергичной, что также характерно для разговорной речи, неподготовленной речевой ситуации. Как видим из текста, эллипсис делает фразы более компактными, активизируется воображение читателя, усиливается интерес его к изображаемому событию.

Эмоционально-выразительное выделение слов в стихотворении «Бородино» становится более сильным, когда строки: *Уж мы пойдем ломить стеною, / Уж стоим мы головою; Кто кивер чистил весь избитый/ Кто штык точил, ворча сердито; Все промелькнули перед нами/ Все побывали тут* – повторяются в одном и том же предложении. Анализ лермонтовских строк убеждает нас в том, что повторение одного и того же слова в предложении, по нашему мнению, осуществляется из логических соображений – для разъяснения высказываемой мысли и более отчетливой смысловой связи между членами предложения. Многочисленные наблюдения доказывают, что подобная структура предложения характерна для многих фольклорных текстов.

Эти и другие примеры поэтического синтаксиса в анализируемом нами стихотворении, наряду с использованием в тексте просторечных слов и выражений, поговорок, фразеологических единиц, способствует более точному воспроизведению особенностей разговорной речи в различных жизненных ситуациях. Что иллюстрирует сложнейшие и четкие формы выражения тяжелых человеческих переживаний и оценок исторических событий.

Таким образом, можно сделать вывод, что каждый период в жизни народа, в том числе одновременно героический, и трагический, вносит в язык свой дух, свои особенности. А душевный и умственный опыт великого поэта может в любых условиях оценить вопросы гражданского поведения человека, беззаветная любовь русского солдата к своей Родине нашла свое подтверждение в героическом подвиге русского народа и в годы Великой Отечественной войны. Слова: *Ребята, не Москва ль за нами, Умремте ж под Москвой!* – часто повторялись воинами-защитниками Москвы в суровом 1941 году.

Примечания

1. Кожевникова К. Спонтанная устная речь в эпической прозе. Прага. 1970. С. 63.
2. Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. 4. 1954. С. 503.
3. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М., 1982. С. 317–318.
4. Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. 4. 1954. С. 504.

же местных органов здравоохранения, внутренних дел, командования и медицинской службы военного гарнизона.

Чрезвычайные противоэпидемические комиссии, созданные по инициативе исполкомов областных Советов, провели на Южном Урале огромную по своему масштабу работу, которая, несмотря на все трудности военного времени, оградила регион от развития массовых эпидемий и обеспечила локализацию и ликвидацию эпидемических очагов при их возникновении. Поскольку в первом периоде войны основным источником инфекционных заболеваний в действующей армии являлось пополнение, прибывшее из тыла страны, то местные органы власти уделяли большое внимание проведению противоэпидемических мероприятий в тыловых запасных частях, значительное количество которых находилось на территории Челябинской и Чкаловской областей [2], а также среди населения. Противоэпидемическую службу на Южном Урале возглавили: В. П. Ревагин в Челябинской области (с 1941 г.), В. В. Брусилович – в Чкаловской области (с 1942 г.) [3]. И. Л. Богданов являлся главным эпидемиологом Уральского военного округа в годы войны [4].

Местные органы власти привлекли к систематическому проведению противоэпидемических мероприятий основное лечебно-профилактическое учреждение – поликлинику. В связи со значительным возрастанием объема противоэпидемической работы они увеличили количество участковых врачей [5], а в крупных поликлиниках ввели должность заместителя главного врача по противоэпидемической работе. Условия войны требовали от медицинского работника максимально напряженного труда. «Большая работа в этом направлении лежит на районных здравотделах, на заведующих сельскими врачебными участками, но еще большее значение имеет сознательное отношение к делу самих работников», – писал журнал «Фельдшер и акушерка» в 1943 г. [6]. Наряду с укреплением сети внебольничных учреждений увеличилось и число санитарно-эпидемиологических станций. К работе по надзору за санитарным состоянием населенных пунктов Южного Урала и выявлению больных среди населения местные органы власти, помимо медицинского персонала, привлекли санитарный актив – многие десятки тысяч общественных санитарных инспекторов и активистов Общества Красного Креста и Красного Полумесяца. В условиях сельской местности сельсоветы организовали систематические подворные обходы населенных пунктов, обеспечивающие своевременное выявление инфекционных больных.

Местные органы власти осуществляли проведение санитарно-предупредительных мероприятий на железнодорожном транспорте. Их роль в системе противоэпидемического обеспечения действующей армии и противоэпидемической защиты населения с особой силой проявилась

в первом периоде войны, когда началась массовая эвакуация населения из зоны военных действий. Для проведения санитарно-эпидемического надзора, санитарной обработки эшелонов с эвакуированными людьми, а при необходимости и изоляционно-карантинных мероприятий на железнодорожных путях сообщения органы НКЗ и медицинской службы НКПС (Транссанупра) при содействии облздравотделов, медицинской службы УрВО и ЮжУрВО создали систему противоэпидемических учреждений. Наиболее мощными из них являлись изоляционно-пропускные пункты, разветвляемые на крупных железнодорожных узлах: Челябинске, Чкалове, Соль-Илецке, Бузулуке и др. Они были способны произвести полную санитарную обработку воинского эшелона или железнодорожного эшелона с эвакуируемым гражданским населением. Все эти противоэпидемические барьеры предотвратили превращение перевозимых на железнодорожной дороге масс людей в возможный источник возникновения эпидемии.

Начальник Управления НКВД по Чкаловской области капитан И. В. Бзырин в секретной докладной сообщал осенью 1941 г. в обком ВКП(б) о большой скученности на городском вокзале, приведшей к заболеванию детей корью. В антисанитарной обстановке распространился педикулез. Многие были вынуждены находиться под открытым небом. Сложившееся положение обеспокоило руководство г. Чкалова и области. Капитан И. В. Бзырин предостерегал: «Не исключена возможность появления эпидемии тифа. Необходимо принять срочные меры к разгрузке вокзала, не допуская в дальнейшем скопления там большого количества эвакуированных» [7]. В связи с чрезвычайной ситуацией, сложившейся на станции Оренбург, Чкаловский облисполком принял 25 декабря 1941 г. решение об открытии эвакуопункта, в обязанность которого входило «максимальное обслуживание эвакуированных граждан, не допуская скопления» [8].

Вопросы, касающиеся санитарного состояния регионов, противоэпидемической службы, постоянно находились в центре внимания местных Советов. 22 октября 1941 г. Бугурусланский горисполком принял решение «Об образовании изолятора при эвакуопункте» [9]. Для больных эвакуированных граждан открыли изолятор на 50 коек. 2 декабря 1941 г. Новоорский райисполком Чкаловской области постановил проводить профилактические мероприятия по предупреждению острых инфекционных заболеваний в районе [10]. Бугурусланский горсовет 20 декабря 1941 г. принял решение «О профилактических мероприятиях по предупреждению вспышки эпидемии паразитарных тифов». Согласно постановлению горсовета в Бугуруслане построили дезинсекторы – землянки при банях нефтетреста, кирпичного завода, эвакогоспиталях №1660, 1569, 3316, горбольнице, детской больнице, эвакоизоляторе, при лагере НКВД, на территории лагеря, на территории совхоза №9 и т.д. На станции Бугуруслан также организовали

карантинное помещение для эвакуированного населения, производилась санитарная обработка эвакуированных через дорожную баню перед отправлением их к месту назначения. Врачи поликлиники и несколько санитарных врачей выявляли завшивленных сельчан, командированных и эвакуированных не вселяли в помещение гостиницы г. Бугуруслана без справки о санобработке в городском санпропускнике [11]. Райсовет Сорочинского района 23 февраля 1942 г. обсуждал вопрос «О предоставлении помещения для инфекционного отделения райбольницы» [12]. 15 мая 1942 г. Сорочинский райисполком рассмотрел вопрос «О состоянии бани, дезокамеры и санобработки военнообязанных и призывников, отправляемых в РККА» [13]. Переволоцкий райсовет Чкаловской области неоднократно выносил на обсуждение вопросы противоэпидемического содержания: 5 апреля 1943 г. – «О санитарном состоянии Переволоцкого района» [14], 15 марта 1945 г. – «О мероприятиях по борьбе с септической ангиной» [15], в этот же день – «О мероприятиях по борьбе с паразитарными тифами» и т.д.

Заболевание тифом имело место в Первомайском и Бердском сельсоветах Чкаловского района. Чкаловский райсовет дважды рассматривал вопрос о заболевании тифом в начале 1942 г. – 14 февраля и 17 марта. Это объяснялось тем, что, несмотря на принятые меры, случаи заболевания тифом увеличивались. На территории Бердского сельсовета расквартировывали людей, прибывших по железнодорожной дороге, без санобработки. В связи с этим в срочном порядке утвердили смету финансовых затрат по строительству в селе Берды бани в сумме 46467 руб. 83 коп. В Первомайском сельсовете построили вошебойки, а бани и санпропускники работали нерегулярно [16]. Согласно решению Бугурусланского горсовета в конце 1942 г. открыли детскую инфекционную больницу на 30 коек в помещении бывшего санатория [17]. 23 сентября 1943 г. Чкаловский райсовет Чкаловской области обсуждал положение с сыпным тифом в районе. Проверка показала, что ряд председателей сельсоветов и директоров совхозов не занимались своевременным ремонтом бань и дезокамер. В декабре 1942 г. в Чкаловской области из 2281 умершего 72% приходилось на инфекционные заболевания (1644 человека): брюшной тиф – 305, сыпной тиф – 201, дизентерия – 73, токсическая дисперсия – 20, корь – 446, скарлатина – 83, дифтерия – 220, коклюш – 290. Желудочно-кишечные заболевания преобладали в летние месяцы. В августе 1942 г. от них умерло 1545 чел. от общего количества умерших 4036, что составило 38% [18]. Картина заболеваний на Южном Урале в 1942 г. выглядела следующим образом:

Заболевание	Челябинская область	Чкаловская область
корь	14503	5574
скарлатина	5636	298
дифтерия	4248	3114
коклюш	10015	4055
церебро-спинальный менингит	879	340

Самый высокий подъем заболеваемости сыпным тифом в стране во время войны отмечен в первом квартале 1942 г. [19]. Максимальная заболеваемость наблюдалась в марте 1942 г. Это страшное заболевание не обошло и Южный Урал. Начиная с осени 1941 г. тиф стал распространяться в Челябинске, Чкалове, а также в сельской местности рассматриваемого региона. Нижеприведенная схема демонстрирует процесс увеличения заболеваемости в г. Чкалове в 1942 г. [20].

Сведения о заболеваемости сыпным тифом по г. Чкалову в 1942 г.

Время заболевания	Зарегистр.	Привозн.	Из них связь с привозн.	Местн.
Октябрь 1941 г.	1	1	-	-
Ноябрь 1941 г.	18	18	3	7
Декабрь 1941 г.	34	20	7	7
Январь 1942 г.	100	75	8	17
На 18 февраля 1942 г.	93	84	4	5
Март 1942 г.	667	338	69	210
Апрель 1942 г.	501	282	26	193

Угроза заболевания тифом беспокоила командиров военных соединений. Условия для санитарной обработки у бойцов иногда отсутствовали. Так, 61-й стрелковый полк, расквартированный в Соль-Илецке, в течение месяца был лишен всякой возможности провести тщательную санитарную обработку бойцов и командиров по ряду причин: отсутствие топлива для городской бани, техническая неисправность парового хозяйства городской бани; отсутствие дезокамеры при железнодорожной бане. Обращаясь к руководству Чкаловской области, командир части писал: «Если учесть, что среди гражданского населения Соль-Илецка имеются случаи заболевания сыпным тифом и при наличии в полку некоторой завшивленности, то станет ясно, что над полком нависла угроза занести сыпной тиф в подразделения и этим самым будет сорвано

фактическое формирование маршевых команд в действующую армию» [21]. Эпидемия тифа распространилась и на военнослужащих, сосредоточенных в резервных и запасных частях, а также части гарнизонов Южного Урала. Так, в результате эпидемии 1942 г. только в госпиталь №3324 поступили 64 сыпнотифозных больных, в этот же госпиталь поступил 81 больной брюшным тифом [22]. 21 января 1942 г. секретный отдел Управления ВВС ЮжУрВО направил начальникам школ и командирам частей письмо о необходимости борьбы с сыпным тифом [23]. Отдельные случаи заболевания тифом встречались среди летного состава в г. Бузулуке [24].

Наиболее высокая заболеваемость тифом с конца 1941 г. зафиксирована в трех автономных республиках и четырех областях РСФСР, в том числе Челябинской (наряду с Омской, Новосибирской и другими областями). В 1941 г. в 71 % районов Чкаловской области распространилось заболевание тифом, в 1942 г. уже во всех районах области регистрировали больных. Коэффициент заболеваемости по сравнению с довоенным периодом увеличился в 51 раз. Нарастание заболевания сыпным тифом явилось следствием прибытия в область большого количества эвакуированного населения, а также транзита эвакуированных через Южный Урал. В г. Чкалове, например, из числа больных тифом 78% являлись привозными. Причины нарастания заболеваемости, помимо общих причин, связанных с эвакуацией, – передвижение населения, уплотнение и т.д., заключались в следующем: 1) неправильная диагностика; 2) нарушение руководителями некоторых районов инструкции НКЗ СССР и НКЗ РСФСР, в частности, отказ от госпитализации по явным признакам; 3) поздняя госпитализация (только 60% больных тифом госпитализировали в Чкаловской области в первые 7 дней); 4) недостаточность транспортных средств. А.И. Малахова, работавшая в годы войны в здравпункте Оренбургского вокзала, вспоминала: «Без справки, что прошел проверку на вшивость, не продавались пассажирам билеты. Если при проверке проходящих эшелонов находился хоть один больной с высокой температурой и признаками сыпного тифа, фельдшер давал команду на отцепку всего вагона» [25]. Процент заболеваемости снизился по Чкаловской области в 5 раз, в городах – в 2–7 раз [26]. Сыпной тиф регистрировали в 40 районах Чкаловской области. Решительно боролись против сыпного тифа в г. Орске. При каждом случае заболевания в Медногорске били тревогу, отмечалось на X сессии Чкаловского областного Совета депутатов трудящихся в январе 1943 г [27]. В 1942 г. в Челябинской области болели паратифом 283 человека, в Чкаловской – 120 человек [28]. (Сравните: в Свердловской области – 1030 человек, в Новосибирской – 6662, Саратовской – 615, Ярославской – 477, Москве – 310).

Тиф распространился и среди военнопленных, вывезенных из Сталинградского «котла». Госпитали и лагеря военнопленных находились в Соль-Илецком, Адамовском, Бузулукском, Акбулакском и других районах

Чкаловской области, крупный госпиталь для военнопленных располагался также в поселке Шумиха Курганской области [29]. Значительное количество военнопленных умерло от тифа в госпитале №1383 (с. Теренсай Чкаловской области). Вспышка сыпного тифа распространилась и на личный состав госпиталя. В результате несколько медработников умерло [30]. Заместитель председателя исполкома Чкаловского областного Совета П.И. Меренков в марте 1942 г. обратился к начальнику Санитарного отдела ЮжУрВО бригадиром Голосову с письмом, в котором указал на тяжелое эпидемиологическое состояние среди военнопленных, находящихся в лагерях в районе рабочего поселка Колтубанка Бузулукского района. На 15 февраля 1942 г. среди военнопленных, находящихся в лагерях, было зарегистрировано и госпитализовано в эвакогоспиталь №3319 более 200 человек [31]. Эпидемиологи усиленно боролись, чтобы эпидемии или вспышки тифа не перекинулись от военнопленных на обслуживающий персонал и жителей близлежащих населенных пунктов.

Вспышки тифа регистрировали в конце 1942 г. в ряде детских домов Чкаловской области. В Баклановском детском доме Сорочинского района имелось 18 случаев заболевания брюшным тифом. Такое положение явилось следствием антисанитарного состояния детских домов, нарушения режима, допущения в детские спальни лиц, не прошедших санобработку, отсутствия требовательности со стороны директоров детских домов к воспитанникам и обслуживающему персоналу [32]. Чкаловский облисполком в связи с серьезностью сложившегося положения принял меры, направленные на улучшение ситуации. Восемь бригад, сформированных облисполкомом в 1945 г., обследовали состояние здравоохранения Челябинской области, подготовку к зиме детских учреждений. Согласно решению Челябинского облисполкома местная промышленность дополнительно изготовила 15,3 тонны мыла (46% к годовому плану). Отсутствие бань и мыла способствовало вспышке эпидемии. Вопрос о работе бань вынесли на рассмотрение X сессии Чкаловского областного Совета депутатов трудящихся. Председатель исполкома облсовета И.Г. Попов указал на слабую работу бань в Сорочинске, Соль-Илецке, Абдулино, Чкалове [33]. Так, в начале января 1945 г. в Донецком сельсовете Переволоцкого района Чкаловской области обнаружили вспышку тифа. При изучении ее причин выяснилось, что мыло отсутствовало даже в райздравотделе, районная баня не работала [34]. Сануполномоченные в с. Донецком каждые три дня осматривали все население, но при отсутствии мыла это не давало никаких результатов. Районная чрезвычайная комиссия по борьбе с тифом 13 января 1945 г. категорически потребовала от директора пищеблока в течение 3-х дней организовать изготовление 500 кг мыла [35]. Вспышка сыпного тифа в Копейске в феврале 1945 г. обсуждалась на заседании Челябинского областного исполнительного комитета, который принял решение «Об улучшении условий

труда и медицинского обслуживания рабочих угольной промышленности». Решением облсовета предписывалось оборудовать новые дезокамеры, отремонтировать бани, улучшить санитарное состояние общежитий.

Брюшной тиф также распространился на территории Южного Урала [36]. Причинами распространения инфекционного заболевания являлись: 1) нерегулярные медицинские осмотры; 2) редкие проверки на бактерионосители работников пищеблока и магазинов; 3) поздняя госпитализация; 4) отсутствие прививок у вновь прибывающих рабочих [37].

Одним из проверенных опытом прошлого эффективных методов профилактики распространения паразитарных тифов является регулярная санитарная обработка населения. Поэтому по настоянию органов государственной санитарной инспекции исполкомы местных Советов, предприятия, колхозы и совхозы развернули строительство бань. В декабре 1941 г., когда вспышки тифа появились в Челябинской и Чкаловской областях, возникла сложная ситуация с мылом. Непосредственное участие в производстве мыла по решению Чкаловского облисполкома принимала областная контора «Кишпродукт». По ее указанию бугурусланскому пункту «Кишпродукта» со всего Бугурусланского района, например, сдавались все кишки третьего сорта для производства мыла. Бугурусланский горисполком принял решение о мыловарении 20 декабря 1941 г. Производством мыла занялся Бугурусланский промкомбинат. В г. Бугуруслане стали получать сырье – технические жиры, техническое сало и отходы кишпродуктов. В мыловарении приняла участие бугурусланская артель «Красные бойцы». Трест «Бугурусланнефть» выделил отходы нефти для мыловарения, отпустил каустическую и кальцинированную соду.

31 декабря 1941 г. распоряжением СНК СССР за №1164 обязали Наркомат пищевой промышленности СССР выделить для продажи один миллион тонн мыла, в том числе для Челябинской области – 100 тонн. Распоряжение подписал зам.председателя СНК СССР А. Микоян. НКПС обязали в пятидневный срок выделить вагоны для перевозки мыла на станцию Троицк Южно-Уральской железной дороги. Однако и после данного распоряжения изменений в снабжении мылом не произошло. 13 марта 1942 г. уполномоченный ГКО НКЗ СССР Г.А. Митерев обратился к заместителю председателя СНК СССР Р.С. Землячке по вопросу о срыве в снабжении мылом районов, неблагополучных по сыпному тифу [38]. На 1 января 1943 г. ситуация в Чкаловской области с противоэпидемическими средствами выглядела следующим образом: дезинфекционных средств насчитывалось 11,1 тонны, хозяйственного жидкого мыла – 2,46 тонны [39].

Вопрос об организации мыловарения неоднократно поднимал Чкаловский облисполком. На заседаниях райсоветов подверглись критике руководители райпромкомбинатов, не осознавшие «важного значения выработки мыла в условиях военного времени» [40]. В частности, на заседании

Чкаловского районного Совета Чкаловской области 1 июня 1943 г. заслушали отчет директора Чкаловского райпромкомбината Лысенко. Решение Совета было таковым: выработать в июне 1943 г. 500 кг мыла, а в III и IV кварталах – по 1500 кг [41]. В связи с крайней нуждой в дезинфекционных средствах и отсутствием центрального снабжения в 1942 г. впервые началась работа по изысканию и производству дезсредств на местах из отходов промышленности Южного Урала. Например, из отходов промышленности в Чкаловской области стали производить мыло «К» [42]. Кроме того, на местах приступили к производству хозяйственного мыла. В 1942 г. значительно увеличил выпуск мыла Чкаловский техжиркомбинат. За 8 месяцев он дал 400 тысяч килограммов этой продукции [43]. Это в три раза больше, чем в 1941 г.

Медики проводили широкую разъяснительную работу среди населения и раненых. Так, 10 января 1942 г. в с. Лебяжье Челябинской области врач Дынин прочитал лекцию «Сыпной тиф, его возникновение, лечение и профилактика» [44]. 15 июля 1943 г. в газете Лебяжьевского района опубликовали статью заведующей районной больницы М. Тереховой «Сыпной тиф и борьба с ним» [45]. В период вспышки инфекционных заболеваний на Южном Урале постоянно работали специалисты из центра, в том числе из противоэпидемического отдела НКЗ РСФСР. Так, в 1942 г. в Челябинскую область эпидемиологи из Наркомата здравоохранения РСФСР приезжали в течение года 5 раз, в Чкаловскую область – 7 раз [46]. В Чкаловской области в 1943 г. работало 17 противоэпидемических станций [47].

Таким образом, в условиях Великой Отечественной войны перед Советами и органами здравоохранения стояли огромные задачи предупреждения и борьбы с инфекционными заболеваниями, они превратились в четко работающие, слаженные механизмы, связанные с живой эпидемиологической практикой.

Примечания

1. Лотова Е.И., Идельчик Х.И. Борьба с инфекционными болезнями в СССР (1917–1967). М., 1967. С. 54.
2. См.: Урал ковал победу. Челябинск, 1993. С. 354.
3. Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 8009. Оп. 3.Д. 261.Л. 14 об.
4. См.: Богданов И.Л. Из опыта работы главного эпидемиолога округа в годы Великой Отечественной войны // Сборник научно-практических работ ветеранов Великой Отечественной войны и ветеранов санитарно-эпидемической службы Свердловской области. Свердловск, 1985. С. 10–14.
5. Шварцман Е.С. Роль медицинского участка в борьбе с сыпным тифом // Фельдшер и акушерка. 1943. № 12. С. 1–7 и др.
6. Фельдшер и акушерка. 1943. № 1–2. С. 2.

7. Центр документации новейшей истории Оренбургской области (далее ЦДНИ ОО). Ф. 371. Оп. 5. Д. 163. Л. 79.
8. Государственный архив Оренбургской области (далее ГАОО). Ф. 2144. Оп. 1. Д. 1. Л. 67.
9. ГАОО. Ф. 1014. Оп. 2. Д. 592. Л. 198.
10. ГАОО. Ф. 1015. Оп. 2. Д. 621. Л. 138.
11. ГАОО. Ф. 1014. Оп. 2. Д. 592. Л. 231.
12. ГАОО. Ф. 1014. Оп. 2. Д. 696. Л. 37.
13. ГАОО. Ф. 1014. Оп. 2. Д. 696. Л. 40.
14. ГАОО. Ф. 804. Оп. 1. Д. 105. Л. 63.
15. ГАОО. Ф. 804. Оп. 1. Д. 113. ЛЛ. 89 об., 93.
16. ГАОО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 677. ЛЛ. 27, 41.
17. ГАОО. Ф. 1014. Оп. 2. Д. 662. Л. 128.
18. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 6. Д. 147. Л. 36.
19. Марциновский В. Е. Сыпной тиф и борьба с ним в условиях военного времени // Медицинская сестра. 1942. №1–2. С. 24–26; Николаев И. И. Эпидемиология и профилактика сыпного тифа в условиях Великой Отечественной войны // Журнал микробиологии, эпидемиологии и иммунологии. 1944. №7–8. С. 40–43.
20. ЦДНИОО. Ф. 267. Оп. 14. Д. 32. ЛЛ. 6,21,47.
21. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 6. Д. 569. Л. 11.
22. Архив Военно-медицинского музея (далее архив ВММ). Ф. 1005. Оп.70210. Д. 7. Л. 38.
23. Центральный архив Министерства обороны РФ (далее ЦАМО РФ). Ф.60430. Оп. 35985. Д. 8. Л. 44.
24. ЦАМО РФ. Ф. 60430. Оп. 35985. Д. 8. Л. 67.
25. Оренбургские ведомости. – 1994. – 6 мая.
26. ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 3. Д. 237. Л. 68.
27. ГАОО. Ф. 1014. Оп. 1. Д. 261. Л. 75.
28. ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 8. Д. 4787. Л. 5.
29. Архив ВММ. Ф. 1. Оп. 1404. Д. 3. Л. 7.
30. ЦДНИ ОО. Ф. 1165. Оп. 5. Д. 42. Л. 13.
31. Архив ВММ. Ф. 263. Оп. 1304. Д. 2. Л. 26.
32. ЦДНИОО. Ф. 1796. Оп. 1. Д. 331. Л. 6.
33. Чкаловская коммуна. 1943. 30 января.
34. ГАОО. Ф. 804. Оп. 1. Д. 115. Л. 1.
35. ГАОО. Ф. 804. Оп. 1. Д. 115. Л. 8.
36. Громашевский Л. В. Эпидемиология брюшного тифа и борьба с ним в сельских условиях // Советская медицина. 1941. №7. С. 3–7.
37. ГАРФ. Ф. 7678. Оп. 8. Д. 145. Л. 99–99 об.
38. ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 3. Д. 226. Л. 3–4.
39. ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 3. Д. 261. Л. 29.
40. ГАОО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 683. Л. 82 об.
41. ГАОО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 683. Л. 82 об.

42. ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 3. Д. 261. Л. 25.
43. Потапов С. 400 тонн мыла // Чкаловская коммуна. 1942. 19 сентября.
44. Колхозное знамя. Лебяжьевский район. 1942. 9 января.
45. Там же. 1943. 15 июля.
46. ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 3. Д. 261. Л. 3 об., Л. 18.
47. Чкаловская коммуна. 1943. 11 июля.

*Т.С. Панина,
г. Оренбург*

К ВОПРОСУ О ПОДГОТОВКЕ ВОЕННЫХ КАДРОВ ДЛЯ КАЗАХСТАНА

Декретом ВЦИК от 26 августа 1920 г. была образована Киргизская (Казахская) АССР. Учредительный съезд Советов Казахстана объявил столицей республики г. Оренбург – крупный в то время пролетарский центр на юго-востоке страны, имевший сильную партийную организацию, опытные советские кадры, традиции давней дружбы с казахским народом. Расположенный на железнодорожной магистрали Оренбург связывал Казахстан с Уралом, Поволжьем, Центром России и оказывал огромное влияние на его экономику и культурную жизнь. К 1924 г. Казахская Республика окрепла, выросли ее кадры, созрели условия для перенесения столицы в глубь республики. В конце 1924 г. правительство Казахстана переехало из Оренбурга в новую столицу – г. Кызыл-Орду.

6 апреля 1925 г. Президиум ВЦИК принял постановление о выделении Оренбургской губернии из состава Казахской АССР. Оренбург сыграл значительную роль в становлении казахской государственности и всех ее институтов, в том числе и армии, помогая, прежде всего, кадрами: отдавая свои (в органы власти и учреждения) и готовя национальные (учительские и военные). К 1920 г. в г. Оренбурге уже базировались 26-е пехотные курсы по подготовке командного состава РККА (бывшие Витебские пехотные курсы, ставшие к осени 1921 г. 18-й Оренбургской пехотной школой комсостава), довольно крупное по тем временам учебное заведение. Об этом свидетельствует численность партийной организации пехотных курсов: в 1920 г. среди преподавателей и курсантов насчитывалось 90 членов партии и свыше 30 ее кандидатов, а к сентябрю 1921 г. членов партии было 142 человека, на открытом школьном партсобрании присутствовало 462 человека [2].

Кроме того, в г. Оренбург в это же время перебрасываются Борисоглебские командные кавалерийские курсы, которые потом были переименованы в 3-й Оренбургские кавалерийские курсы (а позднее – школу). На базе этих двух учебных заведений и была создана по указанию В.И. Ленина

18-я Оренбургская (сначала пехотная, а потом – объединенная) школа по подготовке командных кадров. Центральный исполнительный комитет Киргизской (Казахской) АССР, находившийся в г. Оренбурге, взял шефство над школой, в связи с чем она потом стала носить его имя. Школа готовила не просто красных командиров и политработников, а командные кадры из национальных меньшинств, в том числе – и для Казахстана.

Школа размещалась в здании 2-го кадетского корпуса (ул. Советская, 1), штаб и административные службы занимали здание по ул. Советской, 2. В 1925 г. школе были переданы Михайловские казармы (в начале ул. 9 Января, примыкают к зданию тюрьмы), где расположились учебные комнаты, библиотека, ленинский уголок, хозяйственные службы [3].

О работе этой школы позволяют судить материалы Центра документации новейшей истории Оренбургской области, в частности – такие документы, как политдонесения военных комиссаров школы разных лет Евсеева, Ситникова, Мусина в политуправление округа, Киргизский краевой военкомат и Оренбургский губернский комитет партии. Интересны в качестве источников протоколы партийных и общих собраний курсантов школы, также хранящиеся в ЦДНИОО. В этих документах содержится довольно полная характеристика хозяйственного, политико-морального состояния школы, партийно-воспитательной работы, проводимой с курсантами. В школе ежегодно обучалось около 350–450 человек, курс обучения составлял полтора года. Контингент курсантов школы состоял из конного дивизиона (именно там обучались казахи), роты пехотинцев-курсантов (которая набиралась главным образом из русских крестьян) и хозяйственной команды уборщиков строевых лошадей. В школе существовали также подготовительные классы, курсанты которых не являлись военнообязанными и имели право уйти из школы по собственному желанию в любое время [4].

Зимой будущие командиры овладевали теоретическим курсом и общими дисциплинами, а летом выезжали в лагерь: рота курсантов-пехотинцев старшего класса – в стационарные лагеря имени главкома С. С. Каменева (Тощие лагеря) и лагеря Саратовской области (г. Красный Кут), кавалерийский дивизион курсантов-казахов – в лагеря татаро-башкирской школы в г. Казани, или в палаточные лагеря на горе Маяк в черте г. Оренбурга, хозяйственная команда и штаб школы обычно оставались на зимних квартирах.

Казахский дивизион полностью и с большой охотой выезжал в летние лагеря. Жизнь и работа под открытым небом – основная причина улучшения настроения и физического состояния курсантов-казахов: зимой пятая часть казахских курсантов выбывала из школы по болезни. Военный комиссар школы Мусин 12 июля 1926 г. сообщал в своем политдонесении, что «несмотря ни на какие трудности, стремление к работе и отношение к уче-

бе у курсантов-казахов сильно. При занятиях наблюдается особый интерес к физкультуре и езде... Усвоение курсантами предметов, проходимых в лагере, весьма удовлетворительное. У курсантов-казахов совершенно изжились та отсталость и вялость, которая замечалась на зимних квартирах перед выездом в лагерь». Летом, после лагерных сборов курсантов отпускали на полтора месяца на каникулы. Результаты теоретических работ и летних сборов подводилось на школьных конференциях, постоянно отмечались при этом не лучшие знания казахов в общеобразовательных дисциплинах из-за слабости владения русским языком, отсутствия военно-политической литературы на родном языке. Отражалась на учебе и слабая на первых порах укомплектованность кавалерийского дивизиона командным составом. Казахи-курсанты вполне справедливо жаловались на это. Неоднократно руководство школы поднимало вопрос о необходимости качественного подбора комсостава для школы как национальной, сообразуясь в его подготовке как строевой, так и политической с правильным пониманием национальной политики советской власти, знаний языка и быта казахов [5].

Провиантское довольствие курсантов, несмотря на тяжелое положение страны, было достаточным. Кроме того, на так называемое приварочное довольствие курсантам отпускалось по 13 копеек на сутки, остальному составу – по 8 копеек. Питание курсантов в летних лагерях улучшалось за счет введения в рацион молочных блюд. При увеличении цены на мясо росло и приварочное довольствие. Овощи и фураж школа приобретала у местных артелей и в совхозе по вполне сходным ценам. Эти отношения устанавливались в специальном договоре. С вещевым обеспечением было сложнее: всем приходилось модернизировать форму царской армии, которой обеспечивалась РККА в эти годы. Казахским курсантам, щупленьким и низкорослым, форма была велика, на перешивку школа средств не выделяла, поэтому курсанты подгоняли форму кто как мог [6].

Особо следует сказать о состоянии здоровья курсантов. Ежегодно по состоянию здоровья из школы увольнялось около 10% курсантов. Среди казахов были распространены туберкулез и другие легочные заболевания, как и среди всего казахского населения, особенно в бедняцкой и батрацкой части, из которых школа и получала пополнение. В 1922 г. в школе около 40% курсантов болели малярией. Командование школы, заботясь о здоровье курсантов, регулярно проводило специальные проверки санитарного состояния школы, 1 раз в месяц везде проводилась генеральная уборка, на общих собраниях слушались вопросы о средствах борьбы с туберкулезом, проводилась обязательная бесплатная вакцинация курсантов против оспы [7].

После каждого нового набора партийно-политический аппарат школы в лице так называемой чрезвычайной мандатно-проверочной комиссии всесторонне изучал состав курсантов: степень грамотности, социальное

происхождение, подготовка по политграмоте. Большую роль в этом играли политруки рот и взводные организаторы. Исходя из анализа и итогов этих проверок, строился процесс обучения и внеклассной работы. Отбор проводился из соображений, «чтобы курсанты были вполне преданы завоеваниям Великой Октябрьской Социалистической революции, любили и желали изучать военное дело, были безукоризненными в моральном отношении, физически и умственно здоровыми».

Боевое крещение курсанты получили в сражениях Красной Армии на пяти фронтах: в 1921 г. – в ликвидации антисоветских выступлений генерала Сапожкова, командира 49-й дивизии Охранюка-Черского, кавалера двух орденов Красного Знамени; в 1922 г. – командира полка Серова и др. За участие в боевых действиях, за героизм и доблесть школа была награждена в 1921 г. высшей боевой наградой в Советской республике – Почетным революционным Красным знаменем ВЦИК, таким же, как и город Оренбург за героическую оборону от Колчака весной 1919 г. [8].

Школа как неотъемлемая часть общества принимала участие во всех партийных и комсомольских мероприятиях губернии и округа: партийных конференциях, съездах Советов, революционных празднествах, шествиях, субботниках. Внешкольная, неучебная работа и жизнь курсантов были весьма разнообразны. Переизбираемый так называемый клубный совет школы руководил работой редколлегии, выпускавшей газету на русском и казахском языках, библиотекой и многочисленными кружками. В школе работали русские и казахские кружки: драматические, хоровые, музыкальные, спортивные, военных корреспондентов, казахский естественно-научный, русский литературный. Известно, что в школе учился и занимался в русском литературном кружке советский поэт С. П. Щипачев. В 1922 г. в школе при клубе работало 16 кружков, в них занималось 438 человек. Все формы внеклассной работы курсантов учитывались и отмечались в личных книжках. Для внешкольной работы курсантам отводились воскресенья и два свободных вечера по выбору всему составу школы. Работа кружков не прекращалась и в лагерный летний период.

Курсантами проводилась большая шефская работа, за которую в школе отвечала комиссия связи – представители партийного бюро, комсомольцы-активисты. Они шефствовали над аулом №2 на юге губернии, казачьей станицей Нижняя Павловка: посылали подшефным газеты, литературу, докладчиков на политические мероприятия, для проведения различных кампаний, в Нижней Павловке оплачивали наем помещения для начальной школы, поддерживали тесную связь с комсомольскими организациями завода Орлес, железнодорожных мастерских, пивоваренного завода, учебными заведениями и воинскими частями. С городскими организациями и учебными заведениями связь поддерживалась путем взаимного представител-

ства на заседаниях, постановках спектаклей, празднествах и обмена постановками и докладами. Шефы-курсанты были самыми желанными гостями в подшефных пионерском отряде №14 и детском доме №1, где в 1924 г. организовался первый в городе пионерский отряд. Воины приглашали воспитанников детского дома на все праздники, спектакли и концерты, помогали материально: отчисляли ежемесячно по 1% из жалованья всего состава школы. Получалось около 80 рублей ежемесячно, что составляло по тем временам немалую сумму. Об этом вспоминала воспитанница детдома №1 Елена Трофимовна Ильина, передавшая ЦДНДОО фотографии детей с шефами-курсантами. Курсанты помогали также дому инвалидов: отчисляли двухдневный паек и ставили спектакли в его пользу [9].

Очень серьезное внимание в школе уделялось ликвидации неграмотности. Созданная с этой целью школа грамоты для курсантов строила свою работу на основе приказа РВС СССР №927 от 1925 года. В спецдонесении начальника школы говорилось, что «новички-курсанты 1923 г. неграмотны на 90%, все религиозны». Поэтому значительное место в работе с курсантами отводилось антирелигиозной пропаганде.

Среди курсантов 1923 г. преобладали дети крестьян-середняков и зажиточных хозяев, мало симпатизировавших твердой политике советской власти. Эти новички, по мнению комиссара школы Мусина, «были крайне скрытны, как бы боялись откровенно говорить с воспитывающим и обучающим их составом. По окончании школы все они стали грамотными как политически, так и технически, совершенно отбросили религиозные предрассудки и стали откровенно говорить обо всех вопросах жизни». Так, в январе 1923 г. на одном из открытых партийных собраний проводили диспут «Религия и наука», который продолжался 4 часа и вызвал живой интерес курсантов и персонала школы.

Большую роль в жизни школы играли партийная и комсомольская организации, в которых преподаватели и курсанты состояли вместе. Они имели своей целью скорейшую политизацию курсантов, вовлечение их в политико-просветительную работу, деятельность таких общественных организаций как МОПР, АВИАХИМ, общество культурной смычки города с деревней, воспитание активистов из казахов и «всенепременное воспитание их в духе интернационализма», который в первые годы существования СССР был одним из краеугольных камней новой идеологии.

Постепенно обучение в школе переводилось на казахский язык, т.к. с переездом из г. Оренбурга в новую столицу республики – г. Кызыл-Орду всех органов власти и организаций Казахстана туда должна была переехать и школа по подготовке командных кадров. Кроме того, и сами курсанты просили о преподавании предметов на родном языке. По их просьбе на казахском языке проводились также занятия по линии партийного и политиче-

ского просвещения, хотя кадров со знанием языка не хватало, особенно начальствующего состава. К 1924 г. школа оказалась в неопределенном положении, т.к. на ее здания стала претендовать переведенная в Оренбург из Серпухова военная школа воздушного боя и бомбометания. Временно летчики размещались в корпусах женского монастыря и пребывали там до 1928 года. ЦИК КАСС, чьим именем была названа школа, продолжал и после своего отъезда оказывать ей серьезную шефскую помощь главным образом в улучшении внутренне-бытового и культурно-просветительного состояния курсантов-казахов [10].

Находившаяся в г. Оренбурге более 7 лет 18-я школа им. КирЦИК внесла заметный вклад в создание и становление вооруженных сил Казахстана и РККА.

Примечания

1. Образование Казахской АССР: сб. документов и материалов. Алма-Ата, 1957. С. 126.
2. Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДНИ ОО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 138. Л. 106, 107; Ф. 11. Оп. 1. Д. 63. Л. 134–137.
3. ЦДНИ ОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 646. Л. 37,39.
4. Там же. Д. 987. Л. 150; Д. 646. Л. 35.
5. Там же. Д. 987. Л. 6, 15 об.
6. Там же. Д. 646. Л. 35.
7. Там же. Д. 987. Л. 5,6; Ф. 8. Оп. 1. Д. 43. Л. 33; Д. 111. Л. 5, 8.
8. Там же. Д. 360.
9. Там же. Д. 646. Л. 36; Ф. 8. Оп. 1. Д. 111. Л. 5. 37, 39.
10. Там же. Д. 646. Л. 18, 23, 36;39; Ф. 8. Оп. 1. Д. 111. Л. 15.

*Л.И. Футорянский,
г. Оренбург*

ЕВРЕИ НЕ ТОЛЬКО НАИБОЛЕЕ ПОСТРАДАВШИЙ, НО И ОТВАЖНО СРАЖАВШИЙСЯ С ФАШИСТАМИ НАРОД

Служители третьего рейха безжалостно истребляли на оккупированной территории нашей страны еврейских стариков, женщин и детишек. Только в Европе уничтожили в душегубках 11 миллионов представителей еврейского народа, а на временно оккупированной территории нашей страны отправили на тот свет пять миллионов лиц еврейской национальности. Фашисты безжалостно бросали в душегубках, избивали до смерти лиц еврейской национальности и фашисты безусловно превзошли средневековых инквизиторов. Кровь замученных стариков и женщин, а также и детишек, память замученных детей, стариков, женщин не может быть когда-либо за-

бытой. В то же время надо подчеркнуть, что в боях за советскую Родину сыны и дочери еврейского народа не боясь смерти, шли в бой с фашистами.

Национальный состав погибших военнослужащих: русские – 5747,1 тыс., украинцы – 1376,5 тыс., белорусы – 251,4 тыс., татары – 188,3 тыс., евреи – 138,7 тыс., казахи – 130,0 тыс., узбеки – 121,4 тыс., армяне – 83,2 тыс., грузины – 79,7 тыс., мордва – 63,3 тыс., чувашаи – 63,1 тыс., азербайджанцы – 58,1 тыс., молдаване – 53,7 тыс., прибалты – 44,2 тыс., башкиры – 32,1 тыс., киргизы – 26,9 тыс., удмурты – 23,4 тыс., таджики – 22,5 тыс., туркмены – 21,7 тыс., марийцы – 20,8 тыс., коми – 16, 5 тыс., буряты – 13,0 тыс., народности Дагестана – 11,3 тыс., осетины – 10,4 тыс., другие национальности – 71,1 тыс. [1].

Не случайно, что по числу Героев Советского Союза евреи занимают пятое место. В первых рядах по числу Героев Советского союза были русские – 8166, на втором месте украинцы – 2069, на третьем белорусы – 309, на четвертом татары – 161, а на пятом среди многочисленных народов шли евреи – 108. Среди казахов – 96, грузин – 90, армян – 90, узбеков – 69, мордвы – 61, чувашей – 44, азербайджанцев – 43, башкир – 39, осетин – 32, марийцев – 18, туркмен – 18, литовцев – 15, таджиков – 14, латышей – 13, киргизов – 12, удмуртов – 10, карелов – 9, эстонцев – 8, калмыков – 8, кабардинцев – 7, адыгейцев – 6, абхазцев – 5, якутов – 2, молдаван – 2. Думается, пятое место среди Героев Советского союза весьма почетно [2].

Среди Героев Социалистического Труда надо назвать Зельцмана Исаака Моисеевича, генерал-майора инженерно-танковой службы, директора Кировского завода, тогда находившегося в Челябинске. Тогда же он был замнаркома танковой службы 1942–1943, позднее наркомом танковой промышленности, добившимся перелома в выпуске танков. Если в начале войны было всего 19 танков Т-34, а также тяжелых танков КВ, то под руководством Зельцмана всего было выпущено 18 тыс. танков [3]. Он награжден тремя орденами Ленина, орденом Суворова 1-й степени, Кутузова 2-й степени, двумя орденами Трудового Красного знамени, орденом Красной звезды, орденом Красного Знамени.

Малиновский Родион Яковлевич – дважды Герой Советского Союза, герой Югославии. Командовал армиями и фронтами Великой Отечественной войны. Министр обороны СССР. Награжден пятью орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова 1-й степени, орденом Кутузова 1-й степени, удостоен ордена «Победы».

Хотелось бы подчеркнуть, что на фронтах Великой Отечественной войны погибло 138 тысяч евреев [4].

Также следует отметить что пятое место занимают евреи не только по числу Героев Советского Союза, но и по числу погибших военнослужащих [5].

Примечания

1. Всероссийская книга памяти 1941–1945. С. 413.
2. Великая Отечественная война 1941–1945: энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1985. С. 205.
3. Челябинск. История моего города. Челябинск, 1999. С. 202 // Великая отечественная война 1941–1945 гг. С. 227.
4. Там же. С. 430.
5. Всероссийская книга памяти 1941–1945. С. 413.

*А.И. Тимиргазиева,
г. Уфа*

ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЯ К РЕПАТРИАНТАМ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ ПОСЛЕВОЕННОГО ПЕРИОДА (на материалах Южного Урала)

После победы над гитлеровской Германией советским государством проводилась сложная и трудная работа по репатриации (возвращению на Родину) советских граждан, угнанных фашистскими оккупантами. Нужно было выявить их местонахождение и помочь вернуться домой. Несколько миллионов соотечественников, которые во время войны по чужой или по своей воле оставались за пределами страны, теперь возвращались обратно. По данным Управления уполномоченного СНК СССР по репатриации, на 1 февраля 1946 г. в Советский Союз с территории Германии и других государств было репатрировано всего 5,2 млн человек, из них 1,8 млн бывших военнопленных и 3,4 млн гражданского населения.

Все репатрианты, независимо от того, принадлежали они к военнопленным или гражданскому населению, должны были пройти проверочно-фильтрационный лагерь, где в основном решалась их судьба. Несмотря на заявления официальных инстанций о том, что «основная масса советских людей, находившихся в немецком рабстве, осталась верна Советской Родине», отношение к репатриантам, особенно местных властей, было скорее негативным и почти всегда подозрительным [1].

Еще в ходе войны многие бойцы, бежавшие из плена, именовались «лицами, не внушающими доверия», «политически неблагонадежными» или «сомнительными в идеологическом отношении». После окончания войны, в условиях усиления тоталитарных тенденций и культа личности, началась массовая проверка людей, освобожденных из плена. Кроме этого, ставились под особый контроль люди, находившиеся на территории фашистской оккупации или имеющие родственников-немцев. Всех их ожидали суровые испытания: недоверие, допросы, часто заканчивавшиеся заключением в лагерь. Те, кто оставался на свободе, испытывали трудности с трудоустройством,

пропиской, получением жилья и образования. В анкеты была введена специальная графа, в которой все граждане должны были указать, были ли они или их близкие родственники в плену или на оккупированной территории.

Такое отношение соответствующим образом сказывалось на настроениях репатриантов. Неясный правовой статус репатриированных рождал у них сомнения в будущих профессиональных перспективах. В большинстве своем репатриантами являлись молодые люди, и в их среде наиболее часто звучали вопросы: «Правда ли, что мы будем работать под конвоем?» и «Будут ли нас принимать в учебные заведения?».

Высшие учебные заведения Южного Урала отражали общегосударственную тенденцию недоверия к так называемым «политически неблагонадежным лицам». Проблема «очищения» от них системы образования постоянно поднималась на партийных пленумах и конференциях. Если представить обобщенный социальный портрет лица, внушающего «политическое доверие», то это был идеологически подкованный в духе идей марксизма-ленинизма и Коммунистической партии атеист; желателен, член ВКП(б) или ВЛКСМ; не пребывавший ни в плену, ни на оккупированной территории, ни в окружении в годы Великой Отечественной войны; не имеющий репрессированных родственников и, разумеется, сам не подвергавшийся репрессиям. Государству нужны были люди, которые адекватны по своим социокультурным характеристикам данной общественной системе. Руководители понимали, что какие бы амбициозные цели и задачи по восстановлению страны ими ни ставились, реализовывать их будут в первую очередь люди. Для этого требовались не только грамотные, высококвалифицированные кадры, но и «политически благонадежные».

Таким образом, партийные органы давали указания ректорам вузов и деканам факультетов о необходимости выявления студентов, бывших в плену или окружении, живших в зоне фашистской оккупации и так далее.

Приемные комиссии вузов обязаны были проводить работу по обнаружению абитуриентов, имеющих компрометирующие их биографические данные. Например, в 1950 г. три выявленных комиссией абитуриента, бывших в плену, так и не стали студентами Башкирского государственного педагогического института [2]. По поводу некоторых студентов дирекция, секретарь партбюро Башгоспединститута отправляли объяснительные записки на имя секретаря Башкирского обкома – почему и на каком основании принят тот или иной студент. Факты биографии отдельных студентов вскрывались и вменялись им в вину, они становились персонами «нон грата», или «лицами, не внушающими политического доверия». В объяснительной записке директор Башгоспединститута Г.Т. Валиев и секретарь партбюро М.Д. Маслов, отвечая на запрос обкома о фактах «засоренности» контингента студентов, сообщает следующее: «1) Микерин В.В., 1919 г.р. При поступлении в институт в 1946 г. скрыл свое пребывание в плену. Окончил

инфак. Выявлен 25.01.50г. 2) Исмагилов И.Т., 1920 г.р., был у немцев в плену и т.д. Министр просвещения С. Алибаев также сообщает 28/6 – 1950 г. в докладной записке секретарю Баш. обкома Шафикову Г.Ф. о том, что «в БГПИ данному вопросу не придается должное значение, в результате чего состав студентов не только не очищается от таких элементов, но даже продолжается его засорение. Вот почему ежегодно при распределении выпускников комиссия обнаруживает лиц, бывших в плену и других лиц, не внушающих доверия, которые были в свое время без всякого стеснения приняты директором института тов. Валиевым на учебу. Среди этих лиц встречаются даже специалисты в области истории, литературы и т.д.» [3].

С. Алибаевым приводятся примеры: «1) Честерфильд Г.Г. в период войны находилась на оккупированной немцами территории и до сих пор неизвестно, чем она занималась и по какой причине она эвакуировалась в Башкирию после окончания войны. 2) Выпускник исторического факультета Герасимов Л.С. – бывший военнопленный. Среди выпускников прошлых лет встречались даже уроженцы Германии, родственники которых репрессированы нашими органами. В аспирантуру был принят человек, бежавший с фронта, отказавшийся служить в Советской армии [4]. Несмотря на все это, Г.Т. Валиев продолжает принимать лиц, пребывавших в плену, и других, не внушающих доверия лиц, засоряет состав студентов, не делая никаких выводов из решения обкома ВКП (б) по этому вопросу» [5].

Постоянное давление и критика государственных и партийных органов приводили к тому, что система контроля за данным направлением становилась с каждым годом все более четкой и отлаженной. Система ставила целью изолировать репатриированных, исключив для них возможность получения высшего образования. Это объяснялось не только общим недоверием ко всем, кто на какое-то время вышел из-под контроля советской идеологической машины, но и опасениями властей, что люди, побывавшие на Западе или на территории немецкой оккупации, могут стать для своих соотечественников, а получившие образование вдвойне, источником непрофильтрованной информации. Один из районных начальников, делаясь опытом изолирования репатриантов, говорил: «Мы им тут контрреволюцию разводить не даем, сразу всех мобилизуем и отправляем на плоты, на сплав леса».

Вообще, следует отметить, что в традициях русской армии было гуманное отношение к своим военнопленным, оказавшимся во вражеском плену. Иным стал подход к бывшим пленным в условиях тоталитарного режима. Он видел в лице репатриантов реальную угрозу системе и пытался всеми средствами, в том числе устраняя людей от обучения в высшей школе, изолировать от общества всех, кто побывал по ту сторону государственной границы. Несомненно и то, что подобное «государственное» недоверие к своим гражданам становилось анахронизмом.

Примечания

1. История России. 20 век. – М.: АСТ, 1996. – С. 474.
2. ЦГАОО РБ. Ф.122. Оп.30. Д.541. Л.44.
3. ЦГАОО РБ. Ф.122. Оп.32. Д.337. Л.22.
4. ЦГАОО РБ. Ф.122. Оп.30. Д.541. Л.168
5. ЦГАОО РБ. Ф.122. Оп.30. Д.541. Л.170.

*И.В. Люкшина,
г. Оренбург*

К ВОПРОСУ О ВЫПУСКЕ ВООРУЖЕНИЯ НА ЧКАЛОВСКИХ ПРЕДПРИЯТИЯХ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941 – 1945 гг.

Вопросам выпуска вооружения и боеприпасов на чкаловских предприятиях в годы Великой Отечественной войны, в т.ч. эвакуированных в нашу область, посвящено значительное количество работ ученых-историков, многие из которых продолжительное время работали и работают с архивными документами в государственном бюджетном учреждении «Центр документации новейшей истории Оренбургской области» ГБУ «ЦДНННО» [1]. Однако информационный потенциал хранящихся в архиве документов периода Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. продолжает оставаться достаточно высоким.

16 августа 1941 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление, представлявшее собой программу развития военно-промышленной базы в восточной части страны на IV квартал 1941 г. и на 1942 г. по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири и т.д. В этих районах предусматривалось сосредоточение эвакуированных оборонных заводов и возведение новых, производящих вооружение и боеприпасы. Ответственность за эвакуацию возлагалась на наркоматы и директоров предприятий.

За 1941 – 1942 гг. в Чкаловскую область было перемещено свыше 60 предприятий, среди которых имелось 18 крупных предприятий союзно-республиканского подчинения, к 1944 г. их число возросло до 30 [2]. На заводах Чкаловской области (оборонного значения и гражданских) в ходе войны производились: патроны стрелкового оружия, гранаты ручные, гранаты противотанковые, мины, осколочные снаряды, авиационные бомбы (фугасные, тяжелые, противотанковые), фугасы, взрыватели к минам и проч. А также необходимые детали, корпуса, в т.ч. гильзы, флегматизаторы, водомаслогрейки, подогреватели и подъемники для самолетов. Некоторые номерные заводы (имевшие статус секретности) производили вооружение: самозарядные винтовки, пушки «Швак», учебно-тренировочные и транспортно-десантные самолеты.

Основную часть вооружения и боеприпасов производили эвакуированные заводы оборонного значения. Одним из первых в г. Чкалов из г. Киева прибыл завод №245 Главного Управления Гражданского воздушного флота (20 июля 1941 г.). Для эвакуации предприятию потребовалось 60 вагонов. Заводу удалось вывезти 70% оборудования, цветных металлов, инструментов. С ним приехали только 46 рабочих, инженеров, техников, остальные были призваны в армию, часть мобилизована на рытье окопов. 5 сентября из г. Киева дополнительно прибыло еще пять платформ с заводскими материалами. Завод разместили в помещениях артели «Южный Уралец». Завод выпускал подъемники самолета ПС-84, водомаслогрейки, подогревательные лампы АПЛ-1. Уже 31 августа 1941 г. самолетом в Москву была отправлена первая партия подогревателей из привезенного задела [3]. Из Луганска удалось эвакуировать 863 станка и пять прессов патронного завода № 545, что дало возможность в г. Чкалове основным цехам – гильзовому, пульному, зарядательному – выпускать 25 млн штук патронов. Ровно через пятнадцать дней завод дал первую продукцию, которая поступала на фронт в течение всей войны [4].

Ленинградский авиазавод №47 принимали в г. Чкалове с 11 августа по 5 сентября 1941 г. Предприятие разместилось на территории авиамастерских, ангара, мебельной фабрики, складов авиаучилища №2. В информации секретаря Чкаловского обкома ВКП(б) А. А. Дубровского в управление кадров ЦК ВКП(б) о состоянии оборонных и авиационных предприятий, эвакуированных в Чкаловскую область за ноябрь 1944 г., отмечалось: «Завод №47 Наркомата авиационной промышленности прибыл из города Ленинграда в начале сентября с правительственным заданием – выпуск самолетов УТ-2. Оборудование для производства заданной продукции заводом получено полностью, смонтировано на рабочих площадях ремонтных мастерских авиаучилища и мебельной фабрики. С 1 октября [1941 г.] завод начал выпуск самолетов УТ-2. Имея привезенный задел, запасы сырья и материалов октябрьское задание завод выполнил. Выполнение задания ноября месяца задерживается из-за необеспеченности завода материалами, отсутствует казеиновый клей, аэролак, текстиль, метизы, резина, винты, цветные и черные материалы. Поставщики этих материалов заводу еще неизвестны. По приказу наркома завод получил задание организовать в начале 1942 г. производство самолетов ЯК-1, для этого заводу должно прибыть оборудование завода 478. По неизвестным заводу причинам оборудование еще не поступает. Строительство необходимых для организаций производства ЯК-1 – 20 тыс. квадратных метров рабочих площадей заводом не начато». В годы Великой Отечественной войны завод выпускал самолеты: УТ-2, УТ-2М, штабной самолет ЯК-6 конструктора А. С. Яковлева и транспортно-десантный самолет ЩЕ-2 конструктора А. Я. Щербакова. Всего поставлено

фронту 1595 самолетов [5]. 15 октября 1961 г. завод №47 переименован в Оренбургский машиностроительный завод. 7 апреля 1986 г. Оренбургский машиностроительный завод преобразован в «Производственное объединение «Стрела», ставший в 2004 г. акционерным обществом. В настоящее время завод продолжает выполнять государственные заказы по изготовлению авиационной продукции.

К числу главных проблем, которые пришлось решать при переключении заводов и фабрик на оборонное производство, относились поиск и освоение новых технологических процессов. Так, на заводе №174 им. К. Е. Ворошилова Наркомтанкопрома, прибывшем из Ленинграда с правительственным заданием по выпуску танков Т-50, особенно остро стоял вопрос о выполнении производственной программы за декабрь 1941 г. и перспективах работы завода на январь 1942 г. по выпуску машины Т-50. В уже упомянутой информации секретаря Чкаловского обкома ВКП(б) А. А. Дубровского по состоянию на 20 ноября 1941 г. указано: «Завод №174 Наркомтанкопрома прибыл из Ленинграда с правительственным заданием по выпуску танков Т-50. Размещен на рабочих площадях ПВРЗ в Чкалове. Из предполагаемого получения 21 эшелона с оборудованием и материалами на сегодня получено только 7, 14 эшелонов находятся в пути. Из полученных 850 единиц оборудование 50% смонтировано и работают на программу ноября месяца, 50% находятся в стадии подключения. Выполнение заданного плана выпуск 10 танков Т-50 в ноябре задерживается из-за отсутствия электропроводников, текстолитового электрооборудования, вентиляторов, оптических приборов и непоставкой деталей другими заводами. Завод не обеспечен электроэнергией, общая потребность 4500 кв., городская электростанция дает 500 кв., с установлением дополнительно турбины может дать еще 1500 кв. Пуск турбины задерживается из-за отсутствия котлов, последние Мичуринским заводом отпущены, но затрудняется их переброска в г. Чкалов».

В результате затянувшийся период строительства и пуска завода, отсутствие стального лома, целого ряда материалов и полуфабрикатов, поставляемых другими заводами, недокомплект оборудования не позволили осуществить производственную программу. Кроме того, Наркомтанкопром все время менял задания по выпуску продукции. Всего заводом к январю 1942 г. было собрано 10 опытных образцов машин Т-50. Не прошедшие испытания, они были сняты с производства. По решению ГКО от 7 марта 1942 г. завод переброшен в г. Омск и вошел в состав объединенного танкового завода [6].

В ноябре 1941 г. из районов военных действий в Чкаловскую область прибыл завод №621, размещенный и организованный на рабочих площадях новобрикетной фабрики медносерного завода, гаража Ормедьстроя в г. Медногорске. Позже на эти площади поступило производственное обо-

рудование завода №314 из г. Тулы. Объединенный завод под №314 наладил выпуск самозарядной винтовки СВТ–40 (самозарядная винтовка Токарева, образца 1940 г.). Вместе с оборудованием прибыл и задел, обеспечивший выполнение ноябрьского плана в 10000 винтовок. На наш взгляд, выполнению производственных планов во многом способствовало привезенное оборудование «в рабочем состоянии» и соответственно уже имеющиеся «заделы» оборонной продукции.

В масштабах СССР по довоенным планам в 1941 г. предполагалось выпустить 1,8 млн СВТ, в 1942–2 млн К началу войны было изготовлено свыше 1 млн СВТ, и многие военные части и соединения, в основном в западных военных округах, получили штатное количество самозарядных винтовок. В 1942 г. их производство, однако, составило лишь 264 тысячи (и 14,2 тысячи снайперских винтовок). Производство было прекращено по приказу ГКО в 1945 г.

Примечательно, что архивные документы ГБУ ЦДНПО за 1942–1944 гг., среди них такие, как докладная записка парторга ЦК ВКП(б) завода №314 А. Кузьмичева в ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову о работе завода с обозначением плана и материалов выпуска винтовок; спецсообщение Козырева, заместителя начальника УНКВД по Чкаловской области Г.А. Денисову, секретарю Чкаловского обкома ВКП(б) о выпуске автоматических винтовок и пушек «Швак» на заводе №314 в г. Медногорске; докладная записка Чкаловского обкома ВКП(б) в Медногорский горком ВКП(б) об изготовлении винтовок сверх плана с целевым назначением в подарок белорусским партизанам; докладная записка Сафонова, секретаря Медногорского горкома ВКП(б) в Чкаловский обком ВКП(б) о недостатках в сборке винтовки Токарева, а также планы, графики выпуска ежедневной продукции, письма о недостатках в сборке автоматических винтовок образца 1940 г. и ряд других, позволяют более детально проследить вопрос промышленного производства СВТ–40 и ее модификаций (снайперская винтовка СВТ–40) на заводе №314 г. Медногорска Чкаловской области [7].

Особенностью организации производства вооружения и боеприпасов являлось то, что кроме заводов оборонного значения на выпуск продукции для фронта перешли предприятия и других отраслей промышленности. Наиболее крупными предприятиями местной промышленности в Чкаловской области были заводы: паровозоремонтный, лесопильный, комбикормовый (второй по мощности в СССР), три мелькрупзавода. Менее крупными являлись обзостроительный (на его месте расположился станкозавод), шпалопропиточный, кожевенный, маслособойный, три кирпичных, спиртоводочный заводы, мясокомбинат, фабрики: швейная, шорноседельная, пуховых платков и др. В составе кустарно-промышленной кооперации находились заводы: «Южный Уралец», мыловаренный, огнеупорно-

го кирпича, пимокатный и т.д. Нередко местные заводы, фабрики, промышленные артели предоставляли свои производственные площади, складские помещения (часто в ущерб собственному производству), часть оборудования, кадровый состав для восстановления прибывших предприятий [8]. Среди чкаловских предприятий в годы войны выделялся механический завод им. С.М. Кирова Наркомата среднего машиностроения. Для фронта он выпускал цилиндры 82 мм мин, а также тракторные запчасти. На Орском мясокомбинате производились не только мясные консервы, мясoproдукты, концентраты, но и лекарства, гранаты. Орскому мясокомбинату был подчинен завод №20, выпускавший более миллиона ручных гранат в год [9]. То же относилось и к некоторой части эвакуированных фабрик и заводов. Так, например, из докладной записки секретаря Бузулукского горкома ВКП(б) А. Юлина секретарю Чкаловского обкома ВКП(б) Г.А. Денисову о прибытии и размещении в г. Бузулуке одесского завода им. Калинина Наркомата пищевой промышленности от 6 января 1942 г. известно, что до войны основную продукцию составляли: консервные банки и крышки для стеклянных банок для консервирования, а также сложные автоматические машины и запчасти для консервной промышленности. В июле 1941 г. из г. Одессы завод был эвакуирован в с. Харабали Сталинградской области и выпускал уже боеприпасы: ручные гранаты, в том числе новые гранаты РГ-К, принятые на вооружение Красной Армии в мае 1942 г. Кроме того, завод освоил производство 50 мм минометов ПМ-50, продолжал изготовление и консервных крышек. Вторично эвакуированный по распоряжению НКПП от 10 сентября завод им. Калинина прибыл в г. Бузулук и расположился на территории мельницы №9. С заводом прибыло основное оборудование и 137 человек квалифицированных кадров рабочих и ИТР. 83 единицы оборудования разных типов привезено в г. Бузулук, 29 единиц временно складированы в г. Соль-Илецке [10].

Таким образом, выпуск вооружения на территории Чкаловской области в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. тесно связан с развитием эвакуированных оборонных предприятий. Несомненно, прибывшие крупные заводы и фабрики дали определенный толчок развитию местной промышленности, в т.ч. и для мощного послевоенного образования крупных промышленных комплексов.

Примечания

1. Футорянский Л.И. Оренбуржье – Великой Победе. Оренбург, 1994; он же. Размещение эвакуированных предприятий, их восстановление // Оренбуржье в защите Отечества. Оренбург, 1995; Федорова А.В. Оренбург в годы Великой Отечественной войны. Оренбург, 1995; Бехтерев Д.Ю. Особенности размещения промышленности боеприпасов на Южном Урале в годы Великой Отечественной

войны // Оренбуржье в годы Великой Отечественной войны. Оренбург, 2005. С. 61–70; он же. Проблемы становления производства вооружений и боеприпасов на Южном Урале в период 1941–1942 гг. // СССР во Второй мировой войне: третьи Всероссийские историко-краеведческие чтения памяти профессора П. Е. Матвиевского. Оренбург, 2010. С. 56–61.

2. ЦДНДОО. Ф. 371. Оп. 8. Д. 133. Л. 42. Оп. 10. Д. 118. Л. 8.

3. Федорова А. В. Оренбург в годы Великой Отечественной войны. Оренбург, 1995. С. 30, 31.

4. Федорова А. В. Эвакуация в Оренбуржье в годы Великой отечественной войны (1941–1945 гг.). Страницы истории // Место эвакуации – Чкаловская область / под общ. ред. С. М. Муромцевой. Оренбург: Печатный дом «Димур», 2010. С. 11.

5. ЦДНДОО. Ф. 371. Оп. 5. Д. 93. Л. 28–31.; Федорова А. В. Оренбург в годы Великой Отечественной войны. Оренбург, 1995. С. 65.

6. Место эвакуации – Чкаловская область / под общ. ред. С. М. Муромцевой. Оренбург: Печатный дом «Димур», 2010. С. 249; ЦДНДОО. Ф. 371. Оп. 5. Д. 102. Л. 56. Оп. 6. Д. 315. Л. 6, 7, 43, 57, 78, 98, 100.

7. ЦДНДОО. Ф. 371. Оп. 6. Д. 301. Л. 50–51, 101–103. Оп. 7. Д. 371. Л. 28, 42, 48.

8. ЦДНДОО. Ф. 371. Оп. 10. Д. 118. Л. 41; Ф. 1557. Оп. 1. Д. 67. Л. 38–41.

9. ЦДНДОО. Ф. 748, Оп. 1, Д. 618, Л. 22; Футорянский Л. И. Оренбуржье – Великой Победе. Оренбург, 1994. С. 20.

10. ЦДНДОО. Ф. 1560. Оп. 1. Д. 74. Л. 70.

*К. А. Моргунов,
г. Оренбург*

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

С началом Великой Отечественной войны советская пропаганда стала активно обращаться к националистическим и общегражданственным чувствам народа. Официальная доктрина призывала к сплочению народов Советского Союза перед лицом общей опасности, демонстрировала позитивные примеры такого сотрудничества. Неизбежным следствием подобной пропаганды являлось усиление националистических чувств. При этом термины «немец» и «немецкий империализм» использовались для создания образа коварного и жестокого врага. Эта пропаганда не могла не отразиться на отношении к советским немцам, которые были подвергнуты депортации, а затем мобилизованы в трудовую армию. Помимо этого, в тяжелых условиях военного времени чрезвычайно обострились традиционно негативные стереотипы по отношению к представителям отдельных этнических общностей.

Изменение этнической структуры населения тыловых территорий в результате массовой эвакуации и перераспределения трудовых ресурсов

нашло свое отражение и на состоянии межнациональных отношений на Южном Урале.

В результате эвакуации из прифронтовых районов страны на Южном Урале значительно увеличилась численность отдельных этнических групп населения. Национальный состав эвакуированных чаще всего не фиксировался, но имеются данные о том, что к 15 октября 1941 г. только в Чкаловскую область прибыло 40355 евреев, 30013 русских, 14568 украинцев, 8780 белорусов, 728 поляков, 440 латышей, 158 немцев, 152 литовца, 126 эстонцев [1].

Работу по приему и расселению прибывающих осуществляли специальные эвакуационные комиссии и переселенческие отделы, создаваемые при исполнительных органах власти. Эвакуированным оказывалась вся возможная в этих трудных условиях помощь, касающаяся, прежде всего, материально-бытового положения, охраны здоровья, создания специальных образовательных учреждений. Параллельно проводилась работа, направленная на интернациональное воспитание как местного, так и прибывающего населения. В основной своей массе отношение местного населения к приезжим было доброжелательным. Свою роль в этом сыграла пропаганда интернационализма, а также богатый опыт совместного сосуществования и взаимодействия народов, населяющих этот многонациональный регион. Академик, директор Института электросварки АН Украины Е. О. Патон, прибывший по эвакуации в Челябинск, вспоминал: «Уральцы принимали украинцев в свои дома как родных братьев, как близких и дорогих людей, делились с ними всем, что имели» [2]. Эвакуированный в г. Чкалов в 1941 г. А. В. Вольфсон в своих воспоминаниях отмечает отсутствие у местных жителей антисемитизма в таком объеме, как это было в западных районах страны: «Многие местные обитатели, – отмечает он, – вообще не различали приезжих по национальности» [3].

Уделялось внимание и культурному обслуживанию эвакуированного населения. По инициативе украинской секции Союза писателей Башкирии в 1941 г. в республике широко отмечался юбилей украинского поэта И. Франко. В декабре 1942 г. повсеместно проводились мероприятия, посвященные 25-летию создания Украинской ССР. Местное население делилось с приехавшими соотечественниками всем, что имели сами. В 1942 г. в п. Тирлянский Башкирской АССР была создана спецшкола медсестер для латышских девушек. Эту школу окончили 360 девушек.

Особого внимания требовало создание системы образовательных учреждений для детей, эвакуированных из западных районов страны. В 1940/1941 учебном году в Челябинской области действовало 271 школа с преподаванием на татарском, башкирском и казахском языках, в том числе татарских – 80 школ (13858 учащихся), башкирских – 178 (9967 учащихся),

казахских – 13 (488 учащихся). Основная масса – 193 национальные школы, располагалась в трех районах: Аргаяшском, Кунашарском и Нагайбакском. Помимо этого и в русских школах имелись классы с преподаванием родных языков [4]. С началом эвакуации в области стали создаваться новые национальные школы. Так, в Далматовском, Варненском, Верхнеуральском, Макушинском и Чесменском районах Челябинской области были созданы школы для эстонских детей, преподавание в которых велось на родном языке [5]. В 1943/44 учебном году в Башкирской АССР обучение в 2058 школах велось на русском языке (что составляло 42,4% от общего количества школ в республике), в 1398 – татарском (28,8%), в 892 – башкирском (18,4%), 164 – марийском (3,4%), 127 – чувашском (2,6%), 39 – удмуртском (0,8%), в 26 – на эрзянском и мокшанском языках (0,5%). Кроме того, действовало 148 смешанных школ, в которых преподавание велось на нескольких языках (русский–башкирский, русский–татарский и т.д.) [6].

На начало 1944/45 учебного года, по данным Чкаловского облоно, в области действовало 429 нерусских школ, в том числе 321 начальная школа, 87 неполных средних и 21 средняя школа. В этих школах обучалось 24634 ученика. По национальному языку преподавания эти школы распределялись следующим образом: татарских школ – 138 (86 начальных, 38 – н/с, 14 – с/ш); казахских – 103 (88 – начальных, 14 – н/с, 1 – с/ш); мордовских – 87 (69 – начальных, 14 – н/с, 4 – с/ш); башкирских – 82 (67 – начальных, 13 – н/с, 2 – с/ш); чувашских – 17 (10 – начальных, 7 – н/с) и эстонских – 2 (по одной начальной и неполной средней) [7].

Однако с усилением тягот военного времени негативные этноконтактные установки и стереотипы, различие в культуре, обычаях и традициях местного и вновь прибывшего населения стали приводить к конфликтам, как бытовым, так и национальным. Наиболее остро это проявлялось в усилении антисемитских настроений. Если до войны в Челябинске проживало порядка 5 тыс. евреев, то к 1943 г. их численность составляла около 42–45 тыс. человек [8]. Численность еврейского населения в г. Чкалове в это период превышала 5 тыс. человек. Прибывшие размещались в имеющемся жилом фонде. Местным жителям приходилось потесниться. Сильная скученность, а также различия в культурных традициях часто приводили к бытовым конфликтам, принимавшим зачастую национальный характер. Так, в Половинкинском районе Челябинской области хозяева квартир, где были размещены эвакуированные евреи, называли их дармоедами и требовали плату вещами. Руководители низового звена тоже были подвержены антисемитским настроениям. В селе Горохово Юргамышского района директор местной школы, в доме которой были размещены постояльцы, отобрала у них и поломала табуретки, заявив, «пусть лучше сгниют в амбаре». Председатель одного из

колхозов Лебяжьевого района приглашал на собрание эвакуированных словами: «Вызывайте сюда всех жидов» [9].

Проявления антисемитизма не оставались незамеченными, и реакцией на них чаще всего становилось усиление агитационных мероприятий: проводились беседы по интернациональному воспитанию, читались доклады о дружбе народов СССР. Конкретные виновные могли быть уволены с занимаемых должностей, привлечены к партийной и уголовной ответственности. На заседаниях городских и районных партийных бюро случаи антисемитизма рассматривались как антисоветская деятельность. Например, в июле 1942 г. за проявления антисемитизма из партии был исключен бывший председатель райпортебсоюза Лебяжьевого района Кольев. Данный случай разбирался на закрытых заседаниях всех первичных партийных организаций, которые обязывались принять все меры к пресечению подобных настроений и действий [10]. В с. Ереминка Сакмарского района Чкаловской области местные жители стучали в окна дома, в котором поселилась семья Ривы Фрумкиной, и кричали «Жида, уходите!» У военфельдшера О. И. Бронштейн, размещенной в с. Беловка этого же района, местные жители требовали вещи в обмен на продукты. Уже в декабре 1941 г. Оренбургский обком был вынужден рассмотреть на своем заседании вопрос о состоянии межнациональных отношений в условиях массовой эвакуации. Было принято решение, обязывающее секретарей первичных парторганизаций пресекать «антисемитские вылазки», проводить целенаправленную работу по воспитанию трудящихся в духе дружбы народов. Местным партийным и советским организациям предписывалось сделать все возможное, чтобы новые места жительства стали для эвакуированных «родным, теплым домом» [11].

Общие антисемитские настроения, распространенные на бытовом уровне, находили свое проявление во взаимоотношениях между детьми. Одноклассники избивали еврейских детей, часто те вынуждены были скрывать свою национальность. Фиксировались случаи расклейки школьниками листовок, призывающих к «борьбе с евреями», содержащих антисемитские лозунги. Ученик челябинской школы №57 отказался записывать урок по истории Иудейского царства, заявив: «Евреями тетрадь пачкать не буду». В Катайском районе группа подростков, имеющих откровенно девиантные установки, занималась воровством, грабежами, «имела намерение достать оружие и избивать евреев» [12]. Случаи хулиганских действий взрослых, находящихся в нетрезвом состоянии, также нередко заканчивались антисемитскими действиями и высказываниями. В Уфе в 1942 г. детьми был зверски убит мальчик-еврей. На картонной фабрике «Красный ключ», расположенной в Нуримановском районе Башкирской АССР, был избит рабочий-еврей. Распространялись слухи, что евреев на фронте нет и все они скры-

ваются в тылу [13]. С неприязненным отношением к себе сталкивались и бывшие жители Прибалтийских республик. Они также слабо владели русским языком и имели специфические культурные особенности, которые могли вызывать неприятие у местных жителей. К этому следует добавить абсолютное непонимание социалистических реалий, что существенно затрудняло их социализацию. В Челябинскую область в июле–августе 1941 г. прибыло и размещено в шести районах области более 5 тыс. человек из Эстонии [14]. Местное население отнеслось к прибывшим с настороженностью и недоверием. На занятиях всеобща девушки-эстонки отказались бежать, считая это поведение неприличным, за что были наказаны: направлены на чистку уборных и посажены под замок. Имели место и обвинения эстонцев в кражах [15].

Неприязнь, обусловленная национальностью эвакуированных, коснулась и русских, которые распределялись для поселения в национальные населенные пункты. В Башкирии, в марийской деревне Шелкановка в 1942 г. был затравлен эвакуированный русский мальчик. В Буздякском районе во время работы в поле местная жительница Тагирова, татарка по национальности, не дала русской работнице воды. После того как последней стало плохо, бригадир сам хотел дать ей воды, но Тагирова выбила у него из рук кружку, заявив: «Я быстрее умру, чем дам русской напиток» [16].

Еще одной этнической группой, численность которой в годы войны значительно увеличилась, стали поляки. Основным районом формирования польских частей стала Чкаловская область. Неудивительно поэтому, что значительная часть бывших польских граждан устремилась в Чкаловскую область и непосредственно в г. Бузулук, где разместился штаб польской армии. Отдельные подразделения размещались также в Тоцком (запасной полк) и близ села Колтубанка (резервный полк). Сюда же прибывали и семьи польских солдат. Многие из поляков, прибывающих в г. Чкалов по железной дороге, попадали в эвакупункт, организованный на вокзале. В нем царил «...невообразимая скученность, завшивленность и эпидемии» [17]. Здесь же, на вокзале, размещалась и комендатура по обслуживанию польских граждан. Заместитель начальника отдела железнодорожной милиции Кокуев был вынужден просить предоставить отдельное помещение для польских граждан, прибывающих в Чкаловскую область с целью вступления в польскую армию, а также перевести из здания вокзала управление польской комендатуры.

Руководство армии в ходе ее формирования сталкивалось с многочисленными трудностями, связанными с финансированием, зимним расквартированием, перебоями в снабжении, недостатком строительных материалов. Поляки, прибывающие к месту формирования польской армии, чаще всего не имели никаких средств к существованию, были плохо одеты,

многие были больны простудными, желудочно-кишечными заболеваниями и цингой. В октябре 1941 г. при госпитале №1662 в г. Бузулуке было открыто специальное отделение для польских военнослужащих на 50 коек. В Чкаловской летной школе в годы войны прошли обучение 46 будущих летчиков польских ВВС. Еще 72 польских летчика было выпущено 30 ноября 1944 г. Сорочинской летной школой [18].

15 января 1943 г. СНК СССР было принято решение о проведении паспортизации бывших польских граждан, проживающих на территории Советского Союза. На территории Чкаловской области кампанию по паспортизации поляков планировалось начать с 10 марта 1943 г. Предполагая, что часть бывших польских граждан попытается уклониться от получения советских паспортов, секретарь Чкаловского обкома ВКП(б) Г. Денисов дал указание всем секретарям горкомов и райкомов области оказать необходимое содействие органам НКВД и милиции в обеспечении явки поляков в районные отделы НКВД. Туда же предписывалось направлять всю информацию о лицах, уклоняющихся от паспортизации, а также принимать меры к их задержанию и принудительной доставке в райотделы НКВД.

Поляки, не подлежащие мобилизации, обеспечивались работой, средствами к существованию и местом жительства наравне с остальными советскими гражданами. Большинство из них были направлены для работы в совхозы и колхозы. Некоторая дополнительная помощь им оказывалась за счет благотворительных грузов, получаемых по линии польского посольства. На местах для распределения поступающих грузов был сформирован институт доверенных лиц. Однако неконтролируемая благотворительная деятельность польского посольства не устраивала советское руководство. Так, в феврале 1943 г. поляки, проживающие в Соль-Илецком и Акбулакском районах, обратились в свое посольство с просьбой об оказании им материальной помощи. К заявлению прилагались списки поляков, удостоверенные председателем колхоза «Ащебута» Гильденбрантом и начальником строительства Акбулакского мелового завода Бугаецом и письменное подтверждение последними добросовестного отношения поляков к работе, а также их крайней нуждаемости в одежде и обуви. Это было расценено областным руководством как грубая политическая ошибка, как проведение антисоветской деятельности и клевета на советскую власть [23].

После принятия 21 мая 1943 г. постановления СНК СССР «О мерах улучшения материальной помощи полякам, эвакуированным из западных областей Украины и Белоруссии в тыловые районы СССР» распределение всех благотворительных грузов было передано в систему Наркомторга, где было создано специальное Управление особой торговли (Упрособторг). В распоряжение Упрособторга были переданы все 11 торговых баз польского посольства, существовавших в СССР, в том числе и в г. Чкалове. Вся ра-

бота по руководству снабжением польского населения возлагалась на уполномоченных Наркомторга, в ведении которого находился базовый склад благотворительных грузов, поступающих из-за границы. Летом 1943 г. в районы Чкаловской области было отправлено закрытое письмо за подписью секретаря обкома ВКП(б) и председателя облсовета, в котором говорилось о передаче всех благотворительных грузов, ранее находившихся в ведении польского посольства, в систему Наркомторга [24]. На чкаловскую базу Упрособторга первоначально возлагалась задача обслуживания всех бывших польских граждан, проживающих в Чкаловской и Актюбинской областях, а также в Башкирской АССР [25]. Позднее помимо этих регионов за чкаловской базой были закреплены Куйбышевская, Ульяновская, Кзыл-Ординская, Западно-Казахстанская (Уральская) и Гурьевская области [22].

Наркомторгом был распространен приказ, в соответствии с которым предписывалось создание на местах из числа бывших польских граждан комиссий содействия. В задачи этих комиссий входило осуществление помощи уполномоченным Наркомторга в работе по распределению благотворительных грузов. Членов комиссий содействия предписывалось избирать на общих собраниях поляков, прямым и открытым голосованием. Комиссии создавались по принципу межрайонного кустового обслуживания. От каждого района в комиссию должно было избираться по одному представителю. Всего в Чкаловской области к июню 1943 г. проживало 5928 поляков (по другим данным – 5999 человек) [23]. В таблице 1 приведены сведения о кустовании районов Чкаловской области по организации обслуживания польского населения.

Вопросам формирования комиссий содействия придавалось большое политическое значение. Местные власти допускали возможность «... попыток отдельных вражеских элементов, из числа бывших польских граждан, в состав комиссий содействия протащить нежелательных лиц» [25]. Ввиду этого чкаловский исполком облсовета и обком ВКП(б) приняли решение возложить ответственность за непосредственное руководство проведением общих собраний бывших польских граждан и за осуществление выборов комиссий содействия непосредственно на райсоветы и районные комитеты ВКП(б). Последним рекомендовалось немедленно приступить к подбору лояльно настроенных к советской власти кандидатур членов комиссий, положительно проявивших себя на работе в совхозах и колхозах, на промышленных предприятиях. Поощрялось включение в списки польских граждан-участников Отечественной войны, демобилизованных по ранению из рядов советской армии, постоянно проживающих до 1939 г. на территории Западной Украины или Белоруссии.

Таблица 1 – Кустование районов Чкаловской области по организации обслуживания польского населения [24]

Куст. Район	Кол-во обслуживаемого населения	Куст. Район	Кол-во обслуживаемого населения
Куст №1	311	Куст №5	917
Бугурусланский район	110	г. Чкалов	72
Асекеевский район	35	Чкаловский район	433
Краснопартизанский район	7	Павловский район	162
Секретарский район	4	Сакмарский район	37
Сок-Кармальский район	6	Октябрьский район	17
Мордово-Боклинский район	5	Белозерский район	37
Абдулинский район	98	Александровский район	8
Пономаревский район	29	Троицкий район	11
Матвеевский район	17	Екатериновский район	14
Куст №2	867	Бургинский район	126
Бузулукский район	529	Куст №6	520
Державинский район	9	Соль-Илецкий район	330
Грачевский район	56	Буранный район	105
Курманаевский район	127	Тепловский район	85
Тоцкий район	98	Куст №7	483
Андреевский район	48	Акбулакский район	483
Куст №3	854	Куст №8	578
Сорочинский район	477	Кувандыкский район	35
Свердловский район	88	Саракташский район	109
Ташлинский район	223	Зиянчуриновский район	31
Люксембургский район	66	Медногорский район	338
Куст №4	449	Гавриловский район	65
Покровский район	54	Куст №9	949
Переволоцкий район	92	Орский район	181
Ново-Сергиевский район	68	Халиловский район	122
Мустаевский район	125	Ново-Покровский район	133
Краснохолмский район	54	Ново-Орский район	38
Илекский район	56	Кваркенский район	255
		Домбаровский район	87
		Адамовский район	133
ИТОГО			5928

Кроме того, рекомендовалось ввести в состав комиссий выходцев из Польши, состоящих в рядах ВКП(б) или ВЛКСМ, а также членов семей поляков, мобилизованных в дивизию имени Тадеуша Костюшко. Параллельно контроль за ходом формирования комиссий содействия контролировался районными отделами НКГБ. Чтобы намеченные кандидаты не были провалены общим собранием, предписывалось обязать поляков-членов ВКП(б) и ВЛКСМ принять активное участие в проведении агитации участников собрания за голосование за намеченных кандидатов, а также выступить на собрании в их защиту. Здесь следует отметить, что численность поляков в областной парторганизации значительно выросла в годы войны. Если на период начала войны в парторганизации числилось 50 поляков, то к началу 1943 г. их было уже 137 человека (108 членов партии и 29 кандидатов) [26]. Само собрание рекомендовалось созывать только после тщательной подготовки и по всему межрайонному кусту в один день. Это, по мнению областного руководства, не даст антисоветски настроенным полякам возможности сориентироваться и выработать общую тактику поведения для того, чтобы «... отрицательно повлиять на исход дела» [27]. Вместе с тем общие собрания по всем районам предписывалось провести не позднее 10 июля 1943 г. В большинстве районов выборы в комиссии содействия состоялись именно 10 июля. В таблице 2 обобщены данные о лицах, избранных в комиссии по некоторым районам Чкаловской области. Эти данные еще раз подтверждают, что среди бывших польских граждан достаточно велико было представительство евреев, которые принимали самое активное участие в общественной жизни.

Таблица 2 – Бывшие польские граждане, избранные 7–10 июля 1943 г. в комиссии содействия по Чкаловской области [28]

Район	ФИО	Биографические данные
Абдулинский район	Карженевский Александр Емельянович	Бывший участник партизанского отряда
Адамовский район	Высоцкий Павел Флорионович	Рабочий Гильдинского мясо-совхоза
Акбулакский район	Арбайтман Яков Ушеревич; Медведь Исак Моисеевич; Шпигель Елияш Израилевич	Электрик мельзавода (1914 г.р., по нац. – еврей). Шлакоуборщик на ж/д станции Акбулак (1917 г.р., по нац. – еврей) Рабочий колхоза «Степная Правда». (1914 г.р., по нац. – еврей)

Александровский район	Сообщено, что бывших польских граждан нет	
Андреевский район	Вербинский Пантелеймон Иванович	(1913 г.р., по нац. – поляк)
г.Бугуруслан	Гутенбаум Иосиф Яковлевич	Учитель с/ш г. Бугуруслана (1908 г.р., по нац. – еврей)
Буранный район	Зренячный Хаим Абрамович	Рабочий к/х им. Персиянова
Державинский район	Шмур Шмэкэр Янкелевич	(1920 г.р., по нац. – еврей)
Домбаровский район	Сидорчук Василий Абрамович	Забойщик на шахте №1. 91918 г.р.)
Краснохолмский район	Бойко Семен Абелевич	Учитель черчения и рисования
Кувандыкский район	Эльстер Сарра Фраимовна	Раб. в детдоме Краснознаменского с/с
Люксембургский район	Замаринский Степан Николаевич	Прожив. в с. Яшкино (1919 г.р., по нац. – украинец)
Медногорский район	Крицун Святослав Иванович	Подземный рабочий Блявинского рудника. (1903 г.р.)
Ново-Покровский район	Сотковская Геня Александровна; Ганишер Данута Францевна; Манжос Нина Михайловна.	Работница к/х «Новый Быт» (1923 г.р., по нац. – полька); Работница к/х «Мотор» (1925 г.р.); Операционист на Саринском элеваторе. (1918 г.р.)
Павловский район	Нусгель Лейзер Ушеревич	Бригадир полеводческой бригады к/х им. К.Либкнехта
Пономаревский район	Минешко Владислава Мечиславовна	Учительница Пономаревской с/ш. (1908 г.р., по нац. – полька)
Ташлинский район	Ходыш Исак Израилевич	Парикмахер Ташлинского м/совхоза (1909 г.р., по нац. – еврей)
Тепловский район	Вень Франц Иосифович	Рабочий на ферме с/х им. Володарского (1895 г.р., по нац. – поляк)
Халиловский район	Левен Евгения Ивановна	Работница к/х «Волна революции» (1907 г.р., по нац. – полька)
Чкаловский район	Лец Отто Монсеевич	–

В целом по стране, по данным на июнь 1944 г., через базы Упрособторга обслуживалось 329 225 польских граждан, в том числе через чкаловскую базу – 34 150 человек [29]. За весь период своего существования, с 1 июля

1943 г. по 1 июня 1946 г., чкаловской базой было распределено промышленных и производственных товаров на сумму 3 млн 983 тыс. 233 руб. [30]. При распределении продуктов в первую очередь учитывались нужды польских детей. Только в польской школе, располагавшейся в г. Соль-Илецке, на начало 1943/44 учебного года обучалось 52 ребенка. Еще 123 ребенка в возрасте до 14 лет находились в г. Орске. 26 польских детей обучались в школе в с. Кваркено [31]. В польской школе, располагавшейся по ул.Орджоникидзе, 81 г. Чкалова, училось 68 детей [32]. Однако эта помощь не всегда была достаточна. Местные власти, несмотря на многочисленные трудности, вынуждены были оказывать полякам, находящимся в бедственном положении, дополнительную помощь. Так, 1 июля 1944 г. для голодающих поляков была открыта в г.Оренбурге раздаточная кухня, способная обслуживать 150–200 человек.

Несмотря на то, что местные органы власти старались создать для поляков хотя бы самые необходимые бытовые условия, заботились об их трудоустройстве, сам факт того, что эти люди проживали в буржуазной Польше, вызывал определенные опасения и стремление ограничить контакты бывших польских граждан с местными жителями. Так, руководство некоторых колхозов и совхозов просто запрещало молодежи общаться с поляками. 14 мая 1943 г., выступая на партийном собрании в совхозе им. В. М. Молотова, инструктор обкома ВКП(б) Шавдоница отметила: «Польские граждане у Вас больше влияют на рабочих, чем Ваша парторганизация» [33].

В 1944 г. в Чкаловской области было организовано областное правление Союза Польских патриотов (СПП). Летом 1944 г. состоялось областная конференция представителей польского населения в Чкаловской области, на которой рассматривался вопрос «О работе Союза Польских патриотов в области». На конференции было принято решение организовать там, где сконцентрировано большое количество поляков, местные правления СПП. В местах, где польское население было немногочисленно, предлагалось организовать кружки СПП. В культурно-просветительной сфере было решено организовать общеобразовательные курсы и курсы для ликвидации неграмотности, польские уголки и клубы, библиотеки, хоровые и драматические кружки, устраивать литературные вечера. Кроме того, на местах, там где имеются соответствующие условия, предлагалось связаться с отделами народного образования с тем, чтобы организовать польские школы, детские сады и ясли. К июню 1944 г. в районах области насчитывалось уже девять местных правлений: в Чкалове, Бугуруслане, Бузулуке, Орске, Соль-Илецке, Краснохолме, Ново-Троицке, Сорочинске и Покровке.

Основными целями деятельности СПП, в соответствии с Уставом, являлись: 1) помощь польскому народу в освобождении Польши от немецкого ига; 2) вооруженная борьба вместе с Красной Армией против гитлеровских

захватчиков; 3) борьба за восстановление суверенных прав и независимости Польского государства; 4) борьба за восстановление парламентарно-демократического строя; 5) удовлетворение материальных, культурных и других нужд поляков в СССР; 6) укрепление дружеских связей между польским народом и народами СССР. Для достижения указанных целей СПП брал на себя функции по организации вооруженных польских частей, по оказанию всевозможной помощи борющейся с немецкими захватчиками Польше. Кроме того, СПП планировал проведение широкой пропагандистской деятельности с точки зрения национальных польских интересов «... для восстановления в результате победоносного окончания войны независимой и демократической Польши, свободной и сильной» [34]. Более того, Союз возложил на себя полномочия выступать как представитель духовных и материальных интересов Польши в СССР. В сфере удовлетворения духовных запросов поляков, проживающих в СССР, Союз предполагал организовать сотрудничество с советскими властями в вопросах организации и обеспечения деятельности польских школ, культурно-просветительских организаций, а также организации общественной помощи. СПП планировал издание польской литературы, культурно-просветительных брошюр, учебников, художественной литературы. Издание «Вольна Польша» являлось центральным органом печати СПП.

Согласно разработанному Уставу членом СПП мог стать каждый поляк, проживающий в Советском Союзе, солидаризирующийся с целями деятельности Союза и платящий членские взносы. В обязанности каждого члена входило содействие своим участием в вооруженной борьбе или самоотверженной, производственной или общественной работой победе в освободительной войне с «гитлеровскими варварами».

Вполне объяснимо, что далеко не все пункты данного Устава могли удовлетворить советское и партийное руководство, поэтому широкого развития деятельность Союза Польских патриотов не получила. Однако местные отделения продолжали свою деятельность. Правление СПП в СССР располагалось в г.Чкалове по адресу ул. Цвиллинга, 51. Председателем областного правления был избран Крынский, ответственным секретарем стал Крупко.

Летом 1944 г. состоялась областная конференция представителей польского населения в Чкаловской области, на которой рассматривался вопрос «О работе Союза Польских патриотов в области». На конференции было принято решение организовать там, где сконцентрировано большое количество поляков, местные правления СПП. В местах, где польское население было немногочисленно, предлагалось организовать кружки СПП. В культурно-просветительной сфере было решено организовать общеобразовательные курсы и курсы для ликвидации неграмотности, польские уголки и клубы, библиотеки, хоровые и драматические кружки, устраивать литературные ве-

чера. Национальные праздники предлагалось проводить массово, с приглашением советских граждан. Для популяризации идей СПП рекомендовалось использовать стенные газеты, фотомонтажи, плакаты с польскими лозунгами. Дружескую связь с советскими людьми предлагалось устанавливать путем самоотверженной работы на предприятиях, а также с помощью активного участия во всех общих советских мероприятиях. Члены областной конференции рекомендовали всем полякам «...неустанно разоблачать антипольскую враждебную деятельность клики Сосновских, Андерсов и т.н. Лондонского правительства» [35] и окружить всеобщей любовью вождей борющегося народа и вождей Советского Союза.

Другой вопрос, который рассматривался на этом совещании, касался организации деятельности областной комиссии общественной помощи, которая, по мнению участников конференции, должна была формироваться на общих собраниях поляков. Институт районных уполномоченных, таким образом, предлагалось ликвидировать. На предприятиях, где работало значительное количество поляков, предлагалось создавать еще и бытовые комиссии для обследования материального положения поляков. Комиссии общественной помощи должны были следить за тем, чтобы все виды общей помощи, предусмотренные советскими органами власти для семей военных инвалидов и эвакуированных, охватывали и всех имеющих право пользоваться этой помощью поляков. Для организации медицинской помощи предлагалось активнее использовать врачей-поляков. В октябре 1944 г. состоялись районные совещания СПП в городах Бузулуке, Орске и Чкалове, на которых был дан обзор международной обстановки, а также были заслушаны отчеты местных правлений СПП.

По данным на 1 января 1944 г., в Чкаловской области проживало 8200 поляков. Через год их численность сократилась до 7800 человек. После окончания войны большинство поляков получило возможность вернуться на родину. С 11 по 17 июня 1945 г. в г. Чкалове проходило заседание областного совещания работников Союза Польских патриотов, на которое были приглашены представители из 44 районов области. На совещании обсуждался вопрос о реэвакуации, которую рекомендовалось осуществить спокойно, без «горячки» [36]. К началу 1946 г. численность польского населения в Чкаловской области сократилась до 5114 человек. Списки польских граждан, утвержденные комиссией к переселению в январе 1946 г., увеличились до марта этого же года почти в два раза. Из Чкаловской области в этот период было отправлено 4 эшелона, состоящих в общей сложности из 200 вагонов, в которых отбыло в Польшу 4250 человек [37]. К июню 1946 г. неотправленными остались: из Чкаловской области – 300 поляков и из Челябинской области – 6000 поляков, которых планировалось отправить на родину до 1 июля 1946 г. [38].

Проведение эвакуации промышленных предприятий на территорию Южного Урала, необходимость срочного наращивания оборонных возможностей предопределяли потребность в значительном увеличении трудовых ресурсов в этом регионе. В значительной степени эта проблема решалась за счет межреспубликанского маневрирования людскими ресурсами. В конце 1942 г. на предприятия и стройки Южного Урала стали прибывать строительные батальоны и рабочие колонны, сформированные в республиках Средней Азии. Служба в рабочих колоннах приравнивалась к военной. В трудовую армию призывались военнообязанные старших возрастов и не годные к строевой службе. Отдельные рабочие отряды объединялись в колонны.

В 1943 г. в Чкаловской области трудилось около 8 тыс. узбеков, таджиков, туркмен и казахов. Основная их масса – 7 тыс. человек – была размещена на предприятиях г. Орска. В г. Чкалове трудилось около 700 человек и еще 200 мобилизованных из Среднеазиатских республик трудилось в г. Медногорске. В Башкирию, на предприятия Уфы и Стерлитамака, в 1943 г. было направлено около 3 тыс. среднеазиатских рабочих. Наибольшее количество – около 20 тыс. рабочих из республик Средней Азии и Казахстана – было направлено в 1943 г. в Челябинскую область для работы на шахтах Еманжелинска, Коркино, Копейска, а также на заводах и стройках Челябинска, Златоуста, Кыштыма, Миаса, Магнитогорска и Сатки [39].

Прибывающие на Южный Урал трудовые колонны чаще всего были укомплектованы рабочими, не имеющими квалификации, плохо или совершенно не говорящими по-русски. Эшелоны для отправки рабочих формировались наспех, без проведения медицинского осмотра. Так, эшелон, направленный Ташкентским облвоенкоматом в Башкирскую АССР и состоящий из 1700 человек, был сформирован всего за 3 дня. При этом рабочие набирались из сельской местности, из тюрем и «прямо с улицы». Несмотря на декабрьские морозы, никто не позаботился снабдить людей теплой одеждой и обувью. В военкоматах, осуществлявших мобилизацию, обещали, что одежда будет выдана на предприятиях, а на заводах считали, что вещи должны выдаться на призывных пунктах. В результате проведения такой «мобилизации», прибыв в Уфу, более половины рабочих были признаны нетрудоспособными и отправлены обратно [40].

подавляющее большинство прибывших из Средней Азии рабочих было преклонного возраста, неграмотны и не имели навыков работы на промышленных предприятиях. Их можно было использовать исключительно на подсобных работах, но и здесь чувствительно сказывался языковой барьер. В докладной записке управления пропаганды и агитации Чкаловского обкома ВКП(б) отмечалось, что при отправке людей из Узбекистана совершенно не учитывался фактор знания русского языка. Если среди узбеков еще встре-

чались люди, знающие русский язык, то среди таджиков и туркмен таких почти не было. Это создавало серьезные трудности при приеме и размещении рабочих, при оказании им медицинской помощи, а также при организации производственного процесса. Кроме того, администрации промышленных предприятий зачастую не были готовы к приему и размещению большого количества рабочей силы. Наиболее остро стоял вопрос обеспечения прибывших жилыми помещениями. Трудмобилизованные, распределенные для работы на ТЭЦ г. Орска, были размещены в темных, грязных и не отапливаемых землянках. Рабочие, направленные на Чкаловский паровозоремонтный завод, не были обеспечены постельными принадлежностями, в ОСМЧ-23 (Новотроицкая площадка) рабочие были размещены в достаточно хороших, но не отапливаемых общежитиях. Гораздо лучше обстояло дело с размещением среднеазиатских рабочих на никелькомбинате. Там для них были отведены отдельные дома, установлены железные койки, все рабочие были обеспечены чистым постельным бельем. Хорошие общежития и чистую постель имели и рабочие, распределенные на Орский завод №516. Хорошо подготовились к встрече 500 рабочих-узбеков на Нефтезаводстрое. Специально к их прибытию было выстроено 16 саманных домиков, сделаны топчаны, подготовлена чистая постель. Эшелон встретили представители завода с музыкой. Для прибывших была подготовлена баня, парикмахерская, проведена дезинфекция. На следующий день для них силами актеров Ташкентского узбекского театра был устроен концерт.

Еще одной проблемой, которую предстояло решить местным органам с учетом специфики национального состава мобилизованных рабочих, являлась организация питания. На большинстве предприятий прибывших из Средней Азии рабочих кормили в общих столовых. В рацион питания включались щи, такие продукты как колбаса, селедка и пр. Узбеки же, например, отказывались есть эту пищу и, несмотря на то, что на ряде предприятий было установлено трехразовое питание, постоянно жаловались на его скудость. По причине истощения организма имелись случаи заболеваний цингой и опухоли ног [41]. В результате было принято решение направить за продуктами в Узбекистан специальные бригады. В Орске заболевших цингой направляли на подсобные хозяйства, устанавливали для них усиленное питание. Тех, у кого болезнь перетекала в тяжелую форму, отправляли домой. Со временем на никелькомбинате была организована отдельная столовая, в которой питались только узбеки и где вся пища приготавливалась с учетом национальных особенностей [42].

Некоторые трудности возникали и при проведении гигиенических мероприятий. Здесь тоже первоначально не всегда учитывался национальный фактор. Так, несмотря на то, что на предприятиях было организовано обязательное посещение бани, пожилые узбеки отказывались мыться вместе

с молодыми, а свое белье они не отдавали в общую стирку. В результате некоторые рабочие месяцами не мылись и не стирали белье. Администрация предприятий была вынуждена установить график посещения бани с учетом возраста, а также установить дни, когда стиралось белье только для узбеков и их же силам.

Еще одной из серьезнейших проблем, которые не всегда были в состоянии решить местные органы, являлось отсутствие теплой одежды и обуви. На Новотроицкой площадке большинство рабочих не были обеспечены ни одеждой, ни обувью. Каменщики были вынуждены работать босиком. Такая же картина наблюдалась и на стройках и предприятиях в г.Чкалове. На ТЭЦ г. Орска всем рабочим выдали гимнастерки и брюки. На нефтезаводстрое смогли обеспечить только обувью.

Для рабочих из Средней Азии в Орске были открыты около десятка чайхан. Красивая, выдержанная в восточном стиле чайхана была построена на Новотроицкой площадке. Однако в большинстве чайхан вместо традиционного зеленого чая подавался фруктовый напиток. Для улучшения качества и разнообразия рациона питания рабочих из республик Средней Азии была организована рыбная ловля, сбор шиповника, крапивы, щавеля. Более того, в 1943 г. Челябинский областной комитет партии обратился в ЦК ВКП(б) с просьбой о ежемесячном бронировании для нужд трудмобилизованных из Среднеазиатских республик одной тонны зеленого чая, 60 тонн сухофруктов, 20 тонн риса, а также о выделении в качестве единовременной помощи 140 тыс. метров ткани для спецодежды и еще 140 тыс. метров бельевой ткани. Специально для доставки продуктов питания из республик Средней Азии по маршруту Ташкент – Челябинск было организовано курсирование поезда [43].

В 1943 г. ЦК КП(б) Узбекистана для проверки бытовых условий содержания мобилизованных в республике рабочих кадров была создана специальная комиссия, члены которой побывали на Южноуральском никелевом комбинате, Магнитострое, Копейскугле, ОСМЧ-8 и отметили хорошую организацию бытового обслуживания рабочих [44].

Несмотря на усилия руководства предприятий и местных властей, бытовые условия жизни рабочих, прибывших из Среднеазиатских республик, оставались тяжелыми. Это служило основной причиной массовых побегов. Так, около 200 рабочих-узбеков, распределенных на ОСМЧ-23, будучи неудовлетворенными условиями их содержания, самовольно отправились домой. Все они были задержаны, 9 человек осуждено, а остальные возвращены к месту работы. Еще 340 человек бежали со строительства №112. После того как в Домбаровку было переведено 300 рабочих, 205 из них бежали. Нередко рабочие отказывались выходить на работу, встречались случаи сапопорчи. К пассивным формам протеста можно отнести и нежелание

мобилизованных приобретать рабочие специальности. По свидетельству секретаря Чкаловского обкома ВКП(б) по пропаганде Сафонова, на вопрос к узбекам, казахам, таджикам и туркменам «Как живете?», везде следовал один ответ: «Питания мало, одежды нет, обуви нет...» [45]. Рабочие отказывались понимать, зачем их привезли сюда, если дома есть много работы, а здесь они вынуждены умирать от голода и холода [46].

В этих условиях особое значение приобрела организация отделом пропаганды и агитации обкома ВКП(б) политико-массовой работы среди прибывших рабочих. Для этого были необходимы, прежде всего, специалисты, владеющие национальными языками. В Орском ГК ВКП(б) эта функция была возложена на члена горкома Салимова, татарина по национальности, который знал узбекский и казахский языки. Из числа прибывших рабочих-узбеков, знающих русский язык, выделялись освобожденные инструкторы, а также подбирались агитаторы. На Новотроицкой площадке был создан агитколлектив, в состав которого входило 20 узбеков и 7 казахов. Еще один агитколлектив, состоящий из 17 узбеков, был сформирован на Орской ТЭЦ. На Чкаловском паровозоремонтном заводе агитаторов среди рабочих узбекской национальности подобрать не удалось. Силами военнослужащих дислоцирующихся в городе воинских частей проводились беседы. Один из докладов, к примеру, назывался: «Дружба народов СССР в дни Великой Отечественной войны – залог нашей победы».

Еще одной формой работы, которая активно использовалась на предприятиях Орска, являлось проведение вечеров встреч. Первым подобный вечер был организован на заводе №257. Заводской клуб был оформлен в восточном стиле, пол застелили коврами, приготовили чай. Перед собравшимися (преимущественно здесь трудились казахи) выступил на казахском языке парторг завода Антонов. На ОСМЧ-23 была создана библиотека книг на узбекском языке. Из ее фондов комплектовались передвижки, которые направлялись непосредственно по стройуправлениям. На Орской ТЭЦ нашли оригинальный способ демонстрации узбекским рабочим кинофильмов. Фильмы прокручивались в замедленном режиме и параллельно велся перевод на узбекский язык.

На некоторых предприятиях для рабочих-узбеков выписывались газеты на родном языке. Так, в Орске выписывалось 300 экземпляров газеты «Кызыл Узбекистан», в Чкалове получали еще 100 экземпляров этой газеты. В Челябинскую область в 1943 г. было направлено по 1500 экземпляров газет «Кызыл Узбекистан» и «Правда Востока», а также 61 экземпляр «Социалистик Узбекистан» [47].

Рабочие из Среднеазиатских республик не имели необходимой квалификации, не знали русского языка и использовались чаще всего на подсобных работах. Но и здесь, в условиях непривычного климата, тяжелых

бытовых и социальных условий, они трудились недостаточно производительно. Все это приводило к пренебрежительному отношению к ним со стороны некоторых руководителей предприятий и рабочих. Так, в 1943 г. в Челябинский обком партии поступило обращение специальной бригады ЦК КП(б) Узбекистана по работе среди мобилизованных и направленных на предприятия Челябинской области узбеков. В нем сообщалось, что многие руководители предприятий не уделяют должного внимания бытовому устройству узбекских рабочих, не организуют среди них культурно-воспитательную работу. Особенно это касалось Кировского завода, предприятий Копейска и Магнитогорска. Омечались факты грубого и пренебрежительного отношения к узбекам. Их избивали, обсчитывали при выдаче зарплаты, выгнали из очереди в столовой. Местное население распространяло слухи о том, что среди узбеков наблюдается людоедство. В августе 1943 г. бюро Чкаловского обкома ВКП(б) заслушало вопрос о культурно-бытовом обслуживании и политической работе среди рабочих нерусской национальности и признало, что эта работа поставлена неудовлетворительно. Среди недостатков было отмечено: «а) производственно-техническое обучение разворачивается крайне слабо и организация труда страдает серьезными недостатками (неподготовленность рабочего места, опоздание с выпиской нарядов и т. д.); б) социалистическое соревнование разворачивается медленно, показ лучших производственников и их поощрение проводится недостаточно; в) значительная часть общежитий пригодна только для летних условий (ОСМЧ-23), землянки же (Энергокомбинат) не благоустроены, не оштукатурены и грязные; г) питание поставлено без достаточного учета национальных вкусов прибывших рабочих, несмотря на некоторые попытки в этом направлении (за исключением ОСМЧ-23, где отпускают чай, но по очень высокой цене); д) многие рабочие нерусской национальности не подготовлены для работы в осенне-зимних условиях из-за необеспеченности одеждой, обувью, бельем» [48].

Бюро обкома было принято постановление, в соответствии с которым руководителямстроек и предприятий г. Орска предписывалось не позднее 1 ноября 1943 г. выдать всем рабочим нерусской национальности теплую одежду и обувь, обеспечить отпуск продуктов и приготовление пищи в соответствии с национальными вкусами (мучные и крупяные продукты, баранина, чай и пр.), организовать сбор и систематическое снабжение рабочих шиповником. На Чкаловского облвоенкома Жиленкова и заведующего облздравоотделом Турова была возложена обязанность в срок до 15 сентября проверить всех рабочих, длительное время не выходящих на работу по состоянию здоровья или из-за преклонного возраста. Всех рабочих, непригодных к физическому труду, предписывалось отправить на родину. Кроме того, обкомом было принято решение поручить Орскому горкому

организовать среди рабочих художественную самодеятельность и приобрести необходимые музыкальные инструменты, а также увеличить количество докладчиков и регулярно проводить совещания руководителей агитколлективов, подобранных для работы среди узбеков, таджиков и казахов.

Наркомату связи было дано предписание о приеме посылок для рабочих, занятых на предприятиях Чкаловской области, с места их жительства в республиках Средней Азии. В ЦК КП(б) Узбекистана, Туркмении и Таджикистана были направлены просьбы о направлении в каждую из рабочих колонн коммунистов и комсомольцев соответствующей национальности и медицинских работников, владеющих языком соответствующей национальности.

Почти через год, в июне 1944 г., вопрос о массово-политической работе и материально-бытовом обслуживании рабочих нерусской национальности, работающих на предприятиях и стройках Чкаловской области, был снова поднят на заседании бюро обкома ВКП(б). Отмечая некоторое улучшение бытового обслуживания этой категории рабочих, в то же время бюро обкома указало на факты неудовлетворительной организации их труда и быта. В частности говорилось о недостатках в организации социалистического соревнования, слабой организации производственно-технического обучения, а также о недостаточном выдвижении рабочих нерусской национальности на должности бригадиров и старших рабочих. Также отмечалась плохая организация обслуживания рабочих в больницах, столовых и магазинах на заводах №322, 421 и некоторых других предприятиях. Именно слабостью политической работы и недостаточной заботой о материально-бытовом обслуживании рабочих, мобилизованных в республиках Средней Азии, по мнению бюро обкома, объяснялись имеющиеся случаи дезертирства с производства, а также отдельные факты истощения и заболевания рабочих. В качестве очередных мер, призванных исправить имеющиеся недостатки, директорам предприятий и строек рекомендовалось организовать производственно-техническое обучение рабочих нерусской национальности путем создания технических кружков и школ, проведения производственных совещаний и индивидуального обучения. Наиболее подготовленных рабочих предписывалось смелее выдвигать на должности мастеров, бригадиров, старших рабочих. При комплектовании штатов обслуживающего персонала в столовых, магазинах и чайханах рекомендовалось использовать рабочих соответствующих национальностей. Для удовлетворения этнокультурных запросов этой категории рабочих даже предлагалось организовать трансляцию радиопередач Алма-Атинской, Ташкентской и других радиостанций Среднеазиатских республик.

Башкирский обком партии дважды, в мае и августе 1943 г., провел проверку жилищно-бытовых условий трудмобилизованных рабочих. Здесь так-

же открывались чайханы, где готовились национальные блюда, были приняты меры по благоустройству общежитий. Узбеки и каракалпаки составляли около половины рабочих на строительстве Стерлитамакского содового завода. К ноябрю 1943 г. около 75% из них стали стахановцами. Мобилизованные из Среднеазиатских республик трудились также на Уфимском паровозоремонтном заводе и Белорецком металлургическом заводе [49].

Уже к концу 1943 г. стала очевидной неэффективность трудового использования трудармейцев из Среднеазиатских республик. С ноября 1943 г. прекратилась массовая мобилизация населения Средней Азии для работы за пределами своих республик, а в 1944 г. постепенно стала проводиться общая демобилизация этой категории рабочих [50]. Отправка их на родину часто была плохо организована, и рабочим подолгу не выдавали необходимые документы. В связи с этим бюро Челябинского обкома ВКП(б) в июле 1944 г. указывало на необходимость обеспечения отправки демобилизованных рабочих в крытых вагонах, предоставления им необходимого количества воды и продуктов питания, организации медицинского сопровождения. Тем не менее, предприятия, на которых работали мобилизованные узбеки, казахи, таджики и туркмены, и которые были обязаны организовывать и осуществлять их отправку на родину, не всегда эти требования выполняли [51].

Процессы эвакуации привели к существенному изменению этнической структуры Южно-Уральского региона. Вполне естественно, что это в отдельных случаях приводило к определенной напряженности. Но неприятие эвакуированных не имело исключительно национальную окраску. Скорее это было общее неприятие «чужих», в том числе и русских, их культурных и бытовых особенностей. На этом фоне встречающегося иногда негативно отношения к прибывшим именно национальность и культурные отличия зачастую становились причиной определенной напряженности и возникающих конфликтов, имеющих национальный характер. Но все же следует признать, что в подавляющей своей массе южноуральцы относились к эвакуированным и прибывшим в регион в ходе трудовой и военной мобилизации с большой терпимостью. Местное население оказывало прибывшим всю посильную помощь, и случающиеся иногда конфликтные ситуации носили в большей степени не национальный, а межличностный характер.

Примечания

1. Шпинева Ю. И. Осуществление национальной государственной политики на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны // Этнокультурная мозаика Оренбуржья. 2002. №3(22). С. 45 (52 с.)

2. Компаниец А. Я. Кондакова Н. И. Роль России в завоевании Победы // Победа – одна на всех (Вклад союзных республик СССР в завоевание Победы

в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.) / под общ. ред. А. И. Сорокина. М.: ОАО «Московская типография №2», 2010. С. 398 (592 с.)

3. Вольфсон А. В. Евреи Уралмаша в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Документальная повесть: К 65-летию Уралмашзавода. Екатеринбург: Изд. газ. «Штерн», 1998. С. 29 (142 с.)

4. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 4. Д. 252. Л. 1.

5. ОГАЧО. Ф. 1000. Оп. 1. Д. 1107. Л. 4.

6. Осуществление в Башкирской АССР ленинских принципов интернационального сплочения трудящихся / Ю. П. Кизин, Ф. Л. Саяхов, Г. Р. Мухаметдинов и др.; ред. Т. Х. Ахмадиев (отв. ред. и др.). Уфа: Баш. кн. изд-во, 1985. С. 146.

7. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 8. Д. 135. Л. 102–107.

8. Лончинская Л. Я. Проблема национальных отношений в Челябинской области во время Великой Отечественной войны // Южный Урал в судьбе России (к 70-летию Челябинской области): материалы научно-практической конференции. Челябинск: «ИП Данилов», 2003. С. 221 (382 с.)

9. Там же. С. 222.

10. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 6. Д. 268. Л. 27.

11. Шпинева Ю. И. Осуществление национальной государственной политики на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны // Этнокультурная мозаика Оренбуржья. 2002. №3(22). С. 45 (52 с.).

12. Лончинская Л. Я. Проблема национальных отношений в Челябинской области во время Великой Отечественной войны // Южный Урал в судьбе России (к 70-летию Челябинской области): материалы научно-практической конференции. – Челябинск: «ИП Данилов», 2003. С. 222 (382 с.).

13. ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 21. Д. 23. Л. 187–190.

14. ОГАЧО. Ф. П-228. Оп. 4. Д. 164. Л. 55–56.

15. ОГАЧО. Ф. П-228. Оп. 4. Д. 284. Л. 17; Оп. 6. Д. 117. Л. 44, 87, 100; Лончинская Л. Я. Проблема национальных отношений в Челябинской области во время Великой Отечественной войны // Южный Урал в судьбе России (к 70-летию Челябинской области): материалы научно-практической конференции. Челябинск: «ИП Данилов», 2003. С. 223 (382 с.).

16. ЦГАООРБ. Ф. 122. Оп. 21. Д. 23. Л. 184–185.

17. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 5. Д. 120. Л. 128.

18. Шпинева Ю. И. Осуществление национальной государственной политики на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны // Этнокультурная мозаика Оренбуржья. 2002. №3 (22). С. 45; она же. Осуществление национальной государственной политики на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): автореф. ... канд. ист. наук. Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2004. С. 19.

19. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 7. Д. 73. Л. 1.

20. Судоргина Т. В. Гриф «секретно» – снят // Великая Отечественная и Южный Урал (1941–1945 гг.): сборник статей и материалов / под ред. А. В. Федоровой. Оренбург: Димур, 1995. С. 7.

21. ГАОО. Ф. 1014. Оп. 3. Д. 155. Л. 9.

22. Дьяконова Н. Ю. Поляки в Чкаловской области (1939–1946 гг.) // Оренбуржье и Польша: проблемы истории и культуры: сборник материалов (статей и тезисов). Оренбург: Димур, 1996. С. 60.

23. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 5. Д. 161. Л. 42–43.

24. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 7. Д. 73. Л. 6.

25. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 7. Д. 73. Л. 4.

26. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 4. Д. 154. Л. 76; Оп. 6. Д. 90. Л. 1; Оп. 7. Д. 81. Л. 41.

27. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 7. Д. 154. Л. 4 об.

28. Составлено по: ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 7. Д. 73. Л. 7–40.

29. Решетова О. И. Выполнение правовых актов о поляках в годы Великой Отечественной войны // Оренбуржье и Польша: проблемы истории и культуры: сборник материалов (статей и тезисов). Оренбург: Димур, 1996. С. 66.

30. ГАОО. Ф. 1129. Оп. 1. Д. 82. Л. 1 об.

31. Федорова А. В. Иностранцы на Южном Урале в годы Второй мировой войны и отношение к ним местного населения // История Оренбургского края: события, судьбы, реальность: сборник научных трудов. Оренбург, 1994. С. 51.

32. ГАОО. Ф. 1129. Оп. 1. Д. 55. Л. 362.

33. Цит. по: Федорова А. В. Иностранцы на Южном Урале в годы Второй мировой войны и отношение к ним местного населения // История Оренбургского края: события, судьбы, реальность: сборник научных трудов. Оренбург, 1994. С. 52.

34. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 9. Д. 535. Л. 4–5.

35. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 9. Д. 535. Л. 6.

36. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 9. Д. 535. Л. 11.

37. ГАОО. Ф. 1014. Оп. 3. Д. 175. Л. 126.

38. ГАРФ. Ф. Р. 5446. Оп. 49. Д. 3626. Л. 75.

39. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 7. Д. 50. Л. 19; ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 22. Д. 29. Л. 263, 404; Оп. 23. Д. 14. Л. 385; Д. 50. Л. 240; ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 7. Д. 38. Л. 101.

40. Палецких Н. П. Социальная политика на Урале в период Отечественной войны. Челябинск: ИО Челябинского аграрного университета, 1995. С. 18.

41. Следует отметить, что встречались случаи, когда мобилизованные специально пили соленую воду, чтобы вызвать отеки ног, и этим выхлопотать себе разрешение вернуться на родину.

42. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 7. Д. 50. Л. 19–19об.

43. Шпинева Ю. И. Эвакуированные и трудмобилизованные на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны: национальный аспект // Этноконфессиональный диалог: состояние, противоречия, перспективы развития. Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2002. С. 156–159.

44. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 7. Д. 153. Л. 1

45. Там же. Л. 19 об.

46. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 7. Д. 153. Л. 1; ЦДНИО. Ф. 92. Оп. 5. Д. 149. Л. 10.

47. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 7. Д. 153. Л. 11.

48. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 7. Д. 25. Л. 33.

49. Осуществление в Башкирской АССР ленинских принципов интернационального сплочения трудящихся / Ю.П. Кизин, Ф.Л. Саяхов, Г.Р. Мухаметдинов и др.: ред.: Т.Х. Ахмадиев (отв. ред. и др.). Уфа: Баш. кн. изд-во, 1985. С. 132–133.

50. Дьяков Ю.Л. Капитальное строительство в СССР. 1941–1945. М., 1988. С. 69.

51. Палецких Н.П. Социальная политика на Урале в период Отечественной войны. Челябинск: ИО Челябинского аграрного университета, 1995. С. 20.

*О.Ю. Устинова,
г. Оренбург*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ В УСЛОВИЯХ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО РЕГИОНА В 1941–1948 гг. (на материалах Южного Урала)

Великая Отечественная война наложила свой отпечаток на развитие Южно-Уральского региона, прежде всего, аграрной отрасли края. Советское государство не могло должным образом оказывать финансовую и материально-техническую поддержку сельскому хозяйству. В этих условиях местные органы государственной власти ориентировались в основном на внутренние ресурсы села.

Сокращение посевных площадей, вызванное оккупацией западных территорий, обусловило их рост на востоке страны. 20 июля 1941 г. СНК СССР увеличил план озимого сева под урожай 1942 г. в колхозах Поволжья, Урала, Сибири и Казахстана с 9363 тыс. га в 1941 г. до 11255 тыс. га в 1942 г. [1]. Эта директива нашла отражение в решениях местных органов власти [2]. К примеру, 13 августа 1941 г. исполком Челябинского облсовета и бюро обкома ВКП(б) постановили засеять на 30% больше площадей под озимые по сравнению с установленным государственным планом [3].

Выполняя указания центральных органов власти по обеспечению успешного проведения сельскохозяйственных кампаний военных лет, местные органы власти Южного Урала регулярно рассматривали вопросы аграрного развития края. Так, Чкаловский облисполком на заседаниях 21 января, 6 и 20 февраля, 10 марта, 3 и 22 апреля 1942 г. обсуждал ход вывозки хлеба из глубинных пунктов, 20 марта, 3 и 22 апреля – готовность к весеннему севу колхозов, совхозов и МТС районов, 12 и 25 мая, 8 июня – ход весеннего сева, 20 июня и 22 июля – план уборочных работ [4]. Принятые решения свидетельствуют об усилении внимания Советов Южного Урала и их исполнительных комитетов к сельскохозяйственной отрасли, особенно в начальный период войны.

Особое значение приобрела деятельность районных и сельских Советов, ставших организаторами агротехнических мероприятий на селе. Исполкомы

райсоветов Южного Урала утверждали графики отправки хлеба из отдаленных сел и предоставляли подводы. Адамовский райисполком Чкаловской области, например, обязал председателей сельсоветов выделить транспорт и закрепить за ним людей [5]. Для оказания практической помощи сельсоветам в районы командировались работники областного аппарата. К примеру, в период с 3 по 17 августа 1941 г. на уборке урожая в колхозе им. М.В. Фрунзе Майорского сельсовета Сакмарского района трудились 13 сотрудников Чкаловского облисполкома [6]. Руководство Челябинской области в сентябре 1941 г. отправило на работу в районы 500 городских активистов [7]. Участие сотрудников Советов и партийно-советского актива в сельскохозяйственных мероприятиях практиковалось на протяжении всего военного времени [8].

Для оказания практической помощи в подготовке и проведении весеннего сева 1942 г. в регион были командированы сроком на два месяца сотрудники народных комиссариатов земледелия, совхозов, пищевой промышленности СССР [9]. Контроль над своевременной уборкой и обмолом хлеба возлагался на исполнительные комитеты районных и сельских Советов, непосредственно помогавших руководству колхозов [10].

Трудности своевременного осуществления посевов, уборки, сдачи зерна и других сельскохозяйственных продуктов государству в военные годы были вызваны рядом причин, среди которых нехватка людей и машин, мобилизованных на фронт. Сельские жители составили примерно 80% численности Советской армии [11]. Специалисты сельского хозяйства также пополняли рабочие кадры промышленности. С целью обеспечения аграрной отрасли рабочей силой 13 апреля 1942 г. появилось постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней» [12]. На Южном Урале минимум трудодней был установлен в 120 дней. За нарушение норм трудоспособные колхозники предавались суду. Только в 1942 г. народные суды Челябинской области рассмотрели 3643 дела, по которым осудили за невыполнение обязательного минимума трудодней 2652 человека, в Чкаловской области из 2455 колхозников осудили 1690 [13].

Широко применялся труд городских и сельских жителей. Этому способствовало постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы и МТС трудоспособного населения городов и сельских местностей», принятого 17 апреля 1942 г. [14]. К примеру, 20 июня 1942 г. Челябинский горисполком принял решение мобилизовать из числа городских жителей и учащихся 6–7 классов на прополочные и сенокосные работы в колхозы и совхозы области 7510 человек [15]. В результате в сельхозработах на Урале в 1942 г. приняли участие более 363 тыс. мобилизованных, в том числе более 162 тыс. учащихся. Только в Челябинской области на уборку урожая отправили 150 тыс. человек [16].

Одной из мер, призванных повысить производительность сельского хозяйства, стало проведение социалистических соревнований. Их итоги обсуждались на заседаниях местных органов власти. К примеру, 30 ноября 1942 г. Куртамышский райисполком и райком ВКП(б) вручили переходящее Красное знамя сельхозартели «Верный путь», которая заняла в соревновании с другими колхозами первое место по сдаче хлеба государству и выполнила к 25 ноября 1942 г. обязательства по всем видам сельхозпродуктов [17]. Соцсоревнование среди бригад организовали в 1943 г. члены Жанаталапского сельского Совета Буртинского района Чкаловской области во главе с председателем А. Султановым [18].

Тем не менее, в первые военные годы сельское хозяйство Южного Урала развивалось по нисходящей линии. Сказывались не только нехватка рабочей силы и техники, но и неблагоприятные климатические условия. В 1942 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) исключили площадь погибших зерновых культур, что уменьшило уборочную территорию на 755 тыс. га [19] по сравнению с предварительным планом. Наиболее сильно климатические условия отразились на урожае яровых Чкаловской области и Башкирской АССР. К примеру, Белозерский, Матвеевский, Пономаревский, Чкаловский сельский, Шарлыкский районы не выполнили государственный план хлебазаготовок 1942 г. [20].

Местные органы власти Южного Урала уделяли пристальное внимание использованию машинно-тракторного парка в ходе сельскохозяйственных кампаний военных лет. Так, Чкаловский облисполком 20 февраля 1942 г. обсудил вопрос «О ремонте тракторов Тоцкого района», 22 апреля – «Об организации технического ухода за тракторами на весеннем севе по Ново-Павловской МТС», 22 июля – «О ходе ремонта комбайнов по Абрамовской МТС», а также проверил выполнение постановления облисполкома и бюро обкома ВКП(б) от 20 декабря 1941 г. «О заготовке запчастей к тракторам и сельхозмашинам по совхозам зернотреста «Электрозавод», «Караванный», «Платовский». Аналогичные решения вынесли сессии районных Советов Чкаловской области. Анализ архивных данных показал, что максимальное количество решений пришлось на 1942 г., что объяснялось существенным сокращением технической оснащённости посевных работ и необходимостью изыскания дополнительных ресурсов для успешного их проведения [21].

Положение с запасными частями улучшилось к концу войны. Это было вызвано, прежде всего, изменением положения на фронте в пользу Красной Армии и переориентацией советского правительства на удовлетворение гражданских нужд. В марте 1944 г. СНК СССР принял постановление «О материально-техническом обеспечении сельского хозяйства», в котором устанавливался план производства сельскохозяйственной техники и запас-

ных частей. В первом квартале 1944 г. в Курганскую область поступило 400 автомашин [22]. 20 июня 1944 г. Челябинский облисполком вынес решение «Об обеспечении запасными частями тракторного парка облдоротдела», в соответствии с которым обязал обеспечить запчастями тракторный парк, ведущий дорожные работы, и окончить ремонт тракторов к 1 июля 1944 г. [23].

Снижение уровня механизации выдвинуло на первое место использование простейших машин, живой тягловой силы и ручного труда [24]. В 1942 г. союзное правительство предоставило облисполкомам право направлять в помощь колхозам и совхозам до 50% автотракторного парка городских учреждений без ущерба выполнения ими военных заказов. Также предлагалось пополнять районные парки МТС, сдавших трактора в РККА, посредством их перераспределения между машинно-тракторными станциями внутри каждого района [25]. 23 июля 1942 г. Чкаловский облисполком и обком партии вынесли постановление «О выполнении постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об уборке урожая и заготовках сельскохозяйственных продуктов в 1942 г.», обязавшее Буранный, Илекский, Краснохолмский, Зиянчуринский, Кувандыкский, Соль-Илецкий, Чкаловский сельский и ряд других районов в течение суточного срока включить в уборку, наряду с комбайнами, все простейшие уборочные машины, косы и серпы.

Возросло применение живого тягла в ходе сельскохозяйственных кампаний военных лет [26]. Например, члены объединенного заседания Мишкинского райисполкома и райкома партии Курганской области 14 марта 1943 г. обязали председателей сельсоветов и колхозов в суточный срок выполнить разнарядку и ежедневно информировать райисполком о количестве поставленных лошадей на вывозку зерна [27]. В целом, использование машинно-тракторного парка и живого тягла городских предприятий, быков и коров колхозников позволило улучшить ситуацию с технической обеспеченностью уборочных кампаний Южного Урала.

1943 г. стал наиболее сложным для сельскохозяйственной отрасли региона, поскольку южные области края были охвачены засухой. Руководствуясь постановлением СНК СССР «О запрещении торговли хлебом до выполнения плана хлебазаготовок» от 24 сентября 1943 г., 25 сентября 1943 г. Чкаловский облисполком принял решение «О запрещении продажи и обмена зерна, муки и печеного хлеба колхозами, колхозниками и единоличными крестьянскими хозяйствами Чкаловской области» [29].

Начиная с 1944 г., в сельском хозяйстве наметились первые сдвиги, связанные с общим улучшением экономики страны. Советское правительство и коммунистическая партия в 1944–1945 гг. приняли ряд постановлений, направленных на улучшение положения в аграрной сфере. 10 января 1944 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) «Вопросы сельского хозяйства Курганской области», 13 января 1945 г. – постановление ЦК ВКП(б) и СНК

СССР «О мероприятиях по подъему сельского хозяйства и обеспечению устойчивых урожаев в Чкаловской области». Выполняя постановление партии и правительства, местные органы государственной власти Южного Урала пошли по пути усиления мер, ориентированных на развитие аграрной отрасли.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны местные органы власти Южно-Уральского региона осуществляли оперативное руководство сельским хозяйством. В условиях оккупации западных территорий и увеличения посевных площадей на востоке страны местные Советы сосредоточили внимание на организации выполнения государственных планов, проведении весеннего сева и уборки зерновых, снабжении сельскохозяйственных кампаний техникой, рабочей силой и др. В послевоенный восстановительный период местные органы власти ориентировались на дальнейшее решение задач, поставленных перед сельским хозяйством. 17 июля 1945 г. вышло постановление Чкаловского облисполкома и бюро обкома ВКП(б) «О мерах по улучшению дела ведения и освоения севооборотов в колхозах Чкаловской области», обязывавшее советские и земельные органы восстановить в 1945 г. нарушенные севообороты в 743 колхозах и вновь ввести севообороты в 650 колхозах. Тем не менее, севообороты были восстановлены только в 500 колхозах и вновь введены в 505 колхозах области. Наибольшее отставание наблюдалось в Домбаровском, Зиянчурином, Кваркенском, Кувандыкском, Матвеевском, Мустаевском, Сок-Кармалинском, Тепловском, Халиловском районах [30]. Областное руководство поставило перед райисполкомами задачу обсудить на своих заседаниях в январе 1946 г. доклады заведующих районными земельными отделами и директоров МТС о выполнении постановления СНК СССР «О мерах по улучшению дела введения и освоения севооборотов в колхозах» от 21 июня 1945 г. Кроме того, планировалось осуществить мероприятия по восстановлению в 1946 г. всех нарушенных севооборотов и по введению севооборотов в колхозах, где они отсутствовали [31].

На областном совещании председателей сельских Советов, состоявшемся 20–21 июня 1947 г., председатель Чкаловского облисполкома И. П. Сафронов отмечал, что посевная площадь в колхозах в 1946 г. составила 64% посевных площадей 1940 г., а посев пшеницы сократился в этот период с 1100 тыс. га до 760 тыс. га. Особенно резкое сокращение посевных площадей наблюдалось в Адамовском, Белозерском, Илекском, Ново-Орском, Октябрьском, Сакмарском, Секретарском, Тепловском, Шарлыкском районах [32]. Областное совещание приняло решение потребовать от сельсоветов составить план уборочных работ для каждого колхоза. Кроме того, сельские Советы должны были добиться обсуждения планов на общих собраниях колхозников, приняв в этом непосредственное участие. Предполагалось использовать опыт лучших сельских Советов об-

ласти. В частности, в Нижне-Павловском сельсовете, который возглавлял инвалид Отечественной войны, орденосец П. Е. Сычев, насчитывалось семь колхозов, МТС. Сельскохозяйственная постоянная комиссия в составе 19 человек и 50 активистов под руководством депутата сельсовета В. Т. Горбунова провела три общественных смотра готовности каждого колхоза к севу, оказывая правлениям колхозов помощь в устранении недостатков, в нужных случаях вносила вопросы на рассмотрение исполкома. Перед выходом в поле 14 депутатов сельсовета члены исполкома были распределены по участкам, связанным с весенним севом [33].

Наряду с Нижне-Павловским сельсоветом, в 1947 г. успехов добились Акабинский сельский Совет Ак-Булакского района, Архангельский сельсовет Домбаровского района, Медведский сельский Совет Тоцкого района, Сухареченский сельсовет Бузулукского района, Дедуровский сельсовет Чкаловского района. Опираясь на советский актив, они разбирали по существу возможности каждого колхоза при проведении той или иной работы, планировали расстановку людей, особое внимание уделяя отстающим колхозам, нуждающимся в помощи сельсовета [34]. В целом, на XIX-й сессии Чкаловского облсовета, прошедшей 1–2 июля 1947 г., отмечалось, что перед колхозами области стояла важная задача – восстановить в течение 1947–1949 гг. по валовому сбору довоенный уровень производства зерна и значительно превзойти его к концу пятилетки. Колхозы области 15 июня 1947 г. выполнили государственный план весеннего сева. Посеяно 1443 тыс. га, или 100,7%. Хорошо организовали сев Абдулинский, Андреевский, Бугурусланский и Чкаловский районы. Однако большинство районов затянули весенний сев. В Адамовском, Александровском, Гавриловском, Ново-Покровском, Пономаревском и Саракташском районах план не выполнен [35]. В качестве одной из причин подобного положения указывалась неподготовленность к полевым работам многих МТС и колхозов области.

Успешной реализации мероприятий в сельском хозяйстве Южного Урала должна была способствовать демонстрация примеров лучших. С этой целью проводились сельскохозяйственные выставки. К примеру, Чкаловский облисполком решением от 25 сентября 1945 г. обязал областной земельный отдел, трест совхозов, райисполкомы и их земельные отделы провести в течение ноября 1945 г. районные сельскохозяйственные выставки с показом лучших достижений колхозов, совхозов, МТС, а также передовиков отрасли.

Районные выставочные комитеты возглавили председатели райисполкомов, членами стали заведующие райзо, главные агрономы райзо, специалисты сельского хозяйства [36].

Не менее важным вопросом оставалось обеспечение аграрной отрасли Южного Урала транспортом и рабочей силой. Для оказания помощи кол-

хозам и совхозам в вывозе сельхозпродуктов урожая 1945 г. Чкаловский областной исполком потребовал от председателей горрайисполкомов мобилизовать на период заготовок до 50% автотранспорта предприятий, учреждений и организаций независимо от ведомственной подчиненности и характера выполняемых работ [37]. Кроме того, председатели горрайисполкомов должны были в двухдневный срок установить обязательные задания по вывозке сельскохозяйственных продуктов государству для предприятий и учреждений, имевших лошадей. Тем не менее, мобилизация автомашин проходила неудовлетворительно. Из 500 автомашин, подлежащих мобилизации и направлению в районы к месту работы, к 1 августа 1945 г. отправили только 97 автомашин. Медногорский горисполком не послал ни одной машины, исполком Бузулукского горсовета – только три машины вместо 28, Орский горисполком – 34 вместо 250 машин. Областное руководство потребовало от председателей указанных горисполкомов в суточный срок мобилизовать автомашины и направить их к месту работы [38].

Вопросы аграрного развития края регулярно обсуждались на сессиях Советов разных уровней. Так, на XVII сессии Чкаловского облсовета, прошедшей 8–9 января 1947 г., обсуждался вопрос «О ходе выполнения постановления Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 19 января 1946 г. «О мерах по ликвидации нарушений устава сельскохозяйственной артели в колхозах по Чкаловской области». Депутаты отметили неудовлетворительную работу в этом направлении. Большинство исполкомов районных и сельских Советов проявили медлительность в исправлении нарушений Устава сельхозартели. По 95 колхозам области истекли сроки полномочий членов правлений, однако отчетные собрания в них и выборы правлений колхозов и ревизионных комиссий не были проведены. Наблюдались случаи расхищения колхозной собственности. Сессия облсовета обязала председателей районных и сельских Советов до 20 января 1947 г. провести повторную проверку всех колхозов, закончить в кратчайший срок работу по возвращению колхозам растащенного имущества и скота. Перед руководящими работниками области и районов ставилась задача систематически выезжать в колхозы для личного разъяснения колхозникам постановления правительства и партии и оказания конкретной помощи колхозам по выявлению и устранению всех нарушений устава сельхозартели.

Таким образом, местные органы власти уделяли пристальное внимание развитию аграрной отрасли Южного Урала как в военное время, так и в послевоенный восстановительный период. Реализация задач, поставленных центральными органами власти, осуществлялась в тесном контакте Советов разных уровней и партийных структур. Это позволило оперативно реагировать на трудности проведения сельскохозяйственных кампаний и обеспечивать государство необходимой продукцией.

Примечания

1. Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 123. Д. 45. Л. 40.
2. Государственный архив Оренбургской области (далее ГАОО). Ф. Р-56. Оп. 1. Д. 158. Л. 4; Государственный архив общественно-политической документации Курганской области (далее ГАОПДКО). Ф. 79. Оп. 2. Д. 228. Л. 26; О расширении и своевременном посеве озимых культур в колхозах района // Стахановец полей. Андреевский р-н. 1941. 10 авг. С. 1.
3. О расширении посевов озимых хлебов в колхозах и совхозах // Сталинский путь. Агаповский р-н. 1941. 20 авг. С. 1.
4. ГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 2. Д. 704. Л. 1 об. – 3, 5–8, 11, 17–18, 22 об.
5. Центр документации новейшей истории Оренбургской области (далее ЦДНННО). Ф. 371. Оп. 5. Д. 37. Л. 1.
6. ГАОО. Ф. Р-2144. Оп. 1. Д. 8. Л. 48.
7. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 3711. Л. 68.
8. Объединенный государственный архив Челябинской области (далее ОГАЧО). Ф. П-288. Оп. 4. Д. 330. Л. 124; ГАОО. Ф. Р-2144. Оп. 1. Д. 8. Л. 48.
9. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 78. Л. 93, 104.
10. Калинин М.И. Председателям сельских Советов депутатов трудящихся // Колхозный труд. Сорочинский р-н. 1942. 5 апр. С. 1.
11. Анисков В.Т. Крестьянство против фашизма. 1941–1945. История и психология подвига. М.: Памятники истор. мысли, 2003. С. 163.
12. Там же. С. 93.
13. Российский государственный архив экономики (далее РГАЭ). Ф. 7486. Оп. 7. Д. 142. Л. 214.
14. ГАОО. Ф. Р-61. Оп. 3. Д. 139. Л. 62; Ф. Р-1014. Оп. 2. Д. 263. Л. 18–19; Хисамутдинова Р.Р. Сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны. Малоизвестные страницы. Оренбург: Изд-во Оренб. гос. пед. ун-та, 2002. С. 134.
15. Эти детские военные годы. 1941–1945: сб. документов и материалов / гл. ред. А.П. Финадеев; отв. сост. Е.П. Турова. Челябинск: Иероглиф, 2000. С. 52.
16. Хисамутдинова Р.Р. Указ. соч. С. 135.
17. Курганская партийная организация в Великой Отечественной войне. 1941–1945: документы и материалы / науч. ред. П.А. Матвеев. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1975. С. 232.
18. ЦДНННО. Ф. 14. Оп. 7. Д. 22. Л. 3.
19. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 79. Л. 128.
20. ГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 2. Д. 158. Л. 6–7; ЦДНННО. Ф. 371. Оп. 5. Д. 52. Л. 27–29; Д. 53. Л. 20–21; Д. 54. Л. 19; XII сессия районного Совета депутатов трудящихся // Колхозный труд. 1942. 18 нояб. С. 1.
21. Устинова О.Ю. К вопросу о роли Советов в развитии сельского хозяйства на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны // Аграрная модернизация России в XIX–XXI вв.: реформы, проблемы, перспективы: сб. статей Всерос. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 150-летию отмены крепостного права

в России. Оренбург, 15 февраля 2011 г. / под общ. ред. А.В. Федоровой. Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2012. С. 248.

22. Хисамутдинова Р.Р. Указ. соч. С. 58.
23. ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 1659. Л. 153.
24. РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 22. Л. 8; Зеленин И.Е. Вклад тружеников сельского хозяйства в достижение победы в Великой Отечественной войне // История СССР. 1985. №3. С. 89.
25. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 78. Л. 193; Д. 100. Л. 120.
26. ЦДНИОО. Ф. 14. Оп. 8. Д. 16. Л. 5; Ф. 371. Оп. 7. Д. 16. Л. 7, 13; ГАОПДКО. Ф. 74. Оп. 1. Д. 42. Л. 60.
27. ГАОПДКО. Ф. 63. Оп. 2. Д. 414 в. Л. 3.
28. Хисамутдинова Р.Р. Указ. соч. С. 102.
29. ГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 1. Д. 728. Л. 1.
30. Там же. Л. 2.
31. Там же. Д. 685. Л. 2.
32. Там же. Л. 17, 24.
33. Там же. Л. 28–29.
34. Там же. Д. 684. Л. 7, 9.
35. Там же. Д. 728. Л. 124.
36. Там же. Д. 733. Л. 113.
37. Там же. Д. 728. Л. 149.
38. Там же. Д. 681. Л. 2 об., 4–4 об.

*И.З. Шаяхметова,
г. Уфа*

ГОРОДСКИЕ СОВЕТЫ БАШКИРСКОЙ АССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Великая Отечественная война внесла существенные коррективы в содержание деятельности местных органов управления. В 1941–1945 гг. значительно расширились функции исполкомов горсоветов и сузилась сфера сессионной работы горсоветов. Многие вопросы, в мирное время решавшиеся на сессиях горсоветов, стали чаще рассматриваться исполкомами. Постоянные комиссии горсоветов в силу значительного уменьшения их состава ослабили свое влияние на отделы горисполкомов и все чаще стали работать по заданиям последних. Указанные тенденции объяснялись практической необходимостью, вызванной военной обстановкой.

По действовавшим конституционным нормам расширение сферы деятельности исполкомов в период Великой Отечественной войны не нарушало подотчетности их горсоветам, которые в любой момент могли изменить состав горисполкомов в целом или частично, если последние не выполняли

в своей работе решений горсоветов. Горсоветы по-прежнему являлись органами местной государственной власти, которые всегда имели право отмены или изменения любых нормативных актов, принятых их исполкомами. Однако для военного времени было характерно ослабление контроля за деятельностью горисполкомов со стороны горсоветов. Одновременно возросла ответственность горисполкомов за решение всех вопросов местной жизни перед вышестоящим исполкомом. Усилилась централизация органов управления. Нормативные акты исполкомов вышестоящих Советов в отношении нижестоящих теперь стали носить более императивный характер.

Еще одним отклонением от конституционных норм в 1941–1945 гг. послужила практика формирования горисполкомов не из числа депутатов горсоветов, поскольку в чрезвычайной обстановке военного времени проведение выборов депутатов взамен выбывших было затруднительным. В работе горисполкомов сузилась коллегиальность [1]. Следствием стало ослабление организационно-массовой работы и снижение инициативы на местах, усиление бюрократизации в методах работы горисполкомов. В структуре горисполкомов появились новые отраслевые отделы и управления. При горисполкомах были созданы отделы: государственных пособий многодетным и одиноким матерям; хозяйственного устройства эвакуированного населения. В конце 1941 – начале 1942 г. с введением карточной системы на продовольственные и промышленные товары при горисполкомах были организованы бюро продовольственных и промтоварных карточек. В октябре 1943 г. они вошли непосредственно в состав отделов торговли исполкомов [2]. В марте – апреле 1945 г. в горсоветах были созданы отделы культпросветучреждений [3]. С началом Великой Отечественной войны значительно сократилось число депутатов местных Советов БАССР. Из более 27 тысяч депутатов местных Советов на 1 декабря 1941 г. осталось 10392 человека. На 1 января 1945 г. в горсоветах имелось 56,3% депутатов [4]. В Уфимском горсовете из 406–187 депутатов. Процент оставшихся депутатов в местных Советах БАССР был ниже, чем по СССР в целом [5]. Это обстоятельство негативно сказывалось на работе горсоветов. Устранить указанные трудности путем проведения новых выборов в местные органы власти в условиях военного времени было невозможно. Массовая избирательная кампания могла отвлечь население от выполнения задач по укреплению обороноспособности страны, кроме того, значительная часть избирателей сражалась на фронтах Великой Отечественной войны и не смогла бы участвовать в выборах [6]. Таким образом, до окончания войны выборы в местные органы власти не осуществлялись. В период Великой Отечественной войны усилилась тенденция, сложившаяся в конце 1920-х – начале 1930-х гг., связанная с отходом от демократичного характера Советов и его сведением к формальным процедурам. Это явилось порождением командно-

административной системы управления. Эта черта еще более укоренилась в послевоенный период (1946–1970 гг.) [7]. В 1941–1945 гг. и первые послевоенные годы решение ряда вопросов местной жизни было излишне централизованным. Это было продиктовано военными условиями. Некоторые горисполкомы перестали созывать сессии ввиду отсутствия кворума [8]. В 1939–1946 гг. выборы в горсоветы не проводились, горисполкомы пополнялись за счет кооптации членов исполкомов из городов фронтовых районов страны из числа эвакуированных в республику граждан [9]. В годы Великой Отечественной войны увеличилось представительство женщин – заведующих отделами и начальников управлений горисполкомов БАССР (25%) [10]. Например, в г. Стерлитамаке в 1941–1945 гг. двумя из восьми отделов заведовали женщины [11]. Война нанесла огромный урон кадрам депутатов. Большая их часть продолжала нести военную службу, многие погибли на фронте. В целом к 1947 г., к первым послевоенным выборам в местные Советы, в составе горсоветов оставалось 42,9% общего числа ранее избранных депутатов. Около 70% председателей горсоветов БАССР не являлись депутатами, а были кооптированы в местные органы государственной власти [12]. Так, в 1941–1943 гг. в должности председателя городского Совета Стерлитамака были поочередно А. У. Гирфанов, Я. Г. Казимир, П. Л. Черненко и З. Ш. Мурзаханов [13]. Такая частая смена руководителей мало способствовала оперативному решению насущных вопросов в чрезвычайных условиях. После Великой Отечественной войны кооптация в местные Советы была запрещена, и был восстановлен принцип выборности.

Подавляющее большинство сотрудников горсоветов, пришедших на работу в годы Великой Отечественной войны и после нее, не имели достаточной теоретической подготовки и практического опыта. Это отрицательно сказывалось на работе отделов и управлений горисполкомов. В послевоенный период этому аспекту уделялось самое пристальное внимание.

Депутатами горсоветов становились не профессиональные политики (как правило, юристы), а люди из «гущи жизни» – в идеале представители всех социальных групп и национальностей. В период Великой Отечественной войны эта тенденция в кадровом вопросе еще более усиливается.

С точки зрения парламентаризма, «подбор» состава городских Советов по полу, возрасту, профессиям и национальностям не совсем оправдан. Однако когда корпус депутатов состоит не из профессионалов, а из тех, кто знает все стороны жизни на личном опыте, этот подход имеет глубокий смысл.

Голосование в городских Советах носило плебисцитарный характер: выработанное большинством решение подтверждалось единогласно. На практике же выработанные решения реализовывали органы городских Советов – исполнительные комитеты. В свою очередь, исполкомы в чрезвычайных условиях военного времени часто «подменяли» собой горсоветы, пользуясь

необходимостью принятия оперативных решений по неотложным проблемам и минуя процедуру предварительного коллегиального обсуждения насущных вопросов депутатами горсоветов. В целом, горсоветы были порождены политической культурой народов России и выражали эту культуру, в том числе в чрезвычайных условиях Великой Отечественной войны. Это ярко видно на примере БАССР, где особое значение придавалось национальной пропорциональности представительства населения в выборных органах.

Примечания

1. Основные проблемы истории упрочения и развития социализма в СССР. Конец 1930-х – начало 1960-х годов. М., 1984. Т. 1. С. 228–229; Сафаров Т. А. Совершенствование деятельности местных Советов Башкирской АССР (1945–1958 гг.) // Вопросы истории Башкирии. Вып. 1. (Советский период). Уфа, 1972. С. 122.

2. ЦГИАРБ. Ф. Р-394. Оп. 5. Д. 231. Л. 84–85.

3. ЦГИАРБ. Ф. Р-394. Оп. 3. Д. 657. Л. 1–4.

4. ЦГИАРБ. Ф. Р-394. Оп. 3. Д. 1062. Л. 128.

5. Советское государство и право. 1946. №3–4. С. 14.

6. Аюпов Р. С. Советы Башкирской АССР в годы Великой Отечественной войны. Уфа, 1989. С. 11.

7. Коржихина Т. П. Основные черты административно-командной системы управления // Формирование административно-командной системы (20–30-е годы): сб. статей. М., 1992. С. 150.

8. Сафаров Т. А. Указ. соч. С. 117.

9. ЦГИАРБ. Ф. Р-2281. Оп. 1. Д. 7. Л. 73, 74, 76, 123, 128, 129, 279 об., 302 об.; Д. 12. Л. 180.

10. Известия. 1947. 28 марта.

11. ЦГИАРБ. Ф. Р-2281. Оп. 1. Д. 8 а. Л. 18 об.

12. Там же. Л. 1 об.

13. Там же. Л. 18, 20, 26, 31.

*Г. П. Ким,
г. Оренбург*

«НЕТ В РОССИИ СЕМЬИ ТАКОЙ, ГДЕ Б НЕ ПАМЯТЕН БЫЛ СВОЙ ГЕРОЙ...»

Наша семья, как и тысячи других семей в России, по определению гражданская. Преобладающие профессии в роду – лесничий, учитель, инженер. Мужчины обычно служили положенный срок по призыву, затем всю жизнь занимались каким-либо вполне мирным делом. Профессиональным военным стал только один – Иван Николаевич Максимов, мой двоюродный дядя по линии матери.

Познакомилась я с ним в начале 80-х годов прошлого века. Дядя Ваня к этому времени был полковником в отставке, жил со своей семьей во Львове. Мне он показался суровым, довольно замкнутым пожилым человеком, совсем не похожим на бравого курсанта в буденовке, которого моя мама и двоюродные тети вспоминали как чрезвычайно жизнерадостного молодого человека, ценителя женской красоты.

Попытки «разговорить» дядю на военные темы заканчивались не начавшись: вспоминать о прошлом он категорически отказывался. Даже парадный мундир с многочисленными орденами и медалями его жена, тетя Рая, продемонстрировала, когда дяди Вани дома не было. В мирной жизни дядюшкины занятия откровенно разочаровывали: сбор и переработка грибов, помощь тетушке по хозяйству, иногда встречи с сослуживцами. Если бы не открывшиеся сайты Министерства обороны, о героическом прошлом нашего Ивана Николаевича я бы никогда не узнала [1].

Иван Максимов – курсант.
1933 год

Родился Иван Николаевич Максимов в 1907 году в г. Жиздра Смоленской области. Карьеру профессионального военного он начал в сентябре 1929-го. Великая Отечественная началась для него в Белоруссии, за весь период боевых действий с 1941 по 1945 гг. воевал дядя на двух фронтах: Западном и 2-м Белорусском. В наградных документах он значится как командир 480 Отдельного радиодивизиона особого назначения (ОСНАЗ). На эту должность Иван Николаевич был назначен в октябре 1942 года. В начале войны многие радиоразведывательные дивизионы и их подразделения оказались слишком близко выдвинуты к государственной границе. Отсюда и большие потери в командном, личном составе, технике, автотранспорте. Так, 480-й дивизион Белорусского военного округа, отходивший из Белостока, к июлю 1941 г. потерял основную часть своего личного состава. В строю осталось всего 25 человек, два пеленгатора и шесть радиоприемников.

480-й дивизион наряду с 474-м действовал на Западном фронте, где между ними был разделен диапазон радиоволн, а подразделения дивизиона разместили в колее фронта шириной более 400 км. Это привело к тому, что радиочасть могла только частично вести разведку дивизионных сетей противника. Однако уже в первый год войны шло дальнейшее освоение новых источников получения разведывательной информации, совершенствование процесса добывания и обработки полученных сведений.

Подполковник И.Н. Максимов.
1944 год

Важнейшее значение имело освоение радиоперехвата передач самолетов ближней авиационной разведки на УКВ. Начало этому положили радиоразведчики Ленинградского фронта. Далее их опыт был распространен в 345, 480, 490, 541-м дивизионах. Радиоперехват на УКВ являлся новым и очень ценным каналом получения разведанных [2].

Должность командира такого дивизиона, без преувеличения, была очень ответственной: нужно было скрытно выдвинуться на передовую и организовать открытый радиоперехват донесений противника, чтобы определять места расположения штабов, дислокацию группировок вражеских войск. От точности такой информации зависел успех действий наших соединений по окружению и уничтожению врага, а своевременное предупреждение о переброске дивизий противника сохраняло жизнь тысячам, а может, и десяткам тысяч наших бойцов. По данным радиоразведки принимались не только тактические или оперативные решения, но и решения самого высокого стратегического порядка, от которых во многом зависела судьба крупных фронтовых операций.

Свидетельство тому – фрагмент из наградного листа на первую дядину высокую награду – орден «Отечественной войны I степени»:

«Тов. Максимов ... умело руководит разведывательной деятельностью радиодивизиона и особенно в период ОРЛОВСКО-БРЯНСКОГО наступления, в результате чего дивизион выявил полную группировку и состав 53, 2 армейских корпусов, группы ШЕЕЛЕ и своевременно определил место расположения штабов противника и переброску 1,4,27,100 бомбардировочных эскадрилий, а также своевременно предупредил о переброске из БРЯНСКОЙ группировки на РОСЛАВЛЬСКОЕ направление 20,5 танковых дивизий и 211 пехотной дивизии. (Заглавными буквами выделено в тексте название документа – Г.К.)

Тов. Максимов поставил разведывательную службу дивизиона на высокий уровень. Инициативный, грамотный и смелый офицер-разведчик».

Последующие награды только подтверждали воинский профессионализм моего дяди. Наградные листы подписывались разными начальниками разведотделов штабов Западного и 2-го Белорусского фронтов, но суть обоснования была одна: систематическая и глубокая обработка разведматериала

под руководством Ивана Николаевича давала возможность своевременного и полного определения группировок противника, установления направлений отхода вражеских соединений. Постоянно отмечалось его исключительное добросовестное отношение к делу по выполнению задач командования.

«Требовательный, инициативный и грамотный офицер разведчик... Хорошо знает организацию радиосвязи армий противника, правильно делает выводы о группировке штабов, соединений и их направлений и время отхода.»

Систематически помогает оперативному отделению и приемному центру в добывании и обработке разведматериала. Своевременно пере-дисциплинирует подразделения дивизиона, обеспечивает их всем необходимым для ведения разведки.

Имеет богатый практический опыт в работе по радиоразведке и свой опыт умело передает подчиненным...»

Это строки из наградного представления И.Н. Максимова к ордену Отечественной войны II степени в феврале 1945 года. В Курской битве 480-й радиодивизион Западного фронта принимал участие вместе с другими дивизионами ОСНАЗ – 347-м Брянского, 394-м Центрального, 313-м Воронежского и 442-м Степного фронтов. На протяжении трех месяцев, предшествующих сражению, немцы применяли свою излюбленную тактику – в сухопутных войсках практически полностью перешли к проводной связи и уже в апреле ввели режим радиомолчания, как средство оперативной маскировки будущего крупного наступления. Перед Брянским, Воронежским и Западными фронтами радиосвязь была практически прекращена. Работали только бортовые радиостанции самолетов и радиосети зенитной артиллерии.

Режим радиомолчания, применяемый фашистами, значительно сократил источники получения информации. Однако штабам советских фронтов нужны были разведданные. Фронтальная действительность заставляла искать и находить иные источники информации. Например, ими стали немецкие самолеты ближней авиационной разведки. Наши радиоразведчики научились следить за группировкой противника и определять полосы действий его армий, корпусов, дивизий. В Белорусской операции радиоразведку 480-й разведдивизион (2-й Белорусский фронт) осуществлял наряду с 339-м дивизионом (1-й Прибалтийский фронт), 474-м (3-й Белорусский фронт), 394,541 и 545-м дивизионами (1-й Белорусский фронт). В 1945 году «за успех в деле ведения разведки личному составу 480-го дивизиона объявлена благодарность Верховным Главнокомандующим. Разведдивизион получил наименование «Померанский» и был награжден орденом Красного Знамени» [3].

За годы войны дядя Ваня получил много боевых наград – семь орденов и две медали: ордена Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной

войны I и II степеней, Кутузова III степени, Александра Невского; медали «За отвагу», «За боевые заслуги» [4]. Любой из этих наград, будь она единственной за всю войну, можно по праву гордиться, а такой перечень – свидетельство самой высокой доблести.

В 2004 г. исполнилось 100 лет со времени основания службы радиоразведки. 7 марта 1904 г., спустя десять дней после вступления в должность командующего флотом Тихого океана, вице-адмирал Макаров подписал исторический приказ №27. Теперь дата официально является праздником – днем создания радиоразведки. Именно Макаров – первый из всех военачальников русской армии и флота – осмыслил роль радиоразведки для будущего вооруженных сил империи, выработал и законодательно закрепил основные принципы деятельности этой службы. С окончанием русско-японской войны совершенствование радиоразведки не остановилось. Опыт боевых действий показал, что во фронтовой обстановке обеспечить устойчивое управление войсками можно только с помощью современных средств связи. Вследствие этого в мирный период, после окончания русско-японской войны и до начала Первой мировой, в России было построено несколько достаточно мощных радиостанций на Дальнем Востоке, на севере страны, развернута сеть станций по побережью Балтийского моря. На трассе от Москвы до Владивостока стали возводиться прямо-передающие центры. В советский период годом коренных перемен в истории развития радиоразведки стал 1935-й. Именно в этот год была окончательно определена форма организации радиоразведывательной воинской части. Им стал отдельный разведывательный радиодивизион. На базе отдельных тяжелых радиопеленгаторных рот было создано 9 отдельных разведывательных радиодивизионов. По одному – в Ленинградском, Белорусском, Среднеазиатском, Забайкальском военных округах и Кавказской Краснознаменной армии, по два – в Украинском военном округе и Особой Краснознаменной Дальневосточной армии. В это время увеличилась численность командиров и военнослужащих, возросло техническое оснащение, в войска поставлялись новые образцы техники. Радиоразведка приобрела определенный опыт. В штате радиодивизиона состояли: приемный центр и центр обработки, 4 пеленгаторных пункта и учебная рота. Теперь в дивизионе было 20 автомобилей. Радиодивизион, как форма организации, просуществовал до конца Великой Отечественной войны.

До 1941 г. эта разведка просуществовала 37 лет и 67 лет после 1945-го. Однако именно после Великой Отечественной о ее деятельности практически ничего неизвестно. С одной стороны, понятно – не погоду предсказывали, с другой – обидно: ведь это честь и слава тысяч людей, не щадя себя служивших Родине. Попытки установить боевой путь 480-го Отдельного радиодивизиона особого назначения успехом пока не увенчались.

В октябре 2009 г. исполнилось 90 лет легенде радиоразведки, человеку, отслужившему в ней 50 лет, из которых 15 он возглавлял эту службу, – генерал-лейтенанту, лауреату Государственной премии Петру Спиридоновичу Шмыреву. Он считал, что «радиоразведка, как одна из областей разведывательной деятельности, не является секретной, а вот как она это делает, остается «секретом фирмы». В том же году генерала Шмырева не стало, в Интернете появилась запись: «.. Уходят наши командиры, уходят. Теперь некому будет рассказывать о славных делах радиоэлектронной разведки» [5].

Кроме дяди Вани воевали на разных фронтах еще два моих дяди и троюродный брат. Сергей Николаевич Токарев стал солдатом в первый период мобилизации 1941 года. Военную должность (по данным 1944 г.) имел скромную – старший лейтенант административной службы. Награжден был двумя медалями: «За оборону Сталинграда» и «За боевые заслуги». В январе 1944 г. С.Н. Токарев был представлен к ордену Отечественной войны II степени. Слова представления в наградном листе кажутся какими-то обыденными, но, видимо, очень значимыми для фронтовой жизни были дядины дела, если оценены так высоко. А сам дядя Сережа кажется одним из прототипов Василия Теркина.

«... с июля 1943 г. ... лично сам помимо своей основной работы ведет все хозяйство роты. Благодаря личной инициативы и энергии тов. Токарева личный состав роты, а также и конский состав не имел ни одного дня перебоев в снабжении продовольствием и фуражом не смотря на сложные боевые обстановки и разбросанность личного состава. Умело маскируя конский состав в своем обозе не смотря на частые налеты вражеской авиации на правом берегу Днепра все лошади целы и с хорошей упитанностью.

Достоин правительственной награды ордена «Отечественной войны II степени». (Стиль и орфография документа сохранены – Г.К.)

Скупые сведения о военной биографии С.Н. Токарева также обнаружены на сайте Министерства обороны, а в письме к моей маме, в семейных разговорах 80-х годов уже прошлого века об этом не упоминалось ни слова. После войны дядя Сережа работал управляющим Госбанка в г. Рошали Московской области до 1969 года. Может быть, его сослуживцы даже и не догадывались, как достойно он прошел трудными дорогами войны. Теперь его тоже нет...

Родной брат мамы – Сергей Захарович Новиков – был в военное время лейтенантом, старшим техником при 39 ОСТРБ. Его судьба и боевой путь – предмет дальнейших розысков нашей семьи. Как, впрочем, и неизвестные страницы военной биографии моего троюродного брата – Евгения Васильевича Титова, фронтовика, инвалида Великой Отечественной... В послевоенное мирное время Женя (так мы его звали) стал инженером-электриком, много поколесившим по стране и даже дальнему зарубежью.

Но, может быть, самой удивительной страницей в истории нашей семьи является судьба Афанасия Трофимовича Пантелеева, гвардии старшего лейтенанта, заместителя командира 3-й пулеметной роты по политической части 6-й Гвардейской стрелковой бригады.

Его фото я помню с детских лет. Мне даже тогда было ясно, что не военная он косточка, А. Пантелеев, а обычный гражданский человек. Так оно и было. До войны работал плановиком, успешно учился по этому профилю, в армию попал по призыву в 1940 году. Потом, как и многие, честно воевал, получил заслуженные боевые награды: орден Красной звезды, медали «За отвагу», «За боевые заслуги» [6].

А. Т. Пантелеев (второй справа) накануне Великой Отечественной

Погиб 05.04. 1943 г. в Краснодарском крае под хутором Шептальский (Шаптальский), где и похоронен.

Кто он нашей семье? Первый муж моей мамы, ее самая большая любовь. Их мирное счастье было совсем коротким, навсегда оставшимся в памяти мамы. Его фамилию она носила всю жизнь.

Теперь я понимаю, почему для моей незабвенной матушки День Победы всегда был праздником со слезами на глазах. Никогда не видела этого человека, который мог быть моим отцом, но помню постоянное уважение к нему в нашем доме.

На памятных стелах на проспекте Победы города Оренбурга нет имен моих близких среди 23 Максимовых, 27 Новиковых, 6 Токаревых, 8 Пантелеевых. Никто из моих родных не жил и не призывался из Чкаловской области. Но люди, чьи фамилии записаны в мемориале, мне тоже не чужие.

Хочется надеяться, что не уйдут фронтовики из памяти родных, события Великой Отечественной из круга исследовательских интересов, что будут звучать имена наших близких и совсем незнакомых героев не только в День Победы...

Примечания

1. www.obd-memorial.ru; www.podvignaroda.mil.ru
2. Болтунов М.Е. «Золотое ухо» военной разведки. <http://lib.rus.ec/b/353654/read>
3. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 976
4. Там же.
5. Болтунов М.Е. «Золотое ухо» военной разведки. <http://lib.rus.ec/b/353654/read>
6. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682526. Д. 1097.

*Л.В. Гришакова,
г. Оренбург*

ВСПОМИНАЯ ДОРОГИ ВОЙНЫ (ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИЦЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ БУЛАТОВОЙ ЗОИ ВЛАДИМИРОВНЫ)

В истории бывает много различных событий, которые по прошествии десятилетий стираются из памяти людей. Но есть такие, которые не тускнеют на фоне неумолимого бега времени. К таким событиям относится победа советского народа в Великой Отечественной войне. Память об этой победе учит и призывает, убеждает и предостерегает, дает силы и внушает веру. Праздник «9 Мая» особенный для каждого человека, для каждой семьи в нашей стране. Ведь и величие Победы, и горечь утрат коснулись миллионов советских людей в то суровое время. В нашей семье к этому празднику также особое отношение.

Моя бабушка, тогда Золотарева Зоя родилась 9 февраля 1925 г. в с. Молчановка Николаевского района Сталинградской (Волгоградской) области. До войны росла Зоя в обычной крестьянской семье, помогала маме по хозяйству и присматривала за младшими братьями. После окончания школы один год училась в г. Камышин в ветеринарном техникуме, затем грянула война. В 1941 г. вступила в ряды ВЛКСМ. В начале 1942 г. всех преподавателей училища забрали на фронт. Из ее семьи уходили защищать

Родику четверо: сначала отец, которого забрали в августе 1941 г. (погиб под Харьковом), потом она с двоюродной сестрой и брат. В грозном 1942 г., когда враг подступил к городу на Волге, обком комсомола обратился к юношам и девушкам с воззванием «Молодежь на защиту Сталинграда!» По призыву областного комитета комсомола 2200 комсомольцев-сталинградцев ушли на защиту родного города. В это время моей бабушке исполнилось 17 лет, и она вместе со своей 19-летней сестрой – Сыроватко Марией, добровольцем вызвалась пойти на защиту своего родного города. 17 ноября, перед отправкой на фронт на торжественном митинге в парке культуры и отдыха г. Камышина комсомольцы-добровольцы дали священную клятву Родине, народу, своему комсомолу отстоять Сталинград. Слова клятвы были такие: «Родной Сталинград! Мы идем в боевые ряды Красной Армии, чтобы отстоять тебя, чтобы под твоими стенами разгромить и отбросить немецких захватчиков. Клянемся драться за каждый вершок сталинградской земли, не щадя жизни и крови своей. Стоять перед врагом насмерть. Бить врага всюду. Мстить ему за Сталинград, за разрушенные заводы, рабочие кварталы, школы, за каждый сожженный дом. Клянемся мстить гитлеровцам за кровь и страдания наших людей, за слезы наших матерей, за стоны детей, мстить до полного истребления немецко-фашистских мерзавцев». Перед ними выступал А. Родимцев – уроженец тех мест, куда бабушка придет жить после окончания той жестокой войны.

24 ноября 1942 г. она вместе с другими добровольцами начала боевой путь по освобождению Родины от немецко-фашистских захватчиков. Правая сторона Волги, где находился и г. Камышин, уже была занята немцами. Комсомольцев-добровольцев на паромах переправляли на левую сторону Волги. Три дня они шли пешком до распределительного пункта. «С великой правотой своего дела, – вспоминает Зоя Владимировна, – мы уходили из города Камышина на фронт. Никто еще не знал, какие испытания придется нам пережить». Действительно, на хрупкие девичьи плечи легла тогда, казалась, непосильная ноша – тяжелые многокилометровые пешие марши, недоедание, недосыпание. Несколько раз попадала Зоя под вражескую бомбежку. Самолеты сбрасывали бомбы, в считанные минуты превращая целые кварталы города в руины. «А после авианалетов – всюду убитые, раненые, просящие о помощи», – с дрожью в голосе говорит бабушка.

Бабушка начала службу в ветеринарной части 178 стрелкового полка. «Некоторые мои подруги стали связистами, я же была зачислена в 178-й фронтовой запасной полк в кавалерийское подразделение. Вместе с воинами-ветеринарами лечила раненых и больных лошадей». Каждая лошадь находилась на особом счету, особенно в зимних условиях. На конях доставляли боеприпасы и продовольствие. Немало было артиллерии на конной тяге. Вспоминает, сколько сил и средств приходилось прилагать для

ухода за благородными животными. Ведь нужно было не только накормить коней, но и обеспечивать их здоровье. «Ночами не спали, – вспоминает моя бабушка, – себя всего лишали, лишь бы лошади были в строю». И это не просто слова. Когда 23 ноября 1942 г. войска Донского и Юго-Западного фронтов соединились в городе Калач, окружив группировку Паулюса, первыми друг другу навстречу устремились кавалеристы. Наверное, это был последний крупный успех кавалерий в современной войне. Но увенчался он неувыдаемой славой и грандиозным тактическим успехом. Сталинградская битва навсегда останется в памяти ее участников. «Как выжили тогда – не знаю. Очень тяжело было», – вспоминает бабушка.

После освобождения Сталинграда суровые военные будни продолжились. Стрелковый полк направили для освобождения от фашистов захваченного ими города Ростова. Бои были жестокие. После одной из бомбежек под Ростовом в результате прямого попадания снаряда в блиндаж погибла двоюродная сестра Мария Сыроватко, которая была телефонисткой.

После освобождения Ростова бабушка воевала в Крыму, освобождала от фашистов Украину. Участвовала в кровопролитных боях на Орловско-Курской дуге. После победы на этом участке фронта, преодолев границу СССР, через Карпаты и Польшу в составе советских воинских частей выдворяла немцев из Венгрии, а в 1945 г. и из Чехословакии. Особенно помнит она жестокие бои с немцами в Моравии под Брно. Вспоминает случай, когда в Моравска-Острава, куда прибыла их часть, в одном из домов немцы оставили «хлебосольный стол». Один из солдат хлебнул вино и «упал за смертью». Спиртное оказалось отравленным. Народ же этой страны радостно встречал своих освободителей. «Сколько было объятий, радости и теплых слов!» – вспоминает бабушка.

Известие об окончании Великой Отечественной войны застало ее в местечке Хрудим (в 70 км от Праги) в Чехословакии. «Ночью с боевым другом – Зайцевой Ниной по приемнику слушали сообщение о капитуляции Германии». Но война для них еще не закончилась, т.к. потом они приняли участие в освобождении столицы Чехословакии.

Сразу после окончания войны Зоя встретила будущего супруга. Познакомилась с ним в г. Черновица на Украине, когда возвращалась из Чехословакии в июне 1945 г. в родные места на Волге.

Николай Никифорович Булатов родился в июне 1921 г. в с. Урываево Хабаровского района Западно-Сибирского края. После окончания школы два года (с сентября 1938 по сентябрь 1940) учился в техникуме кинорадиодела в городе Ростов-на-Дону. Осенью 1940 г. был призван в действующую армию и стал красноармейцем 20-го отдельного автотранспортного батальона Юго-Западного фронта. Он встретил врага еще 22 июня 1941 г., служа на западной границе СССР артиллеристом-зенитчиком. Десятки самолето-

тов противника были сбиты батареей, в которой служил Булатов Николай. Среди первых его наград – медаль «За отвагу». В военное время стал радистом-киномехаником 12-го отдельного ремонтно-восстановительного батальона сначала Сталинградского, а потом Южного фронтов. На пути к победе у него, как и у бабушки, были жаркие сражения за Сталинград, Ростов, Крым, Украину. С июля 1944 по декабрь 1946 г. дедушка был радистом-киномехаником 313-го отдельного ремонтно-восстановительного батальона 4-го Украинского фронта Прикарпатского военного округа.

Не зная друг друга, Николай и Зоя в составе Сталинградского, Южного, потом 4-го Украинского фронтов шли грозными путями войны, мерзли в окопах, глотали горькую пыль военных дорог, обливались солдатским потом, завоевывая нашу Победу. Как батальонный комсорг, Булатов Николай Никифорович навещался в политотдел своего соединения. Там однажды и встретил молодую комсомолку Зою. Знакомство их переросло в серьезное чувство, навсегда связало в одну судьбу.

После подписания мира с Германией дедушка продолжал службу в рядах Вооруженных сил. Сразу остаться вместе молодые люди не могли, и поэтому роман продолжался в письмах. Через полгода бабушка из Молчановки, куда она вернулась после окончания войны, приехала к нему в г. Черновицу. По дороге в поезде в местечке Дебальцы ее обокрали. В украденной сумочке были не только деньги и проездной билет, но самое главное – партийный билет. Здесь ее пригрела и помогла одна женщина. В трудное послевоенное время, продав масло, она дала ей деньги на билет до места назначения. К счастью, нашелся и партбилет, который подбросили. Его она получила через милицию, куда обратилась после кражи. Встретившись с будущим супругом, она в январе 1946 г. устроилась на работу вольнонаемной машинисткой в тот самый 313-й ремонтно-восстановительный автомобильный батальон, где он служил. Работала здесь до декабря 1946 г., когда демобилизовали жениха. В январе 1947 г. приехали в Октябрьский район Чкаловской области, куда за несколько лет до войны уехали родители дедушки. Здесь же и сыграли свадьбу. И уроженка города Камышина Зоя приросла сердцем к степному Оренбуржью. В мирное время супруги Булатовы трудились в райкоме партии Октябрьского района. Бабушка сорок лет проработала здесь машинисткой, пока не ушла на пенсию. Дедушка в 1967 г., закончив заочно в Москве пять курсов Высшей партийной школы при ЦК КПСС, работал инструктором идеологического отдела партийного комитета КПСС, а потом заведующим отделом социального обеспечения.

Бабушка и дедушка вместе прожили 54 года. За общим столом сыновьям, а затем уже нам внукам рассказывали о Великой Отечественной войне, о том, как встретились в совсем неромантической обстановке. Но

время неумолимо, и уходят из жизни те, кто пережил тяжелейшие годы нашей истории. В марте 2000 г. не стало моего дедушки – Булатова Николая Никифоровича.

За ратные подвиги дедушка был награжден шестью медалями, в том числе орденом Великой Отечественной войны II степени, медалью «За победу над Германией», двумя медалями «За боевые заслуги» и др.

Орден Отечественной войны II степени, медаль «За оборону Сталинграда», «За боевые заслуги», «За победу над Германией» – эти боевые награды бабушки говорят о ее фронтовом пути.

Золотой страницей вписан в историю нашей страны подвиг, совершенный вашим поколением в годы Великой Отечественной войны. Спасибо вам за героизм, за силу духа, за мужество и отвагу, проявленную при защите нашей Родины. Я горжусь своими предками – Булатовыми Николаем Никифоровичем и Зоей Владимировной, которые вместе со всем народом ковали одну Великую Победу.

*К.Ю. Попова,
г. Оренбург*

УЧАСТИЕ ОРЕНБУРЖЦЕВ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941–1945 гг. И ЛОКАЛЬНЫХ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТАХ XX ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ВЫСТАВКИ «ВО ИМЯ ОТЕЧЕСТВА» ГБУ ЦДНННО)

Указом Президента Российской Федерации Д. А. Медведева 2012 г. объявлен годом российской истории. И действительно, год богат на юбилейные события: это связано с несколькими историческими датами: 1150-летием российской государственности, 400-летием окончания Смутного времени, 340-летием со дня рождения Петра I, 200-летием Бородинской битвы и победы России в Отечественной войне 1812 г., 150-летием со дня рождения П. А. Столыпина и др. Но в столь юбилейный год не стоит забывать и о других не менее значимых событиях нашей страны. К их числу, в первую очередь, относится Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Свой след в истории России XX века оставили и локальные военные конфликты с Японией у озера Хасан в 1938 г., на реке Халхин-Гол в 1939 г., с Афганистаном с 1979 по 1989 гг. и т.д.

Государственное бюджетное учреждение «Центр документации новейшей истории Оренбургской области» (ГБУ ЦДНННО) вносит свой вклад в освещение этих исторических событий, основываясь на имеющихся ар-

хивных документах, которые представлены на тематической выставке «Во имя Отечества». Выставка состоит из пяти разделов: 1. Мобилизационные мероприятия; 2. Народное ополчение; 3. Добровольческие организации; 4. Фотоматериалы; 5. Печатные издания.

Архивные документы и печатные издания содержат сведения об участии оренбуржцев в советско-польской войне, в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., в вооруженных конфликтах с Японией, в Афганистане. Документы повествуют о мобилизации военнообязанных и добровольческом движении, организации допризывной подготовки граждан, создании Чкаловской дивизии народного ополчения, работе Красного Креста и Общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству (ОСОАВИАХИМ).

Особый интерес представляют документы, характеризующие работу областной партийной организации в первые дни Великой Отечественной войны. Так, секретарь Чкаловского обкома ВКП(б) А. А. Дубровский в докладной записке на имя ответственного работника ЦК ВКП(б) М. А. Шамберга сообщал: «22 июня 1941 г., немедленно после сообщения товарища Молотова о нападении Германии на Советский Союз, обком партии связался по телефону со всеми райкомами и горкомами партии, проверил, во всех ли районах слушалась речь. В предприятиях, учреждениях, колхозах и совхозах области проведены митинги, партийные и комсомольские собрания» [1]. Газета «Правда» 24 июня 1941 г. писала: «Вчера утром до начала работы и днем во время обеденных перерывов на всех предприятиях и в учреждениях города Чкалова проходили митинги. На шорно-седельной фабрике митинг состоялся утром перед началом работы. Выступавшие с чувством негодования говорили о нападении фашистов и обещали всемерно помогать Красной Армии в борьбе с немецкими оккупантами» [2]. Действительно, согласно архивным документам, хранящимся в ГБУ ЦДНННО на всех собраниях и митингах отмечалось «исключительное единодушие и непреклонная воля трудящихся обеспечить все необходимое для победы Красной Армии». К примеру, на заводе имени Кирова в г. Чкалове было решено организовать боевую дружину, ежедневно проходить военную подготовку и принять обязательство о выполнении производственной программы в июле месяце на 130%. Рабочие паровозо-вагоно-ремонтного завода г. Чкалова в резолюции митинга просили разрешения перейти всему заводу на 11-часовой рабочий день, чтобы повысить выполнение производственного задания. Горняки 4-й шахты треста «Домбаровуголь» заявили: «На призыв любимого Сталина мы ответим выполнением суточного плана за две смены, чтобы добыча третьей смены была дополнительным вкладом в дело обороны любимой родины». В итоге, за первые 10 дней войны домбаровские угольщики увеличили добычу угля по сравнению с довоенным уровнем в 1,4 раза. К примеру, лучшие шахты

№3 и 4, до 23 июня 1941 г. дававшие 117 тонн угля в сутки, к 3 июля повысили суточную производительность до 215 тонн [3].

С первых дней Великой Отечественной войны в областной и районные военкоматы Чкаловской области начинают поступать заявления оренбуржцев о добровольном желании пойти на фронт. Так, в фондах обкома партии отложились значительная часть документов, содержащих заявления о добровольном вступлении в ряды РККА. Интересным, на наш взгляд, является заявление И. К. Гарина, коммуниста, участника советско-финской войны, направленное в чкаловский военкомат, в котором он писал: «Услышав по радио 22 июня сообщение В. М. Молотова о вероломном нападении гитлеровской фашистской банды на нашу любимую родину, мною тут же было принято решение вступить в ряды доблестной Красной Армии и немедленно отправиться на фронт. В этот же день мною было подано заявление в Кагановичский райвоенкомат, в котором я просил поставить меня на комиссию и о зачислении в РККА, в прошлом 1940 году я в качестве младшего командира добровольца был зачислен в лыжный батальон и отправлен на фронт, где в бою с белофиннами был тяжело ранен. В октябре 1940 г. был снят с военного учета. Но в настоящий момент я вынужден категорически протестовать против записанной мне непригодности... на сегодняшний день я добился замечательных результатов: могу стрелять в любом положении, овладел полностью всеми движениями, необходимыми в бою. Единственным маленьким дефектом является то, что локоть левой руки не могу поднять выше головы, но так как такие движения как поднятие рук вверх не только не присущи, но и совершенно не знакомы воину Красной Армии, то, следовательно, это и не может являться свидетельством о боевой непригодности... я горячо прошу дать встать в ряды нашей доблестной Красной Армии и немедленно вступить в бой с врагом за нашу счастливую жизнь, я клянусь драться до последней капли крови за честь Великого Советского народа, за правое дело Великой партии Ленина – Сталина» [4]. И таких заявлений, преисполненных духом патриотизма и любви к своей Родине, было огромное множество. По данным Чкаловского областного военкомата, на 5 июля 1941 г. поступило свыше восьми тысяч заявлений о добровольном вступлении в ряды РККА. К примеру, в г. Чкалове 890 комсомольцев изъявили желание пойти на фронт, в г. Бузулуке и в Бугурусланском районе – 485, в г. Орске – 374, в г. Медногорске – 185, в Соль-Илецком районе – 160 соответственно [5].

Важнейшей формой военно-организационной работы в годы Великой Отечественной войны стал отбор добровольцев в отряды народного ополчения, это были военные и военизированные формирования из лиц, не подлежавших первоочередному призыву по мобилизации, создававшиеся в помощь Красной Армии. Первоначально ополченские подразделения оперативно создавались советскими органами и партийными организациями

в приграничных районах страны. Позже, по мере развертывания театра военных действий, движение обрело массовый целенаправленный характер.

На Южном Урале формирование народного ополчения началось в первых числах июля 1941 г. В директивном письме Чкаловского обкома ВКП(б) от 11 июля 1941 г. указывалось: «Учебная база, макеты винтовок, пулеметов, ручных гранат, трещотки и др. изготавливаются на месте силами полков и дружин. Каждый полк должен иметь учебное поле с открытыми окопами всех профилей, полосу препятствия и пункт для сбора полка, дружины» [6]. По состоянию на 10 июля 1941 г. в рядах ополченцев числилось 6283 человека, среди них 1718 – женщин. Полностью сформировали один батальон, три роты, шесть взводов, пять дружин [7]. На выставке представлен приказ №1 командира дивизии народного ополчения г. Чкалова, майора И. Е. Иванова о формировании командно-политического и личного состава подразделений народного ополчения от 24 июля 1941 г., в котором особо указывалось: «Отвечая на призыв родного Сталина, тысячи патриотов нашего города, носящего имя бесстрашного Чкалова, вступили в народное ополчение. Выполняя волю трудящихся города Чкалова, выразившуюся в высоком и благородном стремлении встать с оружием в руках для защиты социалистического отечества, для полного уничтожения кровавого фашизма – Городской Комитет Всесоюзной Коммунистической Партии большевиков и Исполком Городского Совета депутатов трудящихся создали дивизию народного ополчения. Командование дивизии выражает полную ответственность в том, что командиры и комиссары полков обеспечат высокое качество боевой подготовки народоополченцев» [8].

Значительную группу документов выставки составляют документы о деятельности областного общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству (ОСОАВИАХИМ) в годы Великой Отечественной войны. В связи с выходом постановления СНК СССР от 2 июля 1941 г. «О всеобщей обязательной подготовке населения к противовоздушной обороне» (ПВХО) осоавиахимовские организации наладили работу по обучению противохимической и противовоздушной обороне, к которой привлекались все граждане. Для этого создавались группы самозащиты, занимавшиеся очисткой дворов и чердаков, изучением правила поведения при противовоздушной обороне, проводили тренировочные занятия (работа в противогазах, ликвидация очагов поражения и т.д.). Проведение практических занятий по ПВХО возлагалось на инструкторов-общественников. Только в 1942 г. по заданию Центрального совета Осоавиахима в области подготовлено военных специалистов разных специальностей 20376 чел. А в следующие годы их количество еще больше увеличилось. Так, в 1943 г. прошли подготовку 28104 чел.; в 1944 г. – 44065 чел. Всего же в течение четырех лет оборонная организация Чкаловской области направила в армию 89 тыс. человек [9].

На выставке «Во имя Отечества» помимо документов, свидетельствующих об участии оренбуржцев в Великой Отечественной войне, представлены и интересные фотоматериалы об оренбуржцах-участниках локальных военных конфликтов XX века. К примеру, С.Н. Бамбуров, портрет которого хранится в ГБУ ЦДНИОО [10], получил звание Героя Советского Союза 25 октября 1938 г. за отвагу и героизм, проявленные в боях у озера Хасан. В Российском государственном военном архиве хранятся документы представления к званию Героя Советского Союза на отличившихся в боях у озера Хасан, десятым в списке значится С.Н. Бамбуров: «Во время боя с японскими захватчиками с 6 по 7 августа в районе высоты 588,3 (Гродековское направление) зоркий глаз Бамбурова обнаружил ползущих самураев и встретил их огнем ручного пулемета. Расстреляв все патроны, один бросился в рукопашный бой с окружившими его, до десятка, японскими бандитами и, мужественно сражаясь, получил штыковые ранения в грудь и ранение в губу осколками гранаты. Товарищ Бамбуров разбил на самурайских головах ручной пулемет, гранатой пробил себе дорогу из окружения, получив в это время еще штыковые ранения в руку» [11].

Документы еще об одном участнике военных действий у озера Хасан – В.М. Агаркове – долгое время хранились в Центре документации в виде негативов фотографий. В апреле 2012 г. научным сотрудником отдела использования и публикации документов ГБУ ЦДНИОО К. Ю. Поповой был проявлен негатив фотографии «Группа танкистов Дальневосточного военного округа, участников военных действий на реке Халхин-Гол», хранящейся в коллекции фотодокументов архива, и в связи с чем возник ряд вопросов, наиболее важный из которых – где именно на фотографии находится В.М. Агарков. Используя документы двух областных архивов ГАОО и ЦДНИОО, ответ был найден, но в ходе проведенной работы была обнаружена историческая неточность – эта группа танкистов участвовала в военных действиях не на реке Халхин-Гол в 1939 г., как было указано ранее, а у озера Хасан в 1938 г. [12]. Таким образом, в результате микроисследования были уточнены отдельные моменты биографии В.М. Агаркова, первоначально указанные в искаженном виде на аннотации к негативу фотографии. О том, какой вклад внесли танкисты в победу над Квантунской армией, потерпевшей сокрушительное поражение у озера Хасан, можно судить по тому, что о боевом участии в сражении В.М. Агаркова и его экипажа стало известно всей стране из материалов очередного партийного съезда, где и были оглашены факты их героической биографии. Тогда-то и появились стихи, которые вскоре стали знаменитой песней, впервые прозвучавшей в кинофильме «Трактористы». Помните: «Три танкиста, три веселых друга, экипаж машины боевой»? [13].

Говоря об участии оренбуржцев в локальных военных конфликтах XX века, нельзя обойти вниманием афганские события 1979–1989 гг.

В ГБУ ЦДНИОО хранится личный фонд Г.И. Пастухова, участника боевых действий в Демократической Республике Афганистан. С 1957 по 1986 гг. Г.И. Пастухов служил в Советской Армии в авиации Военно-воздушных сил, в ракетных войсках стратегического назначения, в сухопутных войсках, участвовал в боевых действиях в Демократической Республике Афганистан (ДРА) в качестве военного советника Министерства обороны ДРА, в 1986 г. был уволен в запас по возрасту. За боевые заслуги Г.И. Пастухов награжден правительственными наградами: орденами «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени, «Звезда» III степени (орден ДРА), медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, Грамотой Президиума Верховного Совета СССР воину-интернационалисту [14].

Таким образом, выставка «Во имя Отечества» содержит документы и фотоматериалы, отражающие события военной истории XX века и вклад оренбуржцев в общую победу в Великой Отечественной войне. Подобные экспозиции наглядно показывают, как по крупицам восстанавливается героическая история России. Наша земля богата героями, и документальные свидетельства подвигов наших предков необходимо сохранить для следующих поколений.

Примечания

1. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 5. Д. 76. Л. 2–3.
2. Федорова А.В. Оренбург в годы Великой Отечественной войны. Оренбург: АОЗТ «Оренбургское книжное издательство», 1995. С. 6.
3. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 5. Д. 76. Л. 3–5.
4. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 5. Д. 507. Л. 12–13.
5. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 5. Д. 76. Л. 2.
6. Федорова А.В. Добровольческие формирования Оренбуржья в годы Великой Отечественной войны // Южный Урал в годы Великой Отечественной войны. Оренбург: ИПК ОГУ, 2005. С. 40–42.
7. ЦДНИОО. Ф. 267. Оп. 14. Д. 7. Л. 26.
8. ЦДНИОО. Ф. 267. Оп. 13. Д. 160. Л. 1–10б.
9. Люкшина И.В. Подготовка боевых резервов Чкаловской области в 1941–1942 гг. // Патриотизм и патриотическое воспитание: теория, история, практика. Оренбург, 2005. С. 158.
10. ЦДНИОО. Ф. 7931. Оп. 2. Д. 191. Л. 1.
11. Золотые звезды Оренбуржья: биографический справочник. Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1989. С. 50–51.
12. ЦДНИОО. Ф. 7931. Оп. 2. Д. 182. Л. 1–2; Ф. 7448. Оп. 41. Д. 75; ГАОО. Ф. 2944. Оп. 1. Д. 22, 33, 39, 58, 59.
13. Вечерний Оренбург. 2000. 16 марта.
14. ЦДНИОО. Ф. 6002. Оп. 3. Д. 9. Л. 5.

*Н.Ф. Банникова,
г. Самара*

РАЗВИТИЕ НАУКИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Великая Отечественная война: ее аспекты изучали и анализировали несколько поколений историков. Однако еще сегодня находятся документы, которые мало изучены, в том числе и о развитии отечественной науки в условиях войны. Огромный вклад в Великую Победу внесли и научно-исследовательские институты. В данной статье предпринята попытка показать некоторые направления деятельности научно-исследовательского института Главного управления гражданского воздушного флота СНК СССР (НИИ ГВФ) [1] и научно-исследовательского института по радиолокации наркомата электропромышленности СССР (НИИ-108 НКЭП) в годы Великой Отечественной войны. С началом Второй мировой войны у военных специалистов США и Европы усилился интерес к созданию приборов, способных обнаруживать летящие самолеты по звуку двигателей, а также к радиотехническим устройствам. Советский Союз в этой области отставал от ведущих европейских стран и США. Так, в Западной Европе имелось около 200 пеленгаторов и радиомаяков. В США – 300 различных установок радиолокации, а в СССР – 67. В США транспортные самолеты имели на борту несколько радиоустановок, а в СССР – в лучшем случае на самолетах была одна приемно-передающая станция. Специальной аппаратуры для гражданских самолетов вообще не было [2]. Эти проблемы определили главные задачи деятельности НИИ на долгий период. Необходимо было догнать ведущие мировые державы по уровню научных разработок. В предвоенные годы НИИ ГВФ объединял всю научно-исследовательскую работу в области воздушного транспорта СССР. Научно-исследовательский институт ГВФ располагал развитой материальной базой: летно-испытательной станцией, моторно-испытательной станцией, лабораториями топлива и масел, металлической, химической и металлографической лабораторией авиационных приборов, радиотехническими, светотехническими, электротехническими и опытными мастерскими и т.п. [3].

Еще накануне войны приказом Главного управления гражданского флота СССР от 3 ноября 1939 г. был организован научно-технический совет НИИ ГВФ под руководством начальника НИИ О.С. Барышникова. Заместителем председателя НТС был назначен М.Д. Авербах, членами совета были ведущие сотрудники НИИ, а также пилоты первого класса Э.И. Шварц и А.В. Крижевский, начальник Главной инспекции ГУГВФ Герой Советского Союза М.Т. Слепнев, заместитель начальника ВИАМ С.Т. Кишкин, начальник КБ-1 ЦИАМ Л.Б. Эльштейн, заместитель началь-

ника ВВА им. Н.Е. Жуковского Е.С. Андреев – всего 37 человек [4]. Перед НТС НИИ ГВФ была поставлена задача создания технико-экономических методов эксплуатации самолетов, а также исследование проблем, связанных с развитием гражданского воздушного транспорта.

Важной чертой деятельности института в эти годы была связь с практикой, поэтому технические новинки быстро внедрялись в производство. Коллектив ученых и инженеров НИИ работал над определением наиболее выгоднейших режимов полета, увеличением срока службы моторов и авиационных масел, борьбой с обледенением самолетов, а также разработкой новой системы организации воздушных линий. Кроме этого, на НИИ ГВФ была возложена обязанность не только проведения испытаний всех опытных образцов, но и введение в производство новых транспортных самолетов, моторов, радиоэлектросветового оборудования самолетов, топлива, масла и др. Работа по этим направлениям более интенсивно стала проводиться в годы Великой Отечественной войны. (В начале Великой Отечественной войны, в связи с переходом НИИ на новый режим, начальником НИИ ГВФ был назначен генерал-лейтенант авиации т. Петров. Большую поддержку деятельности НИИ ГВФ оказывал маршал авиации т. Астахов.) [5].

Научно-исследовательская работа НИИ осуществлялась под руководством Ученого совета, в состав которого входили ведущие ученые страны: член-корр. Украинской АН, д.т.н. проф. С.В. Серенсен, д.ф.-м.н., проф. И.Я. Штаерман, д.т.н., проф. К.Ф. Косоуров, д.т.н., проф. Н.А. Рынин, д.ф.-м.н., проф. П.А. Молчанов и другие – всего 25 специалистов. Особенностью состава ученого совета было то, что в него входили еще и ученые в области экономики и медицины, представители НИИ ВВС, ЦАГИ и ВВА им. Н.Е. Жуковского.

Как головное учреждение, НИИ ГВФ буквально накануне Великой Отечественной войны с 6 по 10 мая 1941 г. провел научно-практическую конференцию для обмена опытом и укрепления связей между организациями, занятыми усовершенствованием технических средств радиолокации и слепой посадки самолетов. В работе конференции приняло участие 95 специалистов (ученые, представители наркоматов промышленности).

В центре внимания конференции была проблема, над которой работали ученые Европы, США и СССР, – это применение радионавигационных средств в воздушном и морском флотах. По этому вопросу были сделаны сообщения сотрудников НИИ ГВФ Давыдова и Горшкова. Был заслушан доклад представителя Ленинградского завода №327 Штиллермана «О новых методах радионавигации», а профессор НИИ ГВФ В.В. Ширков доложил «О новых антенно-фидерных устройствах наземных пеленгаторов». Многие из предложенных разработок нашли применение в годы

войны. Таким образом, конференция определила направления научно-исследовательской работы на военный период [6].

В годы войны в НИИ ГВФ была развита изобретательская и рационализаторская работа. Так, была проведена серия работ по электрооборудованию самолетов типа У-2 фронтовых частей, которые использовали У-2 в ночных условиях. За быстрое выполнение заданий в 1943 г. инженеры института Е. С. Гольдберг, А. В. Степанов, Е. М. Гуров, И. П. Жукель были награждены именными часами, и им была объявлена благодарность Главного управления ГВФ. В мае этого года на базе НИИ ГВФ были проведены летные испытания самолетов ЯК-6 и ЯК-62МП [7]. Большое значение имели работы В. В. Ширкова. В этот период в институте были разработаны, выпущены и установлены на разных линиях полустационарные пеленгаторы типов ВАП и АНК по расчетам В. В. Ширкова. В 1944 г. под руководством В. В. Ширкова в НИИ был разработан экспериментальный стационарный пеленгатор трансформаторного типа. Была усовершенствована методика расчетов стационарных пеленгаторов без ночного эффекта, проведен расчет антенно-фидерных систем, разработана общая формула определения чувствительности пеленгаторов всех типов. Начались научно-исследовательские работы по защите самолетов против обледенения и др. [8].

В ноябре 1944 г. состоялось совещание главных инженеров подразделений Гражданского воздушного флота на базе НИИ ГВФ. Сотрудники НИИ знакомили участников совещания с техническими новинками, с разработками НИИ ГВФ. Что самое важное, предлагали увеличить объем исследований и экспериментальных работ. И подчеркивали, что надо думать о развитии работ после войны [9].

Важным направлением научно-исследовательской работы в предвоенные и в военные годы было создание радиолокационной аппаратуры. Перед войной уже было начато производство радиолокационных станций «Редут» и «РУС-2». Именно эти станции стали основой противовоздушной обороны Москвы, Сталинграда, Горького, Ленинградского фронта и действовали в годы войны. Тем не менее, в этой отрасли также были серьезные проблемы. Хотя работы по созданию радиолокационной аппаратуры не прекращались, выпускаемая техника не удовлетворяла потребности Красной Армии. СССР отставал от Англии и США в разработке радиолокационной техники и в оснащении армии радиолокационной аппаратурой.

Поэтому 4 июля 1943 г. было принято постановление Государственного Комитета Обороны «О радиолокации». Был создан Совет по радиолокации, который возглавил член ЦК ВКП(б) Г. М. Маленков, а А. И. Берг [10] был назначен заместителем. Считая организацию производства радиолокационной аппаратуры важнейшей военно-хозяйственной задачей и придавая особое значение развитию научно-исследовательских работ в этой области,

ГКО в дополнение к постановлению от 4 июля 1943 г. «О радиолокации» принял решение об организации Всесоюзного научно-исследовательского института по радиолокации (ВНИИ-108), с подчинением Наркомату электропромышленности [11], а на А. И. Берга была возложена обязанность начальника института.

А. И. Берг активно занимался формированием лабораторий и подбором кадров специалистов. В октябре 1943 г. в НИИ-108 было переведено 29 специалистов из лаборатории ОКБ Всесоюзного электротехнического института. Крупные ученые в области физики и математики: академики Б. А. Введенский и В. Л. Фок, член-корреспондент АН СССР М. А. Леонтович, профессора А. М. Кугушев, И. С. Джигит, И. С. Гоноровский, С. Г. Калашников и другие [12].

Научно-технический персонал НИИ к началу 1944 г. составлял 54 сотрудника, а к концу года уже 260 сотрудников. Из 25 планируемых лабораторий было организовано и функционировало уже 11 (четыре научных и семь инженерных) лабораторий. НИИ владел площадью 18000 кв. м и 40 единицами импортного и отечественного оборудования. Для повышения квалификации сотрудников была организована научно-техническая библиотека, которая насчитывала 6500 экземпляров, причем технической литературы на русском и иностранных языках – 4000 экземпляров. Было начато строительство опытно-экспериментального завода [13].

Выполняя задачи, поставленные перед коллективом, ученые ВНИИ-108 вели исследования по актуальным для того времени направлениям – занимались «противолокацией», радиоэлектронной борьбой. Началась она с создания шумовых помех радиолокационных станций (РЛС). Работы велись в лаборатории шумовых помех (№14) под руководством Н. И. Оганова (1902–1966) – специалиста в области мощных генераторных ламп и передающих устройств. Н. И. Оганов был и главным конструктором первой в СССР опытно-конструкторской работы по созданию самолетной станции разведки и помех (ПР-1). Аппаратура помех, разрабатываемая в лаборатории №14, как показали летные испытания, обеспечивала подавление немецкой радиолокационной станции орудийной наводки «Вюрцбург», управлявшей огнем 85-мм зенитных орудий. В отчете за 1944 г. П. З. Стась писал: «Проведены летные испытания прибора совместно с английской радиолокационной станцией L20 (на волне 1,41 м) с удовлетворительным результатом. Предстоят испытания этого прибора совместно с трофейной радиолокационной станцией «Вюрцбург», имеющейся в институте» [14]. Эти испытания в полном объеме были проведены уже после окончания войны в 1946 году. В НИИ-108 уделялось внимание вопросам распространения радиоволн. Созданная по инициативе А. И. Берга лаборатория №2 под руководством академика Б. А. Введенского в 1944 г. развернула экспериментальные работы, которые

стали известны под шифром «Волна» (1,5–4-метрового диапазона длинных радиоволн) и др. В теоретическом отделе проводились работы под руководством М.А. Леонтовича и В.А. Фока по теоретическим расчетам антенны типа «Уда-Ята», рефлекторов для вибраторов антенн, была разработана теория сложных вибраторов для ультракоротких волн и др. В лаборатории общей физики во главе с профессором С.И. Калашниковым изучалась физика вакуума и электронных явлений электронной эмиссии и многое другое. В лаборатории №13 под руководством инженера-конструктора А.А. Расплетина [15] была разработана самолетная радиолокационная аппаратура: «ТОН-2», «РД», «ПР» и другие, которые успешно прошли испытания и были взяты на вооружение армией [16].

Организованный в условиях войны НИИ по радиолокации благодаря поддержке ЦК ВКП (б) сумел в короткий срок в ходе организации выполнять важные задания ГКО, развернуть научно-инженерную деятельность в освоении и развитии радиолокационной техники. Становление и развитие ВНИИ-108 в чрезвычайных условиях военного времени свидетельствует о том, что развивалась и система государственного руководства научными организациями. Кроме того, внедрение новых технических разработок ученых и инженеров различных НИИ способствовало укреплению советских вооруженных сил и победе советского народа в Великой Отечественной войне.

Таким образом, только некоторые примеры деятельности двух научно-исследовательских институтов свидетельствуют о вкладе ученых, исследователей и изобретателей в победу Вооруженных сил страны в 1941–1945 гг. В короткий срок, оперативно решались вопросы, поставленные ГКО перед учеными. Все силы ученые направляли на решение поставленных задач при минимальных затратах. В годы войны развивалась система государственной поддержки и государственного руководства научными организациями.

Примечания

1. НИИ ГВФ – создан приказом Главной инспекции воздушного флота Наркомата по военным и морским делам СССР от 4 окт. 1930 г. В 1932 г. НИИ было разделено на три института: Самолетный НИИ, НИИ авиационных двигателей (НИИАД), НИИ связи и сигнализации (НИИСС), а в течение 1936–1939 гг. вновь объединены в НИИ ГВФ. В 1954 г. институт реорганизован в ГосНИИ ГВФ, а в 1964 г. переименован в ГосНИИГА.

2. РГАНТД (Самара, филиал) Ф. 4. Оп. 1–6. Д. 3. Лл. 63–65.
3. РГАНТД (Самара, филиал) Ф. 4. Оп. 1–6. Д. 4. Лл. 15–17.
4. РГАНТД (Самара, филиал) Ф. 4. Оп. 1–6. Д. 6. Л. 2.
5. РГАНТД (Самара, филиал) Ф. 4. Оп.1–6. Д.18. Л. 105.
6. РГАНТД (Самара, филиал) Ф. 4. Оп. 1–6. Д. 14. Л. 4.
7. РГАНТД (Самара, филиал) Ф. 4. Оп.1–6. Д. 18. Лл. 13.83.
8. РГАНТД (Самара, филиал) Ф. 4. Оп. 1–6. Д. 24. Л. 61.

9. РГАНТД (Самара, филиал) Ф. 4. Оп.1–6. Д.24. Лл.108. 115.

10. Берг Аксель Иванович (1893–1979) – ученый в области радиотехники, организатор и военный деятель в области радиосвязи, радиолокации и кибернетики, доктор технических наук, профессор (1930), член-корреспондент АН СССР (1943), академик (1946), Герой Социалистического Труда (1963).

11. РГАНТД (Самара, филиал) Ф. 284. Оп. 2–6. Д. 1. Л. 17.

12. РГАНТД (Самара, филиал) Д.1. Л.17.

13. РГАНТД (Самара, филиал) Д. 8. Л. 36.

14. РГАНТД (Самара, филиал) Ф. 284. Оп. 2–6. Д. 8. Л. 36.

15. Расплетин Александр Андреевич (1903–1967) – ученый, конструктор, специалист в области радиолокации и телевидения. 1943–1950 гг. в НИИ-108. В годы войны под его руководством были созданы: ТОН-2 для защиты задней полусферы самолета, радиолокатор СНАР-1 для обнаружения артиллерии противника. Герой Социалистического Труда, академик АН СССР (1964).

16. РГАНТД (Самара, филиал) Ф. 284. Оп. 2–6. Д. 15. Л. 2,38.

*Л.В. Павлова,
г. Оренбург*

ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ КРАСНОАРМЕЙЦЕВ И ДОПРИЗЫВНИКОВ В 1920–1930-х гг. (на материалах Оренбуржья)

Образовательный уровень как новобранцев, так и собственно рядового состава в 1920–1930-х гг. зависел от общей линии «культурной революции» на ликвидацию неграмотности и повышение уровня образования, необходимого для решения задач индустриализации. Несомненно, рост технической оснащенности вооруженных сил предъявлял и более высокие требования к общему и специальному образовательному уровню военнослужащих, причем не только командного состава. В начале 1920-х гг. наиболее полно учет неграмотного населения велся среди организованных групп населения, в т.ч. среди красноармейцев. Обучение красноармейцев началось еще во время Гражданской войны. Красноармейцы, подлежащие обучению, объединялись в отдельные команды и в служебном порядке обучались грамоте, частично освобождаясь от караульной службы. Грамоте обучались не только в тыловых частях, но и на фронте, в перерывах между боями.

15 сентября 1920 г. вышел приказ Военного совета №396 по войскам Оренбургского укрепленного района, в котором всем частям приказывалось немедленно организовать комиссии по ликвидации неграмотности [1]. Все неграмотные, не посещающие школы, согласно этому приказу подвергались дисциплинарному взысканию как за нежелание выполнять строевые обязанности. При политических отделах укрепленных пунктов создавались

комиссии по ликвидации неграмотности, которые следили за работой по ликвидации неграмотности в войсковых частях: брали на учет всех неграмотных, вели агитацию и пропаганду за грамотность, устраивали недели «Борьбы с неграмотностью красноармейцев» и др. Каждый неграмотный красноармеец обучался до тех пор, пока комиссия не удостоверилась в его грамотности [2].

Всего за 1920 г. в Красной Армии было обучено 107 645 человек. Особенно напряженно пошла работа после издания приказа от 28 февраля 1922 г. за №515, которым устанавливался окончательный срок ликвидации неграмотности в Красной Армии – 1 мая 1922 г. В результате за 1922 год было обучено еще 78 995 человек [3].

Данный вопрос обсуждался на I Всероссийском съезде по ликвидации неграмотности (февраль 1922 г.). Съезд признал необходимым обучить в первую очередь людей в возрасте от 18 до 30 лет и обеспечить полную ликвидацию неграмотности в Красной Армии (включая и новые призывные возрасты). Во всей своей полноте проблема улучшения боевой подготовки Красной Армии встала в 1923 г., когда она перешла на мирное положение. В этих условиях со всей очевидностью встал вопрос о ликвидации неграмотности среди допризывников. В это же время был разработан декрет ВЦИК и СНК о привлечении к обязательным занятиям по ликвидации неграмотности всех допризывников во время прохождения ими допризывной военной подготовки [4].

Реввоенсовет республики с Главполитпросветом разработал план ускоренного обучения допризывников, чтобы обеспечить Красной Армии грамотное пополнение. Ввиду особой важности этой задачи ВЦИК отпустил специальные ассигнования на учебные пособия для призывников. Остальные расходы на обучение допризывников были отнесены на местные средства [5]. В эти годы был разработан специальный «Букварь красноармейца», по которому велись занятия в Красной Армии и среди допризывников.

Огромное значение уделялось воспитательной работе среди допризывников и красноармейцев. Л. Д. Троцкий по этому поводу писал, что «самое главное – побороть в армии духовную вшивость (безграмотность) и физическую. Нужно добиться того, чтобы красноармеец был опрятен, чист, аккуратен, чтобы он был бережливым и хозяйственным человеком. С этой целью в армии ведется работа по хозяйственному воспитанию и санитарному просвещению» [6].

Советской власти нужны были сознательные защитники Отечества. Красноармеец должен был понимать не только свои служебные обязанности, но и знать, за что борется, знать, что такое советская власть, почему нужен союз и братское единение с пролетариатом всего мира, как устроено советское государство, какую работу ведет советская власть в об-

ласти народного хозяйства. Красноармеец должен быть грамотным, уметь читать книжку, газету, уметь написать письмо домой, рапорт по службе. Красноармеец-крестьянин должен был получить сведения о том, как лучше вести сельское хозяйство и т. п. [7].

Большое значение наряду с обучением грамоте имели политические занятия, которые велись политическими отделами. В серии пособий политикам к политуставу говорилось, что «красноармеец должен знать, какие враги есть у Советской Республики, как идут дела у нас в стране, ибо красноармеец – лучший политик, и чем крепче он держит винтовку, чем тверже стоит он на своем посту, тем мягче разговаривают с нами иностранные капиталисты, тем спокойнее и успешнее работают трудящиеся по хозяйству. Советская власть в своей политике опирается на широкие народные массы, на всю Красную армию, и поддержка трудящихся в политике – ее лучшее оружие» [8]. С этой же целью во всех полках и частях были организованы клубы, при клубах организовывались кружки, в которых красноармейцы могли получить знания по политическим, военным, сельскохозяйственным, техническим и иным вопросам. В конце 1920 – начале 1930-х гг. работа по обучению культурмейцев и допризывников была продолжена во время культпоходов. В постановлении ЦК ВКП(б) от 17 мая 1929 г. «О работе по ликвидации неграмотности» ЦК предлагал партийным, советским и профессиональным организациям в первую очередь охватывать системой ликвидации неграмотности «в городе – индустриальных рабочих и новые слои пролетариата, в деревне – батрачество, рабочих совхозов, сезонников, бедноту, членов колхозов» [9]. Во время проведения в Оренбургском округе культпохода в 1928 г. прежде всего шла организация обучения батраков, колхозников, допризывников, женщин и представителей национальных меньшинств [10].

Во второй половине 1930-х гг. страны «антикоминтерновского пакта» (Германия, Италия, Япония) развернули активную подготовку к войне за новый передел мира. Нарастала угроза нового мирового конфликта. Военная опасность поставила задачу максимального укрепления обороноспособности страны. В постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О работе по обучению неграмотных и малограмотных» от 27 февраля 1936 г. говорилось о такой организации обучения допризывников, «чтобы с 1936 г. среди призывающихся в Красную Армию не было ни одного неграмотного и малограмотного» [11]. После XVIII съезда ВКП(б) (март 1939 г.), который ставил задачей всемерное повышение обороноспособности страны, широкое распространение получило соревнование среди Советов, колхозов и предприятий по подготовке к обороне страны, особенно в обучении допризывников, по успешному проведению призывов молодежи в армию.

Пропагандировались боевые подвиги воинов Советской Армии и Флота, особенно героизм и мужество советских добровольцев, сражавшихся против агрессоров в Испании и Китае, а также участников боев у озера Хасан и на реке Халхин-Гол. Приковывалось внимание советских граждан к работе массовых оборонных организаций – Осоавиахима, общества Красного Креста и Красного Полумесяца. С их участием на предприятиях, в учреждениях, колхозах, совхозах, МТС проводились так называемые оборонные дни, дававшие трудящимся определенную сумму военных знаний.

Бюро Оренбургского областного комитета ВКП(б) в марте 1936 г. обсудило постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О работе по обучению неграмотных и малограмотных» от 27 февраля 1936 г., определило порядок обучения допризывников. Обучать грамоте допризывников было решено с отрывом от производства, в специальных межрайонных и районных школах в течение полутора месяцев. Время обучения в этих школах засчитывалось для сельских жителей в виде трудовой, а за рабочими сохранялась средняя заработная плата [12]. Во время страды Оренбургский областной комитет ВКП(б) предложил организовать обучение допризывников следующим образом: культармейцы прикреплялись к допризывникам, организуя обучения прямо в поле, на рабочем месте [13].

Однако на деле обучение допризывников шло не так гладко. В Соль-Илецком районе в 1936 г. из 118 допризывников обучалось только 78 человек. Обучение допризывников велось нерегулярно, часто не доходило до конца [14]. В мае 1937 г. выяснилось, что из 366 допризывников вышеназванного района неграмотными и малограмотными оказались 159 человек, или 43% всего состава. Это произошло потому, что учителя определяли грамотными тех людей, которые на самом деле являлись малограмотными [15].

Особым постановлением Оренбургского обкома ВКП(б) от 13 июля 1936 г. «О ходе обучения неграмотных и малограмотных допризывников рождения 1914–1915 гг.» отмечалось неудовлетворительное положение дел: «...из учтенных 1504 неграмотных... обучено только 791 человек, обучается 624 и совершенно не охвачено учебой 89 человек, из учтенных 7181 малограмотного обучено 2460 человек, обучается 3349 и совершенно не охвачено учебой 1372 человека...» [16]. На заседании бюро Оренбургского обкома ВКП(б) 13 января 1937 г. райисполкомы и райкомы ВКП(б) обязывались организовать обучение всех неграмотных допризывников с отрывом от производства с сохранением зарплаты и трудовой колхозникам [17].

Главное управление Рабоче-Крестьянской Красной Армии специальными инструкциями регламентировало работу по обучению допризывников. Все допризывники, учтенные военными комиссариатами, делились по уровню грамотности на четыре группы. Специальные комиссии при военкомате, состоящие из школьных учителей, выявляли степень грамот-

ности и ставили особую отметку в военном билете, после чего зачисляли молодежь на специальные курсы или в школы допризывников. Контроль над посещением занятий и дисциплиной осуществляли военкоматы, а обеспечение литературой, методическими пособиями, бумагой и проч., а также направление туда учителей – городские и районные органы народного образования. В сельских областях Оренбургской области к работе с неграмотными допризывниками привлекались культармейцы, мобилизованные комсомольскими организациями. Допризывников объединяли в группы и ежедневно занимались с ними по 2–4 часа на призывном пункте.

Стимулом в учебе для допризывника служила надежда попасть в военное учебное заведение, так как во время набора вербовочная комиссия красочно описывала жизнь военнослужащего. Для сельского юноши 18–20 лет попасть в военное училище означало решение всех жизненных вопросов, тем более что для набора в вышеназванные училища предпочтение отдавалось представителям рабочих и бедных крестьян.

К концу 30-х гг. XX в. улучшилась подготовка призывников к воинской службе, их отбор и распределение, обучение первоначальным навыкам военного дела. С ними проводилась большая воспитательная работа. Призывники изучали решения партии и правительства, особенности строительства Советской Армии, основные положения новой Конституции СССР. Их знакомили с важными событиями международной и внутренней жизни, при этом особо подчеркивалась опасность для СССР империалистической агрессии. После упразднения национальных формирований, в связи с притоком на военную службу молодежи нерусской национальности было широко организовано обучение ее русскому языку, ознакомление с традициями и историей русского народа. Борьба с неграмотностью и поднятие общеобразовательного уровня обусловили повышение качества подготовки молодежи к военной службе.

К концу 1930-х гг. в СССР удалось добиться значительных успехов как в обеспечении грамотности населения, так и в повышении уровня его образования. По данным переписи населения 1939 г., из лиц в возрасте от 9 лет и старше грамотные среди горожан составляли 89,5% (мужчины – 95,7%), а среди жителей села – 76,7% (мужчины – 88,1%) [18]. Причем неграмотными оставались преимущественно лица старших возрастов и жители национальных окраин. Так, по всем категориям населения РСФСР уровень грамотности был существенно выше общесоюзного. Значительно повысился и уровень образования. По данным той же переписи, на 1000 человек мужского населения лиц со средним образованием приходилось 89, а с высшим – 9, причем для городского населения эти показатели были в 2–2,5 раза выше. Три четверти имевших среднее образование на этот год составляли лица до 30 лет, то есть основной призывной контин-

гент [22]. Уже в 1938/1939 г. в СССР почти все дети (97,3%), окончившие начальные классы, перешли учиться в среднюю школу [19]. Не удивительно, что среди призывников 1939–1940 гг. треть составляли лица, имеющие высшее и среднее образование, а проблема собственно грамотности накануне Второй мировой войны перед Красной Армией уже не стояла [20].

Однако, что касается специального военного образования офицерских кадров, то в результате репрессий конца 1930-х гг. армия, по сути, лишилась всей своей образованной части. В итоге к началу Великой Отечественной войны лишь 7% командиров имели высшее военное образование, а более трети не получили даже законченного среднего военно-специального [21].

Великая Отечественная война явилась серьезным испытанием и в то же время показала огромное превентивное значение отечественной системы образования допризывной подготовки молодежи, гражданского, интернационального, патриотического воспитания населения. Система ликвидации неграмотности в тяжелые военные годы доказала свою крайнюю жизненно важную и необходимость в деле прямой защиты, укрепления и строительства государства. Это явилась важным фактором победы в Великой Отечественной войне.

Примечания

1. ГАОО. Ф. Р-459. Оп. 1. Д. 540. Л. 1–1 об.
2. Там же. Л. 2–4.
3. Пять лет борьбы с неграмотностью: сб. статей, воспоминаний и материалов / под общ. ред. А. С. Курской и П. А. Сычева. М., 1925. С. 50–51.
4. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 462. Л. 50.
5. Корнилова И. М. Формирование системы высшего образования в национальных районах России (на материалах Поволжья): учеб. пособие. Элиста, 2008.
6. Рабоче-крестьянская Красная Армия [Электронный ресурс] / сост. Д. Кин; Серия пособий политрукам к политуставу. Вып. 1. Б/м., 1922. Режим доступа : <http://rkka.ru/docs/real/rkka/main.htm>
7. Там же.
8. Там же.
9. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898–1970. Т. 4. М., 1970. С. 268.
10. ЦДНИОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 20. Л. 13.
11. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа : сб. документов. 1917–1973 гг. М.: Педагогика, 1974. С. 387.
12. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 433. Л. 15; Ф. 371. Оп. 2. Д. 17. Л. 81.
13. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 451. Л. 44.
14. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 458. Л. 12.
15. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 2. Д. 56. Л. 17.
16. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 682. Л. 54–55.
17. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 2. Д. 17. Л. 81–82.

18. Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. М., 1992. С. 43.

19. Рассчитано по: Там же. С. 49.

20. История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1971. Т. 9. С. 364.

21. Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. Изд. 2-е. М., 1985. С. 25.

22. Кулиш В. И. Об уроках и правде истории // Страницы истории советского общества. Факты, проблемы, люди. М., 1989. С. 284.

*В.А. Сидорова,
г. Оренбург*

ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СССР С СОЮЗНИКАМИ ПО АНТИФАШИСТСКОЙ КОАЛИЦИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 гг.)

В новейшей истории нашей страны дважды имело место заключение военно-экономических союзов с западными государствами. Речь идет об Антанте в период Первой мировой войны и антигитлеровской коалиции 1941–1945 гг. Эти союзы были направлены против одного и того же общего противника – Германии, но история их деятельности принципиально различная. Во-первых, союз СССР с западными демократиями складывался в ходе войны; во-вторых, к культурным и экономическим различиям между союзниками добавлялись политические; в-третьих, антигитлеровская коалиция действовала на период борьбы против общего врага и вряд ли была рассчитана на более длительное время.

Ощутимым результатом сотрудничества и взаимопонимания между союзниками по антигитлеровской коалиции стала организация поставок в СССР вооружения, сырья и гражданских материалов.

Для успешной реализации ленд-лиза нужно было задействовать как новые, так и уже успешно опробованные формы взаимодействия стран в области торговли и доставки товаров и сырья.

Речь идет прежде всего о советском акционерном обществе «Амторг Трейдинг Корпорейшн», созданном в нэповский период (1924 г.) для ведения торговли с США. Как частное акционерное общество для экспортных и импортных операций с Америкой, «Амторг» представлял интересы Наркомата Внешторга СССР, а также выполнял функции полпредства до установления дипломатических отношений между СССР и США в 1933 г.

Деятельность «Амторга» вызывала неоднозначное отношение, в частности, у истеблишмента США были подозрения, что он является базой для подпольной деятельности Коминтерна. В 1932 г. Конгресс США потребовал за-

крыть «Амторг» и выслать из страны всех его сотрудников за то, что «Амторг» поставлял в США сверхдешевые товары, «произведенные принудительным трудом в сталинских лагерях». Но до международного скандала дело не дошло – «Амторг» оставался торговым представителем СССР в США.

Президентом «Амторга» в разное время были выдающиеся государственные деятели Э. М. Склянский, А. В. Петров, ученый-геохимик К. И. Лукашев. В 1939 г. в Наркомате внешней торговли был создан инженерный отдел (1942 г. – управление), а затем и специальный отдел «Техноэкспорт» в рамках нового структурного подразделения «Ирансовтранс». В годы Великой Отечественной войны это отделение занималось реализацией межправительственных соглашений на поставки военной техники в СССР из США и Англии через Иран по ленд-лизу.

Условия ленд-лиза для поставок в СССР действовали с 1 октября 1941 г. по 20 сентября 1945 г. Соглашение о ленд-лизе с СССР было подписано в Вашингтоне 11 июня 1942 г.: «Соглашение между Правительствами СССР и США о принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессора». Принятие Соглашения о ленд-лизе стало результатом целеустремленной и планомерной работы всех заинтересованных сторон. В июле–августе 1941 г. СССР подписал два межправительственных соглашения: «О совместных действиях в войне против Германии» и «О товарообороте, кредите и клиринге», которые являлись юридической основой для поставок военной техники. В конце сентября 1941 г. в Москве состоялось совещание высокопоставленных представителей СССР, Великобритании и США, на котором было принято решение начать поставки в Советский Союз военной техники, вооружения и стратегического сырья с осени 1941 г.

Первый (Московский) «конфиденциальный» протокол о союзнических поставках предусматривал продажу военной техники и вооружений в период с 1 октября 1941 г. по 30 июня 1942 г. Он включал более 70 основных видов поставок и свыше 80 видов медицинского снабжения, а также танков, самолетов, эсминцев, «виллисов», тушенки, яичного порошка, масла и даже сапог, которых каждый месяц требовалось 400 тыс. пар [1]. В дальнейшем были подписаны протоколы: Второй (Вашингтонский) от 10 ноября 1942 г., Третий (Лондонский) от 19 ноября 1943 г. и Четвертый (Оттавский) от 17 апреля 1945 г.

На протяжении всей войны дипломатическими, организационными, производственными, коммерческими вопросами, связанными с сотрудничеством в научно-технической и военной областях занимались выдающиеся государственные деятели, военные и ученые СССР и Запада, отдавая энергию и силы и здоровья для благородного дела борьбы с общим врагом. Со стороны СССР – И. В. Сталин, нарком торговли СССР А. И. Микоян, посол СССР в США М. М. Литвинов, зам. председателя правительственной закупочной

комиссии ученый-геохимик К. И. Лукашев; со стороны наших союзников – президент США Ф. Рузвельт, премьер-министр Великобритании У. Черчилль, руководитель администрации ленд-лиза США Г. Гопкинс, глава Офиса экономической стабилизации Д. Бирнс (США) и многие другие. Ни на минуту не забывая о национальных интересах, они внесли весомый вклад в победу над фашизмом. В период действия Первого протокола (1.10.1941 – 30.06.1942) помощь оказывалась в сравнительно небольшом количестве и отставала от запланированных норм. Серьезного материального содействия Советской стране во время Московской битвы ленд-лиз не оказал, хотя некоторые виды поставок (медь, алюминий и др.) компенсировали в 1941 г. резкое падение отечественного производства. Но он имел для советских людей на фронте и в тылу большое морально-психологическое значение.

Перемещение грузов в СССР по Первому протоколу велось в основном через североатлантический путь: Исландию, Норвежское, Баренцево и Белое моря. Конечным пунктом этого маршрута были Мурманск, Архангельск, Молотовск (Северодвинск). В дальнейшем были освоены и другие пути поставок в СССР. Но в отличие от Североатлантического они были намного длиннее и более трудоемки: Тихоокеанский (во Владивосток, Петропавловск-Камчатский и др.); Транссибирский (через Аляску и Чукотку); трансафриканский (Америка–Вест-Индия–Ирак–Иран–Баку). С лета 1942 г. основной поток грузов для СССР направляли через Дальний Восток и Иран.

Начиная с Третьего протокола (1.07.1943 – 30.06.1944) основная часть грузов направлялась из США. На время завершения коренного перелома и наступления Красной Армии по всем фронтам пришелся главный ее поток. По американским данным были отправлены:

- на Советский Дальний восток – 47,65% грузов;
- через персидский залив – 23,8%;
- в район Черного моря – 3,954%;
- в Советскую Арктику – 2,5% [2].

У начала потока груза военной помощи США работала советская правительственная закупочная комиссия (СПЗК). Она была создана в феврале 1942 г. из специалистов, прежде всего военных, работавших в США. Возглавлял комиссию генерал-майор А. И. Беляев, его заместителями были вице-адмирал М. И. Акулин и К. И. Лукашев. ПЗК действовала в течение всей войны и занималась поставками разнообразной продукции на коммерческой основе в размерах существенно меньше ленд-лизовских.

Обязательства ни по Первому, ни по Второму протоколам не были выполнены по многим причинам – политическим, экономическим, организационным. В США и Великобритании существовали довольно сильно влияющие силы, которые выступали против сотрудничества с Советским Союзом,

стояли на позициях взаимного обескровливания СССР и фашистской Германии. «Подавляющее большинство генералитета армии США, – писал в августе 1942 г. советник посольства СССР в США А. А. Громыко (будущий министр иностранных дел СССР), – питали надежду на истощение и гитлеровской Германии, и Советского Союза. Эти надежды совпадают с надеждами руководящих промышленных кругов. Они не хотят победы Гитлера. Но еще больше они не хотят победы Советского Союза» [3]. Как известно, первоначально ведущие американские и английские эксперты разделяли точку зрения фашистов относительно того, что война с СССР будет недолгой и закончится до наступления морозов, т.е. осенью 1941 г. Как раз 3 сентября 1941 г. И.В. Сталин в письме У.Черчиллю высказал убеждение, что положение на советско-германском фронте резко изменится в пользу СССР, если союзники откроют в 1941 г. Второй фронт и обеспечат ежемесячную минимальную помощь в количестве 400 самолетов и 500 танков [4]. Однако затягивание открытия Второго фронта, в целом выжидательная позиция стран западной демократии, проволочки с выполнением договоренностей по военным поставкам тормозили военно-техническое сотрудничество против фашизма. И только Третий (1.07.1943–30.06.44) график поставок стал выполняться, когда Советская Армия уже имела стратегическое преимущество на всех фронтах. Выполнение поставок по Четвертому протоколу превысило намеченные объемы в основном за счет поставок того, что было недопоставлено прежде.

Ленд-лиз не был актом благотворительности США и Великобритании. Страны Запада, наши союзники, преследовали собственные интересы, в первую очередь стратегические – «оборона СССР жизненно важна для обороны США и Великобритании».

Сразу после капитуляции фашистской Германии президент США Г.Трумэн 8 мая 1945 г. лично распорядился приостановить поставки по ленд-лизу для СССР. Следующий протокольный период длился с 15 мая 1945 г. по 2 сентября 1945 г.

Война заканчивалась, интересы союзников стали расходиться. Весной 1945 г. Конгрессом США была проведена поправка по закону о ленд-лизе, согласно которому фонды помощи не могли использоваться для целей реконструкции и восстановления хозяйства стран-получателей. С 22 июня 1941 г. по 20 сентября 1945 г. по всем маршрутам из западного полушария было направлено морем 17,5 млн длинных тонн (1 дл.т = 1016 кг) грузов военной помощи. Из них 94% было произведено только в США. Практически все материалы, сырье, вооружение (98%) предоставлялось на условиях ленд-лиза [5].

По американским данным, в СССР во время войны из США было отправлено 18300 самолетов, 11900 танков, 13 тыс. зенитных и противотанковых орудий, 427 тыс. грузовиков. Кроме вооружения, СССР получал из

США тракторы, паровозы, вагоны, продовольствие, одежду, обувь (сапоги), колючую проволоку и т.д. В свою очередь, в счет погашения долга СССР поставил американским союзникам 300 тыс. тонн хромовой и 32 тыс. тонн марганцевой руды, а также платину и пушнину [6].

Заявление о прекращении поставок по ленд-лизу было сделано в одностороннем порядке правительством США 21 августа 1945 г. В ходе военно-технического сотрудничества союзников сложилась система регулирования цен, контроля за распределением сырья и товаров, составления нового налогового плана, взаимодействия государственных и коммерческих структур и т.д. Это было время поисков новых форм сотрудничества против общего врага.

Незадолго до войны «Амторг» заключил контракт с американской авиационной компанией Curtiss – Wright Corp., была закуплена лицензия на производство авиадвигателей Wright R-1820, советский аналог которых устанавливался на истребителях И-1 Поликарпова и И-2 Григоровича.

Среди поставляемых в СССР грузов особое значение имело вооружение. Во второй половине декабря 1941 г. из американских портов началась отгрузка бомбардировщика А-20 (ДВ-7В). К новому 1942 году США отправили 44 машины этого типа (из 828) по Первому (Московскому) протоколу.

Путь военной техники был не близок, поэтому специалисты, причастные к поставкам, отрабатывали маршруты следования заказов и сокращали время окончательной подготовки боевых машин для отправки их на фронт.

Так, первоначально бомбардировщики А-20 в полуразобранном виде везли в Басру (Иран) и собирали на близлежащей английской авиабазе Шуайба.

Но позднее бомбардировщики стали перевозить в собранном виде на переоборудованных танкерах. После создания промежуточной базы на острове Вознесения самолеты перегоняли из Флориды (США) в Бразилию, на западное побережье Африки и Ближний Восток. Их сдавали советским приемщикам в Абадане или Тегеране. В Абадане фирма «Дуглас» построила авиасборочный и авиаремонтный заводы, где проводилась окончательная подготовка самолетов перед сдачей советской экспертной комиссии. Допущенные к эксплуатации самолеты перегоняли в Азербайджан.

По ходу эксплуатации советские конструкторы и инженеры совершенствовали военную технику (самолеты, бронемашины, танки) союзников.

Страны антигитлеровской коалиции помогали оснащению Красной Армии средствами связи, радиооборудованием (радиокомпасы, радары, радиолокаторы и др.), телефонным кабелем, т.е. продукцией, которую в Советском Союзе не производили или выпускали в незначительном количестве.

Военная техника наших союзников выдержала суровый экзамен на полях боевых сражений – в воздухе и на земле. Так, американские бомбардировщики «Бостоны» заслужили отличную репутацию у наших летчиков своей дальностью полета, хорошей маневренностью и простотой в управлении [8].

Английский писатель Александр Верт в конце января – начале февраля 1943 г. совершил поездку в Сталинград. В ходе бесед с командирами и солдатами Красной Армии он убедился, что отзывы о технике, поставляемой союзниками, только положительные – о грузовиках «Додж», автомобилях «Джип» и танках «Черчилль» [9].

История военно-технического сотрудничества СССР с союзниками по антигитлеровской коалиции – это период напряженного труда и солидарности тысяч и тысяч рабочих, инженеров, конструкторов, ученых наших стран. Это время политических интриг, нервного напряжения, дипломатических решений с обеих сторон.

Лизинговые отношения содействовали разработке нового механизма экономических и международных связей, не имевших ранее аналогов в мировой практике.

Примечания

1. Известия. 18 июня 1992.
2. Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: книга для чтения: в 2 частях. Ч. 1. М., 2005. С. 145.
3. Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. М., 1984. С. 225.
4. Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: книга для чтения: в 2 частях. Ч. 1. М., 2005. С. 144.
5. http://www.kschet.ru/ivs/bibl/paperno/content_1.htm.
6. Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: книга для чтения: в 2 частях. Ч. 1. М., 2005. С. 142.
7. <http://almanac.whf.ru>
8. <http://kz44.narod.ru/>
9. См. А.Верт. Сталинград. Личные впечатления // Сталинград: уроки истории. М., 1976. С. 482.

*А. Ю. Алемасцева,
г. Оренбург*

ОРЕНБУРГСКИЙ ОБЛАСТНОЙ ТЕАТР МУЗЫКАЛЬНОЙ КОМЕДИИ ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 гг.)

Великая Отечественная война – одна из самых трагических и героических страниц в истории России. Она мобилизовала все силы народа на достижение одной, самой важной цели – победы над фашистской Германией. Выстоять в противоборстве с этой мощнейшей из развитых стран того времени стало возможным только ценой огромного напряжения сил и величай-

ших жертв. Немалую роль в достижении Победы сыграли деятели науки и искусства. Ведь победа добывалась не только на фронте – она рождалась в тылу, и искусство шагало в одном строю с творцами победы.

Одним из значимых регионов уже в первый период войны становится Уральский – и не только благодаря развитию тяжелой промышленности, но и благодаря работе эвакуированных НИИ, лабораторий, конструкторских бюро, учебных заведений, театров и других учреждений культуры. В годы войны Урал принял 25 эвакуированных театров, среди которых были МХАТ, Московский театр Красной Армии, Московский театр сатиры, Ленинградский театр оперы и балета им. С. М. Кирова, Ленинградский Малый театр оперы и балета и др. Уральский регион получил сильнейшее культурное «вливание», которое в 1945 г. дало результаты в виде создания первого в истории региона театрального института в г. Свердловске и открытия знаменитого сегодня Пермского хореографического училища. Все спектакли местных и эвакуированных театров проходили при аншлаге. За военные годы в театрах Урала было поставлено 3,7 тыс. пьес, проведено 65,6 тыс. спектаклей с охватом 28,5 млн зрителей.

Во время Великой Отечественной войны вместе с другими областями Урала подъем переживало и театральное искусство Чкаловской области. К началу войны область имела семь театров: областной драматический им. М. Горького, областной театр оперетты, областной театр кукол, Татарский колхозный драматический, Орский городской драматический им. А. С. Пушкина, Бугурусланский и Бузулукский колхозные драматические театры.

Одним из самых ярких, любимых народом театров был в то время не так давно созданный (1936 г.) Чкаловский (ныне – Оренбургский) областной театр музыкальной комедии. В 1941 г. театр открывал свой шестой сезон, но не в областном центре, а в городе Орске, что было вызвано условиями начавшейся войны. Главным режиссером и художественным руководителем театра являлся М. А. Маркберн, настоящий «хозяин», фактически, стоявший у истоков создания театра. Именно в период его руководства наш театр приобрел свой неповторимый стиль. Вскоре в театре появляется второй режиссер – И. Фаликов, который, к тому же, обладая отличными актерскими данными, исполнял комические роли. В сезоне 1942–43 г. он ставит спектакли «Мадемаузель Нитуш» и «Фиалка Монмартра», которые имели успех у публики.

На смену репрессированному в 1938 г. заведующему музыкальной частью дирижеру А. Керну приходят сначала Ф. Ельников, а затем и Л. Гентель – опытный, щепетильный, талантливый дирижер. За дирижерским пультом стояли также Е. Корнблит и Г. Эльперин, а в 1944 году пост главного дирижера занимает И. Гуревич. Среди любимцев публи-

ки тех лет можно назвать актеров О. Милохина, С. Бравину, Н. Томскую, Б. Казанского, Д. Савина, Ю. Шнейдеровского, Л. Куровскую, В. Котова, А. Морскова, Г. Элькеса, Н. Бегма, Р. Корытэк.

Театр за пять лет существования заслужил любовь не только оренбургского зрителя, но и жителей тех городов, в которых он бывал на гастролях. Это – Ташкент, Ашхабад, Самарканд, Фрунзе, Уральск, Архангельск. Как мы видим, список весьма обширен. В его репертуаре к этому времени было 40 спектаклей, из которых 13 – классических, из них 5 (вместе с переделанной «Цыганской любовью») принадлежали маэстро Легару – тому самому, которого с началом войны в Союзе запретили, как любимого композитора верхушки третьего рейха. Основу же репертуара, как во всех музыкальных театрах начала 1940-х гг, составляла советская оперетта – молодой, но уже популярный жанр.

Итак, были запрещены все оперетты Легара, а также «Жрица огня» В. Валентинова [1]. Но так как война застала наш театр на гастролях в Перми, то снятие с показа сразу четырех спектаклей («Голубая мазурка», «Цыганская любовь», «Фраскитта» и «Жрица огня») нанесло большой урон количеству показов. Это усугублялось еще и тем, что публика, озабоченная внезапным началом войны, потеряла интерес к театру. Невозможность выезда домой (в связи с нехваткой вагонов – как пассажирских, так и грузовых – для перевозки театрального имущества) заставила искать новые формы работы с публикой. Сорванные запланированные спектакли актеры компенсировали «стихийными» выступлениями на вокзалах, в поддержку отправлявшихся на фронт солдат, а также концертами в госпиталях. Еще одна проблема – отсутствие брони у работников театра в связи с тем, что документы остались в Оренбурге – была успешно решена, и 8 августа 1941 г. театр начал свое возвращение домой.

Возвращение было долгим: частые остановки на полустанках, длительные стоянки в Нижнем Тагиле и Свердловске, скудное питание. Ехали налегке: громоздкие декорации были оставлены в Перми. Неожиданной новостью встретили их в родном Оренбурге (Чкалове): театру было предложено работать в Орске, так как в помещении музкомедии расположился эвакуированный в Оренбург Ленинградский Малый театр оперы и балета (Малегот) [2].

Два сезона театр проработал в Орске в помещении драматического театра им. А. С. Пушкина, возвращаясь в родной город только на теплое время года. С конца весны и до осени в Чкалове использовался «Тополевый» Летний театр, который в то время являлся полноценной, хотя и сезонной, резервной площадкой. В репертуарном плане на 1941–42 гг. значатся перешедшие с прошлого сезона «Марица», «Принцесса цирка» и «Баядера» И. Кальмана, «На берегу Амура» М. Блантера и Б. Александрова, а также новые постановки «Золушки» Спадавеккиа, «Свадьбы в Малиновке»

и «Год спустя» Б.Александрова, «Ветер с востока» В. Сидорова. Как мы видим, упор делался на советскую оперетту, и это было велением времени. Мы встречаем в репертуаре такие спектакли, как «Красивая профессия», «Сердце мексиканки», «Самое страшное», «Золотая рыбка», но авторы этих произведений в документах не обозначены. В погоне за актуальностью репертуара театр в срочном порядке выпускал спектакли советских авторов патриотической направленности, ставились пьесы-однодневки, не обладавшие особой художественной ценностью. Стоит ли говорить о том, что они едва продержались сезон: «...авторы пьес, не видевшие настоящей войны, изображали ее поверхностно, схематично, используя литературные стандарты и трескучую фразеологию. Главным объектом юмора были фашисты, но не жестокие и сильные враги, а некие картонные солдатики. К сожалению, и положительные герои были малодейственные, штампованные, с примитивно обозначенными характерами...» [3].

Усталые и измученные многочасовой работой на предприятиях, зрители, тем не менее, охотно посещали театр, невзирая на порой жесточайшие погодные условия: мороз, метель, слякоть. Они находили в нем отдушину и заряжались энергией для новых трудовых достижений: «...Театр продолжал работать во время войны, когда у людей подчас не было и куска хлеба. Но они шли в театр, и он помогал им выжить» [4]. Как вспоминает артист О. Е. Милохин: «...нас восхищало, что люди работали по 12–18 часов в сутки, но находили время посещать театр. Зал всегда был заполнен... люди отличались доброжелательностью и необыкновенным трудолюбием» [5].

В таком же жестком ритме работали и артисты. Кроме репетиций и вечерних спектаклей существовали еще выездные «шефские» концерты, когда приходилось добираться до предприятий 15 км на лошадях, играть на предприятиях в проходах между станками. Каждое утро, с 8 до 10 часов проводилась военная подготовка. Артисты также принимали участие в мероприятиях, не связанных напрямую с их профессиональной деятельностью. К примеру, в хлебную страду помогали колхозникам убирать зерно, а весной 1942 г., когда большую часть города затопило, принимали участие в спасательных работах [6]. Все это было жизненно необходимо, воспринималось как данность – война есть война. Вечерами изрядно уставшие артисты пели, легко порхая по сцене, озаряя зал улыбками, даря зрителям радость и ту духовную силу, что помогала людям держаться не только физически, но и морально.

В отчете за сезон 1941–42 гг. художественный руководитель театра М. Маркберн отмечал, что найти добротную советскую оперетту на патриотическую тему необычайно трудно, но зритель требует разнообразного материала, и потому приходится жертвовать качеством спектаклей во имя количества и разнообразия репертуара. Только за шесть первых месяцев

работы театра в Орске сыграно 21 название, хотя обычный репертуарный план включает в себя 8–9 названий в год [7].

Летом 1942 г. театр вернулся в перенаселенный Чкалов: в городе было много своих и эвакуированных госпиталей, воинских частей, промышленных предприятий. Жили в бараках, питались по карточкам. Работать было трудно – в день давали по 2–4 концерта. Самыми яркими спектаклями того времени были «Свадьба в Малиновке», а позже, в сезоне 1943–44 г. – «Холопка» и «Раскинулось море широко». Последний повествовал о жизни блокадного Ленинграда.

Второй орский сезон (октябрь 1942 – май 1943 г.) пополнил репертуар театра следующими спектаклями: «Ганна» М. Корчмарева (из-за слабой художественной ценности этот спектакль едва продержался до конца сезона), «Талисман» Крауса, «Мадемуазель Нитуш» Ф. Эрве, «Гейша» С. Джонса, «Фиалка Монмартра» И. Кальмана.

Весной 1943 г. театр вновь возвратился в родной Чкалов, теперь – навсегда. Сначала он так же работал в деревянном здании Летнего театра, а с окончанием летнего сезона был переведен в клуб им. Дзержинского. Небольшой зал клуба с совершенно маленькой и тесной для коллектива сценой каждый вечер был полон до отказа. Днем актеры все так же выезжали с концертами в госпиталь.

Вернувшись в родной город, коллектив театра оказался в самом центре музыкальных событий: здесь, в эвакуации, находились известные музыканты, педагоги, композиторы И. Дзержинский, В. Соловьев-Седой, М. Чулаки, К. Кондрашин, Д. Френкель, Московский цирк, Ростовский драматический, а также Ленинградский малый оперный театр. В труппе Малегота работали замечательные артисты: Б. Гефт, А. Модестов, Е. Красовская, С. Шапошников, Г. Исаева, Б. Хайкин (художественный руководитель и дирижер). Главный дирижер Э. Грикуров оказал неоценимое влияние на коллектив театра музыкальной комедии, его культурный и творческий рост.

Находившийся в городе с сентября 1941 г. по сентябрь 1944 г. Малегот поставил 29 опер и балетов, более тысячи спектаклей, дал около тысячи концертов, которые посетили почти миллион зрителей. Среди его новых постановок здесь были оперы «Золотой петушок» Н. Римского-Корсакова, «Пиковая дама», восстановленная всего за 45 дней [8], «Иоланта» П.И. Чайковского. За короткий «чкаловский» период поставлены оперы И. Дзержинского «Кровь народа», «Надежда Светлова», «Сильнее смерти» В. Волошина, восстановлены «Черевички», «Евгений Онегин», «Севильский цирюльник», балеты «Коппелия», «Фадетта», «Тщетная предосторожность», «Ромео и Джульетта».

Помимо спектаклей, Малегот давал симфонические концерты, которые шли в помещении театра драмы. Их за период 1941–1944 гг. было дано бо-

лее 40: звучали Пятая и Девятая симфонии Л. Бетховена, Четвертая, Пятая и Шестая – П. Чайковского и, конечно, Седьмая («Ленинградская») симфония Д. Шостаковича. Она была исполнена в Чкалове в августе 1942 г. – вскоре после ее первого исполнения в г. Куйбышеве [9]. Кроме того, театр осуществил концертные постановки опер «Алеко», «Иван Сусанин», «Русалка» и др. Не ограничиваясь работой на стационаре, театр выезжал в Донгуз, Орск, Бугуруслан, организуя симфонические концерты, вечера балета, показ оперных отрывков [10]. Июль–август 1944 г. были временем прощальных концертов театра в Чкалове, в том числе – большого концерта с участием симфонического оркестра под управлением дирижера, заслуженного артиста РСФСР А.Н. Когана. В программе звучали отрывки из опер П.И. Чайковского, Н.А. Римского-Корсакова, при участии солистов были исполнены сцены из «Евгения Онегина» [11].

Благодаря соседству и тесному общению с ленинградской творческой интеллигенцией Чкаловский театр музыкальной комедии наконец-то услышал конструктивную критику в свой адрес, получил профессиональную оценку своей работы и квалифицированную помощь. Более того, артисты различных театров часто вместе участвовали в сборных концертах. Вот что вспоминает заслуженный работник культуры, актер и режиссер театра музыкальной комедии О.Е. Милохин: «...мне посчастливилось выступать в одной программе со знаменитым дрессировщиком Ю. Дуровым, а также в концертах композиторов Соловьева-Седого, Дзержинского, Фрадкина, Сидорова» [12]. А оркестранты Малегота часто играли с оркестрантами музкомедии. Это было связано с тем, что оркестровая яма стационара, где располагался Малегот, не могла вместить полный состав оркестра ленинградцев. Поэтому каждый вечер свободные от спектакля музыканты шли к своим «соседям», что заметно положительно влияло на качество игры музкомедийного оркестра [13].

Как отметил в 1944 г. начальник областного отдела искусств Г.И. Незнамов, «...заслуга театра не только в том, что он воспитывал вкус и любовь к музыке, но и в том, что он оказал огромное влияние на подъем общей и театральной культуры города и области. Подавляющее большинство актеров наших театров внимательно следило за работой Академического театра, многому училось, многое переносило в свое, смежное искусство» [14]. Остается только недоумевать, почему в музее Петербургского театра оперы и балета им. М.П. Мусоргского (Малегота в прошлом) эта выдающаяся страница его истории представлена лишь одной зрительской программкой спектакля 1942 г.

Часто в летнем театре можно было встретить В.П. Соловьева-Седого. Он работал за кулисами, за театральным роялем, отработывал детали будущих произведений. Заниматься дома практически не было возможности: в комнате, что находилась в полуподвальном помещении, в распоря-

жении композитора было очень старое разбитое пианино. Бытовые условия, в которых проживал Василий Павлович, оставляли желать лучшего, но, как напишет потом композитор М. И. Чулаки: «...в уголке проходной комнаты делал он большое, важное дело» [15]. Только за лето 1942 г. В. П. Соловьев-Седой создал более 20 произведений. Много песен он написал в содружестве с Алексеем Фатьяновым, с которым познакомился здесь же, в Оренбурге, в 1941 году. Первым произведением их совместного творчества стала песня «Южно-уральская» (Марш Южно-Уральского военного округа), затем последовали «Песня мщения», «На солнечной поляночке», «Баллада о Матросове», «Ничего не говорила», «Соловьи». Композитор и поэт часто вместе выступали в творческих концертах-встречах, которые проходили в госпиталях, учебных заведениях и на предприятиях.

Еще одной точкой пересечения композитора с коллективом театра музыкальной комедии стало создание в 1942 г. В. П. Соловьевым-Седым вместе с И. Дзержинским эстрадного театра – маленького, подвижного, маневренного, который мог бы выезжать в части действующей армии. Название «театр» – а по сути, одна из многочисленных в то время в нашем городе творческих фронтовых бригад – получил соответствующее: «ястребок». Три месяца ушло на определение состава и репертуара труппы. Автором, художественным руководителем и аккомпаниатором был сам Соловьев-Седой, труппу представляли артисты оперетты Л. Василько, В. Котов, А. Слободской, артисты цирка Жан и Зинаида Рузановы, оперный певец Б. Струлев и др. [16]. В программу входили: вступительная песенка «Здравствуй, зритель», интермедии «Завоеватель» и «Две девушки», песни «Играй, мой баян», «Встреча Буденного с казаками», скетч «Девушка с характером» (автор скетча – Ардов) [17]. После подготовки программы состоялась поездка в Москву – в Центральный Дом Красной Армии (февраль 1942 г.), где концерт был рассмотрен и утвержден. Сразу из Москвы фронтовая бригада отправилась на Калининский фронт. Полтора месяца театр был на передовой. Здесь, перед бойцами Калининского фронта, произошел переломный момент в судьбе песни «Вечер на рейде», написанной Соловьевым-Седым еще в августе 1941 года. Солдаты просили вновь и вновь исполнить «Вечер...», переписывали слова – и в считанные дни песня разлетелась по фронту, приобретя необычайную популярность. Уже по возвращении в Оренбург она звучала в исполнении ведущих солистов Малегота С. Шапошникова и Ф. Андруковича. В 1943 г. В. П. Соловьев-Седой получает Государственную премию. Среди отмеченных лучших сочинений значится и это произведение автора. В 2007 году, к 100-летию со дня рождения Василия Павловича, в Оренбургском театре музыкальной комедии режиссером Д. Ю. Радченко был поставлен спектакль (концерт-лекция) «Друзья-однополчане» о жизни и творчестве композитора в нашем городе. Также в Оренбургском театре музыкальной комедии по сей день со-

хранилась традиция выездных «фронтовых» бригад. Каждый год, на майские праздники, небольшая группа актеров выезжает с концертами военной песни в самые отдаленные уголки Оренбургской области.

Возвращаясь к сезону 1943–44 г., мы видим в репертуарном плане следующие названия: «Девушка из Барселоны» Б. Александрова, упомянутые выше «Раскинулось море широко» Н. Богословского и «Холопка» Стрельникова, а также «Марица» И. Кальмана. Исходя из условий тех лет, удивительно, как «выжила» «Марица» – шефские концерты и творческие встречи отнимали много времени, как и участие артистов во фронтовых бригадах. Ситуация усугублялась невозможностью постановки больших, полноценных спектаклей на маленькой сцене клуба им. Дзержинского. Только после отъезда Малегота (2 сентября 1944 г.) театр вернулся в свое родное здание.

Девятый сезон (1944–45 гг.) был представлен спектаклями «Фиалка Монмартра» Кальмана, «Три встречи» М. Старокадомского, «Продавец птиц» К. Целлера, «Баядера» Кальмана, «Сорванец» В. Колло, хотя с прежним успехом шла и «Свадьба в Малиновке». Уставшая от советских пьес «на скорую руку», публика с восторгом приняла классику. По данным 1945 г., количество зрителей в среднем на большинстве спектаклей составляло 650–690 человек, а, к примеру, на каждом из 18 спектаклей «Фиалки Монмартра» присутствовало (в среднем) 767 зрителей, на 46 представлениях «Баядеры» – 778, на 53 представлениях «Продавца птиц» – по 717 зрителей [18]. Сохранившийся приказ №38 по театру музыкальной комедии от 31 марта 1945 г. гласит: «В целях упорядочения продажи билетов и разгрузки очередей в кассе приказываю кассирам билеты отпускать через внутреннее окно только по запискам администратора» [19]. Данное распоряжение администрации театра можно объяснить только тем, что зрительный зал в те времена был полон, люди спрашивали лишнего билетика у входа, стремясь попасть в театр. Здесь они получали редкую возможность погрузиться в волшебный, легкий, завораживающий мир оперетты, увидеть любимых артистов на сцене и, пускай на время, но отрешиться от реальности, отдохнуть от войны.

«Воюйте своим искусством!» – так говорили молодым артистам музыкальной комедии, рвавшимся на фронт, в военкомате. И они «воевали», работая по 14–16 часов в сутки. В те тяжелые годы свое искусство людям дарили артисты: И. Томская, Л. Лидарская, В. Попова, Л. Куровская, Л. Столповская, Р. Корятек, Н. Бегма, В. Котов, Б. Казанский, Ю. Шнейдеровский, А. Морсков, Н. Зеленый, М. Рудин, В. Голубь, Д. Савин, О. Милохин, режиссер И. Фаликов, главный режиссер театра М. Маркберн, главный художник А. Шубин, балетмейстер А. Гулеско, дирижеры Е. Корнблит, Г. Эльперин. Многие из коллектива театра были награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» [20].

Примечания

1. Наточий В.Ф. Силуэты. Хроника Оренбургского театра музыкальной комедии. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 2001. С. 48.
2. ЦДНИИОО. Ф. 371. Оп. 5. Д. 52. Л. 19–20 (Из протокола №109 заседания бюро Чкаловского обкома ВКП(б) о размещении Ленинградского ордена Ленина Государственного Малого оперного театра, эвакуированного в Чкалов. 5 сентября 1941 г.
3. Наточий В.Ф. «Силуэты»... С. 54–55.
4. Лаврентьева Л. Оренбургская оперетта. Оренбург: Агентство «Пресса», 1998. С. 36.
5. Верстуков В. Воюйте своим искусством. Интервью с О.Е. Милохиным // Оренбуржье. 1994. 19 ноября №221–222.
6. Верстуков В. Там же.
7. Наточий В.Ф. Силуэты... С. 50.
8. ЦДНИИОО. Ф. 371. Оп. 6. Д. 256. Л. 10–11 (Из доклада начальника Чкаловского областного управления искусств Г.И. Незнамова на собрании работников культуры г. Чкалова о деятельности театров за июнь 1941–июль 1942 гг. 20 июля 1942 г.)
9. Хавторин Б.П. Музыкальная культура Оренбурга XX столетия». Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 1999. С. 36–37.
10. Коркин Г.М., Грикуров З.П. Ленинградцы в Чкалове // Чкаловская коммуна. 1944. 2 сентября. №174 (5224).
11. Федорова А.В. Оренбург в годы Великой Отечественной войны. Оренбург, 1995. С. 142.
12. Верстуков В. Интервью с О.Е. Милохиным...
13. Наточий В.Ф. Силуэты... С. 52.
14. Чкаловская коммуна. 1944. 2 сентября. №174 (5224).
15. Федорова А.В. Оренбург в годы ... – С. 129–130.
16. Прим.: Олег Евгеньевич Милохин, к примеру, упоминал еще артистов музыкальной комедии Л. Столповскую, Б. Казанского, дирижера И. Гуревича.
17. Театр «ястребок» выезжает на фронт // Чкаловская коммуна. 1942. 31 января. № 26 (4516).
18. Наточий В.Ф. Силуэты... С. 59.
19. Лаврентьева Л. «Оренбургская оперетта»... С. 34.
20. Верстуков В. Воюйте своим искусством // Оренбуржье. 1994. 19 ноября. №221–222.

ОРЕНБУРЖЦЫ НА СТРАЖЕ РОДИНЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (воспоминания из семейного архива)

Жизнь Оренбургского (Чкаловского) тыла в годы Великой Отечественной войны всегда была предметом особого интереса краеведов. Однако, несмотря на значительную проработку этой важнейшей темы в трудах Л.И. Футорянского, Ю.С. Зобова, Ю.П. Злобина, Р.Р. Хисамутдиновой и других, отдельные страницы истории Оренбуржья в период 1941–1945 гг. все еще ждут своих исследователей. Интересным, с нашей точки зрения, является исследование повседневной истории работы оренбургского тыла в годы Великой Отечественной войны, и богатейший материал в этом направлении дает мемуарная литература. В основе данной статьи лежат мемуарные воспоминания трех людей – ветеранов тыла – Разии Абдурахмановны, Раисы Абдурахмановны и Рашида Абдурахмановича Рафиковых. Вся семья Рафиковых, а это одиннадцать человек, плечом к плечу встали на защиту Родины в те судьбоносные годы, каждый из них переживал войну по-своему, на своем месте, и каждый внес свой личный вклад в Великую Победу.

Предвоенный Оренбург жил в обстановке напряженности и кропотливого труда. И хотя само начало войны стало для многих полной неожиданностью, в целом война не застала оренбуржцев врасплох. Уже к октябрю 1941 г. из 25 фабрик и заводов Чкалова 12 предприятий перешли на выпуск оборонной продукции. Завод «Трактородеталь» стал выпускать мины, шорно-седельная фабрика – конное снаряжение и солдатское обмундирование, паровозоремонтный завод – снаряды и взрывчатку, Орский мясокombинат выпускал гранаты и 12 видов лекарств. Те, кто мог уйти на фронт – ушли, а остальные в силу возраста, пола или иных причин остались работать в тылу, где было не менее трудно – давали о себе знать голод, холод, смерть близких, нехватка всего самого необходимого.

На переулке Первомайском, что находился между мусульманским кладбищем и Челябинским трактом был небольшой домик, где с 1928 г. жила большая семья Рафиковых – дед Сулейман со своей женой и сестрой, который и построил этот дом, его сын – Рафиков Абдрахман Абуталипович с женой и шестью детьми (Разия, Рауза, Раиса, Рашит, Рауф, Раиль). Впоследствии Челябинский тракт станет носить почетное название – Проспект Победы, но в начале войны до самой победы было еще далеко.

Трое из детей – Разия, Раиса и Рашит – были старшими в семье, однако они с детства уже пережили и разруху Гражданской войны, и голод 1932 г.,

и арест отца, привыкли жить в каждодневном суровом труде, на который никогда не жаловались. Разия уже с восьми лет приучилась вставать в четыре утра и идти занимать длинные очереди за хлебом, все ее детство прошло в трудах и заботах, и, пожалуй, единственные счастливые ее воспоминания – то, как по вечерам отец учил их петь, танцевать, играть на гармошке. Впоследствии она станет ведущей актрисой Оренбургского татарского театра. Недалеко от этого дома находился аэродром, территория которого уже давно застроена жилыми домами – он простирался в сторону Каргалы и на запад – к улице Пролетарской. По вечерам дети бегали на аэродром и встречали курсантов и инструкторов, которые обучались летать на самолетах и планерах, любовались их летными шлемами и синими комбинезонами. Однако часто случалось им бывать и на соседнем русском кладбище, где летчиков хоронили со всеми подобающими почестями – караулом, выстрелами и даже деревянными памятниками-пропеллерами, которые в годы войны, вместе со старинными крестами, выдерживали и пускали на дрова, ведь их постоянно не хватало. В Оренбуржье из западных областей страны было эвакуировано 70 промышленных предприятий, из них 30 имели статус союзного значения. Эвакуированные предприятия были размещены в Чкалове, Орске, Бузулуке, Бугуруслане и других городах и районных центрах. Около половины эвакуированных предприятий были размещены в Чкалове. Это 47-й авиационный завод, 245-й завод по производству авиаоборудования, завод масел №8, 545-й завод по производству тяжелых пуль и другие. На один из этих заводов, а именно на завод №47, который был эвакуирован из Ленинграда вместе с оборудованием и техническим персоналом, в 1943 г. поступила работать Раиса Рафикова. Ее, вместе с еще двумя ученицами, направили в цех №6 ученицей-нивелировщицей к мастеру Бурковой, но овладеть нивелиром ни одна из них так и не смогла. Раису перевели в отдел технического контроля, где она поначалу вела документацию контрольных мастеров, заполняла ведомости на дефектные изделия. В цехе, где она работала, собирали фюзеляж, плоскости (крылья), хвостовое оперение самолета ЯК-6. Самолет был весь, кроме мотора и некоторых деталей, деревянным. Из 7-го цеха к ним в бой поступали каркасы плоскости, хвостового оперения и шпангоут корпуса самолета, здесь их «одевали» в деревянные фанеры, обтягивали перкалью и передавали во второй сборочный цех. Перед отправкой во второй цех приходили военпреды и тщательно все проверяли. Во втором цехе уже устанавливали моторы, приборные щиты, масло и бензобаки, красили. Готовые самолеты делали облет, на заводе были свои летчики-испытатели. Цех №6, как и все остальные, шефствовал над ранеными и больными госпиталями, в частности над госпиталем, размещенным в здании учительского техникума по ул. Советской. Прямо в цехе, во время перерывов рабочие мастерили из обрезков тумбочки, табу-

ретки и мелкие деревянные вещи (например, костыли), которые относили в больницу своим подопечным. Молодежь 15–16 лет, друзья Раисы, а впоследствии и ее братья Рашит, Рауф и Раиль, – все работали в цехах этого завода. Из шестого цеха в девятый Раиса часто носила на ремонт бракованные замки мессершмитта, там работали ее друзья Равиль и Гусман, там же она и познакомилась со своим будущим мужем – Насыбуллинным Рафкатом; иногда заходила повидаться со своими друзьями – Шамилем в компрессорном цехе, Хамдией в архиве и другими, которых сейчас уже нет в живых. Как же проводила свои редкие свободные часы молодежь в те непростые годы? В Оренбург из Ленинграда был эвакуирован Малый оперный театр, на завод приходили распространители билетов, и все с удовольствием ходили на концерты, купить билеты просто так, в кассе, – в театр или кино было практически невозможно – народу нужна была психологическая разгрузка, и театры были переполнены. В 1944 г. Раису Абдрахмановну перевели в цех №3 – штамповочный, где она работала с документацией. В этом цехе штамповали бензо- и маслобаки для самолетов, стоял оглушительный шум, лязг металла, к которому трудно было привыкнуть. После штамповки две половинки бака герметично сваривали, а отверстия для залива и слива топлива закручивали крышками. После сварки баки мыли в специальном растворе, а потом промывали спиртом, они должны были быть абсолютно сухими. Проверяли их, опустив в бак лампочку на переноске. Несчастные случаи иногда происходили на заводе, и один из них произошел с братом Раисы, работающим в этом же цехе – Рауфом. Он, или по незнанию, или просто став объектом шутки, вместо лампочки поднес к баку горящую спичку, произошел взрыв, пламенем обожгло его лицо, а самого отбросило, но, к счастью, больше никто не пострадал. После этого случая он был уволен, потом поступил в артиллерийское училище и служил на Украине. В 16 лет на завод пришел еще один брат Раисы, Разии, Рашита и Рауфа – Раиль Рафиков. Работал он очень хорошо, занимался алмазной заточкой, и за свои трудовые заслуги был награжден орденом Трудовой Славы, на этом же заводе впоследствии работали его жена и сын.

Некоторые работники цеха имели определенный знак – рисунок лисы, зайца, волка, медведя, который был пропуском в определенные цеха (сборочный, конструкторский), у входа в которые стояла охрана. Как работник ОТК, Раиса Абдрахмановна имела право входить в пять цехов. Работа была трудная, времени на сон было мало, не говоря уже о семье, домашних делах или отдыхе. В конце месяца ведущие специалисты и рабочие оставались на заводе на несколько дней безвылазно. Это называлось авралом, им выдавались дополнительные талоны на питание в столовой, там они и отдыхали по очереди. И хотя было постановление ЦК о налаживании рентабельной работы и авралы не допускались официально, но они все равно были, по-

тому что часто успех выполнения плана зависел именно от таких вот перенапряжений в авральном режиме. Впоследствии, вспоминая те годы, Раиса удивляется, как только хватало сил все это перенести. Но когда видели, как работают из последних сил старики, женщины, совсем еще дети – всегда находились откуда-то еще силы, даже иногда становилось стыдно, а вдруг ты работаешь меньше других?

Сестра Раисы – Рауза Рафикова вступила в Великую Отечественную войну на медицинском поприще. Когда немцы оккупировали Украину, Харьковский медицинский институт эвакуировали в Оренбург, его надо было укомплектовать студентами, и Раузу Рафикову направили туда. Она без экзаменов поступила на первый курс терапевтического факультета. Позже она рассказывала об учебе студентов медицинского института в далекие военные годы. Студенты-медики, лишь только заканчивались пары, бежали, дорожка каждой минутой, в госпитали и часто бывали там до самого утра, когда надо было бежать обратно на занятия. С больными работать было очень трудно. Большинство из них, потерявших ноги-руки, не хотели жить, за ними нужно было следить очень внимательно. Даже когда эти израненные люди срывали с себя бинты, кричали, что хотят умереть и грозили медсестрам, пытаясь отказать от лечения, эти молодые девочки должны были найти нужные слова для каждого человека.

Младшего брата – Рашита война застала еще в школе, в шестом классе, когда его вместе с товарищами сняли прямо с занятий третьей четверти и по повестке отправили в ремесленное училище №3. Девчонок послали осваивать профессию стержневщиц, а пацанов – подвозить вагонетки, на которых стояли заформованные и собранные уже стержни, готовые под заливку жидким чугуном. После заливки, через 15–20 минут мальчишки зацепляли их крюками и катили к огромной выбивной решетке, где сваливали залитые чугуном сплавом опоки [1], а после уже пустые опоки загружали в вагонетки и перевозили обратно на участок, а затем брали заформованные опоки, и все начиналось сначала. Трудно описать тот ужасный грохот, пыль, гарь и страшную жару, которую каждый день испытывали эти юные рабочие. Как вспоминает Рашит Абдрахманович, «только успевай поворачиваться, а то – зашибут. Одним словом – ад кромешный...» Через некоторое время Рашита перевели осваивать профессию слесаря-лекальщика, на освоение которой он потратил уйму времени, работа проходила на станкостроительном заводе. Трудились минимум по 8 часов в день, кормили по талонам в столовой завода, которые каждое утро выдавал мастер. Весна 1942 г. в Оренбурге запомнилась Рашиту Абдрахмановичу небывалым паводком. Стихия сносила дома, и их разбивало о железнодорожный мост, жалобно ржали тонущие лошади с соседнего конезавода в Зауральной роще, у которых от ледяной воды сводило мышцы, и они шли на дно. В августе

Рашита с товарищами отправили на уборку полей, поездом до Сорочинска, а потом километрах в 100 от станции оставили в поле, где не было ни начальника, ни кухни. Раз в день – утром – привозили воду и 700 граммов хлеба, который тут же съедался. У бывших по соседству казахов выменивали на кислое молоко и сухари все, что привезли из дома – ложки, подушки, ремни. Довольно быстро ребята «проели» все, что можно было обменять на еду, включая и кое-какую одежду. Через некоторое время Рашит с еще несколькими мальчишками решились «рвануть» обратно в Оренбург, добирались пешком по проселочной дороге, в колхозах их поили молоком, жалея, крестьяне; ночевали в поле. Добравшись, наконец, до Оренбурга, Рашит стал будить родных и заснул прямо в палисаднике, где его и обнаружил наутро отец, который от радости и слез даже не стал ругать мальчишку – дорога в ремесленное училище теперь была для него закрыта... Добывая хлеб насущный, Рашит подался в «мешочники», возил из Соль-Илецка муку, пшено, сук [2](таг.) и продавал на оренбургском рынке. В Соль-Илецке можно было также достать очень редкие продукты из Средней Азии. Например, прессованный чай, за которым были огромные очереди и который стоил больших денег. Покупали в основном у торговцев – казахов, которые останавливались по домам с верблюдами и торговали. В Соль-Илецке Рашит покупал муку и зерновые пудами, затем с мешками садился на поезд, а незадолго до вокзала Оренбурга спрыгивал, чтобы избежать взимания дополнительной платы за провозимый груз, и бежал прямо на рынок. Центральный рынок города Оренбурга всегда был полон народа, бабы торговали пирожками, курниками и чаем. Он вспоминает цены на рынках Оренбурга, которые были просто огромными. Летом 1942 г. буханка ржаного хлеба стоила 120 рублей, белого – 150 рублей, а зимой доходила и до 300! [3] Стакан семечек стоил 5 рублей, пол-литровая бутылка водки – 250 рублей, кусок хозяйственного мыла – 80 руб. Товар в основном не продавали, а выменивали на необходимое. Продав или выменяв свой товар на картошку, масло и другое необходимое, Рашит шел домой, где жило в ту пору 11 человек, и вся семья собиралась в тесной комнатке за небольшим круглым столом на ужин. С введением в Оренбурге хлебных карточек зимой 1943 г. такой дополнительный заработок становился все труднее. В том году оренбургский поезд, на котором Рашит ездил в Соль-Илецк, вместо старых деревянных вагонов обзавелся новыми – железными, вместо полок были сиденья, кроме того, вагоны стали отапливаться. А еще в Красной армии появились погоны, и парни увлеченно спорили о родах войск и званиях.

26 мая 1943 г., когда ему исполнилось 16 лет, получив паспорт, Рашит Абдрахманович отправился в отдел кадров завода №47, эвакуированного из Ленинграда. Там его приняли учеником столяра в цех №6 при мастере Николае Судакове, где уже работала его сестра Раиса. Судаков и его ученик

работали на производстве самолета Ще-2, корпус которого был практически полностью деревянным. У него было два двигателя от самолета ПО-2 (Поликарпова), который в народе прозвали «кукурузником». Судаков изготавливал раму лобового фонаря (окно), а Рашит помогал ему. Вместе они делали привязку деталей рамы боковых створок – правой и левой, каждая из них поднималась, складываясь пополам во время движения самолета по аэродрому, а при начале взлета они опускались и фиксировались специальной защелкой. Боковыми фонарями занимался мастер Капустин, к которому Судаков отправлял Рашита, когда у него образовывалось свободное время. Через некоторое время Рашиту Абдрахмановичу присвоили профессию столтера третьего разряда и определили в бригаду, которая занималась изготовлением центроплана – узла, где стыковались крылья самолета. Часто надо было оставаться во вторую смену, потому что технология требовала сразу же браться за центроплан очередного фюзеляжа, то есть корпуса самолета. Иногда их срочно кидали на разгрузку угля с вагонов на платформе, который был нужен для котельной, чтобы отапливать цеха завода. За сверхурочную работу в столовой завода давали 200 г. хлеба и щи на постном масле, и рабочие торопились в столовую, пока щи еще не кончились. Таким образом, с мая 1943 до призыва в армию в 1944 г. Рашит Рафиков проработал на заводе №47. В 1944 г. семья с болью в сердце и с гордостью провожала его в армию, тогда ему только исполнилось 17 лет. Проводить в армию Рашита собралась вся большая семья, тогда он впервые выпил рюмку водки, которую поставила ему мама, и закусил хлебом, оставив его, по традиции, недоеденным. Доесть этот сухарик было суждено почти через 9 лет лет, 7 из которых он служил на флоте и два – работал на Украине. Через долгих 7 лет службы Рашит Абдрахманович сохранил добрую память об одном человеке – Шильмане Григории Абрамовиче, который находился в Оренбурге в эвакуации из Польши. Шильман Григорий и Рафиков Рашит служили вместе, Григорий Абрамович не раз выручал своего товарища в трудную минуту, помогал переносить трудности армейской службы. Вместе они были в разрушенной немцами Украине – видели пепелища домов, искореженные танки и технику, неубранные трупы немецких солдат, вместе встретили день Победы. Приехав, Рашит Абдрахманович вернулся на тот же завод, в свой цех, где впоследствии стал начальником конструкторского бюро.

Самая старшая в семье Рафиковых – Разия встретила войну уже 23-летней девушкой, успев потерять мужа и переехав из Средней Азии (куда незадолго до того уехала) обратно в Оренбург (Чкалов). Она хорошо запомнила впечатление о городе 1942 года. «Толпы голодных и нищих бродили по улицам, тысячи эвакуированных, раненых с фронта первоначально не могли нигде пристроиться, все здания, где только можно было пристроить раненых и больных, были переполнены, хлеба не было, отovarить карточки было

трудно. Но люди сами брали этих несчастных в свои дома, обеспечивали их кровом, одеждой». В период войны Разия работала на заводе сверл, который тогда представлял собой один цех завода «Фрезер», эвакуированного из Москвы. В начале войны завода как такового еще не было: на асфальтированный пол, который предназначался под строительство обкомовского гаража, установили станки, санитарных условий не было, как и условий для работы. Рабочие – в основном 15 летние подростки и женщины – работали так сутки напролет, прерываясь лишь на короткий сон. Термический цех представлял из себя небольшую комнатку, раскаленную донельзя, вентиляции не было. Контроль ОТК вообще представлял из себя небольшой угол. Работали в основном подростки, причем пересиливая голод. Сейчас трудно представить, как можно работать сутками, не выспавшись, при 800 г. крупы, 400 г. жиров в месяц, мясо отправляли на фронт, отрывая от своих. Да еще, если и было время на отдых, его использовали для учебы. При этом никто даже и не думал роптать или жаловаться, говорили о том, что эту беду надо во что бы то ни стало пережить, перебороть. Каждый день сводки с фронта обсуждались в обеденный перерыв, с утра, во время политинформации. Уже в начале 1944 г. Разия стала начальником отдела кадров завода сверл. Работы было много, не хватало рабочих рук. Планы были большие, завод выпускал запчасти для танковой промышленности. В обязанности Разии Абдрахмановны как начальника отдела по работе с кадрами входило обеспечение завода рабочими руками. Ежедневно начальники цехов в конце рабочего дня приносили заявки с требованием рабочих рук. Но где их взять? Она искала рабочие руки в старших классах школ, в ФЗУ (фабрично-заводские училища), обращалась в организацию «Трудовые резервы», наконец, ходила в пересыльный пункт военкомата, куда поступали из госпиталей солдаты, негодные для фронта. Также позднее на завод стали поступать и пленные немцы. Немного легче стало, вспоминает Разия Абдрахмановна, когда в конце 1943 г. в город стали прибывать военнопленные немцы. Ежедневно, получив под расписку 15–20 человек, она, иногда одна, иногда взяв с собой кого-нибудь из своих заводских охранников, привозила их на завод. На заводе их использовали только в дневную смену и то только на подсобной работе: очистка территории завода, вывоз железных стружек и прочее – в цех их не пускали. Военнопленные жили в бараках, в помещении (подвалах) бывшего овощехранилища (сейчас это улица Терешковой, напротив поликлиники Газпрома). Важно отметить, что даже к пленным немцам испытывали вражду как к фашистам, а не как к представителям немецкой национальности. Она вспоминает оренбургских немцев, их вклад в дело общей победы и то, как самоотверженно они трудились и как ненавидели они фашизм. Отношение во время войны к оренбургским немцам не изменилось. Разия Рафикова вспоминает, как ходила к ним в гости, как общались с ними, вместе разделяя невзгоды и радости.

Конечно, всегда помогали друг другу – горе и радости делили вместе. Так, например, Разия, приехавшая из Средней Азии в 1942 г. с младенцем на руках, просто не выжила бы без помощи родных. Помогали друг другу, да и всем окружающим людям – давая кров, не оставляя без куска хлеба, подерживая, помогая устроиться на работу. Так, сплотившись вместе, всей семьей, Рафиковы смогли пережить эти трудные годы Великой Отечественной войны. Конечно, самый светлый день в жизни семьи Рафиковых был день Победы – 9 мая, все они с самыми теплыми и восторженными чувствами вспоминали этот день. Так, Разия пишет: «...настала весна 1945 г. С фронтов в это время приходили радостные вести: наша армия была врага уже в Берлине. Наконец, пришла долгожданная Победа! Мы ее встретили с радостью и со слезами на глазах. День Победы не забуду никогда! В то солнечное утро все улицы города были полны народа. Все ликовали, плакали, качали военных на руках. А ночью был праздничный фейерверк». Раиса вспоминает этот день с большим чувством гордости и радости. «В западной стороне русского кладбища были захоронения солдат, в основном умерших в госпиталях. На этом месте потом зажгли «Вечный огонь» и поставили обелиски с эмблемами медалей за освобождение городов, а позже и плиты с фамилиями погибших героев. Народ валил валом, много было людей и у этого кладбища. Люди радовались и плакали, осыпали солдат тюльпанами...» Сам день 9 мая запомнился Раисе Рафиковой как холодный по погоде, но очень теплый от радости, на заводе был митинг, а после выступления директора завода всех отпустили по домам – праздновать. Рашит Абдрахманович проснулся в 4 часа утра с 7-го на 8-е мая от того, что воздух сотрясали звуки выстрелов и ружей, а небо озарили огни ракетниц. Стреляли из винтовок, пистолетов и автоматов, кричали, обезумев от счастья: «Победа! Победа! Победа!» После общего построения ему вместе с другими курсантами военного училища Актюбинска зачитали приказ – после завтрака всем гулять по городу до отбоя! Город кипел от радости и восторженных криков, все поздравляли и обнимали друг друга, угощали всем, чем можно было, случайных прохожих. Вход в театры и кино был в этот день бесплатный, на улицах до позднего вечера играл духовой оркестр. В 2012 г., когда была написана эта статья, из семьи Рафиковых в живых осталось только два человека – Разия и Рашит Рафиковы, которым сейчас 94 и 85 лет. Поэтому необходимо воздать должное живым и вечную память умершим, чтобы потомки никогда не забывали о тяжелом труде своих земляков – простых оренбуржцев – во имя Великой Победы. Находили в их воспоминаниях источник беззаветной любви к России, черпали в них волю к труду и подвигу и, подобно им, крепко, плечом к плечу, стояли на страже Родины.

Работая с данным материалом, нельзя не отметить, как точно тематика конференции выразила один из самых главных компонентов Победы –

сплоченность, трогательную дружбу и, подчас, великую любовь, которая всегда была вне каких-либо национальных рамок и границ. Татарин Рашит Абдрахманович со слезами вспоминает своего друга – еврея Григория Шильмана, русские вместе с татарами жалеют пленных немцев, пересиливая боль и ненависть к врагу; русские мастера Капустин и Судаков работают плечом к плечу и передают свой опыт татарам – героям рассказа – Рашиту и Раилю. Время от времени в мемуарах встречаются казахи, которые то выручают едой в голодное время, то достают редкие товары вроде чая, то стоят у станка. В этом и заключается залог колоссальной силы единого народа, который смог, несмотря ни на что, вырвать из рук смерти и донести до потомков – мир, добро и радость Великой Победы.

Примечания

1. Опока – в литейном производстве, приспособление, служащее для удержания формовочной смеси при ее уплотнении.
2. Просо поджаривали в больших чугунных казанах, высыпали в ступу и деревянной баклушей «топтали», потом просеивали, чтобы отделить от шелухи. Такое пшено было очень вкусным. Его ели, разбухшим в горячем молоке, либо в простой горячей воде. Это было дешевле, чем покупать пшено на мельнице.
3. Данные цифры приводятся по мемуарному источнику и нуждаются в уточнении.

*А.Р. Адаева,
г. Оренбург*

МОРДОВСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ЮЖНОГО УРАЛА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Мирная жизнь сельчан Оренбуржья была прервана войной. Жители мордовских сел, как и все граждане, самоотверженно трудились, обеспечивая фронт продовольствием и всем необходимым. Жизнь сельского населения в годы войны можно рассмотреть на примерах сел компактного проживания мордвы. С конца июня 1941 г. в Оренбург стали прибывать эвакуированные граждане в основном из западных областей страны. «На 20 сентября 1941 г. в Оренбурге разместилось свыше 20 тысяч эвакуированных» [1]. Естественно, что не все эвакуированные могли разместиться в городе, и их отправляли по районам области. «Большую заботу об эвакуированных проявили жители Ключевского и Нижне-Кузлинского сельсоветов Пономаревского района. Так, в Ключевке были размещены 45 человек, из них двое работников, остальные дети и старики. Жители Нижне-Кузлинского сельсовета разместили в своих домах 55 человек» [2].

Жители села Верхние Кузлы Пономаревского района, колхоза им. Сталина сдали для воинов Красной Армии большое количество овчин, шерстяной обуви и шерсти [3].

Механизатор Петр Яковлевич Шабалин из колхоза «Путь к коммунизму» с. Нижние Кузлы убрал на конной лобогрейке восемь гектаров посевов зерновых культур [4].

Колхозники поселка Владимировка стали первыми в Пономаревском районе сеять пшеницу перекрестным способом, что значительно повысило урожайность.

Героически сражались на фронтах войны многие кузлинцы и ключевцы. Орденами и медалями отмечен ратный подвиг И. Т. Атаева, К. Н. Андреева, А. П. Егорова, Т. С. Колганова и многих других.

Из Ключевского сельского Совета на фронт ушло 220 человек, вернулось 67 человек, без вести пропали 62 человека, 91 погиб и умер от ран в госпиталях и в плену. В Нижне-Кузлинском сельском Совете на фронт ушло 279 человек, вернулось 133 солдата, на полях сражений погибли 146 человек» [5].

Из села Аксенкино Северного района на фронт были мобилизованы более 400 человек, из них не вернулись 192 человека. В семье Н. И. Данилова на фронт отправились 6 сыновей, из них 5 погибли. В селе нет Героев Советского Союза, но есть награжденные высшей солдатской правительственной наградой – орденом Славы. Двумя орденами Славы награжден В. И. Трофимов, орденом Ф. П. Константинов, С. М. Константинов, И. С. Кадкин, Ф. М. Кадкин. За годы войны 15 сельчан дослужились до звания офицера, добровольцами на фронт ушли 22 учителя школы.

Вместе со всем советским народом испытали тяготы военных лет и люди с. Тимошкино. Первыми вышли на защиту Родины 27 июля 1941 г. колхозники С. Е. Бузаев, П. И. Сардов, И. В. Лашманов, М. П. Вдовин, И. А. Тугарев, Е. П. Малафеев. Вслед за ними пошли десятки других мужчин.

Ушедших на фронт мужчин заменили женщины, подростки, старики. Женщин можно было видеть за работой на полях, конюхами, скотниками, за рулем трактора. «Наталья Дмитриевна Вдовина в первые годы войны работала конюхом вместе с Марией Мефодьевной Асабиной. В зимние холода самим на лошадях приходилось подвозить корм с полей, занесенных снегом» [6].

С 1944 по 1945 г. конюхами работали Нина Матвеевна Куярова и Агафья Петровна Чугаева. Они за год зарабатывали по 580 трудовней [7]. Работали полуголодные, не покладая рук. Старались сохранить поголовье скота. Срыв трудовой дисциплины считался постыдным явлением. «Среди женщин-тружениц села прославились своим трудом Наталья Дмитриевна Вдовина и Мария Мефодьевна Асабина. В огородной бригаде отличались

Каракозова Дарья, Вдовина Анна, Калмыкова Матрена, Смирнова Васюта, Тугарева Анастасия, Бузаева Елизавета Ефимовна, Лашманова Александра Ивановна».

В 1941–1942 гг. пришлось столкнуться с большими трудностями. Старых машин, тракторов было мало, они часто выходили из строя, потому что находились в руках неопытных девушек и юношей. У них не хватало не только опыта, но и сил. Ольга Ивановна Лашманова, севшая за руль трактора молодой девушкой, первое время не всегда самостоятельно могла переключить скорости.

Женщины с успехом овладевали специальностями механизаторов и особенно девушки-подростки: О. И. Смирнова, В. Ф. Тугарева, В. Ф. Дериглазова, С. С. Сардова. Высоких показателей в труде в годы войны добивалась Семенова Клавдия – работала на прицепе. Больших трудовых показателей добились В. Ф. Дериглазова, С. С. Сардова – они работали на прицепе тракторов. Трактористками во время войны трудились Е. И. Волкова, Ольга Лашманова, Зоя Федорова, Т. И. Федорова, Анна Худеньких.

Очень тяжело приходилось женщинам, которые работали в животноводстве, так как все приходилось делать вручную. Ударно работала бригада доярок: Н. В. Асабина, Е. М. Букаева, Г. И. Зайцева, Е. Д. Асабина, М. С. Митяева, А. С. Митяева, О. И. Лашманова, О. И. Куярова, О. Т. Тугарева, А. П. Малышева.

Высоких показателей в труде добивалась Варвара Максимовна Асабина – работала на прицепе, находилась в трудовой армии. Никита Петрович Куприянов в годы войны работал председателем колхоза и зарекомендовал себя неплохим хозяином. Высоких показателей в труде в огородной бригаде добился Аким Федорович Асабин. Колхоз продавал в больших количествах овощи на рынках г. Абдулина, села Матвеевки, с. Тимошкина. Были сделаны специальные ларьки для продажи овощей. Хозяйство сдавало в большом количестве молоко, шерсть, мясо. А население собирало денежные средства, теплые вещи и особенно носки и варежки.

На фронтах Великой Отечественной войны участвовали почти все мужчины, начиная с 1887 по 1927 гг. рождения. 37 из них погибли на фронте: М. К. Деняков, Д. С. Ильин, Ф. П. Букаев, Г. П. Букаев, С. Н. Митяев, Р. Г. Федоров, И. П. Букаев, С. Ф. Колмыков, С. В. Асабин, И. Ф. Асабин, Т. А. Асабин, И. А. Тугарев, С. Е. Бузаев и др.

За героические подвиги 23 жителя с. Тимошкино были награждены медалями: А. Н. Митяев, А. Г. Митяева, К. Ф. Жукова, В. А. Асабин, А. Н. Федоров, А. Н. Козлов, Н. Е. Букаев и др.

Все население села всеми силами кovalo победу наравне с солдатами на линии фронта. На войну из села Тимошкино ушло 450 добровольцев, не вернулись с фронта 233 человека.

Мордовское население, как и вся страна, участвовало в сборе средств на нужды войны, подписывалось на военные займы. После призыва сбора средств на постройку танковой колонны имени В.Чкалова жители Мордово-Боклинского района внесли 1 млн 600 тыс. рублей, отправили на фронт бойцам и в подшефный госпиталь десятки тонн продуктов, заботились о семьях фронтовиков [8].

Будни мордовских школ в годы войны можно рассмотреть на примере с.Парадеево Шарлыкского района.

Семилетняя школа в селе была открыта в 1937 году. Педагогический коллектив состоял из четырех преподавателей: Евдокия Фроловна Зеткина, Анна Ивановна Тишина, Александр Федорович Панфилов, заведующим школой был Михаил Федорович Кадушкин. Это был молодой, задорный, творческий коллектив. В школе в годы войны училось 200–210 человек. В 5–7 классах обучались дети из Проказовки, Михайловки, Борков, Ивановки. А 1,3 и 2,4 классы учились вместе. На фронт в годы войны были призваны следующие учителя: М.Ф. Кадушкин, С.И. Рукавицын, И.П. Журавлев. В школе остались одни женщины, заведующей была назначена А.И. Селина, а в конце 1941 г. директором школы назначена О.Г. Приходько. В первый год войны было еще не очень трудно. В колхозе и у жителей были запасы продуктов, одежды, обуви. Колхозники успели заготовить на зиму корм скоту, топку. А в последующие годы детям пришлось испытать все: голод, холод, сиротство. Дети в школу ходили полуголодные. Основным продуктом был картофель, а масло, яйца, мясо – все было для фронта.

Ученики 6–7 классов еще и работали в колхозе на сенокосе, на уборке урожая, на вывозке удобрений (птичьего помета, золы) на поля. Лето для детей было счастливым временем: питались травами, ягодами. Лепешки пекли из просянки и еще на зиму ее заготавливали. А вечерами учителя, девчата часто собирались в школе, вязали носки, варежки, шарфы, шили кисеты для отправки на фронт. Учиться было трудно еще и потому, что на класс имелся 1–2 учебника, тетрадей не было, поэтому приходилось писать на грифельных досках. Дети занимались после уроков, учились друг от друга. Даже чернил не было, их делали из сажи, деревянные ручки с перьями тоже были не у всех учеников, и мальчишки делали ручки из обыкновенных гусиных перьев.

Учителям приходилось ходить по домам заниматься с детьми, так как не все дети могли ежедневно ходить в школу – на 3–4 человека семьи были одни галоши, сапоги, валенки или лапти. Часто ученики сидели дома вместо нянек, тогда учителя и к ним приходили домой для занятий. В годы войны дети были дружны. Делили между собой каждый кусочек хлеба, листок бумаги, слезы и радость. В школе функционировала детская пионер-

ская организация. Учащиеся 1–4 классов были октябрятами, а учащиеся 5–7 классов – пионерами, в комсомол в годы войны в нашей школе не принимали, только в 8 классе Богородской школы. Галстуков в годы войны не было, и дети и учителя шили их из белой бязи и красили красной краской. Ученики мордовской школы с. Парадеево на своих юных плечах перенесли все тяготы военного времени и как могли помогали фронту.

Звания Героя Советского Союза за годы Великой Отечественной войны в Оренбуржье удостоилось 12 представителей мордовской национальности. Они представители разных родов войск и уроженцы различных районов нашей области.

А. Д. Коновалов родился в 1919 г. в селе Тимошкино Матвеевского района в семье крестьянина. На фронте был с ноября 1941 г., воевал на Северо-Западном, 2-м Прибалтийском фронтах, участвовал в обороне и освобождении Псковской области. Звание Героя Советского Союза А. Д. Коновалову присвоено посмертно 4 июня 1944 г. за отвагу и героизм, проявленные в боях при отражении контратак противника, и умелое руководство ротой при освобождении Псковской области [9].

В селе Сыроевщине Невельского района Псковской области А. Д. Коновалову установлен памятник. В деревне Кирсановка Северного района Оренбургской области в 1910 г. родился Герасим Павлович Кудряшов, гвардии старший сержант, командир орудия артиллерийского дивизиона 23-й гвардейской мотострелковой Вислинской Краснознаменной ордена Суворова бригады. С ноября 1941 г. воевал на Юго-Западном, Сталинградском, 1-м Украинском фронтах, участвовал в обороне Сталинграда, освобождении Украины, Польши и в разгроме врага на территории Германии. Награжден орденом Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги» и десятью другими медалями. За проявленные мужество и отвагу при форсировании р. Одер тов. Кудряшов удостоен звания Героя Советского Союза [10].

Прославил своим именем Северный район Сергей Трофимович Кузнецов, старший сержант, командир орудия 611-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка. Родился в 1915 г. в деревне Новомосейкино в мордовской крестьянской семье. Окончил начальную школу, курсы трактористов, работал в колхозе. В 1938 г. призван в Красную Армию. С начала войны до дня гибели – 16 января 1944 г. – воевал на Воронежском фронте, участвовал в оборонительных боях под Воронежем, Курской битве, освобождении Украины. Награжден орденами Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды и медалью «За боевые заслуги».

Звание Героя Советского Союза С. Т. Кузнецову присвоено 24 декабря 1943 г. за отвагу и мужество, проявленные при форсировании Днепра, за-

хвате и удержании плацдарма на западном берегу реки [11]. В бою за село Жорнице Винницкой области С.Т. Кузнецов погиб смертью героя. Имя С.Т. Кузнецова носит улица в селе Северном.

Казаев Иван Абрамович родился 9 февраля 1913 г. в селе Турхановка Бугурусланского района Оренбургской области в семье крестьянина. В годы войны командовал отделением 569-го стрелкового полка 40-й армии Воронежского фронта в звании старшего сержанта. Неся службу в рядах Красной армии в 1935–1937 гг. в Забайкалье, получил специальность фельдшера-ветеринара.

Вторично в Красную Армию призван в сентябре 1941 года. В боях Великой Отечественной войны участвовал с июля 1942 года. Командир отделения 569-го стрелкового полка Воронежского фронта старший сержант Иван Казаев отличился при форсировании реки Днепр и удержании плацдарма на правом берегу. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 октября 1943 г. за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте и проявленные при этом мужество и героизм присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» 23.10.1943. Медаль №4510. Также награжден орденами Ленина (1943 г.), Отечественной войны 1-й степени (1985 г.), медалями (в том числе «За отвагу»).

Славную лепту в историю Переволоцкого района внес Василий Степанович Кузьмин. Родился в 1924 г. в селе Капитоновка в семье крестьянина. Окончил Адамовскую неполную среднюю школу. До призыва на военную службу работал трактористом в колхозе имени В.И. Ленина. Воевал на фронте с марта 1943 г. до января 1945 г. на 2-м Украинском фронте, участвовал в Курской битве, освобождении Украины. Награжден медалями «За отвагу», «За боевые заслуги» и восемью другими медалями. Звание Героя Советского Союза В.С. Кузьмину присвоено 26 октября 1943 г. за отвагу и мужество, проявленные при форсировании Днепра и в боях за расширение и удержание плацдарма на западном берегу реки. Именем героя названа улица в поселке Переволоцком. В списке Героев Советского Союза есть две фамилии: Андрея Емельяновича Лукьянова и Алексея Владимировича Вильдиманова. Он не уроженец Оренбуржья, но жили на территории области, и мы по праву считаем их своими героями.

Андрей Емельянович Лукьянов, младший сержант, командир отделения 78-го стрелкового полка 74-й стрелковой дивизии, родился в 1922 г. в селе Паракине Большеберезниковского района Мордовской АССР в семье крестьянина. В 1958–1983 гг. жил на территории Оренбургской области. Мордвин. В декабре 1941 г. призван в Красную Армию. С февраля 1942 г. до победы воевал на Калининском, Сталинградском, Брянском, Центральном, 2-м Украинском фронтах, участвовал в Сталинградской и Курской битвах,

освобождении Украины, Молдавии, Румынии, Венгрии. Награжден орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги» и девятью другими медалями. Звание Героя Советского Союза А.Е. Лукьянову присвоено 16 октября 1943 г. за отвагу и мужество, проявленные при форсировании рек Десны и Днепра [12].

После войны А.Е. Лукьянов демобилизовался, жил в селе Измаиловка Новосергиевского района Оренбургской области, был сначала на комсомольской работе, позже заведовал клубом и библиотекой.

Алексей Владимирович Вильдиманов родился в 1913 г. в селе Знаменка Молчановского района Томской области в семье рабочего. В 1925–1946 гг. жил в городе Медногорске Оренбургской области. В 1939 г. за заслуги в стахановском движении он награжден орденом «Знак Почета». В июне 1943 г. призван в Красную Армию Медногорским райвоенкоматом. С мая 1944 г. до победы над Германией воевал на 3-м Белорусском фронте, участвовал в освобождении Белоруссии, Литвы, в разгроме врага на территории Восточной Пруссии. Награжден орденом Красной Звезды, «Знак Почета», медалями «За отвагу», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Звание Героя Советского Союза А.В. Вильдиманову присвоено 24 марта 1945 г. за отвагу и мужество, проявленные в ходе Каунасской наступательной операции. После войны А.В. Вильдиманов демобилизован. Работал в Медногорске. Последние годы своей жизни жил в Москве. Умер в 1960 году.

В 1909 г. в селе Елшанка Бузулукского района Оренбургской области в семье крестьянина родился Михаил Иванович Мартынов, командир эскадрильи 48-го скоростного бомбардировочного авиационного полка. В 1930 г. окончил Вольскую объединенную военную авиационную школу летчиков и авиамехаников, в 1933 – Борисоглебскую военную авиационную школу летчиков, в 1936 г. – курсы командиров звеньев при этой школе. Служил в частях бомбардировочной авиации, участвовал в советско-финской войне в 1939–1940 годах. С начала войны до победы над Германией воевал на Западном, Юго-Западном, Брянском фронтах. Награжден тремя орденами Красного Знамени, орденами Суворова 3-й степени, Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды и десятью медалями, а также орденами и медалями Польской Народной Республики.

Звание Героя Советского Союза М.И. Мартынову присвоено 21 марта 1940 г. за отличия в боях в советско-финской войне [13]. За время войны М.И. Мартынов совершил 126 боевых вылетов.

Гордостью Александровского района является Николай Михайлович Мартынов, гвардии сержант, младший командир 5-й гвардейской отдельной мотострелковой бригады. Родился в 1918 г. в селе Дмитриевка в семье

крестьянина. Мордвин. После окончания неполной средней школы работал трактористом в совхозе имени Карла Маркса. В 1942 г. призван в Красную Армию. С июля 1942 г. до ноября 1944 г. воевал на Сталинградском, Южном, 4-м Украинском фронтах, участвовал в Сталинградской битве, освобождении Украины. Дважды ранен. Награжден орденом Октябрьской Революции и семью медалями. Звание Героя Советского Союза Н. М. Мартынову присвоено 10 марта 1944 г. за отвагу и мужество, проявленные при форсировании Днепра в районе Никополя [14]. В районе города Новый Буг Мартынов был тяжело ранен в ногу и вернулся в 1944 году.

Н. М. Мартынов работал в совхозе, возглавлял тракторную бригаду. За самоотверженный труд Н. М. Мартынов награжден орденом Октябрьской Революции. В декабре 2007 г. на заседании Совета депутатов было принято решение об увековечивании памяти Н. М. Мартынова. В Марксовском одна из улиц была названа его именем.

Константин Петрович Оргин, младший сержант, командир расчета станкового пулемета 219 го стрелкового полка 11 и стрелковой дивизии, родился в 1910 г. на хуторе Савельевка Тюльганского района Оренбургской области в семье крестьянина. В августе 1941 г. был призван в Красную Армию. В боях Великой Отечественной войны с августа 1941 г. до февраля 1944 г. воевал на Западном и Ленинградском фронтах, участвовал в обороне Ленинграда, разгроме фашистской группировки под Новгородом. Награжден орденом Красной Звезды и двумя медалями.

Звание Героя Советского Союза К. П. Оргину присвоено 11 февраля 1944 г. за отвагу и мужество, проявленные при форсировании реки Нарвы и удержании плацдарма на западном берегу реки [15].

Единственным Героем Советского Союза родом из областного центра является Николай Яковлевич Турков, командир эскадрильи 118-го морского разведывательного авиационного Киркенесского Краснознаменного полка. Родился в 1913 г. в Оренбурге в рабочей семье, окончил 5 классов Новопокровской школы. В 1926 г. переехал в Орск, учился в средней школе, потом работал учителем в селе Колпакском Орского района. В 1939 г. окончил военно-морское авиационное училище имени С. А. Леваневского и до 1957 г. служил в военно-воздушных силах Военно-морского флота. С начала войны до победы над Германией воевал в составе ВВС Северного флота. Награжден двумя орденами Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды, медалью «За отвагу» и семью другими медалями. Звание Героя Советского Союза Н. Я. Туркову присвоено 22 июля 1944 г. за 195 боевых вылетов на разведку портов и баз в Северной Норвегии, кораблей и транспортов противника в Баренцевом море и проявленные при этом отвагу и мужество. Им было совершено свыше 250 боевых вылетов. После войны он продолжал службу в ВВС Северного флота, окончил Военно-морскую академию и до 1957 г. служил в армии.

Жители села Большой Сурмет Абдулинского района чтят память Николая Петровича Фомина. Родился он в 1914 г. в мордовской крестьянской семье. Окончил неполную среднюю школу, военное пехотное училище. В октябре 1936 г. призван в Красную Армию. С октября 1941 г. до дня гибели – 2 июля 1944 г. – воевал на Западном, Юго-Западном, Воронежском, 1-м Прибалтийском фронтах, участвовал в Курской битве, освобождении Украины, Белоруссии.

Звание Героя Советского Союза Н. П. Фомину присвоено посмертно 22 июля 1944 г. за личную храбрость и умелое командование батальоном при прорыве укрепленной полосы обороны и окружении Витебской группировки противника [16]. Похоронен в деревне Горяны Полоцкого района.

Кирилл Романович Вертяков, младший сержант, командир стрелкового отделения 310-го стрелкового ордена, родился в селе 1-я Михайловка Саракташского района в 1922 г. в семье крестьянина. Окончил начальную школу в 1934 году. Работал колхозником. В январе 1942 г. был призван в Красную Армию. С марта 1942 г. до победы воевал на Воронежском, 1-м Украинском фронтах, участвовал в освобождении Украины. Награжден орденом Красного Знамени. Звание Героя Советского Союза К. Р. Вертякову присвоено 16 октября 1943 г. за отвагу и героизм, проявленные при форсировании Днепра [17]. После войны К. Р. Вертяков работал в родном колхозе.

Мордовское население Южного Урала внесло свой весомый вклад в великую Победу, золотыми буквами в историю Оренбуржья вписаны имена Героев Советского Союза. Неоценим героизм солдат на фронте и женщин в тылу. Мордовское село, как и все села в годы Великой Отечественной войны, несло все тяготы и лишения военного времени.

Примечания

1. Федорова А. В. Оренбург в годы Великой Отечественной войны. Оренбург, 1995. С. 29.
2. Алтухов. Н. Г. Страницы истории мордовских поселений. Пономаревка, 2004. С. 18.
3. Там же. С. 17.
4. Там же. С. 18.
5. Там же. С. 18.
6. Асабин. Н. История села Тимошкино //Новая жизнь. Матвеевский район. №10.1997. С. 3.
7. Там же. С. 3.
8. ЦДНПО. Ф.1151. Оп.1. Д.311. Л.11 (Центр документации новейшей истории Оренбургской области).
9. Россовский В. П. Золотые Звезды Оренбуржья: биографический справочник. Челябинск, 1989. С. 84.
10. Там же. С. 249.

11. Там же. С. 248.
12. Там же. С. 277.
13. Там же. С. 288.
14. Чернышов.С. Человек высоких идеалов // Звезда. Александровский район. 2009. 17 марта. С. 2.
15. Россковский В.П. Золотые Звезды Оренбуржья: биографический справочник. Челябинск, 1989. С. 324
16. Там же. С. 457.
17. Там же. С. 84.

*Ю.В. Кузнецова,
г. Оренбург*

ПРОПАГАНДИСТСКАЯ РАБОТА СЕЛЬСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ЮЖНОГО УРАЛА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (на материалах Чкаловской области)

Сложная военно-политическая обстановка, необходимость оперативной мобилизации тружеников деревни на оказание разносторонней помощи фронту неизмеримо повысили роль и значение государственной и общественной дисциплины, беспрекословного выполнения каждого приказа и распоряжения. В связи с этим вносились существенные изменения практически во все сферы государственной и общественной жизни: вводились в действие законы военного времени, призванные обеспечить мобилизацию всех сил и ресурсов для разгрома агрессора, создавалась строгая централизованная система управления и руководства всеми сферами жизни страны и народа.

Большую роль в проведении всех указанных выше мероприятий играла агитация и пропаганда среди населения СССР.

Работники идеологического фронта помогали советским партийным органам сплотить весь многонациональный народ для борьбы с жестоким врагом на фронте и в тылу. Все доступные формы массовой работы: печать, радио, общие собрания, митинги, беседы – все использовалось для политической агитации, которая занимала первое место среди других форм воспитательной работы и проводилась на протяжении всей войны.

Тысячи представителей интеллигенции были привлечены к различным участкам массово-политической работы уже в июле–августе 1941 года.

На собраниях обсуждались вопросы участия интеллигенции села в политической и производственной жизни. Например, сельская интеллигенция Александровского района в феврале–марте 1942 г. провела собрания в пяти

населенных пунктах, в повестке которых был один вопрос – «О задачах интеллигенции в Великой Отечественной войне». 143 участника собраний активно проводили агитацию и активно участвовали в пропаганде [1].

Число сельских интеллигентов-агитаторов увеличивалось в течение всей Великой Отечественной войны, особенно возрастая накануне полевых работ и в период общественно-политических кампаний [2].

Самыми распространенными формами агитационной деятельности сельской интеллигенции были агитгруппы и агитколлективы. Они создавались в каждом районе, преимущественно из руководящих специалистов [3]. Сельские учителя тоже входили в них. Как правило, они «образцово» участвовали в колхозном производстве и несли почетную обязанность агитатора, силой личного примера и убеждения. Например, в Грачевском районе с самых первых дней войны работало более 300 агитаторов [4], в Ново-Сергиевском районе агитаторов-комсомольцев насчитывалось 65 человек, из них 28 учителей и 37 человек представителей сельской интеллигенции [5]. В последующие годы войны число агитаторов не уменьшалось. Например, за 1942–1943 гг. в Александровском районе насчитывалось агитаторов 214 человек, из них учителей – 103, председателей колхозов – 15 [6], в Соль-Илецком районе – 113 человек, из них учителей – 92 человека, медработников – 16, агрономов – 5, всего 113 человек [7], в Сорочинском районе – 29 человек, из них учителей – 13 человек, других представителей сельской интеллигенции – 16 [8]. Сельские учителя делали различные доклады, которые вызывали патриотический и трудовой подъем у колхозников. Один из лучших агитколлективов с первых дней войны работал в колхозе «Оборона» Абдулинского района (24 человека). Всего за 1941 г. агитколлектив сделал 20 докладов на темы: «О полководце Суворове», «Дмитрий Донской и Куликовская битва 1380 г.», «Александр Невский и борьба с немецкими рыцарями на льду Чудского озера», «Отечественная война 1812 г.» и другие [9].

Из бесед, докладов и лекций сельской интеллигенции труженики деревни узнавали о сражениях Великой Отечественной войны, агитаторы воодушевляли колхозников на борьбу с врагом, поддерживали и укрепляли высокую организованность населения. Например, учителя Ключевской школы Грачевского района – Флегентова, Васильева, Мурашенко – уже в 1941 г. систематически читали газеты и вели беседы среди колхозников, зачитывали сообщения Совинформбюро, рассказывали о героических подвигах Красной Армии. За последние три месяца 1941 г. агитаторы провели 16 бесед о вероломном нападении фашистов, 67 бесед были посвящены сбору теплых вещей для бойцов Красной Армии [10].

Лучшим агитатором Рассыпнянского сельсовета Илекского района считалась врач Р.Г. Шейнер. С января 1945 г. она прочитала колхозникам и кол-

хозницам четыре доклада на медицинские темы, четыре – на политические. В колхозе «Ударник» она выпустила семь номеров стенной газеты, проводила беседы о жизни и деятельности Ленина, Сталина [11].

Работники сельских культурно-просветительных учреждений (изб-читален, библиотек) тоже участвовали в агитации населения. В декабре 1941 г. Наркомпрос РСФСР издал специальный приказ «Об участии политико-просветительных учреждений в весенней посевной кампании 1942 г.». Перед политпросветучреждениями поставили задачу мобилизовать все силы и средства для массово-политической деятельности среди колхозников и агротехнической подготовки тружеников села. Особое внимание обращалось на сокращение сроков сева и высокое его качество, укрепление трудовой дисциплины, социалистическое соревнование за выполнение и перевыполнение норм. Массово-политическая работа изб-читален, сельских библиотек велась непосредственно в поле, в колхозных бригадах. Агитаторы закреплялись за полевыми бригадами, звеньями, тракторными отрядами. Например, в Державинском районе в 1941 г. все сельские избы-читальни организовали к уборочной кампании по 4–5 передвижных библиотек [12], в Пономаревском районе Борисовская, Воздвиженская и Романовская избы-читальни принимали участие в изучении указов Президиума Верховного Совета СССР, в беседах о боевых эпизодах на фронте, читали сообщения Совинформбюро. Все это делалось на полевых станах колхозов [13]. В Рассыпной (Илекский район) В. М. Иващенко, заведующая избой-читальней, в 1943 г. активно участвовала в производственных делах. Например, в апреле 1945 г., готовясь к обслуживанию весеннего сева, изба-читальня подготовила ряд агитколлективов, с которыми предварительно провела семинар [14].

При избах-читальнях существовали агитбригады для культурного обслуживания колхозников, специалистов совхозов и МТС. Заведующие избами-читальнями для сельских тружеников комплектовали библиотеки популярной сельскохозяйственной и художественной литературой [15], собирали вырезки из газет Софинформбюро, фотовыставки, тематические выставки: «Великая Отечественная война», «Последние известия», «Все как один на защиту Отечества», «Победа решается не только на фронте, но и в тылу» и др., готовили материалы для агитаторов. Например, изба-читальня колхоза «Путь Правды» Акбулакского района в 1941 г. являлась центром агитации трех близлежащих колхозов (заведующий – Иващенко) [16]. Кондрашнин, заведующий Кваркенским райклубом, в 1942 г. выпустил 11 номеров фотогазеты, два номера альбомов [17], Брун, заведующий Каликинской избой-читальней Александровского района, в 1944 г. ежедневно читал сводки Информбюро [18], избачи (фамилии и имена отсутствуют в архивных документах) Руссо-Боклинской и Старо-Узелинской изб-читален Мордово-Боклинского района писали плакаты

и лозунги в правлениях колхозов, сельских советах [19]. В период весеннего сева зерновых культур и на уборке урожая агитационно-массовая деятельность сельской интеллигенции переносилась в поле. Основные участки конкретно определялись в «Памятке сельского агитатора на уборке урожая», разосланной в мае–июне 1942 г. Управлением пропаганды и агитации ЦК ВКП (б). Главное внимание в ней обращалось на задачи агитаторов по развертыванию массово-политической работы и агитационно-пропагандистскому обеспечению социалистического соревнования.

Сельская интеллигенция закреплялась райкомами партии, политотделами МТС и совхозов для ведения агитационной деятельности за основными производственными звеньями [20]. Активными агитаторами являлись учителя. Они, как правило, перевыполняя нормы выработки, личным примером организовывали массы на высокую производительность труда. Учитель колхоза «Новый быт» Бузулукского района Мусорин с первых дней войны трудился на сенокосе. Он выполнял 1,5 нормы, не сдавал темпы и на уборочной. В обеденные перерывы читал колхозникам газеты, проводил беседы, выпускал стенные газеты [21]. Избачи, библиотекари писали лозунги и снабжали ими полевые станы. Они выезжали в полевые бригады, помогали убирать сено и в перерывы читали газеты [22]. Механики, агрономы, зоотехники тоже занимались агитацией. Например, А. Орлова, зоотехник колхоза «Красный партизан» Илекского района, беседовала с колхозниками, давала толковые ответы на их вопросы [23]. Под руководством учителей самоотверженно трудились и школьники на полях по уборке урожая, они собирали тысячи килограммов лекарственных трав, грибов, ягод, тысячи тонн металлического лома, оказывали помощь в оборудовании госпиталей, изготовлении ковриков, салфеток, покраске табуреток и т.п.

Сельская интеллигенция принимала участие в пропаганде знаний о противовоздушной обороне. 2 июля 1941 г. СНК СССР вынес специальное постановление «О всеобщей обязательной подготовке населения к противовоздушной обороне». Народный комиссариат просвещения РСФСР на специальном заседании коллегии рассмотрел вопрос об участии органов народного образования и руководителей школ в реализации этого постановления. Большинство учителей работали инструкторами ПВХО [24]. Например, в 1941 г. учителя школы деревни Ивановка Соль-Илецкого района регулярно проводили занятия по ПВХО не только с учениками, но и с домохозяйками в количестве 20 человек [25]. Чиж, заведующий Сине-Шиханским клубом Кваркенского района, регулярно проводил кружки ГСО и ПВХО, которые посещали 60 человек [26].

Таким образом, несмотря на материальные лишения, резкое сокращение в годы войны культурного строительства, сельская интеллигенция продолжала агитационно-пропагандистскую деятельность.

Огромная ответственность за морально-политическое состояние труженников деревни Чкаловской области возлагалась на представителей сельской интеллигенции, особенно на учителей, медработников, специалистов сельского хозяйства, клубных работников. Они составляли ядро агитколлективов, культбригад и коллективов художественной самодеятельности, проводили митинги, коллективные радиослушания, читки газет, журналов, писем фронтовиков, выпускали стенные газеты и «боевые листки». Частью общекультурной деятельности сельской интеллигенции и ее конкретным вкладом в развитие сельскохозяйственного производства стали агрозоотехническая, научно-просветительская, медико-санитарная пропаганда и повышение образовательного и культурного уровня сельчан.

Агитаторы, разъясняя вопросы, связанные с ходом военных действий, хозяйственными трудностями и их преодолением, подбадривали уставших, подчас убитых горем людей, помогали сельчанам поднять дух, найти в себе дополнительные силы.

Примечания

1. Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДНННО). Ф. 485. Оп. 5. Д. 303. Л. 16.; Ф. 442. Оп. 1. Д. 138. Л. 1.
2. Маин В.И. Сельская интеллигенция в годы Великой Отечественной войны (очерк партийной и советской работы). Воронеж, 1983. С. 53.
3. Там же.
4. ЦДНННО. Ф. 917. Оп. 1. Д. 138. Л. 4.
5. ЦДНННО. Ф. 1697. Оп. 7. Д. 594. Л. 74 об.
6. ЦДНННО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 303. Л. 2.
7. ЦДНННО. Ф. 371. Оп. 2. Д. 626. Л. 4.
8. ЦДНННО. Ф. 1697. Оп. 1. Д. 594. Л. 71 об.
9. ЦДНННО. Ф. 371. Оп. 5. Д. 370. Л. 2.
10. ЦДНННО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 303. Л. 2.
11. Ходаков Н.В. Лучший агитатор // Коммунистический труд. 1945. 15 марта. С. 1.
12. ЦДНННО. Ф. 371. Оп. 5. Д. 262. Л. 5.
13. ЦДНННО. Ф. 371. Оп. 5. Д. 304. Л. 94.
14. Федорова А.В. Рассыпнянские колхозы в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. // Аграрное развитие и продовольственная безопасность России в XVIII–XX веках. Оренбург, 2006. С. 379.
15. Максакова Л.В. Культура Советской России в годы Великой Отечественной войны. М., 1977. С. 98.
16. ЦДНННО. Ф. 371. Оп. 5. Д. 261. Л. 26.
17. ЦДНННО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 313. Л. 24.
18. ЦДНННО. Ф. 1697. Оп. 1. Д. 835. Л. 29.
19. ЦДНННО. Ф. 1151. Оп. 1. Д. 317. Л. 2.
20. Маин В.И. Сельская интеллигенция в годы Великой Отечественной войны (очерк партийной и советской работы). Воронеж, 1985. С. 54.

21. ЦДНННО. Ф. 371. Оп. 5. Д. 254. Л. 31.
22. ЦДНННО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 313. Л. 24.
23. Гаранькин Ф.Е. Наши агитаторы // Коммунистический труд. 1945. 15 марта. С. 1.
24. Савельев В.М., Саввин В.А. Советская интеллигенция в Великой Отечественной войне. М., 1974. С. 141.
25. ЦДНННО. Ф. 371. Оп. 5. Д. 264. Л. 79.
26. ЦДНННО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 313. Л. 24.

СЕКЦИЯ 3

ПАТРИОТИЗМ В СИСТЕМЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

*А. Г. Прокофьева,
г. Оренбург*

ТЕМА ЗАЩИТЫ ОТЕЧЕСТВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ОРЕНБУРГСКИХ ПОЭТОВ НАЧАЛА XIX ВЕКА

В начале XIX века в Оренбургском крае литературная жизнь только начинала развиваться. Наиболее известными поэтами этого периода были П. М. Кудряшев, А. П. Крюков, О. П. Крюкова. Их произведения печатались на страницах ряда столичных журналов: «Отечественные записки», «Благонамеренный», «Вестник Европы», «Дамский журнал» и др. Поэзия их отличалась многообразием тематики, вниманием к вечным проблемам – любви, дружбы и т.п. Оренбургских поэтов, безусловно, привлекали темы, связанные с их краем, – специфика окружающей природы, жизни и быта жителей края. Каждый из перечисленных поэтов отдал дань и военной тематике.

Для П. Кудряшева тема войны не являлась главной. Об этом свидетельствует стихотворение Кудряшева «К Размахнину», в котором автор выразил свои взгляды на роль поэта и поэзии, отметил любимые свои темы:

Я петь люблю златые нивы,
Красу родительских холмов,
Ручей блистающий, игривый,
И вид уральских берегов,
Я петь люблю приют смиренный,
Где радость, счастье вкушал,
Где дружества огонь священный
Мне сердце, душу согревал...

Стихотворение, написанное в жанре дружеского послания, посвящено П. Е. Размахнину, тоже оренбургскому поэту, хранителю архива Кудряшева и публикатору его произведений, отражает отрицательное отношение П. М. Кудряшева к войне:

Ты, милый друг, читать желал
Войны, разбоя описание;
Я выполнил твое желанье –
И, как умел, так описал.
Но, впрочем, знай, что твой певец
В войне одно злодейство видит,
Душой и сердцем ненавидит
Железо, порох и свинец!
Я не пленяюсь шумной славой,
Я не хочу ее искать.
И ужасы войны кровавой
Я не желаю прославлять [1].

Несмотря на отрицательное отношение к войне, П. М. Кудряшев не смог пройти мимо темы героического подвига башкир, принявших участие в Отечественной войне 1812 года. Он пишет ряд стихотворений, созданных по мотивам башкирских песен. Стихотворение «Прощание башкирца с милой», напечатанное в «Вестнике Европы» в 1822 г., по утверждению исследователя М. Г. Рахимкулова [2], сочинено в 1812 г., во время отправления башкир в армию против французов.

Стихотворение «Песнь башкирца перед сражением» было опубликовано там же, в «Вестнике Европы, годом позже предыдущего стихотворения – в 1823 году. Оно тоже пронизано патриотическим пафосом, в нем передана ненависть к врагу, стремление биться с врагом до конца:

Ни один из наших батырей
Не помыслит пережить того,
Чтобы полчища французские
Полонили царство Русское,
Разорили наши хижины..

«Песнь башкирца после сражения» появилась в «Отечественных записках» значительно позже – в 1828 году. Это стихотворение можно считать гимном «питомцам быстрого Урала, башкирским богатырям»:

Мы в поле бранном отличились:
Усердьем к родине горя,
Для славы в прошлый день трудились;
За честь, за веру, за царя
Все грудью постоять умели,
Разя злодеев, не робели..

В поэзии П. Кудряшева раскрывается не только тема защиты Родины от внешних врагов, но и, если можно так сказать, от «внутренних» – от ко-

чевников. Известно, что Оренбург был построен как крепость для защиты от набегов киргиз-кайсаков. Поэт создает образ пленника, тоскующего по родине, в стихотворении «Сетование киргиз-кайсацкого пленника»:

Где милый край,
Урала брег,
Мой светлый рай,
Страна утех?

Автор подчеркивает, что пленник надеется на казаков, защищающих русские земли от кочевников:

Я пленник твой,
Злодей кайсак!
Спешу, герой,
Спешу, казак!
В глухую степь
Врагов карать
И плена цепь
С меня сорвать.

Этой же теме – набегам кочевников и пленению ими русских людей – посвящена романтическая баллада А. П. Крюкова «Каратай», но героем произведения является не пленник, вернее пленница – русская дева, а кочевник Каратай, влюбившийся в пленницу, попавший в плен любви, готовый даже прекратить свои разбойные набеги ради своей избранницы:

Шум сражений, а не славу
Прежде сердцем я любил,
И ужасную забаву
В грозных сечах находил;
Но теперь, когда тобою
Пленена душа моя,
Славой чистою, святою
Буду в битвах движим я!

Видя непреклонность своей пленницы, Каратай говорит:

Ты решила, друг жестокий,
Каратая презирать –
Так лети ж в свой край далекий,
Здесь покинь меня страдать!
На родном берегу Уила,
Меж могилами отцов
Будет новая могила!...

Александр Павлович Крюков не понаслышке знал о разбойных набегах киргиз-кайсаков. Уроженец Оренбуржья, он долгое время жил в Илецкой Защите, служил там горным чиновником.

Кроме лирических произведений поэта, известна повесть о Пугачевском восстании Крюкова «Рассказ моей бабушки», послужившая сюжетным источником для «Капитанской дочки» А. С. Пушкина, рассказы и очерки «Оренбургский меновой двор», «Киргизы» и др. Можно отметить «Киргизский набег» – рассказ-быль, в котором описано, как в 1818 году прокладывали, отражая киргизские набеги, дорогу для обозов с илецкой солью.

Оренбургская поэтесса Ольга Петровна Крюкова, как и А. П. Крюков, биографически была связана с соль-илецкими местами Оренбуржья. В 1830-е годы произведения Крюковой появляются в «Дамском журнале» П. И. Шаликова, восторгавшегося талантом юной поэтессы, называвшего ее «Пушкиным своего пола». На страницах этого журнала были опубликованы ее стихи, повесть в стихах «Донец», отрывки из стихотворной повести «Илецкий казак». Эти произведения основаны на оренбургских впечатлениях Крюковой, содержат богатейший материал о быте, нравах, занятиях оренбургских казаков, о защите казаками оренбургских земель от набегов киргиз-кайсаков. В 1833 г. «Донец» вышел в Москве отдельным изданием. В центре повести любовь к Донцу, казаку, пришедшему с Дона, Анюты, у которой отец, «Урала сын сраженный вражеской рукою». Анюту воспитывал дед, полюбивший Донца как сына. «Старик был рад, что Бог судьбою Анюту доброй наделил»... Но военные события помешали счастью молодых людей:

Но клик войны раздался грозный,
Сзывая храбрых казаков
Пуститься в край степей бесплодный,
Карать отечества врагов.
Из похода Донец не вернулся:
Увы, Анюта! Ты напрасно
Его зовешь... не слышит он!
Уже давно твой друг прекрасный
В степи лежит не погребен!

Урядник, тоже влюбленный в Анюту, отправился на поиски Донца, но и он погиб, сражаясь с киргиз-кайсаками.

Повесть написана в сентиментально-романтическом плане, полна риторических вопросов и восклицаний («Прости, отчизны край бесценный! Прости и ты, о свет очей!»).

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что каждый из трех поэтов – П. Кудряшев, А. Крюков и О. Крюкова – в теме защиты Отечества нашел свой особый аспект и раскрыл его на местном, оренбургском материале.

Примечания

1. Кудряшев, П.М. К Размахнину // Вестник Европы. М., 1828. №20.
2. Башкирия в русской литературе / Рахимкулов М.Г. Уфа, 1989. С. 315.

*С.А. Ханаш,
г. Оренбург*

ОРЕНБУРГСКИЙ СОЦИУМ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ ФРАНЦИИ: АНАЛИЗ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Предложенное исследование состоит из двух разделов: теоретического и эмпирического. Теоретический раздел посвящен обзору главных концепций французской политической культуры, разработанных политологами Франции и России. В этой связи необходимо указать на имеющую место в научных кругах традицию сравнения политических процессов двух стран [1].

Данная традиция детерминирована выдающимися революционными событиями, проявившимися в политической истории Франции и России, особым влиянием феномена французской культуры на духовную динамику элиты нашего отечества.

Аналитический блок статьи дополняет конкретно-социологический комментарий, построенный на ответах оренбургских респондентов на вопросы, касающиеся политической системы Франции, с экстраполяцией в современную российскую действительность.

Специфику политической культуры Франции составляет целый ряд особенностей, относящихся к ее политической истории и современности. В качестве системообразующей черты можно отметить нестабильность политического процесса Франции как тип политической динамики. Примеры этого: Великая французская революция и череда последующих революций; пять республик; пятнадцать конституционных актов; частая смена политических режимов; множество избирательных систем; пестрая картина партийной жизни многочисленных партий, сопровождающаяся их объединениями в блоки.

Э. Берк, известный английский политический мыслитель-консерватор (XVIII в.), высказал мнение, закрепившееся затем: французская демократия уступает традиции правовой монархии Англии: стабильности двухпартийной системы США и функционирующему там избирательному механизму [2].

А. де Токвиль, осуществивший в своем научном труде «Демократия в Америке» сравнительное исследование политической жизни западных стран, определил суть политической культуры Франции как своеобразный

симбиоз гражданского общества и бюрократии, препятствующий расширению политической системы. Было много потрясений, революций, но администрация муниципалитетов продолжала работать и обеспечивать регулярный порядок обыденной действительности [3].

Во французской политической культуре необходимо различать принцип выборного представительства и принцип всеобщего избирательного права. Первое применялось задолго до Великой революции при обновлении состава муниципалитетов; второе дала революция. Всеобщее избирательное право во Франции имеет большее значение, чем просто функция демократического механизма, и выступает как важный компонент системы естественного права.

Одной из наиболее ярких сторон политической культуры Франции является особая роль Парижа в политическом процессе страны, как и в ее культурной жизни в целом. Этот тезис подтверждается популярными в публицистике суждениями: Париж – голова французского политического тела; Великая революция свершилась в Париже; Париж – это Древний Рим Нового времени.

Субъектом этого исключительного явления выступала и выступает парижская интеллигенция, аккумулирующая образованность, профессионализм, гражданственность среднего класса. Доминирование Парижа в политическом поле Франции не перечеркивает значение провинции. Подобный баланс сил подтверждает другой специфический аспект политической культуры французского общества – традиционно широкое участие граждан в местных выборах в муниципалитеты по сравнению, например, с президентскими выборами.

Со времен Великой революции для Франции характерна практика разработки видными мыслителями политических доктрин развития общества – начиная с Ш. Монтескье, Вольтера, Ж.Ж. Руссо и других просветителей. С 70-х годов XX в. во Франции нарастает влияние левых политических сил. Эту динамику отразила в своих работах целая группа политологов. Среди них: Ж. Бурдо, Ж. Ведель, Р. Арон, М. Дюверже, П. Авриль и др. Интересна точка зрения политологов Ф. Гогеля и А. Гроссье о том, что французы в своем радикализме порой отдают приоритет в шкале политических ценностей Родине по сравнению с государством, приближаясь тем самым к антигосударственности русских и отдаляясь, следовательно, от англичан и немцев [4].

Наиболее ценным в исследованиях политической культуры Франции конца XX и начала XXI вв. является аналитический подход М. Дюверже. В книгах «Шах королю», «Политические партии» и в других работах ученый всесторонне раскрыл институт президентской власти как политического явления, сочетающее признаки демократии (президент, как и парламент, избирается народом) с признаками единоличной власти; президент – символ нации. М. Дюверже сформулировал также законы взаимодействия пар-

тийных и избирательных систем. Итак, политическая культура Франции имеет линию определенных политических качеств, выделяющих ее в политическом пространстве западных стран, позволяющих проводить некоторые сравнительные параллели с Россией [5].

Анализ общественного мнения оренбуржцев по теме «Франция и Россия, политическая история: параллели и пересечения» построен на данных социологических опросов жителей г. Оренбурга, проведенных силами студенческой социологической лаборатории, функционирующей более 10 лет при кафедре истории Отечества и социально-политических теорий ОГПУ. Главные трэнды исследования включают выяснение у молодых респондентов (возраст 20–25 лет) наличия знаний и оценок: о выдающихся событиях политической истории и культурного процесса Франции; о связях этой страны с историей нашего Отечества; о политических отношениях двух государств в современных условиях. В ходе опросов преднамеренно отклонялись респонденты из числа студентов педагогического университета с целью максимально приблизиться к изучению уровня обыденного сознания общества. Исследование носило сравнительный характер, ибо ряд аспектов был затронут в опросах, проведенных лабораторией в 2002 г. Комплементарность настроений молодых оренбуржцев по отношению к Франции отражает однозначный положительный ответ всех респондентов на вопрос: желают ли они посетить эту страну, тогда как число мечтающих о путешествии в Англию, Германию, Италию не фиксировалось показателем – 100%

Наибольшую компетентность в знаниях французской истории отвечавшие показали по вопросу «Были ли революции в этой стране? Если да, то какую из них вы можете выделить?» Большинство ответили, что революции были и самая значительная из них – Великая буржуазная революция в конце XVIII в. Одновременно задавался вопрос: нужна ли революция в России в современных условиях? Почти все дали отрицательный комментарий: это будет шаг назад, люди потеряют то, что имеют; лишь около 6% опрошенных сказали, что не знают ответа.

Безусловно, главным направлением опросов была тема, связанная с Отечественной войной 1812 г. Широкая информация в СМИ по поводу государственного проекта, позиционирующего 2012 год в России как год Отечественной истории, сыграла положительную роль. Все респонденты показали знания о 200-летнем юбилее Отечественной войны против французского нашествия. Отмечали ключевое значение Бородинского сражения, решительно высказывали мнение о победе в нем российской армии; колебания проявились в ответах, касающихся месяца и числа битвы, а также места, где располагалось Бородино (в целом многие относили его к региону вблизи Москвы).

Кластерная обработка ответов респондентов на вопрос (он был предложен в открытой, а не в тестовой форме) «Кем являлся Наполеон?» позволила построить определенную шкалу оценок: объяснение исторического значения фигуры Наполеона: «Французский Император, выдающийся полководец, исторический деятель Франции, исторический герой»; интеллектуально-психологический портрет Наполеона – «очень гуманный человек, эмоциональный, насмешливый»; военно-патриотическая оценка – «он был агрессор (наиболее радикальный ответ в этой связи сравнение Наполеона с Гитлером).

Иное удручающее впечатление оставили ответы молодых оренбуржцев о других деятелях истории Франции: Жанна д'Арк, в редком случае, обозначалась как борец за свободу Франции, некоторые отнесли ее к революционерам, чаще отвечали – «не знаю»; О Вольтере слышали немногие, и то в связи с его перепиской с Екатериной II; Ж. Ж. Русо мало кому известен и квалифицируется как революционер.

Горькая степень незнания характерна для информированности о событиях истории XX в.: около половины респондентов не знают вообще, являлись ли союзниками Россия и Франция во II мировой войне в борьбе против фашизма; остальные отвечают: «Кажется, были союзниками»; героический пример боевой дружбы Авиаполка «Нормандия–Неман», соединившего советских и французских летчиков, оказался неизвестным для тех, кто попал в поле опроса.

Оригинальные результаты дал ответ на вопрос с просьбой к респондентам построить ассоциативный ряд о месте Москвы и Парижа в жизни двух стран. Самая яркая формулировка: Москва – это сердце России; Париж – это сердце Франции.

Блок вопросов, относившихся к современной политической жизни Франции, о президенте Н. Саркози был воспринят молодыми горожанами с оживленным интересом: ответы продемонстрировали осведомленность о личной жизни Н. Саркози, его политический курс оценивался как стремление навести порядок в стране.

Сопоставление ответов в темпоральном аспекте (в формате времени 2002–2012 гг.) позволяет обозначить некоторые наблюдения: знания респондентов в контексте «года истории России» 1812 г., подкрепленные информационной поддержкой СМИ, довольно обширные, но кругозор опрошенных в 2002 г. был глубже.

Обобщая в целом изложенное выше, необходимо подчеркнуть важность изучения взаимодействия исторических процессов России и Франции не только в концептуальном пространстве политической социологии, но и в рамках социологического мониторинга.

Примечания

1. Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах., М. 1992. С.153–157; Островский К., Тюни Г. Три политических культуры в Европе // Социс. 1998. №2; Гачев Г.Д. Национальные образы мира. М., 1998. С. 132–158; Питт Ж.Р. Франция. М., 2011; Кареев Н.И. Политическая история Франции. Правительственные формы и внутренняя политика, политические партии и общественные классы. М., 2011.
2. Берк Э. Правление, политика и общество. М., 2001. С. 148.
3. Токвиль А. Демократия в Америке. М., 1992.
4. Зарубежная политическая наука: история и современность. Выпуск II. М., 1990. С. 243.
5. Дюверже М. Политические партии. М., 200.

*А.Д. Кокшаров,
г. Оренбург*

ИВАН ИВАНОВИЧ НЕПЛЮЕВ – ОБРАЗЕЦ СЛУЖЕНИЯ ОТЕЧЕСТВУ

Жизнь и труды Ивана Ивановича Неплюева (1693–1773) можно полагать образцом служения Отечеству. Военный моряк, кораблестроитель, дипломат, создатель, благоустроитель и первый губернатор Оренбургской губернии. Пример служения Родине успешно восприняли дети и внуки, занявшие по заслугам почетные места среди высших сановников Российской империи.

Рассматривая деяния Ивана Ивановича Неплюева, разумеется, следует уделить внимание его собственной оценке наиболее значительных обстоятельств жизни. Эти сведения можно подчеркнуть в мемуарах Ивана Ивановича: «Жизнь И. И. Неплюева (им самим написанная)».

Будучи уже женатым, Неплюев учится в Новгородской математической школе, в Нарвской навигационной школе, в Петербургской морской академии. Несколько лет гардемарин Неплюев провел вместе со своими товарищами в Европе, обучаясь морскому делу. В мемуарах содержатся подробности устройства быта, переездов, снабжения необходимым молодых дворян. Нередко и подолгу им приходилось терпеть невзгоды по недостаточности денежного содержания и несвоевременности его доставки. Неплюев не распространяется много о ходе учебы, ее содержании, личной своей работе. Красноречивее всего о рвении и добросовестности гардемарина свидетельствуют результаты, продемонстрированные им по возвращении в Россию. После обучения службе в галерном флоте Венеции Неплюев получил аттестат, где с похвалой отмечались умения и навыки, а также храбрость

в боях против турок. Затем образование продолжилось в Морской академии в Кадиксе (Испания). По возвращении на Родину гардемарин подверглись серьезной экзаменовке, и двое лучших были пожалованы поручиками галерного флота, а остальные мичманами. В числе первых был Неплюев.

В Петербурге Неплюев назначен смотрителем и командиром над строящимися морскими судами.

Далее, с 1721 по 1735 гг. служба в качестве резидента (посла) в Константинополе. При отъезде в Турцию интересный эпизод: прощаясь, генерал-адмирал сделал выговор Неклюеву за то, что тот не попросил у государя второе жалование, для содержания семьи во время службы в Стамбуле. Ответ: «...не посмел да и не думал...» [1]. Иван Иванович думал о выполнении ответственного задания. О личной пользе, видимо, привычки думать не было.

Подписав договор с турками «о персидских делах» в 1724 г., чем озабочен Неплюев? Все ли он учел: «...мог ли я предусмотреть все виды пользы, того не знаю, и сие мучит меня смертельно ...» [2]. Дипломат переживает все ли учтено к пользе Родины. Договор императором был одобрен, и Неплюев награжден.

Иван Иванович образцовый семьянин. В 1727 г. по прошению посла императрица отпустила жену дипломата в Царьград с пожалованием на дорогу 500 рублей и провожатых. Супружеская верность и многолетнее взаимное расположение друг другу мужа и жены для пошлых шутников нашего времени выглядят почти как абсурд, а лучшие люди России так жили. Задумаемся над этим.

Далее болезнь, возвращение на Родину, дипломатические и административные поручения – словом, служение. Императрицей становится Елизавета Петровна, и «... все указы, какого бы звания не были, данные в бывшее правление, уничтожаются, и все чины и достоинства отъемлются...» [3]. В Петербурге расследовались дела прошлого царствования. Серьезные обвинения выдвинуты против графа Остермана. Иван Иванович не был прикосновенен ни к разговорам, ни к махинациям – со временем это выяснилось.

Иван Иванович Неплюев человек порядочный и отзывается об Остермане так: «... хотя он ныне несчастен, но я не могу отпереться, что он был мой благодетель и человек таковых дарований ко управлению делами, каковых мало было в Европе ...» [4]. Неплюев верен попавшему в беду так же, как он верен находящемуся в силе. Императрица, убедившись в добросовестности Ивана Ивановича, «...остановясь, возложить на меня паки орден святого Александра и пожаловать меня допустить к руке ...» [5]. По указу императрицы Неплюев направлен в Оренбургскую комиссию командиром.

В правление И.И. Неплюева было построено более 100 различных укреплений; г. Оренбург основан на нынешнем месте; создано большое количество промышленных предприятий; приняты меры для привлечения разного рода новопоселенцев, развития торговли, приняты жесткие, но, пожалуй, единственно возможные тогда меры к прекращению мятежей, наконец, именно по проекту Ивана Ивановича издан указ об образовании Оренбургской губернии. Одним словом, Неплюев организовал жизнь, освоение, благоустройство, обеспечение безопасности огромной территории. Заметим – практически при отсутствии оседлого населения. Не «пилил» (как говорят на современном жаргоне) Родину, а создавал ее, укреплял, украшал.

«... лучший пример к снесению труда может подать командующий, то я сам на том месте жил в палатках до ноября месяца, имея только для дочери моей кибитку, а для себя обыкновенную землянку, каковые и у последнего жителя были, и не прежде в построенный командирский дом вошел, как и все жители – в их дома, а гарнизон в казармы, и более уже (по прежнему обычаю командиров) в Самару, то есть на Русь, не возвращался» [6]. Ответственность задач перед И.И. Неплюевым огромная, и тем не менее, он не соблазняется окружить себя комфортом и удобствами, оправдываясь важностью своего положения. Представим себе, как поднялся бы авторитет современных губернаторов, поступай они подобным образом.

С точки зрения интересов общества, в целом поведение И.И. Неплюева чрезвычайно полезно, эффективно, желательно – взятку не берет, думает не об обогащении личном, а о пользе, благоустройстве, безопасности, величии Родины. Что подталкивает государственного чиновника к столь желательному для общества поведению?

«Прозрачность» доходов? Наличие «свободных» СМИ? Многопартийность с отслеживанием возможных неправомερных действий политических конкурентов? С большой натяжкой можно бы предположить, что в какой-то степени перечисленное в части финансовой могло бы быть эффективным. Однако как быть с другими аспектами – служебное рвение, инициатива, первенство интересов России над личными, нравственное отношение к семейной жизни. Очевидно, что СМИ, правоохранительные органы, прозрачность доходов в этом случае не помогут.

Судьбы потомков – очень существенная характеристика семейства: сын Николай (1731–1784) – сенатор, внуки Неплюева Иван и Дмитрий (Николаевичи) – генерал-адъютанты и сенаторы [7]. Достоин и успешно служащие Отечеству потомки – более чем серьезный показатель достойной жизни И.И. Неплюева.

Ответ на вопрос, что заставляло (и помогало) достойно жить, принимать правильные решения, содержат записки Неплюева. Автор, несомненно, многократно упоминает о самом в его жизни важном.

На второй странице записок читаем: «В 1713-м, ноября месяца, оставив жену мою беременну, отошел я по обещанию в монастырь». Православные, прося чего-либо в молитвах, или в благодарности за уже полученные благодеяния дают различные обеты. Эти обеты стараются выполнить. Иван Иванович сообщает об отходе в монастырь по обету как о деле важном, читателям, несомненно, понятном и одновременно глубоко личном – верующий человек пишет для верующих людей.

«1718-го января 10 князь Михайла княж Андреев сын Прозоровской бежал от нас с иеромонахом Филиппом, монастыре святого Павла, бывшим в Корфу для собирания милостыни, в Афонскую гору» [8]. Неплюев в числе 30 товарищей был направлен в Венецию для обучения мореплаванию на галерах. Один из них, князь Михаил Прозоровский, бежал. Почему бежал и для чего? Многим нашим современникам мотивы непостижимые – бежал, чтобы стать монахом, посвятить всю свою жизнь только служению Богу. Письмо князя, доставленное с оказией его товарищам заканчивалось словами: «... остаюся препокорным к вам, моим милостивым приятелям и прелюбезным друзьям, слугою князь Михайло Прозоровский, а Богу соизволившему во иноцех недостойный Сергей, должное мое поклонение купно всем вам пресмеренно отдаю» [9]. Таким образом, Михаил Прозоровский поменял трудное служение во флоте на еще более трудное и при этом пожизненное (до последнего вздоха) служение Богу. Иван Иванович, осознавая это, в записках приводит все сохранившиеся подробности.

Прискорбный случай из жизни русских гардемаринов обнаруживает глубокую религиозность Неплюева, понимание иерархии важности различных духовных и материальных сторон жизни. Гардемарин Василий Федоров сын Квашнин Самарин был заколот шпагой. Все улики указывали на гардемарина Алексея Арбузова. Подозреваемого сдали под караул местным властям. В данном случае нам менее интересны факты по делу об убийстве. Матери убитого печальную новость сообщил в письме Иван Иванович: «Моя государыня Наталья Алексеевна! Неможно умолчать, чтоб вам не донести, хотя то и печалит старость вашу, что случилось здесь в Корфу: ... Тело же сына вашего погребено у греческой церкви, в коей лежат мощи святого Спиридона Тримифунтского; денег по смерти сына вашего ничего не осталось, а что было его скарбу, так же кафтан и рубашки, то все продано за 10 червонных, которые и раздал я на поминование его души по греческим церквам; в прочем пребываю ваш слуга Иван Неплюев» [10].

Матери очень важно знать, где покоится тело ее ребенка. Неплюев сообщает, что Василий похоронен у храма, где находятся мощи великого православного святого, чудотворца Спиридона Тримифунтского (в земной жизни он был другом чудотворца архиепископа Мир Ликийских Николая, самого почитаемого в России святого). Десять червонных, вырученных от

продажи имущества погибшего, сумма не очень большая, но для людей небогатых весьма ощутимая. Иван Иванович не сомневается, что его употребление упомянутых денег мать одобрит: они розданы на помин души. Люди верующие понимали (и сейчас понимают), что для бессмертной души умершего важнее всего молитва живых. Именно в этом смысл заказываемых в храмах служб, раздачи подавания бедным и нищим (их радость и молитва дойдут до Бога), приглашение людей на поминальные обеды (порадовавшись угощению, присутствующие помолятся искренне о его упокоении, даже если не знали умершего). В XVIII в. В России это было понятно всем и пояснений не требовало. Поэтому Неплюев был уверен, что раздача денег на поминовение души усопшего будет для горюющей матери утешительна.

По возвращении из-за границы после учебы гардемарин должны были явиться «в адмиралтейскую коллегию». Степень своих переживаний накануне этого ответственного события Неплюев определил исчерпывающе: «Не знаю, как мои товарищи оно приняли, а я всю ночь не спал, готовился как на страшный суд» [11]. Для многих из наших современников «страшный суд» не более чем традиционная фигура речи («я страшно устал», «я страшно рада» и т.п.). Для верующих ясно, что на страшном суде решится судьба всех бессмертных душ, всех людей – в рай попадет навсегда или навсегда в ад. Недаром в числе других прошений к Богу обязательно произносятся: «... и доброго ответа на Страшном судилище Христове...». Для единоверцев Неплюева фраза о ночи перед представлением в адмиралтейской коллегии понятна – гардемарин готовился как к очень важному в жизни событию. Таково было отношение Неплюева к служению Отечеству.

Весьма красноречивы слова Петра I при назначении И.И. Неплюева резидентом в Стамбул (Константинополь): «Не кланяйся, братец! Я ваш от Бога приставник и должность моя – смотреть того, чтобы недостойному не дать, а у достойного не отнять; буде хорош будешь, не мне, а более себе и Отечеству добро сделаешь; а буде худо, так я – истец; ибо Бог того от меня за всех вас вытребует, чтобы злomu и глупому не дать место вред делать; служи верою и правдою! В начале Бог, а при нем и я должен буду не оставить» [12]. Взгляд Петра на свою жизнь – служение богу через поддержание справедливого порядка в стране. Смысл честного служения для подданного – в первую очередь награда от Бога, а во вторую очередь от государя. Таков алгоритм для всякого человека – честное служение (в т.ч. работа) как религиозный долг. Петр I простился с Неплюевым, как оказалось навсегда: «... поцеловал меня в лоб и изволил сказать последнее такое слово: «Прости, братец, кому Бог велит видеться!» [13].

В Царьграде (1732), заразившись «поветрием» (возможно малярией) лечился (обратим внимание – что на первом месте): «...при помощи Божией, приемлением хины с водою ...» [14].

Выше упоминалось о беде, постигшей Ивана Ивановича Неплюева при восшествии на престол императрицы Елизаветы Петровны: лишен поста, ордена и деревень. Было от чего прийти в отчаяние. Не зная за собой вин и «возложась на промысл Божий» [15], он поспешил в Москву, а затем в Петербург. На что надеется Неплюев? На промысл Божий, т.е. будучи глубоко верующим человеком, он полагает, что ничего не может произойти иначе как по воле Божьей, или по Его попущению. Вот источник силы духа Ивана Ивановича. Результат – честь и достоинство восстановлены. Новое назначение: «...ехать в Оренбургскую экспедицию командиром» [16]. Хлопотная и тяжелая служба, необходимая отечеству, но достойная великого человека.

В 1755 г. И.И. Неплюев отправил сына своего Николая в Петербург ко двору с донесением и для объяснения на словах. В данном случае интересно отсутствие попытки способствовать получению награды (выгоды): «...но просить оказать к нему милость я не отважился, а предал то в руки Божии, в коих содержится по слову Давидову, и сердце цареву, – которых слов и сим случаем оказана истина: ибо ея величество и без моего прошения его в майоры пожаловать изволила, ...» [17]. Все пошло по широко известной русской пословице: «За Богом молитва не пропадает, а за царем служба». Тут более понятна и сама пословица: Как за царем может служба не пропасть, ведь он человек и невсеведущ? Народ (состоявший из верующих) понимал – в царском служении (в т.ч. и награждении достойных) поможет царю Бог.

Будучи уволен в отставку в связи со слепотой, Иван Иванович, являясь человеком благочестивым и достаточным, 20 января 1767 г. назначил место для постройки каменной церкви во имя святого пророка Предтечи Иоанна. В 1772 г. 24-го июля каменный храм Божий был освящен. По желанию сына Неплюева туда было перенесено тело покойной его жены Татьяны Федоровны. В том же храме приготовил место для себя и Иван Иванович [18].

В зрелом возрасте, а особенно в старости люди постепенно научаются отделять главное от второстепенного. Причин этому несколько. Главная – приходит осознание конечности земного бытия (многое можешь не успеть). Постройка храма Божия отнесена, безусловно, Иваном Ивановичем к важнейшим делам. В повседневной жизни – то же самое. Неплюев содержит при себе двух чтецов и время проводит в слушанье книг. Тратить досуг на текущие события сенатор не находит возможным: «...а ни о каких новостях, ниже о газетах я уже не желал слышать...» [19].

21 апреля 1773 г. сын Николай был пожалован чином действительного статского советника. На что должно было хватить сил у И.И. Неплюева? Естественно, на то, что он полагал самым важным: «Я как не болен был, велел вести меня в новую церковь, и со всеми у меня случившимися гость-

ми и домашними моими с коленопреклонением отправляли благодарное молебствие и за здравие нашей милосердной матери и государыни» [20].

В чем видел Иван Иванович главное предназначение человека: «В половине июля месяца обрадовался вновь получением ведомости, что внук мой Иван пожалован в секунд-майоры, за что и будет хвала всех благ подающему Богу, и сие тем иначе, что получаемые мною от него, внука моего, из армии о военных его подвигах (известия) утверждали надежду мою, кою я всегда полагал на него, что увижу в нем усердного слугу отечества, жертвующаго ему жизнью». За производство внука в чин Неплюев благодарит Бога. Желательное для Ивана отношение к жизни – усердный слуга отечеству, жертвующий для него жизнью – таково убеждение действительного тайного советника, сенатора.

Подобный подход к служению Родине представляется весьма желательным для наших соотечественников и сегодня.

Весть о женитьбе наследника престола Павла Петровича совпала с сообщением о пожаловании сына Ивана Ивановича в правительствующий сенат в обер-прокуроры: «Сколь я ни слаб был, однако ту ж самую минуту велел себя вести в домовую церковь, и собрав всех моих служителей, принесли благодарное наше с коленопреклонением молебное моление Господу Богу о здравии всемилостивейшей нашей государыни и о ниспослании Его святого благословения на сочетавшихся их высочеств: да утвердит, милуя Россию, Бог корень их во веки веков» [21]. Отметим – Неплюев чувствовал потребность благодарить Бога «ту же самую минуту» по получении известия. Наличие монарха в России для Ивана Ивановича однозначно – это милость Божия.

Важным свидетельством о взглядах на жизнь является надиктованное в течение трех дней перед смертью письмо И.И. Неплюева сыну Николаю. Разумеется, что в таком послании нет места пустым декларациям и фигурам речи: необходимо передать самое главное (другого случая, скорее всего не будет). Иван Иванович говорит именно о том, что для его сына важнее всего, что поможет прожить достойно. Письмо удивительно глубоко и информативно: «...нахожусь сказать тебе, Николай Иванович, в последнее; Сохраняй святую веру, наставляя о той детей своих; исполняй же по возможности заповеди Господни. ...наблюдай правду во всех твоих делах и поступках, хотя бы иногда и неприятное, что тебе за то понести случилось; ведай, что Бог и ея величество правды твоя будут покровители: если не в это время, то после чрез них тебе откроется. Люби свое отечество, от коего весь род твой благодетельствован был и потомки будут, и в зашитии этого пользы не щади не только благосостояния но и жизни. ... Подчиненным твоим и паче крестьянам будь больше отец, нежели господин, ...Боже всякого милосердия, сохрани его так, как я желаю» [22].

Перед смертью Иван Иванович приказал готовиться к литургии. Исповедовавшись, приобщился святых тайн. Верующие знают, что человек, причастившейся незадолго до смерти, облегчает положение своей бесмертной души.

Иван Иванович заранее составил надгробную надпись: «Здесь лежит тело действительного тайного советника, сенатора и обоих Российских орденов кавалера Ивана Неплюева. Зрите! Вся та тщетная слава, могущество и богатство исчезают, и все то покрывает камень, тело же истлевает и в прах обращается. Умер в селе Поддубе, 80-ти лет и 6 дней, ноября 11-ого дня 1773 году» [23].

Нам, ныне живущим неплохо бы иногда эту эпитафию вспоминать – может быть, менее увлекались бы материальной стороной жизни и (как одно из многих следствий) не имели бы желания взятки брать.

И.И. Голиков, близко знавший И.И. Неплюева около 20 лет, писал: «...н никогда ни от кого ни за какое дело, ничего не взял, и никто не смел к нему показаться ни с какими подарками; засвидетельствуют сие все бывшие под его начальствованием» [24]. Подтверждением того, что действительный тайный советник всю жизнь находил опору в православии, видим в воспоминаниях Голикова: «...веру и благочестие соблюл до конца ненарушимо и не выезжал никогда со двора, не отслужив святые литургии, которая в домовой церкви его ежедневно отправлялась...» [25].

Вывод из приведенного выше очевиден – люди, создавшие и укреплявшие отечество (один из них И.И. Неплюев), имели опору в православной вере. Вера помогала соблюдать высокие нравственные принципы во всем – и в государственном служении тоже. Задумаемся над этим.

Примечания

1. Неплюев И.И. Жизнь И.И. Неплюева (им самим написанная). Оренбург: Изд-во «Оренбургская губерния», 2004. 197с. С. 113.
2. Там же. С.119.
3. Там же. С.130.
4. Там же. С.132.
5. Там же. С.133.
6. Там же. С.138.
7. Губернаторы Оренбургского края. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 1999. 400с. С. 60.
8. Неплюев И.И. Указ. соч. С.17.
9. Там же. С.22.
10. Там же. С. 34, 35.
11. Там же. С. 97.
12. Там же. С.12.
13. Там же. С.111.

14. Там же. С.124.
15. Там же. С.130.
16. Там же. С.134.
17. Там же. С.164.
18. Там же. С.182.
19. Там же. С.180.
20. Там же. С.183.
21. Там же. С.184.
22. Там же. С.190.
23. Там же. С.193.
24. Там же. С.195.
25. Там же. С.195.

СТУДЕНЧЕСКАЯ СЕКЦИЯ

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА ГЛАЗАМИ МОЛОДЕЖИ. СОБЫТИЯ, ФАКТЫ, СУДЬБЫ

*Н. Г. Летунова,
г. Оренбург*

ВОЕННОЕ ДЕТСТВО ЛЮБОВИ ТИМОФЕЕВНЫ ЛЕТУНОВОЙ

Суровая правда Великой Отечественной войны была бы неполной и неблагодарной, если бы мы забыли о мужестве и подвигах не только военных, но женщин и подростков в тылу, об их самоотверженном труде, духовной стойкости. Мы должны помнить рассказы тех, кто на своих плечах вынес страшную тяжесть войны, знать, что военные испытания не вытеснили, не подавили в душе русского народа, как и других наших народов, человечность и любовь к жизни.

Моей бабушке, Летуновой (в девичестве Рощепкиной) Любви Тимофеевне, было 9 лет, когда началась война. Она родилась 28 сентября 1932 г. в селе, которое за свою историю сменило много названий: хутор №45, Плешаново, Малые Горки. Ныне это село Рощепкино Александровского района Оренбургской области. Ее отец Тимофей Дмитриевич работал до войны ветеринарным фельдшером, мама Клавдия Александровна – дояркой. Семья была большая, семеро детей: двое мальчиков, Александр и Василий, и пять девочек: Любовь, Маруся, Лидия, Валентина, Раиса.

Весть о войне облетела все село мгновенно. «Помню, – говорит бабушка, – что сразу все забегали, заволновались. Отца забрали на второй день войны, и с ним уходили еще несколько человек из нашего села. Тех, кого забирали на фронт, провожало все село. Местом прощания была Прудовая гора, оттуда на подводах они направлялись в райцентр, с. Александровка, где находился военкомат. Этот день я хорошо помню: мужчины шли серединой тракта, а женщины и дети – по обочине. Мама всю дорогу плакала, а мы, еще маленькие, семенили рядом с ней. Когда отец сел на подводы, и они тронулись, ребятня и я вместе с ними какое-то время бежали следом, стараясь отделить миг разлуки. Я долго еще глядела вслед уходящим, слабо различая уже, которого – по походке, которого – по фигуре, одежде. Стояла до тех пор, пока не слились они

с горизонтом. Мы, дети, тогда еще до конца и не осознавали, что такое проводить на войну.

Мама после ухода отца не опустила рук, подобралась враз, понимая, что, сколько бы ни длилась война, надо работать, детей поднимать надо, да и принятым в семью шестерым беженцам помогать нужно, чем можно. И где она только ни работала: в поле, доила коров, кормила овец, молодняк, пасла лошадей, сено косила, сеяла и убирала хлеб. Днями и ночами пропадала на колхозном дворе. С трудностями раньше не считались, потому что знали: мужьям на фронте приходится еще тяжелее.

О жилье. Наша семья жила в деревянном доме, который мы успели года за два до войны перевезти из села Голубовка Сорочинского района. Он был небольшой, но светлый и уютный, в передней комнате было четыре окна, крыша покрыта жстью. У каждого в нашем селе стояла бочка рядом с домом, полная воды, это на случай пожара. Перед домом у нас был цветник. Обстановка внутри нашего дома была скромной: стол, скамьи, печь, сундук, две полочки на стене и несколько фоторамок, маленькое зеркало. У каждого в доме и во дворе были печи. Топили, конечно, не до большого тепла, а так чтобы вода была теплой, и пищу приготовить. Топили в основном кизяком, он всю ночь тлел, и наутро от него можно было разжечь печку. А если огонек потухал, то бежали просить уголек (лучинку) у соседей.

О топливе. Летом детей заставляли собирать коровьи лепешки, после того как стадо коров прогонят по деревенской дороге. У каждого была уже своя территория (участок), на каком расстоянии можешь собирать. Также ходили на базу, где стоял скот. Чуть забрезжит рассвет, так глядишь, все со своими тележками побежали собирать. Потом сколько собираем, дома руками из них делали круги и раскладывали, где на камушке, где на досточку, чтобы сушилось быстрее. Также собирали ветлы вдоль ручья. Мама зимой работала в колхозе и собирала то, что оставалось не съеденным овцами и коровами в кормушках, да и то, чтобы забрать эти крохи, приходилось упрашивать бригадира. С дровами было всегда туго.

О дворе. Наше домашнее хозяйство было небольшим: две овечки, одна корова и десять курочек. Я даже не помню, чем мы кормили кур в войну! Наверное, они сами что-то искали летом по двору: травку, червячков, мошек, копались в помоях, а вот осенью им приходилось голоднее.

Раньше с каждого двора собирали продуктовый налог: овечью шерсть, если есть поросенок, то шкуру сдавать обязательно, 100 яиц, 5–10 кг масла. В нашу деревню приходил собирать налоги один человек, высокий и весь рябой, всегда орал, зевал, грозил, что посадит в тюрьму, если кто сдавал меньше положенной нормы. Но кто сколько сдать смог, столько и сдавали. К нам в колхоз приезжали на военных машинах и забирали картофель, который рыли ученики, все забирали на фронт.

Конечно, военное время было трудное, после сдачи налогов приходилось очень нелегко. Многие бабы ночью тайком ходили стричь колхозных овец и в карман складывали клоки шерсти, чтобы потом связать детишкам варежки и чулки. Когда рожь первую скосили, нас ночью посылали на вал. Женщины отдыхать сядут, а ток близко был, мы их валенки одевали, да выбирали какие побольше, чтоб свободное место между ногой и валенком было, и ребятей по 3–4 человека соберемся, чтоб не так страшно было, идем тихо, осторожно чтобы не заметили, насыпем зерно и бежим домой скорее, чтобы не поймали. Иногда за ночь два раза умудрялись сбежать, так на маленькое ведерко и собираем, чтобы мама нам приготовила что-нибудь. А потом полегче стало, в колхозе начали выписывать зерно, пусть и немного, по 200 грамм, но все же хоть что-то.

Мама всегда старалась нашу одежду вовремя подлатать, перешить. Богато мы никогда не ходили, но всегда были вещи выстираны. Ходили мы все в одних валенках, также были в доме уже старенькие полушубок и фуфаячка. Помню, как моей сестре младшей Рае учительница Мария Федоровна отдала свою одежду. У нас в семье было такое счастье, что хоть на одного ребенка есть хорошая одежда!

Про еду. Честно говоря, я только сейчас стала задумываться: а что ела мама? Она никогда с нами за столом не сидела. Нас, детей, всегда за стол усадит и начинает делить еду. Самым вкусным для меня блюдом была картошка, которую мама готовила на листе в печи. Картошка, если ее можно так назвать, была очень мелкая, сейчас такую даже за картофель не считают, а раньше и этому были рады. У нас как раз были два года неурожайные, и засеивали огород даже картофельными шкурками, главное, чтобы был глазок, вот поэтому маленькая и урождалась.

Основной едой у нас в семье была затируха, мелкая картошка в мундирах, приготовленная на листе в печке, суп из лебеды и крапивы, борщ. Также мама пекла хлеб из лебеды и муки. А он внутри совсем не пропекался, мы, бывало, корочку объедем, а мякиш хоть еще в печь ставь. Когда колхоз стал выдавать немного хлеба, мама на день пекла по две пышки на всю семью. Посуды в доме было очень мало, поэтому все мы ели из одной большой чашки. Мне кажется, что летом было голоднее, день большой, работы много, и кушать хочется, поэтому ели всякие растения (козельчики, борщевку), ягоды, грибы. Лучший сезон – это осень, так как все уже поспевало, и пора собирать урожай. Мы на огороде сажали репу, свеклу, тыкву, огурцы, горох, капусту, которую потом солили в кадушках. А вот зимой приходилось гораздо тяжелее, да и то наше село пережило войну и голод намного лучше, чем соседнее с нами село Казанка. Многие люди оттуда к нам приходили просить еду и одежду, помогали, конечно, все, чем могли.

Иногда, во время перемены в школе, мы бегали к моему дедушке, чтобы покушать что-нибудь. Он был нам не родной, но очень добрый. Моя мама рассказывала мне, что первая жена дедушки умерла, и он больше не мог оставаться в своем селе один, поэтому начал искать работу в других соседних селах, хотел наняться батраком в подворье к какой-нибудь вдовушке. Придя в наше село, он некоторое время работал конюхом, потом ему посоветовали зайти к нашей бабушке (маминой маме) попроситься помощником. Женщина она была хорошая, добрая, отзывчивая, так вышло, что муж погиб, и ей пришлось тянуть семью одной. В семье – одни девки, а помощи мужской по хозяйству нет. Так он и стал им помогать по двору, за сезон уже свыкся с семьей, да так и посватался. Баба Клава говорит, что он был добрый, хороший человек, во всем помогал. Бывает, мама утром рано зимой разбудит нас, девчат, скотину убирать, мы выйдем во двор, а он нам говорит, чтобы мы лучше маме шли помогли или поспали немного, а он сам управится.

Он нас всегда спрашивал, вам чего дети дать, пирожка или «чиненки»? А мы сначала не понимали, что такое «чиненка», и просили вынести пирожка, а он нам по кусочку хлебушка вынесет. А потом мы смекнули, что «чиненка» – это пирожок он так называет, и после стали просить только «чиненки». Сейчас я уже понимаю, что бабушка и дедушка каждый день специально что-то готовили для нас, чтобы мы немного подкрепились. Иногда нам бабушка варила кисель из овса. К нам в село направляли эвакуированных из Украины. Хоть нам самим было тяжело, голодали, но почувствовали вновь прибывшим и помогали едой. Один раз с девчонками насобирали паслена и решили их угостить. Когда принесли им в горшочке ягоду, так они рассмеялись и говорят, что раньше они ее и за ягоду-то не считали, а теперь поблагодарили нас.

О работе. Дети помогали по дому и в поле наравне со взрослыми работали. Раньше нас не спрашивали: хочешь – не хочешь, устал – не устал, все вилы взяли и сгребают, и ты с ними наравне. Никого с работы не отпускали, пока все не закончат. Один раз на колхозном дворе кто-то навозными вилами маме нечаянно поранил руку в области запястья, кровь хлынула, кто-то дал платочек руку перевязать, но домой промыть рану не пустили, так и проработала до конца дня. Из медикаментов в доме были только йод, солодовый корень. А ведь в войну на многих нападала куриная слепота, ячмени, лишай, вши. Нас, подростков, кому лет по 10–12, уже учили работать на комбайнах, я тоже на хвосте сидела и за веревку дергала, чтобы валки были ровные. А там было летом ужасно пыльно и душно, зимой холодно сидеть на этом железном стуле.

Дома, когда оставались одни, без дела не сидели. Мама, уходя на работу, всем давала задания. Если работать нужно в огороде, то каждому деланочку отметит, если двор убрать или подмести, также все уже разделено.

О школе. В нашем селе была четырехлетняя школа, а в соседнем селе Казанка была семилетка. Несмотря на то, что шла война, уроки в школах не прекращали вести. Мы, ученики, старались не пропускать занятия.

Помню, как мы пошли с Дусей в первый класс. Пришли и сели за одну парту. Слышим, как учительница Клавдия Яковлевна спрашивает каждого, с какого он года рождения, а мы сидим и шепчемся. Не знали, с какого мы года, с 30-го или 32-го, и решили так: если наш старший брат Саша на два года старше нас, то значит он с 32-го, ведь цифра 32 больше, чем 30, значит, мы с ней с 30-го, да так и сказали ей. Это уж потом она у мамы спросила да переправила в журнале.

Основными предметами у нас были русский язык, математика, история, чистописание, физкультура, военное дело, и санитарное дело велось в 3-м и 4-м классах. На уроках военного дела нас учили ходить строевым шагом, ползать по-пластунски, учили устройство противогаза. Помню, как первый раз все его боялись одевать, думали, что задохнемся. Также делали автоматы из досок – учитель мелом начертит трафарет, а мы, как могли, его выпиливали сами. Учили разные песни – и военные, и гражданские, до сих пор знаю слова из песни про Щорса, стих про Ворошилова. А как-то раз, под Пасху, у нас был урок военного дела. Нас военрук заставлял песни петь, а мы молчали, потому что боялись, ведь раньше говорили взрослые, что перед великими церковными праздниками веселиться нельзя. Он нам говорит: «Запевай!», а мы как рыба об лед, он нам тогда говорит, значит, ползать у меня будете, вот мы три раза по классу и проползли, пока урок не закончился.

До войны были тетради в косую линию, а потом их не стало, и писали на старых листовках, которые брали на почте в с. Егорьевка, если кто урвет, то это считалось за счастье, также писали между газетных строк. Вместо чернил была разведенная сажа. В классе всегда были мел и доска.

На уроках математики мы сами делали палочки счетные из ветлы: нарезали их тонкими 10 штук, а потом по ним учились считать.

Раньше в школе формы не было. У кого какая одежда была, в том и ходили. Учебники были, но на всех не хватало, могли дать один на двух-трех человек, но мы все старались подготовиться. Домашнее задание задавали. Уроки учили вечером, когда по двору маме поможем.

Раньше редко кто учился дольше 7 классов. Во время войны такое образование делало в наших глазах человека уже грамотным, но немногие могли поступить и в техникум.

Наши учителя – военрук Иван Петрович Проскурин и Марина Ильинична, которая была эвакуирована из Ленинграда к нам уже совсем старенькой, жила в учительской, в школе. Учителя одевались скромно.

Раньше нас проверяли на уроках – руки должны быть чистыми и ногти коротко острижены, смотрели, чтобы мы, дети, были в порядке. Вши раньше

были у всех. Сидишь, бывает, на уроке и смотришь на сидящего впереди тебя ученика, а у него по волосам или по вороту вошь ползет, а мы хихикаем с подругой, на него пальцем указываем, хотя у самих-то тоже такие ползали. Нам мама в бане с мылом голову промывала и керосином потом сверху поливала, так от них избавлялись, а еще нас стригли коротко, почти под мальчиков, чтобы меньше хлопот было. Отец хорошо умел постригать, у нас даже своя машинка и ножницы были. Волосы я стала отращивать только с класса 4-го, наверное. Помню, как-то летом мама пришла на перерыв с работы и говорит, ну, давайте, я вас подстригу. А мы убежали из дому и головы в бочку с водой засунули, намочили волосы, а ведь мокрые не отрежешь ровно. Мама на нас поругалась и сказала, что ей некогда ждать, когда мы высохнем, да и ушла на работу, а вечером было некогда, да так мы и остались с волосами. Даже в две косички начали заплетаться. А у мамы длинный волос, хороший был. На волосах носили яркие алюминиевые гребеночки, которые часто ломались.

Мылись все после работы на речке и в ручеек бегали, завидовали тем, у кого мыло было. Было время, когда печной золой (из которой щелок делали) мылись, стирали. Ставили ведро, накрывали тряпкой, сыпали золу, а сверху лили воду. Процеженную воду использовали для мытья. В нашем селе было всего три бани, которые стояли на задах. На одну приходилось по 5 дворов за раз. Каждый, кто шел в баню, приносил свою топку.

На переменах мы смеялись, играли: мальчишки – в ножички, бабки, а мы, девочки – в прыгалки (связывали 2 жидкие хворостинки между собой), чижики, классики, камушки, да много раньше было игр. Летом в пруду все купались. Велосипедов было мало, но все кататься научились.

Зимой из снега делали доты, дзоты и играли в войну. Катались на салазках, ледянках, корытах. И вечера в школе во время войны проводили, готовились к праздникам основательно – учили стихи, песни, делали поделки. К дням рождения Ленина и Сталина учили стихи. На Новый год только в школе ставили елку, если это так можно назвать, вместо настоящей ели мы ставили какой-нибудь кустарник, ветки. Украшения делали из старых книг, делали гирлянды, фонарики.

О жизни в деревне. Музыка на селе была: у наших соседей Махортовых был патефон, нужно было ручку накручивать, у Морозовых были пластинки, у многих дома были гармони, мандолины, балалайки. Зимой на праздники собирались по вечерам или в клубе, или у дома и играли, танцевали, пели. Такое было не часто, в основном с колхозного двора затемно возвращались домой, даже отдыхать некогда.

Свадьбы в годы войны были редкость, если вдруг приходил кто раненый с фронта, тогда просто в сельсовете записывались, а так после войны только много стали играть. Подарки были скромные, кто что мог: мыло, курицу, чулки, носки, полотенца сами ткали и дарили.

Церкви в нашей деревне не было, нужно было ходить в Егорьевку. Мы, ребятишки, ходили туда только на Пасху, а взрослые – чаще. Мама пела после войны в церковном хоре. В войну в церкви сделали склад под зерно. Дома у всех были иконы. Больницы и медпункта в деревне не было, нужно идти 4 км в соседнее село Георгиевка. Рожали в основном с помощью повитух, у нас все ходили к женщине, даже не знаю, как ее звали, но все обращались к ней «Тимофевна Баскакова». Ближайший роддом находился в 7 км в Электростроителе.

Среди серых будней военного времени и повседневных забот были, конечно, моменты счастья и радости. Как радовалась наша семья, когда получала письма с фронта, когда приходили в краткосрочные отпуска наши близкие. Помню, когда пришел брат отца, Василий, в краткосрочный отпуск, вся наша семья собралась вместе, мы гуляли, веселились, радовались. Ему присвоили звание Героя Советского Союза 1 июля 1944 г., позже отпустили на несколько дней повидаться с семьей. Он привез деньги (все свое жалованье), подарил всем женщинам по платку из парашюта голубого цвета, детям – блокноты, карандаши. Каждый вечер в клубе он рассказывал молодежи о войне, что там происходит, отвечал на вопросы. После 10-дневной побывки на прощание возле Прудовой горы он из личного оружия три раза выстрелил в воздух. Но тогда из нас еще никто не знал, что это был его последний визит домой, и больше мы его никогда не увидим. 30 октября 1944 г. Василия не стало. Он погиб в одном из жестоких боев за Белград, выполняя свой долг по освобождению югославского народа от фашистского гнета. К несчастью для нашей семьи, это была не единственная потеря. Еще один брат отца, Иван, тоже погиб на фронте в сражении за Воронеж, в 1942 году. По линии матери на фронт ушли два брата и тоже не вернулись. В первые месяцы войны приходило очень большое количество похоронок на село. Только и было слышно, как в одном конце крики женщин и в другом голоса. Из всей деревни нашей много на войну ушло, да только вернулись, от силы, мужчины дворов в 15–16, это очень мало.

Когда приходили в деревню письма с фронта, все бежали их читать, даже работу иногда бросали, чтобы поскорее развернуть конверт и узнать новости. Когда приходили письма, все читали и знали место дислокации, все радовались. Писали про направления и войска, в которых идут, говорили, что мало оружия. А вот когда «катюши» пошли, и письма стали веселее приходить, писали так: «Идем и бьем!».

Почтальоном в нашем селе была женщина, тетя Нюра Клокова, она еще подрабатывала техничкой в школе, мужа тоже с войны не дождалась, не вернулся.

После войны все переменялось: даже многие обижались на тех, у кого кто вернулся, вроде у меня никого нет, а у тебя есть.

Про отца. Отец вернулся с войны в начале 1945 года. На его долю выпали ранения, контузия, два блокадных ленинградских года, где он вместе с другими защищал Дорогу жизни. Когда отец пришел домой, мы, ребята, его все облепили как комары, повисли у него на шее, а мама стояла в дверях и тихонько плакала, видя, в каком состоянии вернулся отец: весь опухший – ноги, руки, раненый. Он был очень слаб.

Пришел он в гимнастерке, в военной одежде, были и награды на груди. Все родственники и соседи приходили его встретить, поговорить. Радость была огромная.

Тогда за инвалидность ему ничего не давали, он был еще и беспартийным. Ему дали на восстановление совсем немного, даже месяца не прошло, еще и окрепнуть не успел, как приехали из Александровки и уговорили его выйти на работу в срочном порядке, он до войны был ветфельдшером, а теперь требовался ветеринар, так как 10 колхозов остались без специалиста. Отец каждый день объезжал все хозяйства. Летом мучила жара, а зимой холодные ветры и морозы, одежда была у него изношена и не грела. Под его ответственность дали лошадь (звали Буян) и сани. Помню, как один раз с ним попросилась на работу. Из дому мы выехали рано-рано, раньше восхода солнца, ведь расстояния большие нужно было объехать, а меня дремота взяла. Отец что-то напевал, а я в полусне все думала-переживала, ведь нас, детишек, раньше дезертирами пугали, а я лежу и думаю: вдруг они нас услышат, а у нас даже ни ружья нету, ни палки, как отбиваться будем?

Отец у нас был веселый, добрый, мы никогда не слышали, чтобы они с мамой ругались. Любил петь песни и частушки, особенно военные (фронтные), одну из них даже сейчас помню:

«Ой, калинушка-калина,
Листик тонкий без затей,
К нам в округу из Берлина
Понаехало гостей.
Их не звали, не просили,
Но таков немецкий нрав,
К нам они приколесили,
Всю Европу обожрав!
Налетев, толкали пушки,
Подтянув ремнем штаны,
На полтавские галушки,
На самарские блины.
Ой, калинушка-калина,
Вейся к небу и расти.
Не удастся фрицам-гадам
Домой ноги унести!»

Отец, так и не оправившись после войны, приступил к работе, которая отнимала у него много сил, он таял буквально на глазах. Уже на следующий год его не стало, не выдержал он таких нагрузок, да и раны начали сочиться. Мама только один раз отказалась идти на кладбище к мужу, обижалась, что оставил ее одну рано. А потом случился в деревне пожар, уничтожил восемь дворов, в том числе и наш, все сгорело, только пару платьенок удалось схватить. Помню только, как мама бухнулась на живот и начала зерно сгребать, ничего не удалось спасти: ни денег, ни документов на боевые награды отца, ни самих медалей, и фотографий не осталось».

Слушая рассказы своей бабушки, я понимаю, что удалось сохранить и пронести через годы самое дорогое – память о поколении замечательных людей, которые своим тяжелым трудом на фронте и в тылу отстояли нашу Родину.

*К.К. Шурбаев,
г. Оренбург*

РОССИЙСКО-АНГЛИЙСКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО ЗА ВЛИЯНИЕ В СРЕДНЕЙ АЗИИ В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА

Отношения между Россией и Англией на протяжении всего девятнадцатого столетия играли центральную роль в европейских международных отношениях. Среднеазиатский вопрос был одной из важнейших узловых проблем российско-английских отношений в середине XIX века. В ней сплелись многочисленные острые противоречия двух великих держав, как политического, так и экономического характера. В отношениях, складывающихся в Средней Азии между Россией и Англией, следует искать ключ к выяснению многих важных проблем, касающихся не только этих держав, но и всей европейской политики в целом. Еще с 1839 г., после попытки России вторгнуться в глубь Средней Азии, Англия начала проявлять озабоченность по поводу своих рубежей в Индии и зорко следить за движением русских войск. Несмотря на неудачный поход в Хиву оренбургского губернатора В. А. Перовского в 1839 г. [1], англичане усилили свои наблюдения за русскими, понимая, что подобная неудача не могла остановить Россию в ее стремлении укрепиться в Средней Азии.

Ранее, в 1838 г., английские войска вторглись в Афганистан, и на первом этапе (1838–1840 гг.) англичанам сопутствовал успех. Удалось захватить значительную часть Афганистана и превратить ее в плацдарм для развертывания подрывной деятельности против России в Средней Азии [2]. Британские офицеры Бэрслем и Стэрт вели в эти годы съемки перевалов Гиндукуша и разведали важнейшие пути в долину Аму-Дарьи [3]. Однако

планы немедленного захвата Средней Азии британскими войсками были сорваны действиями ополченцев в ханствах Южного Туркестана, которые осенью 1840 г. разбили в Парванском ущелье бригаду английского генерала Сэля. В самом Афганистане развертывалось широкое партизанское движение против захватчиков, ослаблявшее силы англичан [4].

Не добившись успеха в попытках военного вторжения в Среднюю Азию через Афганистан, правящие круги Англии еще более активизировали подрывную деятельность в среднеазиатских ханствах. О стремлении английского правительства вмешиваться в среднеазиатские дела свидетельствует письмо министра иностранных дел Англии виконта Пальмерстона послу в Петербурге маркизу Кланрикарду от 3 февраля 1840 года. Ссылаясь на донесение маркиза Кланрикарда, в котором цитируется заявление русского правительства о том, что экспедиция В. А. Перовского в Хивинское ханство имеет задачей установление спокойствия в Хиве, Пальмерстон писал, что эти действия угрожают Англии, ибо России «облегчается дорога в Индию» [5]. Мнение Пальмерстона было сформировано на основании донесений английских агентов. Заметим, что еще в 1838 г. министр иностранных дел России граф Нессельроде снабдил русского посла в Лондоне графа Поццо-ди-Борго инструкциями, согласно которым посол должен быть предельно откровенным в общении с англичанами по этому вопросу [6].

Под предлогом «освобождения» нескольких русских пленных в Бухарский эмират прибыл член английского посольства в Иране – полковник Чарльз Стоддарт. В действительности Ч. Стоддарту поручалось заключение кабального договора с Бухарой о совместных действиях против России [7]. Одновременно со Ч. Стоддартом летом 1839 г. в Хиву был командирован капитан Джеймс Аббот. Его главной задачей было втянуть Хиву в орбиту английской политики. Переговоры затянулись, к тому же Дж. Аббот почувствовал недоверие со стороны хана, пригрозил вторжением английских войск. Все это заставило Дж. Аббота покинуть Хиву. Стремясь заодно изучить русскую пограничную полосу, Дж. Аббот был задержан русскими властями недалеко от Ново-Александровского укрепления, на Мангышлакском полуострове. Коменданту крепости подполковнику Лихошерстову Дж. Аббот представил документы за подписью посла Англии в Иране Д. Тодда, в которых значилось, что он послан по поручению английского правительства в Хивинское ханство. В конце мая 1840 г. Дж. Аббот был доставлен в Оренбург, а отсюда в Петербург. Русские власти отказались признавать дипломатические полномочия и вскоре выслали его в Лондон [8].

Английская экспансия в Средней Азии вызывала опасения у русских властей. Оренбургский губернатор В. А. Перовский в ноябре 1839 г. сообщал графу Нессельроде о намерениях англичан занять Хиву и Бухару, захватив тем самым судоходство по Аму-Дарье. В это время, узнав о неудаче

Дж. Аббота в Хиве, Д. Тодт направляет туда другого своего подчиненного – капитана Ричмонда Шекспира. 12 июля 1840 г. Р. Шекспир прибыл в Хиву, где пробыл два месяца. Ему надлежало добиться установления дружественных отношений между Англией и среднеазиатскими ханствами, а затем под прикрытием посредника проникнуть в важнейший политический и военный центр России на границе Средняя Азия – Оренбург. Р. Шекспиру удалось, потратив только за июль 938 рупий, сколотить проанглийскую группировку «влиятельных людей». В Хиве Р. Шекспир изучал хивинско-русские отношения. Это помогло ему в конце августа 1840 г., когда Хива под нажимом России выслала русских пленных. Выдав себя за освободителя, Р. Шекспир пересек границу и в сентябре 1840 г. прибыл в Оренбург. Однако в Оренбурге его ждала неудача. Р. Шекспир, в отличие от Дж. Аббота, представился посредником между Россией и Хивой, но российское правительство также не признало его дипломатических полномочий и выслало в Англию через Петербург [9].

Однако прогноз В. А. Перовского не оправдался. Английские происки были негативно встречены в Бухаре, заинтересованной в развитии торговли с Россией. Бухарский эмир схватил английских агентов Ч. Стоддарта и А. Конолли [10] и, стремясь найти поддержку со стороны России, отправил в Оренбург своего представителя Мухаммед-джана. После неудачного похода В. А. Перовского такое решение эмира позволило России вновь активизировать дипломатическую деятельность. В 1841 г. в Хиву был послан представитель генерального штаба капитан Никифоров, а в Бухару отправился горный инженер-майор Бутенев. Капитан Никифоров, который отправился из Оренбурга 11 мая, пробыл в Хиве до сентября. Ему удалось договориться с ханом по поводу торговли; в Хиве оставался русский торговый агент – поручик Аитов, а в Астрахань и в Оренбург посылались ханские посланники. Однако в октябре поручику Аитову было объявлено о том, что его присутствие нежелательно, и он был вынужден покинуть Хиву. К. Ф. Бутенев, достигший Бухары, не смог договориться с эмиром Насруллой по поводу понижения таможенных пошлин. По поводу английских агентов было заявлено, что оба (Ч. Стоддарт и А. Конолли) будут отпущены, когда на письмо эмира ответит королева Англии, которая, по его заявлению, желает дружбы с Бухарой [11]. Однако изменение обстановки, в частности, полный разгром английской армии в Афганистане, позволили Бухаре пресечь интриги Англии. В июле 1842 г. Ч. Стоддарт и А. Конолли, обвиненные в шпионаже, были публично казнены на одной из площадей Бухары. В 1842 в Хиву был отправлен полковник Данилевский, который должен был убедить хана освободить персидских пленников, о чем персидский шах просил российское правительство. Кроме того, полковник Данилевский должен был добиться согласия принять в Хиве российского

консула. Успешно начатые переговоры были прекращены из-за смерти хана Алла Кула и окончены при его преемнике Рахим Кули. Хан согласился отпустить только родственника мешедского правителя, Могамед Вали Хана. Те же договоренности, которые обсудил полковник Данилевский, были нарушены во время покровительства Хивы мятежника Кенисары Касимова и восставших под руководством Исета (1856–1858) [12].

В 1843 г., после унижительного поражения в Афганистане, англичане захватили Синд. Затем они провели две небольшие, но кровопролитные войны против пенджабских сикхов, после смерти Ранжит Сингха все более выходивших из повиновения, и в 1849 г. окончательно присоединили эту большую и ценную территорию к ранее покоренным районам. Эти перемены дали Британской Индии нового соседа в лице Дост Мохаммеда, которого вновь посадили на трон в Афганистане [13]. Ему не забывали дружески напоминать о необходимости поддерживать хорошие отношения с теми, кто предоставлял ему защиту. В это время Россия неоднократно искала повод для восстановления дипломатических отношений со среднеазиатскими ханствами. России удалось ослабить влияние хивинцев на территорию казахских жузов, принявших российское подданство, построив в 1847 г. Раимское укрепление. В конце 1840-х гг. усилились набеги кокандцев. Когда в 1851 г. оренбургский губернатор В. А. Обручев предоставил правительству по этому поводу записку, то он вместе с занятием Ак-Мечети предлагал занять и Хиву, но эта мысль не была одобрена. Однако сменивший В. А. Обручева В. А. Перовский действовал решительнее, но осторожнее, помня уроки неудачного Хивинского похода. Собрал 3-тысячный отряд с 25 пушками, В. А. Перовский весной 1853 г. двинулся к низовью Сыр-Дарьи и далее к крепости Ак-Мечеть [14]. Взяв крепость 28 июля 1853 г., русские переименовали ее в форт Перовский. Результатом похода было перенесение пограничной линии на правый берег Сыр-Дарьи и к Аральскому морю и переименование в Сыр-Дарьинскую линию. Такими были позиции правительств России и Англии в Средней Азии до 1853 г., когда началась Крымская война – первая большая война после 40-летнего мирного периода.

Отголоски Крымской войны очень скоро ощутила и Средняя Азия. В Англии видели возможность в ходе войны накрепко связать русских в Крыму и Кавказе и, таким образом, уменьшить потенциальную угрозу Индии. Однако память об афганской трагедии породила острое нежелание англичан вмешиваться в дела мусульманских государств Азии, даже по их собственному приглашению. Эта осторожная доктрина «умелого бездействия» стала очевидным контрастом предшествующей агрессивной «наступательной политике», которая привела в Афганистане к столь плачевным результатам. Изменение политики было связано и с Сипайским восстанием, начавшимся в 10 мая 1857 г. в городе Мират. Подавление мятежа к весне

1858 г. имело далеко идущие для Индии последствия, оказавшие громадное влияние на судьбы более чем 250 миллионов людей. В целом кошмарный опыт мятежа только усилил тревогу англичан по поводу российского вмешательства в индийские дела. Тем не менее «внутренний враг» был сокрушен, и оставшаяся часть столетия Индия оставалась относительно спокойной. Но за пределами индийских границ ситуация была более разнообразной. Нанеся поражение русским в Крыму, англичане надеялись не просто удержать их от проникновения на Ближний Восток, но и остановить их экспансию в Центральной Азии. Но реальный эффект оказался прямо противоположным [15].

В июле 1857 г. в Россию прибыл хивинский посол Фазиль Ходжа, а в августе в Орск приехал бухарский посол Мулладжан Ашурбаев. Они заявили, что цель их посольства заключалась в выражении печали по поводу кончины Государя Императора Николая Павловича и поздравления Государя Александра Николаевича с благополучным восшествием на престол. Вместе с тем хивинский посол говорил о проведении границы между хивинскими владениями и Россией, а бухарский посол сообщил о стремлении эмира видеть в Бухаре русского посла. Но прежде чем эти два посла успели достичь Петербурга, российским правительством было решено отправить посольство в Среднюю Азию [16].

Таким образом, как бы в ответ на хивинское и бухарское посольства 1857 г. летом следующего 1858 г. в Хиву была отправлена миссия под начальством флигель-адъютанта полковника Игнатьева [17] с поручением проехать оттуда в Бухару и попытаться выяснить, насколько глубоко проникли в этот регион англичане, и подорвать влияние, которое те могли приобрести в Хиве и Бухаре. Н. П. Игнатьеву были даны инструкции попытаться установить и с Хивой, и с Бухарой регулярные коммерческие связи и обеспечить режим благоприятствования и гарантии безопасности для российских купцов и их товаров. Еще даны были указания собрать как можно больше военных, политических и прочих сведений, включая оценку военных возможностей ханств. И наконец, предписывалось выяснить все, что удастся, относительно возможностей судоходства по Аму-Дарье, а также относительно маршрутов, ведущих в Афганистан, Персию и Северную Индию. Миссия выступила из Оренбурга 15 мая и прибыла в Хиву 16 июля. Находясь еще в пути в Среднюю Азию, сам Н. П. Игнатьев не рассчитывал на успех миссии [18]. Одной из причин, о которой говорил Н. П. Игнатьев, было наличие более 100 человек в посольстве, где большинство было казаков. К тому же для прикрытия посольства и обследования реки Аму-Дарьи из Аральского моря приплыли два парохода под командой А. И. Бутакова.

Н. П. Игнатьева оказался прав: переговоры с Хивой шли долго и безрезультатно, хан сначала разрешил пароходам проход по Аму-Дарье, но когда

корабли достигли Кунграда, хан потребовал удалиться пароходам. Решение этого вопроса наложило отпечаток на решение вопроса с торговлей. Убедившись в бесплодности пребывания в ханстве, Н. П. Игнатъев 28 августа выступил в Бухару [19]. В Бухаре, где через шестнадцать лет после казни А. Конолли и Ч. Стоддарта все еще твердо восседал на троне жестокий и деспотичный эмир Насрулла, Н. П. Игнатъеву вряд ли можно было рассчитывать на успех. Однако в то время Бухара вела очередную войну со старым противником – ханом соседнего Коканда, и эмир Насрулла стремился не делать ничего, что могло бы подтолкнуть русских на поддержку его противника. Он пообещал освободить всех русских, находившихся в Бухаре в рабстве, и активно поощрять торговлю между двумя странами. Эмир даже предложил поделить с царем часть районов Хивинского ханства, если тамошний хан будет упорно препятствовать российскому судоходству по Аральскому морю и Аму-Дарье. Наконец, он обещал не принимать каких-либо эмиссаров от англичан [20].

Посольство Н. П. Игнатъева обогатило сведения об устье Аму-Дарьи и юго-восточном берегу Аральского моря, произвело обширную съемку и собрало топографические и политические сведения о крае. Главнейший результат посылки Н. П. Игнатъева в Среднюю Азию заключался в том, что русское правительство узнало, наконец, цену дипломатических отношений со среднеазиатскими ханствами, где договоры, заключенные одним ханом, не считались для другого хана обязательными. Опасения резкой реакции Британии на продвижение России Н. П. Игнатъев отметал полностью. Он указывал, что после целой серии дорогостоящих войн с Афганистаном, Россией, Персией и Китаем – не говоря уже о кровавом восстании в Индии – Британия выказывает несомненные признаки перехода к пассивной политике и явно не стремится впутываться в дальнейшие конфликты. Россия кардинально изменила свои отношения со среднеазиатскими ханствами от подписания договоров, которые в глазах ханов не имели ни малейшего значения, до применения оружия, для того, чтобы требования России соблюдались.

Таким образом, борьба России и Англии за Среднюю Азию имела специфические черты, отличавшие ее от соперничества этих стран в других регионах. Несколько необычны были движущие силы обеих держав в середине XIX века. Россия ставила перед собой ограниченную задачу – достижение таких стратегических и политических позиций в Средней Азии, которые позволяли постоянно угрожать владениям Англии в Индии и тем самым заставить Англию не противодействовать русской политике на Балканах. Несколько иной характер носило наступление Англии в этом регионе. Бурное развитие промышленности и фритредерского движения придавало английской политико-экономической системе агрессив-

ный характер; это усилило экспансивные устремления Англии. К тому же российско-английские противоречия в Средней Азии развивались в период все большего обострения англо-германских противоречий, которые с середины XIX в. стали определяющими в отношениях этих держав. Именно поэтому российско-английское соперничество в Средней Азии не только не вызвало вооруженный конфликт, но, более того, не помешало постепенному сближению обеих держав, что привело в 1907 г. к заключению соглашения, согласно которому разделялись сферы влияния в Средней Азии.

Примечания

1. Халфин Н. А. Британская экспансия в Средней Азии в 30–40-х годах XIX в. и миссия Ричмонда Шекспира // История СССР. 1958. №2. С. 106.
2. Айзенштат М. П. Фритредеры и колониальные войны Великобритании в конце 30-х – начале 40-х годов XIX века. / Проблемы британской истории, 1987. М., 1987. – С. 178.
3. Халфин Н. А. Британская экспансия в Средней Азии в 30–40-х годах XIX в. и миссия Ричмонда Шекспира // История СССР. 1958. №2. С. 106.
4. Хопкирк П. Большая Игра против России: Азиатский синдром. М., 2004. С. 132.
5. Халфин Н. А. Политика России в Средней Азии (1857–1868). М., 1960. С. 68.
6. Нессельроде – Поццо-ди-Борго, 20. X 1838. Цит. по: Мартенс Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. XII (трактаты с Англией 1832–1895 гг.). СПб., 1898. С. 74.
7. Тагеев Б. Л. Памирские походы. 1892–1895 гг. Варшава, 1902. С. 8.
8. Халфин, Н. А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.). М., 1974. С. 243.
9. Халфин Н. А. Британская экспансия в Средней Азии в 30–40-х годах XIX в. и миссия Ричмонда Шекспира // История СССР. 1958. №2. С. 111–112.
10. Капитан Артур Конолли был на хорошем счету у английского посольства в Кабуле. Он имел представление о среднеазиатском регионе и прекрасно владел русским языком. В начале 1840 г. А. Конолли отправился в поездку по среднеазиатским ханствам. Он посетил Хиву и Коканд, а затем безнадежно застрял в Бухаре, когда завел речь об обмене Стоддарта. См.: Халфин Н. А. Британская экспансия в Средней Азии в 30–40-х годах XIX в. и миссия Ричмонда Шекспира // История СССР. 1958. №2. С. 110.
11. Жуковский С. В. Сношение России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Петроград, 1915. С. 124.
12. Жуковский С. В. Указ. соч. С. 126.
13. Парфенов И. Д. О причинах, движущих силах и характере колониальной экспансии Англии в последней трети XIX века // Проблемы британской истории. 1982. С. 98.
14. История Оренбургская. Часть 1. Оренбург, 2008. С. 155.
15. Шпаро О. Б. Захват Кипра Англией. М., 1974. С. 168.

16. Иванов П.П. Очерки по истории Средней Азии (XVI–XIX в.). М., 1958. С. 178.
17. Халфин, Н.А. Политика России в Средней Азии (1857–1868). М., 1960. С. 90.
18. Игнатъев, Н.П. Миссия в Хиву и Бухару в 1858 г. флигель-адъютанта полковника Н. Игнатъева. СПб., 1897. С. 57–58.
19. Киняпина, Н.С. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России (вторая половина XVIII – 80е годы XIX в.). М., 1984. С. 265.
20. Жуковский С.В. Указ. соч. С. 154–155.

О.Н. Гаврилова,
г. Оренбург

СОВЕТСКО-КУБИНСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В УСЛОВИЯХ ГОНКИ ВООРУЖЕНИЙ

Зло войны и благо мира до такой степени известны людям, что, с тех пор как мы знаем людей, самым лучшим пожеланием было приветствие «Мир вам».

Лев Николаевич Толстой

Начало гонки вооружений было связано с атомным оружием. Как известно, в 1945 г. США оказались единственной ядерной державой в мире. В ходе войны с Японией они взорвали атомные бомбы над японскими городами Хиросимой и Нагасаки [1]. Это служило своего рода показателем того, что США сильнее СССР и способны на многое в военном отношении. Сразу же после Второй мировой войны основную концепцию стран Запада составляли положения о советской военной угрозе, о наступлении коммунизма, а отсюда задача: увеличение военной мощи Запада. Соответственно, СССР тоже начали работу над созданием ядерного оружия. Началась «холодная война» [2], которая могла перерасти в «горячую».

Началом холодной войны принято считать речь Уинстона Черчилля [3], произнесенную 5 марта 1946 г. в Вестминстерском колледже города Фултон (штат Миссури, США) о железном занавесе [4]. В СССР были изданы постановление Совета Министров СССР от 13 мая 1946 г. и приказ министра Вооруженных Сил от 24 мая 1946 г., в соответствии с которыми был создан целый комплекс научно-исследовательских, проектно-конструкторских, производственных предприятий и организаций [5]. Для руководства работами по ядерному оружию был создан Государственный комитет №1, позднее реорганизованный в Первое Главное Управление при Совете

министров СССР (ПГУ), по ракетной тематике был создан Комитет №2 (ВГУ – Второе Главное Управление) [6]. И началась кропотливая работа над созданием вооружения лучше, чем у США. В гонке вооружений принимали участие не только СССР и США. От взаимоотношений с каждой из этих стран зависела политика каждого государства мира. После Второй мировой войны мир оказался разделенным на сферы влияния между СССР и США, он стал биполярным [7]. Непосредственное участие в гонке вооружений приняла Куба. Очень интересна зависимость смены ее внешнеполитических ориентиров от перемен в политическом устройстве страны. В ходе Второй мировой войны между государствами СССР и Кубой 17 октября 1942 г. установились дипломатические отношения для борьбы с общими врагами [8]. И в дальнейшем отношения развивались довольно благополучно до 1946 г. После начала холодной войны стоявшая в тот период у власти партия «аутентиков» [9] поддержала курс, направленный на сколачивание военно-политического блока латиноамериканских стран под предлогом борьбы с «коммунистической угрозой» и «защиты западного полушария» [10]. В 1947 г. прекратила свою деятельность в Москве кубинская миссия [11]. Но торговые связи еще продолжались. В 1946–1958 гг. СССР импортировал в общей сложности 1 млн кубинского сахара [12]. Отношения полностью испортились после переворота, совершенного при поддержке США 10 марта 1952 г. Ф. Батистой [13]. Уже в апреле этого же года дипломатические отношения между Кубой и СССР расторгнуты ввиду того, что дипломатическим курьерам Советского Союза был запрещен въезд на территорию Кубы [14]. Отношения между СССР и Кубой прервались до 1959 г., лишь ограничиваясь отдельными закупками на Кубе сахара, контактами в области культуры и общественных связей. А гонка вооружений тем временем продолжалась. Первый ядерный эксперимент в СССР был проведен в 1949 г. на Семипалатинском полигоне [15]. В начале 1950-х гг. после испытаний ядерного оружия, проведенных армией США в ходе войсковых учений, политическое руководство бывшего СССР приняло решение провести подобные войсковые учения с реальным применением оружия на территории страны, с 1951 по 1956 гг. На тот момент США провели восемь войсковых учений с реальным применением атомной бомбы [16]. В 1954 г. было окончательно принято решение о проведении войсковых учений с реальным применением ядерного оружия на Тоцком полигоне, расположенном на западе Оренбургской области [17]. Руководство учениями было поручено маршалу Г.К. Жукову [18]. Начальником штаба был назначен генерал армии И.Е. Петров (заместитель главнокомандующих войск Вооруженных сил СССР), его заместителем – генерал-лейтенант И.С. Глебов (начальник управления оперативной подготовки Генштаба Министерства обороны СССР) [19]. В сентябре 1954 г. в Оренбургской об-

ласти на Тоцком полигоне была взорвана атомная бомба. Это был единственный случай в истории СССР, когда ядерное устройство использовалось в ходе общевоинских учений. Мощность атомного взрыва составила 40 кт, абсолютная высота взрыва – 350 м. В учениях принимало участие 45 тыс. человек [20]. На учения специально были приглашены все министры обороны и представители военно-политического руководства союзных и дружественных СССР стран [21]. Развитие ядерного вооружения шло полным ходом.

Между тем, на Кубе назревали революционные преобразования. Победа революции в январе 1959 г. определила новый внешнеполитический курс страны и коренным образом изменила роль Кубы в международных отношениях. Важнейшим направлением внешнеполитической деятельности Революционного правительства Республики Куба явилось установление и развитие всесторонних связей с социалистическими странами.

Сразу же после победы кубинской революции – 11 января 1959 г. – Правительство СССР заявило о признании Революционного правительства Кубы, а 8 мая 1960 г. Советский Союз и Республика Куба восстановили дипломатические отношения [22]. США на эти события отреагировали отрицательно: американские компании прекратили поставки нефти на Кубу и сократили закупки кубинского сахара. Но собственная добыча кубинской нефти обеспечивала лишь 2–3% потребностей страны, остальная нефть и нефтепродукты импортировались [23].

Летом 1960 г. были национализированы нефтеперерабатывающая промышленность, сахарные заводы и другие американские предприятия на Кубе. В ответ США установили экономическую блокаду Кубы: прервали торговлю с ней, приняли закон (сентябрь 1960 г.) о лишении американской помощи любого государства, оказывающего военную или экономическую помощь Кубе, прекратили туристические поездки американцев на остров [24]. В январе 1961 г. США разорвали дипломатические отношения с Кубой. В этой критической ситуации СССР и другие социалистические страны закупили кубинский сахар и обеспечили ее нефтью и другими необходимыми товарами. Осенью 1960 г. кубинское правительство национализировало местную крупную и среднюю промышленность, торговлю, банки и транспорт [25].

США добились исключения Кубы из Организации американских государств (ОАГ) и заставили все латиноамериканские государства (кроме Мексики) разорвать отношения с Кубой [26]. Началась подготовка вооруженного вторжения на остров при помощи контрреволюционеров, бравших с Кубы. Президент Д. Эйзенхауэр [27] в марте 1960 г. отдал секретное распоряжение о помощи кубинским эмигрантам для подготовки их к военным действиям против Кубы, ЦРУ разработало план вторжения [28].

Ранним утром 17 апреля 1961 г. произошла высадка с американских кораблей кубинских контрреволюционеров на Плайя-Хирон, американские военные самолеты нарушили воздушное пространство Кубы. Однако кубинские вооруженные силы за 72 часа разгромили этот десант, было взято в плен 1200 чел [29]. Несмотря на провал интервенции, напряженность сохранялась. 18 апреля 1961 г. советское правительство опубликовало заявление, в котором решительно осуждалось вмешательство США во внутренние дела Кубы [30]. Кубинское правительство усилило меры по обеспечению безопасности страны. Также Кубу в июле этого же года посетил наш космонавт Юрий Гагарин [31]. Он был награжден орденом «Плайя-Хирон №1» [32].

Летом 1962 г. в соответствии с договоренностью об оказании военной помощи между главами правительств СССР направил на Кубу необходимую военную технику, военных специалистов и вооружение, включая стратегические ядерные ракеты среднего радиуса действия. Эти ракеты были смонтированы на кубинской территории в обстановке строгой секретности. Американская космическая спутниковая разведсистема обнаружила их 16 октября 1962 г. Белому дому стало известно о нахождении на Кубе советских ракет, в радиус действия которых входил ряд крупных городов США [33].

В этих условиях президент Дж. Кеннеди [34] проводит спешное совещание и требует немедленно убрать советские ракеты с Кубы, а 22 октября объявляет военно-морскую блокаду Кубы. К ее берегам подошли корабли американских ВМС, на борту которых находились 85 тыс. солдат морской пехоты США [35]. В небо были подняты самолеты стратегической авиации ВВС США, экипированные ядерными бомбами. Эта блокада должна была обеспечить «карантин» на поставки вооружения на Кубу путем задержания и досмотра судов других стран. Куба и СССР отказались признать подобный «карантин». Назревала опасность прямой военной конфронтации СССР и США, человечество оказалось на грани мировой термоядерной войны.

Так начался Карибский кризис. США привели в повышенную боевую готовность все вооруженные силы. Аналогичные мероприятия провели СССР и страны Варшавского Договора. Ф. Кастро отдал приказ всем вооруженным силам Кубы занять свои позиции по боевой тревоге. Куба была приведена в состояние полной боевой готовности, превратившись в высокоорганизованный и четко управляемый военный лагерь. «Пока здесь останется хоть одно ружье, хоть один мужчина или женщина, до тех пор мы будем сражаться против них, если они нападут на нас» [36], – говорил Ф. Кастро [37].

Ввиду непосредственной и реальной угрозы миру Председатель Совета Министров СССР Н.С. Хрущев [38] и президент США Дж. Кеннеди начали переговоры. К поискам мирного компромисса подключилась ООН и ее Генеральный секретарь У Тан [39], прилетавший на Кубу для переговоров с Ф. Кастро и советским послом. Президент США Кеннеди, несмотря на

сильное давление сторонников силового подхода, все же занял реалистическую позицию, и к концу октября американская и советская стороны договорились о мирном окончании кризиса. СССР соглашался вывести свои ракеты с Кубы при условии, что США обязуются уважать неприкосновенность Кубы и не осуществлять против нее актов агрессии. 20 ноября 1962 г. президент Кеннеди объявил о снятии военной блокады Кубы [40].

После этого случая отношения между СССР и Кубой несколько охладились, так как решение вывести ракеты с Кубы было принято Хрущевым единолично без всяких консультаций с Кастро. Тем не менее, 27 апреля 1963 г. в Москву прибыл Фидель Кастро Рус [41]. Государственный визит Кастро, продолжавшийся 40 дней, состоялся после некоторого охлаждения советско-кубинских отношений, порожденного недовольством Фиделя поведением Никиты Хрущева в период Карибского кризиса. Кубинский лидер посетил разные регионы СССР, ему были продемонстрированы новейшие образцы советского вооружения. 29 мая 1963 г. было подписано Соглашение о помощи в деле повышения технической оснащенности Революционных вооруженных сил и усиления обороноспособности Кубы [42].

Советский Союз брал на себя обязательство безвозмездно поставить Кубе необходимое вооружение с условием не передавать его третьим странам и не применять зенитные ракеты против У-2, а также оставить на острове символический контингент своих войск – мотострелковую бригаду численностью 3 тыс. человек. Причем в Соглашении предусматривалось, что возможные боевые действия будут осуществляться под кубинским командованием, которое будет координировать свои действия с советской стороной [43].

Годами позже, 15 сентября 1967 г. было подписано Соглашение о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях [44]. Успешное развитие экономики Кубы, расширение участия в интеграционном процессе социалистических стран привели Кубу к вступлению в 1972 г. в Совет Экономической Взаимопомощи [45].

Гонка вооружений в это время не прекращалась. И все соглашения, договоры были заключены в условиях соревнования в превосходстве одного блока над другим. Стоило одной из сторон создать какое-либо принципиально новое оружие, как ее противница бросала все силы и ресурсы, чтобы добиться того же. Соревновались везде: в создании новейших систем стрелкового оружия (на советский АКМ США отвечали М-16), в новых конструкциях танков, самолетов, кораблей и подводных лодок, но, пожалуй, самым драматическим было соревнование в создании ракетной техники. Весь мирный космос в те времена был полем боя. США обогнали СССР по количеству ядерных вооружений. СССР обогнал США в ракетостроении. СССР первым в мире запустил спутник, а в 1961 г. первым отправил в космос человека. В итоге – высадка американцев на Луну.

Положительным событием в этот момент было то, что стороны достигли стратегического паритета [46]. Однако гонку вооружений это не оставило. Наоборот, она распространилась на все отрасли, имеющие хоть какое-то отношение к вооружениям. Сюда можно, например, отнести гонку по созданию суперкомпьютеров. Здесь Запад взял безусловный реванш за отставание в области ракетостроения, поскольку по чисто идеологическим причинам СССР прозевал рывок в этой области, приравняв кибернетику заодно с генетикой к неперспективным областям.

Гонка вооружений была впоследствии добровольно приостановлена обеими сторонами. Был заключен ряд договоров, ограничивающих накопление вооружений. Таких, как Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой (05.08.1963 г.); Договор о нераспространении ядерного оружия (05.03.1970 г.); Соглашения по ОСВ-1 (1972 г.), Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического и токсичного оружия и об их уничтожении (1972 г.) и многих других [47].

В 1984 г. во время проходившей в Гаване XXXIX сессии СЭВ были подписаны важные соглашения об экономическом развитии Кубы и среди них долгосрочная программа сотрудничества до 2000 г. между Кубой и СССР [48].

4 апреля 1989 г. во время визита М. С. Горбачева на Кубу был подписан Договор о дружбе и сотрудничестве между двумя странами сроком на 25 лет. «Его действие, – говорилось в статье 13, – будет автоматически продлеваться на пятилетние периоды, если ни одна из Высоких Договаривающихся Сторон не заявит о своем желании денонсировать его...» [49]. В результате экономических, социальных и политических противоречий произошел распад Советского Союза (26.12.1991 г.), который подвел черту в дружественных отношениях Кубы с СССР. Наступил новый этап, теперь уже российско-кубинских отношений. В целом, советско-кубинские отношения развивались довольно динамично. Огромную роль играло то, что оба государства выбрали социалистический путь развития. Их объединяла общая идеология и цели. Поэтому сотрудничество велось практически по всем отраслям: экономика, общественные связи, культура, вооружение и пр. Когда же идеологической базы не стало, то и сотрудничество в сфере вооружения прекратилось.

Примечания

1. История дипломатии: Дипломатия в годы Второй мировой войны. Т 4. М., 1975. – С. 732.

2. Холодная война – глобальная геополитическая, экономическая и идеологическая конфронтация между Советским Союзом и его союзниками, с одной стороны, и США и их союзниками – с другой, длившаяся с середины 1940-х до начала 1990-

х годов. Выражение «холодная война» впервые употребил 16 апреля 1947 г. Бернард Барух, советник президента США Гарри Трумэна, в речи перед палатой представителей штата Южная Каролина. Внутренняя логика противостояния требовала от сторон участия в конфликтах и вмешательства в развитие событий в любой части мира. Усилия США и СССР направлялись, прежде всего, на доминирование в политической сфере. С самого начала противостояния развернулся процесс милитаризации двух сверхдержав. США и СССР создали свои сферы влияния, закрепив их военно-политическими блоками – НАТО и ОВД. Хотя Соединенные Штаты и СССР никогда не вступали в прямое военное противостояние, их соперничество за влияние часто приводило к вспышкам локальных вооруженных конфликтов по всему миру.

Холодная война сопровождалась гонкой обычных и ядерных вооружений, то и дело угрожавшей привести к третьей мировой войне. Наиболее известным из таких случаев, когда мир оказывался на грани катастрофы, стал Карибский кризис 1962 г. В связи с этим в 1970-е годы обеими сторонами были предприняты усилия по «разрядке» международной напряженности и ограничению вооружений.

Объявленный Михаилом Горбачевым в 1985 г. курс на перестройку и гласность привел к утрате руководящей роли КПСС. В конечном итоге СССР, обремененный экономическим кризисом, а также социальными и межнациональными проблемами, распался в 1991 году. В Восточной Европе коммунистические правительства, лишившись советской поддержки, были смещены еще раньше, в 1989–1990 годах. Варшавский договор официально прекратил свое действие 1 июля 1991 г., что можно считать окончанием холодной войны.

3. Эрнст Уинстон Леонард Спенсер-Черчилль (1874–1965 гг.) – британский государственный и политический деятель, премьер-министр Великобритании в 1940–1945 гг. и 1951–1955 гг.; военный, журналист, писатель, почетный член Британской академии (1952 г.), лауреат Нобелевской премии по литературе (1953 г.).

4. Грешилов А. А., Егупов Н. Д., Матущенко А. М. Ядерный щит. М., 2008. С. 12.

5. Холловэй Д. Сталин и бомба: Советский Союз и атомная энергия. 1939–1956. Новосибирск. С. 180.

6. Лапаев, П.В., Лапаева, М. Г. Тоцкий атомный взрыв (как это было). Оренбург, 2006. С. 5.

7. Биполярный мир – термин политической науки, обозначающий двухполюсную структуру мировых политических сил. Термин отражает реальное противостояние в мире. После 2-й мировой войны лидирующее место среди западных стран заняли США, среди коммунистических – СССР. Обе страны обладали статусом великих держав, были победителями в войне, выступали центрами экспансии своих идеологий и обладали ядерным оружием. Поэтому в период холодной войны прежнее более «рыхлое» биполярное противостояние капитализма и социализма перешло в более жесткое силовое противостояние США – СССР.

8. Александров А. Советско-кубинские отношения в 20–40-е годы // Российско-кубинские и советско-кубинские связи XVIII–XX веков. М., 1975. С. 143.

9. «Аутентиками» называли представителей Кубинской революционной партии. Она была создана в апреле 1892 г. и была призвана сплотить все патриотические силы страны и возглавить борьбу народа против испанских захватчиков.

Создателем и идеологом партии был Хосе Марти – выдающийся мыслитель и революционер.

10. Гриневиц Э. А. Куба: путь к победе революции. М., 1975. С. 51.

11. Советско-кубинские отношения 1917–1977 гг. / ред. А.Д. Бекаревич. М., 1980. С. 70.

12. Бекаревич А.Д., Кухарев Н.М. Советский Союз и Куба: экономическое сотрудничество. М., 1973. С. 173.

13. Фульхенсио Батиста-и-Сальдивар (1901–1973 гг.) – кубинский правитель: фактический военный лидер в 1933–1940 гг., президент в 1940–1944 и 1954–1959 гг., временный президент в 1952–1954 гг. Организатор государственных переворотов 1933 и 1952 гг. Был свергнут в ходе Кубинской революции 1 января 1959 года.

14. Советско-кубинские отношения 1917–1977 гг. / ред. А.Д. Бекаревич. М., 1980. С. 73.

15. Грешилов А.А., Егупов Н.Д., Матущенко А.М. Ядерный щит. М., 2008. С. 235–239.

16. Отдаленные эколого-генетические последствия радиационных инцидентов: Тоцкий ядерный взрыв (Оренбургская область, 1954 г.) / А.Г. Васильев, В.М. Боев, Э.А. Гилева и др. Екатеринбург, 2000. С. 7.

17. Лапаев П.В., Лапаева М. Г. Тоцкий атомный взрыв (как это было). Оренбург, 2006. С. 33.

18. Георгий Константинович Жуков (1896–1974 гг.) — выдающийся советский военачальник, Маршал Советского Союза (1943 г.), министр обороны СССР (1955 – 1957 гг.). Четырежды Герой Советского Союза, кавалер двух орденов «Победа», множества других советских и иностранных орденов и медалей. В ходе Великой Отечественной войны последовательно занимал должности начальника Генерального штаба, командующего фронтом, члена Ставки Верховного Главнокомандования, заместителя Верховного Главнокомандующего. В послевоенное время занимал пост Главкома сухопутных войск, командовал Одесским, затем Уральским военными округами. После смерти И.В. Сталина стал первым заместителем министра обороны СССР, а с 1955 по 1957 гг. – министром обороны СССР. В 1957 г. исключен из состава ЦК партии, снят со всех постов в армии и в 1958 г. отправлен в отставку.

19. Ради отечества. Тоцкий атомный взрыв / А.В. Лапаев, П.А. Мазин, М.Г. Лапаева. Оренбург. С. 17.

20. Русанов А.М., Боев В.М., Копылов Ю.Н. Ликвидация последствий Тоцкого ядерного взрыва. История и проблемы // Медико-экологические аспекты последствий Тоцкого ядерного взрыва: тезисы докладов 1-ой научно-практической конференции. Оренбург. С. 54.

21. Эколого-генетический анализ отдаленных последствий Тоцкого ядерного взрыва в Оренбургской области в 1954 г. (факты, модели, гипотезы) / А.Г. Васильев, В.М. Боев, Э.А. Гилева и др. Екатеринбург, 1997. С. 8.

22. СССР – Куба. Альманах. М., 1990. С. 184–188.

23. Очерки истории Кубы / ред. И.М. Лавров, И.Р. Григулевич. М., 1978. С. 443.

24. Ларин Е.А. Куба: революция и первый опыт социализма в Латинской Америке // История Латинской Америки. Вторая половина XX века. М., 2004. С. 128.

25. Новейшая история. 1939–1975: курс лекций / под ред. В.В. Александрова. М., 1977. С. 251.

26. Полякова Л. А. Международные отношения на рубеже XXI века: Куба. ОАГ США. М., 2001. С. 12.

27. Дуайт Дэвид Эйзенхауэр (1890–1969 гг.) – американский государственный и военный деятель, генерал армии (1944 г.), 34-й президент США (20 января 1953–20 января 1961).

28. Гриневич Э.А., Гвоздарев Б.И. Куба в мировой политике. М., 1984. С. 355–362.

29. Некочеа Э.Р. США и Латинская Америка (1930–1965 гг.). М., 1967. С. 161.

30. Летопись внешней политики СССР, 1917–1978 / ред. А.А. Ахтамазян. М., 1978. С. 137.

31. Юрий Алексеевич Гагарин (1934–1968 гг.) – летчик-космонавт СССР, первый человек в мире, совершивший полет в космическое пространство.

32. СССР–Куба: альманах. М., 1990. С. 342–347.

33. Лавренов С. Я. Советский Союз в локальных войнах и конфликтах. М., 2003. С. 539–576.

34. Джон Фицджеральд Кеннеди (1917–1963 гг.) – 35-й президент США с 20 января 1961 по 22 ноября 1963.

35. Громько А. А. Карибский кризис // Вопросы истории. 1971. №7–8.

36. Кастро Ф. Речи и выступления (1961–1963 гг.). М., 1963. С. 611–621.

37. Фидель Алехандро Кастро Рус (род. 1926 г.) – кубинский революционный, государственный, политический и партийный деятель, команданте, председатель Госсовета Кубы с 1976 по 2008 год.

38. Никита Сергеевич Хрущев (1894–1971 гг.) – Первый секретарь ЦК КПСС с 1953 по 1964 гг., Председатель Совета Министров СССР с 1958 по 1964 гг.

39. У Тан (Мьянма (Бирма)) – третий Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций (1961–1971 гг.).

40. История внешней политики СССР. Ч. 2. 1945–1970 гг. М., 1971. С. 368–369.

41. Гриневич Э.А., Гвоздарев Б. И. Куба в мировой политике. М., 1984. С. 107.

42. Летопись внешней политики СССР, 1917–1978. / ред. А.А. Ахтамазян. М., 1978. С. 159.

43. Бекаревич А. Д., Кухарев Н. М. Советский Союз и Куба: экономическое сотрудничество. М., 1973. С. 195–196.

44. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами: Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 1 января 1967 г. и 31 декабря 1968 года. Вып. 25. М., 1972. С. 225.

45. Бекаревич А. Д. Создание материально-технической базы социализма на Кубе и сотрудничество со странами-членами СЭВ // Советский Союз и Куба. 15 лет братского сотрудничества. М., 1973. С. 172.

46. Стратегический паритет – состояние международных отношений, обеспечивающее равную вероятность победы в случае вооруженного конфликта для потенциально конфликтных сторон, война между которыми неизбежно вызывает су-

щественные последствия для третьих стран. Понятие также охватывает ситуацию, при которой сторона, обладающая преимуществом, гарантированно несет в случае конфликта неприемлемые потери.

47. См.: История дипломатии. Т 5. Кн. 2 / ред. В.Н. Белецкий. М., 1979.

48. Перес-Гальдос В., Сокорро П. Братья навеки. К 25-летию восстановления дипломатических отношений между СССР и Кубой. М., 1985. С. 70–71.

49. СССР–Куба: альманах. М., 1990. С. 525.

*С.С. Кругляницо,
г. Оренбург*

МОЙ ДЕД – ВОЕННЫЙ ЛЕТЧИК ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ КРУГЛЯНИЦО

Мой дедушка, белорус Федор Федорович Кругляницо, родился 25 августа (7 сентября) 1914 г. в г. Иркутске. Его отец Федор Федорович Казаков был русским дворянином, в годы Первой мировой войны служил офицером – поручиком царской армии, воевал на фронте и стал Георгиевским кавалером. После революции 1917 г. присоединился к белой армии генерала А.И. Деникина, командовал бронепоездом и пропал без вести. Мать деда Наталья Георгиевна Кругляницо – белоруска из бедной крестьянской семьи – работала прислугой в семье отца и родила ему сына вне брака.

До 1930 г. Федор Федорович Кругляницо проживал с матерью в г. Быхове Могилевской области Белорусской ССР, где в 1929 г. окончил семилетку. С 1930 по 1932 гг. он учился на железнодорожных фабрично-заводских курсах в г. Могилеве. Затем был послан на курсы шоферов автодрезин в г. Жлобине БССР. Завершив обучение, с февраля по октябрь 1933 г. работал в железнодорожном депо ст. Могилев слесарем, инструктором техпропаганды и техником депо. В октябре 1933 г. добровольно ушел в армию. С декабря 1933 г. по ноябрь 1936 г. обучался в Объединенной белорусской военной школе им. ЦИК БССР в г. Минске, служил старшиной в роте ст. лейтенанта В.Ф. Маргелова (1908–1990) – впоследствии основателя и первого командующего воздушно-десантными войсками, генерала армии. В ноябре 1936 г. Ф.Ф. Кругляницо окончил школу в звании лейтенанта и был назначен командиром полуроты в 193-й стрелковый полк г. Тюмени УрВО. До декабря 1937 г. служил там на должностях помощника начальника штаба батальона, а затем полка. В декабре 1937 г. был откомандирован в 3-ю военную школу летчиков им. К.Е. Ворошилова в г. Чкалов (Оренбург). Окончил ее уже в статусе военного авиационного училища в ноябре 1938 г., получил специальность летчика-наблюдателя и был назначен на эту должность в 4-й легкомбардировочный авиаполк Харьковского ВО, где про-

служил до мая 1941 г. на должностях летнаба, штурмана звена. В феврале 1940 г. полк был временно переброшен из-под г. Лебедина Сумской области Украинской ССР на аэродром Касимово Ленинградской области и принял участие в советско-финской войне, штурме «линии Маннергейма» в составе Северо-Западного фронта. За мужество, героизм и высокое штурманское мастерство, проявленные в боях, летчик Ф. Ф. Кругляницю одним из первых был награжден орденом Красной Звезды. В мае 1941 г. он был переведен на должность начальника связи авиаэскадрильи в 135-й Харьковской ближнебомбардировочный авиаполк, но фактически работал преподавателем бомбометания на окружных курсах командиров звеньев и эскадрилий. 21 июня 1941 г. назначен на должность помощника штурмана в 135-м ББАП. С начала Великой Отечественной войны Ф. Ф. Кругляницю воевал в составе Западного и Юго-западного фронтов. Его 135-й авиаполк с 28 июня 1941 г. действовал с аэродрома Новозыбков Брянской области. С конца июня до начала ноября 1941 г. дедушка совершил 36 боевых вылетов, участвовал в восьми воздушных боях и сбил двух вражеских истребителя.

Так, в районе г. Могилева, производя разведку одиночным самолетом, он был атакован тремя истребителями Мессершмитт-109, в бою метким огнем лично сбил один самолет противника, а остальные уклонились от боя. Его машина была порублена пулями, но он благополучно вернулся на свой аэродром, доставив очень ценные разведывательные сведения.

19 июля 1941 г. Ф. Ф. Кругляницю повел девять самолетов в район населенных пунктов Рославль и Шумячи Смоленской области. Произвел точное бомбометание по крупной вражеской колонне и обстрелял ее пулеметным огнем. В результате было уничтожено свыше 50 танков и большое количество живой силы противника, что подтверждено наземными войсками и экипажами.

22 июля им с группой самолетов была проведена бомбардировка другой танковой колонны противника и уничтожено 15 танков. В августе 1941 г. на реке Сож, в районе Черикова Могилевской области группой в составе 11 самолетов он разбил переправу противника. В районе города Пропойска (ныне Славгорода) той же области группой из 14 самолетов бомбардировал передний край фронта противника и нанес врагу большой урон в живой силе, за что получил благодарность от командования 21-й армии.

В середине августа группой из шести самолетов дедушка разбомбил немецкий мотомеханизированный полк в районе населенного пункта Паричи Гомельской области Белоруссии, за что получил благодарность уже от командования фронта [1].

В октябре 1941 г. Ф. Ф. Кругляницю был назначен штурманом в 52-й бомбардировочный авиаполк 76-й авиадивизии. 4 ноября «за боевые дела, отвагу, мужество, героизм и разумное применение своих знаний в бою

с немецко-фашистскими извергами» он был представлен к высшей правительственной награде – ордену Ленина, и это в первые месяцы войны, когда на фоне тяжелейших поражений и отступления командование не особо жаловало военных поощрениями. Поэтому и дедушка приказом войскам Юго-западного фронта от 6 ноября 1941 г. №047 был награжден орденом Красного Знамени [2].

Вскоре, 9 ноября 1941 г., в воздушном бою Ф. Ф. Кругляницю был тяжело ранен и отправлен в г. Саратов, в 360-й военный госпиталь, где находился на лечении до 15 марта 1942 г. В апреле того же года он был назначен оперативным дежурным по службе перелетов ЮжУрВО и работал на должностях начальника отделения перелетов, старшего отдела перелетов ЮжУрВО.

7 июля 1951 г. дедушка получил назначение на должность начальника отделения подготовки военнослужащих иностранных армий во 2-м Чкаловском военно-авиационном училище (г. Оренбург).

Всего он был награжден пятью орденами (двумя орденами Красной звезды, двумя орденами Боевого Красного знамени и орденом Отечественной войны I-й степени), а также 16 медалями, в том числе «За боевые заслуги», «За оборону Киева» и «За победу над Германией». Дедушка прожил замечательную героическую жизнь, вышел в отставку в звании полковника и умер в Оренбурге в 2000 году.

Примечания

1. Кругляницю Федор Федорович // Подвиг народа [Электронный ресурс]. URL: <http://podvignaroda.mil.ru/> (дата обращения: 25.04.2012); Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). Ф. 33. Оп. 682524. Ед. хр. 444. Л. 295–296.

2. Там же. Л. 186.

*А. Кирьямасова, А. Кусмухамбетова, А. Языкбаева,
г. Оренбург*

«МЕДАЛЬ ЗА БОЙ, МЕДАЛЬ ЗА ТРУД ИЗ ОДНОГО МЕТАЛЛА ЛЬЮТ...»

Великая Отечественная война явилась суровым испытанием для нашей страны, для нашего народа. Оренбуржье, ставшее глубоким тылом, уже осенью 1941 г. приняло первые составы с эвакуированными предприятиями, беженцами с территорий, захваченных врагом. С первых дней войны на фронт добровольно ушли десятки тысяч наших земляков. В нашем крае формировались или переформировывались 15 дивизий, готовились летные полки и другие воинские соединения. Но не меньший вклад в Великую

Победу внесли простые граждане разных возрастов, которые не могли быть призваны в действующую армию.

Накануне самого большого праздника нашего государства – Дня Победы – мы с гордостью обращаемся к героическим страницам нашей истории. Дедушки и бабушки теперешних студентов были детьми в годы войны, однако им тоже пришлось испытать все тяготы военного времени: пережить потери близких, трудиться на производствах и на полях, испытывать голод... Давайте вспомним те суровые годы, которые запечатлелись в памяти старшего поколения, сохранились в архивах и музеях.

Родной город Языкбаевой Айгуль – Медногорск – война тоже не обошла стороной. В воскресный полдень 22 июня 1941 г. – обычный день – еще ничего не предвещало беды. Весть о войне разнеслась стремительно, но поверить в это было трудно. Людей позвали на митинг в клуб горняков Ракитянки. Они замерли, слушая четкие, словно отлитые из металла, слова диктора Юрия Левитана из заявления Правительства: «Наше дело правое! Враг будет разбит. Победа будет за нами!» В клубе не хватало места, и митинг продолжили на площади возле него. Единным порывом защитить страну были наполнены выступления людей, слышались такие лозунги, как «Давать стране столько руды, сколько она потребует», «Готов пойти в ряды нашей доблестной Красной Армии, чтобы проучить немецких захватчиков, посягнувших на священные рубежи нашей Родины. К этому готовы сотни блявинских горняков». И вот уже на следующий день пришли первые повестки о мобилизации. Утром 23 июня 1941 г. медногорцы призывных возрастов с наспех сшитыми вещмешками-«сидорками» спешили к городскому военкомату. Матери со слезами провожали своих сыновей, ясно осознавая, что видят их, возможно, последний раз. Подготовка к войне шла быстро. В городе был оперативно создан штаб противовоздушной обороны, сформированы боевая дружина для уничтожения парашютных десантов и диверсионных групп противника и полк народного ополчения.

Время шло, проходило лето, наступала осень. В октябре 1941 г. на подъездных путях Медногорского медно-серного завода выгружаются первые эшелоны с оборудованием Тульского оружейного завода. Старейшее оружейное предприятие, основанное еще при Петре I в 1712 г., обосновалось в поселке Никитино (ныне микрорайон Машиностроителей). Так часть медно-серного завода стала корпусом нового промышленного предприятия. Население Медногорска за счет эвакуированных выросло на 15 тыс. человек. 19 ноября 1941 г. специально для Тульского оружейного завода организовали ремесленное училище №7 с неслышанным для области контингентом учащихся – 1200 человек (эвакуированные из Тулы, Ленинграда, Мариуполя, Одессы, Полтавы, Смоленска, Ворошиловграда, Острогжска).

В страшном сорок первом на Урале
Из детей рабочих набирали.
Бросив деревянные наганы,
Делали снаряды мальчуганы...
Только вот не вышли ростом внуки –
До станков не доставали руки.
Может, по звонку Верховной Ставки
У станков им ставили подставки.
Как на деревянном пьедестале,
Дети на подставках вырастали...

Эти строки Евгения Евтушенко и о них, медногорских мальчишках и девчонках, которые в трудный для Родины час встали в рабочий строй, делали для фронта винтовки и пушки, своими, еще детскими, руками приближали великий час Победы. Среди них – Василий Шнуров, Алеша Абрамов, Дуся Горлова, Маша Ильина, Валентин Козлов, Вася Ефанов, Миша Бабий, Саша Николаев, Коля Гальяминский, Саша Уразаев, Толя Васильев, Саша Кашицын и другие. В декабре 1941 г. завод стал давать фронту пехотные и снайперские самозарядные автоматические винтовки Токарева (СВТ-40). В 1942 г. было налажено поточное производство скорострельных, крупнокалиберных 20-миллиметровых крыльевых и моторных пушек – ШВАК (конструкторы-оружейники Б.Г. Шпитальный и С.В. Владимиров), руководитель производства – К.Н. Руднев (5 августа 1943 г. был назначен директором завода). Персонал завода насчитывал 10887 человек, цехов было создано 32, отделов – 11. Из соображений секретности в открытой печати завод называли так: «Завод, где секретарем парторганизации тов. Леонов». Телеграфный адрес у завода был знаменательный: «Медногорск – Победа». За 1943 год было выпущено 213 886 винтовок и 3 950 пушек, а в 1944 году – 12 тысяч пушек. Трижды ему присуждалось переходящее Красное Знамя Государственного Комитета Обороны и в знак признания особых заслуг медногорцев за самоотверженный труд по снабжению фронта оружием передано заводу на вечное хранение. Медногорская швейная фабрика давала фронту за один квартал 60 тысяч гимнастеров, 45 тысяч шаровар, 40 тысяч пилоток.

Самоотверженный труд медногорцев отмечен высокими наградами: в 1944 г. вручен орден Ленина слесарю В. С. Кудряшову и директору завода К. Н. Рудневу, который в 1942 г. был удостоен ордена Трудового Красного Знамени. Медалями «За оборону Москвы» награждены 98 рабочих и специалистов предприятий города, «За оборону Сталинграда» – 12 медногорцев, «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.» – 3 824 человека, «За трудовую доблесть» и «За трудовое отличие» – более 100 человек.

На фронтах Великой Отечественной защищали Отчизну более 9 тысяч медногорцев. Так, в составе 211-й стрелковой дивизии воевали сотни жителей города. За мужество и отвагу звание Героя Советского Союза присвоено Алексею Владимировичу Вильдиманову, Николаю Герасимовичу Ежову, Николаю Васильевичу Бедренко, Ивану Михайловичу Назарову, Ивану Тимофеевичу Устинову. Орденом Славы трех степеней удостоен Иван Гаврилович Мамыкин. У войны не женское лицо, но ... архивные документы хранят списки девушек-добровольцев, из 153 ушедших воевать против многих фамилий скорбная запись «убита». 21 августа 1941 г. в действующую армию ушли выпускницы школы №1, они стали радистками, прошли через всю войну: Зина Мешалкина, Аня Стародубова, Галя Жданова, Зоя Колдышкина, Надя Вражнова, Надя Шевченко. В апреле 1942 на фронт отправился эшелон со 140 девушками-добровольцами во главе с комсомольским секретарем Верой Слонь (Бердниковой).

На женские плечи легла работа в госпиталях, расположенных в первой школе и в клубе горняков. Несмотря на трудности и сложности, город жил, не забывая о культуре. Медногорцам повезло: артисты эвакуированного из города Сумы театра имени Щепкина выступали в госпиталях и перед горожанами, участвовали в субботниках, сдавали деньги на строительство танков. Память о войне – это нелегкая память: она живет в каждом доме, хранится в сердцах ветеранов, входит в мир юных, в ней много боли и скорби, утрат и лишений. В память о погибших в годы Великой Отечественной войны воздвигнут мемориал в городском парке «Воинам-медногорцам посвящается». Благодарные потомки свято чтят память о тех, кто отдал жизнь за свободу Родины. Сюда идут взрослые и дети, идут убежденные сединой ветераны, чтобы еще и еще раз поклониться героям, возложить цветы к подножью мемориала. Жаль, что с каждым днем все меньше ветеранов и тружеников войны, все меньше этих великих людей, в чьих глазах еще не пропали страх и боль войны и смерти. А мы, последнее поколение видящих их, просто обязаны им поклониться...

И по восторженной земле,
Блестя наградами, шагают ветераны:
Фронтавики. Герои. Совесть наших дней.
Их, шагающих по медногорской земле,
За пять лет стало вдвое меньше.
Так пусть они станут совестью потомков наших дней,
От кого зависят их последние шаги,
Чтобы каждый из нас, как когда-то они, мог сказать:
Нас не учили, как под танк бросаться,
И вражью амбразуру грудью как закрыть,
И на врага живым тараном мчаться...
Но нас учили РОДИНУ любить.
Ничто не забыто – никто не забыт.

Отложившиеся в памяти людей образы событий, их закрепление и осмысление или, наоборот, вытеснение, подавление представляют для современной историографии все больший интерес. Устные источники, безусловно, субъективны, с одной стороны, с другой же – они дают возможность приблизиться к истории, помочь в осмыслении нашего общего прошлого, духовной культуре общества.

Воспоминания о войне сохранились в семье Кирякмасовой Александры. Ее бабушка Смелянец Надежда Алексеевна, в девичестве Пелих, родилась 25 августа 1925 г. в поселке Воробьевка Сорочинского района, во время войны жила там же. В августе 2012 г. ей исполнится 87 лет. Она – ветеран труда, имеет награду «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны». Бабушка вспоминает:

«Когда война началась, 22 июня 1941 г., я училась в 10-м классе. Приемников не было, поэтому мы не знали, что война идет. В Сорочинске, в районном центре, был радиоузел. Поставлена «сообщающая тарелка», так мы ее называли. Как поедem в Сорочинск, орет, особенно на базаре. На каждом углу слышно.

Как-то раз собрали трех девчонок и парня, чтобы делать заправку на реке, для того чтобы деревни на разных берегах реки общались между собой. На бричке возили землю. Парень, кто возил землю, приехал к нам и сказал: «Девочки, война началась!» С тех пор в поселке началась паника, тревога, непонимание происходящего поселились в Воробьевке. Но мы в колхозе, школьники, работали каждое лето. Гриша Колесников работал на жнейке, отбрасывал снопы вилами, работал много, тяжело, перетрутился, ел мало и плохо, заболел, умер в ночь, быстро. Потом признали у него заворот кишок.

Школьники все время работали на полях. Учебный год начинался только в январе, когда были закончены все полевые работы. Тракторов в колхозе не было. Были комбайны, которые стояли в одном месте, а мы на бричках подвозили снопы на быках. Лошадей было мало. Шел обмолот зерновых культур. Мы подвозили снопы, подавали их. Кто-то отвозил зерно на тока. Мы работали до Нового Года. Когда начиналась уборочная страда, мы, старшие ученики, работали на току: сушили хлеб, перекидывали лопатами с места на место.

Как кончится учебный год – делили поля. Все ученики принимали участие. Поля под пшеницу зарастали молочаем. Мы его вырывали. У каждого была своя делянка. Из-за молочая часто хлеб горький был.

При станции жило много эвакуированных с мест военных действий, которых оставили для временного житья. Они тоже входили на тока. Жнейки косили хлеб. Мужчина сидел на жнейке и сбрасывал с нее колосья, а женщины следом вязали их в снопы. Потом снопы складывали в большие

кучки крест-накрест. В колхозе не было тракторов, чтобы таскать комбайн. Когда то, что скошено, подсыхало, начинали молотить. Поставят комбайн в одно место. К нему подъезжали на бричках, подвозили снопы. В бричках были запряжены быки. У комбайна стояли рабочие, кидали в него снопы для обмолота. На бричках зерно отвозили на ток. На току сушили лопатами. Раньше не было машин, чтобы лопатить. Потом сухое зерно увозили на элеватор и в колхозные склады. Уборочная продолжалась очень долго, до самого Нового Года. Начиналась, когда хлеб поспеет: в августе, в сентябре. Я подвозила на бричке зерно. Это очень тяжелая работа, пыльная. Крюками оттаскивали переработанную солому... Зимой ухаживали за колхозным скотом. Я ухаживала за телятами, а сестра Варвара – за овечками.

Если бы не сестра, то меня бы забрали учиться в ФЗО, в Орск. Варвара была депутатом сельского совета, она сказала, что меня нельзя отправлять, я главная кормилица в семье.

Новости о ходе военных действий ходили узнавать на ближайшую станцию Гамалеевка. Через нее ехали эвакуированные поляки, евреи и другие, по 15 составов в день! Без конца поезда ходили, день и ночь! Они сообщали новости, мы с ними торговали. Мы им продавали арбузы, помидоры, картошку... Денег у нас в колхозе не давали, а жить надо!

Раньше жуликов не было! Я приходила на поле, собирала подсолнухи, приносила их домой, высыпала. Потом опять ходила на поле. Ночь, темно... Меня ни разу не поймали! Потом все военным продавала. Вот, все копеечка! Маме помогала!» «Так ты же сама, получается, жуликом была», – говорит внучка. Бабушка отвечает: «Я была на тот момент самая старшая в семье, я добывала средства на существование.

Полк поляков стоял в городе Бузулуке. К нам в колхоз Куйбышев поляков распределяли на жительство в каждый дом. У нас жили четыре человека. С мамой договорились, чтобы она всем готовила кушать и хлеб пекла. Продукты привозили они. Работали в колхозе на уборочной. Я еще училась в школе, когда поступил приказ им уезжать. Поляков отправили на вокзал. В 1944-м году в газете прочитали, что набирают на десятимесячные курсы в городе Оренбурге, и мы с подружкой Таней решили поехать учиться. Приехали, нас приняли, сказали, что к сентябрю будут распределять.

Тогда я поступила учиться на курсы учителей на естественно-географический факультет. И еще там был математический. Всего нас училось две группы: математики и географы. Нам сказали: «К 1 сентября будете на рабочих местах». Обещали заработок 300 рублей. Когда война кончилась, мы уже начали сдавать экзамены. Мы учились на Советской улице и на проезде Коммунаров, жили около вокзала железнодорожного, пешком ходили, никакой транспорт тогда не ходил. Нам выдавали хлебные карточки. Когда нам дали направление, оказалось, что

мы от железной дороги будем работать в Шабуркудуке Актюбинской области, в Казахстане.

Доезжаем до Кандагача и пересаживаемся на Гурьевскую железную дорогу. Приехали, нам дали комнату небольшую на втором этаже, совершенно пустую. Я первый раз увидела нефтяные вышки. Постепенно начали обживать. Но угольные карточки раздаются только с нового года, с отоплением было плохо. Воды в домах не было. Стоит между домами будка, и когда идешь за водой, бросай в окошко монетку за ведро воды. Была одна женщина, которая кидала камешки. Ходила за водой Таня, мы с ней вместе жили. В Казахстане был тиф по аулам. По шкурам ползали вши, кое у кого были нары, пол деревянный. Нас заставляли ходить по аулам, у них полы земляные. И русские так жили...»

Бабушка Кусмухамбетовой Айнуры – Зида Кунратбаевна – тоже ветеран труда, имеет награду за труд в период Великой Отечественной войны. Она родилась 2 января 1929 г. в селе Бекмурзино Акбулакского района Оренбургской области. У нее был брат Аркабай и сестра Канзада. Закончила бабушка 4 класса. Трудовую жизнь начала в тылу в 12 лет, работала в поле, на сенокосах. Во время уборки урожая грузила зерно. В конце войны работала на животноводческой ферме. Уже после войны была дояркой в колхозе.

Устные рассказы современников событий выводят на первый план субъективный опыт отдельного человека, через который формируется историческая память. Интерес для исследователей и потомков представляют не только восстанавливаемые в памяти события военного времени, но и мировоззренческое, ретроспективное отношение к тому, что происходило с респондентами в годы войны. Именно рассказы очевидцев о своем опыте в период Великой Отечественной войны создают образы и представления, которые включаются в состав культурной памяти.

Жаль, что с каждым днем все меньше ветеранов и тружеников войны, все меньше этих великих людей, в чьих глазах еще не пропали страх и боль войны и смерти. А мы, последнее поколение видящих их, просто обязаны им поклониться...

*Д.И. Мурзакаева,
г. Оренбург*

ПАМЯТИ МОЕГО ПРАДЕДУШКИ...

*Помните о рощах под Москвой,
О героях Сталинградских битв,
Пусть всегда звучит сердцебиенье
Этих лет у вас, живых.
Чтобы жизни наши продолжались
В каждом деле, в каждом новом дне...
Рашит Нигмати*

В истории есть события, над которыми не властно время. Память о Великой Отечественной войне неизгладима. Многое вмещает она – и радость великой Победы, и горечь потерь, и скорбь о погибших.

За последние почти семь десятилетий, что минули с тех героических неимоверно трудных дней, изданы сотни томов военно-исторической и мемуарной литературы. Однако очень мало книг о ратных подвигах людей в белых халатах, погибших в годы Великой Отечественной войны на своем посту. А ведь именно самозабвенному труду фронтовых медиков, чья работа, по сути, уже подвиг, обязаны жизнью миллионы бойцов и мирных жителей. В тяжелых условиях, нередко жертвуя собой, отказывая себе практически во всем, они выполняли свой гражданский долг. Немало медиков отдали свою жизнь, спасая раненых и мирных граждан, вынося их под огнем с поля боя, закрывая своим телом от пуль и осколков.

Таким был и мой прадед Мурзакаев Ахат Зарипович, уроженец деревни Башкирская Ургинка Зианчуринского района Башкирской АССР. Свою трудовую деятельность прадедушка начал бухгалтером в райсельпо Зианчуринского района. Люди заметили и оценили его организаторские способности, интеллект, отзывчивость, доброту и ту веселую, крепкую, молодую энергию, с которой он брался за любое дело, поэтому и рекомендовали в члены ВКП(б). В эти трудные для страны годы первых пятилеток совершенно естественно было от него, сына простого крестьянина, представителя первого поколения советской интеллигенции, требовать участия в ответственных делах, присутствия на ответственных участках партийной работы.

Как вспоминает бабушка Маркс: «Мой отец был не просто очень добрым, а добрым естественно, непринужденно. Иной человек сделает тебе что-то полезное и ждет ответной любезности, как бы одалживает добротой, да еще без конца напоминает об этом, а отец был по-настоящему доброжела-

тельным... Все лучшее, что есть в моей жизни, я связываю с образом отца. Отец был умным, знал великое множество стихов, исторических фактов, наизусть цитировал философов Древнего Востока, красиво писал и учил нас писать. Он очень хотел, чтобы я был учителем...» К началу войны в семье прадедушки было уже трое детей, последний родился уже после того, как он ушел на фронт – в сентябре 1942 года. Бабушка Венера так говорила о своем отце: «Я не видела никогда своего отца, война отняла его у меня – он погиб за несколько дней до моего первого дня рождения. Я родилась через четыре месяца после того, как он ушел на фронт. Но я всегда представляю его таким, каким знаю по рассказам мамы, бабушки и теток. Бабушка часто рассказывала мне, как учился папа, что ему нравилось, о том, что он мечтал стать учителем. Я знаю, что папа очень любил меня и спрашивал обо мне в каждом письме. Как-то он написал, что у него болят ноги, что он хотел снять сапоги и не смог. Писал, что у него все хорошо, что он только оперирует раненых, и что за него не стоит волноваться...»

По окончании Свердловской партшколы мой прадедушка был переведен в Зианчуринский райком партии на должность заведующего отделом учета. Несмотря на имеющуюся бронь, в июне 1942 г. прадед ушел добровольцем на фронт, был зачислен в 207-й стрелковый полк НКВД СССР по охране особо важных объектов в звании младшего лейтенанта на должности командира санитарного взвода. Выпускник срочных курсов Молотовского (ныне Пермского) медицинского института, он просто не мог сидеть дома, когда Родина была в опасности. Для партии прадедушка был проверенным человеком, проверенным в том высоком смысле человеческой надежности, которую знали и ценили в нем его боевые товарищи, поэтому ему доверяли такие поручения, о которых по сей день не принято говорить. Он был именно тем человеком, которому можно было доверить самое трудное дело, даже связанное со смертельным риском. В составе отдельного подразделения с медотрядом-летучкой мой прадед принимал участие как в боевых действиях на фронте, так и в борьбе с разведывательно-диверсионными группами противника в тылу. В его подчинении находилось около пятидесяти санитаров и младших командиров. Основной задачей передвижного санитарного взвода являлось оказание медицинской помощи непосредственно на поле боя и немедленный вывоз раненых, что позволяло провести хирургическую обработку ран в благоприятные для заживления сроки.

А ведь военный врач на передовой не мог быть только врачом. Он должен был стать и организатором, и командиром, способным четко и профессионально организовать спасение раненых на поле боя, перевоз тяжелораненых в тыл, проводить срочные операции, спасая бойцов и мирных граждан, чтобы они как можно быстрее встали на ноги. Ни один раненый не должен был остаться на поле боя. Это было неписанным законом. Значение того,

что сделали медицинские работники на фронтах Великой Отечественной войны, трудно переоценить, так же как и трудно представить себе истинные масштабы и сложность их работы. По официальным данным, более 72 человек из каждых 100 раненых и 92 из каждых 100 больных были возвращены в боевой строй. Ежедневно в действующую армию из медико-санитарных батальонов и госпиталей выписывалось по выздоровлениям столько раненых и больных, что ими можно было укомплектовать до двух дивизий [1].

Опираясь то под открытым небом, то в приспособленном вагоне санитарного поезда, при свете керосиновой лампы, под оглушительный грохот бомбежек, превозмогая страх и усталость, мой прадедушка тоже спасал жизни защитников Родины.

Об этом поведали нам, потомкам, два чудом сохранившихся его письма с фронта. Меня эти письма взяли за душу, прежде всего, тем, что прадед писал непосредственно по горячим следам событий, свидетелем которых он был. Сутками опираясь под вражеским огнем, ежеминутно рискуя жизнью, без сна и отдыха, он сохранил в себе душевную теплоту, сострадание и любовь к окружающим. Нельзя не подивиться, с какой любовью и заботой он интересовался о своих детях, давая практические советы прабабушке Ольге Ивановне, как лечить и чем кормить. «Дети! – говорилось в одном из писем с фронта. – Вот сижу в санитарном поезде, а вы у меня в сердце. Где бы я ни был: на операции ли, внутри самоходки, ем ли, сплю, а вот все время у себя на шее чувствую ваши маленькие ручки, как в тот последний день. Пишите письма обо всем: как вы живете, как учитесь, как ваше здоровье... Желаю вам добра и счастья во всем. Дерзайте и мечтайте, но не отрывайтесь от земли...» Хотя прадед в своих письмах и сдержан в выражении собственных чувств, но его любовь к людям сквозит в каждой строчке. С 20 апреля 1943 г. мой прадедушка в составе 76-й Ельнинской стрелковой дивизии принимал участие в ожесточенных боях Смоленской операции.

Ставка советского Верховного Главнокомандования потребовала от Западного фронта разгромить левое крыло немецкой группы армий «Центр» и не допустить переброски ее сил на юго-западное направление, а также освободить Смоленскую область с ее крупнейшими городами. Первоначально была поставлена задача – «закопаться в землю», то есть устоять в обороне, чтобы затем перейти в наступление.

Готовились к решающей битве и немцы. Скинуть части советской армии с плацдармов на Десне им не удалось, и поэтому они тщательнейшим образом укрепляли эшелонированную, в десятки рубежей, оборону на пути к Смоленску. К середине августа 1943 г. немцы сосредоточили в районе г. Ельни Смоленской области 25 дивизий, в том числе по пять бронетанковых и моторизованных групп, 4 и 9 армии «Центр».

По замыслу советского командования, Смоленская операция включала 4 объединенные общим замыслом фронтовые операции:

Спас-Деменскую (7–20 августа 1943 г.);

Ельнинско-Дорогобужскую (28 августа – 6 сентября 1943 г.);

Духовщинско-Демидовскую (14 сентября – 2 октября 1943 г.);

Смоленско-Рославльскую (15 сентября – 2 октября 1943 г.).

Главная роль в советском наступлении отводилась войскам Западного фронта, которым предстояло уничтожить противника в районах Ельни и Спас-Деменска, а затем наступать на Рославль, нанося удар во фланг вражеской группировки, развернутой против Брянского фронта. Войска правого крыла Западного фронта совместно с армиями левого крыла Калининского фронта получили задачу разгромить противника в районах Дорогобужа, Ярцево, Духовщины и в дальнейшем овладеть Смоленском (план «Суворов I»). В случае успешного наступления Брянского фронта предусматривался поворот главных сил Западного фронта на Смоленск (план «Суворов II»). Прорыв обороны противника намечалось осуществить на четырех участках в полосе Западного и на одном – в полосе Калининского фронтов.

Начав 7 августа наступление, войска Западного фронта 20 августа завершили Спас-Деменскую операцию, в ходе которой разгромили группировку противника в районе Спас-Деменска, продвинулись в глубину на 30–40 км, а затем были остановлены на промежуточном оборонительном рубеже. Но войска Калининского фронта, перешедшие в наступление 13 августа на духовщинском направлении, смогли лишь незначительно вклиниться в оборону противника. В создавшейся обстановке Ставка Верховного Главнокомандования временно приостановила наступление, чтобы перегруппировать силы, доукомплектовав войска 10-й, 21-й, 33-й армий людьми и техникой, с целью подготовки нового удара.

С 28 августа 1943 г. войска Западного фронта под командованием генерала армии В. Д. Соколовского приступили к осуществлению Ельнинско-Дорогобужской операции. В ходе ожесточенных боев 30 августа советские войска овладели Ельней, 1 сентября освободили Дорогобуж, продвинувшись на 30 км. И тогда советское командование решило с ходу продолжить наступление на Смоленск, и это несмотря на то, что бои велись на полосе фронта в 150 км [2].

Но ни Ставка, ни Генштаб не представляли себе реального положения дел на Смоленском направлении. В итоге немцы отошли на заранее подготовленные, сильно укрепленные позиции западнее Ельни, по рекам Устром и Десна. Фашистами здесь были построены мощные противотанковые заграждения, усиленные долговременными огневыми точками. Берега рек были густо заминированы. Плотная сеть укрытий, щелей и глубоких

ходов-сообщений свидетельствовала о том, что гитлеровцы не намеревались отдавать Смоленск обратно. К тому же, из резерва фашисты перебросили сюда 330-ю пехотную дивизию и 1-ю моторизованную бригаду СС, которые заняли заранее подготовленные позиции. Наконец, противник, стремясь взять реванш, предпринимал неоднократные яростные контратаки, в которых, помимо бесконечных артобстрелов и поддержки авиации, участвовало по 100 танков и самоходок, а также пехота, посаженная на бронетранспортеры. Поэтому в начале сентября 1943 г. советские войска, которые пытались с ходу овладеть Смоленском, натолкнулись на мощное сопротивление, понесли большие потери и приостановили наступление. Именно в этих боях 2 сентября 1943 г. погиб и мой прадедушка. Он был похоронен в братской могиле восточнее деревни Большое Тишово Ельнинского (ныне Глинковского) района Смоленской области. Это село находится как раз на реке Устром, по которой проходила линия немецкой обороны. Моей прабабушке Мурзакаевой Ольге Ивановне было послано извещение о гибели ее мужа [3].

Мой прадед погиб на своем боевом посту. И разве это не подвиг? А ведь ему было всего 32 года. К сожалению, он так и не узнал, что советские войска выстояли и успешно завершили Смоленскую наступательную операцию, освободив еще один регион нашей Родины, за который прадедушка отдал свою жизнь.

После перегруппировки части Калининского и Западного фронтов возобновили наступление, осуществив, соответственно, Духовщинско-Демидовскую и Смоленско-Рославльскую операции. 16 сентября 1943 г. было освобождено Ярцево, 21 сентября – Демидов, 25 сентября – Смоленск и Рославль. Продвинувшись на 135–145 км, советские войска ко 2 октября 1943 г. вышли на рубеж западнее Велижа, Рудни и реки Проня, где перешли к обороне. В результате всей Смоленской операции советские войска продвинулись на запад на 200–250 км в полосе шириной 400 км, очистили от немецких оккупантов часть Калининской (ныне Тверской) области и всю Смоленскую область, положили начало освобождению Белоруссии. Семь дивизий противника были разгромлены, 14 потерпели тяжелое поражение. Фашисты были вынуждены перебросить с орловско-брянского и других направлений в район Смоленска 16 дивизий. Всего Калининский и Западный фронты сковали около 55 вражеских дивизий, что способствовало успешному завершению контрнаступления советских войск в Курской битве. К сожалению, у нас, потомков, нет фотографий участника этих событий Ахата Зариповича Мурзакаева, нет орденов и медалей, не успел получить он их при жизни. И когда я только начинала писать о прадедушке, знала лишь, что в июне 1942 г. он ушел добровольцем на фронт, а погиб, находясь в санитарном поезде. Ни номера его дивизии, ни боевого пути мне не

было известно. Но в процессе работы над статьей рассказы родственников, фронтовые письма, исторические документы и публикации позволили восстановить живой образ моего прадедушки, сохранить память о нем.

Память о Великой Отечественной войне – это не только исторический факт прошлого. Она неразрывно связана с настоящим и, тем более, даст о себе знать в будущем. У исторических событий есть одна особенность: как бы они ни были точны, вчерашний день все-таки видится нам в свете дня сегодняшнего.

Да, война жестока. Но именно жестокость войны сплотила всех людей России, научила понимать ценность человеческой жизни, ценность доброты, желания помогать друг другу. Сегодня, когда все так сетуют на то, что в людях стало меньше доброты и сострадания, необходимо чаще вспоминать фронтовых медиков. Сколько в них было самоотверженности, как достойно они себя вели, как свято они понимали свой долг!

Советские медики проявили в годы Великой Отечественной войны исключительно высокие моральные качества, мужество, героизм, профессиональное мастерство и верность долгу, снискавшие им глубокое уважение, любовь и признательность. Любовь к Родине, к своим близким, чувство личной ответственности за их благополучие, вера в будущее всегда были тем животворным родником, который питал их силу воли, возвышая над чувством страха.

Память о Великой Отечественной войне должна стать суровым предостережением в настоящем и уроком на будущее!

Примечания

1. Быков И. Ю., Гайдар Б. В. Вклад советской медицины в достижение Победы в Великой Отечественной войне // Военно-медицинский журнал. 2005. №5. С. 4–14.
2. Истомин В. П. Смоленская наступательная операция (1943 г.). М., Воениздат, 1975. 214 с.
3. Именной список безвозвратных потерь офицерского состава частей 76-й Ельнинской стрелковой дивизии за период с 28.08 по 04.09.1943 г. // Подвиг народа. URL: <http://podvignaroda.mil.ru/> (дата обращения: 23.03.2012); Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО). Ф. 33. Оп. 11458. Ед. хр. 126. Л. 55–55 об.

Е. П. Красников,
г. Оренбург

ВОЙНА В ЖИЗНИ МОЕЙ СЕМЬИ...

*Помни войну! Пусть далека она в тумане.
Годы идут, командиры уходят в запас...
Помни войну! Это, право же, вовсе не странно:
Помнить все то, что когда-то касалось всех нас...*

Война! Какое это страшное слово. Она приносит простым людям смерть, кровь, слезы, голод, холод и разруху. Так было в Великую Отечественную войну, которая велась за освобождение нашей Родины от немецко-фашистских захватчиков. Эта война не обошла ни одну семью, в том числе и нашу.

Из воспоминаний родного брата моего дедушки, Орищенко Ильи Гавриловича:

«21 июня 1941 г. я получил аттестат зрелости, а 22 июня фашисты вероломно напали на нашу Родину. 25 июня в возрасте семнадцати с половиной лет я уже ехал учиться от военкомата в Горьковское артиллерийское училище, где пробыл до конца октября 1941 года. В связи с возможностью окружения и захвата фашистами Москвы, из курсантов училища формируют 319-й ЗенАП (зенитно-артиллерийский полк) и перебрасывают для воздушной обороны Москвы в район Подольска.

Меня назначили командиром взвода и присвоили звание младшего лейтенанта. Шли ожесточенные бои за столицу нашей Родины.

Когда немцы разбили под Москвой и отбросили от нее на 150–200 км, наш полк перебросили под Харьков в начале 1942 г., где немцы прорвали нашу оборону, захватили Харьков, и наши войска начали отступать к Сталинграду. Я был ранен в правое плечо, но не бросил командование и отступал вместе с взводом в составе полка, постоянно отстреливаясь от врага, прикрывая нашу отступающую пехоту. Из 36 орудий полка дошли до Сталинграда только 7, из них 2 орудия были моими. Всех лошадей гитлеровцы перебили и, поэтому более 200 км взвод тянул 57-миллиметровые пушки на себе, сохранив знамя полка.

Полк наполнился орудиями и личным составом и был выдвинут под Воронеж, чтобы фашисты не обошли с юга и не прорвались на Москву, в то же время, отвлекая часть фашистских войск от Сталинграда. В начале 1943 г. советские войска Донского и Воронежского фронтов окружили в районе Сталинграда и пленили более 330 тысяч фашистов. После чего наш полк участвовал в освобождении Харькова, Западной Украины, Валуйки-Ростошанской операции».

10 декабря 1943 г. командир взвода управления 319-го зенитно-артиллерийского полка, лейтенант И.Г. Орищенко был представлен командованием к награде за то, что: «В боях по расширению плацдарма на правом берегу р. Днепр в районе Ротичи – Затонск с 10.10.43 г. по 11.10.43 г. показал образцы смелости и отваги, наводя связь между подразделениями под артиллерийским минометным огнем, бомбежкой с воздуха, обеспечив ее бесперебойную работу на протяжении боя. В боях в районе города Житомир неоднократно смело производил разведку противника и элементов боевого порядка полка. Правильно организовал службу и разведки на КП и обеспечение бесперебойной связью подразделений».

Приказом командующего артиллерией 1-го Гвардейского кавалерийского корпуса 1-го Украинского фронта от 8 марта 1944 г. №02 лейтенант И.Г. Орищенко был награжден медалью «За отвагу» [1].

Дедушка вспоминает: «В августе 1944 года наш полк перешел Дорогобужский перевал в составе 2-го Украинского фронта, прорываясь на помощь восставшей Праге, но мы были прижаты и окружены к горам превосходящими танковыми соединениями врага.

У нас кончилось продовольствие... Мы поели всех лошадей, даже ремни. Были на исходе и боеприпасы. Из-за пасмурной погоды невозможно было при помощи авиации перебросить продовольствие. Мы, голодные и обессиленные солдаты, окруженные тысячами фашистов, перешли на горный подножный корм. Я был ранен осколком в левую ногу, но и на этот раз не оставил поле боя, так как командовал батареей.

Почти месяц мы находились в обороне, пока подошедшие наши войска не разбили немцев и не прорвали кольцо. Снова более месяца шло пополнение полка, а затем осенью-зимой 1945 г. – освобождение юго-восточной и южной Польши в составе 2-го Украинского фронта (Краков, Бреслау, Легница) и выход в Германию в 200 км от Берлина».

Приказом 1-му Гвардейскому кавалерийскому корпусу от 22 мая 1945 г. №011/н командир батареи 319-го зенитно-артиллерийского полка, старший лейтенант И.Г. Орищенко был награжден орденом Отечественной войны I степени за то, что «в боевых операциях с немецко-фашистскими захватчиками, особенно с Сандомирского плацдарма и до р. Эльба, показал себя храбрым, инициативным офицером, умеющим в условиях боя и обстановки управлять своим подразделением и принимать правильные решения. Его батарея с момента форсирования р. Одер и до р. Эльба сбила 4 самолета противника. Умело руководя батареей в любой обстановке, надежно прикрывает наши наступающие кавалерийские части» [2].

По воспоминаниям дедушки, его полк в составе частей «2-го Украинского фронта был повернут на юг, на Чехословакию, чтобы немецко-фашистская группировка не могла прорваться на помощь в Берлин.

Весной 1945 г. я освобождал Чехословакию, а затем Венгрию, где и встретил день Победы. Наш 319-й ЗенАП был расформирован в Уфе в 1946 году».

После окончания войны Илья Гаврилович Орищенко с отличием закончил физмат Оренбургского пединститута. Работал в 30-й школе учителем физики и завучем. В 1953 г. его вновь призывают в ряды Вооруженных сил СССР (в связи с арестом и расстрелом Берии), и он становится преподавателем электротехники, радиотехники, комбатом Оренбургского высшего командного ракетно-артиллерийского училища.

Орищенко Илья Гаврилович в 1976 г. закончил военную службу в чине полковника. Долгое время он вел кружок в Оренбургском Дворце пионеров.

Мой дедушка был награжден медалью «За отвагу», двумя орденами «Отечественной войны» I степени, орденом Мужества, медалями «За победу над Германией», «За освобождение Чехословакии», медалью Жукова и многими другими.

Я очень горжусь героическим прошлым дедушки Илюши. Память о героях войны надолго останется в сердцах русских людей. Слава героям тех времен!

Примечания

1. Орищенко Илья Гаврилович // Подвиг народа [Электронный ресурс]. URL: <http://podvignaroda.mil.ru/> (дата обращения: 26.04.2012); Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). Ф. 33. Оп. 690155. Ед. хр. 2068 Л. 22, 192.

2. Орищенко Илья Гаврилович // Подвиг народа [Электронный ресурс]. URL: <http://podvignaroda.mil.ru/> (дата обращения: 26.04.2012); ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Ед. хр. 197. Л. 2, 20.

*В.В. Андреев,
г. Оренбург*

БОЛЯТ У СТАРОГО СОЛДАТА РАНЫ... (воспоминания о Семене Игнатьевиче Андрееве)

*Ах, война, война!
Болезнь нам ею не переболеть,
вспоминать ее не перевоспоминать!
(В. Астафьев)*

Болят у старого солдата раны, нанесенные не только пулей, но и не заживающие раны сердца. Прадедушки уже нет, но я часто представляю его живым. Знаю, что он не раз говорил своим друзьям: «Мы в ответе за страну, ребята!» В нашей жизни присутствуют события, которые определяют судьбу каждого человека. Сегодня мы, современное поколение, научились

что-то в ней менять. У старшего поколения такого выбора не было. Кем бы они были, наши бабушки, дедушки, прабабушки и прадеды? Учеными, рабочими, шахтерами, простыми колхозниками и кузнецами? Кем же? Но 1941 год не пощадил многие семьи. Каждому из них в годы войны выпала порция каторжного труда, голода и холода.

Поэтому, наверное, никто из них не может вспоминать без боли те ужасные годы, свое военное и послевоенное детство и юность, свою молодость, когда хотелось просто жить! Поэтому, и это точно, мы должны их слушать и слышать, услышать для того, чтобы не допустить окончательного морального разложения выросших в мирное время молодых людей.

Возможно, многое бы в жизни Андреева Семена Игнатьевича сложилось иначе, окончи он хотя бы школу. Возможно, его способности очень пригодились бы и на другом поприще. Но в жизни его поколения была война, которая перечеркнула все. Заставила строить жизнь по жестокой тактике выживания.

Родился Семен Игнатьевич в 1924 г. в селе Романовка Акбулакского района Оренбургской области. До войны работал шофером в родной деревне.

17 августа 1942 г. был призван на фронт Акбулакским райвоенкоматом. С 14 сентября 1943 г. воевал на 4-м Украинском фронте, с августа 1944 г. – на 1-м Прибалтийском, а с декабря 1944 г. – на 3-м Белорусском фронте.

Сначала был пулеметчиком 1-го батальона 264-го полка 87-й гвардейской стрелковой дивизии. После формирования 14 сентября 1943 г. она была перебросена на 4-й Украинский фронт, под Мелитополь и наступала в Северном Причерноморье, в Таврии с боями через Мелитопольский, Ивановский, Ново-Троицкий, Чаплинский и Каланчакский районы. В ноябре – декабре 1943 г. дивизия в составе 2-й гвардейской армии с боями преследовала противника в общем направлении на город Херсон, уничтожила немецкий плацдарм и сама заняла левый берег Днепра. Здесь 10 января 1944 г. прадедушка был впервые легко ранен.

В апреле – мае 1944 г. его дивизия приняла участие в освобождении Крыма и штурме Севастополя.

С 8 июля 1944 г. она воевала на 1-м Прибалтийском фронте. В июле – августе 1944 г. 87-я гвардейская дивизия с тяжелейшими боями освободила города Шауляй, Жагаре в Литве, Ауце, Бене, Добеле в Латвии, отразила многочисленные танковые контрудары противника. В ходе этих боев в районе населенного пункта Войшканы Литовской ССР мой прадедушка, гвардии рядовой Андреев Семен Игнатьевич, «поддерживая наступающие подразделения батальона, из своего станкового пулемета уничтожил 9 немецких солдат и подавил две огневые точки противника». За этот подвиг приказом от 22 августа 1944 г. он был награжден первой медалью «За отвагу» [1].

В октябре 1944 г. 87-я гвардейская дивизия приняла участие в Мемельской операции с целью отсечь немецкие войска в Прибалтике от Восточной Пруссии, перерезать им пути снабжения из Германии. Из района Шяуляя в Литве она ударила в направлении Балтийского моря и вышла на его побережье по линии Паланга – Клайпеда – устье реки Неман. Под Неманом 18 октября 1944 г. прадедушка получил контузию.

После выздоровления он был зачислен на должность разведчика-наблюдателя в 21-й гвардейский артиллерийский Севастопольский полк, а затем в орудейный расчет 76-мм пушек 16-го гвардейского отдельного истребительно-противотанкового дивизиона 2-й гвардейской стрелковой Таманской дивизии 3-го Белорусского фронта.

С целью отрезать группировку противника в Восточной Пруссии от Германии 13 марта 1945 г. его дивизия начала наступление, в ходе которого Семен Игнатьевич был ранен третий раз. В результате этой операции 26 марта советские войска вышли к заливу Фриш-Гаф и замкнули кольцо вокруг Кенигсберга (ныне Калининграда), а 9 апреля он был взят с участием 2-й гвардейской дивизии. 16 апреля 1945 г. в боях за опорный пункт Гермау (ныне пос. Русское Зеленоградского района Калининградской области) мой прадедушка, гвардии сержант Андреев Семен Игнатьевич, «ведя огонь ... в составе ... расчета, уничтожил наблюдательный пункт противника и одно 75-мм орудие», за что 18 мая был награжден второй медалью «За отвагу» [2]. Войну он завершил вместе с Таманской дивизией 17 апреля 1945 г. на Земландском (ныне Калининградском) полуострове.

После войны прадед жил и работал в колхозе им. Мичурина Акбулакского района. Воспитал семерых детей: шестерых мальчиков и одну девочку. Построил дом! Работал шофером, бригадиром, в последние годы жизни был заведующим токарным отделением. Семен Игнатьевич оставил о себе очень хорошие воспоминания, и я горжусь, что у меня такой прадед...

Мы никогда не забудем тех страшных и долгих 1418 дней и ночей Великой Отечественной войны. И чем больше проходит времени с тех пор, тем живей и величественней они в нашей памяти. Не раз еще наше сердце захочет вновь пережить священный, тяжкий и героический эпос дней, когда страна воевала от мала до велика. Мы, молодежь, не видели войны, но знаем о ней почти все. Наши воины понимали, что необходимо победить это черное зло, эту жестокую, свирепую банду убийц. И мы тоже должны знать, какой ценой завоевано счастье, и никогда этого не забудем! Война – это великий урок для всех людей, одно из самых страшных испытаний, выпавших на долю нашего народа.

Примечания

1. Андреев Семен Игнатьевич // Подвиг народа [Электронный ресурс]. URL: <http://podvignaroda.mil.ru/> (дата обращения: 27.04.2012); Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО). Ф. 33. Оп. 682524. Ед. хр. 848. Л. 236.

2. Андреев Семен Игнатьевич // Подвиг народа [Электронный ресурс]. URL: <http://podvignaroda.mil.ru/> (дата обращения: 27.04.2012); ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Ед. хр. 3821. Л. 159–169, 305.

*А.В. Каплина,
г. Гай*

МОЙ ДЕДУШКА ПАВЕЛ...

Мой дедушка, Каплин Павел Леонтьевич – участник Великой Отечественной войны. Когда я прошу его рассказать о войне, он немного морщит лоб (я понимаю, что не хочет вспоминать то тяжелое время), но все-таки рассказывает так, как будто это было вчера:

«22 января 1943 г., в возрасте 18 лет, я был призван Зилаирским райвоенкоматом Башкирии. Направили меня в Тощкие лагеря, где обучали 6 месяцев. По истечении срока из учебного полка был переведен в действующую армию – во 2-ю роту 971-го полка 273-й стрелковой дивизии.

Отправили на фронт в Брянскую область, в небольшой город Дятьково. Когда началось наше наступление, я принял первый бой автоматчиком. В ходе ожесточенных боев освободили Дятьково, а затем и сам Брянск.

16 сентября 1943 г. в бою за деревню Голяжье под сильным пулеметно-минометным огнем противника четко и своевременно доставлял приказание командирам взводов и своевременно доносил командованию о состоянии противника и расположении огневых точек, за что 22 сентября был награжден медалью «За боевые заслуги».

В Голяжье меня ранили в руку, ранение – пулевое с повреждением кости. В связи с этим попал в госпиталь в Тулу, где меня подлечили и отправили в запасной полк в город Торопец.

Потом опять на фронт, освобождали Белоруссию. В городе Невели получил пулевое ранение в шею. Опять попал в госпиталь, где пролежал 3 месяца.

После выздоровления отправлен в Восточную Пруссию, во 2-й стрелковый батальон 336-го полка 120-й гвардейской стрелковой дивизии. Самый тяжелый бой – это штурм Кенигсберга, ныне Калининграда. Сражения за этот город были очень жестокими, шли они и днем, и ночью. Из всего батальона в 670 человек нас осталось лишь 11. Думали, что все пропало. Но тут немецкие войска сами сдались, наверное, решили, что нас еще много.

К 10 апреля после тяжелых боев город Кенигсберг был взят. В плен было захвачено 120 тысяч немецких военнопленных.

Перед самым решающим боем в Берлине наши войска – Маршала Жукова соединяли с войсками Маршала Конева. Происходило это в открытом поле в Германии. Георгий Константинович выступил перед нами с речью, которая однозначно дала веру в нашу победу!

16 апреля 1945 г. началась историческая битва, венчавшая войну. Мы столкнулись с яростным сопротивлением. Из всех сражений, где я участвовал, именно в этом бою наших солдат полегло больше всего. Для меня самое страшное на войне было – это потерять своего товарища. А своим другом, товарищем я считал каждого солдата Красной армии.

26 апреля 1945 г. в бою за немецкую деревню Дольгенброд на подступах к Берлину огнем из винтовки я уничтожил 11 солдат противника и 3-х взял в плен, за что 19 мая был награжден медалью «За отвагу». К этому времени Берлин был взят нашими войсками.

7 мая 1945 г. на 1-м канале р. Эльба меня ранили. После чего я попал в госпиталь в город Гамбург, где пробыл 6 месяцев.

По истечении срока лечения я вернулся в свою часть. И нас направили на Восток, так как началась война с Японией. Шли пешком, но мы молодые все же на велосипедах, а вот старички-бедняжки пешком, все ноги потеряли. Ведь 70 км в день необходимо было преодолеть. Как до Минска дошли, там и война уже окончилась. Так я в Минске и остался, три года еще прослужил.

Спустя 5 лет и 2 месяца вернулся домой...»

Медали, которым был награжден мой дедушка: «За боевые заслуги», «За отвагу», «За взятие Кенигсберга», «За взятие Берлина», «Победа над Германией».

Я очень люблю своего дедушку и горжусь им, ему я написала небольшое стихотворение:

Мой дедушка Павел на войне воевал,
Кровью и потом страну защищал.
Повидал он немало, везде побывал
И три ранения на себе испытал.
В боях многократно победу держал
И медаль «За отвагу» завоевал!

И пусть наши деды, все участники Великой Отечественной войны будут счастливыми. Пусть их старость будет спокойной, обеспеченной. Пусть всегда рядом с ними будут их любящие дети, внуки и правнуки. Мы желаем им всех земных благ. Спасибо всем ветеранам. Мы должны помнить тех, кому обязаны мирной жизнью!

С.В. Логунова,
г. Оренбург

«И ВСПОМНИМ, ВСПОМНИМ СНОВА О БЫЛОМ...»

*И если умирает человек,
То умирает первый его снег.
И первый поцелуй, и первый бой –
Все это забирает он с собой.*

Еще учась в школе, будучи участницей тимуровского движения, я, вместе со своими одноклассниками, часто, с целью оказания посильной помощи, посещала семью участника Великой Отечественной войны Емельянова Дмитрия Ивановича. Он и его жена приехали в наше село Рычково учительствовать, да так здесь и поселились навсегда. Дмитрий Иванович вел уроки русского языка и литературы, а его жена Мария Ивановна – иностранный язык (немецкий).

Когда мы приходили к нему в гости, Дмитрий Иванович очень много за чашкой чая рассказывал нам о своем фронтовом пути. Почему «рассказывал»? Потому что в 2009 году его не стало. Но для нас он всегда был и останется Учителем, другом, наставником.

... Родился Дмитрий Иванович 9 ноября 1923 г. в селе Нижнее Челябино ныне Северного района Оренбургской области. На войну его призвали 26 июня 1941 года. Привезли в Оренбург вместе с его земляками из с. Красноярки. В летное училище они комиссию не прошли. Худые, маленькие – совсем дети. Забрали в зенитно-артиллерийское училище. Приехал из Москвы генерал, возглавлявший оборону столицы, из 50 человек взял только шестерых. Их оставили в Оренбурге до апреля 1942 года. Учились по ускоренной программе. А потом направили в г. Горький в корпус ПВО. Здесь они обороняли от немцев узловую станцию Арзамас. Немцы «охотились» за этим городом. Даже на элеваторе пришлось стоять, там были государственные запасы зерна, неприкосновенный резерв для армии.

С мая 1942 г. лейтенант Емельянов воевал в составе 3-го Украинского фронта. В сентябре в г. Горьком их переобмундировали и отправили в Москву. Там формировалась 3-я зенитно-артиллерийская дивизия (Никопольская). Дмитрий Иванович попал в 1084-й полк. В сентябре этот полк был уже под Сталинградом.

Как писал Твардовский:

«Люди теплые, живые

Шли на дно, на дно, на дно...»

Немцы тогда затопили баржу, около восьмисот человек утонуло. Волга горела. Бензин, нефть из-за непрерывных бомбежек выливались из поврежденных барж в воду. Светло было, как днем, из-за пожара на воде. Тогда-то и издан был приказ №227 «Ни шагу назад!»

Однажды пришлось ночевать с немцами в одной станице, там был и концлагерь. Называлась она Свиридовская. Противники раньше узнали, что не одни в населенном пункте. Советские войска отступили на два километра. Манштейн в это время рвался к Сталинграду. Минометный огонь – страшный. Снаряды зенитчики экономили, так как «хейнкели» летели на высоте 4000 метров, их не достать. Били по наземным целям. Казахи, татары, русские, армяне – все национальности стали в это время одной семьей. Немцы бомбили квадратами. Какую-то часть территории отбомбят самолетами, уничтожат и двигаются дальше. И так целый день.

Но вскоре пришло время для нашего контрнаступления. 19 ноября 1942 г. полк бросили севернее Сталинграда в г. Калач. Соединились с Южным фронтом и замкнули Сталинградскую группировку фашистов в кольцо. В тот день людям выдали манную кашу с попавшим в нее песком. Дмитрию Ивановичу едва исполнилось тогда 19 лет.

...Шел урок литературы. Затаив дыхание, одиннадцатиклассники слушали рассказ учителя. Разговор шел о романе Ю. Бондарева «Горячий снег». Ученики знали о его героях и их судьбах. Но все были ошеломлены тем, что Дмитрий Иванович – один из тех участников Сталинградской битвы, о которых пишет Ю. Бондарев! Было ли им страшно там, где снег был горячим от разрывов, от пролитой крови? Конечно. Все они были молоды, любили жизнь. Особенно жутко было, когда началась артподготовка. «Грохот стоял такой, что лопались барабанные перепонки», – говорил Дмитрий Иванович. Юлия Друнина написала в своем стихотворении такие простые слова, полные правды: «Кто говорит, что на войне не страшно, тот ничего не знает о войне».

И про город Калач мы впервые услышали от него. А в 2010 г. Президент России Д. А. Медведев своим указом присвоил этому населенному пункту почетное звание «Город воинской славы».

После Сталинграда всю Ростовскую область прошел Д. И. Емельянов, до узловой станции Лозовая. Потом форсировали Северный Донец весной 1943 года.

12 октября Дмитрий Иванович был представлен к награде. Командир 1084-го зенитно-артиллерийского полка, майор Крепак писал, что «лейтенант Емельянов в борьбе с немецкими захватчиками показал себя волевым, храбрым и смелым офицером. Командуя взводом, сумел хорошо сколотить и подготовить взвод к выполнению боевых задач. Взвод, которым командует товарищ Емельянов, имеет на своем счету 4 сбитых самолета противника. В станице Леонтьевская, при атаке на батарею 10 танков и 5 бронемашин против-

ника, он лично руководил взводом, в результате чего атака противника была отбита» [1]. Приказом командующего артиллерией 3-го Украинского фронта от 27 октября 1943 г. №026/н командир взвода 1084-го зенитного артиллерийского полка 3-й зенитной артиллерийской дивизии Резерва Верховного Главнокомандования (РГК), лейтенант Емельянов Дмитрий Иванович был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени «...за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество» [2].

Дальше с кавалерийским корпусом генерал-лейтенанта И. А. Плиева он участвовал в освобождении Одессы и вышел на берег Днестра.

Дмитрия Ивановича срочно отозвали в Москву, откуда он поехал домой, в Челябино. Разрешили отлучиться на пять дней. А трое его товарищей в это время остались в Москве. Когда он приехал на аэродром «Тушино», их уже вывезли в Белоруссию. Там они и пропали без вести. Выходит, что спасли его эти пять дней.

Д. И. Емельянов был ранен и контужен, но службу не оставил. Потом воевал с финнами, охранял со своими орудиями торговый порт. Закончил войну под Ленинградом. После победы служил на Дальнем Востоке: Порт-Артур, Харбин. Занимался закупкой продовольствия для армии, налаживал торговые отношения.

Дмитрий Иванович хотел встретить 65-ю годовщину Победы вместе со всеми, но лишь семь месяцев не дожидаясь этой даты. Он хранил в себе те великие душевные качества, которые отличали его как человека честного, оставившего свой след на земле.

Примечания

1. Емельянов Дмитрий Иванович // Подвиг народа [Электронный ресурс]. URL: <http://podvignaroda.mil.ru/> (дата обращения: 26.04.2012); Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО). Ф. 33. Оп. 686044. Ед. хр. 561. Л. 202.

2. Там же. Л. 187–187 об.

*К.С. Абалова,
г. Оренбург*

МОЙ ДЕД – ГВАРДЕЕЦ АБАЛОВ ГРИГОРИЙ ТИМОФЕЕВИЧ

Сколько бы лет и десятилетий ни прошло, люди снова и снова будут возвращаться к Великой победе в Великой Отечественной войне, ознаменовавшей торжество жизни над смертью, разума над безумием, гуманности над варварством. Моя семья свято хранит память о своем Герое, моем деде Абалове Григории Тимофеевиче.

Родился он 15 февраля 1922 г. в селе Даниловка Даниловского района Саратовской области. Родители – Марина Александровна и Тимофей Ильич. В семье воспитывалось двое детей: мой дед и его младшая сестра Евгения. Так как Тимофей Ильич был членом коммунистической партии, семье пришлось переехать по партийной линии в город Орск. Там мой дед закончил с отличием 7 классов. В 1939 г. переехали в поселок Домбаровский Домбаровского района Чкаловской (ныне Оренбургской) области. В этом поселке открывались угольные шахты, и мой дедушка устроился работать в шахту №4. Там он трудился до 1941 г.

Еще до начала войны, 6 июня 1941 г. дедушка был призван в армию Домбаровским райвоенкоматом, а 5 октября принял присягу в 70-й стрелковой дивизии.

В январе 1942 г. она была переброшена на Керченский полуостров для усиления 51-й армии. 8 мая фашисты начали наступление, и 51-я армия стала эвакуироваться из Крыма на Таманский полуостров. Ее переправу прикрывала 138-я стрелковая дивизия моего деда.

15 июля 1942 г. дивизия заняла оборону по левому берегу Дона, на рубеже Верхне-Курмоярский – Красный яр (ныне Котельниковский район Волгоградской области). Под ударами превосходящих сил противника дивизия с боями отходила к Сталинграду. 15 октября 1942 г. она была включена в состав 62-й армии и заняла оборону на заводе «Баррикады» в г. Сталинграде. 11 ноября дивизия, насчитывавшая всего 500 человек, была отрезана от частей 62-й армии на небольшом участке земли шириной по фронту 700 метров и 400 метров в глубину. 40 дней и ночей дивизия сражалась в окружении и выстояла. Золотыми буквами вписан этот подвиг в историю Великой Отечественной войны под названием «Огненный остров» или «Остров Людникова». А когда 62-я армия начала наступать, перешла в наступление и 138-я дивизия, стала расширять свой плацдарм и соединилась с 95-й дивизией.

За мужество, стойкость, дисциплину и организованность, проявленное воинское мастерство и героизм личного состава, дивизия была переименована из 138-й в 70-ю Краснознаменную гвардейскую стрелковую дивизию. В апреле 1943 г. она прибыла в район города Фатеж Курской области и приступила к оборудованию рубежа обороны, пополнению личным составом и техникой. 5 июля немцы перешли в наступление на Курской дуге, после пятой атаки им удалось вклиниться в советские боевые порядки на 6–8 км. 6 июля 70-я гвардейская дивизия моего дедушки участвовала в контрнаступлении, но смогла продвинуться только на 1,5–2 км в районе Самодуровка, Подсоборовка, Кашары (Курской области) и по приказу отошла на исходные позиции.

4 августа 1943 г. дивизия снова перешла в наступление на запад, 28 августа освободила первое украинское село Эсмань, а потом и первый старинный город Глухов в Сумской области Украины, за взятие которого ей было присвоено почетное наименование «Глуховская». В Черниговской области, форсировав реку Сейм, освободив Батурин и Городище, дивизия вышла к городу Бахмач, который был занят к утру 9 сентября. 19 сентября она форсировала реку Десну, а в ночь на 23 сентября – Днепр в Черниговской области. Начались ожесточенные бои за удержание плацдарма. 4 ноября 1943 г. дивизия стала наступать по правому берегу Днепра, а 12 ноября, совершив 150 км марш в район Брусилова, заняла оборону на рубеже Гнилец, Лисовка, Турбовка в Житомирской области. 11 марта 1944 г. дивизия снова повела наступление на город Винница и 20 марта совместными усилиями частей 101-го стрелкового корпуса освободила этот областной центр.

1 апреля 1944 г. совместно с 211-й, 221-й стрелковыми дивизиями и 4-й танковой армией она окончательно освободила город Каменец-Подольский Хмельницкой области Украины, сняв кольцо немецкой блокады вокруг осажденного там советского гарнизона. В апреле 1944 г. 70-я гвардейская дивизия освободила Тернопольскую область. Здесь, в боях за населенный пункт Олейнов Залещицкого района мой дедушка «скрытно подполз к переднему краю противника, примыкающему к лесу, и снял из своего автомата двух немцев, засевших на дереве. В последующих боях он уничтожил еще трех немцев». За это 19 июля 1944 г. гвардии красноармеец Абалов Григорий Тимофеевич был награжден 1-й медалью «За отвагу» [1]. Затем советское наступление приостановилось. До конца апреля продолжались упорные бои в районе города Тлумач ныне Ивано-Франковской области. 8 мая дивизия перешла к обороне по правому берегу Днестра на линии Хмелевка – Лука.

14 июля полки дивизии начали наступление и, форсировав реку Гнилая Липа, сходу овладели Перемышлянами, а затем 27 июля освободили город Бобрка Львовской области. Выбив фашистов с перевала западнее Львова, 28 июля они взяли и этот областной центр.

8 сентября 1944 г. 70-я гвардейская дивизия начала наступление в Восточных Карпатах, в труднодоступной горно-лесистой местности, где противник оборудовал целую полосу укрепленных районов и узлов сопротивления (так называемую «линию Арпада»). В этот день при прорыве вражеской обороны мой дедушка «истребил 3-х и пленил 2-х немецких солдат», за что 10 октября 1944 г. был удостоен 2-й медали «За отвагу» [2].

В сентябре его дивизия с ожесточенными боями прошла на юг Польши, в район Кракова, Кросно, Ясло. 3 октября 1944 г. полки дивизии пересекли Польско-Чехословацкую границу и вышли к селам Гута-Полянская

и Цехани. Части Красной армии спешили на помощь Словацкому национальному восстанию и 10 октября с боем взяли Дукельский перевал в Восточных Карпатах, положив начало освобождению Чехословакии от фашизма. За участие в этом сражении мой дедушка был награжден «Дукельской памятной медалью» Чехословацкой Республики, которую вручали только наиболее отличившимся воинам.

26 октября, преследуя отходящего противника, его дивизия достигла реки Одер и на ее левом берегу перешла к обороне. 28 октября мой дедушка получил тяжелое ранение в лицо, после чего он долгое время находился на лечении в госпитале.

16 мая 1946 г. на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 20.09.1945 г. Григорий Тимофеевич был демобилизован.

По итогам войны мой дедушка был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени, двумя медалями «За отвагу», медалями «Дукельская памятная», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «20 лет Победы в Великой Отечественной Войне», «25 лет Победы в Великой Отечественной войне», «30 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «40 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «50 лет Вооруженных сил СССР», «60 лет Вооруженных сил СССР». В 1946 г. мой дедушка вернулся в районный поселок Домбаровский Чкаловской области. Там он работал на шахте №4 бухгалтером. Но вскоре шахту закрыли, и мой дедушка переехал в село Союзное Актюбинской области Казахской ССР. А в марте 1947 г. он женился на моей бабушке Анастасии Демьяновне. У них родились трое сыновей: Валерий, Владимир и Сергей, а также дочь Валентина.

23 марта 1986 г. мой дедушка из-за болезни умер. Я горжусь своим дедом. Его героизм и сильный дух внесли вклад в победу в Великой Отечественной войне, но кроме этого, он был заботливым и добрым отцом, дедом. и прадедом.

Примечания

1. Абалов Григорий Тимофеевич // Подвиг народа [Электронный ресурс]. URL: <http://podvignaroda.mil.ru/> (дата обращения: 29.04.2012); Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО). Ф. 33. Оп. 690155. Ед. хр. 2717. Л. 50.

2. Абалов Григорий Тимофеевич // Подвиг народа [Электронный ресурс]. URL: <http://podvignaroda.mil.ru/> (дата обращения: 29.04.2012); ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Ед. хр. 7408. Л. 204.

Ю.А. Ильютчик,
г. Оренбург

«ПРОШЛА ВОЙНА...»

*Прошла война, прошла страда.
Но боль взывает к людям:
Давайте, люди, никогда
Об этом не забудем!
...Затем, чтоб этого забыть
Не смели поколенья.
Затем, чтоб нам счастливей быть,
А счастье – не в забвенье!*

А. Т. Твардовский

Великая Отечественная война. Наша память о ней – это скорбь о погибших и горечь утрат, боль тяжелых ранений и печаль в осиротевших семьях.

С каждым годом по времени мы все дальше и дальше уходим от военной поры. Выросло новое поколение людей. Для нас война – это лишь воспоминания тех, кто был участником военных действий, кто прошел все лишения и тяготы этого страшного времени. И участников этих исторических событий становится все меньше и меньше. Но я убеждена: время не имеет власти над величием всего, что пережили эти люди в войну. Это было необычайно трудное, но и очень славное время. Человек, переживший однажды большие испытания и победивший, будет всю жизнь потом черпать силы в этой победе. Наша победа в войне с фашизмом, говоря возвышенным языком, – звездный час в жизни советского народа. В те годы люди еще больше закалились. Их героизм и сильный дух помогли одолеть врага. Оглядываясь назад, мы всегда будем помнить тех, кто не щадил себя для победы над врагом нашей Родины...

Война оставила свой след в истории каждой семьи нашей страны. Все мужчины ушли на фронт, дома остались стар да млад. Никто не знал, что делать. У людей была надежда – это ошибка, пройдет несколько дней и все закончится... Но горе затянулось на годы... На тяжелых дорогах вместе со взрослыми мужчинами шли женщины, старики и дети, перенося все тяготы и беды, которые выпали на долю нашего народа. Общее горе сплотило всех людей нашей страны.

Наша семья тоже понесла тяжелую утрату в годы Великой Отечественной войны. Ее участником был мой героически погибший прадедушка, разведчик Гридасов Иван Григорьевич. Родился он в 1912 г. в нынешнем поселке

Труженик Новосергиевского района Оренбургской области. В 1936 году Иван встретил свою первую любовь – Брызгалову Анну Константиновну, которая 29 января 1937 г. стала его женой. И уже в 1938 г. родилась дочь – моя бабушка Гридасова (Бывальцева) Мария Ивановна. Когда началась война, она училась в школе. Из рассказов бабушки я и узнала о ее отце.

10 августа 1941 г. Иван Григорьевич был призван на фронт. Его зачислили в 20-ю стрелковую дивизию внутренних войск НКВД СССР, которая стала формироваться в Ленинграде после начала Великой Отечественной войны.

8 сентября 1941 г. немецкие войска вышли к Ладожскому озеру, захватили город Шлиссельбург, взяли под контроль исток Невы и полностью замкнули вокруг Ленинграда по суше кольцо блокады, которая продолжалась 872 дня. Были разорваны все железнодорожные, речные и автомобильные коммуникации. Сообщение с Ленинградом теперь поддерживалось только по воздуху и Ладожскому озеру.

10 сентября 1941 г. советские войска перешли в контрнаступление и предприняли попытку разорвать кольцо блокады. Они скрытно переправились на левый берег Невы и захватили небольшой плацдарм, который в истории получил название «Невского пятачка». За него развернулись ожесточенные сражения, поскольку немцы стремились любой ценой ликвидировать прорыв.

18 октября 1941 г. 20-я стрелковая дивизия, в которой служил мой прадедушка, была брошена на помощь оборонявшимся советским частям. В ночь на 26 октября она переправилась через Неву, но продвинуться дальше не удалось. Советские части были встречены пулеметным и минометным огнем противника с разных сторон и стали нести очень большие потери. Каждый день на плацдарме, простреливаемом со всех сторон, наши войска теряли до 1000 человек убитыми и ранеными. В ходе ожесточенных боев за «Невский пятачок» 10 ноября 1941 г. был ранен и мой прадедушка Гридасов Иван Григорьевич.

Несколько раз за период службы от него приходили солдатские трюфельники, в которых он рассказывал, где в данный момент воюет, но большую часть письма занимали вопросы о том, как живет семья и растет дочь. Последняя весточка пришла в июне 42-го года.

С 1 июля 1942 г. прадедушка был переведен на должность командира отделения 269-й отдельной мотострелковой разведывательной роты в 189-ю стрелковую дивизию. Она обороняла южные подступы к Ленинграду, на участке от церкви в Пулковое до пересечения Витебской и Колпинской железных дорог. Штаб 189-й стрелковой дивизии располагался в блиндаже, который был устроен прямо в насыпи железной дороги к северу от Пулковских высот. Со своим разведотделением прадедушка неоднократно ходил за линию фронта, совершал дерзкие вылазки в расположение врага, захватывал «языков» и добывал сведения о фашистских войсках.

Так, 20 июля 1942 г., участвуя в разведке боем, он ворвался в траншею противника, уничтожил двух фашистов и захватил ценные документы.

13 сентября 1942 г. в разведке боем в районе поселка Александровка, прадедушка уничтожил со своим отделением девять фашистов, подорвал ДЗОТ, захватил ценные документы и, не потеряв ни одного бойца, вернулся на исходный рубеж.

«За образцовое выполнение заданий Командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество» 18 октября 1942 г. командир разведотделения, сержант Гридасов Иван Григорьевич был награжден медалью «За отвагу» [1].

Но прадедушка так и не узнал об этой награде. Возвращаясь с очередного задания 7 октября 1942 г., он погиб вместе со всей своей разведгруппой и был похоронен в районе развилки Варшавской железной дороги на город Пушкин [2].

Тяжелые, незабываемые годы – тысяча девятьсот сорок первый, тысяча девятьсот сорок второй ... тысяча девятьсот сорок пятый. Родина-мать позвала, и наши солдаты не посрамили чести родной земли, храбро сражались, выдержали все испытания, отстояли страну, а значит, и нашу жизнь. Воины – отважные, добрые, бескорыстные патриоты. Очень хочется, чтобы каждый из нас, молодых, так же любил Родину, как они.

Примечания

1. Гридасов Иван Григорьевич // Подвиг народа [Электронный ресурс]. URL: <http://podvignaroda.mil.ru/> (дата обращения: 28.04.2012); Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО). Ф. 33. Оп. 682525. Ед. хр. 365. Л. 156, 163.

2. Гридасов Иван Григорьевич // Обобщенный банк данных «Мемориал» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.obd-memorial.ru/> (дата обращения: 28.04.2012); ЦАМО. Ф. 58. Оп. 818883. Ед. хр. 334. Л. 26 об.

*Е.А. Лемешкина,
г. Оренбург*

ДОРОГА ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ

Шестьдесят семь лет прошло с тех пор, как отгремели последние залпы Великой Отечественной войны. Ценой Победы в ней стала жизнь, настоящая и будущих поколений. Безусловно, любая война отвратительна, но Великая Отечественная преследовала благородные цели защиты Родины и поэтому стала подлинно народной. Против вероломных и жестоких захватчиков поднялись все жители страны, от мала до велика. Одним из таких людей был и мой дедушка – Лемешкин Иван Григорьевич.

Он родился 10 ноября 1924 г. в небольшом селе Покровка ныне Матвеевского района Оренбургской области. К тому времени в семье было уже два сына – Николай и Михаил. Когда дедушке исполнилось четыре года, умерла мама – Ульяна Тарасовна. Отец, Григорий Власович, как мог, поднимал троих сыновей. Он был искусным бондарем и все село снабжал бочками и кадками. Этому ремеслу научил и своих сыновей.

В 1931 г. дедушка пошел в школу, но проучился там только 3 года, так как нужно было кормить семью. В десять лет он стал подпаском и с утра до позднего вечера помогал пасти коров. Став постарше, пошел работать штурвальным на комбайн. Когда началась война и всех мужчин забрали на фронт, дедушка стал комбайнером. Но и здесь проработал недолго. Был призван на фронт 29 октября 1942 г. Матвеевским райвоенкоматом Чкаловской (ныне Оренбургской) области.

С 1 ноября 1942 г. он уже участвовал в боевых действиях, а с января по февраль 1943 г. – в освобождении Донбасса. В боях на Ворошиловградском направлении дедушка был контужен. После госпиталя его зачислили минометчиком в 969-й стрелковый полк 273-й стрелковой дивизии.

С 13 июля по 29 августа 1944 г. дивизия дедушки в составе 1-го Украинского фронта принимала участие в Львовско-Сандомирской наступательной операции. Ее целью было освобождение Западной Украины и занятие Юго-Восточной Польши. В этой операции 273-я стрелковая дивизия вела наступление на Вольни, в направлении города Рава-Русская ныне Львовской области Украины, польского города Замосць и далее к Сандомиру. 14 августа 1944 г. 273-я дивизия в составе 3-й гвардейской армии начала наступление на Сандомир и овладела им. Под этим польским городом дедушка был ранен первый раз. В декабре 1944 г. 273-я дивизия была передана в состав 22-го стрелкового корпуса 6-й армии 1-го Украинского фронта.

С 12 января по 3 февраля 1945 г. дивизия участвовала в Сандомирско-Силезской наступательной операции. Ее целью было освобождение южной части Польши, захват плацдармов на реке Одер и создание условий для наступления на берлинском и дрезденском направлениях.

В ходе операции дивизия моего дедушки наступала из района Сандомира в направлении польского города Остривица. Преследуя отступавший 42-й немецкий корпус, 18 января она овладела польским городом Скаржиско-Каменна и соединилась с войсками 1-го Белорусского фронта. В результате Сандомирско-Силезской операции войска 1-го Украинского фронта разгромили 4-ю танковую армию и основные силы 17-й армии противника, продвинулись на 400–500 км, освободили южные районы Польши и перенесли военные действия на территорию фашистской Германии. В ходе Нижне-Силезской операции (8–24 февраля 1945 г.) дивизия дедуш-

ки вела наступление в районе германского города Лигниц (ныне Легница в Польше). В составе 6-й армии с тяжелыми боями ей удалось обойти с севера крепость Бреслау (ныне город Вроцлав в Польше), которая была окружена советскими войсками 13–14 февраля 1945 г.

16 февраля 1945 г. советские войска начали штурм Бреслау с южного направления, а затем – с западного. Вскоре он перешел в кровавые сражения за каждый дом и улицу. Самые тяжелые бои завязались в марте 1945 г. у аэродрома и в индустриальном районе города. Именно в это время, в боях на улицах Бреслау мой дедушка «огнем миномета в составе минрасчета уничтожил до взвода вражеской пехоты, из личного оружия убил 2-х снайперов противника», за что 16 марта был награжден первой медалью «За отвагу» [1]. В том же месяце он получил ранения в голову и ногу. К концу марта, после уничтожения последнего крупного германского соединения, бои за Бреслау пошли на убыль. Битва возобновилась с новой силой, когда советские войска начали теснить гитлеровцев в глубь города. Немецко-фашистские войска отходили, взрывая за собой дома и целые кварталы. Только 6 мая 1945 г., за три дня до Победы, немецкий гарнизон города капитулировал. В боях за Бреслау Советская Армия потеряла восемь тысяч человек убитыми.

Дедушка с тяжелыми ранениями был направлен в эвакогоспиталь №3611, который располагался в г. Томске по адресу: пр. Ленина, 113 (бывший Коммунистический, 1). Здесь Иван Григорьевич находился на излечении почти год, до весны 1946 г. А 23 апреля начальник госпиталя представил его к награждению второй медалью «За отвагу» с учетом двух тяжелых ранений и контузии, полученных при защите Родины. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 ноября 1947 г. «за отвагу и храбрость, проявленные в боях с немецкими захватчиками в Великой Отечественной войне», красноармеец Лемешкин Иван Григорьевич был повторно удостоен этой высокой награды [2].

Вернувшись домой, дедушка начал налаживать обычную жизнь. Так как из-за ранений не мог выполнять тяжелую физическую работу, устроился конюхом. В 1948 г. женился на девушке из соседней деревни, Прутковой Феодосии Николаевне. Через год появился первенец, девочка Раиса, но в 9 лет она умерла из-за порока сердца. В 1950 г. родилась еще одна дочь – Валентина, в 1953 г. – сын Николай, а в 1956 г. – мой папа Анатолий.

Конечно, такую большую семью необходимо было кормить, поэтому, кроме работы на ферме, дедушка занимался бондарством. Хотя особых денег это не приносило, так как делал он все бесплатно, как говорится, «за спасибо», иногда только кто-нибудь даст монетку, чтобы отблагодарить за хорошую работу.

Вскоре подросли дети, стало легче. Особенно пригодилась их помощь, когда в 1970 г. дедушке на больную ногу упала лошадь. Снова попал в боль-

ницу, после чего работать уже не мог. Была установлена вторая группа инвалидности пожизненно.

Но сидеть просто так дедушка не мог, кроме бондарства, занялся пчеловодством. И дело, можно сказать, пошло неплохо. Вел домашнее хозяйство, продолжал заниматься лошадьми, но уже дома.

В 1991 г. не стало любимой жены, но Иван Григорьевич продолжал вести домашнее хозяйство. Помогали дети, несмотря на то, что старшие жили довольно далеко. В это время бондарством дедушка уже не занимался, так как деревянная посуда перестала использоваться в хозяйстве. А вот пчеловодство не оставил. Его мед пользовался большой популярностью на рынке, особенно после того, как, пройдя экспертизу, был признан одним из лучших в районе.

В 1995 г., на пятидесятилетие Победы, дедушка был удостоен ордена Отечественной войны I степени. С возрастом старые раны все чаще давали о себе знать. В январе 2003 г. дедушку парализовало. К весне, вроде бы, стало лучше, но летом состояние снова ухудшилось, и 16 июня 2003 г. его, к сожалению, не стало.

Я жалею только о том, что не успела сказать дедушке «спасибо» за Победу, за жизнь, которую он нам подарил.

Мы не должны забывать, какой ценой была достигнута наша победа, какой ценой был сохранен мир. Нашему поколению стоит брать пример с еще живых и почитать уже ушедших от нас героев Великой Отечественной войны. Они подарили всем нам будущее. А без знания своего прошлого никогда не будет будущего. Вечная память и огромное спасибо им. Это меньшее из того, что можем сделать мы для них! Помнить!

Примечания

1. Лемешкин Иван Григорьевич // Подвиг народа [Электронный ресурс]. URL: <http://podvignaroda.mil.ru/> (дата обращения: 27.04.2012); Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО). Ф. 33. Оп. 690306. Ед. хр. 1292. Л. 298–300.

2. Лемешкин Иван Григорьевич // Подвиг народа [Электронный ресурс]. URL: <http://podvignaroda.mil.ru/> (дата обращения: 27.04.2012); ЦАМО. Ф. 33. Оп. 744808. Ед. хр. 88. Л. 1–41, 228–228 об.

О.Д. Науменко,
г. Оренбург

ВОЗДУШНЫЙ СТРЕЛОК ПАВЕЛ СТЕПАНОВИЧ ПРИХОДЬКО

Я родилась много лет спустя после Великой Отечественной войны. В нашей семье, как и во многих других, передаются из поколения в поколение рассказы о трагических событиях тех времен, хранятся реликвии. Я хотела бы рассказать о своем прадедушке, украинце Приходько Павле Степановиче.

Родился он 15 июля 1921 г. в селе Дедуровка ныне Оренбургского района Оренбургской области. Отец – Степан Степанович, мать – Мария Никитична. В семье воспитывалось еще два брата и сестра. Прадедушка окончил семь классов в Дедуровке, а после – профессионально-техническое училище.

Еще до начала Великой Отечественной войны 16 сентября 1940 г. он был призван Дедуровским райвоенкоматом Чкаловской (ныне Оренбургской) области. С июля 1941 г. по март 1942 г. прадедушка принимал участие в боевых действиях на Брянском фронте, с апреля 1942 г. по декабрь 1943 г. – на Воронежском, а с января 1944 г. – на 1-м Украинском фронте. Сначала он служил в 66-й отдельной авиационной эскадрилье на должности воздушно-стрелка-радиста. 28 мая 1942 г. его подразделение было переименовано в отдельную резервную авиационную эскадрилью 646-го ночного бомбардировочного авиационного полка 2-й Воздушной армии.

Прадедушка участвовал в оборонительных боях Брянского фронта на Воронежском направлении. В июне 1942 г. немецкие захватчики развернули здесь крупное наступление из района северо-западнее Курска на Воронеж и из района Волчанска на Острогожск. Они прорвали оборону советских войск на 300-км фронте, продвинулись на 150–170 км в глубь советской территории, захватили значительную часть Белгородской и Воронежской областей. В мае – августе 1942 г. советская авиация, стремясь остановить немецкое наступление, затруднить переброску и продвижение вражеских войск, бомбила железнодорожные станции, автомобильные дороги, мосты и аэродромы.

Так, 15 мая 1942 г. экипажу прадедушки была поставлена задача – ночью с высоты 100 метров разрушить мост в городе Семилуки Воронежской области. Выполняя задание в сложных условиях, мост уничтожили, причем цель подвергалась несколько раз обстрелу из пулеметов.

20 июля 1942 г. его экипаж отлично выполнил боевое задание по блокировке аэродрома в г. Старый Оскол Белгородской области, за что получил благодарность командования.

В ночь с 12 на 13 августа 1942 г. самолет прадедушки бомбардировал артиллерийские и минометные батареи немцев в саду, севернее населенного пункта Старые Семилуки. При подходе к цели наблюдали сильный артминометный огонь по нашим позициям. Произвели бомбометание, а потом снизились до 800 метров и пулеметным огнем штурмовали позиции неприятельских батарей, после чего вражеская стрельба прекратилась.

В ночь с 26 на 27 августа 1942 г. экипаж сбросил бомбы на железнодорожные эшелоны у станции Касторная Касторенского района Курской области. Бомбы легли по южной части станции, возникло два крупных очага пожара. На обратном пути экипаж, снизившись до 400 метров, произвел обстрел автоколонн до 16 штук по дороге на Касторную. В результате обстрела выведено из строя две автомашины противника.

В ночь с 9 на 10 сентября 1942 г. самолет прадедушки произвел бомбометание по скоплению войск и технике противника в населенном пункте Мастюгино Острогожского района Воронежской области. В результате бомбардировки по южной окраине пункта возникло три крупных очага пожара. На северной окраине пункта было замечено движение автотранспорта и людей. Экипаж, снизившись до 500 метров, произвел обстрел из пулеметов. В результате обстрела возник очаг пожара на северной окраине пункта.

В ночь с 16 на 17 сентября 1942 г. экипаж осуществил бомбардировку складов и эшелонов на крупной железнодорожной станции Кшень Советского района Курской области. В результате бомбометания вызван один очаг пожара. На обратном пути по дороге Лачиново – Касторное было обнаружено движение автомашин до 20 штук. Экипаж произвел обстрел колонны, в результате которого уничтожена одна автомашина.

В ночь с 22 на 23 сентября 1942 г. бомбардировщик прадедушки снова совершил налет на станцию Кшень. В результате бомбометания вызвано два очага пожара, причем один из них – с мелкими вспышками взрывов. На полустанке, в трех км западнее станции Кшень, в 22.05 экипаж произвел обстрел из пулеметов железнодорожного эшелона до 40 вагонов, в результате которого возник один очаг пожара.

Всего за период боев с 18 июля 1941 г. по 1 марта 1943 г. Павел Степанович Приходько совершил 63 успешных боевых вылета ночью на самолете СВ. В составе экипажа им был уничтожен один самолет противника на его аэродроме, три автомашины, подожжен один железнодорожный эшелон, два склада с боеприпасами, разрушено два здания, повреждено летное поле в шести местах и железнодорожное полотно в двух местах, вызвано 52 очага пожара и два взрыва.

Командование отмечало, что «товарищ Приходько в полете смел и находчив. Умело применяет огонь по автомашинам и живой силе противника, отлично держит связь в воздухе с землей, ... в совершенстве владеет своим

оружием и техникой. Матчасть содержит в отличном порядке». 16 апреля 1943 г. «за образцовое выполнение заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество» прадедушка был удостоен ордена Красной Звезды [1].

С 23 августа 1942 г. его боевое подразделение было переформировано в 331-ю отдельную авиационную эскадрилью ночных бомбардировщиков. С ноября 1942 г. по февраль 1943 г. она поддерживала с воздуха контрнаступление советских войск под Сталинградом. В июле 1943 г. 331-я отдельная эскадрилья была расформирована, а прадедушка был переведен в 18-й бомбардировочный авиационный полк 202-й бомбардировочной авиационной дивизии.

В ходе Белгородско-Харьковской операции с 3 августа 1943 г. он наносил удары по резервам противника в районах населенных пунктов Томаровка и Борисовка Белгородской области, Гайворона Кировоградской области, в августе – сентябре 1943 г. бомбил территории Харьковской и Сумской областей. В течение осени – зимы 1943 г. действовал в районе Киева, Житомира и далее на Западной Украине.

Летом 1944 г. принял участие в Львовско-Сандомирской операции и освобождении г. Львова. 24 июля в составе группы из восьми самолетов ПЕ-2 прадедушка производил бомбардировку района г. Стрый Львовской области. При отходе от цели группа была атакована 8-ю немецкими самолетами Мессершмитт-109. Все нападения огнем штурманов и стрелков-радистов были отражены, в результате чего сбит один вражеский самолет МЕ-109. Во второй половине августа 1944 г. полк прадедушки перебазировался в район Перемышля на полевой аэродром Поздич и поступил в резерв.

С января 1945 г. он принимал участие в Висло-Одерской операции, первые вылеты в ходе операции 16 января 1945 г. совершил на железнодорожный узел Освенцим. Прадедушка участвовал в освобождении польских городов Краков, Дембица, Домбровского бассейна, за что получил три благодарности от И. В. Сталина. Его полк поддерживал войска фронта в битве на Одере, в марте 1945 г. непрерывно наносил удары в районе Ратибор – Эрнау. Так, 18 марта 1945 г. полк нанес удар по Обер-Глогау, а 22 марта 1945 г. уничтожил войска противника в районе Ратибора (ныне Рацибуж в Польше). В марте 1945 г. полк перебазировался на аэродром Зендык, затем на аэродром Любен, откуда наносил удары по Бреслау (ныне Вроцлав в Польше).

В период с 1 марта 1943 г. по 30 марта 1945 г. прадедушка совершил еще 48 боевых вылетов, а всего с начала войны – 111 операций. По заключению командования, сержант Павел Степанович Приходько «материальную часть радиостанций РСБ-3 Бис, СПУ-3ф и стрелковое вооружение самолета Пе-2 знает хорошо и грамотно эксплуатирует, как на земле, так и в

МОИ ПРАДЕДЫ – ЗАЩИТНИКИ ОТЕЧЕСТВА

воздухе. Связь всегда держит хорошо. В воздухе инициативен. Свой боевой опыт передает молодым стрелкам-радистам». Приказом от 30 марта 1945 г. он был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени [2].

В апреле 1945 г. его полк перебазировался на аэродром Фридерсдорф и в ходе Берлинской операции наносил удары по трем стратегически важным переправам на реках и каналах в 30 км восточнее Берлина, близ города Вендиш-Бухгольц, а затем бомбил сам Берлин.

Помимо двух орденов, Красной Звезды и Отечественной войны 2-й степени, прадедушка был награжден медалями «За освобождение Праги», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «20 лет Победы в Великой Отечественной войне», «25 лет Победы в Великой Отечественной войне», «30 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «40 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «50 лет Вооруженных Сил СССР», «60 лет Вооруженных Сил СССР».

После войны в 1948 г. прадедушка устроился весовщиком и проработал до ухода на пенсию в 1981 г. За успешный труд был награжден многочисленными премиями, ценными подарками и знаком «Отличник социалистического соревнования железнодорожного транспорта». Он был очень трудолюбивым. Его фотография висела на Доске почета.

В 1947 г. он женился на моей прабабушке. В 1950 г. у них родилась дочь Тамара, а в 1951 г. – сын Владимир. Дочь получила высшее образование. Сын стал военным офицером. Павел Степанович вырастил пятерых внуков, которые его очень любили.

Умер он в 1987 г. по болезни, тогда ему было 66 лет. Мой прадедушка сам построил два дома. Очень любил работать в огороде и в саду. Дети, внуки и правнуки им очень гордятся.

Примечания

1. Приходько Павел Степанович // Подвиг народа [Электронный ресурс]. URL: <http://podvignaroda.mil.ru/> (дата обращения: 28.04.2012); Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО). Ф. 33. Оп. 682526. Ед. хр. 928. Л. 326, 328–328 об.

2. Приходько Павел Степанович // Подвиг народа [Электронный ресурс]. URL: <http://podvignaroda.mil.ru/> (дата обращения: 28.04.2012); ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690306. Ед. хр. 198. Л. 133–133 об., 141–142.

Прошедшее надо знать не потому, что оно прошло, а потому, что, уходя, оно не умело убрать своих последствий.

Василий Осипович Ключевский

Чем меньше становится очевидцев боевых сражений, тем большая ответственность ложится на нас, живущих сегодня, за то, чтобы не ускользнули из наших рук связующие нити поколений. Спросить, услышать, запомнить, сохранить... – это моральный и святой долг правнуков, профессиональный и гражданский долг историков. Ведь емкие слова «защитники Отечества» вмещают в себя конкретные судьбы людей, и ошибок здесь быть не может, быть не должно. Прав Ральф Эмерсон, говоря: «История, собственно, не существует, существуют лишь биографии».

С огромным интересом принялся я за выполнение задания по истории России (необходимо было написать сочинение о прадедах, участниках Великой Отечественной войны). Просматривая семейные архивы, я вдруг вспомнил уроки истории в своей школе. Они всегда были интересными, но только теперь я понял, что воспринимал «не то» и «не так», когда движение красных стрелок по карте, обозначающие перемещение войск в битве под Москвой, было для меня просто информацией, которую необходимо запомнить. И только теперь, написав сочинение, имея в руках новую информацию из архивов, я понял и потрясен тем, что за этими движущимися по электронной карте стрелками – колонны, дивизии, бойцы, мой прадед Оликов Михаил Алексеевич.

Он родился в 1909 г. на территории современной Актюбинской области Казахстана. Призван Актюбинским военкоматом. Служил заместителем командира отделения 79-го гвардейского стрелкового полка 93-й Восточно-Сибирской (с 20.04.1942 г. – 26-й гвардейской) стрелковой дивизии. В октябре 1941 г. его дивизия была срочно переброшена из Забайкальского военного округа под Москву, где сложилось критическое положение. Немецкие войска прорвали советскую оборону, окружили и уничтожили наши крупные силы под Брянском и Вязьмой. Они стремительно продвигались на восток: 13 октября была взята Калуга, 16-го – Боровск, 18-го – Малоярославец, 19-го – Можайск. Столица нашей Родины осталась практически без военного прикрытия. 20 октября 1941 г. дивизия прадедушки выгрузилась на станции Орехово-Зуево. Совершив за четве-

ро суток 160-километровый марш, 24 октября дивизия прибыла в район города Подольска Московской области. В тот же день она получила боевой приказ задержать противника, наступавшего по Симферопольскому и Калужскому шоссе. Пройдя еще 45 км, 25 октября 1941 г. дивизия вступила в сражение с фашистскими захватчиками на рубеже Коломенское – Белогорское – Горки. Мощным контрударом ей удалось отбросить противника за реку Нарю. 9 ноября 1941 г. немецкое командование предприняло новое наступление. Против 93-й дивизии были брошены две немецкие пехотные дивизии и около 100 танков. Удар наносился из района Малоярославец – Серпухов по реке Наре. Дивизия прадедушки была прижата к Москве, но 4–5 декабря 1941 г. в составе 33-й армии разгромила противника и снова отбросила его к реке Наре. 5 декабря 1941 г. советские войска перешли в контрнаступление под Москвой. Дивизия прадедушки участвовала в боях на юго-западном направлении, освобождении крупной железнодорожной станции Балабаново (28 декабря 1941 г.), городов Малоярославец (2 января 1942 г.), Боровск (4 января) и райцентра Износки (22 января) в Калужской области. В феврале – марте 1942 г. ее части вели активную оборону на территории Смоленской области. 20 апреля 1942 г. за мужество, отвагу и героизм, проявленный в боях под Москвой, она была преобразована в 26-ю гвардейскую стрелковую дивизию.

30 июля 1942 г. советские войска начали Ржевско-Сычевскую наступательную операцию. Они планировали разгромить основные силы 9-й немецкой армии, овладеть городами Ржев и Zubцов Калининской (ныне Тверской) области, освободить города Сычевка, Гжатск, Вязьма Смоленской области и прочно закрепиться на рубеже рек Волга, Гжать и Вазуза. В рамках этой операции 4 августа 1942 г. дивизия моего прадедушки форсировала реку Держа, прорвала главную полосу обороны противника на фронте 7 км и на глубину 8 км, освободив районный центр Погорелое Городище Калининской области (ныне село Zubцовского района Тверской области). В первый же день этого наступления, 4 августа 1942 г. мой прадедушка Оликов Михаил Алексеевич был убит и похоронен в роще западнее села Ивановское Погорелое-Городищенского района Калининской области (ныне Zubцовского района Тверской области) [1]. Его жене и моей прабабушке Александре Евдокимовне была послана извещение о гибели, но в похоронке ошибочно был указан несуществующий пос. Ливан вместо пос. Яйсан Мартукского района Актюбинской области, и поэтому она так и не попала по назначению.

Читаю архивные документы, соотношу их с тем, что знает семья о моем прадедушке, о чем писал раньше в своем сочинении: «... ушел на фронт в первые дни войны и погиб в Смоленской области в 1942 году. Похоронен там же в братской могиле в селе Барс. Мой (тогда пятилетний) дедушка

Сергей помнит лишь серый треугольник похоронки и то, как выла ледящим душу голосом мать. А выть было от чего! Полная изба детей, четверо, а старшему – десять лет».

Оказывается, мой прадед действительно участвовал в обороне (в составе своей части) Смоленской области (оттуда и пришла похоронка), но, судя по сведениям из архива и согласно списку безвозвратных потерь начальствующего и рядового состава, был убит и похоронен в Калининской области (ныне Тверской)...

Только один боец, одна судьба и столько вопросов... Семья получила похоронку весной 1942 г. из-под Смоленска, но документы это не подтверждают. Значит, прадед остался жив и погиб 4 августа 1942 г. (четыре месяца спустя) и не под Смоленском, а в Калининской области, но новую похоронку семья не получала и считала прадеда погибшим и похороненным в селе Барс, куда и мечтал я когда-нибудь поехать.

О другом прадедушке, Знайченко Павле Сергеевиче, сведения, полученные из архивных документов, и вовсе полностью противоречат семейным воспоминаниям.

Раньше в своем сочинении я писал: «Мой прадед – отец бабушки Знайченко Павел Сергеевич ушел на фронт 27-летним, воевал в разведротте и погиб под Ленинградом в 1942 году. Получив похоронку, прабабушка мыкала горе с тремя детьми на руках и вдовствовала до самой смерти в 2008 году... Я помню рассказы о том, что на память о муже ей осталась только белая «газовая» косынка, присланная в пурпурном конверте из Германии боевым товарищем мужа, вместе с последним приветом и наказом семье от умирающего бойца».

Ведь все это со слов боевого товарища прадеда и рассказов моей бабушки! А архивные документы говорят о том, что Знайченко Павел Сергеевич родился в 1910 году. В 1941 г. был призван на фронт Хобдинским райвоенкоматом Актюбинской области. Служил стрелком-красноармейцем в 250-м мотострелковом полку 82-й мотострелковой дивизии. 7 октября 1941 г. она была срочно направлена из Монголии на Западный фронт, под Москву. 26 октября дивизия впервые вступила в бой с немецкими захватчиками возле деревень Шаликово Можайского и Дорохово Рузского районов Московской области. Она пыталась отбить важный перекресток дорог: Смоленск – Москва с запада на восток и Верея – Руза с юга на север, который противник взял под контроль. Несмотря на героические усилия, все атаки 82-й дивизии были отражены с огромными для нее потерями. 15–16 ноября 1941 г. фашисты продолжили наступление на запад с целью овладеть Звенигородом в 30 км от Москвы. В ходе боев на подступах к этому городу 18 ноября 1941 г. мой прадедушка Знайченко Павел Сергеевич пропал без вести [2] в районе деревни Брыкино (ныне исчезнувшей) Звенигородского

(ныне Одинцовского) района Московской области. Его жене Раисе было послано извещение о гибели в пос. Краснояр Новоалександровского сельсовета Хобдинского района Актыбинской области [3].

К сожалению, мои прабабушки умерли, и все, что я знаю о воинах – защитниках нашей семьи, я услышал уже от бабушки и дедушки (а им было в 1942 г. по 5 лет). Эти же рассказы и воспоминания хранит моя мама. Фотографий с фронта прадеды прислать не успели, погибли в начале войны. А на довоенных фото – красивые, статные мужчины с большими, привыкшими к тяжелой работе руками. Однако военное лихолетье оторвало «от сохи» и бросило в пламень сражений.

Я по праву горжусь моими прадедами. Они, как и другие южноуральцы, достойно стояли на страже Родины.

Попытавшись заглянуть сквозь завесу времени в далекие военные годы, я получил больше вопросов, чем ответов, но ведь талант историка, по словам Эрнеста Ренана, в том и состоит, чтобы «...создать верное целое из частей, которые верны лишь наполовину».

Выбранная мною профессия заставляет помнить об этом.

Примечания

1. Оликов Михаил Алексеевич // Обобщенный банк данных «Мемориал» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.obd-memorial.ru/> (дата обращения: 29.04.2012); Именной список безвозвратных потерь начальствующего и рядового состава 79-го гвардейского полка 26-й гвардейской стрелковой дивизии с 1 по 10.08.1942 г. // Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО). Ф. 58. Оп. 818883. Ед. хр. 859. Л. 24.

2. Знайченко Павел Сергеевич // Обобщенный банк данных «Мемориал» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.obd-memorial.ru/> (дата обращения: 29.04.2012); Список по розыску военнослужащих рядового и сержантского состава, связь с которыми прекратилась в период Великой Отечественной войны 1941–45 гг. и судьбы которых неизвестны их родственникам, проживающим на территории Хобдинского райвоенкомата Актыбинской области // ЦАМО. Ф. 58. Оп. 977522. Ед. хр. 189. Л. 486.

3. Знайченко Павел Сергеевич // Обобщенный банк данных «Мемориал» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.obd-memorial.ru/> (дата обращения: 29.04.2012); Именной список безвозвратных потерь начальствующего и рядового состава частей 82-й мотострелковой дивизии 5-й армии от 11 февраля 1942 г. // ЦАМО. Ф. 58. Оп. 818883. Ед. хр. 583. Л. 36.

А. Годовова

Научные руководители: Е.В. Годовова, к. и. н., доцент, заместитель директора по научной работе Оренбургского филиала РАНХиГС;

*Н.А. Савицкая, учитель истории МОБУ «Гимназия №5»
г. Оренбург*

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ОРЕНБУРГСКИХ КАЗАКОВ XIX ВЕКА

История повседневности – новая отрасль исторического знания, предметом изучения которой является сфера человеческой обыденности во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах. В центре внимания истории повседневности комплексное исследование повторяющегося, «нормального» и привычного, конструирующего стиль и образ жизни у представителей разных социальных слоев, включая эмоциональные реакции на жизненные события и мотивы поведения. Это мелкие и частные события повседневной жизни, пути приспособления к событиям внешнего мира, особенности частной, личной домашней жизни, быт в самом широком смысле, эмоциональная сторона событий и явлений, переживание обыденных фактов и бытовых обстоятельств отдельными людьми и группами людей [11].

Возрождение казачества в России, происходящее в наше время, сделало актуальным изучение его истории. Особый интерес представляет повседневная жизнь оренбургского казачества – замкнутого и самобытного сословия, сыгравшего большую роль в становлении и развитии Оренбургского края.

Настоящее исследование может быть использовано в качестве дополнительного материала при изучении истории России и краеведения.

Объект исследования: повседневность оренбургского казачества.

Предмет исследования: складывание внутрисемейных отношений, материальная культура и одежда оренбургских казаков XIX века.

Территориальные рамки исследования охватывают земли Оренбургского казачьего войска, определенные Положением 1840 г.: от Илецкого городка до Оренбурга и далее через Верхнеуральск и Троицк вплоть до Звериноголовской крепости, пограничной с Сибирью. Это современные Оренбургская, Челябинская, часть Самарской и Курганской областей, некоторые восточные и юго-восточные районы Республики Башкортостан и северные районы государства Казахстан.

Хронологические рамки работы определены XIX веком, т.к. именно на протяжении этого столетия оренбургское казачество превратилось в замкнутое военное сословие, что сказалось на его повседневной жизни.

Цель исследования: определить черты повседневности оренбургского казачества.

Задачи исследования:

- раскрыть особенности внутрисемейных отношений оренбургских казаков;
- выявить специфические черты материальной культуры оренбургских казаков;
- охарактеризовать традиционную одежду оренбургских казаков.

Исследование опирается на труды отечественных историков: Ф.М. Старикова, А.П. Абрамовского, В.С. Кобзова и др., а также на воспоминания и периодические издания.

Исходя из поставленных задач, в исследовании использованы методы: сравнительно-исторический и проблемно-хронологический, а также приемы анализа и синтеза, дедукции и индукции.

Структурно работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы и девяти приложений.

Семья – это социокультурная единица, основанная на кровном родстве или браке. Члены семьи связаны общностью быта, взаимной помощью и моральной ответственностью [18, с. 419]. Семья всегда играла важную роль в жизни общества и государства, в воспитании новых поколений, обеспечении общественной стабильности. В силу неразвитости системы образования в XIX в. центр тяжести воспитания и социализации подрастающего поколения во всех сословных группах ложился на семью.

Семьи оренбургских казаков были большими, главой семейства обычно являлось старшее по возрасту лицо, безразлично – мужчина или женщина. Например, «можно было встретить столетнюю бабу, которая является патриархом своей семьи, распоряжаясь пятидесятилетними сыновьями, тридцатилетними внуками и десятилетними правнуками», отмечает исследователь оренбургского казачества Н. Евсеев [6, с. 38].

По сравнению с крестьянками женщины-казачки имели большую свободу и большие права. Это объясняется тем, что во время войн, да и в мирное время женщины, дети и старики составляли основные рабочие руки.

Женились казаки всегда до службы, часто вступающим в брак было по 17–20 лет. Браки в основном заключались между представителями казачьего сословия, т.к. вплоть до 50-х гг. XIX в. иногородним запрещалось селиться на войсковой территории, пользоваться угодьями казаков, приобретать недвижимость. Вышедшая, к примеру, замуж за крестьянина или мещанина казачка лишалась права проживать в родной станице, а на въезд в нее для посещения своих родителей каждый раз должна была получать разрешение у войсковых властей.

Свадьбы оренбургские казаки обычно справляли зимою, после Святков, или осенью, после полевых работ. Зажиточные же казаки могли позволить себе обвенчаться весною и летом.

Женился молодой казак на той девушке, которую выбрали для него родители, даже если ему нравилась другая. При выборе невесты большее внимание обращалось не на ее внешность, а на «породу» и материальное положение ее родственников (оно должно было быть приблизительно таким же, как и у родителей жениха) [8], т.е. браки заключались в пределах кастовых границ [16].

Предпочтение отдавалось девушке постарше, хозяйственной и работающей [10, с. 169–170], которая должна была стать незаменимой помощницей свекрови. Родители юноши старались женить сына в 17 ½ и 18 лет, а родители девушки не торопились выдавать дочь замуж.

По определению П. Сорокина, семья в XIX в. была «замкнутым целым, царством, где за пределами китайской стены господствовала власть родителей» [15, стб. 161]. Так и в семьях оренбургских казаков, где царил военная дисциплина, дети находились в полном подчинении у родителей, с раннего детства помогая им по хозяйству. Забота о состоянии здоровья детей лежала на матери, следившей за тем, чтобы они были обуты, одеты, накормлены. Отец же занимался их нравственно-религиозным воспитанием. Известны случаи, когда дети от первого брака проживали вместе с отцом и его второй женой [3, с. 160]. В XIX в. государство постепенно начинает отнимать у казаков их монопольное право на воспитание мальчиков. В 1819 г. Указом императора Александра I в ОКВ были созданы станичные школы. А выработанные командующим Оренбургского войска генерал-майором Н. В. Щуцким «Правила о порядке управления школами, в войске Оренбургском учрежденными» ясно определили роль казачьих школ – «быть не только рассадником умственного образования подрастающего поколения, но и проводником военного образования в духе казачьих традиций и воинской дисциплины» [19, с. 9]. Теперь функции воспитателя выполняли учителя, которые не только преподавали учебные дисциплины и проводили военные занятия, но и приучали казаков к опрятности, дисциплине, соблюдению порядков и правил приличия, уважения к старшим [4, с. 140].

Казачья молодежь под пристальным вниманием своих школьных наставников получала знания и навыки, необходимые как для воинской службы на благо отечества, так и для успешного ведения собственного хозяйства и осознанного участия в общественной жизни войскового сословия.

Главная цель обучения в школе формулировалась не как «прохождение положенной программы», а виделась в основательном изучении учебного курса, сознательном развитии учащихся, пробуждении их творческих дарований, самостоятельности, в переработке полученных знаний. «Поэтому

забота об усовершенствовании, улучшении методов обучения, способов передачи знаний – важнейшее дело учителя, и в этом отношении каждый учитель должен быть не только хорошим ремесленником, применяющим настойчиво и систематично приемы и способы, приобретенные права гражданства с методической и дидактической стороны, но и должен суметь возвыситься до искусства преподавания, до художника-преподавателя» [1, с. 236–237].

Воспитание девочек строилось иначе, чем мальчиков. Распространенное в первой половине XIX в. мнение выразил один из корреспондентов Русского географического общества: «Родители вообще думают, что девочку не для чего учить грамоте... Ее дело – знать хозяйство» [5, с. 47]. П. П. Жакмон, сын начальницы Оренбургского девичьего училища II разряда, в своих воспоминаниях так описывает воспитанниц этого учебного заведения: сорок учениц почти все грубые, невоспитанные казачки, говорившие на «о» и употреблявшие часто в разговоре неприличные слова. Многие из них не только не знали ни одной молитвы, но и не умели сложить пальцы для крестного знамения [7, с. 133].

Огромные усилия были предприняты педагогами училища, и первый выпуск, состоявшийся в 1854 г., показал, чего они достигли: «Выпускные девицы были одеты в легкие белые платья, и наружность их настолько изменилась к лучшему, что в них нельзя было узнать прежних грубых оренбургских и уральских казачек. Они умели поддерживать салонный разговор на французском языке, читать французские и немецкие книги, рисовать, играть на рояле, читать стихотворения и т.д.» [7, с. 138–139].

Основой глубокого традиционализма казачьей общины, суть которого понималась как служба Богу, Царю, Отечеству, стала христианская вера [12, с. 218]. Православное население войска по воскресным и праздничным дням посещало храмы, соблюдало посты, поминало родителей и т.д. [17, с. 217]. Полковые и станичные атаманы, наблюдавшие вообще за казаками, обращали внимание и на то, кто и как ходит в церковь, и бывали случаи, когда атаман налагал штраф на казака, если тот явился в церковь в какой-либо «неисправности» [6, с. 36].

Анализ материальной казачьей культуры позволяет выделить специфические особенности организации быта и хозяйственной деятельности этой социальной группы. В материальную культуру помимо культуры труда и материального производства и культуры быта входит и культура топоса, т.е. места жительства (жилища, дома, деревни, города).

Средние размеры казачьих станиц намного превосходили размеры крестьянских сел. Дома оренбургских казаков в основном были деревянные. Для постройки корпуса здания использовали сосновые и березовые бревна; из сосновых, лиственных досок и дранья настилали полы, делали потолки

и крыши; из обожженного кирпича изготавливали печи; мох и паклю прокладывали между бревен, а дикий камень использовали для фундамента. Весь этот материал покупался у башкир или русских лесопромышленников и в войсковых борах.

Наиболее распространенным типом дома в XIX – начале XX вв. в Донском, Терском, Уральском, Кубанском, Астраханском, Оренбургском и других войсках были двух- и трехкамерные дома (изба – сени, изба – сени – изба). Внутренний план избы представлен разными вариантами, чаще всего русская печь находилась в заднем углу – слева или справа от входа, устье обращено к боковой длинной стене (в Оренбургском войске также и к передней стене дома). В домах оренбургских казаков было от одной до пяти комнат, но большинство состояло из двух комнат, разделенных холодными сенями. Такие дома получили название «связь». Одна из комнат называлась изба (кухня), а другая – горница (чистая комната).

«Связи» имели от шести до восьми окон, из которых два обязательно выходили на улицу и одно или два во двор. Строились такие дома так, чтобы кухня выходила на улицу, а сени и чистая комната во двор либо вдоль улицы, тогда перед сенями строили крыльцо с навесом. С крыльца дверь вела в сени, а оттуда одна дверь – в кухню, другая – в горницу.

Кухня представляла собой комнату, где в одном углу стояла большая кирпичная печь с белой трубой. Над самым входом от печи до противоположной стены на один аршин (71,12 см) от потолка тянулись полати, т.е. насланные доски, которые в зимнее время служили кроватью, а в летнее – местом, куда складывалась одежда. Под полатами находилась деревянная кровать. Вдоль стен тянулись широкие лавки, составлявшие вместе со скамьей и столом всю мебель кухни. В переднем углу находилась божница, уставленная иконами, из которых у русских самое видное место занимала «плащаница», изображенная на полотне, она являлась самой уважаемой и почитаемой иконой [17, с. 196, 198].

От печи на одной высоте с полатами через всю комнату к передней стенке тянулась «грядка» (полка), на которой размещался домашний скарб и которая разделяла кухню как бы на две части: «куть» (перед печью) и избу. В кути, в полу, делалась западня, которая вела в подвал, где зимой хранились овощи, выращенные на огороде. Около печи к стене был приделан «залавок», где хозяйка готовила еду, а рядом стоял шкаф – посудник. В нем хранилась кухонная посуда. Казаки пользовались деревянной (чашки, ложки, ведра и т.д.), глиняной (жаровни, горшки, кувшины и т.д.), металлической (ведра, сковороды, чугуны и т.д.) и стеклянной (бутылки, графины, рюмки и т.д.) посудой. Здесь же под шкафом помещался самовар, который, начиная с 60-х годов XIX в., стал непременной принадлежностью каждого казачьего дома.

Внутреннее обустройство горницы во многом отличалось от устройства избы, т.к. чистая комната предназначалась для отдыха, приема гостей. Слева, в углу около двери, стояла белая печь, а напротив нее размещалась деревянная кровать. Если в доме жила молодая хозяйка, то кровать убиралась особенно тщательно, нарядно. Пышная перина покрывалась шерстяным стеганым одеялом, из-под которого выглядывала белая простыня с кружевами собственного изделия – «подзорник». В переднем углу стоял стол, накрытый белой скатертью, над ним помещалась божница с иконами, перед которой висела лампада. Убранство горницы в будний день оставалось таким же, что и в праздник. Исключение составляла лишь кровать, на которой пунцовые или коленкоровые наволочки на подушках менялись на ситцевые, а шерстяное одеяло на простое бухарское или ситцевое из разноцветных лоскутков [2, с. 62].

Интерьер избы обеспеченных казаков отличался подчеркнутой декоративностью. Стены казачьей избы украшали оружием и конской сбруей, картинами с изображением военных сюжетов, семейными портретами, портретами казачьих атаманов и членов царской семьи. По свидетельству Ф.М. Старикова, «в редком доме казака нет портрета Государя». Иногда между картинками можно встретить выдаваемые наказным атаманом ученикам и ученицам похвальные листы [17, с. 197].

Следует отметить, что дома оренбургских казаков отличались от крестьянских жилищ тем, что были более крепкими и независимо от достатка казака содержались в чистоте и порядке.

Говоря об особенностях повседневной жизни оренбургских казаков, следует остановиться на рассмотрении их традиционной одежды. Обращение к ней помогает лучше представить эстетические вкусы, психологические особенности, социальные и национальные корни казачьего сословия.

Официальная (форменная) одежда казаков бытовала только в качестве праздничной, поэтому ее надевали только несколько раз в году. «Одежда казаков, конечно, исключительно официальная, не имеет в себе ничего характерного, что могло бы их отличить от мещан, хотя этого и надо было бы ожидать», – отмечает исследователь оренбургского казачества Ф.М. Стариков [17, с. 208]. Однако в некоторых станицах казаки с момента обучения в школе до конца жизни носили только форменную одежду, а в гражданской выполняли лишь черновую работу [9, с. 72].

Зимой в праздничные дни казаки носили овчинный, крытый сукном или другой материей тулуп с черным мерлушчатым воротником, под ним короткое военное пальто и пиджак с таким же жилетом и шароварами, заправленными в голенища. На голову надевали черные мерлушчатые шапки, на шею пуховые и шерстяные шарфы, на ноги сапоги или (очень редко)

пимы (валенки из овечьей шерсти). Летом пальто подпоясывали широким кушаком из шерстяной материи, на ноги надевали сапоги на высоких каблуках, на голову фуражку. В зимнее рабочее время оренбургские казаки носили шубы и полушубки из овчины, мерлушчатые шапки, серые кафтаны из домашнего сукна (зипуны), суконные и холщовые шаровары, валенки (пимы), опояски и овчинные рукавицы. Летом шубы заменялись кафтанами либо бухарскими халатами, шапки фуражками, а валенки сапогами.

Наиболее распространенным типом рубахи была ситцевая или нарядная шелковая косоворотка с разрезом на левой или правой стороне, или с пуговицами спереди, с пришитым большим сборчатый воротником. В одних поселках было принято заправлять рубаху в штаны, в других носить навыпуск, повязав поверх нее длинный и широкий, а иногда расшитый пояс.

Большой интерес представляет одежда оренбургских казачек. Причем в станицах, расположенных ближе к городам, на фасоны одежды оказывала влияние городская мода. Например, праздничный костюм девушки, проживающей в пригороде, выглядел так: ситцевое, шерстяное или шелковое платье, плотно облегающее талию, с белым накрахмаленным воротничком и манжетами. На голове либо чепец – повязка, сшитая из атласной ткани яркого цвета, либо гребенка.

А в отдаленных станицах, таких, как Павловская, Нижнеуевельская, Донецкая, вплоть до начала XX в. казачки носили сарафаны. Особенность их косоклинного пошива была характерна для уральских казаков, что позволяет считать, что сарафаны данного типа были привнесены в среду оренбургских казаков уральскими, вошедшими в состав ОКВ при его формировании и позже [17, с. 210; 14, с. 76]. Головным же убором служил шелковый платок, повязанный у замужних концами назад, а у девушек под подбородком.

Наиболее распространенным, а в некоторых станицах даже единственным типом женской одежды были кофта и юбка. Суконные, шерстяные, полшерстяные и ситцевые юбки отделялись кружевом с внутренней стороны для имитации нижней юбки. Кофты шились из ситцевых, атласных, полшерстяных тканей, украшались вышивками и аппликациями. Кофты всегда носили навыпуск, не заправляя в юбки.

Осенью и весной женщины-казачки, в зависимости от достатка, носили драповые или шерстяные пальто, зимою – суконные шубы из овчинного меха, часто с лисьими воротниками, пуховые и шерстяные платки, валенки.

Праздничной обувью для оренбургских казачек были высокие ботинки на шнурках. Сапоги же никогда не надевали: это считалось таким же грехом, как носить брюки и стричь волосы. Бытовали и черевички – обувь, у которой подошва делалась из толстой кожи, а верх из тонкой. Выходной обувью считались калоши, но приобрести их могли только зажиточные люди.

Интересно, что, несмотря на крестьянское происхождение, многие русские казаки не носили лапти, а нагайбаки предпочитали именно этот вид повседневной обуви.

Своеобразием отличалась женская прическа. Волосы казачки никогда не стригли. Незамужние женщины носили одну косу с одной–тремя лентами. Ее заплетали на несколько дней – «от бани до бани». На свадьбе волосы девушки делились на две косы, которые завивали в шишку, в 40 лет их укладывали на затылке «замочком», а в старости обвивали вокруг головы [2, с. 66].

Из украшений русские казачки предпочитали ожерелья (борки – местное название) из простых камней или стекла, серебряные, медные и редко золотые серьги, перстни и кольца, а нагайбакские женщины еще браслеты и нагрудники, состоящие из серебряных монет старого чекана.

Таким образом, городская мода оказала влияние на внешний вид оренбургских казаков. На смену традиционной одежде пришли новые фасоны: так, юбки и кофты практически заменили сарафаны, появились пальто, пиджаки. Однако сохранились архаичные крестьянские элементы – платки, лапти и т.д., что, конечно, было связано с происхождением большинства казаков и постоянным притоком крестьян в ОКВ. Но, безусловно, в казачьей одежде прослеживается специфика, которая подчеркивала статус ее носителя, в частности, форма, сапоги, фуражка.

Оренбургское казачество с конца XVIII – начала XIX в. оформляется в отдельную социальную группу с особой психологией, на формирование которой оказали влияние сословность, многонациональность, поликонфессиональность данного сообщества.

Семьи оренбургских казаков были большими. Браки в основном заключались между представителями казачьего сословия. Все тяготы домашней работы в основном ложились на женские плечи, тем более что жениться казаки предпочитали рано, до службы, и в молодых женах, прежде всего, видели хороших работниц.

Сравнивая материальную культуру оренбургских казаков и проживающих в Оренбургской губернии крестьян, мы находим много общего, т.к. казачье население в основной своей массе являлось специфическим разрядом крестьянства. Но характер службы казаков накладывал неизгладимый отпечаток на все стороны их жизнедеятельности. Это прослеживается в одежде, постройке и убранстве домов, предметах бытового обихода и свидетельствует об определенном статусе и специфике социальной психологии их владельцев. Так, дома оренбургских казаков, в отличие от крестьянских, были более крепкими и независимо от достатка их хозяев содержались в чистоте и порядке; повседневная одежда мужчин: форма, сапоги, фуражка – подчеркивала их принадлежность к казачьему сословию.

Следует отметить, что местная администрация уделяла большое внимание моральному облику казаков, а именно, следила за их нравственным и физическим состоянием, внешним обликом, способствовала патриотическому воспитанию молодежи, тем самым стараясь поддерживать тот образ казака, который бы соответствовал представителю привилегированного военно-служилого сословия.

Литература

1. Абрамовский А.П., Кобзов В.С. Оренбургское казачье войско в трех веках. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1999. 165 с.
2. Галигузов И. Ф. Материальная культура оренбургских казаков (XIX – начало XX в.) // Оренбургское казачье войско. Страницы истории X–XX вв.: сб. науч. тр./ под ред. А.П. Абрамовского. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1999. С. 58–69.
3. Годовова Е. В. Оренбургское казачье войско в 1798–1865 гг. Самара: Универс-груп, 2007. 214 с.
4. Годовова Е. В. Педагогический состав казачьих школ Оренбургского казачьего войска в XIX – начале XX вв. // Проблемы истории Оренбургского края XVIII–XX веков: сборник статей / отв. ред. Ю.П. Злобин. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2004. С. 139–149.
5. Гончарова Ю. М. Родители и дети в семьях провинциальных горожан середины XIX – начала XX в. // Пятые Татищевские чтения: тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург, 22–23 апреля 2004 г. Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 2004. С. 44–48.
6. Евсеев Н. О прошлом и настоящем оренбургских казаков / под ред. В. Троцкого. Самара, 1929. 95с.
7. Жакмон П.П. Из воспоминаний оренбургского старожила // Гостинный двор. №4. С. 132–142.
8. Завьялов А. Свадебные обряды казаков Челябинского уезда // Оренбургский край. – 1894. – №220.
9. Новикова О.В. Традиционная одежда оренбургского казачества в конце XIX – начале XX века // Оренбургское казачье войско: Культура. Быт. Обычай: сб. науч. тр. / под ред. А. П. Абрамовского. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1996. С. 72–82.
10. Плотников В. Очерки свадебных обрядов у оренбургских новополюсских казаков // Записки Оренбургского отдела Императорского русского географического общества. Вып. 2. Казань: Университетская типография, 1871. С. 169–200.
11. Пушкарева Н. «История повседневности» как направление исторических исследований – [Режим доступа]. – www.perspektivy.info.
12. Римский С. Казачество и православие // Дон. 1994. №1. С. 218–225.
13. Рыбалко А. А. Традиционная архитектура оренбургских казаков (вторая половина XIX – начало XX века). Челябинск, 2007. 194 с.
14. Савельев Е. П. История казачества. Т. 1. Новочеркасск, 1915.
15. Сорокин П. Кризис современной семьи // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. 1916. №3. Стб. 161.

16. С–ский С.Ник. Свадебные обычаи по казачьим селениям Троицкого уезда (Оренбургской губернии) // Оренбургские губернские ведомости. 1881. №35.

17. Стариков Ф.М. Краткий исторический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о современном быте оренбургских казаков и карты. Оренбург: Типография Б. Бреслина, 1890. 180 с.

18. Человек и общество. (Культурология): словарь-справочник. Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 1996.

19. Школьное образование в Оренбургском казачьем войске за 1819–1895 гг.: краткий исторический очерк / составил подьесаул С. Н. Севастьянов. Оренбург, 1896.

*Е. Гвоздева,
Научный руководитель – Н.А. Савицкая,
учитель истории
МОБУ «Гимназия №5»
г. Оренбург*

И. И. ГВОЗДЕВ – ОБЫЧНЫЙ ГЕРОЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Каждый год в день 9 мая наша страна вспоминает о Великой Победе. Длительный и тяжелый путь к Победе вел через ожесточенные сражения и тягчайшие испытания. Каждый день небывалой по масштабам и напряженности войны – это новая страница летописи беспримерных подвигов советских людей на фронте и в тылу, яркое свидетельство их стойкости, мужества и героизма, преданности Родине.

Примеров массового героизма история знает множество. Но о них забывает современное поколение. Старшие поколения проносят события войны через свое сердце – оно ближе к ним, о нем они знают не понаслышке. Современная молодежь все меньше интересуется прошлым, и в первую очередь своими корнями, своим происхождением, национальным достоянием. А ведь это очень важно – знать, кто ты, откуда ты, благодаря кому ты здесь в этом мире живешь, радуешься жизни... Конечно же, благодаря предкам. Мы обязаны знать исторический путь, подвиги предыдущих поколений.

Многие семьи стараются сохранить память о тех, кто воевал на фронтах Великой Отечественной войны, о том, как выжили в эти страшные годы их бабушки, дедушки, другие родственники. Подробности из их жизни знают не все, да и живых свидетелей становится все меньше и меньше.

Мне повезло, что историей моей семьи интересовались многие мои родственники. Через воссоздание биографии Ивана Ивановича Гвоздева – моего прадедушки, и подробное описание его подвига перед Отечеством можно показать современному поколению необходимость изучения прошлого своей семьи.

Для изучения данной темы нами использованы следующие материалы: военно-исторические очерки Г.А. Чечельницкого, изданные еще в 1960–1970-е гг., в которых воссозданы военные будни, отдана дань каждому воину. Это бесценный источник для тех, кто хочет узнать детали подвигов своих предков. Также источниками послужили воспоминания, интервью, документы, статьи и публикации, фотоархивы.

1908 год. Пятое октября. В семье московского ювелирных дел мастера Гвоздева Ивана Кузьмича рождается первый ребенок. В честь отца его называют Ваня. Иван Гвоздев – звучит! Мать Вани Гвоздева (Гурчева) – Анна Ивановна. Семья жила в деревне Воскресенке, которая находится в Рузском районе западной части Московской области.

До революции 1917 г. в семье Гвоздевых родилось еще трое детей: Сергей, Николай и Ксения. Иван был самым старшим ребенком, и поэтому с самого детства был очень самостоятельным, ответственным, как и все дети тех лет, так как времена были трудные и взрослеть приходилось рано. Никаких забав особо не было для детворы, поэтому развлекались, как могли. Одно из любимых занятий Вани было запускание воздушного змея. Быть может, тогда, глядя на воздушного змея, и зародилась казавшаяся недостижимой мечта о небе, о полетах.

Пришло время, и Иван окончил школу, где вступил в ряды комсомольцев, а тогда в комсомол принимали самых достойных. Будучи комсомольцем, он принимал активное участие в общественной жизни своего городка. Уже в юности он имел твердый характер, что очень пригодилось ему в дальнейшем. Впрочем, об этом мы узнаем немного позже.

Как пишет в военно-историческом очерке Г.А. Чечельницкий об Иване Гвоздеве: «В 1931 году по путевке комсомола пошел в Красную Армию и с нею связал всю свою жизнь. Профессия военного летчика, приобретенная в авиационной школе, была его призванием. Именно в авиации в полной мере проявились способности и дарования этого человека» [4].

Училище, в котором учился Иван Иванович, было основано в 1910 г. на Куликовом поле Севастополя как первое в России учебное заведение для обучения военных летчиков. Впоследствии его передислоцировали в окрестности устья реки Кача, где тогда находился Александро-Михайловский хутор. Рядом с училищем и был образован авиагородок Кача. Во время Второй мировой войны, в 1941 г., училище было эвакуировано в Красный Кут, где позже на базе оставленных после эвакуации имущества и техники было сформировано Краснокутское летное училище гражданской авиации. Именно гарнизон в Каче и Качинское училище стали колыбелью советской военно-морской авиации. Среди выпускников училища немало настоящих летчиков-асов, имена которых вписаны золотыми буквами в историю военной авиации. Воспитанниками Качинского училища стали: летчик-

ас, трижды Герой Советского Союза, маршал авиации А.И. Покрышкин (его именем названа одна из улиц п. Кача); дважды Герой Советского Союза, генерал-лейтенант Г.П. Кравченко; дважды Герой Советского Союза, генерал-лейтенант Я.В. Смушкевич; дважды Герой Советского Союза В.С. Ефремов; Герой Советского Союза Ч.К. Бенделиани; Герой Советского Союза П. Д. Осипенко – одна из первых в СССР женщин-летчиц, именем которой был назван соседний с Кечей совхоз; генерал-лейтенант В.И. Сталин – сын И.В. Сталина и многие другие именитые летчики [2].

Качинское высшее военное авиационное училище летчиков в п. Кача было расформировано в ноябре 1998 г. Преемником Качинского училища является 783-й учебный авиационный ордена Ленина Краснознаменный центр подготовки летного состава в г. Армавире, где хранится Боевое Знамя Качинского ВВАУЛ и ведется его Исторический формуляр [2]. К сожалению, семейные архивы не сохранили информации о том, когда, как и чему учился, с кем, по какой специальности, куда получил распределение. Известно, что прадед служил на Халхин-Голе.

Шел 1941 год. Наступила Великая Отечественная война. Ивану Гвоздеву на тот момент было уже 33 года. До наступления этой войны у него уже был опыт ведения боевых действий на озере Халхин-Гол, поэтому его в числе наиболее опытных направили в первые ряды защитников Родины.

Его военную службу в годы Великой Отечественной войны, оказавшейся столь недолгой, детально описывает автор романа «Летчики на войне» Г. А. Чечельницкий. В нем описывается и военная подготовка, и разговоры боевых товарищей в минуты тренировок, и, конечно же, боевые указания моего прадеда, ведь он был заместителем командира 215-го авиационного полка, защищавшего святыне земли Смоленщины [4].

Не будем детально описывать боевые будни, хотя каждый день из них сам по себе являлся героическим, о чем и написано в этом романе. Теперь подробнее расскажем о самом подвиге прадеда.

Немецко-фашистские войска рвались на восток, к Москве, стремясь во что бы то ни стало закончить войну до наступления зимы. На западном направлении происходили особенно тяжелые бои. Смоленское сражение, начавшееся 10 июля, развернулось на широком фронте от Великих Лук до Рославля. Советские войска стремились упорной обороной выиграть время, задержать наступление врага и обескровить его. В августе германское командование произвело пополнение и перегруппировку сил и возобновило наступление. Разгорелись ожесточенные бои в районе Великих Лук, потом на других участках фронта. Советские войска оказывали упорное сопротивление, предпринимали на ряде направлений контрудары. Особенно ощутимыми для противника были контрудары, нанесенные в августе и сентябре в районах Духовщины и Ярцево, юго-западнее города Белый и в районе Ельни [4].

Прибыв на Западный фронт 20 августа, в разгар операций в районе Духовщина – Ярцево – Великие Луки, полк на второй же день начал свою боевую деятельность. Первую задачу он получил на аэродроме вблизи Сычевки, из штаба 47-й смешанной авиадивизии, в состав которой был включен. Задача заключалась в том, чтобы нанести штурмовой удар по танкам и артиллерии противника в районе северо-восточнее Духовщины [4].

В небольшой роще близ аэродрома собрался весь личный состав. Косые лучи заходящего солнца, пробиваясь сквозь кроны деревьев, ярко освещали карту района, прикрепленную к большому листу фанеры. Летчики внимательно следили за острием указки в руках заместителя командира полка капитана Гвоздева. Он знакомил их с районом боевых действий, не спеша называл населенные пункты, железнодорожные станции, озера, реки, через которые проходила линия фронта.

На следующий день рано утром капитан Гвоздев направился с группой «ильюшиных» в район Духовщины. На небольшой высоте штурмовики прошли сотню километров, отделявшую аэродром от линии фронта. Фронт обозначался желто-белыми вспышками, языками пламени и густым черным дымом, стелющимся по земле. Гвоздев сразу обнаружил колонну вражеских машин. Последовала команда «Атака», и летчики, сделав горку, сбросили бомбы. Оставляя огненный след, устремились вниз реактивные снаряды. Тотчас же штурмовики обстреляли колонну пушечным и пулеметным огнем. Нетрудно было заметить результаты первого штурмового удара: опрокинутые машины, уткнувшиеся в землю стволы пушек, мечущиеся возле них и распластанные на земле фигурки гитлеровцев [4].

Семерка Гвоздева с лидером направилась в район Замятино – Калугино – Щелкино. Здесь штурмовики нанесли противнику большой урон. Восьмерке капитана Мамошина, вылетевшей позднее, удалось уничтожить в этом же районе около десяти немецких танков и поджечь несколько цистерн. Несмотря на огонь зенитных батарей, все самолеты возвратились на свой аэродром. Личную благодарность заместителя командующего ВВС фронта заслужил капитан Гвоздев. На следующий день группа штурмовиков впервые должна была вылететь на предельную дальность действий самолета — в район западнее Великих Лук. Первую семерку поручено было возглавить капитану Гвоздеву [4].

...Семерка идет низко над землей. Гвоздев время от времени оглядывается на ведомых, и его доброе скуластое лицо светлеет. «Хорошо!» – думает он... Близость цели летчики почувствовали по облачкам, возникшим вокруг лидера. Действительно, внизу показалась колонна, прикрытая пеленой пыли, и вскоре острый глаз ведущего безошибочно определяет, где находятся в ней танки. Гвоздев нацеливает на них свой самолет. Это – сигнал к атаке. Один за другим штурмовики проносятся над колонной, сбрасывая

бомбы. Боекомплект на исходе. При выходе из атаки летчики отыскивают глазами самолет Гвоздева, который делает «змейку», собирая ведомых. Один за другим самолеты занимают место в строю и ложатся на обратный курс. Домой! Задание выполнено! Только когда рассеялся дым, стало видно, какой серьезный ущерб нанесли гитлеровцам штурмовики Гвоздева. Четыре танка и десяток машин образовали костры. Черный дым валит от подожженной цистерны с горючим, на машинах рвались снаряды [4].

Большую удачу принесли группе Гвоздева последние дни августа 1941 года. Вылетев однажды на штурмовку в район Торопец – Лукьяново, группа обнаружила вражескую танковую часть, расположенную в заросшей кустарником ложине. Машины в этот момент заправлялись горючим. Люки танков были открыты, из них торчали флаги со свастикой. Возле танков копошились солдаты. По сигналу ведомого пятерка ударила по центру лагеря, а потом еще дважды пронеслась над ним. Впервые молодым летчикам, да и самому Гвоздеву довелось видеть такое количество горящих немецких танков. Уходя от цели, Гвоздев окинул взглядом ложину. Удовлетворенная улыбка мелькнула на его лице. «Мы еще вытряхнем из вас душу», – подумал летчик. В этот день еще две группы самолетов, ведомые капитанами Пахниным и Гвоздевым, вылетели в район Жижичских озер и сбросили на голову врага свой смертоносный груз. В полете капитан Гвоздев и лейтенант Волошин сбили пикирующий бомбардировщик Ю-87 [4].

Однажды весь изрешеченный вражескими снарядами из боя возвратился Иван Гвоздев, и, попросив другой самолет, сказал командиру полка, что обнаружил колонну танков и мототехники. Это было 5 сентября 1941 года. Еще утром он ночью написал своей жене письмо, в которой вкратце передавал привет своим сыновьям, которым было 6 и 2 года, и просил жену заботиться о них предстоящей зимой. Это письмо до сих пор хранится в семейном архиве. В нем он написал, что с ним все хорошо, но пока открытка дошла, Иван уже погиб.

Как написано у Г.А. Чечельницкого: «В пасмурный дождливый сентябрь полк испытал горечь тяжелых утрат. Погиб один из лучших летчиков заместитель командира полка Иван Иванович Гвоздев. Этого простого и безгранично смелого человека искренне любили все, любили так, как могут любить боевые друзья и товарищи на фронте» [4]. В Духовщинском районе, у деревни Бабино, возвращаясь с очередного задания, имея в запасе минимум боекомплекта, был атакован немецкими самолетами, один из которых ему удалось сбить, проявив недюжий талант летчика-аса. Но и сам он был сбит и смертельно ранен, как потом оказалось. Хотя он и выпрыгнул из самолета на парашюте, но до земли летел уже мертвым. Долго над этим местом пикировали немецкие самолеты, не давая приблизиться к этому месту местным жителям, чтобы те не похоронили И.И. Гвоздева.

До сих пор имеются живые свидетели того боя, а в газете «Красная звезда» за 1941 год есть публикация описывающая те боевые действия. Она до сих пор имеется в семейном архиве в оригинале, но в очень ветхом состоянии. Итак, умудрившись все же пробраться к погибшему летчику, местные жители деревни Бабино смогли захоронить его вблизи леса. Но опознать его не смогли, потому что документы в бой тогда не брали. Ивану присвоили фамилию по названию того места – Дудкин (название большой травы). И даже тогда начали присматривать за могилой...

Война окончилась. Наступила мирная жизнь, на протяжении которой мой папа – Гвоздев Алексей Витальевич – не раз слышал от моего дедушки, Виталия Ивановича, эти военные истории, и, нередко рассматривая черно-белые фото, они мечтали отыскать ту самую могилу, но сведений о ней было крайне мало. Но однажды перебирая ворох старых документов, они нашли маленькую желтую бумажку, которая оказалась похоронкой, в которой были скудные сведения о месте гибели И.И. Гвоздева.

Было принято решение: поехать, найти это место, чтобы отдать последнюю дань воину. В редакции смоленской «Родной газеты» в рубрике «Найти солдата», автор Евгения Великанова, была опубликована заметка: «Летом прошлого года в деревню Бабино Духовщинского района приехал из Оренбурга Виталий Иванович Гвоздев с женой и сыном. Первым делом они пошли к опушке близкого леса. Здесь за оградой – одинокая могила. На обелиске надпись: «Летчик капитан Дудкин».

Давно нет в живых жителей деревень Бабино и Воронино, которые стали очевидцами гибели летчика. И которые захоронили его. Это было осенью 1941 года.

Документов его не обнаружили. Вот и окрестили погибшего летуна с петлицами капитана – Дудкин. Похоронив его на опушке леса, бабинцы не забыли о летчике. А в 1943-м, после освобождения Смоленщины, обустроили могилу. Позже, уже в мирное время, поставили оградку, обелиск.

Письмо, пришедшее в администрацию Духовщинского района, напомнило о летчике, погибшем в первый год Великой Отечественной. Виталий Иванович Гвоздев писал, что его отец, заместитель командира 6-го гвардейского авиаполка капитан Иван Иванович Гвоздев не вернулся с войны. Он погиб в воздушном бою. Семья Гвоздевых долго искала мужа и отца. И наконец, из военного архива получили сообщение, что летчик И.И. Гвоздев, погибший в начале войны, «похоронен в деревне Бабино, в 300–400 метрах от леса».

Семью Гвоздевых тепло встречали в Духовщине. А на могиле погибшего пилота появилось его возвращенное имя – Иван Иванович Гвоздев» К сожалению, оригинал статьи был утерян после смерти моего дедушки, а сохранилась переписанная от руки статья из газеты.

СПИСОК АВТОРОВ

Прошло еще несколько лет. Не стало и моего деда, сына Ивана Гвоздева, который до конца все же смог выполнить свой сыновний долг, найдя могилу отца. И вроде все уже стало ясно, но мой отец однажды получил очередное письмо из военного архива, в котором сообщалось, что капитан Гвоздев Иван Иванович, заместитель командира 215-го авиационного полка, за боевые действия, в которых проявил мужество и отвагу в сентябре 1941 г., награжден орденом Красного Знамени. Посмертно.

Вот так награда все же нашла своего героя, которую, пусть он и не увидит никогда, но о которой узнали мы, и все те, кому безразлична история нашей Родины. У И. И. Гвоздева до недавнего времени была жива его родная сестра Ксения Ивановна Гвоздева, которая проживала в Москве. Очень часто мы звонили ей, чтобы узнать какую-то информацию о ее погибшем брате. В 2011 году ей исполнилось 94 года, но в октябре этого года ее не стало.

Наша семья постаралась воссоздать судьбу близкого мне человека – Ивана Ивановича Гвоздева, жизнь которого унесла война. Он прожил недолгую жизнь, но яркую и героическую. Я благодарна своему папе и дедушке, которые провели огромную поисковую работу о подвиге моего прадеда. Они были неравнодушны к прошлому и выполнили долг перед моим поколением – донесли память о подвиге воина. Моя задача – помнить о нем. Помнить о том, какие лишения несет война. Помнить о страшной странице человеческой истории – Великой Отечественной войне. Из подобных примеров мужества и героизма отдельного человека и сложилась Победа в ней.

Литература

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 3-е изд. стереотипное. М.: Азъ, 1992. 928 с.
2. Качинское высшее военное авиационное училище летчиков: Онлайн-энциклопедия «Википедия». – Электронный ресурс. – [Режим доступа]. – http://ru.wikipedia.org/wiki/Качинское_высшее_военное_авиационное_училище_летчиков.
3. Чечельницкий Г.А. Московский гвардейский штурмовой: Боевой путь 6-го Московского гвардейского штурмового ордена Ленина и ордена Суворова II степени Краснознаменного авиационного полка в Великой Отечественной войне. — М.: Воениздат, 1960. 216 с.– Электронный ресурс. – [Режим доступа]. – http://militera.lib.ru/h/chechelnitsky_ga2/index.html
4. Чечельницкий Г.А. Летчики на войне. М.: Воениздат, 1974. С. 272 Электронный ресурс. – [Режим доступа]. – http://militera.lib.ru/h/chechelnitsky_ga2/index.html

Абалова Ксения Сергеевна – студентка 1 курса специальности «Биохимия», химико-биологического факультета Оренбургского государственного университета (г. Оренбург)

Абсаямов Юлай Маратович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Башкортостана Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН (г. Уфа)

Адаева Альбина Рашидовна – аспирантка кафедры «История Отечества» Оренбургского государственного аграрного университета (г. Оренбург)

Алемасцева Алена Юрьевна – аспирантка Оренбургского государственного института искусств им. Л. и М. Ростроповичей (г. Оренбург)

Андреев Виктор Владимирович – студент 1 курса, специальности «Почвоведение», химико-биологического факультета Оренбургского государственного университета (г. Оренбург)

Банникова Наталия Федоровна – кандидат исторических наук, профессор кафедры политологии и истории Самарского государственного аэрокосмического университета им. акад. Королева (Национальный исследовательский университет) (г. Самара)

Бахарева Ольга Яковлевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург)

Бугай Николай Федорович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института российской истории РАН (г. Москва)

Васильев Н.Г. – социолог

Гаврилова Ольга Николаевна – студентка 5 курса факультета гуманитарных и социальных наук Оренбургского государственного университета (г. Оренбург)

Гвоздева Екатерина – ученица 6 класса МОБУ «Гимназия №5» г. Оренбурга

Годовова Анастасия – ученица 8 класса МОБУ «Гимназия №5» г. Оренбурга

Гришакова Лариса Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры связей с общественностью факультета журналистики Оренбургского государственного университета (г. Оренбург)

Денисов Денис Николаевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НИИ истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета (г. Оренбург)

Джунджужов Степан Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей истории Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург)

Жайбалиева Люция Турсунгалиевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Оренбургского государственного университета (г. Оренбург)

Злобин Юрий Петрович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории России, старший научный сотрудник НИИ истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета (г. Оренбург)

Ильютчик Юлия Алексеевна – студентка 1 курса группы специальности «Почвоведение» химико-биологического факультета Оренбургского государственного университета (г. Оренбург)

Исковский Александр Евгеньевич – врач МБУ «Каширская центральная районная больница» (г. Кашира, Московская область)

Каплина Анастасия Васильевна – студентка 2 курса специальности «Управление качеством» транспортного факультета Оренбургского государственного университета (г. Гай)

Ким Галина Петровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, старший научный сотрудник НИИ истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета (г. Оренбург)

Кирякмасова Александра, Кусмухамбетова Айнура, Языкобаева Айгуль – студентки 1 курса специальности «История» факультета гуманитарных и социальных наук Оренбургского государственного университета (г. Оренбург)

Ковалевский Владимир Петрович – ректор Оренбургского государственного университета, доктор экономических наук, профессор

Кокшаров Александр Дмитриевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории России, младший научный сотрудник НИИ истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета (г. Оренбург)

Кончева Н.В. – сотрудник ГБУ «Государственный архив Оренбургской области» (г. Оренбург)

Красников Евгений Петрович – студент 2 курса специальности «Управление качеством» транспортного факультета Оренбургского государственного университета (г. Оренбург)

Кругляниц Сергей Сергеевич – студент 3 курса специальности «История» факультета гуманитарных и социальных наук Оренбургского государственного университета (г. Оренбург)

Кузнецов Владимир Александрович – доктор исторических наук, доцент кафедры философии Челябинского государственного университета (г. Челябинск)

Кузнецова Юлия Владимировна – преподаватель кафедры истории Отечества Оренбургского государственного аграрного университета (г. Оренбург)

Кулагин Дмитрий Владимирович – вице-губернатор – руководитель аппарата губернатора и правительства Оренбургской области

Лактюнкина Татьяна Эдуардовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества и социально-политических теорий Оренбургского государственного педагогического университета (Оренбург)

Лемешкина Екатерина Анатольевна – студентка 3 курса специальности «История» факультета гуманитарных и социальных наук Оренбургского государственного университета (г. Оренбург)

Летунова Наталия Георгиевна – студентка 5 курса специальности «История» факультета гуманитарных и социальных наук Оренбургского государственного университета (г. Оренбург)

Логунова Светлана Владимировна – студентка 2 курса специальности «Управление качеством» транспортного факультета Оренбургского государственного университета (г. Оренбург)

Лутцев Михаил Вячеславович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Оренбургского государственного аграрного университета (г. Оренбург)

Люкшина Ирина Викторовна – кандидат исторических наук, начальник отдела использования и публикации документов ГБУ «Центр документации новейшей истории Оренбургской области» (г. Оренбург)

Максименко Елизавета Викторовна – аспирантка, лаборант кафедры всеобщей истории Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург)

Моргунов Константин Алексеевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НИИ истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета (г. Оренбург)

Москвин Илья Юрьевич – преподаватель кафедры всеобщей истории Оренбургского государственного университета (г. Оренбург)

Мурзакаева Джамиля Илгизовна – студентка 2 курса, специальности «История», факультета гуманитарных и социальных наук Оренбургского государственного университета (г. Оренбург)

Надршин Фарит Мадарикович – старший преподаватель кафедры истории Отечества Оренбургского государственного аграрного университета (г. Оренбург)

Науменко Оксана Дмитриевна – студентка 1 курса специальности «Биохимия» химико-биологического факультета, Оренбургского государственного университета (г. Оренбург)

Новокрещенова Елена Николаевна – заместитель директора по научно-методической работе ГБУ «Государственный архив Оренбургской области» (г. Оренбург)

Овсейко Владимир Павлович – аспирант НИИ истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета (г. Оренбург)

Оликов Аркадий Сергеевич – студент 2 курса специальности «История» факультета гуманитарных и социальных наук Оренбургского государственного университета (г. Оренбург)

Павлова Лариса Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург)

Панина Лидия Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка, риторики и культуры речи Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург)

Панина Татьяна Сергеевна – директор ГБУ «Центр документации новейшей истории Оренбургской области» (г. Оренбург)

Поляков Александр Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Оренбургского государственного университета (г. Оренбург)

Попова Ксения Юрьевна – аспирантка кафедры истории, методики преподавания истории и обществознания Оренбургского государственного педагогического университета, научный сотрудник отдела использования и публикации документов ГБУ «Центр документации новейшей истории Оренбургской области» (г. Оренбург)

Потапова Алена Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества Оренбургского государственного аграрного университета (Оренбург)

Прокофьева Алла Георгиевна – доктор педагогических наук, профессор кафедры русской классической литературы и методики преподавания литературы Оренбургского педагогического университета (г. Оренбург)

Рахимов Рамиль Насибуллович – кандидат исторических наук, доцент кафедры историографии и источниковедения Башкирского государственного университета (г. Уфа)

Роднов Михаил Игоревич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН (г. Уфа)

Сгибнева Ольга Николаевна – начальник отдела информации и публикации документов ГБУ «Государственный архив Оренбургской области» (г. Оренбург)

Сидорова Валентина Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества и социально-политических теорий Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург)

Сулейманов Риф Сафинович – доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН (г. Уфа)

Тагирова Лейла Факиловна – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник отдела истории и истории культуры Башкортостана института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук (г. Уфа)

СОДЕРЖАНИЕ

В. П. Ковалевский Вступительное слово	3
Д. В. Кулагин Приветственное слово	5

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Ю. П. Злобин Оренбургские полки в Отечественной войне 1812 года	6
Р. Н. Рахимов Вооружение и характер применения башкирской конницы в Отечественной войне 1812 года	23
С. В. Джунджузов Ставропольский тысячный Калмыцкий полк: порядок формирования и прохождения службы	33
В. А. Кузнецов Участие Оренбургского края в Отечественной войне 1812 года	41
Н. Ф. Бугай Польская общность в условиях Великой Отечественной войны	50

СЕКЦИЯ 1 . УЧАСТИЕ НАРОДОВ ЮЖНОГО УРАЛА В ВОЙНАХ XVIII – НАЧАЛА XX ВЕКОВ

Д. Н. Денисов М. М. БЕКЧУРИН (1820 – 1903) – военный переводчик и исследователь Средней Азии	60
Ю. М. Абсалямов Военно-статистические описания офицеров генерального штаба России в первой половине XIX века	66
А. Н. Поляков Об итогах спора по варяжскому вопросу	75
М. И. Роднов Подворная карточка как источник по военной истории	83
Т. Э. Лактюнкина Роль патриотов России в Отечественной войне 1812 года	87
Е. Н. Новокрещенова Роль и деятельность русской православной церкви в годы Первой мировой войны	95
Л. Ф. Тагирова Социальный портрет попечителей башкиро-мещерякского войска	102
О. Я. Бахарева Судьбы военнопленных двух отечественных войн в Оренбуржье	106

Тимиргазиева Алина Ирнисовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры Отечественной истории Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы (г. Уфа)

Тугай Татьяна Ивановна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории, старший научный сотрудник НИИ истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета (г. Оренбург)

Устинова Ольга Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества Оренбургского государственного аграрного университета (г. Оренбург)

Федорова Алла Владимировна – профессор, доктор исторических наук, заведующая кафедрой истории Отечества Оренбургского государственного аграрного университета (г. Оренбург)

Филимонова Ирина Юрьевна – кандидат географических наук, доцент кафедры географии и регионоведения Оренбургского государственного университета (г. Оренбург)

Футорянский Леонид Иосифович – доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный консультант НИИ истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета (г. Оренбург)

Ханаш Светлана Александровна – кандидат философских наук, доцент кафедры истории Отечества и социально-политических теорий Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург)

Шаяхметова Ирина Зуфаровна – кандидат исторических наук, и.о. доцента кафедры историографии и источниковедения Башкирского государственного университета (г. Уфа)

Шурбаев Кайрат Кимерканович – студент 5 курса факультета гуманитарных и социальных наук Оренбургского государственного университета (г. Оренбург)

<i>М. В. Лутцев</i> Чего не учел Наполеон?	118
<i>А. Н. Потапова</i> Редуты, крепости, станицы... ..	127
<i>Р. С. Сулейманов</i> Башкирские народные песни, посвященные Отечественной войне 1812 года	135
<i>О. Н. Сгибнева</i> «С желанием служить на пользу отечества»	137
<i>Т. И. Тугай</i> Военная тематика в трудах членов Оренбургской ученой архивной комиссии	142
<i>А. Е. Исковский</i> Оренбургские казаки на страже дальневосточных рубежей Российской Империи	147
<i>Ф. М. Надршин</i> Патриотическое служение России	155
<i>Л. Т. Жайбалиева</i> Социально-экономическое положение Оренбургского казачества в годы НЭПА	163
<i>И. Ю. Филимонова</i> Историко-этногеографическая характеристика казаков Оренбургского региона	169
<i>В. П. Овсейко</i> Опыт благотворительной и патриотической деятельности Оренбургской епархии в войнах второй половины XIX – начала XX вв.	175
<i>Е. В. Максименко</i> К вопросу об отмене карточной системы в Чкаловской области и переходе к свободной торговле	180
<i>Н. В. Кончева</i> Документы Государственного архива Оренбургской области как источниковая база исследования жизни и деятельности П. И. Рычкова в Оренбургском крае	184
<i>Л. С. Панина</i> Языковые средства отражения народного взгляда на войну 1812 года в поэтических текстах М. Ю. Лермонтова	189

СЕКЦИЯ 2. НАРОДЫ ЮЖНОГО УРАЛА В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

<i>А. В. Федорова</i> Противоэпидемическая защита населения в годы Великой Отечественной войны	195
<i>Т. С. Панина</i> К вопросу о подготовке военных кадров для Казахстана	205
<i>Л. И. Фоторянский</i> Евреи не только наиболее пострадавший, но и отважно сражавшийся с фашистами народ	210

<i>А. И. Тимургазиева</i> Особенности отношения к репатриантам в высшей школе послевоенного периода	212
<i>И. В. Люкшина</i> К вопросу о выпуске вооружения на Чкаловских предприятиях в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.	215
<i>К. А. Моргунов</i> Межнациональные отношения на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны	220
<i>О. Ю. Устинова</i> Деятельность местных органов власти в условиях многонационального региона в 1941 – 1948 гг.	242
<i>И. З. Шаяхметова</i> Городские советы Башкирской АССР в годы Великой Отечественной войны	250
<i>Г. П. Ким</i> «Нет в России семьи такой, где б не памятен был свой герой...»	253
<i>Л. В. Гришакова</i> Вспоминая дороги войны (Воспоминания участницы Великой Отечественной войны Булатовой Зои Владимировны)	260
<i>К. Ю. Попова</i> Участие Оренбуржцев в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг. и локальных военных конфликтах XX века ...	264
<i>Н. Ф. Банникова</i> Развитие науки в годы Великой Отечественной войны	270
<i>Л. В. Павлова</i> Обучение и воспитание красноармейцев и допризывников в 1920 – 1930-х гг.	275
<i>В. А. Сидорова</i> Военно-техническое сотрудничество СССР с союзниками по антифашистской коалиции в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.)	281
<i>А. Ю. Алемасцева</i> Оренбургский областной театр музыкальной комедии во время Великой отечественной войны (1941 – 1945 гг.) ..	286
<i>И. Ю. Москвин</i> Оренбуржцы на страже Родины в годы Великой Отечественной войны	295
<i>А. Р. Адаева</i> Мордовское население Южного Урала в годы Великой Отечественной войны	303

Ю. В. Кузнецова Пропагандистская работа сельской интеллигенции Южного Урала в годы Великой Отечественной войны 312

СЕКЦИЯ 3. ПАТРИОТИЗМ В СИСТЕМЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

А. Г. Прокофьева Тема защиты Отечества в произведениях оренбургских поэтов начала XIX века 318

С. А. Ханаш Оренбургский социум о политической культуре Франции: анализ общественного мнения в историко-политическом контексте 322

А. Д. Кокшаров Иван Иванович Неплюев – образец служения Отечеству 326

СТУДЕНЧЕСКАЯ СЕКЦИЯ. ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА ГЛАЗАМИ МОЛОДЕЖИ. СОБЫТИЯ, ФАКТЫ, СУДЬБЫ

Н. Г. Летунова Военное детство Любови Тимофеевны Летуновой .. 335

К. К. Шурбаев Российско-английское соперничество за влияние в Средней Азии в середине XIX века 343

О. Н. Гаврилова Советско-кубинское сотрудничество в условиях гонки вооружений 350

С. С. Кругляницо Мой дед – военный летчик Федор Федорович Кругляницо 359

А. Кирыкмасова, А. Кусмухамбетова, А. Языкбаева «Медаль за бой, медаль за труд из одного металла льют...» 361

Д. И. Мурзакаева Памяти моего прадедушки... 368

Е. П. Красников война в жизни моей семьи... 374

В. В. Андреев БОЛЯТ У СТАРОГО СОЛДАТА РАНЫ... (воспоминания о Семене Игнатьевиче Андрееве) 376

А. В. Каплина Мой дедушка павел... 379

С. В. Логунова «И вспомним, вспомним снова о былом...» 381

К. С. Абалова Мой дед – гвардеец Абалов Григорий Тимофеевич 383

Ю. А. Ильютчик «Прошла война...» 387

Е. А. Лемешкина Дорога длиною в жизнь 389

О. Д. Науменко Воздушный стрелок Павел Степанович Приходько 393

А. С. Оликов Мои прадеды – защитники Отечества 397

А. Годовова Повседневная жизнь Оренбургских казаков XIX века 401

Е. Гвоздева И. И. Гвоздев – обычный герой Великой Отечественной войны 410

Список авторов 417

Научное издание

НАРОДЫ ЮЖНОГО УРАЛА НА СТРАЖЕ РОДИНЫ

Подписано в печать 20.07.2012. Формат 60×84/16.

Усл. печ. л. 24,88. Тираж 20 экз.

Издательский центр ОГАУ. Заказ № 4502.

460014, г. Оренбург, ул. Челюскинцев, 18. Тел. (3532) 77-61-43.